ЗАРНИЦЫ.

Литературно-политическій сборникъ.

1909.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія въ товариществѣ „МІРЪ“,
Невскій, 104.

ПРОВ. 1954
П
Зар
БИБЛИОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
3360
25

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.

О. ПЕРГАМЕНТЪ: Памяти К. М. Панкѣева.

В. ЛИЧКОВЪ. К. М. Панкѣевъ. Біографическій очеркъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ К. М. Панкѣева.

Фототипія А. Ф. Дресслера,
Спб. Б. Подъяческая 22.

Настоящій сборникъ исполненъ по мысли и на средства нынѣ покойнаго К. М. Панкѣева и посвящается его памяти. Наслѣдники покойнаго: вдова А. С. Панкѣева и сынъ С. К. Панкѣевъ, отказываясь отъ своихъ правъ на сборникъ, выразили желаніе, чтобы суммы, оставшіяся по ликвидаціи сборника, были переданы въ распоряженіе Литературнаго Фонда.

К. М. Панкѣевъ.

(† 11 іюля 1908 г.).

...Безпокойной душевною жаждой томимъ,
Онъ беречь своихъ силъ не умѣлъ...

Будущій историкъ судебъ общественнаго движенія на югѣ Россіи остановится съ особливой внимательностью на личности и кипучей дѣятельности Константина Матвѣевича Панкѣева—этого вѣчно живого источника общественной жизни.

Я не помню за послѣднее пятилѣтіе ни одного свѣтлаго общественнаго начинанія, которое либо не было бы непосредственно обязано своимъ появленіемъ Панкѣеву, либо не нашло бы, благодаря его энергіи и сочувствію, надлежащей разработки и поддержки. На всѣхъ собраніяхъ, во всѣхъ кружкахъ, гдѣ ставились вопросы, волновавшіе общественную мысль или общественную совѣсть, можно было встрѣтить нѣсколько сутулую фигуру Константина Матвѣевича, увидѣть его нервное, усталое лицо съ сосредоточеннымъ взглядомъ темныхъ глазъ поверхъ очковъ, услыхать его глухую, хриплую, отрывистую рѣчь...

Русская весна вызвала много новыхъ общественныхъ ростковъ и молодыхъ побѣговъ. Новой листвой зазеленѣли и старые дубы. Панкѣевъ принадлежалъ къ числу старыхъ работниковъ на общественной нивѣ, но и въ тѣ годы, когда все живое и дѣятельное при-

тихло по медвѣжьимъ угламъ нашего, какъ принято говорить, обширнаго отечества, Константинъ Матвѣевичъ не покладалъ рукъ и продолжалъ со свойственнымъ ему упорствомъ дѣлать общественное дѣло. Я не обмолвился, сказавъ—съ упорствомъ. Это была дѣйствительно отличительная черта его характера. Въ немъ была не одна только послѣдовательная стойкость, но своеобразное упрямство въ дѣлѣ преслѣдованія намѣченной цѣли. Такимъ онъ былъ съ первыхъ самостоятельныхъ шаговъ своихъ въ жизни.

Константинъ Матвѣевичъ родился въ 1858 г. Онъ происходитъ отъ одной изъ самыхъ богатыхъ семей на югѣ Россіи—бывшихъ владѣльцевъ большого торговаго мѣстечка на Днѣпрѣ—Каховки. По окончаніи Ришельевской гимназіи въ Одессѣ, онъ поступилъ на естественный факультетъ сначала Новороссійскаго, а затѣмъ С.-Петербургскаго Университета. Съ несомнѣннымъ дарованіемъ, огромной энергіей и склонностью къ научно-литературной дѣятельности, Константинъ Матвѣевичъ былъ предназначенъ къ учено-педагогической карьерѣ. Жизнь сложилась иначе. Высланный изъ Петербурга, онъ долженъ былъ прервать любимыя занятія; сначала, поселился, было, въ Москвѣ, но скоро его потянуло къ живымъ источникамъ дѣйствительности. Захваченный такъ называемымъ земско-статистическимъ движеніемъ, онъ отдалъ ему со свойственной ему цѣлостностью и серьезностью нѣсколько лѣтъ своей жизни, пока внѣшнія препятствія вновь не встали и на этомъ пути. Дѣятельность его въ этомъ направленіи не осталась безслѣдной. Годы, прожитые въ Рязанской губерніи, внимательныя и глубокія наблюденія надъ формами народной жизни и народнаго хозяйства завершились работами изъ области такъ называемаго четвертнаго права. Изслѣдованія Панкѣева („Русская Мысль“, „Юридическій Вѣстникъ“ за

1884 г.)—представляютъ собой интересную и талантливую попытку освѣщенія этого своеобразнаго института, нашедшаго себѣ только въ послѣдніе годы если не исчерпывающую, то, по крайней мѣрѣ, достаточно полную разработку.

Болѣзнь отца потребовала возвращенія Константина Матвѣевича для веденія обширнаго хозяйства. Человѣкъ суроваго долга, онъ пожертвовалъ личными стремленіями интересамъ семьи. Скромный и нетребовательный, отказывавшійся отъ всякихъ удобствъ жизни во время своихъ земскихъ работъ, жившій на личный заработокъ, онъ счелъ себя обязаннымъ взять въ руки управленіе семейнымъ достояніемъ въ интересахъ другихъ. Но необходимость уйти отъ дѣла, ставшаго дорогимъ, надломила его душу. Еще тяжелѣй отразился на немъ гнетъ общественнаго перелома. Это было начало восьмидесятыхъ годовъ. Какъ ни мучительно тяжелы были семидесятые годы, эта эпоха тяжелыхъ испытаній, когда, по свидѣтельству Глѣба Успенскаго, среди насыщенной всевозможной тяготою дѣйствительности русскій человѣкъ заболѣлъ сердцемъ и совѣстью; когда столько было потрачено силъ на безплодную борьбу съ неумолимой дѣйствительностью,—все же наставшія имъ на смѣну сѣрыя сумерки восьмидесятыхъ годовъ, въ которыхъ слились и потонули всѣ оттѣнки мысли, всѣ идеалы, всѣ надежды и стремленія, когда прежнее нервное возбужденіе смѣнилось общей вялостью, апатіей и повальной безцвѣтностью,—все же начало этой новой эпохи было еще безотраднѣе, еще хуже. И рвавшаяся къ плодотворной и широкой общественной работѣ душа Константина Матвѣевича съежилась, болѣзненно сжимаясь отъ впечатлѣній дѣйствительности, въ которой воцарилась „торжествующая свинья, слопавшая всю правду жизни“.

Эта надломленность души оставила на Панкѣевѣ

свой неизгладимый отпечатокъ. Она свѣтилась въ его грустныхъ темныхъ глазахъ, она виднѣлась въ глубокихъ морщинахъ и скорбныхъ складкахъ рта, она говорила о себѣ всей нервностью его подвижного, симпатичнаго, утомленнаго лица. Но и въ сумерки эти онъ не сложилъ рукъ и продолжалъ работать на пользу дорогого ему общественнаго дѣла. Въ теченіе болѣе десятилѣтія, до конца девятидесятыхъ годовъ, онъ состоялъ земскимъ гласнымъ (уѣзднаго, а затѣмъ и губернскаго земствъ); обладая значительными средствами, онъ строилъ школы, больницы, затрачивая десятки тысячъ на пользу общества, въ которомъ ему приходилось жить и работать, пріобрѣтая огромную популярность и сохраняя свою всегдашнюю скромность и простоту.

Девятидесятые годы приходили къ концу. Забрежжило утро... Безпросвѣтную тьму робко прорѣзали первые лучи отраднаго и долго жданнаго разсвѣта. Еще не успѣло общество встряхнуть предутреннюю дремоту, продолжая находиться во власти долгаго сна, а Константинъ Матвѣевичъ, какъ усердный работникъ, уже былъ на ногахъ. Однимъ изъ первыхъ явился онъ на призывъ къ общественной службѣ. Цѣня силу и значеніе печатнаго слова, онъ пожертвовалъ огромнымъ состояніемъ для прочной постановки на югѣ большого изданія, поставленнаго имъ великолѣпно, съ привлеченіемъ лучшихъ литературныхъ и публицистическихъ силъ. Издавая въ Одессѣ еженедѣльный журналъ „Южныя записки“, поддерживая „Кіевскіе Отклики“ въ Кіевѣ, онъ не переставалъ повторять широкимъ кругамъ читателей великія и простыя слова свободы, терпимости и закона. Какъ онъ помолодѣлъ въ эти годы! Какой юношеской вѣрой вновь заблистали его глаза, какой новой энергіей затрепетало все его существо! Онъ сумѣлъ собрать вокругъ себя остатки старой гвардіи, кликнуть наборъ новыхъ, молодыхъ, свѣжихъ силъ.

„Панкѣевскій кружокъ“ сразу какъ-то сталъ центромъ всей мѣстной жизни, руководителемъ и воспитателемъ общественнаго мнѣнія, домъ Панкѣева—сборнымъ пунктомъ, общественнымъ клубомъ, живымъ пульсомъ политической жизни тѣсные рамки частной квартиры все раздвѣгались. Еще не было строгой дифференцировки партій—были только люди, искренно ненавидѣвшіе уходившее прошлое и пламенно желавшіе лучшаго будущаго во имя горячей преданности завѣтамъ человѣчности и чистой любви къ изстрадавшейся родинѣ. Онъ не считалъ возможнымъ уклониться отъ дѣятельнаго участія въ Союзѣ Освобожденія. Начались съѣзды, и Константинъ Матвѣевичъ былъ, естественно, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ихъ дѣятелей. Когда началось банкетное движеніе, и проснувшееся общество, довѣряя эпохѣ довѣрія, обрѣло утраченную, было, свободу рѣчи; когда новое теченіе общественности стало кристаллизоваться въ формахъ политической жизни, Константинъ Матвѣевичъ былъ однимъ изъ первыхъ учредителей Комитета Партіи Народной Свободы въ Одессѣ.

Гласный Думы, свободный, независимый и убѣжденный, энергичный и бодрый, безъ страха и упрека, Панкѣевъ имѣлъ огромное нравственное и политическое вліяніе. Наступившая предвыборная пора захватила его, и по правдѣ сказать, имъ въ значительной степени и держалась вся работа. Газеты, брошюры, воззванія, заявленія, листки, плакаты-широкой рѣкой лились изъ редакціи „Южныхъ Записокъ“. Постоянныя собранія либо по его иниціативѣ, либо при его участіи всколыхнули до глубины глубинъ общественную жизнь. Вѣчная спутница его кипучей энергіи—чарующая скромность и здѣсь не покинула Панкѣева. Вся работа была для другихъ, вѣрнѣе для дѣла, какъ онъ его понималъ, о себѣ онъ не думалъ. И въ пер-

вую, и во вторую, и въ третью Думу онъ всегда указывалъ другихъ, самъ скромно устраняясь, всегда находя для себя дѣло въ служеніи обществу и человѣчеству. Ни сыпавшіеся на него штрафы администраціи, ни угрозы и высылки — ничто не останавливало его. Твердо и убѣжденно онъ дѣлалъ все то, въ чемъ видѣлъ пользу и благо.

Его всегда съ особенной силой тянуло къ журнально-литературной работѣ и дѣятельности. Поставленный въ необходимость прекратить изданіе „Южныхъ Записокъ", закрытыхъ административною властью въ Одессѣ, Константинъ Матвѣевичъ рѣшилъ перенести дѣятельность въ Петербургъ, гдѣ при участіи старыхъ своихъ литературныхъ друзей и сотрудниковъ основалъ періодическій сборникъ „Зарницы". Долгая неустанная работа утомила его, надломила и безъ того пошатнувшееся здоровье. Врачи настойчиво требовали отдыха, полнаго прекращенія дѣятельности. Внѣшнихъ препятствій не было, вѣдь, никакихъ. Свобода, богатство... Но внутренніе императивы общественной совѣсти были въ немъ сильнѣе стремленій къ покою, къ безмятежности существованія. Его природа органически не выносила dolce far niente... Его отзывчивая душа не знала квіетизма. Безпокойной душевною жаждой томимъ, онъ беречь своихъ силъ не умѣлъ...

Я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ концѣ іюня. Больной и слабый онъ пришелъ ко мнѣ наканунѣ отъѣзда въ Москву, занятый мыслью о новомъ дорогомъ дѣтищѣ своемъ, о новыхъ „Зарницахъ"... Какъ онъ мечталъ, что онѣ разгорятся въ яркое долгое сіяніе! Едва прошло двѣ недѣли—и его не стало. Онъ сгорѣлъ въ чистомъ огнѣ безкорыстнаго труда, беззавѣтно служа своему убѣжденію, согрѣтому чувствомъ...

О. Пергаментъ.

К. М. Панкѣевъ.

(Біографическій очеркъ).

Константинъ Матвѣевичъ происходилъ изъ купеческой семьи Панкѣевыхъ—владѣльцевъ крупнаго имѣнія Каховки (Таврической губ.). Родился онъ 26 декабря 1858 года. Въ 1875 г. онъ кончилъ курсъ Ришельевской (въ Одессѣ) гимназіи и поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Новороссійскаго университета. Но пребываніе въ сравнительно плохо обставленномъ и немноголюдномъ одесскомъ университетѣ и жизнь въ давно знакомой Одессѣ его не удовлетворяли. Его тянуло въ Петербургъ въ центръ умственной жизни, гдѣ скорѣй всего онъ могъ получить отвѣтъ на мучившіе его вопросы, гдѣ скорѣе могъ приложить къ общеполезному дѣлу свои молодыя силы, гдѣ сильнѣй всего бился пульсъ общественной жизни. Его молодое увлеченіе, его умъ, его энергія сразу же обратили на него вниманіе товарищей; онъ сталъ пользоваться вліяніемъ; товарищи избрали его между прочимъ, однимъ изъ библіотекарей университетской библіотеки. Но избраніе это сослужило ему очень плохую службу. Случилось такъ, что въ первый же годъ его пребыванія въ Петербургскомъ университетѣ началось студенческое движеніе и студентами была устроена сходка. Мѣстомъ созыва сходки избрана была библіотека. К. М. на сходкѣ не былъ, потому что лежалъ въ это время больной въ постели, и сходка состоялась безъ всякаго его участія. Но такъ какъ въ примѣръ другимъ, участниковъ сходки рѣшили наказать возможно строже, то ему, какъ одному изъ библіотекарей, предписано было наравнѣ съ прочими оставить университетъ и выѣхать изъ Петербурга въ 24 часа.

Тогда онъ переѣхалъ въ Москву и рѣшилъ тамъ готовиться къ экзамену на кандидата правъ. Это было то время, когда моло-

дежь сильнѣе всего интересовалась народомъ. Движеніе это захватило К. М. всецѣло. Онъ жаждалъ отдать свою жизнь на благо народу, на улучшеніе его тяжелаго положенія, расширеніе его умственнаго кругозора. Но народъ этотъ представлялся загадкой, а изъ прекраснаго далека городскихъ умственныхъ центровъ онъ могъ казаться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Вопросъ о томъ, какъ помочь народу, чего можно ждать отъ народа и въ чемъ главныя его нужды, различными людьми рѣшался совсѣмъ различно, а пытавшіеся такъ или иначе подойти къ нему ближе съ запасомъ тѣхъ о немъ свѣдѣній и тѣхъ представленій, какія получили о немъ въ умственныхъ центрахъ, въ большинствѣ случаевъ терпѣли фіаско... Тогда въ извѣстной части молодежи возникло стремленіе обратить свои силы на изученіе того народа, которому она собиралась посвятить свои силы, возникъ интересъ къ земско-статистическимъ изслѣдованіямъ. К. М. увлекся этимъ движеніемъ. При первой же возможности онъ пристроился къ одному изъ организовавшихся въ то время земско-статистическихъ бюро—рязанскому. Туда онъ поступилъ на сравнительно небольшое вознагражденіе, при чемъ, желая жить только собственнымъ трудомъ, отказался отъ всякой денежной помощи отца, несмотря на то, что при ихъ огромныхъ средствахъ могъ имѣть на свои текущіе расходы кредитъ почти неограниченный.

Земско-статистической работѣ отдался онъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Работалъ, на сколько хватало силъ, не щадя здоровья, не отступая передъ необходимостью спать въ куриныхъ избахъ бокъ-о-бокъ съ ночующимъ тамъ скотомъ, вставать на зарѣ вмѣстѣ съ пѣтухами, дышать на крестьянскихъ сходахъ воздухомъ, въ которомъ отъ недостатка кислорода гасла свѣчка. Это былъ такой огромный контрастъ съ его прежней, прекрасно обставленной комфортной жизнью, который трудно было даже представить воображеніемъ, и тѣмъ не менѣе этотъ контрастъ не заставилъ его даже подумать объ измѣненіи тяжкихъ условій взятой имъ на себя работы на болѣе легкія. Онъ работалъ въ статистикѣ два года—работалъ до тѣхъ поръ, пока не покончило существованія само статистическое бюро, въ составѣ котораго онъ находился,—работалъ не только добросовѣстно и усердно, но съ огромнымъ интересомъ и вдумчивостью. Онъ входилъ во всѣ стороны работы статистическаго обслѣдованія, и у этой работы онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, но судьба также не-

ожиданно выбила его изъ статистической колеи, какъ она выбила его изъ университета.

Передъ изданіемъ въ свѣтъ статистическихъ таблицъ по Раненбургскому и Данковскому уѣздамъ рѣшено было, по соглашенію съ губернской земской управой, снабдить ихъ краткимъ описаніемъ отдѣльныхъ селеній, долженствовавшимъ иллюстрировать и дополнять сухія статистическія цифры таблицъ изложеніемъ главныхъ моментовъ жизни каждой общины. К. М. много потрудился надъ выработкой, вмѣстѣ съ товарищами, краткой и наиболѣе выпуклой формы этихъ описаній и затѣмъ составилъ большую часть этихъ послѣднихъ, особенно заботясь о правдивости и наибольшей ясности и рельефности этихъ описаній, будучи вполнѣ увѣренъ, что они могутъ принести только пользу дѣлу выясненія истиннаго положенія населенія описываемаго района. Но въ губернскомъ земскомъ собраніи большинство гласныхъ посмотрѣло на это дѣло совсѣмъ иначе. Многіе гласные почувствовали себя лично задѣтыми этими описаніями селеній, принадлежавшихъ еще сравнительно недавно (въ эпоху крѣпостнаго права) имъ или ихъ родителямъ; другіе нашли, что „краски тенденціозно сгущены“, и т. д. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, въ которыхъ управа и нѣкоторые гласные отстаивали правильность изложеннаго въ описаніяхъ, земское собраніе рѣшило составъ статистическаго бюро отрѣшить отъ службы, а злополучные статистическіе сборники предать сожженію. Предсѣдатель губернской управы, покойный нынѣ Алянчиковъ и членъ управы Лебедевъ сочли себя вынужденными выйти въ отставку. Земскіе статистики остались безъ работы. К. М. снова оказался „у разбитаго корыта“, снова неожиданно былъ выброшенъ за бортъ.

Но онъ не впалъ въ унынiе. Онъ былъ здоровъ, молодъ и энергиченъ. Работа въ статистикѣ дала ему знакомство съ народомъ и его жизнью, она же дала ему и много матеріала для болѣе детальнаго описанія нѣкоторыхъ сторонъ народной жизни. К. М. рѣшилъ посвятить себя литературной работѣ именно въ этой области. Онъ началъ съ работы по изслѣдованію такъ называемаго четвертнаго владѣнія землей въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губ. Статьи его по этому вопросу печатались въ „Русской Мысли“, представляли собой одну изъ первыхъ серьезныхъ работъ, основанныхъ на мѣстномъ обслѣдованіи вопроса, и обратили на себя вниманіе яркимъ освѣщеніемъ этого, тогда еще мало извѣстнаго вида крестьянскаго землевладѣнія. К. М-у открывалось широкое

поле для литературныхъ работъ въ области изслѣдованія вопросовъ народной жизни, и первый болѣе чѣмъ удачный опытъ приложенія имъ своихъ силъ на этомъ поприщѣ далъ ему право утѣшать себя самыми свѣтлыми надеждами въ этомъ направленіи. Онъ уже успѣлъ полюбить литературную работу, сжиться съ мыслью, что именно она станетъ теперь его жизненной стезею, но... тотчасъ же долженъ былъ покончить съ этою мечтою.

Болѣзнь отца заставила его ѣхать въ Каховку и взять на себя тяжелый и незнакомый трудъ управленія огромнымъ имѣніемъ, заботы о которомъ, въ связи съ разными осложненіями, надолго оторвали его не только отъ литературной, но и всякой общественной дѣятельности.

Этотъ періодъ жизни—тяжелой жизни съ больнымъ отцомъ, страдавшимъ тяжелымъ хроническимъ недугомъ,—жизни безъ всякой общественной дѣятельности, въ сторонѣ отъ интеллигентныхъ людей, отъ всего того, къ чему призывалъ долгъ и чуткое сердце,—жизни въ постоянномъ сознаніи ея никчемности и ненужности для людей, для общества, оставилъ тяжелый слѣдъ на всю его жизнь.

Періодъ его жизни съ 1882 по 1887 г. прошелъ почти безъ всякаго его участія въ общественной дѣятельности. Въ 1887 г. онъ избранъ былъ въ земскіе гласные Днѣпровскаго уѣзднаго земства (Таврич. губ.), гдѣ и былъ гласнымъ съ 1887—1890 и съ 1894—1897 гг.; былъ онъ также и гласнымъ губернскаго земства—съ 1894 по 1897 г. Въ 1897 г. онъ избранъ былъ Днѣпровскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ почетные мировые судьи по Днѣпровскому уѣзду, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи Сенатомъ по неблагонадежности вслѣдствіе неблагопріятнаго отзыва министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1888 г. начинается широкая благотворительная дѣятельность К. М. въ Каховкѣ, мѣстѣ его жительства, гдѣ онъ создалъ превосходно оборудованную больницу, строилъ школы, субсидировалъ земскія училища, содержалъ степендіатовъ, поддерживалъ всякаго рода просвѣтительныя земскія начинанія, жертвуя трудъ и крупныя денежныя суммы на земскія нужды, въ благодарность за которыя мѣстное земство постановило помѣстить портретъ К. М. въ одной изъ устроенныхъ имъ земскихъ школъ.

Этотъ періодъ былъ началомъ того новаго подъема общественной дѣятельности покойнаго, которою онъ занялся, поселившись впослѣдствіи въ Одессѣ, гдѣ онъ былъ гласнымъ въ городской думѣ, членомъ многихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ

учрежденій, принимая въ ихъ дѣятельности самое горячее участіе. Въ некрологахъ, напечатанныхъ въ мѣстныхъ—одесскихъ и кіевскихъ—газетахъ по случаю его кончины, особенно подчеркивается то обстоятельство, что наибольшую дѣятельность К. М. обнаружилъ съ возникновеніемъ общественнаго движенія девятисотыхъ годовъ. Движеніе это магическимъ образомъ подѣйствовало на К. М. Онъ сразу словно ожилъ. „Не было—говоритъ одна изъ мѣстныхъ газетъ—ни одного интеллигентски-демократическаго начинанія, къ которому бы ни примкнулъ К. М., содѣйствуя осуществленію его всѣми доступными ему средствами. Онъ принималъ участіе въ каждомъ такомъ дѣлѣ и въ качествѣ организатора, и въ качествѣ исполнителя, и въ качествѣ весьма крупнаго жертвователя". К. М. былъ также весьма дѣятельнымъ участникомъ „Союза Освобожденія", а послѣ образованія конституціонно-демократической партіи, принималъ въ дѣятельности ея самое горячее участіе, будучи товарищемъ предсѣдателя одесскаго ея комитета. Его намѣчали представителемъ отъ Одессы въ первую Государственную Думу, и онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ бы выбранъ депутатомъ, если бы самъ не уклонился отъ избранія, какъ уклонялся всегда, когда его выдвигали на первый планъ. Будучи душою многихъ общественныхъ дѣлъ, К. М., однако, по обычной своей скромности, формально всегда старался оставаться въ тѣни, уступая первое мѣсто другимъ, которыхъ считалъ достойными.

Особенно любилъ К. М. отдавать свою энергію и свои средства культурно-просвѣтительнымъ предпріятіямъ: онъ не останавливался передъ огромными затратами для поддержки изданій прогрессивнаго направленія. Въ Одессѣ онъ издавалъ еженедѣльный журналъ „Южныя Записки", въ которомъ принимали участіе лучшія литературныя силы; въ Кіевѣ поддерживалъ ежедневную газету „Кіевскіе Отклики", участвовалъ въ созданіи и осуществленіи различныхъ литературныхъ предпріятій, внося въ эти дѣла свое чуткое общественное пониманіе и превосходный литературный вкусъ.

Послѣднее дѣло, за которое взялся К. М. передъ своею смертью, было изданіе сборниковъ „Зарницы", которые по его идеѣ должны были явиться новымъ типомъ внѣпартійныхъ литературно-политическихъ сборниковъ, въ которыхъ возможно было бы участіе представителей всѣхъ прогрессивныхъ демократическихъ направленій, существующихъ въ русскомъ обществѣ. Въ связи съ

этимъ К. М. начертанъ былъ и планъ издательства, которое должно было преслѣдовать культурно-политическія задачи внѣ партійныхъ рамокъ, временныхъ счетовъ и кружковыхъ соображеній. Первый сборникъ „Зарницы“ былъ исполненъ и изданъ—по этому плану, при постоянномъ самомъ дѣятельномъ и живомъ руководительствѣ К. М., прожившаго спеціально для этого нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ въ постоянномъ трудѣ и хлопотахъ. Во время работы надъ структурой настоящаго второго сборника К. М. неожиданно скончался 11 іюля 1908 г. отъ аневризма аорты.

Личковъ.

I.

ОТДѢЛЪ I.

Д. АЙЗМАНЪ: Жены. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ.

А. ГОРНФЕЛЬДЪ: Пламенный кругъ. Этюдъ о творчествѣ Ф. Сологуба.

В. ТАНЪ: Клавдія Гюнихъ. Разсказъ.

В. КРАНИХФЕЛЬДЪ: Въ плѣну у буржуазіи. Изъ литературныхъ раскопокъ.

В. МУЙЖЕЛЬ: Леонтій. Разсказъ.

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ: Замѣтки о творчествѣ Леонида Андреева.

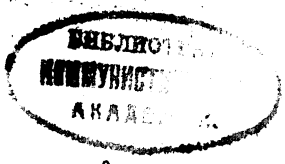
А. КУПРИНЪ: Меджидъ. Разсказъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ: К. Диксона. А. Колтоновскаго, Н. Морозова, А. Рославлева, Д. Цензора.

ЖЕНЫ.

ПЬЕСА.

Четыре дѣйствія.


2091
34

Лица:

Полунинъ, Павелъ Ивановичъ, санитарный врачъ.
Екатерина Петровна, его жена.
Сергѣй, сынъ ихъ.
Вѣра, его жена.
Марія Павловна, дочь Полунина.
Лѣсной, Дмитрій Васильевичъ, ея мужъ.
Мишель, 12 лѣтъ
Ляля, 10 лѣтъ } Ихъ дѣти.
Наденька.
Семьтысячъ, пропонща однорукій.

Первые три акта происходятъ въ провинціи, четвертый въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Красивая веранда дорогой дачи, вся въ цвѣтахъ и въ зелени. Подлѣ веранды аллея; дальше, въ глубинѣ, каменистый берегъ и море. Хорошая мебель; много новыхъ книгъ, еще безъ переплетовъ, ноты. На всемъ виденъ достатокъ, вкусъ, умѣніе и желаніе обставить жизнь пріятно и по-артистически. Вечеръ недалекъ.

Сергѣй, высокій брюнетъ, худой, нервный, быстро шагаетъ, почти мечется по террасѣ. Вѣра, суховатая женщина, просто одѣтая, съ безпокойствомъ смотритъ на него, поворачивая голову сообразно съ тѣмъ, куда перебѣгаетъ мужъ.

Сергѣй. Зачѣмъ ты мнѣ собрала ихъ!

Вѣра. Ты о комъ это?

Сергѣй. О комъ?.. О гостяхъ нашихъ...

Вѣра. (Очень кротко). Что ты, Сережа!.. Ты вѣдь любишь своихъ стариковъ.

Сергѣй. Сестричку съ ея звѣринцемъ зачѣмъ было выписывать!

Вѣра. Ты такъ скучаешь; я думала, тебѣ будетъ пріятно провести лѣто въ кругу твоихъ родныхъ...

Сергѣй. (Останавливается, смотритъ на жену). Пріятно? Съ сестрой Марусей? съ ея дѣточками? (Опять ходитъ). Оралы проклятые... Одинъ—поджигатель какой-то, другой полоумный.

Вѣра. Ты очень обрадовался моему предложенію пригласить Дмитрія.

Сергѣй. Я не подумалъ... а теперь эта компанія меня замучитъ.

Вѣра. Если родные тяготятъ тебя, я постараюсь устроить, чтобы разъѣздъ состоялся раньше. Прикончимъ дачный сезонъ и переѣдемъ въ городъ.

Сергѣй. Какъ же такъ: назвали гостей, а теперь разгонять.

Вѣра. Ты объ этомъ не безпокойся, Сережа, я устрою такъ, что никто не обидится. Они ничего и не замѣтятъ.

Сергѣй. (Капризно, въ тоскѣ). Не могу работать, все изъ рукъ валится, ничего не выходитъ... Вѣра, что же это будетъ?

Вѣра. Все уладится, милый. Всѣ твои волненія напрасны...

Сергѣй. Эта сестрица моя съ ея бушменами отравляетъ мнѣ жизнь...

Вѣра. (Просительно, съ большой мягкостью). Вонъ она идетъ, Сережа... Милый, сдержи себя... Я устрою... я все улажу... Они скоро уѣдутъ...

(Входятъ Марія Павловна и Лѣсной. Она—маленькая, безцвѣтная плоская женщина, нѣсколько калмыцкаго типа, съ тусклыми глазами, съ вздернутымъ носомъ. Говоритъ очень быстро, захлебываясь словами; сильно жестикулируетъ. Лѣсной—крупный блондинъ, на видъ унылый).

Мар. Пав. Вотъ вы гдѣ, голубки!.. А мы съ Митечкой на берегу были. Онъ этюдъ писалъ, а я съ дѣтьми такъ, на песочкѣ, любовались природой... Я ужасно люблю природу.

Сергѣй. Какъ дѣла, Дмитрій?

Лѣсной. Скучно.

Мар. Пав. Драсте!.. и вовсе тебѣ не скучно... Вотъ ужъ не люблю, ей Богу!.. А просто манера—жаловаться.

Вѣра. Хорошій этюдъ написали?

Лѣсной. Ничего... Продастся.

Мар. Пав. Теперь, знаете, время такое, что надо много писать. Не знаю я сама, скупѣе стала публика, или обѣднѣла, а только совсѣмъ не плотятъ тѣхъ цѣнъ, что раньше. А у насъ же дѣти.

Вѣра. Вы тутъ каждый день пишете, Дмитрій?

Лѣсной. Да... ужъ надо...

Мар. Пав. Когда дѣти, гдѣ ужъ разбирать. Не до жиру, быть-бы живу. Просить вѣдь не пойдешь. А это-жъ не что-нибудь, это же искусство; тутъ ужъ какъ хочешь, а надо, чтобы хорошо было. Это, знаете, такъ!

Лѣсной. (Смотритъ на Вѣру, сконфуженно). Какую я сейчасъ пошлость сказалъ.

Вѣра. Что такое?

Лѣсной. Спрашиваете, хорошій ли этюдъ, а я...—„ничего, продастся“...

Мар. Пав. А что жъ, Митя, а конечно! Когда плохо, то и не продастся вещь. Мало ли плохого выставляется,—никто и не покупаетъ.

(За сценой визгъ, гоготъ, плачъ. Вбѣгаютъ Мишель и Ляля. Ляля—худенькій мальчикъ, недуренъ, но постоянно раскрытый ротъ придаетъ ему видъ дурачка; голосъ дѣтски-писклявый. У Мишеля залихватскій видъ, ухарскія движенія, говоритъ онъ очень громкимъ и грубымъ голосомъ, неряшливъ. Шляпа всегда на-бекрень или на затылкѣ. Ляля пронзительно плачетъ. Мишель гогочетъ. Всѣ встревожились, одинъ только Лѣсной невозмутимъ и унылъ).

Мар. Пав. Ахъ, Боже мой, что случилось?

Ляля. (Плача). Онъ... онъ велѣлъ мнѣ... удочку въ ротъ взять...

Мишель. (Радостно хохочетъ). Вотъ идіотъ!

Мар. Пав. И ты взялъ?.. (Мужу). Митя, ты бы имъ сказалъ что-нибудь...

Ляля. Я покололся!.. Я порвалъ ротъ!.. Мнѣ больно!..

Мар. Пав. Дѣточка, Ляличка... удочку въ ротъ?.. Но ты не проглотилъ ее?

Мишель. Гдѣ тамъ проглотилъ!.. Идіотъ такой. Вотъ она удочка.

Вѣра. Зачѣмъ же ты велишь ему дѣлать такія вещи, Мишель?

Мишель. А чортъ съ нимъ. (Хохочетъ).

Мар. Пав. Кровь не идетъ... Ляличка, кровь не идетъ... Ты плюнь, плюнь, дѣточка, плюнь поскорѣе, ты покажи, изъ ротика кровь не идетъ? Плюнь же!

(Ляля разставляетъ ноги и, всхлипывая, плюетъ).

(Марья Павловна смотритъ, крови нѣтъ. Мишель гогочетъ).

Вѣра. Богъ знаетъ, что ты выдѣлываешь, Мишель.

Мишель. Вотъ здорово!.. Пусть не будетъ идіотомъ.

Мар. Пав. Ты молчишь, Дмитрій?.. Ты позволяешь ему?

Лѣсной. (Уныло). Ну, что тамъ... что-жъ я...

Мар. Пав. Что жъ это за воспитаніе такое? Ты бы ему сказалъ что-нибудь.

Лѣсной. (Уныло). Мишель, да уходи ты отсюда!

Мишель. Дай мнѣ папиросу, папка.

Лѣсной. (Вдругъ закипая). Вонъ отсюда. (Швыряетъ въ Мишеля книгой. Мальчикъ съ хохотомъ и гримасами убѣгаетъ. Ляля понемногу успокаивается).

Мар. Пав. (Лялѣ). Ты не играй съ нимъ, съ такимъ каторжникомъ!

Ляля. (Всхлипывая). Я... не буду... съ такимъ каторжникомъ...

Мар. Пав. Я тысячу разъ запрещала тебѣ имѣть съ нимъ дѣло, съ разбойникомъ проклятымъ.

Ляля. Разбойникъ проклятый! (Марья Павловна отводитъ его въ сторону, вытираетъ ему лицо, оправляетъ костюмъ).

Сергѣй. (Вѣрѣ, въ большомъ раздраженіи). Это просто невыносимо!..

Вѣра. (Въ тревогѣ умоляетъ). Милый, ну успокойся; я прошу тебя.

Мар. Пав. Иди же сюда, Дмитрій, ты посмотри, что твой сыночекъ сдѣлалъ!

Лѣсной. Ахъ, да ну... (Подходитъ къ женѣ). Ну, что онъ сдѣлалъ?..

Сергѣй. Адъ какой-то, сумасшедшій домъ.

Вѣра. Милый, зачѣмъ принимать это au tragique. Ты бы лучше посмѣялся.

Сергѣй. (Видно, что онъ страдаетъ). Все здѣсь въ домѣ вверхъ дномъ!.. Вотъ ноты... Вѣра, я вѣдь сколько разъ просилъ, чтобъ не таскали сюда, (Лѣсной приближается къ Сергѣю).

Вѣра. Это прислуга... Новая, она не знаетъ... Больше этого не будетъ.

Сергѣй. Сто разъ слыхалъ.

Вѣра. Я обѣщаю тебѣ. Я сама буду прибирать.

Сергѣй. Шумъ, суета, безпорядокъ... Миленькая обстановка для работы.

Вѣра. Сережа, если хочешь, я устрою тебѣ кабинетъ отдѣльно, въ павильонѣ. Тамъ тебѣ будетъ очень уютно и хорошо.

Сергѣй. (Почти сквозь слезы). Точно сговорились всѣ, чтобы раздражать сильнѣе! (Швыряетъ газету и уходитъ).

Лѣсной. Трудно вамъ, Вѣра.

Вѣра. Мнѣ?.. А что такое?..

Лѣсной. Такъ... ничего... я такъ.

Мар. Пав. (Лялѣ). Ну иди, играй... И слушайся Мишеля. Онъ же старшій. Веди себя какъ слѣдуетъ... Иди къ Мишелю.

Ляля. Я какъ слѣдуетъ. (Уходитъ).

Мар. Пав. Наказаніе съ дѣтьми.

Вѣра. Мишеля, я думаю, надо бы въ гимназію.

Мар. Пав. Ну нѣтъ, Вѣрочка, какъ можно!.. Рутина, педагоги эти, и потомъ разные товарищи... Разбалуется. Неправда развѣ, Дмитрій?

Лѣсной. Ддда... конечно... въ гимназіи мальчугане...

Мар. Пав. Думаете, былъ бы у Мишеньки такой цвѣтъ лица, если бы онъ цѣлый день въ гимназіи сидѣлъ? Какъ же, вотъ сейчасъ...

Лѣсной. Дома дѣтямъ здоровѣй.

Мар. Пав. Тебѣ хорошо: — „здоровѣй“: не ты съ ними возишься.

Лѣсной. Я вѣдь говорю, Маруся, возьми кого-нибудь, нѣмку...

Мар. Пав. Никого не возьму!.. По моему мать должна быть матерью... У меня такой характеръ, что моихъ дѣтей я должна воспитывать сама.

Вѣра. Кажется, въ саду голосъ Наденьки... Какъ бы собаки не напали. (Уходитъ).

Мар. Пав. „Голосъ Наденьки“!.. Будетъ ей исторія съ этой Наденькой... А слыхалъ ты, какъ братецъ мой на Вѣру рычалъ?

Лѣсной. (Горячо). Чортъ знаетъ что такое!

Мар. Пав. Попробовала бы я на тебя такъ. Только бы попробовала! Ты бы, кажется, мнѣ голову провалилъ.

(Входитъ Екатерина Петровна. Она полная, величественная дама, видно, что въ молодости была хороша).

Екатерина Петровна. Представь, Маруся, вѣдь эта Наденька опять появилась. Уѣзжала въ Кіевъ, говорила на мѣсяцъ, а вотъ опять...

Мар. Пав. (Присѣдая). Извольте радоваться.

Ек. Пет. Я, кажется, довольно прозрачно ей намекала...

Мар. Пав. Намекали?.. Вотъ ужъ не понимаю я такихъ телячьихъ нѣжностей, ей Богу! Я сейчасъ прямо ляпну ей: Сергѣй свою жену любитъ и любовницъ ему не надо.

Ек. Пет. Ахъ, нельзя такихъ рѣзкостей, Маруся.

Лѣсной. Вотъ и я ей иногда говорю...

Мар. Пав. (Перебивая). Ну, ужъ ты говоришь, ты говоришь. Ты знаешь, что ты говоришь! Ты,—извѣстно кто: кто захотѣлъ, тотъ на голову тебѣ и сѣлъ...

Ек. Пет. (Задумчиво). Меня что особенно удручаетъ, это то, что Сергѣй самъ ничего не имѣетъ, до сихъ поръ почти ничего не зарабатываетъ, а Вѣра предоставила ему все свое состояніе, окружила его роскошью... И могутъ люди подумать, что мы заинтересованы, прикрываемъ Сергѣя, его романы...

Мар. Пав. И подумаютъ. И скажутъ.

Ек. Пав. Конечно, на мизерное жалованье санитаннаго врача мы не могли бы взять такую дачу, но я всетаки очень жалѣю, что согласилась провести лѣто у Вѣры...

Лѣсной. (Встаетъ). Маруся, я — наброски дѣлать... на лагерное поле...

Мар. Пав. Подожди, и я съ тобой. (Лѣсной садится. Изъ сада на террасу входятъ Вѣра и Наденька. Наденька—граціозная, милая дѣвушка, живая, ясная: отъ нея такъ и вѣетъ жизнерадостностью и очарованіемъ весны. Въ рукахъ большой букетъ).

Наденька. Не могу вамъ сказать, какая это красота... Здравствуйте, Екатерина Петровна,—вы хорошо себя чувствуете? Марія Павловна, здравствуйте...

Мар. Пав. Скоро вы вернулись.

Наденька. Дмитрій Васильевичъ,—ухъ, какой вы большой, ужасъ!.. А я васъ видѣла вчера, вы сидѣли на берегу и писали

этюдъ... (Къ Вѣрѣ). Апплодисменты, апплодисменты!.. Публика прямо въ восторгѣ... Знаете, мнѣ трудно выразить... но это вызываетъ такую глубокую грусть, такую нѣжную печаль... И хочется плакать... Дрожитъ сердце—такъ страшно!—и хочется плакать... Весь міръ кажется добрымъ, хорошимъ,—и несчастнымъ. И хочется его утѣшить. И кажется, что хватитъ силъ —утѣшить весь міръ...

Вѣра. (Вся просвѣтлѣла). Знаете, Наденька, во мнѣ эта вещь вызываетъ точно такое настроеніе, о которомъ вы говорите.

Наденька. Эти странные переливы такъ и плачутъ еще и теперь въ моей душѣ...

Вѣра. (Обращаясь къ Екатеринѣ Петровнѣ). Это въ Кіевѣ исполняли рапсодію Сергѣя, Наденька присутствовала.

Наденька. Самый большой успѣхъ изъ всѣхъ номеровъ имѣла рапсодія. Такъ и въ отзывахъ сказано, я привезла... Ахъ, мнѣ кажется, что я... я не слушала эту вещь, а... ну какъ бы это сказать?... я отстрадала ее... Такая боль, такая печаль... Глубокая, глубокая, и въ то же время умиленіе какое-то. А потомъ вѣра просыпается, бодрость встаетъ, и хочется пойти и сказать всѣмъ, что хорошо, — ничего, будетъ хорошо, всѣмъ на землѣ будетъ хорошо, и всѣ будутъ счастливы...

Вѣра. Вы услышите, Наденька, онъ сыграетъ вамъ отрывки изъ своей оперы... Вы поймете, какой онъ огромный талантъ, вы поймете, какая душа у него.

Мар. Пав. Митя, иди на лагерное поле, я приду потомъ.

Лѣсной. А, ну хорошо. (Ищетъ шляпу).

Мар. Пав. Вы, барышня, вѣроятно недалеко живете?

Наденька. (Простодушно, ласково). Близко. А что?

Мар. Пав. Часто видишь васъ.

(Съ гиканьемъ, со свистомъ, съ хохотомъ врывается ватага мальчишекъ, окружая однорукаго пропоицу Семьтысячъ. Предводительствуютъ Мишель и Ляля. Семьтысячъ босъ, одна штанина разорвана выше колѣнъ, видна голая нога. Густая сѣдѣющая шевелюра и борода, лицо страдальческое).

Мишель. Семьтысячъ, гопъ! Прыгай черезъ палку. (Подставляетъ палку).

Ляля. Прыгай, Семьтысячъ, гопъ!

Семьтысячъ. Дѣточки... Кролики... Я вамъ „Многая лѣта“ спою... (Дѣти его дергаютъ, щиплютъ, толкаютъ).

Мишель. Постойте, вотъ я его трарарахну. (Бьетъ его палкой по спинѣ, потомъ подставляетъ палку. Семьтысячъ катится кубаремъ. Радостный визгъ дѣтей. На верандѣ негодованіе).

Лѣсной. Что за мерзость!.. Мишель, оставь его.

Мар. Пав. Мишенька, Мишенька, какъ тебѣ не стыдно!

Мишель. (Въ радостномъ оживленіи, давясь словами). Онъ пьяный, мамочка... Только-что дворникъ его—по мордѣ, по мордѣ...

Семьтысячъ. (Поднимаясь земли). Правильно... по мордѣ... Въ точности діагноза... Подобія не имѣю, подобіе потерялъ,—бей меня по мордѣ...

Мишель. (Захлебываясь отъ восторга). Дворникъ его лупитъ и говоритъ: если ты Семьтысячъ прозываешься, такъ я тебя семьтысячъ разъ по мордѣ.

Мар. Пав. Мишенька, Мишенька... иди, дѣтка, сюда.

Семьтысячъ. Имя свое потерялъ я... Семьтысячъ сдѣлался... Человѣческое имя потерялъ... все окончательно потерялъ.

Вѣра. Что же это вы дѣлаете, Семьтысячъ? Только сегодня утромъ вы костюмъ получили и ботинки, а уже опять...

Семьтысячъ. (Плачетъ). Вѣра Михайловна... Родненькая!.. Мамашенька!.. И костюмъ, и ботинки... Честное слово... А на пропой вы ничего не дали... Серебную монету надо мнѣ... Надо мнѣ серебную монету на декохтъ... (Завидѣвъ Лѣсного). А, господинъ художникъ! Имперацкой Санктъ-Петербургской академіи Рафаэль, Айвазовскій, фигуру мою, морду, картинку, писать желаете?

Лѣсной. Если завтра не будете пьяны, приходите, буду писать.

Семьтысячъ. Нѣтъ, завтра я пьяный буду... Примѣта такая... А лучше позвольте мнѣ сейчасъ... Смирррно стою! Какъ подъ хлороформомъ. Рисуйте... Морское кораблекрушеніе... Не желаете?

Вѣра. Пойдите, Семьтысячъ, лягте спать.

Семьтысячъ. Вѣра Михайловна... Мамашечка... Въ кладовкѣ позволили вы... (Плачетъ). Я пойду... Подобіе потерялъ... Имя человѣка потерялъ... все потерялъ... Пойду я въ кладовку... (Къ дѣтямъ). Кролики, маленькіе, херувимчики... не бейте... нельзя быть человѣка... (Идетъ. Дѣти бѣгутъ за нимъ и кричатъ: «Дьяволъ... безрукій чортъ... Семьтысячъ... Потерялъ подобіе»...) Нѣту подобія... Ахъ, нѣту...

Лѣсной. Дѣти, не смѣть!.. До какого паденія можетъ дойти человѣкъ!.. Пойти отогнать, замучатъ его. (Уходитъ).

Вѣра. Я довольна, что Сергѣя не было... Такое тяжелое зрѣлище...

Екат. Петр. Ты только о Сергѣѣ и думаешь, Вѣрочка. Ты слишкомъ его балуешь.

Наденька. Господи, да такого человѣка развѣ можно баловать „слишкомъ“?... Да я бы, кажется, всегда на колѣняхъ передъ нимъ стояла.

Екат. Петр. (Съ достоинствомъ). Барышня, вы извините меня, но я—мать, Вѣра Михайловна — жена, и намъ ненужно, чтобы намъ объясняли, кто такой Сергѣй Павловичъ.

Наденька. (Сконфуженно). Развѣ... развѣ я объясняю?.. Я говорю...

Екат. Петр. Вотъ. И я тоже говорю. И больше ничего.

Вѣра. Ну къ чему это вы? Ну съ чего вы это вдругъ?

Мар. Пав. Мама права, Вѣра, мама права.

Екат. Петр. Я не слѣпа, Вѣрочка. Дай Богъ другимъ такъ хорошо видѣть. Но я потворствовать Сергѣю не стану, хоть онъ и сынъ мой. Я еще поговорю съ тобой потомъ. (Уходитъ, полная достоинства).

Наденька. Вѣра Михайловна, я побѣгу на берегъ.

Вѣра. Пойдите, милая, можетъ быть, Сергѣя Павловича встрѣтите, поболтаете съ нимъ.

Наденька. А эти цвѣты?... Это я... для него...

Вѣра. Дайте, я поставлю на его столъ. (Наденька даетъ цвѣты и уходитъ. Екатерина Петровна, которая стояла въ отдаленіи и слушала, возвращается).

Екат. Петр. Вѣра, ты подкапываешься подъ свое счастье. Теперь ты этого не замѣчаешь, но скоро увидишь... И тогда будетъ поздно. (Уходитъ).

Мар. Пав. А я и теперь вижу... Да и всѣ видятъ, всѣ, рѣшительно всѣ. (Зоветъ). Митя? Гдѣ ты, Митенька? (Уходитъ. Вѣра стоитъ задумавшись, подходитъ къ столу и складываетъ на немъ газеты. Входитъ Лѣсной).

Вѣра. Дмитрій, отчего вы всегда такой грустный?

Лѣсной. (Не сразу). Должно быть... разстроилъ меня... этотъ Семьтысячъ...

Вѣра. Но вы всегда грустный, всегда...

Лѣсной. Всегда?

Вѣра. Унылый, грустный, тоскующій... Отчего?

Лѣсной. (Помолчавъ). Радости мало у меня, Вѣра... Мало радости у меня...

Вѣра. (Завидѣвъ приближающагося Сергѣя, быстро). Ахъ, простите... (Бросается къ мужу и нерѣшительно беретъ его за руку). Сережа... Сергѣй... Уже?... Прошло?...

Сергѣй. (Ему неловко). Ну, что тамъ...

Вѣра. Зачѣмъ же горевать, зачѣмъ ты печалишься?... Вѣдь все это пустое, выдуманное, все пройдетъ?...

Сергѣй. Что пройдетъ?

Вѣра. Тревоги твои, страхи, недовѣріе...

Сергѣй. (Конфузливо усмѣхаясь). А ты догадалась?

Вѣра. Ну, конечно... Развѣ я не знаю, что не ты сердишься, а твоя тревога, твое горе...

Сергѣй. Ахъ, Вѣра, когда такъ тяжело!..

Вѣра. (Съ горячностью). Но вѣдь напрасно это, лишнее вѣдь, Сергѣй.

Сергѣй. (Жалобно, по дѣтски—простодушно, почти съ испугомъ). Сразу все исчезаетъ,—понимаешь, все... Мысль, чувство, воображеніе—ничего не остается. Въ душѣ пусто, вся вѣра пропадаетъ, и кажется, что уже никогда и ничего я не создамъ... и что все до сихъ поръ сдѣланное безцвѣтно, бездарно, ненужно...

Вѣра. (Ласково). Милый мой, но вѣдь это дико, смѣшно!.. Кто еще имѣетъ такое право вѣрить въ свои силы? Кто еще далъ такія вѣрныя доказательства большого дарованія?.. Вѣдь всѣми ты признанъ, даже врагами, и личными недоброжелателями, и противниками твоего направленія въ искусствѣ... Вотъ Наденька разсказываетъ, какой успѣхъ имѣла твоя рапсодія въ Кіевѣ... Зачѣмъ же сомнѣнія, зачѣмъ тревоги?

Сергѣй. Тревога мучительная, мучительная...

Вѣра. (Сильнѣе увлекаясь). Собственно я рада, собственно я благословляю эти страхи: они—еще одно лишнее доказательство твоей истинной даровитости. Но пусть они окончатся, Сергѣй, — и вѣрь въ себя, какъ другіе вѣрятъ, какъ я вѣрю...

Сергѣй. (Въ тоскѣ, упавшимъ голосомъ). Ночью я писалъ... знаешь, ту большую любовную сцену... Утро, рѣка, плещутся въ прозрачной водѣ нагія дѣти, а изъ камышей выплываетъ лодка и въ ней дочь рыбака и молодой витязь... Тутъ все должно быть пропитано ароматомъ и свѣтомъ... все должно сіять красотой, нѣжностью, очарованіемъ юности... И пока я писалъ, мнѣ казалось, что я достигаю, овладѣваю...

Вѣра. И достигъ! И овладѣлъ!

Сергѣй. (Съ мукой). Ахъ, Вѣра, не сумѣлъ, не сумѣлъ... Я посмотрѣлъ утромъ, провѣрилъ...

Вѣра. И что же? И что же?

Сергѣй. Слабо... тускло, холодно... по старчески...

Вѣра. Ахъ, да нѣтъ же!.. Ты преувеличиваешь, ты къ себѣ придираешься. Вѣдь я знаю, вѣдь ты всегда мучишь себя этими страхами и недовѣріемъ. И когда рапсодію писалъ, тоже самое было,—а какой она имѣетъ успѣхъ!.. Сергѣй, милый мой, не огорчайся... Вотъ я вѣдь не огорчаюсь. Вѣдь я была бы такъ несчастна, если бы думала, что твои опасенія могутъ оправдаться. Но смотри,—я спокойна, я радостна.

Сергѣй. Ты спокойна?

Вѣра. Вполнѣ. Потому что вполнѣ увѣрена, что ты найдешь все, что тебѣ нужно. Не удалась теперь сцена на рѣкѣ,—удастся

потомъ. Иначе не можетъ быть. Солнце должно взойти завтра,— иначе не можетъ быть!.. И ты не мучь себя, не терзай себя. (Смотритъ ему въ лицо и гладитъ обѣими руками голову). Эту сцену на рѣкѣ ты напишешь такъ красиво, такъ поэтично, такъ вдохновенно...

Сергѣй. У тебя удивительный даръ—успокаивать меня, Вѣра.

Вѣра. Гдѣ ужъ... Ты весь день мучился...

Сергѣй. Потому что я не умѣю цѣнить тебя... я такъ грубъ съ тобой, придирчивъ... Разорвалъ бы себя за это!..

Вѣра. Ну и разрывай. (Смѣется).

Сергѣй. Возмутительно!.. Ты прости меня, Вѣруша.

Вѣра. И о чемъ ты тутъ хлопочешь?..

Сергѣй. Другъ мой, хорошая... Вотъ ты говоришь,—и я, кажется, опять вѣрю...

Вѣра. Да какъ же не вѣрить!.. Ты вѣрь, вѣрь. Сережа!.. Ты все побѣдишь.

Сергѣй. Я не знаю... можетъ быть это еще придетъ... можетъ быть и найду...

Вѣра. (Убѣжденно, горячо). Найдешь! Все придетъ!.. Ты найдешь такія созвучія, что каждое изъ нихъ будетъ лучомъ, и вся картина твоя будетъ сіять, какъ рѣка на зарѣ. И нагая дѣтвора въ водѣ, и молодая дѣвушка въ лодкѣ, и ея витязь, и камыши, и утреннее небо надъ ними, все будетъ прекрасно и лучезарно... Тебѣ ли грустить, тебѣ ли горевать, такому одаренному, такому таланту? Вѣдь ты же человѣкъ исключительный... Все придетъ, Сережа, все... Вотъ увидишь, ты увидишь, ты повѣрь мнѣ, еще на этотъ только разъ, и не мучь ты себя, мой милый, ты все побѣдишь, но не отравляй себѣ жизнь, но не порть себѣ настроенія...

Лѣсной. (Подходитъ къ Вѣрѣ. Старается подавить свое волненіе, но это ему не удается. Почти сквозь слезы). Вотъ... написать бы мнѣ васъ... вотъ такой, какая вы сейчасъ... Написать бы... Но только, чтобы какъ слѣдуетъ... И была бы мнѣ радость... Радость была бы...

ДѢЙСТВІЕ II.

Берегъ моря. Большіе камни. Направо, по кручѣ, вьется дорожка на дачу. Налѣво ходъ къ купальнямъ. Ранее утро. Лѣсной сидитъ на камнѣ и пишетъ этюдъ. Подлѣ него стоитъ Семьтысячъ.

Семьтысячъ. И вовсе не зналъ я, что такъ ее люблю. Ну а когда взялъ ее у меня купецъ Трегубенко, тогда и оглянулся... Солнушка не надо, жить не надо, ничего не надо!.. Однако, пошелъ разговаривать... Швейцары, лакеи, галуны,—все, какъ слѣдуетъ... Туда—сюда,—допустили... „Какого, спрашиваетъ, желаете вы себѣ полнаго удовлетворенія“? А какъ и жена моя сидѣла тутъ же, то на нее глядючи я и думаю: такого желаю я себѣ полнаго удовлетворенія, чтобы за старый твой полсапожекъ, Аграфена Александровна, да мнѣ бы на шафотъ взойти... Ну—между прочимъ, объявляю: „семьтысячъ капиталу мнѣ пожалуйте“.—„Почему семь тысячъ“?—Опять я на жену смотрю, все равно какъ на икону, передъ причастіемъ... — „Потому, говорю, семь тысячъ, что на конскомъ заводѣ графа Крюкъ-Крюковскаго кобылу вы себѣ по такой цѣнѣ купили, то желаю я и за свою кобылу эту же самую цифру... Мнѣ бы, говорю, выгоднѣе враздробь ее пустить, отъ каждаго сѣдока отдѣльно получать, ну какъ милость ваша такая до меня есть невообразимая, что желаете вы оптомъ, то извольте, говорю, я тоже человѣкъ вѣжливый и противорѣчія моего вамъ нѣту“.

Лѣсной. Не оттого ли и прозвали васъ Семьтысячъ?

Семьтысячъ. (Помолчавъ). Если я фельдшеръ Касперовской общины сестеръ милосердія, имѣю аттестаты и дипломъ, то, конечно, долженъ былъ я, вмѣсто того, четыре грана ціанистаго калія принять. Ну какъ, при томъ же разсужденіи, кабинетъ купца Трегубенки расположеніе свое имѣлъ въ третьемъ этажѣ, и окошечко, по случаю мая мѣсяца, было настежь, — вотъ пожалуйте!—то я тутъ же изъ окошка головой внизъ... (Помолчавъ). Отъ моря, по утрамъ, какое пѣніе замѣчательное... Играетъ волна... (Помолчавъ). Ну, разумѣется, цвѣты тамъ подъ окошкомъ, клумбы

англійскія,—оттого и не на смерть. Но рука—вотъ, и въ середкѣ тоже что-то...

Лѣсной. Потеряли возможность работать.

Семьтысячъ. Совершенно даже естественно... А впослѣдствіе происшествія, какъ Трегубенко цифру мою мнѣ отдалъ, то гляжу это я къ себѣ на ладошку, на самыя эти семь тысячъ мои, и про себя и думаю: вотъ тутъ тебѣ и твоя честь, и твоя слава, и все твое незавидное будущее... Ну, само собой: гдѣ какой трактиръ, гдѣ какая паскуда-дѣвка, все это я въ очень сурьезную ревизію произвелъ...

Лѣсной. Зачѣмъ же все-таки было опускаться? Надо было пересилить себя...

Семьтысячъ. Нѣтъ, гдѣ ужъ тамъ... Кабы это не черезъ жену... (Помолчавъ). Жена,—это надо ясно разъяснить,—жена это вродѣ какъ лѣкарство какое: если кому потрафлено, какъ слѣдуетъ, въ точности діагноза, то будетъ всякая польза—поправка, за ручку возьметъ и въ гору поведетъ,—и до богатства, и до чиновъ, до орденовъ; простого фельдшера въ военно-медицинскую академію на каѳедру посадитъ... А если должна она вредъ сдѣлать, то сдѣлаетъ, и ужъ тутъ ты что хочешь, хоть двѣ силы въ тебѣ будь, а покориться надо!

Лѣсной. Странное разсужденіе.

Семьтысячъ. Не разсужденіе, а погибель. (Помолчавъ). Женщину, Дмитрій Васильевичъ, чортъ сдѣлалъ, и оттого ничего ты противъ нея не осилишь... И не пробуйся... Ужъ она, если ужъ она копытомъ стала, то все твое усиліе всегда безъ результату останется... Подобіе потеряешь, имя твое при жизни твоей забудутъ, дадутъ тебѣ кличку, все потеряешь,—и самое для тебя превосходное, сейчасъ тебѣ изъ окошка... Ну только, чтобы не на мягкое, не на цвѣточки тамъ, а такъ сообразить надо, чтобы хопъ!—и сразу... Безъ ошибки чтобы... Совсѣмъ вродѣ какъ поетъ волна, вродѣ какъ съ морского дна какой-ниоудь подводный вальсъ...

Лѣсной. Вы бы все-таки сказали мнѣ имя ваше.

Семьтысячъ. А еще и такое есть у меня мнѣніе мое: что если черезъ жену бѣда тебѣ назначена, такъ и у смерти тебѣ не спрятаться. Не приметъ она. Ты изъ окошка,—а тамъ клумба выросла. Ціанистаго калія примешь,—а онъ дѣйствія не произведетъ. И ежели револьверъ,—осѣчка сдѣлается... Нѣтъ, знаете, тутъ все безъ результату. Все потеряешь, а смерти не найдешь. Ты за смертью,—смерть отъ тебя. Живи, молъ, удовольствіе себѣ получай. (Показывается Марья Павловна).

Мар. Пав. Прямо на камень сѣлъ?!

Лѣсной. Ничего, Маруся.

Мар. Пав. Вовсе не ничего: простудишься. Вотъ стулъ, и плэдъ подложи... Пожалуйста, подложи плэдъ.

Лѣсной. Такъ не простужусь вѣдь... Люди вонъ купаются еще...

Мар. Пав. Пускай хоть тысячу лѣтъ купаются.

Лѣсной. (Несмѣло ворчитъ). Заботливость твоя.

Мар. Пав. Митечка! пожалуйста, не торгуйся ты со мной... (Укладываетъ на стулъ плэдъ). Есть жены, которымъ все равно, заболѣетъ мужъ или нѣтъ, но ты знаешь, я не изъ такихъ.

Лѣсной. Ну, кто-жъ говоритъ. (Садится). Да, на стулѣ оно того...

Мар. Пав. Видишь... А знаешь одно, противорѣчить надо.

Лѣсной. Не буду, Марусенька, не буду. (Развалившись на стулѣ). Фу ты, какой комфортъ...

Мар. Пав. Наговоришь глупостей, а потомъ подлизываешься... Что вы тутъ все толчетесь, Семьтысячъ? Идите себѣ, пожалуйста. (Семьтысячъ кланяется и уходитъ).

Лѣсной. Очень несчастный человѣкъ.

Мар. Пав. И на голову тебѣ и полѣзетъ. Манера у тебя,—разговаривать съ каждымъ... А Сережка нашъ! Отъ Наденьки ужъ и не отлипаетъ.

Лѣсной. Ннда... человѣкъ донъ-жуанистый.

Мар. Пав. Не понимаю я ее: пристала, пристала...

Лѣсной. (Пишетъ. Откидываясь, смотритъ на этюдъ; во рту кисть). Ннда... дѣвица странная...

Мар. Пав. Дѣвка! Прямо дѣвка, и больше ничего. Конечно, это не мое дѣло, но такого безобразія и кажется еще не видѣла... Ахъ, Митечка, посмотри, какіе тамъ рефлексы.

Лѣсной. Рефлексы? Гдѣ?

Мар. Пав. Вонъ, вонъ. Тамъ. Ты всмотрись хорошенько. Это тебѣ пригодится для картины. Ты же никогда не обращаешь вниманія... И парусъ, а на немъ утренній свѣтъ... Это вѣдь краплакомъ писать надо?.. Видишь, а ты всегда говоришь, что я не понимаю природы. По моему нѣтъ лучшаго удовольствія, чѣмъ природа. (Быстро оборачивается спиной къ морю). А Вѣру я никакъ понять не могу.

Лѣсной. Странноватисто... все это очень странноватисто... (Берегомъ идутъ Сергѣй и Наденька).

Сергѣй. Господа, кататься на лодкѣ, айда?

Наденька. До стараго маяка и обратно. Только условіе: я гребу все время.

Лѣсной. (Несмѣло). Марусенька, можетъ поѣдешь?

Мар. Пав. (Мрачно). Дѣтей чаемъ поить...

Лѣсной. Ахъ, да...

Сергѣй. Не хотите? Какъ знаете... А утро изумительное, (Напѣваетъ). Утро свѣтлое, утро радости, утро чистое, нѣги полное... (Уходятъ по направленію къ купальнямъ).

Мар. Пав. (Грозно). И выдумаешь ты, кататься съ нею на лодкахъ!.. Что васъ къ ней такъ тянетъ, я не понимаю. Носъ картошкой, губастая...

Лѣсной. Губы толстоватыя.

Мар. Пав. Не толстоватыя, прямо барабанъ. Вамъ лишь бы грудастая.

Лѣсной. Знаешь, Марусенька, я подозрѣваю, что она подкладываетъ себѣ.

Мар. Пав. (Рубитъ). Не знаю. Не щупала. (Умолкаетъ). Будь я на мѣстѣ Вѣры, я сама не знаю, что я бы съ ней сдѣлала... Ты увидишь, здѣсь дойдетъ до большой драмы.

Лѣсной. Ну ужъ, и до драмы.

Мар. Пав. У меня предчувствіе. Ты вѣдь знаешь, я человѣкъ чуткій. Я готова какое угодно пари держать, что окончится дѣло очень даже большой драмой.

(Сверху спускается Полунинъ, некрасивый, сѣдой человѣкъ въ очкахъ Онъ заика. Движенія быстрыя, молодыя. Парусиновый костюмъ, красныя комнатныя туфли, большая соломенная шляпа. Въ рукахъ простыня. Спускаясь, оглядывается назадъ и кричитъ).

Полунинъ. Подождать тебя, Катерина?

Ек. Петр. (Сверху, скрытая зеленью). Зачѣмъ? Можешь идти... Ты мою простыню захватилъ?

Полунинъ. Взялъ... А тутъ Дмитрій съ Марусей. Я тебя, вотъ видишь ли, подожду. (Подходитъ къ Лѣсному). Пишешь?

Лѣсной. Работаю.

Полунинъ. А супруга,—вдохновляетъ?

Мар. Пав. Не видѣли, папочка, дѣти встали уже?

Полунинъ. Уже и зеркало разбили.

Мар. Пав. Ахъ Боже мой!.. Маленькое?

Полунинъ. Можетъ быть и маленькое. Большое—въ осколкахъ.

Мар. Пав. Этотъ Мишенька... Ахъ, Митя, ты бы ему хоть сказалъ что-нибудь!

Полунинъ. (Смотритъ, какъ Лѣсной пишетъ). Море... И что это ты, Дмитрій, взялся за море?

Лѣсной. (Тревожно). А я это такъ... я мимоходомъ... я потомъ...

Полунинъ. Странно... Эхъ, Дмитрій, ты бы... ты бы встряхнулся какъ-нибудь, что ли...

Мар. Пав. Зачѣмъ вы это говорите ему?.. Слава Богу, онъ работаетъ...

Полунинъ. Вотъ то-то, что работаетъ. Работаетъ, а не творитъ...

Мар. Пав. Вы, папочка, тоже не первый на свѣтѣ знатокъ. Если бы его пейзажи плохи были, не платили бы за нихъ денегъ и не хвалили бы въ газетахъ.

Лѣсной. (Со стономъ). Марія!

Мар. Пав. Вотъ и разстроили, вотъ и раздразнили. (Подходитъ Екатерина Петровна. Марія Павловна обращается къ ней). Къ чему? Что? „Зачѣмъ Митя пейзажи пишетъ“... Сто разъ уже намекали... А не желаю я, чтобы онъ съ голыхъ женщинъ писалъ,—и до свиданія!

Полунинъ. (Изумленно отступаетъ). Дмитрій... Такъ вотъ почему это?..

Мар. Пав. (Закипая). Да, потому это... И другіе все допытываются, лѣзутъ... Молчала, молчала, а больше и молчать не буду... У меня мое семейное счастье дороже всего! Не желаю, чтобы голыя женщины...

Ек. Петр. Это ихъ дѣло, Павелъ, ты не вмѣшивайся.

Полунинъ. Но... но позволь, что ты говоришь!.. Артистъ, вотъ видишь-ли, художникъ, онъ творилъ, онъ вдохновенно писалъ тѣло, и... и вдругъ эти нелѣпыя маринки, пейзажики...

Мар. Пав. (Съ разстановкой, отчеканивая по слогамъ) Не желаю! Я не виновата, что послѣ родовъ болѣла и исхудала. Пока могла — позировала ему, а стала какъ щепка и не гожусь, такъ никого не надо.

Полунинъ. Господи, да это прямо чудовищно! Этому никто не повѣрилъ бы. Ну... ну въ крайнемъ случаѣ вы могли бы какъ нибудь устроиться. Ты бы, вотъ видишь ли, сидѣла въ мастерской, пока онъ пишетъ, что ли...

Мар. Пав. Да, какъ разъ!.. Ужъ онъ и самъ просился крику достаточно было, не желаю!.. Хоть и буду я въ мастерской, все равно. Какъ только натурщица, глаза у него масляные... А потомъ еще резонится: „ты шпіонишь, я подъ надзоромъ у тебя“... Я не Вѣра, я не желаю, чтобы мой мужъ бѣгалъ за дѣвками, и конченъ балъ.

Ек. Петр. Не надо становиться между мужемъ и женой, Павелъ, не вмѣшивайся.

Мар. Пав. Шли вы купаться, и идите себѣ. Идите, когда идете.

Полунинъ. Это неслыханно! Это невѣроятно!.. Чтобы Дми-

трій, вотъ видишь ли, оставилъ писать тѣло изъ-за ревности этой дурищи, изъ-за ходячей дизентеріи этой...

Ек. Петр. Павелъ!

Полунинъ. Вотъ тебѣ твоя простыня! (Швыряетъ женѣ простыню). Не желаю съ тобою итти. Пейзажики, маринки. Нѣтъ, это такъ не будетъ. Этого я не оставлю. (Уходитъ).

Мар. Павл. (Присѣдаетъ, точно дѣлаетъ книксенъ). Вотъ: мужчины всегда за мужчинъ, ужъ это всѣмъ извѣстно... Ты куда, Митя?

Лѣсной. Пройтись.

Мар. Пав. Подожди, цыпка, и я съ тобой. (Лѣсной садится). Ну, пусть папа лучше не вмѣшивается. Я ни на что не посмотрю. Пусть бы кто попробовалъ отбивать у меня мужа,—хотъ и Наденька ваша, или эта корова Вѣра. (Лѣсной встаетъ). Погоди же, Митенька, вотъ и я съ тобой.

Лѣсной. (Кричитъ сквозь слезы). Не хочу, чтобъ ты со мной! Не смѣй бѣгать за мной. Кухарка, торговка. (Быстро уходитъ).

Ек. Петр. Дмитрій, Господь съ тобой.

Мар. Пав. Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, теперь не трогайте... Онъ самъ сейчасъ притихнетъ. (Входитъ Вѣра). Вотъ она, виновница торжества.

Вѣра. Обо мнѣ такъ?

Ек. Пав. Вѣрочка, нужно все-таки какъ-нибудь устроить, чтобы Сергѣй пересталъ встрѣчаться съ Наденькой.

Мар. Пав. Чуть свѣтъ — здрасте — на лодкѣ!..

Вѣра. Не можетъ же онъ всегда быть со мной. Во всякомъ случаѣ я не могу заставить его сдѣлать это.

Мар. Пав. А надо, Вѣрочка, надо!.. Женщина должна такъ устроить, чтобы мужу всегда было пріятно съ ней. И домъ должна устроить уютненько, и за дѣтьми, — чтобы не докучали, и все... За собой должна смотрѣть, за прической, за манерами. Тогда и не будетъ мужу противно дома, онъ не будетъ уходить.

Вѣра. Сергѣй проводитъ со мной много времени, мы очень дружны.

Мар. Пав. Дѣти, напримѣръ... Я читала книгу Спенсера, „Воспитаніе“,—переводъ съ англійскаго. Тамъ говорится, что для того, чтобы стать, положимъ, сапожникомъ, кузнецомъ, или тамъ плотникомъ, всѣ учатся, хоть это же не хитрое дѣло. А вотъ родителями быть никто не учится, и не умѣютъ воспитывать дѣтей. Когда дѣти невоспитанные, тоже отцу непріятно дома, и онъ уходитъ. Я ужъ нарочно сколько книгъ про воспитаніе прочитала. Думаете, есть мнѣ время? А когда же надо. Спенсеръ умный человѣкъ.

(За сценой раздается страшный крикъ Мишеля, Ляли и другихъ дѣтей. Тамъ свалка. Плачъ дѣвочки. Слышенъ голосъ Мишеля: „Ага! еще, не такъ морду ей побью, идіотка,“ Крики).

Ек. Петр. Слава Богу, утро началось... (Всѣ трое поспѣшно идутъ на крики. Съ минуту сцена пуста. Крики и плачъ дѣвочки постепенно удаляются и замираютъ.—Входятъ Сергѣй и Наденька).

Сергѣй. Досадно все-таки, что лодки не нашлось.

Наденька. Ничего, вечеромъ поѣдемъ. (Бѣжитъ къ этюду и смотритъ на него). Хорошо, мнѣ кажется. Но... только вотъ... въ морѣ вода бѣжитъ, а у него она мертвая.

Сергѣй. (Задумчиво смотритъ на этюдъ). А какой блестящій былъ талантъ.

Наденька. Онъ имѣлъ большой успѣхъ?

Сергѣй. Исключительный!.. Но не этими пейзажиками. Жилъ онъ тогда въ Парижѣ и писалъ тѣло. Его лучшая вещь называлась „Утро“. Облака, между ними голубые просвѣты, на облакахъ молодая женщина, почти дѣвочка. Сдѣлано было изумительно. Игра вѣтра въ волосахъ, серебряные лучи зари, перламутровые отблески на молодомъ тѣлѣ и въ прозрачности утреннихъ облаковъ... Ахъ, это было полно красоты и поэзіи. Это было утро,—утро жизни, когда силами наливается душа, когда ищутъ эти силы примѣненія, и знаетъ молодая душа, что она создастъ нѣчто большое, прекрасное, что она къ самому Престолу Господню вознесется... Поразительная, окрыляющая вещь!

Наденька. Были и еще хорошія картины?

Сергѣй. Были. Онъ все съ жены писалъ. Она была тогда

смазливенькая, онъ былъ влюбленъ въ нее и умѣлъ ее идеализировать... Прекрасно выходило... Потомъ онъ взялся вотъ за эти пейзажи...

(Входитъ Лѣсной. Завидѣвъ у своей работы Сергѣя и Наденьку, поворачиваетъ назадъ... Вдругъ возвращается, прячется за камнями, такъ что виденъ только зрителямъ, и прислушивается).

Наденька. Онъ всегда такой скучный, унылый.

Сергѣй. Оттого, что онъ плохо пишетъ. И оттого, что онъ не любитъ, моя ласточка.

Наденька. (Кладетъ ему руки на плечи). Милый ты мой!.. Радостный мой...

Сергѣй. Когда онъ былъ влюбленъ, онъ былъ самымъ веселымъ и сумасброднымъ человѣкомъ въ мірѣ. Пѣлъ, прыгалъ, шутилъ, оралъ какъ мальчикъ. И писалъ вдохновенно. Счастливъ былъ. Влюбился бы опять, и опять узналъ бы счастье.

Наденька. Какъ мы, Сережа.

Сергѣй. Какъ мы, моя дѣвочка.

Наденька. А знаешь? Давай, поможемъ ему.

Сергѣй. Какъ же?

Наденька. Поможемъ ему полюбить.

Сергѣй. Въ этомъ дѣлѣ помогать трудно. Да и жена его помѣшаетъ намъ.

Наденька. А мы ее какъ-нибудь... перехитримъ.

Сергѣй. Ну, нѣтъ, ее не перехитришь.

Наденька. Будто?.. Она жъ глупая.

Сергѣй. Это ничего не значитъ... Знаешь, есть цвѣтокъ такой, плотоядный: притянетъ муху, та на лепестокъ сядетъ и цвѣтокъ сразу сожмется. Разожмется потомъ, а отъ мухи ужъ одинъ скелетикъ остался.

Наденька. Какое же отношеніе?..

Сергѣй. Такое отношеніе, что цвѣтокъ этотъ мухи не умнѣе, но не муха его, а онъ муху лопаетъ. Жена Дмитрія тотъ же цвѣтокъ.

Наденька. Это ужасно! Дмитрій такой талантъ — и гибнетъ.

Сергѣй. Не гибнетъ, а уже погибъ. Отъ художника скелетикъ остался, и Дмитрій теперь только ремесленникъ, да и то не очень искусный. (Лѣсной уходитъ).

Наденька. Какъ это грустно. (Встревоженная, она молчитъ. Потомъ, съ порывомъ). Но я не хочу быть грустной. Я не умѣю быть грустной... долго. Я такъ люблю... (Цѣлуетъ его). Милый... милый...

Сергѣй. (Лаская ее). А знаешь, вѣдь ты похожа на „Утро“, на того полуребенка, котораго написалъ Дмитрій... И вотъ, утренній вѣтеръ играетъ твоими волосами... утренніе лучи скользятъ по твоему лицу... и пѣсню утра поютъ мнѣ твои голубые глаза... Какіе звуки... Ты слышишь ихъ? (Откидываетъ голову и съ волненіемъ прислушивается).

Наденька. Я слышу море...

Сергѣй. (Тихо). Нѣтъ, нѣтъ... а звуки?.. мелодію?..

Наденька. Я слышу только море...

Сергѣй. Постой... тише... (Замирая, прислушивается). Пѣсня витязя... и звенитъ камышъ... Плескъ лодки на рѣкѣ, вздохи рыбачки... Слышишь?.. Ты слышишь?.. (Шопотомъ). Нагія дѣти плещутся... вотъ... вотъ.. Они бѣгутъ по золотому песку... сверкаютъ лучи на ихъ мокрыхъ, розовыхъ тѣлахъ... Хрустальный смѣхъ взвивается къ небу.., и рыбачка поетъ... и рыбачка поетъ... Я слышу ее... я слышу... (Въ оцѣпенѣніи прислушивается). О, радость, радость... Я нашелъ, что мнѣ нужно... Уже это родилось, уже я овладѣлъ... (Въ большомъ возбужденіи). Счастье мое, мое великое счастье...

Наденька. Сергѣй!..

Сергѣй. Ахъ, я уловилъ, я овладѣлъ... Теперь я знаю, теперь я сдѣлаю... И это черезъ тебя пришло, Надя, черезъ мое чувство къ тебѣ... Ты подарила мнѣ это... О, какъ я счастливъ, и какъ я люблю тебя, какъ люблю... (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ долгимъ поцѣлуемъ. Обнявшись, озаренные серебрянымъ свѣтомъ утра, они молча и медленно удаляются. На другомъ концѣ сцены показываются Марья Павловна, Екатерина Петровна и Вѣра).

Мар. Пав. Ой!.. Смотрите!..

Вѣра. (Схватывая ее за руки). Тише... Оставьте...

Мар. Пав. Обнимаются!.. Это-жъ они... это вашъ мужъ!

Вѣра. Умоляю васъ... оставьте ихъ.

Ек. Петр. Вѣрочка... я не понимаю тебя.

(Входитъ Полунинъ. Черезъ шею у него наброшена мокрая простыня).

Полунинъ. Искупался я превосходно... какъ щука искупался... Теперь, вотъ видишь ли, чаю,—и въ городъ, пекарни дезинфицировать... Сколько уже я продезинфицировалъ ихъ!.. Всю жизнь дезинфицирую... Вы чего?.....

Мар. Пав. Папочка!.. Сейчасъ, вотъ здѣсь... Я говорила!.. Мы застали ихъ на мѣстѣ.

Полунинъ. На мѣстѣ?... У-у-дивительно.

Ек. Петр. Сергѣй ведетъ себя... Я немедленно переговорю съ нимъ...

Вѣра. Умоляю васъ не вмѣшиваться. Это мое, мое личное дѣло. Я требую, чтобы никто не вмѣшивался.

Мар. Пав. Надо сейчасъ же побѣжать за ними. (Визгливо). Потомъ же они станутъ отрекаться.

Полунинъ. И чего ты?... Ну, чего ты?...

Вѣра. Не смѣйте бѣжать. Не смѣйте ничего говорить имъ. Пусть Сергѣй дѣлаетъ, какъ хочетъ.

Ек. Петр. Вѣра... Но... въ такомъ случаѣ, ты просто не любишь его.

Вѣра. (Тихо. Съ мукой). Я?... Я не люблю его?... (Молчитъ. Смотритъ на Екатерину Петровну глазами, полными страданія. Тихо, медленно начинаетъ говорить,—и въ томъ, что она сейчасъ скажетъ, вся ея душа). Если бы... летѣла пуля... въ его сторону... я бы... подставила... вотъ... (Показываетъ на сердце).

Мар. Пав. Не мое дѣло, конечно, въ такую гадость... но только...

Вѣра. (Сдерживая рыданія). Никого нѣтъ... ничего нѣтъ... Никого и ничего и не было никогда... и не будетъ... Ни здѣсь, на землѣ, ни на небѣ... Только онъ... Только онъ одинъ... Только его счастье, его воля... Его воля.

Полунинъ. (Машетъ рукой, точно сбрасываетъ налипшую на нихъ грязь. Очень взволнованно). И оставьте вы ее... И пойдите вы

отсюда... И вовсе вамъ тутъ нечего дѣлать.

Ек. Петр. (Гнѣвно). Въ домъ бы хоть не приводили любовницъ.

Вѣра. Мама!

Ек. Петр. Никогда у насъ въ семьѣ не было разврата.

Полунинъ. Ахъ, Катерина!.. Святые давно всѣ перемерли.

Ек. Петр. Не о святости тутъ говорятъ, говорятъ о долгѣ о порядочности, о простомъ приличіи.

Мар. Пав. Очень просто!

Полунинъ. Порядочность эта, приличіе, долгъ, разная другая дѣтская присыпка...

Ек. Петр. Я не могу тебя слышать, Павелъ. Это гнусно. (Уходитъ. Марія Павловна за ней. Полунинъ идетъ сзади нихъ).

Полунинъ. И не суйтесь вы!.. И незачѣмъ вамъ... Эхъ вы, люди, люди!

(Онъ уходитъ. Вѣра долго стоитъ молча, смотритъ въ землю. Потомъ опускается на камни, судорожно обнимаетъ ихъ и разражается внезапнымъ рыданіемъ. Затихнувъ, она встаетъ, растерянная, испуганная оглядывается,—направо, налѣво).

Вѣра. Что-жъ?.. Конецъ?.. Куда же?.. Куда теперь?..

(Разбитая, медленно уходитъ. Минуту спустя, показывается Лѣсной. Онъ подходитъ къ этюду, смотритъ на него, потомъ сильнымъ ударомъ ноги опрокидываетъ мольбертъ. При этомъ онъ издаетъ звукъ, похожій на стонъ, на вой, на рыданіе. Бѣжитъ Марія Павловна).

Мар. Пав. Митя, Митечка, цыпа, гдѣ ты?.. Митютя!..

ДѢЙСТВІЕ III.

Дачный садъ. Осень. Скамья, столъ, на немъ чернильница, бумаги Разорванные облака быстро бѣгутъ надъ полуобнаженными деревьями Желтый листъ усѣялъ землю. Вечеръ близко. Мишель сидитъ, развалясь на скамьѣ, и зажимаетъ между ногами утку. Ляля стоитъ возлѣ и съ радостнымъ восхищеніемъ смотритъ на брата.

Мишель. Теперь я буду ее вѣшать.

Ляля. Ой... а какъ?

Мишель. Вотъ идіотъ! (Достаетъ изъ кармана бичевку и дѣлаетъ петлю).

Ляля. Такъ она-жъ помретъ?

Мишель. Ну да, сдохнетъ. Будетъ хлопать крыльями, разявитъ ротъ и станетъ кричать гкх-гкх... Когда я буду большой, я буду людей вѣшать.

Ляля. Ой.... я боюсь.

Мишель. Вотъ идіотъ. (Прикрѣпляетъ петлю къ дереву).

Леля. А мнѣ дашь подержать веревочку?

Мишель. Лопай листья—дамъ. (Ляля подбираетъ съ земли листья и, чавкая, жуетъ ихъ. Мишель хохочетъ. Ляля тоже).

Ляля. Дай же.

Мишель. И налей себѣ въ карманъ чернилъ.

Ляля. Мама будетъ бить.

Мишель. Идіотъ,—„бить“. Убѣжишь... На, лей чернила. (Ляля льетъ себѣ въ карманы панталонъ чернила. Мишель восхищенно кричитъ: «идіотъ». Ляля хохочетъ).

Мишель. Ну, на, держи этотъ конецъ. Я просуну ей голову. Сейчасъ она будетъ дѣлать гкх-гкх.... Смѣшно. (Онъ просовываетъ голову утки въ петлю).

Ляля. Дядя Сергѣй идетъ.

Мишель. (Злобно). А, чтобъ онъ сдохъ!

Ляля. А, чтобъ онъ сдохъ.

Мишель. Побѣжимъ скорѣй въ сарай. Мы тамъ повѣсимъ.

Ляля. Мы тамъ повѣсимъ. (Галопомъ, шлепая себя по заду, бѣжитъ за братомъ и весело ржетъ. Входятъ Сергѣй и Наденька).

Сергѣй. Мнѣ все казалось, конца этому не будетъ, еще годъ или два буду писать свою оперу, или можетъ быть и вовсе никогда не напишу ее,—и вотъ готова!

Наденька. Ты усиленно работалъ.

Сергѣй. Нѣтъ, дѣвочка, не очень усиленно, но ужъ очень легко стало мнѣ все даваться... Душа моя поетъ, она полна любовью къ тебѣ, и очарованіе этой любви перелилось на страницы моей оперы.

Наденька. Милый мой...

Сергѣй. Были тревоги, была печаль, скорбь была и раздраженіе,—а теперь все это исчезло, я полонъ радости, я кротокъ, веселъ и смѣлъ, и я все могу, я могу все.

Наденька. Какъ странно: я боялась тебя, я не дерзала говорить при тебѣ... подать тебѣ цвѣты... Когда сидѣла, не рѣшалась встать, когда стояла, не осмѣливалась сѣсть; теперь говорю тебѣ ты, провожу по твоимъ волосамъ рукой, и ты меня цѣлуешь...

Сергѣй. Свѣтлая моя дѣвочка, чистый мой лепестокъ!.. Какъ мало могу я дать тебѣ за ту радость, за то сіяніе, коорымъ ты, заполняешь меня.

Наденька. Я совсѣмъ не знала, что есть на землѣ такое счастье...

Сергѣй. Вотъ осень, желтые листья падаютъ и тлѣютъ, небо печально и мутно, а въ сердцѣ моемъ живая весна... Какія грезы! Какіе цвѣты благоухаютъ всюду!.. И всѣ они поютъ, поютъ и тихо плачутъ отъ радости.

Наденька. Я вижу скамью,—и я люблю ее. Я вижу заборъ,—и я люблю его. Камень на дорогѣ я хочу цѣловать. Ей-Богу... Третьяго дня, вечеромъ, когда возвращалась домой, я прижалась къ фонарю и сказала ему, что ты меня любишь... Я глупая, Сережа.

Сергѣй. Съ тобой я юноша. Я, какъ на крыльяхъ, ношусь подъ облаками, мнѣ все доступно, и такъ душѣ моей легко, и въ такомъ она умиленіи, и такъ она радостна, какъ если бы ангелы Божьи склонились надъ ней съ пѣніемъ. О, Надя, о вдохновеніе мое, о, чистая моя, золотая заря...

Наденька. И я сказала фонарю, какой ты необыкновенный... А потомъ, ночью, я опять вышла и онъ свѣтилъ ярко, ярко... (Вдругъ опускается на колѣни, складываетъ на груди ладони, поднимаетъ глаза кверху). Боже мой, Боже въ небѣ!.. Благодарю тебя за то что ты создалъ меня, Боже!

Сергѣй. Моя голубка... Сила моя! (Долгая пауза).

Наденька. Вѣра Михайловна въ саду. (Сквозь слезы). О, какъ я виновата передъ ней.

Сергѣй. Она не осуждаетъ тебя.

Наденька. Кажется, она идетъ сюда. Я уйду, Сергѣй...

Сергѣй. Она ни въ чемъ не обвиняетъ тебя.

Наденька. У меня на лицѣ такое счастье... Не нужно, чтобы она видѣла теперь мое лицо... Ахъ, если бы не эта вина передъ ней... (Перебивая себя, поспѣшно). Завтра, Сережа, мы увидимся завтра... (Торопливо уходитъ. Сергѣй сидитъ задумавшись. Входитъ Вѣра).

Вѣра. Какъ-то сразу настала осень: деревья желтыя. сумерки рано, дожди, вѣтеръ...

Сергѣй. Вѣра, ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что опера моя будетъ имѣть успѣхъ?

Вѣра. Большой успѣхъ, Сережа. Это будетъ твой праздникъ, твое торжество.

Сергѣй. И твое тоже, Вѣра.

Вѣра. Да... и мое тоже... (Голова опущена, руки повисли, вся поза и лицо выражаетъ глубокое горе).

Сергѣй. Опять!.. Опять то же самое... Вѣра, но вѣдь ты такъ хорошо поняла это, ты сама говорила, что все поняла, и примирилась...

Вѣра. Не сердись на меня.

Сергѣй. Что же мнѣ дѣлать? Я не могу побѣдить это чувство.

Вѣра. Я знаю, Сергѣй.

Сергѣй. Я былъ бы по сумасшедшему счастливъ, если бы могъ быть тѣмъ, что называется однолюбомъ. Никто на землѣ, ни одна женщина, въ такой степени не заслуживаетъ вѣчной любви, какъ ты. Но я не могу...

Вѣра. (Перебивая). Серьезно, искренно и дѣловито поговоримъ объ этомъ, однажды и навсегда. Однажды и навсегда, Сергѣй!.. (Стараясь подавить свое волненіе). Ты любишь Наденьку... и она тебя любитъ... и вы оба счастливы... Я рада...

Сергѣй. Ахъ, Богъ мой!..

Вѣра. (Кротко). Дя,—я не должна такъ говорить... Но... Но вѣдь это же такъ, Сергѣй... (Сквозь слезы улыбается). Вѣдь это же

просто: когда ты печаленъ, печальна я; когда ты счастливъ, и я счастлива... Не буду, не буду!.. Я вотъ что... я кажется хотѣла... да, я хотѣла... (Превозмогая себя, твердо). Скажи мнѣ,—открыто, правдиво и мужественно скажи мнѣ, нужна ли я тебѣ?

Сергѣй. Нужна ли ты мнѣ?

Вѣра. Не отвѣчай сгоряча. И ради Бога не думай, что ты чѣмъ-нибудь связанъ, что у тебя какія-то обязательства... Никакихъ обязательствъ... Ничѣмъ не связанъ... Точно чужіе, точно вотъ вчера познакомились.

Сергѣй. (Рѣзко). Ну... чего же... чего тамъ...

Вѣра. Я спрашиваю: можетъ быть я лишняя тебѣ. Можетъ быть стѣсняю тебя. Можетъ быть ты чувствуешь, что если я уйду, ты будешь счастливѣе?

Сергѣй. (Растерянно). Вѣра, да куда же... Да какъ же я безъ тебя?..

Вѣра. Скажи искренно. Только это и нужно.

Сергѣй. Вѣра, но что же это!.. Вѣдь... Вѣдь ты же мой лучшій, мой великій другъ... Развѣ я не знаю, развѣ я не знаю, что если бы меня завтра сослали на каторгу, ты пошла бы за мной на край Сибири, въ рудники, въ шахты... Развѣ я не знаю, что если бы меня изувѣчило поѣздомъ, оторвало бы мнѣ руки и ноги, ты стала бы меня возить въ телѣжкѣ долгіе годы, кормила вы меня изъ ложечки, какъ ребенка и переносила бы всѣ мои капризы и придирки? Вѣдь знаю.

Вѣра. (Тоскливо). Да... сидѣлки... няньки такой ты не найдешь...

Сергѣй. Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ! Ты—другъ мнѣ, ты жена, ты товарищъ моей души... Если бы не имѣлъ я тебя, никогда не сдѣлался бы я настоящимъ художникомъ. И для того, чтобы продолжать имъ быть, чтобы продолжать творить и расти, я долженъ быть съ тобой.

Вѣра. Ты искренно говоришь?

Сергѣй. Если бы я не говорилъ съ тобой долгими часами о моихъ замыслахъ, еслибы не совѣтовался съ тобой, не высказывалъ

бы мои сомнѣнія, страхи, надежды, и еслибы не вливала ты въ меня бодрость и вѣру твоими словами, я навсегда остался бы въ тѣни, Вѣра, я былъ бы ничтожнымъ музыкантомъ, ничѣмъ... Ты такъ нужна мнѣ, ты безконечно мнѣ нужна.

Вѣра. Но и она... и Наденька.

Сергѣй. (Послѣ паузы, рѣшительно). Да, и она... Я люблю эту дѣвушку. Ея красота, юность дѣйствуютъ на мою душу, будятъ мои мысли художника, вызываютъ во мнѣ напряженіе творческихъ силъ... Я никогда не получу отъ Наденьки того, чѣмъ озаряетъ меня твоя душа, Вѣра, никогда. Но и ты не можешь вызывать во мнѣ того волненія, тѣхъ грезъ, тѣхъ узоровъ прекраснаго, какія рождаетъ во мнѣ мое чувство къ ней... Ты знаешь вѣдь: моя жизнь—искусство. Мое наслажденіе—творчество. Моя радость—произведеніе мое. И для того, чтобы могло появиться мое произведеніе—вы обѣ нужны мнѣ... Вотъ, какъ для произрастанія цвѣтка нужна и влага, и солнце, такъ и для моего творчества, и для моего счастья, нужна и твоя любовь, и любовь Нади... Да... вотъ правда... Вотъ вся правда, вся до конца... Конечно, я не въ правѣ, я не смѣю желать, чтобы ты не покидала меня, я и молить объ этомъ не смѣю, но... но, Вѣра, если уйдешь, если ты меня оставишь... я не знаю, какъ я справлюсь съ этимъ ударомъ.

(Молчаніе. Слышенъ далекій, печальный благовѣстъ. По осеннему шумятъ деревья и тихо падаютъ желтые листья. Красные лучи заката обливаютъ стволы и землю. Вѣра подходитъ къ Сергѣю и молча кладетъ къ себѣ на грудь его голову).

Сергѣй. Вѣра... Вѣра...

Вѣра. (Сквозь слезы). Страшно... То, что ты сказалъ, такъ страшно... (Молча стоятъ. Потомъ садятся. Все слышенъ далекій печальный звонъ.—Входитъ Лѣсной).

Лѣсной. (Негромко) На морѣ сильный вѣтеръ... Садъ голый... Унынiе вездѣ...

Сергѣй. Осень...

Лѣсной. (Говоритъ медленно, задумчиво и негромко). Да... И вотъ, знаете, думаю все: осень, листья долой, умретъ трава, всякая букашка... Птицы улетятъ... Но потомъ все это сызнова,—опять

весна, опять утро, солнце опять... и козявка, и цвѣты... Возобновленіе во всемъ... И только человѣку нѣтъ возобновленія.

Вѣра. (Разсѣянно). Листья падаютъ.

Лѣсной. Утро его если прошло, — ужъ это все. (Сергѣй уходитъ). Уже кончено. Новаго утра уже не увидитъ.

Вѣра. А можетъ и увидитъ.

Лѣсной. Жить на землѣ страшно... Ударъ, и еще ударъ, и еще одинъ ударъ... Печаль за печалью. (Въ страстной тоскѣ, сквозь слезы). Гдѣ же радости, Вѣра, гдѣ радости?

Вѣра. Влага... только влага... Ну что жъ...

Лѣсной. (Поникнувъ). Про свое это вы... про свое... (Вздыхая) И вотъ, живешь... Осень, холодъ, сумерки... А тамъ—ночь. Скоро ночь...

(Молчатъ. Далекій благовѣсть замираетъ. Вѣтеръ усиливается. Шумятъ деревья. Входитъ Полунинъ).

Полунинъ. А и веселенькій, вижу, у васъ разговорчикъ!

Лѣсной. Просто на рѣдкость. (Смѣется съ горечью. Вѣра поднимается и уходитъ. Полунинъ, подбоченясь, смотритъ въ лицо Лѣсному. Потомъ говоритъ, не громко, но очень внушительно).

Полунинъ. Уѣхалъ бы ты отсюда, Дмитрій.

Лѣсной. Да ужъ билеты взяты.

Полунинъ. Билеты куда?

Лѣсной. Домой, въ Петербургъ.

Полунинъ. Въ Парижъ уѣзжай. (Оживляясь). Дмитрій, уѣзжай ты въ Парижъ.

Лѣсной. А семью, Марусю.

Полунинъ. Бѣжать надо! на край свѣта надо,—и можетъ быть еще спасешь себя.

Лѣсной. (Сумрачно). Легко сказать.

Полунинъ. Дай Марьѣ средства, хорошія средства дай ей, и уходи. Ты направо, вотъ видишь ли, она налѣво, и будетъ все превосходно.

Лѣсной. (Задумчиво). Прошли студенческіе годы, я ужъ не могу жить одиноко... Заболѣешь, или что...

Полунинъ. Заболѣешь,—знакомые спиртомъ разотрутъ.

Лѣсной. (Уныло). Конечно, тяжело съ ней... Но что жъ, у нея свои достоинства.

Полунинъ. Достоинства? Какія?

Лѣсной. Да... ну вотъ... предана она мнѣ, вѣрна...

Полунинъ. А къ чему тебѣ ея вѣрность?

Лѣсной. То есть какъ это?

Полунинъ. Да такъ это. Пускай себѣ... сколько влѣзетъ,— если только еще найдется такой олухъ... Уѣзжай въ Парижъ! Погрузись, вотъ видишь ли, въ атмосферу искусства, и все опять придетъ, опять творить станешь. Убѣгай!

Лѣсной. А дѣти?

Полунинъ. Ну что жъ, что дѣти? Стоитъ ли это добро, чтобы изъ за него пропадалъ твой талантъ, ты самъ?.. Да и что можешь ты имъ дать, зачѣмъ ты имъ?

(Издали слышенъ крикъ. Онъ растетъ и приближается. Какъ бомба, влетаетъ Ляля, бѣжитъ по сценѣ и волочитъ на веревочкѣ задушенную утку. За нимъ, въ одномъ сапогѣ, мчится Мишель и оретъ: «идіотъ, чтобъ ты сдохъ, отдай утку»!—Онъ швыряетъ въ Лялю сапогъ, Ляля визжитъ и кричитъ: «папа»! Мишель хватаетъ съ земли сучки, листья, камни, и съ криками и руганью швыряетъ въ брата. Сдѣлавъ два—три тура по сценѣ, оба скрываются).

Лѣсной. (Ошеломленный, кричитъ). Мишель... Ляля... Мишель! сію минуту сюда. Сію минуту, скотина. (Слышенъ голосъ Мишеля— «самъ скотина»).

Полунинъ. (Разводя руками). Однако!

Лѣсной. (Раздраженно, сквозь слезы). Чего вы хотите отъ меня! Чего мучите!

(На крики вбѣгаютъ Марья Павловна и Екатерина Петровна).

Ек. Петр. Опять дѣти?!.

Мар. Пав. Митя, ты бы имъ сказалъ что-нибудь.

Полунинъ. Вчера мимо сарая прохожу, а Лялька къ дверямъ привалился, въ щелку смотритъ. „Ты, чертенокъ, чего“?— Захлебывается, весь красный, слюни отъ восторга распустилъ:— (Копируя голосъ Ляли). „Тамъ, въ серединкѣ, Мишель со своей любовницей, меня караулить поставили“.

Ек. Петр. Богъ съ ними... Я вотъ о чемъ хотѣла, Павелъ: связь Сергѣя съ этой Наденькой становится притчей во языцѣхъ. Уже всѣ говорятъ... Надо что-нибудь сдѣлать.

Полунинъ. Вотъ какъ? А я прошу ничего не дѣлать.

Ек. Петр. Я тебя не послушаюсь.

Полунинъ. Нѣтъ, ты послушаешься. (Входитъ Вѣра).

Вѣра. Что тутъ за крики были?

Ек. Петр. Вѣра, вотъ отецъ противъ моего вмѣшательства. Но вѣдь... Уже весь городъ говоритъ.

Вѣра. Ахъ, вы опять... и это безъ конца... (Рѣшительно). Ну, такъ скажите этому вашему всему городу, что я хочу этого. Хочу! Понимаете ли,—хочу, чтобы это было такъ.

Ек. Петр. Ты хочешь, чтобы у него была связь?

Вѣра. Я не стану противиться тому, что приноситъ счастье Сергѣю.

Мар. Пав. (Со сдержаннымъ презрѣніемъ). Какъ декаденты?

Вѣра. Знайте это, и не жалѣйте меня! Не помогайте мнѣ. Мнѣ ничего не нужно. Я довольна, счастлива, вотъ и все.

Полунинъ. Понимаю. Я, Вѣра, понимаю.

Ек. Петр. Необыкновенное что-то.

Вѣра. Можетъ быть. Да вѣдь и Сергѣй человѣкъ необыкновенный. Онъ вотъ можетъ создать оперу, симфонію, и люди будутъ плакать отъ волненія, слушая ее... Можетъ быть онъ лучшія страницы свои напишетъ, благодаря этой любви къ Наденькѣ. Онъ въ этой любви возьметъ и красоту, и свѣтъ, и ароматъ для творчества...

Мар. Пав. Такъ пусть онъ и цѣлуется съ Наденькой, съ ароматомъ со своимъ, а вы его бросьте.

Вѣра. (Внимательно смотритъ на Марію Павловну). Я не вамъ отвѣчаю, Маруся. Я отвѣчаю всему городу, всѣмъ этимъ доброжелателямъ и друзьямъ, которые такъ рады жалѣть меня и давать мнѣ совѣты... Никогда я Сергѣя не оставлю. Я Сергѣю нужна. Я окружаю его заботами, я берегу его здоровье, покой, настроеніе, я думаю обо всѣхъ мелочахъ его жизни, я даже кушанья выбираю для него съ особеннымъ расчетомъ, сообразуясь съ тѣмъ, творилъ онъ, отдыхалъ,

огорченъ былъ или веселъ... Я Сергѣю нужна. Я поддерживаю его въ минуты упадка духа, я обѣщаю ему успѣхъ,—и онъ мнѣ вѣритъ, и работаетъ упорно. Онъ подолгу развиваетъ предо мною свои творческіе замыслы, и когда онъ это дѣлаетъ, замыслы его становятся яснѣе ему самому.

Ек. Петр. И все таки...

Вѣра. Вотъ, онъ окончилъ теперь свою оперу... И это дѣйствительно правда, и я такъ ясно понимаю это теперь, что какъ для цвѣтка нужна роса и солнечные лучи, такъ для появленія этой оперы нужна была душа моя и душа Наденьки.

Ек. Петр. Значитъ... Я не понимаю... Значитъ, ты и дальше согласна мучиться и претерпѣвать присутствіе этой дѣвицы?

Вѣра. (Поникнувъ). Мучиться?.. (Молчитъ). Да... правда... Я должна сознаться: я мучусь... Но что же? Я человѣкъ съ темпераментомъ спокойнымъ... Сергѣй человѣкъ пылкій... Въ моей любви всегда было много материнскаго. Требовать отъ Сергѣя, чтобы онъ жилъ и чувствовалъ, какъ я, значитъ требовать, чтобы его каріе глаза были голубые, потому что у меня глаза голубые... Да, я мучусь... Но я не буду мучить Сергѣя... И я постараюсь побѣдить себя, и уже тогда не будетъ муки и для меня... Одна радость будетъ.

Полунинъ. Вѣра... но можетъ быть... еслибы, напримѣръ, вы оба уѣхали... Можетъ быть Сергѣй оставилъ бы ту... любилъ бы тебя одну...

Вѣра. (Сквозь слезы). О, еслибы... О если бы... могла я... Я одна если бы могла дать все, что нужно ему!.. Но что жъ?... Я только влага... Я только роса... И... пусть же будутъ благословены солнечные лучи!

Ек. Петр. Ну, а если у нихъ явятся дѣти.

Вѣра. (Послѣ паузы, поникнувъ). Дѣти?.. что-же... дѣти ни въ чемъ не виноваты... и они всегда такія милыя...

(Молчаніе. Лѣсной, все время сидѣвшій въ сторонѣ, понуривишись, подходитъ къ Вѣрѣ).

Лѣсной. Вѣра Михайловна... вы... вы простите меня... Это

жестоко, что я спрошу... и грубо... Но... Я и самъ много страдаю... Вѣра... вамъ очень больно?..

Вѣра. (Грустно улыбаясь ему). Теперь... Кажется уже меньше, Дмитрій... Но прежде... (Шопотомъ) прежде былъ ужасъ...

Лѣсной. (Глядитъ впередъ себя). Господи... Гдѣ же... гдѣ награда... за все, что ты посылаешь намъ? (Пауза. Шатаясь входитъ Семьтысячъ. Онъ пьянъ и никого не замѣчаетъ).

Семьтысячъ. Подобіе потеряешь... Имя свое потеряешь... Я вѣрно говорю!.. Гдѣ моя кладовка?.. Позволила Вѣра Михайловна въ кладовкѣ ночевать... Безъ всякаго будешь результату... Если бы не черезъ жену, то можно... А если жена... Имя потеряешь, подобіе, все потеряешь... И самое, братъ, подходящее тебѣ—черезъ окошко... Лупи въ окошко... А думаешь, поможетъ?.. Никогда не поможетъ... Если черезъ жену, то ты за смертью, а смертъ отъ тебя. Все потеряешь, а смерти не найдешь... Семьтысячъ!.. Я въ кладовку, я спать пойду... (Скрывается. Солнце зашло; сѣрыя сумерки. Скрипятъ и гнутся деревья. Слышенъ гулъ моря).

Вѣра. Вонъ Сережа. (Въ глубинѣ сада показывается Сергѣй и Наденька. Вѣра быстро идетъ къ нимъ навстрѣчу, и всѣ трое уходятъ въ домъ, гдѣ уже зажжены огни. Полунинъ, Марія Павловна, Екатерина Петровна и Лѣсной молча смотрятъ на нихъ).

Мар. Пав. (Передразниваетъ, жестикулируя). Три граціи!.. Пойдемъ, Митенька, со мной, я сейчасъ буду съ Мишенькой по музыкѣ заниматься, послушаешь. (Беретъ мужа подъ руку и уводитъ).

Ек. Петр. Въ кого пошелъ Сергѣй?.. Въ роду этого ни у кого не было. Всѣ семьи были чистыя, всѣ долгъ свой выполняли свято.

Полунинъ. Нда.

Ек. Петр. Вообразилъ себя геніемъ, убѣдилъ этихъ женщинъ, что онъ геній, и завелъ гаремъ... Это распадъ семьи, распадъ общества, распадъ всего.

Полунинъ. Ничего не распадется, Катерина, все цѣло будетъ.

Ек. Петр. Ты не находишь, что то, что здѣсь дѣлается, гнусно?

Полунинъ. „Здѣсь дѣлается“. А гдѣ „не дѣлается“, спрошу я тебя? Всѣ, вотъ видишь ли, однимъ Богомъ созданы, всѣ хороши.

Ек. Петр. Зачѣмъ ты обо всѣхъ судишь по себѣ?

Полунинъ. Эхъ, Катерина,—„по себѣ“... Отлично ты знаешь, что если бы всѣ были какъ я, то добродѣтель на землѣ вѣ какъ стояла бы,—не то, что на четырехъ, на шести бы ногахъ стояла. Чистъ я, страхъ какъ чистъ... Но доблести, вотъ видишь ли, въ этомъ особой не нахожу: просто, вотъ какъ Вѣра о себѣ говоритъ,—темпераментъ у меня спокойный. Велика ли заслуга, если я, вотъ видишь ли, не нагнувшись пройду тамъ, гдѣ человѣкъ высокаго роста башкой о перекладину треснется?

Ек. Петр. Если Сергѣй любитъ эту барышню—пусть уходитъ съ ней совсѣмъ, пусть не мучитъ Вѣру.

Полунинъ. Да. Отъ ноющаго зуба ты хочешь избавить Вѣру тѣмъ, что отрубишь ей голову.

Ек. Петр. По-твоему, продолжать имъ оставаться вмѣстѣ?

Полунинъ. По-моему... Я, пожалуй, еще поразмыслю присмотрюсь... Но вижу и сейчасъ, что у нихъ гораздо больше любви, взаимнаго уваженія, взаимной привязанности, пониманія, преданности, чѣмъ во всѣхъ другихъ бракахъ вокругъ насъ. Да.

Ек. Петр. Плетешь, плетешь...

Полунинъ. Да. И если при этихъ условіяхъ еще появляется на свѣтъ Божій такая, вотъ видишь ли, вещь, какъ опера Сергѣя...

Ек. Петр. (Въ порывѣ). Грошъ цѣна его операѣ!.. (Очень торжественно, наставнически). Бракъ—святыня, это лучшее, что есть у человѣка, меня съ дѣтства пріучали такъ думать, и, какъ тебѣ угодно, съ этимъ я сойду въ могилу... Я не могу, чтобы у меня на глазахъ мой сынъ осквернялъ, топталъ ногами то, что для меня дороже всего, что для меня свято, что свято было для моихъ покойныхъ родителей.

Полунинъ. Оставь, Катерина... Вѣдь это... просто... зависть стараго человѣка. Вотъ осень, оголяются деревья, желтый листъ на землѣ, сумерками холодно, вотъ видишь ли, и воетъ тоскливо

море... Для нашей жизни тоже пришла осень... и уже проходитъ... и не надо, вотъ видишь ли, осенней зависти къ жизни, не надо...

Ек. Петр. Мелешь, мелешь.

Полунинъ. Брось, Катерина, осеннюю зависть стараго человѣка и дай молодости любить...

Ек. Петр. Распутства въ моей семьѣ я не хочу! Я ничего не добьюсь, но я вмѣшаюсь.

Полунинъ. (Спокойно). Ты не вмѣшаешься.

Ек. Петр. Посмотримъ.

Полунинъ. (Такъ же спокойно). Ты не вмѣшаешься.

Ек. Петр. Что за тонъ у тебя?

Полунинъ. Вотъ видишь ли... Чтобы вмѣшиваться... въ такія дѣла... чтобы имѣть на это право... надо, по крайней мѣрѣ, самому быть безупречнымъ.

Ек. Петр. Надо, конечно. И, надѣюсь, я это право имѣю.

Полунинъ. Ты надѣешься?..

Ек. Петр. Что за оскорбительный вопросъ?

Полунинъ. Не вынуждай его ставить.

Ек. Петр. Ты не смѣешь оскорблять меня. Я всегда была вѣрна тебѣ.

Полунинъ. Я не говорю...

Ек. Петр. Всю жизнь! Даже въ мысляхъ!.. Даже во снѣ не забывала своего долга...

Полунинъ. Катерина!

Ек. Петр. Да что ты?

Полунинъ. Ничего... Я ничего не говорю.

Ек. Петр. Пожалуйста, говори!.. Недомолвки какія-то... Тонъ особенный... Я чиста передъ Богомъ. Я смѣло могу смотрѣть въ глаза и тебѣ, и моимъ дѣтямъ.

Полунинъ. Я ничего не говорю... Тридцать лѣтъ ничего не говорилъ, и теперь ничего не говорю.

Ек. Петр. Тебѣ нетрудно быть великодушнымъ, если ничего сказать не можешь, если ровно ничего никогда не было.

Полунинъ. Ровно ничего... никогда... (Помолчавъ, тихо).

Знаешь, Катерина... Теперь вѣдь уже все равно... Осень для насъ съ тобой, сѣдые мы, ревматизмы пошли, морщины, вотъ видишь ли... Въ нашей жизни ничего ужъ измѣниться не можетъ... (Пауза). Вѣдь я все знаю.

Ек. Петр. (Въ испугѣ). Что?.. Что такое?

Полунинъ. (Кротко). Все знаю... Сторожку въ Спасскихъ Лѣскахъ знаю... Глухую тропинку въ сосновой чащѣ знаю... Мичмана Соловецкаго не забылъ... Вѣдь и я тоже ревновалъ... и я выслѣживалъ...

Ек. Петр. Выслѣживалъ!

Полунинъ. Выслѣживалъ. (Кротко, съ грустной улыбкой). Вѣдь и я любилъ... и страдалъ... терзался... и выслѣживалъ... И все видѣлъ... И все знаю... И что Маруся не моя дочь, тоже знаю... (Екатерина Петровна съ глухимъ крикомъ ужаса внезапно опускается на колѣни). Ты не волнуйся, Катя, ты не волнуйся. (Крайне потрясенный поднимаетъ жену, поддерживаетъ, ласкаетъ. Очень кротко, очень мягко и сквозь слезы). Это бы въ могилу унести... да... болтливъ человѣкъ... Все зналъ, Катя... Но что жъ?.. Я невзрачный былъ, заика, скучный, безъ темперамента, я все черные дворы дезинфицировалъ, квасоварни и только про это и разговаривалъ. А ты, вотъ видишь ли,—грезы, рыцари, поэзія всякая... Ну и... и онъ... И не надо было лишать тебя радости... Не надо было портить человѣку жизнь. Не порть и ты, Катерина, не порть... Пусть они любятъ... А мы... Пришла уже осень, зима у дверей... конецъ у дверей... Дай, вотъ видишь ли, молодости жить, Катерина, дай молодости жить...

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ателье Лѣсного. Богато обставлено. Рядомъ съ изящными предметами тонкой артистической работы попадаются вещи вульгарныя, нелѣпокрикливыя—пріобрѣтенія Маріи Павловны. Широко раскрытая дверь въ глубинѣ даетъ возможность видѣть, какъ въ гостиной собираются гости. Яркое электрическое освѣщеніе.—Екатерина Петровна и Марія Павловна, разодѣтыя, сидятъ на диванѣ. Полунинъ, въ черной парѣ и бѣломъ галстукѣ, въ радостной суетливости бѣгаетъ взадъ и впередъ.

Полунинъ. Вотъ-съ успѣхъ!.. Вотъ это такъ успѣхъ!.. (Вдругъ останавливается и кричитъ). Первое представленіе оперы моего сына! (Тычетъ себя пальцемъ въ грудь). Моего!.. Апплодисменты, вызовы, цвѣты... Ахъ! (Бросается къ женѣ и схвативъ, ее за руки, заставляетъ кружиться). Катя, Катюша, Като, Катишъ—я сбѣсился отъ счастья, ей Богу!

Ек. Пет. (Вырываясь изъ рукъ мужа, садится). Кто же могъ знать, что у Сергѣя такой талантъ!

Мар. Пав. Отчего же, я всегда говорила.

Полунинъ. (Маршируя). Весь театръ оралъ и апплодировалъ.

Мар. Пав. Не полонъ былъ театръ. (Входитъ Лѣсной и молча садится).

Полунинъ. Голова ты, тѣмъ замѣчательнѣй, что и при неполномъ театрѣ такая буря апплодисментовъ. Та-а-лантъ!

Мар. Пав. Ну, знаете, здѣсь не въ одномъ талантѣ дѣло. (Полунинъ у дверей смотритъ въ гостиную).

Ек. Петр. Въ чемъ же еще?

Мар. Пав. (Многозначительно). Въ томъ!

Ек. Петр. Не понимаю.

Мар. Пав. Конечно, вы, провинціалы, не знаете, какъ такія дѣла обдѣлываются. Когда имѣешь такое состояніе, какъ Вѣра, такъ нетрудно мужу устроить какой угодно успѣхъ.

Ек. Петр. (Возмущенно). Ну, что ты, Маруся!

Мар. Пав. А что жъ? У меня, знаете, такой характеръ, я люблю правду.

Полунинъ. (Подбѣгая). Галерка, галерка что выдѣлывала!.. Молодые, черти, хорошіе... Я самъ, бывало, студентомъ... Кольцова Віолетту пѣла... Ужъ я шапку ей на сцену тю-тю, а сердца своего все утихомирить не могу, все оно отъ восторга такъ на куски и лопается... Такъ я что сдѣлалъ? Муфта рыжая,—дама этакая толстючая около меня, — такъ я муфту ея цапъ! и— фффьютъ! черезъ весь залъ, на сцену... А еще въ муфтѣ перчатки, бумажки разныя, недовязанный чулокъ, клубокъ шерсти,— и все это такъ надъ публикой и закружилось... А толстючая дама на меня ка-а-къ заоретъ!..

Ек. Петр. Да не оралъ бы самъ, пока что.

Мар. Пав. (Возмущенно вздергиваетъ плечами). Вотъ комедія!.. Вотъ болванство!.. (Входятъ Вѣра и Надя).

Вѣра. Какая радость! Какая изумительная радость!

Наденька. Сонъ какой-то.

Вѣра. Нѣтъ, не сонъ. Я ждала этого. Я шесть лѣтъ ждала и вѣрила.

Наденька. И Сергѣя заставляла вѣрить.

Полунинъ. Вѣрочка, милая, умница наша!

Наденька. Я закрываю глаза... и рисую себѣ, какъ вызывали Сергѣя...

Полунинъ. Галерка, галерка, что выдѣлывала!

Наденька. Какъ подавали ему... вѣнокъ... тотъ, большой... какъ публика вставала, чтобы привѣтствовать его... и вся я дрожу, и слезы такъ и бѣгутъ...

Мар. Пав. Теперь какъ же, съ каждаго спектакля будутъ Сережкѣ платить?

Вѣра. Ужъ какъ хорошо я знаю всю оперу, но сегодня она показалась мнѣ особенно прекрасной.

Полунинъ. Дмитрій, ты что скажешь, а?

Вѣра. Эта большая любовная сцена на рѣкѣ,—какая поэзія!

Полунинъ. Въ фойе, беллетристъ Боровицкій говорилъ, что изъ всѣхъ поэтовъ только Альфредъ де-Мюссе умѣлъ такъ изображать любовь... Альфредъ де-Мюссе!.. Я не читалъ

Вѣра. Это гимнъ красотѣ, юности, свѣтлому торжеству человѣка... Пока исполняли эту сцену, и молодой витязь пѣлъ про свою радость, и звалъ свою рыбачку,—я чувствовала, я всѣмъ сердцемъ чувствовала это,—театръ замеръ отъ умиленія... Всѣ вновь переживали свою юность, у всѣхъ въ душѣ было утро, ясное, свѣтлое, полное надеждъ и силъ...

Наденька. Я плакала... Я ничего не слыхала... Дрожала и плакала...

Вѣра. (Подходитъ къ Лѣсному). Дмитрій, знаете ли, что мнѣ сейчасъ приходитъ въ голову?.. Я припомнила вашу картину „Утро“... и мнѣ кажется, что она производила впечатлѣніе, похожее на то, какое получается отъ этой утренней сцены въ операѣ Сергѣя.

Лѣсной. Не знаю...

Вѣра. Да, да, положительно!.. Та же нѣжность красокъ, та же лучезарность, та же юная свѣжесть и сила...

Лѣсной. У меня голова болитъ...

Вѣра. Что-жъ, я легко допускаю, что на творчество Сережи имѣла вліяніе ваша картина... Онъ очень любитъ ее, часто говоритъ о ней, и прошлымъ лѣтомъ, когда мы были въ Парижѣ, онъ часто ходилъ смотрѣть на нее...

Лѣсной. Я давно не видѣлъ ея.

Наденька. Она могла вдохновить его. И даже подсказать новые пріемы...

Вѣра. О, да, да... Теперь я это вижу ясно. Я даже сказала бы, что Сергѣй только переложилъ на музыку то, что вы, Дмитрій, раньше выразили въ краскахъ... Конечно, ему нужны были еще свои переживанія, свое собственное настроеніе... и... и... Господи, какъ благодарна я всѣмъ... всѣмъ, кто вліялъ на него... кто трогалъ его сердце... кто будилъ силы его души... О, какъ я счастлива сегодня. Я вся замираю отъ радости, отъ гордости... И всѣхъ васъ я люблю, и всѣмъ вамъ я благодарна...

Наденька. Милая Вѣра!..

Вѣра. (Тихо смѣется). Если... если правда, что отъ счастья можно сойти съ ума, то сегодня я должна помѣшаться.

Полунинъ. „Альфредъ де-Мюссе“!... Такъ вѣдь тотъ словами, стихомъ... А здѣсь—однѣми нотами... точечками однѣми!..

Вѣра. Но гдѣ же Сергѣй?.. Въ своей комнатѣ?.. Еще кто-то пріѣхалъ?

Ек. Петр. Столъ человѣкъ на сорокъ накрыть, я думаю. Все новые люди съ поздравленіями являются. (Вѣра и Наденька уходятъ).

Полунинъ. Все—знаменитости! Всѣ — люди съ именами, чортъ подери!.. Какъ онъ, какъ онъ поетъ, витязь этотъ самый? (Кладетъ одну руку на сердце, другую поднимаетъ кверху, весь вытягивается и смѣшнымъ козлинымъ голосомъ поетъ). Тра-ди-тамъ-тамъ-римъ-та-рамъ... Да-ти-та-да-раааамъ.

Мар. Пав. (Съ брезгливой ненавистью). Собачья комедія.

Полунинъ. Сергѣй Полунинъ—мой сынъ! (Тычетъ себя пальцемъ въ грудь). Мой!.. Да - съ, это я знаю навѣрное... Тра-ди-та-да-раааамъ!.. Чортъ возьми! А вѣдь сильно я боялся, что ничего путнаго изъ мальчишки не выйдетъ! Учился, дуракъ, превосходно, пятерки, похвальные листы, поведеніе отличное... Чепуха, думалъ, выростетъ, бухгалтера я для взаимнаго кредита родилъ. Но съ пятаго класса, гляжу, парнишка, ничего,—за умъ взялся,—двойки, безъ обѣда, переэкзаменовки... Ничего, сталъ я надѣяться. Изъ седьмого класса парня поперли,—и ужъ тутъ совсѣмъ стало ясно,—будетъ изъ малаго толкъ, будетъ. (Внезапно опять вытягивается). Тра-ди-та-да-раааамъ! (Маршируетъ).

Мар. Пав. Что же, мама, вамъ ничего, что эта Наденька разсѣлась въ нашей ложѣ?

Ек. Петр. Оставь это, Маруся!

Мар. Пав. (Вскочивъ). Сидитъ мать, сидитъ жена, сестра сидитъ,—и вдругъ (присѣдая, разводитъ руками)—драссте! извольте радоваться,—и она тутъ же!.. (Съ ненавистью). Бѣлый муслинъ нацѣпила!.. фея...

Ек. Пет. (Уныло). Не будемъ вмѣшиваться...

Мар. Пав. Да, вамъ хорошо... Митечка, цыпка, сиди прямѣе!.. Вѣра себѣ уѣдетъ, а мнѣ очень будетъ пріятно, очень, когда

всѣ будутъ приставать: „это его любовница сидѣла. Онъ ее на деньги жены содержитъ“?

Ек. Петр. (Смотритъ въ дверь гостичой). Еще кто то пріѣхалъ?

Мар. Пав. А вотъ же небось и сама Вѣра должна была признаться, что лучшее мѣсто въ своей оперѣ Сергѣй у Мити позаимствовалъ. Вотъ, хоть и іезуитка, а проболталась же.

Лѣсной. (Тоскливо). Будетъ тамъ!

(Съ крикомъ вбѣгаютъ Мишель и Ляля).

Ляля. Мишель большой стаканъ хересу выпилъ.

Мишель. Брешетъ, это онъ выпилъ, идіотъ.

Ляля. Это Мишка.

Мишель. Ну, и выпилъ. Ну, и выпилъ. Ну, такъ что? Въ морду дамъ, идіотъ.

Мар. Пав. Ты скажи же имъ что нибудь, Дмитрій!.. Ляля, сядь на диванъ. А ты вотъ здѣсь, Мишенька, около мамы. Ты же любишь маму, иди, дѣтка, къ мамѣ.

Мишель. Морочь голову! (Ворчитъ и садится къ столу, гдѣ газеты. Читаетъ. Видно, какъ въ гостиную прибываютъ гости; это пріѣзжаютъ поздравлять Сергѣя съ успѣхомъ. Оттуда идетъ гулъ веселаго, оживленнаго разговора).

Мар. Пав. (Оскорбленно). Дура я была, что согласилась этой іезуиткѣ египетской дать квартиру на сегодняшній вечеръ! У меня дѣти, а она сюда привела эту потаскуху.

Мишель. (Радостно гогочетъ). Го-го-го...

Ляля. (Хихикаетъ). Привела потаскуху.

Полунинъ. Монъ фрэръ э бонъ, ма сэръ зоси трэ бонъ... Перезабылъ, все здорово перезабылъ... Митя! а помогъ бы ты мнѣ этого самаго Альфреда почитать.

Мар. Пав. У Вѣры у самой—сто любовниковъ, она и мужу позволяетъ.

Лѣсной. (Со стономъ). Когда жъ ты перестанешь!.. (Марья Павловна вскакиваетъ, гнѣвно вскидываетъ глазами на мужа и съ рычаніемъ уходитъ).

Мишель. Папка, а тебя опять въ газетахъ ругаютъ.

Ляля. Папку въ газетахъ ругаютъ.

Мишель. Вотъ тутъ въ статьѣ, а потомъ еще въ куплетахъ. Здорово!

Ляля. Въ куплетахъ, въ котлетахъ, хи-хи... котлеты...

Мишель. (Читаетъ въ газетѣ).

Былъ у него талантъ прелестный,
Онъ „Утро“ свѣтлое писалъ.
И вотъ, артистъ, ужъ всѣмъ извѣстный,
Сталъ падать, падалъ, и упалъ.

Они идіоты, папка, ты бы имъ въ морду далъ.

Ляля. Вотъ идіоты. Нашего папку!.. Я имъ въ морду дамъ.

Ек. Петр. Идите ка отсюда, дѣти, идите, маршъ! (Выпроваживаетъ дѣтей; Мишель упирается, и на зло очень громко, во все горло, оретъ, читая въ газетѣ: «Блестящее имѣлъ онъ имя, но это имя потерялъ». Екатерина Петровна уводитъ его и Лялю).

Полунинъ. Дмитрій! (Лѣсной сидитъ, понуривши). Дмитрій! (Лѣсной не шевелится). Удручаешь ты меня.

Лѣсной. (Поднялъ лицо къ Полунину. Въ глазахъ тяжкое страданіе. Голосомъ убитымъ, полнымъ страха и муки, хрипитъ). Не могу больше.

Полунинъ. (Взволнованно). Дмитрій... Митя.

Лѣсной. (Дѣтски-растерянно). Можно... можно еще что нибудь сдѣлать?

Полунинъ. Уѣхать, Митя... Я и лѣтомъ говорилъ...

Лѣсной. Уѣхать?.. Да... Лѣтомъ, пожалуй, еще можно было бы.

Полунинъ. (Оживляясь). Голубчикъ, родной, уѣзжай, Христа ради! Вѣдь здѣсь тебѣ смерть! (Изъ гостинной слышны звуки рояля. То играетъ Сергѣй отрывки оперы для собравшихся гостей. Видно, какъ они обступили его).

Лѣсной. Смерть?.. Да, смерть... (Молчитъ. Потомъ начинаетъ говорить тихо и медленно, словно для самого себя). Что же это?.. Что это такое?.. Женщина вздорная... пошлая... ничтожная,—совер-

шенно ничтожная... и завладѣетъ тобой!.. Понемногу, постепенно, день за днемъ, часъ за часомъ... Принизитъ тебя, разрушитъ. Завладѣетъ силой твоей, духомъ, талантомъ твоимъ, всѣмъ...

Полунинъ. Ты слишкомъ добръ, Митя, и слабъ характеромъ...

Лѣсной. Нѣтъ, тутъ не въ добротѣ... И вовсе не такъ ужъ я слабъ. Я умѣлъ бороться. Съ нуждой боролся. Я голодный дорогу себѣ прокладывалъ. Съ рутиной въ искусствѣ умѣлъ бороться, умѣлъ оригинальность свою отстоять... Это умѣлъ... Но вотъ, противъ жены—не сумѣлъ... Тутъ не доброта, не доброта... Тутъ другое что-то .. таинственное, страшное... Такая ничтожная, тупая,—а ты покоришься ей, подъ ноги ея ляжешь, и будешь дѣлать все, что она захочетъ... Почему? Почему не сбросишь ярма?

Полунинъ. Ты, вотъ видишь ли, съ самаго начала плохо себя поставилъ...

Лѣсной. (Медленно, раздумывая). Обѣими руками будешь придерживать ярмо на себѣ... Изнемогаешь, падаешь подъ нимъ, въ крови весь,—а не сбросишь ярма... тысячу увертокъ, тысячу обмановъ создашь себѣ,—лишь бы удержать его на себѣ... Самый злой и лукавый врагъ не придумаетъ тѣхъ увертокъ, какія самъ же ты изобрѣтешь для гибели своей... Дѣти, совѣсть, жалость, общественное мнѣніе... (Какъ бы съ удивленіемъ). Какія-то удобства даже станешь находить въ ярмѣ, нужнымъ оно вдругъ покажется... Съ нимъ ровнѣе идешь, съ нимъ безопасно, спокойнѣе, уютнѣе... И гибнешь, гибнешь.

Полунинъ. Это очень хорошо, Дмитрій, что ты теперь прозрѣлъ.

Лѣсной. Все она возьметъ у тебя!.. все ограбитъ, все... (Пауза). Тутъ таинственное что-то... Тутъ что-то страшное и таинственное... какъ проклятіе... (Пауза). Тамъ у васъ на дачѣ, Семьтысячъ о себѣ говорилъ: „Кабы это не черезъ жену, то можно“... Подобіе, говорилъ онъ, потеряешь, имя потеряешь... Вѣдь правда же, правда это!.. Вотъ и въ этихъ глупыхъ куплетахъ сказано: потерялъ я имя мое...

Полунинъ. Уѣдешь, Митя, все опять хорошо будетъ.

Лѣсной. (Таинственно). Вы знаете, я пробовалъ... Я сказалъ ей, что ѣду къ княгинѣ Львовской урокъ давать...—вѣдь она каждый мой шагъ контролируетъ...—а самъ набрался смѣлости, прокрадывался къ товарищу въ мастерскую и пробовалъ... натурщицу писать пробовалъ.

Полунинъ. Вотъ, вотъ это ты молодцомъ! Давнымъ давно бы...

Лѣсной. Мертво выходитъ... Мертво, какъ если бы сама смерть писала... Воображенія нѣтъ, творческой мысли нѣтъ, огня нѣтъ,—ничего нѣтъ... пуста душа... (Вскрикиваетъ, хватаясь за голову). Гдѣ мой талантъ!.. Гдѣ сила моя?!. (Сергѣй окончилъ играть, гости аплодируютъ). Вотъ Сергѣй нашъ онъ тріумфаторъ сегодня... И давай ему Богъ, я люблю его, и я радъ за него... Но вѣдь онъ — вотъ онъ что предо мной! (Рукой показываетъ на полъ-аршина отъ пола). Ему за другихъ держаться надо, онъ только по чужимъ дорожкамъ ходить умѣетъ. А я,— вѣдь я новое открылъ въ искусствѣ, я пророчески угадывалъ будущее его, совсѣмъ мальчишкой еще я вонъ куда взвился... какъ орелъ... Они до сихъ поръ моими отсвѣтами озаряютъ себя...

Вѣра. (Изъ столовой). Дмитрій! Митя... Идите къ намъ—я хочу выпить за ваше здоровье, за здоровье перваго изобразителя утра.

Лѣсной. (Упавшимъ голосомъ). Было утро... Дивное было утро... изъ золота все. Черное облако погасило его... Мутный день насталъ... Коротенькій такой... И вотъ, уже ночь...

Полунинъ. Ахъ, Дмитрій, Дмитрій.

Лѣсной. Ночь... (Понуро). Имя потеряешь, подобіе потеряешь... все потеряешь... Непонятно это... (Пауза). Ночь... Но въ ночи—зарница.

Полунинъ. Омрачена вся моя радость, а что сказать—не знаю.

Лѣсной. (Крайне разстроенный, со слезами). Ночь, и въ ночи зарница...

Полунинъ. Уѣхать совѣтовалъ, а теперь, вотъ видишь ли, ужъ и не знаю...

Лѣсной. (Съ раздраженіемъ, все сильнѣе волнуясь). Вы понимаете—зарница... Великолѣпная, радостная зарница.

Полунинъ. Не убѣжишь вѣдь отъ этого никуда. Это повсюду за тобой пойдетъ.

Лѣсной. (Почти въ истерикѣ). Вы все не понимаете?.. Но я хочу... О, какъ давитъ... Вы все-таки не понимаете?.. Но надо же, чтобы кто нибудь зналъ... и вспоминалъ... (Вбѣгаетъ Марія Павловна).

Мар. Пав. Цыпка, ужинать ты сядешь рядомъ со мной, пусть іезуитка-Вѣра видитъ... Возьмешь меня подъ руку и поведешь къ столу... Но только, чтобы ты не хмурился... Я бѣгу... Княгиня Львовская пріѣхала... (Убѣгаетъ, на ходу оборачивается). Смотри же, Митечка, рядомъ, около меня...

Лѣсной. (Жмется). Холодно мнѣ.

Полунинъ. Оттого, что ателье. Окна, вотъ видишь ли, громадныя, открыто вѣтру...

Лѣсной. Да.

Полунинъ. Фонарь вѣдь, а не комната. Такую, вотъ видишь ли, комнату, какъ и отопить?

Лѣсной. Холодно.

Полунинъ. И взбираться сюда... Лѣзешь, лѣзешь по лѣстницѣ. Десять разъ отдыхать остановишься...

Лѣсной. (Усталымъ голосомъ). Очень высоко. Изъ окна смотришь, люди козявками кажутся... И клумбъ тамъ, подъ окномъ, нѣтъ...

Полунинъ. Въ Петербургѣ клумбы! На гранитѣ, вотъ видишь ли, не выростутъ...

Лѣсной. (Какъ бы про себя). Имя потеряешь, подобіе потеряешь...

Вѣра. (Изъ столовой). Дмитрій, что же вы? Я жду.

(Лѣсной вздрагиваетъ, ходитъ, останавливается въ нерѣшительности.— Потомъ, быстро подойдя къ Полунину, говоритъ, съ большой простотой).

Лѣсной. Отецъ, я полюбилъ.

Полунинъ. Какъ?!

Лѣсной. Я полюбилъ... Высокой, огромной любовью.

Полунинъ. (Крайне изумленный, отступаетъ). Дмитрій... правда?

Лѣсной. Полюбилъ.

Полунинъ. Такъ вотъ оно что?.. Такъ это оттого... Родной ты мой, голубчикъ!..

Лѣсной. Да. Я хотѣлъ, чтобы вы знали.

Полунинъ. (Въ сильномъ волненіи). Опять говорю: уѣзжай!.. Ужъ думалъ, поздно тебѣ, ужъ думалъ, все пропало, а теперь, вотъ видишь ли, опять говорю: уѣзжай!

Лѣсной. Въ моей черной ночи такая зарница зажглась... (Входитъ Вѣра).

Вѣра. Сколько же васъ ждать, Дмитрій?

Полунинъ. Ахъ, Вѣруша... вѣдь ты не знаешь... Ты ничего не знаешь... А вѣдь онъ... Вѣдь я считалъ, погибъ парень, заклеванъ,—а онъ, вотъ видишь ли, воскресъ!.. Воскресъ, Вѣра!..

Вѣра. Да въ чемъ дѣло?

Полунинъ. (Тихо, таинственно). Уѣзжаетъ. Все броситъ здѣсь и уѣдетъ... Онъ... Можно, Митя?.. Сказать можно?

Вѣра. Что такое съ вами?

Полунинъ. Ей можно... Вѣрѣ все можно... (Таинственно, тихо). Вѣра, Дмитрій полюбилъ... Ты понимаешь?.. По настоящему. (Громко). И женщина—вотъ видишь ли—изумительная! (Снова тихо). Они оба уѣзжаютъ. Въ Италію. Въ Парижъ. Тюрьму эту, склепъ этотъ—къ чорту!..

Вѣра. Я не смѣю вмѣшиваться, Дмитрій, но... но радость отца я понимаю.

Полунинъ. (Пьяный отъ счастья). Го-го-го!

Вѣра. Что жъ, вѣдь ваша жизнь шла ненормально... И... и я вѣрю, что теперь она сдѣлается болѣе радостной.

Лѣсной. Вы вѣрите?

Вѣра. Глубоко .. Если только вы позволяете мнѣ касаться

этого вопроса, я скажу... то, что давно такъ хотѣлось сказать вамъ. Вашей душѣ необходимо обновленіе... Пустяки, талантъ вашъ не умеръ. И вы видите, какъ свободно сочетаю я эти слова: „вашъ талантъ“ и „умеръ“. Это доказываетъ вамъ, какъ мало я придаю значенія болтовнѣ о смерти вашего таланта. Талантъ силенъ и ярокъ. Но... Нужно освобожденіе... Нужно иначе жить... Нужна радость въ жизни...

Полунинъ. (Оретъ). Я радъ!.. Я ликую!.. Пойду, вотъ видишь ли, въ столовую, скажу имъ, дурнямъ, что я ликую—я, какъ галерка, ликую!—и выпью у нихъ всю водку. Ей Богу!.. Никому ничего не оставлю, всю выпью... (Уходитъ).

Вѣра. (Подходитъ къ Лѣсному). Милый Дмитрій, ну отчего не говорить открыто: вѣдь страшно жъ было смотрѣть на вашу жизнь... Ну, а теперь все измѣнится въ корнѣ. Конечно, у васъ это не пустое увлеченіе какое нибудь,—не по вашему характеру легкомысленные романы... Вѣроятно, это чувство глубокое, сильное.

Лѣсной. Да.

Вѣра. О, какъ хорошо... Оно переродитъ васъ, оно вернетъ вамъ силы, вѣру, молодость, внесетъ свѣтъ въ вашу душу и радость.

Лѣсной. Свѣтъ... да... И радость.

Вѣра. Хорошо это, Дмитрій! Ужасно хорошо. Безъ этого вы въ самомъ дѣлѣ погибли бы. А теперь... Это огромное счастье.

Лѣсной. Огромное счастье.

Вѣра. И... простите меня, Митя... Это уже чисто бабье любопытство: скажите, умна она? очень?

Лѣсной. Да, она умная.

Вѣра. Хороша? Красавица?

Лѣсной. Она... она зарница.

Вѣра. (Кладетъ ему руки на плечи). Вы не сердитесь за мои разспросы, Митя, вы знаете, вѣдь, какъ я люблю васъ... Скажите, она очень васъ любитъ, да?

Лѣсной. Она?

Вѣра. Вы конфузитесь, какъ мальчикъ, и это такъ хорошо

выходитъ... Ахъ, Дмитрій, сегодня мой Сергѣй тріумфаторъ, я вся полна ликованіемъ, и это мѣшаетъ мнѣ полностью прочувствовать всю глубину вашего счастья,—вы вѣдь понимаете это и простите... Но все же я такъ рада, такъ счастлива за васъ...

Лѣсной. Ну... ну и чего же мнѣ?

Вѣра. Повѣрьте, что если не считать нашего старика, у васъ нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ я.

Лѣсной. Ну... ну и чего же мнѣ еще...

Вѣра. Никто такъ не будетъ радоваться возрожденію вашего таланта, какъ я.

Лѣсной. Ну вотъ. Ну и спасибо.

Вѣра. Идемъ въ столовую... Ахъ, какой день!.. Идемте. Будемъ веселиться, будемъ хохотать и сумасбродствовать... Вы выпьете за будущіе тріумфы моего Сергѣя, а я... я за того, кто сегодня родился.

Лѣсной. Кто сегодня родился?

Вѣра. Сегодня вы родились вторично, Дмитрій... Вотъ вы какъ-то говорили, что только въ природѣ есть обновленіе, а для человѣка второго утра нѣтъ. Начинается новое утро въ вашей жизни, прекрасное утро. И теперь, послѣ всего, что вы пережили, вы навѣрное создадите нѣчто очень большое и глубокое.

Лѣсной. Послѣ всего, что я пережилъ... (Помолчавъ). Вѣра, откуда взялся этотъ Семьтысячъ?

Вѣра. Чего это вы вдругъ о немъ?

Лѣсной. Кабы не черезъ жену, то еще можно бы—говорилъ онъ.

Вѣра. Не люблю я его... Зловѣщій какой-то.

Лѣсной. Безъ имени будешь ходить, подобіе потеряешь... Ты за смертью, она отъ тебя.

(Изъ столовой доносятся веселые голоса, шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Звонъ посуды, смѣхъ. Полунинъ поетъ «тра-ди-тамъ-рамъ-та-рамъ»).

Вѣра. Не думайте объ этомъ, это все въ прошломъ. А теперь... Весело, радостно, хорошо... Идемъ въ столовую, Дмитрій.

Лѣсной. Въ столовую?.. Да, да... Я сейчасъ... Я вотъ только посмотрю... Я... пиджакъ надѣну, сюртукъ, онъ... какъ-то... стѣсняетъ...

Вѣра. Хорошо, приходите сейчасъ, тамъ давно ждутъ... О, какое веселье! И какъ люблю я всѣхъ... Дмитрій, милый, будемъ на ты. Сегодня такой день... Мой Сергѣй побѣдитель... Я пьяна отъ счастья... И поцѣловать тебя я хочу... (Обнимаетъ его и звонко цѣлуетъ). Какая радость!.. Ну, одѣвайся поскорѣй, и приходи. Я жду. (Уходитъ. Лѣсной стоитъ неподвижно и смотритъ ей вслѣдъ. Потомъ опускается на колѣни и цѣлуетъ полъ, то мѣсто, гдѣ стояла Вѣра).

Лѣсной. Зарница ты моя!.. Вѣра... Зарница... (Встаетъ, идетъ къ окну). Нѣтъ, второго утра не бываетъ... Ночь, и зарница угасла... (Смотритъ черезъ окно на улицу). Здѣсь клумбъ нѣтъ... Конецъ сразу будетъ. (Распахиваетъ окно. Въ это мгновеніе вбѣгаетъ Марья Павловна, радостно взволнованная).

Мар. Пав. Митенька, цыпка, ахъ если бы ты слыхалъ!.. Зачѣмъ окно раскрылъ? Накурили?.. Закрой, закрой,—холодюга... Если бы ты слыхалъ, что Миша сейчасъ ляпнулъ Вѣрѣ!.. При всѣхъ,—понимаешь,—при всѣхъ, такая умора!.. (Въ дверяхъ гостиной показываются Мишель и Ляля, весело гогочутъ).

Лѣсной. (Въ ужасѣ, широко раскрывъ глаза). Ты за смертью, смерть отъ тебя...

Мар. Пав. (Захлопываетъ окно. Въ восторгѣ возбужденія не замѣчаетъ трагическаго лица Лѣсного). Идемъ, я разскажу тебѣ. Такое ляпнулъ... (Схватываетъ его подъ руку). Мишенька, языкатый, развѣ жъ можно такъ?.. (Мишель и Ляля подходятъ къ матери, оба гогочутъ).

Ляля. Ляпнулъ такое...

Мар. Пав. И Вѣрѣ, и Наденькѣ такое ляпнулъ... Ты бы ему хоть сказалъ что нибудь... Покраснѣла іезуитка, а гости какъ расхохочутся... (Ведетъ Лѣсного. Дѣти идутъ съ ними по обѣимъ сторонамъ). Я разскажу, я все тебѣ разскажу, идемъ, Митя, идемъ... Идемъ...

Д. Айзманъ.

Riviera Levante, 1908.

„Пламенный кругъ“.

Такъ называется послѣдній лирическій сборникъ Ѳедора Сологуба,—наиболѣе характеризующее, наиболѣе цѣнное произведеніе его послѣ „Мелкаго бѣса“. Критика единогласно отмѣтила его значительность среди стихотворныхъ сборниковъ минувшаго года, но не остановилась на немъ. Между тѣмъ есть основаніе продумать мотивы, связующіе воедино эти полтораста стихотвореній. Какъ вездѣ, Сологубъ говоритъ въ нихъ о себѣ и только о себѣ; вездѣ, онъ и здѣсь, говоря чудовищное и невѣроятное о себѣ, говоритъ простую правду о насъ: хочетъ „чтобы интимное стало всемірнымъ“—и достигаетъ этого. „Пламенный кругъ“ есть замѣчательный портретъ, мрачный и убѣдительный. Мы вѣримъ въ его сходство, не зная оригинала; а сходство приводитъ насъ къ вѣрѣ въ существованіе оригинала. Темна была намъ эта душа, угрюмая, самомнительная, порочная и творческая; нельзя было повѣрить, что она здѣсь, рядомъ съ нами, среди безконечно чуждой и безконечно близкой ей современности. „Пламенный Кругъ“ раскрываетъ намъ яснѣе высоты ея созиданія и бездны ея паденій. Страшенъ и тѣсенъ его міръ, но выраженъ въ немъ отчетливо и поучительно.

Это именно кругъ и именно пламенный кругъ. Безумствующій Сологубъ страшно сознателенъ и ничего не дѣлаетъ случайно: каждое его слово осмыслено, каждое должно занять свое мѣсто. Онъ можетъ противорѣчить себѣ, ибо противорѣчіе законъ его существа; но нѣтъ противорѣчія, ибо это именно законъ; въ его высказываніяхъ можетъ быть логическое противорѣчіе, но нѣтъ психологическаго разногласія; онъ единъ и едино его творчество. И новая лирическая книга его есть его система: циклъ, планъ, *кругъ*. Это кругъ, потому, что начало здѣсь сходится съ концомъ и потому, что всѣ переживанія, въ немъ вмѣщенныя, тяготѣютъ къ центру и

уравновѣшиваютъ другъ друга. И центръ этотъ—единое, всемогущее, всесоздавшее, все вмѣщающее Я поэта: hen kai pan. „Ибо все и во всемъ—Я, и только Я, и нѣтъ иного, и не было и не будетъ“.

И это именно *пламенный* кругъ, не холодный, не теплый не абстрактный и не матеріальный, а пламенный, изъ живого пламени. Кругъ есть система, законченность, ratio; но поэзіи чуждо то, что исчерпывается въ системѣ, въ разсудкѣ, въ конечномъ. Поэзія—какъ и ея прообразъ, ячейка и вмѣстилище, языкъ—есть не созданное, но создаваніе, не ergon, а energeia; поэзія есть вѣчное становленіе, вѣчная безконечность, подлинная, а не „дурная безконечность“, каковую представляетъ собой геометрическій кругъ. Кругъ поэзіи долженъ быть кругомъ пламеннымъ; міровоззрѣніе, представленное въ лирикѣ, должно быть свидѣтельствомъ живого исканія, живого горѣнія. Какъ правильный шаръ расплавленаго солнца окруженъ пылающей фотосферой, такъ замкнутый циклъ раціональныхъ воззрѣній поэта долженъ быть охваченъ дрожащимъ контуромъ раскаленной атмосферы его чувства. Въ этомъ смыслѣ поэзіи,—иначе она была бы только раціональна, то есть дурно исполнила бы то великое дѣло, которое безъ ея дѣтски-безтолковыхъ услугъ хорошо дѣлаетъ раціональная мысль. Раціональная система тверда, устойчива и холодна. А творчество поэзіи эмоціонально и къ важнѣйшей своей долѣ подсознательно, и оттого она—по ей доступному пути—предшествуетъ разуму науки; оттого она воспламеняетъ насъ, оттого вовлекаетъ въ свой могучій бѣгъ.

Многихъ ли вовлечетъ Сологубъ? Конечно, не многихъ; да оно и лучше: хорошо, что эта аптечка ядовъ заперта секретнымъ замочкомъ. Но хорошо знать, что въ ней: и яды бываютъ полезны; лечить ими можно, и убивать иногда нужно.

I.

Для того, чтобы приблизиться къ Ѳедору Сологубу прежде всего приходится твердо отказаться отъ различенія міра дѣйствительнаго отъ недѣйствительнаго. Нѣтъ вопроса: было это или не было, могло быть или не могло. Только что это былъ реальнѣйшій въ своей гнусности Передоновъ: русскій захолустный учитель; черезъ мгновеніе сидитъ передъ нимъ нечистая сила. И не надо говорить себѣ, что это бредъ сумасшедшаго Передонова, что ему

только кажется, а намъ не кажется. Нѣтъ, это міръ сотворенный Сологубомъ—и надо его брать въ серьезъ, цѣликомъ, какъ онъ есть. Міръ, созданный поэтомъ, есть его міровоззрѣніе, его планъ дѣйствительности: изъ него ничего нельзя выкинуть; въ немъ нѣтъ ничего болѣе дѣйствительнаго и менѣе дѣйствительнаго: все на однихъ подмосткахъ, и подмостки эти воплощаютъ міръ. Иногда поэтъ—нашъ раціональный единомышленникъ—самъ отличаетъ реальное отъ ирреальнаго. Но это его право—и рѣдкій писатель съ большимъ пренебреженіемъ относится къ этому праву, чѣмъ Ѳедоръ Сологубъ.

Съ тѣхъ поръ какъ разумная мысль отвергла миѳическое міровоззрѣніе, въ литературѣ культурныхъ народовъ не было поэта, менѣе отдѣляющаго міръ дѣйствительности отъ міра мечты, чѣмъ Ѳедоръ Сологубъ. Миѳъ и поэзія раздѣляются логически; исторія мысли указываетъ намъ на переходъ отъ мышленія миѳологическаго къ поэтическому. И то и другое объясняетъ міръ познающему человѣку; но разница заключается въ отношеніи къ тому явленію *посредствомъ* котораго объясняется непонятное. Первобытная миѳологическая мысль объясняетъ все тѣми близкими понятными ей существами, которыя она наблюдаетъ вокругъ въ самой реальной формѣ. Небо есть сверхчеловѣкъ, то есть все таки человѣкъ; громъ есть подлинный грохотъ его колесницы. Поэзія сохраняетъ миѳологическіе пріемы объясненія, но кореннымъ образомъ мѣняетъ отношеніе къ дѣйствительному существованію тѣхъ человѣкообразныхъ созданій мысли, которыя привлекаются къ объясненію. Когда весенняя гроза становилась загадкой предъ первобытной мыслью, мыслитель-миѳотворецъ говорилъ себѣ: это *они* на небѣ ѣздятъ, гремятъ и воду льютъ. И онъ вѣрилъ въ то, что это настоящая вода, пролитая кѣмъ-то. Когда „гроза въ началѣ мая“ останавливаетъ вниманіе современнаго поэта, онъ тоже считаетъ возможнымъ, что это

вѣтренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Но у него нѣтъ вѣры въ дѣйствительность Гебы, орла и кубка; это не миѳъ, а поэзія; не научное объясненіе, а метафора.

Такъ оно—въ раздѣляющемъ понятія разумѣ; но не совсѣмъ такъ въ живой творящей душѣ поэта: здѣсь все еще связано, смутно, сплетено. Здѣсь реальное и ирреальное еще не отдѣлились

другъ отъ друга, какъ твердь отъ суши. Поэтъ не отождествляетъ природу съ прекрасной женщиной, когда въ его мысли она дремлетъ и улыбается,—когда

Съ улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.

Но нѣтъ и полнаго отрицанія; категорія субстанціи не вытѣснена категоріей процесса: нѣтъ всепроникающаго ощущенія движенія и только движенія, а вѣдь жизнь есть только движеніе—и ни мига остановки. Наоборотъ, есть олицетвореніе, просто немыслимое безъ нѣкотораго смутнаго ощущенія, что природа есть все-таки нѣкое существо. Замѣчательное стихотвореніе Тютчева „Не то, что мните вы, природа“ меня всегда болѣе всего восхищало тѣмъ, что здѣсь при полномъ, захватывающемъ одухотвореніи природы нѣтъ ея олицетворенія:

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Въ ней, а не у нея: въ природѣ происходятъ всѣ процессы, свойственные одухотворенному существу, но она не существо. И все же если нуженъ примѣръ поэта, въ душѣ котораго еще живы могучіе остатки миѳологіи или вѣрнѣе, у котораго напряженность поэтическаго олицетворенія доходитъ до реальности почти миѳологической, то это, конечно, Тютчевъ. Когда у него «демоны глухонѣмые ведутъ бесѣду межъ собой“, когда «жалкое безуміе»,

Подъ раскаленными лучами
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ
(Оно) стеклянными очами
Чего то ищетъ въ небесахъ,—

то самъ содрогаешься отъ реальности этихъ видѣній и чувствуешь. что для поэта они не только поэзія.

Но не было поэта, для котораго его видѣнія такъ мало были бы поэзіей какъ для Ѳедора Сологуба. Для него нѣтъ вопроса о томъ, что было и чего не было: было все, что было въ его мысли; есть все, чѣмъ онъ воспользовался, какъ категоріей, уясняющей міръ. Наоборотъ, существованіе этого дѣйствительнаго міра—внѣ Сологуба; есть ли этотъ міръ или не есть—ему все равно; дѣйствительность призрачна для Сологуба и призраки дѣйствительны.

„Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ“. Этими словами начинается

самое фантастическое и самое неразгаданное изъ произведеній Ѳедора Сологуба — романъ „Навьи чары“: — „Коснѣй во тьмѣ, тусклая, бытовая, или бушуй яростнымъ пожаромъ,—надъ тобою, жизнь, я, поэтъ, воздвигну творимую мною легенду объ очаровательномъ и прекрасномъ“.

Въ мірѣ легенды—не всегда однако сладостной, чаще невыносимо-тоскливой—проходитъ вся душевная дѣятельность Сологуба. Ирреально онъ мыслитъ, ирраціонально чувствуетъ — и всякій упрекъ въ этомъ отношеніи идетъ мимо него. Нѣтъ доводовъ отъ разума противъ этого насквозь внѣразумнаго міроощущенія; безсиленъ даже единственно возможный здѣсь разумный доводъ о внутреннихъ противорѣчіяхъ этой системы.

Сологуба надо принять цѣликомъ или цѣликомъ отвергнуть. Изъ него нельзя ничего выбирать — одно одобрить, другое откинуть, здѣсь порадоваться, тамъ съ брезгливостью, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ отпрянуть отъ этого неразрѣшимаго сплетенія другъ друга поглощающихъ, уносящихъ, уничтожающихъ душевныхъ теченій. Надо принять Сологуба, надо сочувственно въ мысли пережить бездны его паденій, его недужныя скитанія, его садическое изступленіе, его презрительную и злую тоску, — чтобы понять его, понять какъ чужого, но нужнаго. Не такъ ли мы понимаемъ и Достоевскаго? Въ противорѣчіяхъ смѣшно упрекать его. Сологубъ это какое-то всеобъемлющее вмѣстилище противорѣчій. Громадное множество антиномическихъ терминовъ прилагается къ нему безъ натяжки и безъ всякаго иного примиренія, кромѣ того психологическаго синтеза, какой способна дать номинальнымъ противорѣчіямъ только живая личность.

Сложный, онъ единъ, грубо реалистичный, онъ идеалистъ, изломанный, онъ простъ, понятный, онъ загадоченъ. Онъ жалокъ и страшенъ, онъ говоритъ правду, когда кривляется, онъ отталкиваетъ, но что-то влечетъ къ нему. Въ нашей литературѣ нѣтъ образа, воплотившаго столько загадокъ и ужаса,—а взгляните на его портретъ—почтенный старичекъ, тихій и заурядный. Онъ съ камнемъ за пазухой, этотъ безобидный; и его книги—тоже. Психологически многообразный, онъ какъ-то напряженно цѣленъ въ своемъ творчествѣ. Нѣтъ у него никакой мелочи, которая не говорила бы о немъ рѣзко, настойчиво, повелительно. Какъ въ Лирѣ каждый дюймъ—король, такъ въ Сологубѣ каждая строчка, каждое слово — Сологубъ.

II.

Ни о чемъ кромѣ себя онъ не умѣетъ писать; изрѣдка хочетъ, почти никогда это ему не удается, но единственный его герой, единственный для него вопросъ это онъ самъ. Прочіе вопросы онъ рѣшилъ; можно книгу написать о томъ, какъ Сологубъ на нихъ смотритъ, но эта книга важна только для пониманія Сологуба, а не для углубленія затронутыхъ имъ вопросовъ. Онъ внѣ себя не ищетъ, онъ уже все знаетъ: онъ хочетъ знать о себѣ и бьется надъ этой загадкой. Кто остается въ памяти изъ созданныхъ имъ людей, въ которыхъ нельзя найти его признаній? Что утвердится въ общей мысли изъ его эпическихъ образовъ? Ничто. Останется только лирика: лирика стиховъ, лирика драмъ, лирика романовъ. У него есть рядъ балладъ; баллады это такой глубоко эпическій родъ—поэтъ уходитъ куда то вглубь вѣковъ, въ фантастику и изображаетъ цѣлый міръ, пережитый его міровоззрѣніемъ; такъ у Шиллера, у Гете, у Гюго, у Пушкина, у Майкова. У Сологуба, конечно, наоборотъ: точно насмѣшка надъ объективностью баллады. Онъ самъ герой своихъ балладъ; онъ жилъ во всѣхъ вѣкахъ, онъ жилъ во всѣхъ тѣлахъ, звѣриныхъ, человѣчьихъ и бѣсовскихъ. Это „личины переживаній“ его, это тѣ внѣшнія оболочки, въ которыхъ онъ мыслитъ себя, чтобы осмыслить себѣ дикій хаосъ своего я.

Люблю блуждать я надъ трясиною
Дрожащимъ огонькомъ,
Люблю за липкой паутиною
Таиться паукомъ.

Здѣсь мы какъ бы на границѣ между мыслью миѳологической и поэтической; поэтъ какъ будто чувствуетъ себя дѣйствительно способнымъ принимать эти многообразные и несовмѣстимые облики. Но вотъ—это ощущеніе становится чистой метафорой, изъ области небывалаго мы переходимъ въ область поэтическаго сравненія; миѳологія становится лирикой — и мы получаемъ объясненіе, на почвѣ какихъ ощущеній возникаетъ это перевоплощеніе:

Люблю летать я въ полѣ оводомъ
И жалить лошадей.
Люблю быть явнымъ, тайнымъ поводомъ

Къ мученію людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
Зато томлюсь и самъ.
Мой тихій стонъ, мой вопль медлительный,—
Упреки небесамъ.

Судьба дала мнѣ плоть растлѣнную,
Отравленную кровь,
Я возлюбилъ душою тлѣнною
Безумную любовь.

И когда предъ нами чредой проходятъ необычайныя и подчасъ страшныя «личины переживаній» Ѳедора Сологуба — такъ называется первый отдѣлъ «Пламеннаго круга»,—мы можемъ видѣть въ нихъ не только преображеніе его, но именно тѣ личины, тѣ маски, въ которыхъ являются его мысли, его переживанія. Вѣчно возвращающійся къ себѣ, вѣчно варіирующій себя Сологубъ въ одномъ стихотвореніи, появившемся уже послѣ «Пламеннаго круга» раціонально—о, этотъ безумствующій бываетъ весьма раціоналенъ—объясняетъ, откуда его «личины переживаній». Напрасно только *почему* здѣсь переходитъ въ *для чего*, и то, что хорошо, когда стихійно, становится смѣшно, когда сознательно. Но это ex post; на самомъ дѣлѣ не такъ ужъ преднамѣренъ Сологубъ, когда представляется себѣ не тѣмъ, что въ немъ видитъ обыденщина:

Я—царевичъ съ игрушкой въ рукахъ.
Я—король зачарованныхъ странъ.
Я—невѣста съ тревогой въ глазахъ,
Богомолкой бреду я въ туманъ.

Почему эти преображенія? Сологубъ объясняетъ. Жизнь есть закономѣрность, то-есть рабство; пути ея невыносимы, ибо предопредѣлены, а въ концѣ ея—уничтоженіе:

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Все зоветъ да манитъ отдохнуть.

Что дѣлать, какъ осилить этотъ невыносимый гнетъ жизни:

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь отъ злого лица.
Чтобъ ее одолѣть, я стремлюсь
Расширять бытіе безъ конца.

«Личины переживаній» и суть это расширеніе бытія. Сологубъ изобрѣтателенъ въ немъ. То онъ—Адамъ, среди первозданнаго творенія, и,—какъ это и должно быть у Сологуба — два женскихъ образа смѣняются предъ его алчущей душой: стезей лазурной приходитъ къ нему легкая какъ сонъ и какъ сонъ безгрѣшная волшебница Лилитъ—«и не желать бы мнѣ иной»—но сонъ ушелъ, и встала передъ нимъ слишкомъ, увы, реальная Ева. Вотъ онъ сталъ молодой сладострастной поклонницей Брамы, свершающей предъ его таинственнымъ и устрашающимъ изваяніемъ поклоненіе

ритуальному фаллусу. Вотъ онъ воплотился въ Фрину, побѣдилъ своею страстной красотою навѣты клеветы и преклонилъ на свою сторону старцевъ ареопага. Вотъ онъ въ древнемъ Римѣ, склоненномъ подъ безславнымъ ярмомъ Нерона; вотъ направленъ его кинжалъ противъ злого владыки,—но онъ схваченъ и, облитый смолою, горитъ на кострѣ. Вотъ онъ чувствуетъ себя палачомъ въ старомъ Нюрнбергѣ; хрустятъ позвонки подъ ударами его меча; кто-то «бросаетъ душу въ размахъ его руки»; но нѣтъ въ немъ ни увлеченія, ни сознанія исполненнаго долга. Этотъ палачъ средневѣковой Германіи остается современнымъ намъ Ѳедоромъ Сологубомъ; «скучный позоръ» — и ничего больше не ощущаетъ онъ въ своемъ ремеслѣ; и злобствуетъ онъ противъ «строгаго судьи», когда тотъ, опредѣлившій своимъ словомъ казнь, сидитъ, спокойный, дома во время самой казни; и жажда крови томитъ палача — и онъ съ тоскливой злостью истязуетъ своего сына. Невиннымъ пастушкомъ и таинственнымъ звѣремъ; собакой, лающей на луну, и матерью, съ безконечной нѣжностью и ласковой шуткой убаюкивающей ребенка, воображаетъ себя Сологубъ. Онъ переживаетъ эти состоянія, и не широкій міръ явленій рисуютъ эти личины переживаній, хотя все въ нихъ конкретность, и исторія, и бытъ,—а одну душу, тоскующую, злобствующую въ безсиліи и въ безсиліи страдающую. Это онъ *себя* чувствуетъ состарившейся собакой сѣдого короля, къ хвосту которой, издѣваясь, мальчишка привязалъ пылающую погремушку; это онъ живетъ, какъ нѣкій «звѣрь пещерный», его терзаютъ упыри, химеры и прочая «отверженная нежить».

И я, какъ звѣрь скитался
Въ кругу заклятыхъ силъ
И скверною питался,
Но смерти не вкусилъ.

Это онъ, поклонникъ неправедныхъ владыкъ, возносилъ къ ихъ престолу лишь «тоской вѣнчанную унылость», это онъ, испытавъ даже смерть, «насытясь духовеньемъ отрадъ священныхъ», стремится вновь къ землѣ, отвергнутой и необходимой:

Во мглѣ земли свершаю превращенья,
Покоренъ я,—
И дней медлительныхъ влачатся звенья,
О, жизнь моя!

III.

Эта жизнь есть «земное заточеніе»: такъ называется второй секторъ „Пламеннаго круга“; жизнь есть страданіе, безуміе и же-

стокость. И—лучшій видъ проклятій—„смиренную дерзновенную хулу“ возноситъ охотнѣе всего Сологубъ тому, кто для него есть видимый символъ расцвѣта земной жизни. Это

Змій, царящій надъ вселенною,
Весь въ огнѣ, безумно злой,—

это—наше свѣтило, наше солнце; для Сологуба это только „губитель“.

И ползущихъ и летающихъ
Ты воззвалъ на краткій срокъ.
Сознающихъ и желающихъ
Тяжкой жизни ты обрекъ.

И ясно, чѣмъ прежде всего тяжка жизнь для всѣхъ „сознающихъ“. Тѣмъ, что она безпредѣльная загадка, что смысла ея мы не знаемъ.

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновидѣнье,
Или ничье?

Надо искать отгадки; надо искать „просвѣты въ область нетлѣннаго дня“, но раньше вѣдь надо справиться съ вопросомъ: да есть ли гдѣ-нибудь эта отгадка—есть ли гдѣ-нибудь—въ нашемъ мірѣ ли или иномъ—пути къ истинѣ, или намъ надо жить въ тупой покорности безсмыслицы, въ „безплодномъ томленіи“?

Кто же внесетъ въ заточенье земное
Свѣточъ, пугающій тьму?
Скоро ль безсмертное, сердцу родное
Въ свѣтѣ его я пойму.

Или навѣкъ нерушима преграда
Бѣлой, обманчивой тьмы,
И безконечно томиться мнѣ надо,
И не уйти изъ тюрьмы?

А между тѣмъ вѣдь мы вѣримъ въ осмысленность жизни, вѣримъ въ ея закономѣрность, въ ея „грани“, и тяжко намъ жить безъ ясности знанія, въ смутности неопредѣленной вѣры. И нѣтъ иного пути. Хочешь знать истину?

Вѣришь въ грани? Хочешь знать?
Полюбилъ Ее,—святую, дѣвственную Мать?
Боль желаній утоли.
Не узнаешь, не достигнешь здѣсь, во мглѣ земли:

А если и есть эта закономѣрность бытія, если все разумно, все упорядочено, все предопредѣлено, то тѣмъ хуже: „сердце сказки хочетъ и не хочетъ были“; страшно ему „мертвыя видѣть повсюду слова,—прекрасная сказка навѣки мертва“. Душѣ человѣческой,

испуганной и измученной „безлѣпицей житія“ нужно что-нибудь выше рабства закономѣрности. Она хочетъ чуда, она молитъ о немъ.

Господи, если я рабъ,
Если я бѣденъ и слабъ...
Дай мнѣ въ одну только ночь
Слабость мою превозмочь

Какъ—между прочимъ—характерно для Сологуба, что просимое имъ чудо должно проявиться прежде всего въ небываломъ *и единомъ* подъемѣ чистоты и творчества.

Но некому молиться, незачѣмъ молиться; здѣсь вѣчная антиномія: если есть Существо, которое можно молить о чудѣ, то Оно есть Высшій смыслъ, высшій законъ—и чуда не можетъ быть:

Никуетъ Богъ въ надзвѣздномъ градѣ,
А мой удѣлъ — унылый плѣнъ.

Напрасно въ тяжеломъ холодѣ сумрачнаго храма душа, тоскуя, „стоитъ и плачетъ и дрожитъ“: книги завѣта это—безнадежныя гробницы.

О, для чего въ усердьи богомольномъ
Она спѣшила въ храмъ идти!
Какъ вознести мольбы о дольномъ!
Всему начертаны пути.

Надо идти по этимъ „начертаннымъ путямъ“; надо „медленно“ жить „жизнью скучной и нелѣпой“, не ропща на свирѣпый рокъ. Во имя чего? „Такъ надо, такъ надо“—твердитъ вѣщій воронъ державныхъ боговъ, властителей радостныхъ странъ; будетъ время—они вознаградятъ усталаго путника: въ ихъ небесныхъ чертогахъ ждетъ его награда „за трудъ и за муки, за боль и за стыдъ“. Но рабъ и въ рабствѣ своемъ негодуетъ; онъ покорился силѣ, онъ идетъ туда, куда его гонятъ: пусть же не говорятъ ему о наградѣ:

Меня бы спросили,
Хочу ли отъ васъ я вѣнца?

И вершины злостнаго, самобичующаго сарказма достигаетъ это настроеніе въ извѣстномъ признаніи:

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ.

Только злобно издѣваться надъ собой—вотъ единственное утѣшеніе, которое осталось намъ въ нашемъ рабствѣ:

Если сердце преданіямъ вѣрно,
Утѣшаяся лаемъ, мы лаемъ
Что въ звѣринцѣ зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаемъ.

Что дѣлать? Пройдите приведенныя выдержки изъ этого отдѣла — и вы припомните, что онъ полонъ вопросовъ. Между тоскливымъ вопросомъ и злобствующимъ отчаяніемъ, между скорбной мольбой и сознаніемъ полной безнадежности мечется здѣсь душа поэта. Нельзя не дѣлать, ибо вложена въ насъ „воля къ жизни, воля злая“ и „направляетъ пылкій токъ“, но нельзя и дѣлать въ сознаніи безконечной безплѣнцы, безплодности, тщеты всякаго дѣланія. И поэтъ только спрашиваетъ, кто виновникъ этой безчеловѣчно мучительной антиноміи:

Чьимъ же хотящимъ твореніемъ
Нераздѣлимо слита
Съ неутомимымъ стремленіемъ
Міра тщета?

Съ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ надо пройти подневольную жизнь:

Я изгнанникъ — всѣ обиды
Долженъ я перенести...
Жизнью скучной и нелѣпой
Надо медленно мнѣ жить,
Не роптать на рокъ свирѣпый
И о тайномъ ворожить.

IV.

Да, надо „ворожить о тайномъ“; тайное такъ всеобъемлюще, такъ первично въ сопоставленіи съ ничтожнымъ островкомъ яснаго, понятнаго, извѣстнаго намъ, что просто невозможно жить, не ворожа объ этомъ неотступномъ, неотвратимомъ, тайномъ. Каждый нашъ шагъ есть напоминаніе о немъ, ибо въ концѣ концовъ къ чему же мы идемъ, какъ не къ познанію этой тайны, этой тьмы, изъ которой мы вышли и въ которую уйдемъ. Да и уйдемъ ли? Непобѣдимая необходимость уйти не есть ли уже самый уходъ?

Живы дѣти, только дѣти, —

(ибо они не знаютъ еще неотвратимости смерти)

Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свѣтѣ
И махаетъ, словно плетью
Уплетенной туго *сѣтью*
Возлѣ каждой головы.

Сѣти смерти и посвященъ новый отдѣлъ „пламеннаго круга“.

Нельзя назвать отношеніе Сологуба къ смерти однотоннымъ. Подчасъ ея неизбѣжность вызываетъ въ немъ только тихую резиньяцію. Въ тревогахъ дня, поглощенные земнымъ, мы не думаемъ о ней.

Забывъ о *родинѣ* своей,
Мы торжествуемъ новоселье, —
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!

Новоселье—это тотъ новый человѣческій обликъ, который мы обрѣтаемъ въ новомъ нашемъ преображеніи; и мы забываемъ о *родинѣ*—о первичномъ бытіи, изъ котораго вышли. Но проходитъ молодость, проходитъ буйное веселье и пиршество страстей; гаснутъ страсти, и веселость становится скучной; „сѣдинъ серебрянный вѣнецъ“ говоритъ о неизбѣжномъ исходѣ, и мы съ сладостнымъ успокоеніемъ ждемъ его:

Все чаще станемъ повторять
Судьбѣ и жизни укоризны,
И тихій міръ своей отчизны
Намъ все отраднѣй вспоминать...

Но это рѣдкій моментъ свѣтлаго примиренія. Самая неотвратимость смерти, ея абсолютно внѣ насъ лежащая неизбѣжность врывается въ самыя увлекательныя минуты нашего бытія, разрушаетъ ихъ цѣльность, отравляетъ опьяненную жизненнымъ токомъ душу. Пламенемъ наполнены жилы жизненнаго человѣка, знойно его сердце и полно огнемъ, «въ тѣлѣ солнце непомѣрной силы и душа, насквозь пронизанная днемъ». Но ничтожно это «безумное ликованье», эта безцѣльная и сладостная игра жизненныхъ силъ:

Бездна ждетъ, и страшенъ ревъ ея глухой.
Въ озареніи, сверканьи и сгораньи
Не забыть ея, извѣчной, роковой.

«Чортовы качели»—вотъ что такое это предвкушеніе ревущей бездны, заполняющее нашу жизнь.

Посадилъ меня чортъ на скрипучія качели, раскачиваетъ ихъ мохнатою рукой и издѣвается

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Впередъ, назадъ,
Впередъ, назадъ,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
Отъ чорта томный взглядъ.

Но чортъ только исполнитель; онъ не броситъ стремительной доски, пока грозная рука не скоситъ сидящаго на ней. И у того,

кому принадлежитъ эта рука, то же нѣтъ ничего, кромѣ издѣвательства:

Надъ верхомъ темномъ ели
Хохочетъ *голубой*:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой.

Надо качаться—и ждать неизбѣжнаго:

Торопись дышать сильнѣе,
Жди, — придетъ и твой чередъ.
Задыхайся, цѣпенѣя,
Леденѣя передъ нею.
Срокъ пройдетъ, — подставишь шею, —
День, недѣля или годъ.

И оттого рыцарь Сологуба, вдругъ оставивъ латы и мечъ, забывъ вино и веселье, уходитъ въ темное подземелье, сидитъ тамъ, не зажигая огня и разсматриваетъ странные знаки, понемногу выступающіе на сводахъ, стѣнахъ и полу.

Онъ долго глядитъ на сплетенье
Непонятыхъ знаковъ, и ждетъ,
Что взорамъ его просвѣтлѣнье
Всезрящая смерть принесетъ.

Напрасно ждетъ рыцарь или не напрасно? За гранью здѣшней жизни не будетъ, конечно, того вожделѣннаго и уже неизмѣннаго исхода, котораго ждетъ всякій вѣрующій. Въ день воскресенія Христова, которое должно быть общимъ воскресеніемъ, поэтъ пришелъ на кладбище—и тамъ раскрыты склепы, чтобы снова сіяло солнце мертвецамъ. Но смрадъ воздымаютъ могилы въ святыню праздничнаго дня—и нѣтъ чуда, нѣтъ вожделѣннаго:

Томительно молчитъ могила.
Раскрытъ напрасно смрадный склепъ,—
И мертвый ликъ Эмануила
Опять ужасенъ и нелѣпъ.

И мыслящій не хочетъ воскресенья, не проситъ рая:

Не отпечалюсь, умирая
И никуда я не взлечу.

Другое ждетъ его: преображенная жизнь, ничѣмъ, ничѣмъ не соединенная съ мечтами, которыя могутъ быть созданы изъ здѣшняго существованія. Это будетъ жизнь и не-жизнь; ничто не можетъ уяснить и высказать ее:

Я погашу мои свѣтила,
Я затворю уста мои
И въ несказанномъ бытіи
Навѣкъ забуду все, что было.

V.

Такъ было, такъ будетъ: бытіе личности есть рядъ преображеній, нынѣшняя жизнь есть одно изъ такихъ преображеній. Надо прожить, надо сотворить себѣ эту жизнь, надо исполнить ея законъ, котораго не прейдешь. И первый такой законъ: безпредѣльное одиночество. „Мечтатель странный міру, всегда для всѣхъ чужой“, неожиданный и своеобычный, тайной завѣсившій игру своихъ страстей, порой веселый у гроба и мрачный на пиру—вотъ первый обликъ мыслящаго о жизни, творящаго жизнь.

Кому-то *дымный ладанъ*
Онъ жжетъ, угрюмъ и строгъ,
Но міромъ не разгаданъ
Его суровый богъ.

Дымный ладанъ—такъ называется часть „Пламеннаго круга“, въ которой воплощено и освѣщено это мечтательное, молчаливое одиночество его создателя, то тягостное, то сладостное, порою безвольное, порою зиждущее. Иногда поэтъ говоритъ какъ будто не о себѣ—онъ разсказываетъ о комъ-то блѣдномъ и маленькомъ, который не хотѣлъ принять легкой жизни, не хотѣлъ понять, что легче и проще жить насущнымъ, безъ неба, а рвался къ небесамъ, мечталъ о пресвятой звѣздѣ, „какой не отыскать нигдѣ,—увы!—нигдѣ“.

Дороги къ небесамъ
Онъ отыскать не могъ
И тихо умеръ самъ,
Но умеръ онъ, какъ богъ.

Или другой,—а, можетъ быть, другой образъ того же: порочный отрокъ, онъ жилъ одинъ; его душа цвѣла въ мечтахъ и сказкахъ; а ночная мгла, его единственная подруга въ туманной тоскѣ больныхъ долинъ, вплетала въ его мечты и зной, и холодъ—отраву злыхъ болотъ. Или еще одна—Богъ знаетъ, кто она—людская душа или лѣсная тѣнь, или дріада, зачѣмъ-то не погибшая вмѣстѣ съ радостнымъ міромъ великаго Пана и дожившая невѣдомымъ чудомъ до нашихъ дней, чтобы въ нашей жестокой жизни—какая иронія рока!—искать спасенія отъ ужаса одиночества и найти неизбѣжную гибель—да вызвать безконечно трогательное ея изображеніе:

Въ село изъ лѣса она пришла,—
Она скучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее въ дома.

И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее въ дома.
И угрожала ночная тьма.
Когда-жъ, ликуя, заря взошла,
Она упала,—и умерла.

Эта судьба невѣдомаго существа, чуждаго нашей жизни, есть однако наша общая судьба: всѣ мы жаждемъ общности и всѣ живемъ въ душевномъ одиночествѣ. Вдвоемъ, въ любви мы также одиноки—вѣдь и „лобызая милый ликъ“ мы видимъ надъ собою жало смерти; а умирать можно только въ одиночествѣ, и жизнь, которая отожествилась со смертью, есть неизбѣжно одинокая жизнь. И любящая, которая не можетъ оторваться отъ любимаго, не хочетъ быть счастливой, идти къ другимъ, а останется съ нимъ „въ тоскѣ пугливой, съ больнымъ и злымъ“, она лишь сильнѣе прочувствуетъ эту тоску одиночества и воспримет ее:

Передъ тобой въ нѣмомъ томленьи
Сгораю я.
Въ твоемъ печальномъ заточеньи
Вся жизнь моя.

Ходитъ, ходитъ за нами призракъ нашего одиночества,—то печальный „безмолвный нелюдимъ“, то „сладкій и радостный другъ, ангелъ благого молчанія, тихій смиритель страстей“ прохладною тѣнью крылъ заслонившій „безумно-мятежный вѣкъ“ страждущаго человѣка отъ толпы, отклонившій его помышленія отъ недоступныхъ дорогъ. И бываетъ тягостно и мрачно въ этомъ одиночествѣ:

Я живу въ темной пещерѣ,
Я не вижу бѣлыхъ ночей.
Въ моей надеждѣ, въ моей вѣрѣ
Нѣтъ сіянья, нѣтъ лучей...
Въ моей пещерѣ тѣсно и сыро,
И нечѣмъ ее согрѣть.
Далекій отъ земного міра
Я здѣсь долженъ умереть.

Но есть и отрада въ одиночествѣ, есть „утѣшеніе тишины“. Порой забудешься въ лѣсной тѣни, дрема обвѣетъ тебя обманчивымъ сномъ:

Чего не было никогда
Что пожрали года,
Что мечтается иногда,—
Снова молодо, снова здѣсь,
Станешь радостенъ весь
Въ позабытую внидешь весь.

И подчасъ поэту—какой самообманъ!—чудится, что это одиночество—скорбное, сознанное и легкое—есть не общій удѣлъ, а его индивидуальная удача: онъ не приневоленъ къ счастью, не опьяненъ нѣгой, онъ не знаетъ безумныхъ радостей страсти.

И легко мнѣ: я живу печаленъ,
Я суровой скорби въ жертву данъ.
Никакимъ желаньемъ не ужаленъ,
Ни въ какой не вдался я обманъ.

И уединенная жизнь его, „легкая какъ сонъ, подобна всемірному томленію“ — въ сущности, вливается въ это всемірное томленіе. Въ концѣ концовъ поэтъ уже не только называетъ или опредѣляетъ одиночество, какъ общій удѣлъ—онъ посылаетъ въ одиночество. Изъ факта оно становится нормой, повелительной необходимостью.

По тѣмъ дорогамъ, гдѣ ходятъ люди,
Въ часы раздумья не ходи,
Весь воздухъ выпьютъ людскія груди,
Проснется страхъ въ твоей груди.
Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И тамъ безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

Ибо иначе жить нельзя.

VI.

Да, съ точки зрѣнія статической нельзя. Если жизнь есть неподвижный моментъ, уже воплотившій въ себѣ свой конецъ, то остается заползти отъ нея въ свою дыру и тамъ „жить, мечтать и умирать“. Но жизнь есть еще динамика, жизнь есть процессъ, и въ этомъ процессѣ есть переживанія несказанной сладости. Есть душевныя *преображенія* — такъ называется слѣдующій отдѣлъ „Пламеннаго круга“,—которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ нашей жизни въ земной природѣ и которыя не метафизически, то есть не сверхъ-природно, не сверхъ-естественно, но психологически, въ предѣлахъ природы, мирятъ насъ съ землею, преклоняютъ предъ нею наши колѣни. Природа скудна и мертвенна,—но есть надъ нею нѣкая чудная власть, и нѣкое духовное единство связуетъ творчествомъ безжизненный міръ природы и живой міръ души.

И въ этотъ краткій срокъ земной,
Изъ вещества сложась земного
Какъ могъ обрѣсть я мысль и слово,
И міръ создать себѣ живой?

Очевидно, есть трещина въ теоріи—или, по крайней мѣрѣ, противорѣчіе между воззрѣніемъ и ощущеніемъ. И оттого рядомъ вопросовъ заполнено это захватывающее стихотвореніе, какимъ-то предѣльнымъ камнемъ означающее одну изъ граней міровоззрѣнія Сологуба. Жизнь детерминирована, „я вижу вѣчную природу подъ неизбѣжной властью силъ“,—но я чувствую въ бытіи и вдохновенье и свободу; откуда они?

И не понять мнѣ, отчего
Въ природѣ мертвенной и скудной
Возсоздается властью чудной
Духовной жизни торжество.

И въ этомъ сверхъ-натуральномъ, сверхъ-матеріальномъ, насквозь духовномъ міроощущеніи можно принять жизнь, и даже весьма реальную, *можно жить*. Можно различать тьму и холодъ былого отъ зари будущаго, можно радоваться веснѣ, можно проникнуться ощущеніемъ прихлынувшей силы. Знакомо и сладостно это *преображеніе*, душѣ отвергнувшей міръ—и она признаетъ его. Поэтъ радуется. Преодолѣлъ онъ дикій холодъ земныхъ страданій и невзгодъ, и снова непорочно молодъ, какъ въ первозданный майскій годъ.

Вернувшись къ ясному смиренью,
Чужіе лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все живое вновь люблю
Привѣтъ вамъ, небеса и воды,
Земля, движенье и слѣды,
И краткій, сладкій мигъ свободы,
И неустанные труды.

И „сладкаго, безумнаго огня“ полна душа поэта. Въ безуміи, въ экстазѣ онъ принялъ міръ—въ радостномъ безуміи творчества, въ сладостномъ безуміи любви, въ благостномъ безуміи вешняго сліянія съ природой. Здѣсь любовь уже не является лишь злымъ усложненіемъ одиночества, мрачнымъ—сологубовскимъ сладострастіемъ; здѣсь раздаются иные призывы, иныя моленія: люби меня ясно, какъ любитъ луна...

Люби меня просто, какъ любитъ ручей,
Звеня и цѣлуя, и мой, и ничей.
Прильни, и отдайся, и дальше бѣги.
Разлюбишь, забудешь.—не бойся, не лги.

Неожиданной, пожалуй, даже непонятной въ этомъ мірѣ злой тоски и злой паучьей похоти, тихой нѣжностью звучатъ здѣсь напѣвы ясной, солнечной любви. Тамъ напрасно, въ день воскресенія Христова раскрывались склепы; тамъ никли гробы во-тьмѣ

всесильной, своихъ покойниковъ храня и воздымали смрадъ могильный въ святыню праздничнаго дня. Здѣсь—въ планѣ утверждаемой жизни и утверждающей жизнерадостности — прямое и едва ли случайное противоположеніе:

Въ свѣтлый день похоронили
Мы склонившуюся тѣнь.
Кто безгласенъ былъ въ могилѣ,
Тотъ воскресъ въ великій день,—

И свѣтло ликуетъ съ нами,
Кто прошелъ сквозь холодъ тьмы,
Кто измученъ злыми снами
Въ темныхъ областяхъ зимы.

Когда тихая, незамѣтная страдалица, которая „не сіяла и не жгла“ и не могла благоухать, какъ незажженное кадило“,—въ концѣ земныхъ страданій загорѣлась и зажглась, какъ ясный свѣточъ: поэтъ видитъ въ этомъ „предвѣщанье иной, нездѣшней красоты“. Онъ дышитъ дыханьемъ майскихъ розъ, онъ ждетъ „какихъ-то новыхъ дней“ и „возстановленья силы“, онъ принимаетъ городъ, и борцовъ, дерзнувшихъ спорить съ судьбой, и къ боевому, восторженному пѣснопѣнію призываетъ свое вдохновеніе:

Для камней, заборовъ и пыли
Напѣвы звенящіе куй,
Забудь про печальныя были,—
О, муза, хвали и ликуй!

И, наконецъ, въ экстазѣ признанія жизни, онъ склоняется къ Матери Землѣ, и внемлетъ ея голосу, и цѣлуетъ ее;

О, приникну, приникну всѣмъ тѣломъ
Къ святому материнскому тѣлу,
Въ озареньи святомъ и бѣломъ
Къ послѣднему склонюсь предѣлу,—
Откуда вышли цвѣты и травы,
Откуда вышли и вы, сестры и братья.

И законнымъ отпечаткомъ этого лирическаго оправданія жизни является ея юмористическое изображеніе, гдѣ признаніе и отрицаніе сплетаются въ вихрѣ насмѣшливыхъ черточекъ обыденности. Обыденность пріемлетъ себя, какъ вѣчность, бытъ является самому себѣ символомъ, случайность притворяется необходимостью—и Сологубъ, трагически-серьезный, когда онъ отвергаетъ жизнь, забавляется надъ собою и своими притязаніями.

Трава шептала сонно зеленыя слова,
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква,
Кукушка повторяла, что гдѣ-то есть ку-ку,
И этимъ нагоняла на барышень тоску.
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей

И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

Все это—пошлое, жалкое, мелкое, не настоящее — настолько поддѣльное, что даже небо красятъ въ берлинскую лазурь— все же находитъ утвержденіе въ ироніи поэта. Но эта ирония— только „свѣтлый промежутокъ“. Сологубъ не смѣется; не только на барышень нагоняетъ тоску кукушка, повторяющая, что гдѣ-то есть ку-ку: не даромъ поэтъ высочайшія мечтанія своей горделивости вплетаетъ въ эту пошлость земли и неба. И его основное ощущеніе—тоска, ибо его основная мысль—безнадежность.

Можно жить такъ или иначе, можно брать у жизни „фрагменты счастья“ и тѣмъ оправдать фрагменты жизни. Она сверкаетъ, когда она въ осколкахъ, но ясенъ, понятенъ и безотраденъ ликъ ея, когда она—цѣльное, холодное, безсодержательное зеркало. Страшна и безсмысленна жизнь въ ея цѣломъ.

Жизнью скучной и нелѣпой
Надо медленно мнѣ жить,
Не роптать на рокъ свирѣпый
И о тайномъ ворожить.

VII.

Что значитъ это „о тайномъ ворожить?“ О, много, слишкомъ много на это отвѣтовъ у Ѳедора Сологуба. Въ ихъ сложности вся его сложность. Въ мірѣ тайной ворожбы онъ живетъ, и, въ сущности, не переступаетъ ея предѣловъ; здѣсь вѣчно—не паритъ— мечется и падаетъ душа его: отъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ настоящаго поэтическаго созиданія до грязнѣйшихъ проваловъ мерзкой чертовщины. Не богатъ, не разнообразенъ міръ сологубовой „творимой легенды“; но сплетенъ изъ противоположностей, у которыхъ одинъ общій законъ: небывалое. Къ низамъ этой „тайной ворожбы“ приводятъ насъ „Волхвованія“—шестой отдѣлъ „Пламеннаго круга“:

Въ странѣ безвыходной безсмысленныхъ томленій
Влачился долго я безъ грезъ, безъ божества,
И лишь порой для дикихъ вдохновеній
Я находилъ безумныя слова.
Они цвѣли во мглѣ *полночныхъ волхованій*
На зломъ пути цвѣли,—и мертвая луна
Прохладный ядъ несбыточныхъ желаній
Вливала въ нихъ ясна и холодна.

Слишкомъ тяжела жизнь; не снести ее безъ темной силы безъ вихря забвенія, безъ вѣры въ нѣчто внѣ ея стоящее, хоть

порочное, хоть позорное, хоть страшное. Но есть же темныя, сумрачныя души, которымъ это нужно, которымъ это можно. Намъ, нормальному разуму вѣрящимъ и въ разумѣ—по мѣрѣ слабыхъ силъ—живущимъ, безконечно чужда, враждебна, часто мерзостна эта ночная жизнь бытія. Мы отвергаемъ ее, мы не только не знаемъ ея, мы знаемъ, что ея нѣтъ. Вмѣстѣ съ великимъ поэтомъ-мыслителемъ мы ясно сознали, *что есть тайны, но нѣтъ чудесъ*; мы говоримъ „чудеса“, но имѣемъ въ виду не миѳы, а метафору; признаемъ непознанное, но не признаемъ внѣ-законнаго; и только въ этомъ спокойномъ и твердомъ сознаніи мы можемъ приблизиться къ міру сологубовскихъ волхвованій,—чтобы увидѣть въ нихъ любопытнѣйшее проявленіе его существа. Нѣтъ нужды принимать или отвергать міра сологубовой „дѣйствительности“, имъ самолично созданной: но стоитъ понять всего Сологуба въ гнуснѣйшихъ для насъ созданіяхъ его бытія. „Прикинувшись котомъ“, мечется вокругъ него „испуганная нежить“, мучаетъ его и издѣвается надъ нимъ, вѣдьмы являются къ нему по его зову,—и въ дикомъ шабашѣ распутства и недоумѣвающаго страданія сплетаются съ нимъ—или въ немъ. Мы знаемъ, что нѣтъ чертей—но развѣ это важно? Мефистофеля тоже нѣтъ, и старики не становятся молодыми по слову дьявола—но вотъ Мефистофель перерождаетъ Фауста, и мы не протестуемъ противъ этого. Скажутъ: „да, но у Гете Фаустъ уже созданіе поэтическаго вымысла, и мы знаемъ, въ какой области мы въ каждый данный моментъ находимся. Мы не вѣримъ въ превращенія, но принимаемъ, какъ символъ, тотъ условный міръ, въ которомъ возможны и дѣйствительны превращенія. Недотыкомка Передонова реальна потому, что онъ сумасшедшій и она есть его бредъ. А съ чертовщиной сологубовой лирики намъ некуда дѣваться, потому что Сологубъ не хочетъ идти въ сумасшедшіе и выдаетъ своихъ вѣдьмъ за подлинную дѣйствительность“.

Все это безспорно, но и не вѣрно. Въ мірѣ сологубовой чертовщины мы, несомнѣнно,—въ области нѣкоторой двойственности. Вѣритъ Сологубъ въ свою чертовщину или не вѣритъ? Не все ли равно?—вѣрно, и то, и другое; вѣрно, и кривляется, и отвергаетъ, и вѣритъ: все вмѣстѣ; и я даже склоненъ думать, что гораздо больше не вѣритъ, чѣмъ вѣритъ. Да и можемъ ли мы себѣ представить нормальнаго современнаго европейца, петербуржца, сотрудника либеральнѣйшихъ изданій, вѣрящаго въ чертей? Днемъ получаетъ гонораръ — а „въ тихій чуткій часъ ночной“ — идетъ

на перекрестокъ, взываетъ къ демонамъ, силой знаемыхъ имъ заклятій требуетъ къ себѣ вѣдьму—и вотъ:

Мелькаетъ бѣлая рубаха,—
И по травѣ, канъ снѣгъ блѣдна,
Дрожа отъ радостнаго страха,
Идетъ она.

И, какъ полагается у вѣдьмъ и у Сологуба,—рубаха падаетъ.—

И предо мной обнажена
Дрожа отъ страсти и отъ страха
Стоитъ она.

Ну, конечно, ничего этого не было. Но не это важно. Въ концѣ концовъ, полагаю, вѣдьмы для Сологуба не многимъ болѣе дѣйствительны, чѣмъ Мефистофель для Гёте. Но видитъ и ощущаетъ вѣдьмъ и нетопырей и недотыкомку и прочую нежить *душа* Сологуба, и въ этихъ видѣніяхъ отражается и посредствомъ этихъ реальныхъ или ирреальныхъ призраковъ выражается—и это важно. Важно намъ знать и чувствовать, какіе глухіе углы, какіе темные закоулки, какіе смрадные тупики есть еще—и долго будутъ—въ душѣ современнаго человѣка, раціональнаго, просвѣщеннаго. Эту нечисть раскрываютъ нежити Сологуба, и такъ глубоки бездны паденія, раскрытыя имъ, что онѣ кажутся извѣчными, и смѣшными кажутся напоминанія о томъ, что „даже“ современный раціональный и просвѣщенный интеллигентъ не уберегся отъ нихъ. Слишкомъ тяжело жить человѣку, слишкомъ страшными загадками обступила его жизнь, слишкомъ мрачно то единственное рѣшеніе, которое она предлагаетъ въ въ концѣ. Да и рѣшеніе ли это? „Aber ist das eine Antwort“? Не мудрено, что человѣкъ—и не изъ самыхъ слабыхъ—ушелъ въ чертовщину.

Страшенъ навій слѣдъ, но въ немъ забвеніе,
Горекъ омегъ твой, но въ немъ веселіе,
Мертвыхъ устъ отрадно дуновеніе,—
Принеси-жъ мнѣ, вѣдьма, злое зелье.

Ну, конечно, живой Сологубъ предпочитаетъ „дуновенію мертвыхъ устъ“ уста живыя—онъ самъ говоритъ объ этомъ часто, слишкомъ часто—но что-же дастъ намъ представленіе о предѣлахъ его угрюмой скорби его „сѣрой тоски“, какъ не тѣ отравы душевныя, въ которыхъ ищетъ онъ забвенія? Ядомъ поитъ его вѣдьма и неизмѣнно увѣряетъ, что есть великая безсмертная отрада въ отравленномъ огнѣ ея напитка, боль онъ несетъ съ со-

бою, вопли и корчи, и разлуку со многимъ,—но зато новую силу даетъ.

Кое-что умретъ, конечно,
У тебя внутри,—такъ что-жъ?
Что имѣешь, то навѣчно
Все равно не сбережешь.

Но зато смертельнымъ ядомъ
Весь пропитанъ, будешь ты
Поражать змѣинымъ взглядомъ
Неразумные цвѣты.

Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрѣлъ,
И широкими путями
Умервщлять ничтожность дѣлъ.

Въ чемъ „смертельный ядъ“ вѣдьмы—это ясно: это безконечное безразличіе, это всеобъемлющая пассивность. Мѣсто дѣйственной мысли, мѣсто осмысленнаго дѣйствія занимаетъ игра фантазіи.

Хочу конца, ищу начала.
Предвижу роковой предѣлъ,—
Противорѣчій я хотѣлъ,
Мечта владычицею стала.

И по истинѣ страшно это безпредѣльное владычество мечты, смѣнившей всякое реальное отношеніе къ міру:

Въ жемчуги, злато и виссонъ,
Прелестница безумно—злая,
Она рядитъ, не уставая,
Земной таинственный мой сонъ.

И, очевидно, только злобой подсказаны насмѣшливыя поученія безумно-злой прелестницы—мечты, которая сходитъ порой къ людямъ „для торжественной забавы“, ворожитъ надъ людскими травами и варитъ изъ нихъ отравы·

Мой напитокъ пей до дна,
Въ немъ забвенье всѣхъ томленій,
Глубина его ясна,
Но великихъ утоленій
Преисполнена она.

Вспомни, какъ тебя блаженно
Забавляли въ жизни сны.
Все иное—неизмѣнно.
Нѣтъ спасенья, нѣтъ вины,
Все легко и все забвенно.

VIII.

И жадно, не отрываясь, пьетъ Сологубъ напитокъ вѣдьмы. Въ чаду ея очарованій онъ ничего не ищетъ и ничего не нахо-

дитъ кромѣ забвенія. Въ „тихой долинѣ“, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ природы и любимаго существа, Сологубъ сливается съ тѣмъ и другимъ. Здѣсь тоже утвержденіе жизни—но оно болѣе напряженно, менѣе открыто и ясно, менѣе просто, чѣмъ въ „Преображеніяхъ“—и кажется, что нѣкоторыя стихотворенія скорѣе относятся къ пройденному уже циклу. Можно жить. Пусть въ концѣ смерть, но въ серединѣ есть забвеніе. Злой мальчишка пронзилъ ножомъ кору березы—она обречена на смерть, и слезы жизненнаго сока текутъ изъ дерева прозрачною струей. Но оно еще живо—созидающая сила не спѣшила изникнуть изъ зеленѣющихъ вѣтвей.

Онѣ, какъ прежде колыхались,
И такъ же нѣжно улыбались
Привѣту солнечныхъ лучей.

И это не только указаніе на фактъ: въ жизни дѣйственной, въ радости бытія, въ стихійности мысли, чувства и дѣйствія Сологубъ видитъ какъ бы нѣкоторое освобожденіе отъ неизбѣжнаго.

Научитесь хотѣнью упорному,
Наберитесь ликующихъ силъ,
Чтобъ зовущій къ пристанищу черному
Васъ косой не скосилъ.

Рѣдко это повелительное наклоненіе у Сологуба; онъ рѣдко учитъ—и неожиданнѣе всего оно здѣсь, въ этомъ сплошномъ столкновеніи между дѣйствіемъ и безконечной пассивностью, доходящей до полнаго растворенія въ природѣ. Въ неудачномъ стихотвореніи, отягощенномъ прозой, это состояніе выражено съ опредѣленностью, немножко забавной:

Солнцемъ на небѣ сердце горитъ,
И расширилась небомъ душа,
И мечта моя вѣтромъ летитъ,
Въ запредѣльныя страны спѣша,
И на небѣ моемъ облака
То растаютъ, то катятся вновь.
Позабылъ, гдѣ нога, гдѣ рука.
Только въ жилахъ торопится кровь.

Самая простота и ясность жизни природы служитъ для Сологуба утѣшеніемъ. Въ безжизненномъ бытіи природы—по какому-то чуду—есть „соотвѣтствіе“, есть если не отвѣты на роковые вопросы души человѣческой, то какъ бы возможность устранить эти вопросы.

Есть соотвѣтствія во всемъ,—
Не тщетно простираемъ руки:
Въ отвѣтъ на счастье и на муки
И смѣхъ, и слезы мы найдемъ.

Гдѣ?—конечно не въ людяхъ.

И если жаждешь утѣшенья,
Бѣжишь далеко отъ людей.
Среди лѣсовъ, среди полей—
Покой, безмыслiе, забвенье.

Здѣсь все правдиво, все чисто и справедливо:

Вѣтвями вѣтеръ шелеститъ,
Трава травою такъ и пахнетъ.

Не то, что люди, которые у Сологуба такъ часто пахнутъ не собою, а то псиной, то корилопсисомъ Природа „человѣчнѣе“ людей:

Никто въ изгнанiи не чахнетъ,
Не презираетъ и не мститъ.
Такъ, довѣряясь природѣ,
Наперекоръ судьбѣ, во всемъ
Мы соотвѣтствiе найдемъ
Своей душѣ, своей свободѣ.

Въ этомъ чуть не противоестественномъ („наперекоръ судьбѣ“!) довѣрiи природѣ гаснетъ обычная тоскливая угрюмость Сологуба. Ночь—его „безмолвная защита отъ суеты“ покрываетъ его своей „успокоительной сѣнью“, волны лепечутъ ему о радостяхъ свѣтлаго мая.

Едва колышится въ рѣкѣ волна
И сладко дышится, и тишина,
И кто-то радостный несетъ мнѣ вѣсть,
Что подвигъ сладостный и свѣтлый есть.

Чуть не Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ:

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Зовутъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной...

И любовь приходитъ. И похоть еще не омрачаетъ ея: есть налетъ чувственности, навязчивый образъ Сологуба—женскiя босыя ноги—мелькаетъ слишкомъ часто. Но еще чиста, ясна и человѣчна эта чувственность; нѣтъ въ ней истязанiй, извращенiй и изнеможенiй, нѣтъ грязи, нѣтъ передоновщины. Однако, любопытно, что даже эту безпорывную любовь не включилъ Сологуба въ число тѣхъ „маленькихъ кусочковъ счастья“, которые онъ взялъ отъ жизни.

Древнiя и мудрыя книги,
Таинственныя очарованiя музыки,
Умилительныя молитвы,
Невинныя, милыя дѣтскiя лица,
Сладостныя благоуханiя,
И звѣзды,—недоступныя, ясныя звѣзды.

Вотъ и все: любви къ женщинѣ, любви къ людямъ нѣтъ среди этихъ „фрагментовъ счастья“. Среди испытанiй боли — которая

у Сологуба часто близка наслажденію — есть и женская любовь. Но любовь къ людямъ, къ живымъ, къ отдѣльнымъ—внѣ Сологуба; толпу онъ хоть ненавидитъ; людей просто не видитъ. Лучше имъ не выростать: пока они дѣти, Сологубъ къ нимъ нѣженъ и внимателенъ, и эти нѣжность къ дѣтямъ хорошо отразилась въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ „Пламеннаго круга“, — быть можетъ потому, что здѣсь онъ не изображаетъ дѣтей, а выражаетъ свои чувства къ нимъ. Онъ часто изображаетъ тѣхъ, кого онъ называетъ дѣтьми, и другіе вѣрятъ, что это дѣти. Но это рѣдко дѣти; это почти всегда подростки, рано созрѣвшіе или на порогѣ зрѣлости, и тревожная зрѣлость въ нихъ перевѣшиваетъ,—слишкомъ ранніе запросы ума, слишкомъ настойчивые запросы тѣла. Что-то двойственное въ нихъ всегда, острое, болѣзненное, раздражающее. А здѣсь этого нѣтъ; здѣсь въ „маскахъ переживаній“ Сологубъ перевоплощается въ мать и знаетъ ея безконечную любовь, и поетъ ея колыбельныя пѣсни, и въ „простой пѣсенкѣ“ плачетъ надъ убитымъ малюткой. О дѣтяхъ не забылъ Сологубъ въ своихъ „фрагментахъ счастья“.

IX.

Такъ или иначе — и этому фрагментарному сомнительному счастью предреченъ конецъ. Мыслитель мирится съ неизбѣжнымъ или ни съ чѣмъ не мирится: переносится въ міры внѣ-временные и все отвергаетъ, всю жизнь съ ея обманными радостями, съ ея обманной свободой. Но сердце, простое человѣческое сердце не знаетъ метафизическихъ рѣшеній, не умѣетъ ни примириться, ни ни отвергнуть. Оно только ропщетъ, что краткимъ обманомъ промчалась жизнь, и ея нѣтъ.

Неизбѣжное вызывало въ Сологубѣ всю ярость отрицанія, только пока было неизбѣжно. Неизбѣжность смерти терзаетъ его, но не сама смерть; ея необходимость лишаетъ жизнь смысла, но вотъ, она пришла—и въ ней „послѣднее утѣшеніе“. Нѣтъ въ ней ничего злого, тягостнаго, даже болѣзненнаго нѣтъ. Тяжела была жизнь, но смерть „томная“, смерть „подруга“—она всегда легка и радостна, и „сладко ранитъ“ ея стилетъ.

Туманъ восходитъ,—и она
Идетъ, такъ тихо, тихо въ полѣ
Поетъ,—мнѣ пѣснь ея слышна,
Поетъ о волѣ.

Неизмѣнно и необходимо у Сологуба это ощущеніе связи смерти и свободы. Оно и понятно: если жизнь есть только тюрьма, звѣринецъ, заточеніе, то чѣмъ же можетъ быть ея конецъ, какъ не освобожденіемъ? Вѣдь смерть—освобожденіе не только отъ процесса существованія: это и прекращеніе сознанія, прекращеніе мысли. А мысль, всюду наталкивающаяся на „грани бытія“ есть подлинный источникъ земныхъ страданій Сологуба. И именно освобожденіе отъ категорій мысли воспѣваетъ Сологубъ въ экстатическомъ призывѣ къ усопшей Елисаветѣ, гдѣ напряженіе познанія смѣшивается, съ напряженіемъ эротики и философская мистика сближается съ чѣмъ-то вродѣ хлыстовскаго радѣнія. Страстно зоветъ онъ изъ „страны отцовъ“ эту далекую любимую, эту воплощенную смерть:

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла
Земное злое растаетъ бремя,
Какъ сонъ, какъ мгла.
Земное бремя—пространство, время—
Мгновенный дымъ.
Земное, злое расторгнемъ бремя,
И побѣдимъ!

Только что Сологубъ говорилъ о побѣдѣ смерти; теперь онъ говоритъ о побѣдѣ надъ смертью. Но это только словесное противорѣчіе: это одно и то же. Ибо смерть для него есть преображеніе, есть возрожденіе къ одной изъ новыхъ формъ, изъ безконечной вереницы и повтореній которыхъ состоитъ наше „индивидуальное“ бытіе:

Что было будетъ вновь,
Что было, будетъ не однажды.

Жизнь есть поэтому творческая игра,—и ничего больше. Элементы даны, даны и возможности ихъ сочетаній—и человѣкъ, и творецъ и рабъ этихъ возможностей, можетъ только создавать,—если эта безконечная игра заслуживаетъ имя созданія.

И среди нѣмыхъ раздолій,
Гдѣ царилъ нѣмой хаосъ
Это Я своею волей
Жизнь къ сознанію вознесъ.

И цѣлый отдѣлъ „Пламеннаго круга“ отданъ поэтическому установленію „Единой воли“—воли Единственнаго, создающаго для себя міръ. Неистребимо въ Сологубѣ это сознаніе, что существуетъ только его Я и что все остальное—его твореніе:

Въ темномъ мірѣ неживаго бытія
Жизнь живая, солнце міра—только Я.

. . . . . .

Воззвавъ къ первоначальной силѣ
Я бросилъ вызовъ небесамъ,
Но мнѣ свѣтила возвѣстили,
Что я природу создалъ самъ.

. . . . . .

Единая Воля повсюду,
И къ чему мои размышленья?
Надо повѣрить чуду
Единаго въ мірѣ хотѣнья.

Вотъ это противопоставленіе чуда размышленію нарушаетъ цѣльность ощущенія Сологуба. Это именно только ощущеніе, а еще далеко не „солипсическая теорія“, какъ говоритъ одинъ критикъ: это только жажда вѣры въ чудо, но еще не твердое убѣжденіе, еще не ясное сознаніе, еще не теорія. Сологубъ твердъ, пока въ „неожиданномъ, случайномъ“ разбросанномъ вокругъ „узнаетъ свои порывы“. Осмысливая, онъ создаетъ; воплощая, изводитъ изъ тьмы бытія.

Въ безпредѣльности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушелъ я отъ творенья,
Поднялъ бремя воплощенья,
Сталъ такимъ же какъ и ты.

Но когда онъ всматривается въ единственно существующее, въ свое Я, сомнѣніе охватываетъ его: онъ нашелъ „ключи отъ кладезей“, онъ слилъ въ единство „неслитные лучи“, онъ уяснилъ и упорядочилъ въ себѣ разрозненности хаоса. Онъ Богъ. Но, увы, онъ Богъ деизма и потому онъ *только* Богъ. За гранью сегодняшняго бытія—такъ онъ мечтаетъ—онъ освободится отъ пространства и времени, но онъ не умѣетъ уйти отъ своего созданія, отъ категоріи причинности:

Я—только Богъ. Но я малъ, и слабъ.
Причины создалъ я.
Въ путяхъ моихъ причинъ я вѣчный рабъ.
И плѣнникъ бытія.

И порабощенный своимъ твореніемъ творецъ остается „въ смятеньи чрезвычайномъ“ съ недоумѣннымъ вопросомъ:

Стремлюсь ли я своей свободой,
Или игрой мнѣ чуждыхъ силъ?

Впрочемъ, все равно: что́ бы ни встрѣтило меня „за гранью жизни краткой“, жизнь моя „горитъ одной молитвой сладкой, дыханьемъ бытія“. Пожалуй, и эти радости также мало созданы мною, какъ и „послѣднее утѣшеніе“ отъ радостей жизни. „Нѣтъ разныхъ людей,—есть только одинъ человѣкъ, одинъ только Я во всей

вселенной, волящій, дѣйствующій, страдающій, горящій на неугасимомъ огнѣ, и отъ неистовства ужасной и безобразной жизни спасающійся въ прохладныхъ и отрадныхъ объятіяхъ вѣчной утѣшительницы—Смерти".

Да, въ Смерти творчество единаго Я неповинно. Смерть есть та „непреклонная воля", которая „родилася во тьмѣ", то есть внѣ Меня. Съ смертью, какъ съ причинностью не совладалъ эгоцентризмъ Сологуба.

Только выбрана доля—
Та иль эта—въ умѣ,
Но темна непреклонная воля.

Выбирать себѣ доли, маски, личины — это мы можемъ, и въ этомъ творчество человѣка; своей волей онъ создастъ себѣ міръ, но темной, чужой непреклонной волей онъ *принужденъ* отъ одной комбинаціи своихъ мнимыхъ „созданій" перейти чрезъ неминуемыя врата смерти къ другой:

Онъ не знаетъ, но хочетъ.
И *покорно* умретъ.

Оттого лучше, чѣмъ кто-нибудь знаетъ Сологубъ цѣну своему созданію. Много гордыхъ словъ скажетъ въ предверіи смерти онъ о своемъ предстоящемъ созданіи, но нечѣмъ ему гордиться...

Настало время чудесамъ.
Великій трудъ опять подъемлю.
Я создалъ небеса и землю,
И снова ясный міръ создамъ.
Настало творческое время
Земное бремя тлѣетъ вновь.
Моя мечта, моя любовь
Возставить вновь иное племя.
Подруга—смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу.
И мнѣ опять мою свободу
Для созиданія отдай

Какая ужъ это свобода—изъ рукъ другихъ. Свободу имѣетъ только тотъ, кто каждый день ее завоевываетъ, а не тотъ, кто въ своемъ рабствѣ утѣшается тѣмъ, что создаетъ небеса и землю. И для чего создаетъ? Для того, чтобы признать, что это преходящія небеса, что придетъ черный день—и надо будетъ разстаться съ этой ужасной, безобразной, однако милой, жизнью, съ свѣтлыми „осколками земного счастья", съ цѣлуемой землей и сладостнымъ подвигомъ. Стать центромъ міросданія—чтобы творить *не вѣчное*, стать Богомъ, чтобы почувствовать себя плѣнникомъ: какая это была бы трагедія, если бы для Сологуба здѣсь были трагедіи, если бы

онъ какъ характеръ былъ равенъ своимъ требованіямъ, если бы не были слишкомъ легки ему утѣшенія. Но онъ арена трагедій, а не ихъ герой. Онъ возбужденъ, онъ изстрадался, онъ въ экстазѣ вдохновенія, но онъ и спокоенъ. Все это не такъ страшно, все это не серьезно sub specie aeternitatis: вѣчность принесетъ новыя формы, новыя преображенія. Опять Сологубъ воззоветъ жизнь къ сознанію, опять воздвигнетъ несмѣтныя пути, опять воскреситъ міръ и увѣнчаетъ его и себя терновымъ вѣнцомъ. Колючи эти терніи, конечно, но нѣтъ въ нихъ послѣдняго ужаса, ужаса безнадежности: что было, будетъ не однажды; все—только игра.

Я влюбленъ въ мою игру
Я играя самъ сгораю
И безумно умираю,
И умру, совсѣмъ умру.

Совсѣмъ ли? Въ томъ-то и дѣло, что не совсѣмъ:

Умираю отъ страданій,
Весь измученный игрой,
Чтобы новою зарей
Вывесть новый рой созданій.
Снова будутъ небеса,—
Не такія же какъ ваши,—
Но опять изъ полной чаши
Я разсѣю чудеса.

Чѣмъ на этотъ разъ явится себѣ Сологубъ? „Рожденный не въ первый разъ—говоритъ предисловіе къ „Пламенному Кругу“—и уже не первый завершая кругъ внѣшнихъ преображеній, я спокойне и просто открываю мою душу. Открываю,—хочу, чтобы интимное стало всемірнымъ“. Это ясно—это желаніе поднять интимное до всемірности есть основа всякой лирики: сказано „хочу“,—но это не только желаніе: это необходимость. „Тонкая земная душа человѣка пламенѣетъ сладкими и горькими восторгами, истончается, и восходитъ по нескончаемой лѣстницѣ совершенствъ въ обители навѣки недостижимыя и вовѣки вожделенныя“. Уже не оводомъ, Адамомъ, царевичемъ, собакой, палачемъ, Фриной, убійцей Нерона, любящей матерью сознаетъ себя Сологубъ; новые образы болѣе высокаго совершенства станутъ воплощеніемъ его мучительской измученной души. Новая вереница преображеній начнется, чтобы—періодически пресѣкаемая смертью—продолжаться въ безконечности. Но на сей разъ завершенъ Пламенный Кругъ: мы вернулись къ его исходной точкѣ.

X.

Быть можетъ, слѣдуетъ пройти его еще разъ: пройти, чтобы возсоединить то, что́ разорвано въ его послѣдовательности нашимъ желаніемъ уяснить себѣ ее. Изученіе міровоззрѣнія поэта умерщвляетъ живую ткань его созданій; не только анатомировать, но и систематизировать нельзя живое: послѣ этого анализа оно нуждается въ воскрешеніи, въ одухотворяющемъ синтезѣ. Этотъ синтезъ дается во всей полнотѣ лишь непосредственнымъ ощущеніемъ.

Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ поэтическимъ произведеніемъ. Пока мы не *ощутили* его, остается въ воздухѣ основной вопросъ: стоило ли разбираться въ немъ. Какъ бы ни были важны, цѣнны или интересны идеи, заключенныя въ немъ, оно ничего не стоитъ, если идеи эти раціонально добыты и раціонально восприняты: тогда это проза, родъ почтенный и по своему великій, но иногда и безсильный тамъ, гдѣ сильна только поэзія. Вотъ о стихахъ Сологуба и хочется сказать, что какъ ни относиться къ міровоззрѣнію въ нихъ отраженному, они—настоящая поэзія.

Живое чувство бьется въ нихъ, и вовлекаетъ въ чуждый кругъ идей и заражаетъ чувствомъ. Сѣры эти стихи и расплывчаты; нѣтъ въ нихъ ни чеканной формы, ни многоцвѣтной яркости, ни подкупающей сочности. Угрюмую, незнакомую, чудовищно-высокомѣрную и порочную душу стараются они открыть—и это тоже не подкупаетъ читателя, который вѣдь хочетъ, чтобы ему говорили о томъ, что онъ уже знаетъ, но такъ говорили, какъ будто онъ узнаетъ новое. Что-то мглистое и однообразное есть въ лирикѣ Сологуба; и трудно понять, откуда она беретъ убѣждающую силу, отчего въ этой свинцовой мглѣ есть жаръ.

Въ послѣднее время часто приходится встрѣчаться съ указаніями, что Ѳедоръ Сологубъ—стилистъ; и кажется что эти указанія должны быть также ограничены, какъ это было уже съ Тютчевымъ, Фетомъ и Полонскимъ. Тамъ тоже, не умѣя или не желая проникнуть во внутрь поэтической индивидуальности, охотно отдѣлывались поверхностнымъ замѣчаніемъ, которое казалось безспорнымъ: о содержаніи поэзіи Фета можно говорить то и се, можно посмѣяться надъ ея безъидейностью, но надо признать, что форма его превосходна, да иначе и быть не могло у поэта, который все вниманіе обратилъ на форму, а по существу дальше „Шопотъ, робкое дыханье“ не пошелъ; и такъ далѣе. Какъ извѣстно, при

болѣе внимательномъ или по-просту при болѣе добросовѣстномъ отношеніи къ поэзіи Фета оказывается, что форма у него далеко не всегда безукоризненна, что онъ въ своей лирикѣ прежде всего мыслитель и что, не гоняясь за формальной красотой, достигалъ ея, но еще чаще преодолѣвалъ ее иною, высшей красотой. Нѣтъ у него ни чеканныхъ стиховъ, ни звонкихъ риѳмъ, ни блестящихъ сравненій, ни остроумныхъ изобрѣтеній Майкова, но есть особая глубина и нѣжная интимность мысли, своеобразная и единственная въ русской литературѣ. Какъ бы не потерпѣли такой же модификаціи панегирическіе отзывы о лирической техникѣ Сологуба. У него есть выразительныя стихотворенія, есть сильныя слова и остающіеся въ памяти образы; у него свой языкъ, ясный и много говорящій въ своей изысканной безыскуственности. Но Сологубъ часто перепѣваетъ себя—и это не можетъ не быть съ поэтомъ, который такъ поглощенъ своимъ однотоннымъ внутреннимъ міромъ. Не только свои тэмы—конечно, съ оттѣнками—повторяетъ охотно Сологубъ, но и слова, и эпитеты. Его словарь значителенъ, но не богатъ; иногда онъ удачно пользуется не вошедшими въ литературный обиходъ областными, народными,—чаще городскими—словами. Обороты мѣщанскаго острословія, архаизмы народной демонологіи, крестьянская ботаническая терминологія увы, вытѣсненная изъ нашего сознанія мертвыми обозначеніями естественныхъ наукъ, полные подсказывающей и увлекающей содержательности намеки, собственныя имена, колоритныя воспоминанія и экзотическіе образы изъ открытыхъ поэту сокровищницъ всемірно-историческихъ сказаній,—все это дало свои краски на лирическую палитру Сологуба, и онъ пользуется этими богатствами охотно, однако сдержанно и тактично. Но онъ такъ замкнутъ въ своей душевной жизни, что и въ словарѣ его можно замѣтить однообразіе. Новообразованія его не всегда удачны, напр. въ „Пламенномъ кругѣ“ „лобзальныя дѣвы“, „некошный“, „ересный“, глагольныя формы“ „иденъ“ „велѣнъ“, „лобызая“ и т. п. И, конечно, если бы былъ составленъ словарь языка Сологуба, то было бы видно, что словарь этотъ очень не ровенъ по составу: съ одной стороны, онъ довольно богатъ новыми для литературы словами, а съ другой онъ очень узокъ въ своей основѣ, въ томъ фондѣ, которымъ часто пользуется Сологубъ. Тоска, печаль, усталость, жестокость, боль: какъ часты, какъ неотвязны эти слова у Сологуба. Слишкомъ много у него „угрюмыхъ“ и слишкомъ много босыхъ женскихъ ногъ: сперва это смѣшно, потомъ тягостно и въ

концѣ противно. Прочтешь его новое стихотвореніе и вспоминаешь: вѣдь что-то такое я у него уже читалъ. И это съ удивительной выразительностью отражено именно въ словарѣ Сологуба. О повтореніяхъ эпитета злой въ его поэзіи я уже писалъ. Въ полутораста стихотвореніяхъ „Пламеннаго Круга“ слова зло и злой опять употребляются разъ пятьдесятъ—и въ тѣхъ же сочетаніяхъ; злая воля и злое дѣло, злыя рѣчи и злые сны, злое житье и злыя печали, злой день и злой огонь, злое древо и злые плоды, злой кинжалъ и злой мальчишка, злыя феи, злыя томленія, злые болота, даже злая рѣшетка—и, наконецъ, я, злой, злобный, безумно злой. Ни у одного лирика нѣтъ этого тоскливаго воспроизведенія одного эпитета, въ самой неотвязности котораго звучитъ какая-то изнуряющая злобная тоска. Бываютъ однотонныя настроенія, но нѣтъ необходимости, чтобы выраженіемъ ихъ служило это однообразіе языка. Во всякомъ случаѣ это однообразіе языка не есть достоинство формы. Оно интересно и показательно, оно искупается кой-чѣмъ; но ему нуженъ противовѣсъ. Ну, конечно—

Къ повтореніямъ сердце привычно,—
Однозвучно и скучно кукуемъ.
Мы плѣненные звѣри,
Голосимъ какъ умѣемъ—

и это неумѣлое однозвучіе,—честно признанное самимъ Сологубомъ, наряду однако съ горделивымъ возгласомъ: „развѣ стихи мои не прекрасны?“—не краситъ эти стихи, прекрасные рѣже, чѣмъ это кажется автору. И безъ тягостнаго однозвучія была бы очевидна односоставность, цѣльность Сологуба, столь существенная въ его общей оцѣнкѣ.

Эта цѣльность нашла превосходное выраженіе въ „Пламенномъ кругѣ“, и она, быть можетъ, подкупаетъ болѣе всего въ этой лирической книгѣ.

XI.

Есть въ „Пламенномъ кругѣ“ болѣе удачныя и менѣе удачныя стихотворенія; иногда не понимаешь, часто отвергаешь, иногда останавливаешься и говоришь себѣ: это хорошо сказано. Но это одобреніе не важно, ибо оно эпизодично, а эта лирическая книга не есть рядъ эпизодовъ, случайныхъ и не связанныхъ. Наоборотъ: самое цѣнное въ ней—ея удивительное единство—и одобрять ее стоитъ только въ ея цѣлокупности. Это не лирика: по-послѣдовательности, по взаимной зависимости частей, по цѣльности

непрерывно развивающагося замысла, это драма—драма съ завязкой, съ движеніемъ, съ экспозиціей, съ перипетіями, съ развязкой,—„монодрама“, если угодно, ибо у нея одинъ герой безъ антуража, но все же драма: замкнутое, въ себѣ завершенное дѣйствіе, обусловленное всей природой дѣйствующаго. Конечно, теорія строгой драмы этого не приметъ, да и мы не примемъ въ буквальности драму безъ діалога и безъ борьбы. Но завершенность „Пламеннаго круга“ даетъ ему право на это сопоставленіе. Какъ мы сказали, это именно кругъ, и именно пламенный кругъ—и это дѣлаетъ его значительнымъ. Планъ необычайной души, законченной, типичной, уравновѣшенной, какъ кругъ и въ то же время мятущейся, обманчивой, жгучей, какъ пламя, даетъ „Пламенный кругъ“ и это дѣлаетъ его интереснымъ.

Сологубъ сложенъ, но не многосложенъ. Изъ немногихъ и довольно опредѣленныхъ идей сложилось его міровоззрѣніе; онъ часто возвращается къ нимъ, часто повторяется, всегда говоритъ объ одномъ—въ лирикѣ тоже, что и въ романѣ, въ драмѣ тоже, что и въ теоретическихъ статьяхъ—и кто знаетъ два-три его произведенія, приметъ остальныя, какъ знакомое, понятное, необходимое. Сложность Сологуба не столько идейная, сколько эмоціональная. Движенія его души какъ будто не послѣдовательны, но сосуществуютъ, и оттого каждое его произведеніе кажется какимъ-то легкимъ покровомъ, подъ которымъ живетъ сумбуръ, дикій, страшный и безумный. Какъ земная кора есть только тонкая оболочка, облекающая расплавленное ядро, такъ видимый міръ созданій Сологуба есть лишь слабое свидѣтельство о той безобразной массѣ, изъ которой, охлажденный, міръ выдѣлился. Здѣсь, снаружи, суша отдѣлена отъ моря, все индивидуализировано, все—вплоть до послѣдней былинки—имѣетъ свое лицо; тамъ—все въ смѣшеніи, все въ бурленіи, въ безпорядкѣ, все чревато взрывомъ.

Такъ копошится огромный, мрачный, безобразный, напряженно-неистовый міръ душевнаго хаоса подъ выкристаллизовавшимися изъ него образами Сологуба и чувствуется въ нихъ. Страшное что-то есть въ его обликѣ, безотрадное, отталкивающее и страдальческое. И это самое цѣнное въ его творчествѣ. Какое мѣсто займетъ Сологубъ въ исторіи литературы? Большой онъ поэтъ? Трудны эти оцѣнки для современника и похожи на лотерею; но скорѣе—нѣтъ. Значительный мыслитель?—конечно, нѣтъ. Онъ самомнителенъ въ философскихъ притязаніяхъ, но не глубокъ, и въ своей искусственности нерѣдко наивенъ. Но исторія культуры, исторія душев-

ной жизни не обойдется безъ его книгъ, безъ его личности, ибо ни о чемъ кромѣ себя онъ не пишетъ, не хочетъ и не умѣетъ писать. Всѣ его произведенія—одно произведеніе, и даже сюжета, исторіи въ нихъ нѣтъ, а только одинъ образъ, одинъ портретъ, одно лицо, искаженное и спокойное, истерзанное и благодушное. Это лицо въ своемъ уродствѣ кажется намъ чѣмъ-то необычайнымъ, болѣзненнымъ, исключительнымъ; но оно въ то же время типично, всеобще, возможно. И оттого—пусть чуждъ и враждебенъ намъ Сологубъ. Важно то, что онъ съ чрезвычайной силой выразилъ себя,—большей заслуги нѣтъ у художника. Этимъ онъ завоевываетъ насъ. Какъ настоящая сила, онъ не приспособляется къ намъ, онъ заставляетъ насъ занять опредѣленную позицію по отношенію къ нему. Онъ заставляетъ насъ знать его, понять его. Пусть мы потомъ проклянемъ его—все равно: лишь бы не были равнодушны. Все, что не есть равнодушіе, есть уже побѣда поэта: проклинаютъ только силу, а значеніе поэта только въ его индивидуальной силѣ. И, какъ всякое творчество, благотворна сила Сологуба не тѣмъ, что побѣждаетъ насъ, а тѣмъ, что убѣждаетъ: не ассимилируетъ, а индивидуализируетъ, заставляетъ не принять міръ, имъ познанный, то есть созданный, но пройти чрезъ его міръ и—создать свой. Ищущая мысль читателя оживляетъ и оплодотворяетъ формы, данныя поэтомъ. Пусть для него это были формы, заполненныя его мыслью; для насъ онѣ будутъ пусты и мертвы, если мы ихъ не заполнимъ, не оживимъ своей работой мысли. Всякая творческая мысль цѣнна постольку, поскольку вовлекаетъ въ мышленіе: внѣ этого процесса она не существуетъ. Ибо истина не въ конечной формулѣ, а въ томъ пути, который каждый по своему *долженъ* пройти, чтобы усвоить ее. Мы напомнили слова поэта, что лишь тотъ добываетъ себѣ жизнь и свободу, кто ежедневно беретъ ихъ съ бою. И это глубочайшее изреченіе во всей полнотѣ относится также къ истинѣ. Ея нѣтъ въ тѣхъ формулахъ, которыя взяты на вѣру. И истиной владѣетъ лишь тотъ, кто ежедневно беретъ ее съ бою. Выводы служатъ лишь символомъ пройденнаго пути; истина же въ движеніи по пути, въ динамикѣ мышленія, въ доводахъ.

Съ этой высоты надо цѣнить поэта. Слишкомъ легко отвергнуть Сологуба на сегодня за его „садизмъ“, за его „солипсизмъ“, за его жестокость, за его ломаніе, за его непонятность, за его непристойность, за его безумство, за его кощунство. Мы многихъ такъ отвергали— слишкомъ рано и слишкомъ поверхностно. Отвергнуть

можно, отвергнуть должно,—только во-время: послѣ того какъ пройденъ путь поэта, послѣ того какъ охваченъ пламенный кругъ его переживаній. И, разумѣется, послѣ этого пути самая формула отверженія ничѣмъ не будетъ похожа на первоначальную кургузую формулу безсодержательнаго отрицанія. И здѣсь существенными окажутся не выводы, а доводы. Формула усложнится, Никто не скажетъ: Сологубъ—декадентъ, садистъ, кривляка, психопатъ, чертъ знаетъ что. Это говорили о Достоевскомъ и похуже говорили; теперь говорятъ иное. Скажутъ: быть можетъ. Сологубъ нашъ врагъ, быть можетъ, Сологубъ намъ чуждъ; но въ тоже время онъ нашъ, страшно нашъ, и мы—его, и онъ нуженъ намъ и важенъ для насъ. Онъ создалъ и создаетъ цѣлый міръ, котораго мы не знали бы безъ него; и эта „творимая легенда“ при всей фантастичности, извращенности, причудливости, непонятности — подчасъ просто возмутительной, ибо намѣренной, темноты своихъ формъ,—есть все таки настоящая, подлинная реальность. Ибо безъ этой сумбурной фантастики, этой нелѣпицы притязательнаго эгоцентризма, этихъ кривляній прикрытаго сумбуромъ наивнаго реализма мы такъ и не узнали бы одной важной и нужной для насъ реальности: души Сологуба. Вѣдь вотъ среди насъ возможны такіе люди; среди насъ живетъ и творитъ душа, которая не можетъ выразиться безъ чертовщины, безъ недотыкомки, которая воплощается въ Передоновѣ— и насъ угрюмо вмѣстѣ съ собою обличаетъ въ передоновщинѣ, скажемъ прямо—въ сологубовщинѣ, и мы чувствуемъ, что здѣсь есть правда.

Развѣ это не страшно важно, развѣ это не захватывающе интересно? Развѣ это не рѣшаетъ вопроса объ оцѣнкѣ? Да, если нужно ткнуть перстомъ въ табель о рангахъ и указать на ней мѣсто Сологубу, то я скажу: не знаю. Если спросятъ, есть ли въ моемъ личномъ Пантеонѣ мѣсто для Сологуба, я, конечно, скажу: нѣтъ. Слишкомъ чуждъ мнѣ міръ его чувствъ, слишкомъ враждебенъ его міръ, какъ цѣлое. Онъ не учитель жизни; если выбирать изъ крайностей, то онъ скорѣе бѣдный обиженный Prügelknabe жизни. Она сѣчетъ и унижаетъ его, дѣлаетъ изъ него самомнительнаго шута и разоблачаемаго кривляку [1])—намъ на поученіе. Но учиться у него можно, ибо кой-что въ насъ ему понятнѣе, чѣмъ намъ самимъ. И не только понятнѣе, но и ближе.

---

[1]) Изъ этихъ разоблаченій отмѣчу превосходную статью А. Е. Рѣдько въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1909, № 2.

„Вещи есть у меня, но ты—не вещь Моя; ты и Я—одно“.

„Приди ко Мнѣ, люби меня“.

Пусть любитъ, кто можетъ. Я не могу. Но не могу пройти и мимо Сологуба и сказать: „Ничего не случилось. Садистъ. Психопатъ. Пустое мѣсто“. Въ этомъ пустомъ мѣстѣ часть меня самого. Черезъ это пустое мѣсто виденъ нашъ міръ, а дальше, за нимъ — безконечность міровъ будущихъ и „вовѣки вожделѣнныхъ“.

А. Горнфельдъ.

Клавдія Гюнихъ.

РАЗСКАЗЪ.

Изучалъ ея красоты,
И долины и высоты...

Пѣвица пѣла визгливымъ механическимъ голосомъ, похожимъ на граммофонъ. Черные румыны въ расшитыхъ бѣлыхъ куртках пилили на деревянныхъ скрипкахъ и лица у нихъ были такія же деревянныя, и мелодія катилась впередъ быстро и однообразно, какъ каруселъ на ярмаркѣ.

Кафе-шантанъ былъ полонъ. Въ лѣтнемъ саду подъ каждымъ деревомъ, за каждымъ столикомъ сидѣли люди. Лакеи метались во всѣ стороны, натыкались другъ на друга, несли бутылки за бутылками, но никакъ не могли напоить жестокую волжскую жажду. Публика была пестрая, всѣхъ классовъ и всѣхъ націй, персы въ черныхъ сюртукахъ европейскаго покроя и въ огромныхъ папахахъ, татары въ тюбетейкахъ, самарскіе мукомолы, бѣлые и сытые, и степные арендаторы съ сожженными лицами. Въ городѣ было много дѣлъ и торговцы пріѣзжали сюда изъ средней Азіи, и даже изъ Индіи. И по дорогѣ на ярмарку въ Нижній здѣсь былъ первый этапъ.

Найти свободное мѣсто было довольно трудно. Но за однимъ столикомъ далеко отъ сцены я увидѣлъ знакомыхъ. Это были сибиряки проѣздомъ изъ Иркутска, Промзинъ и его команда. Промзинъ Михайло Михайлычъ торговалъ соболями. Онъ былъ старичекъ тихій, тщедушный и зябкій. Даже въ лѣтнее время

онъ носилъ теплые сапоги съ суконнымъ подбоемъ. А въ карманѣ носилъ браунингъ съ полной обоймой зарядовъ. Два года тому назадъ на якутскомъ тракту самъ другъ съ товарищемъ они отбились отъ нападенія ссыльныхъ черкесовъ.

Былъ онъ человѣкъ малограмотный и лѣвый. Своимъ тихимъ голосомъ онъ иногда изрекалъ такія крѣпкія вещи, что стѣны трещали и слушатели оглядывались по сторонамъ. Впрочемъ, въ эту минуту Михайло Михайловичъ Промзинъ былъ занятъ другимъ дѣломъ. Онъ чинно сидѣлъ у стола и скромно пилъ коньякъ, стаканъ за стаканомъ. Можно было подумать, что онъ пьетъ зельтерскую воду.

Въ командѣ Промзина было два человѣка. Одинъ былъ Алферовъ, забайкальскій казакъ, огромный и нескладный. Особенно ноги у него были неслыханныя. Сапоги у него были высокіе, съ подкованными каблуками. Голенища были, какъ ведра. И когда онъ всталъ и ступилъ впередъ, чтобы пожать мою руку, на пескѣ остался слѣдъ, какъ будто отъ конскаго копыта. Онъ былъ золотоискатель. Карманы его были набиты самородками, естественными и также искусственными, сдѣланными по его заказу,—для русскихъ покупателей. Онъ продавалъ паи и участки, мѣтилъ не только на русскихъ, но и на иностранцевъ. Послѣ ярмарки Промзинъ обѣщалъ везти въ Петербургъ его и его товарища.

Товарищъ его былъ косматый человѣкъ звѣрообразнаго вида, одѣтый въ одежду страннаго покроя: блузу и вмѣстѣ пиджакъ изъ сѣраго люстрина. Штаны у него тоже были люстриновые; шляпа огромная, сшитая изъ сѣраго сукна, едва ли не самодѣльная. Это былъ торговецъ скотомъ съ Витима на рѣкѣ Ленѣ.

Онъ разсказывалъ что-то съ большимъ жаромъ, но мой приходъ помѣшалъ ему.

За столомъ сидѣлъ еще одинъ человѣкъ, но я не зналъ его. Онъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Красивый брюнетъ, высокій и статный, съ мягкой бородкой и большими яркими глазами. Ему могло быть подъ тридцать. Одѣтъ онъ былъ красиво, хотя и нѣсколько своеобразно. Синяя шелковая рубашка, подхваченная шнуромъ; высокіе лакированные сапоги. Черезъ спинку стула было

переброшено короткое пальто. А рядомъ на другомъ стулѣ стоялъ шелковый цилиндръ, совершенно новый, заграничной работы.

Онъ тоже всталъ мнѣ на встрѣчу, щелкнулъ каблуками съ особой выправкой и назвалъ свою фамилію. Я впрочемъ разслышалъ только послѣдніе слоги:—*новъ*.

Онъ снялъ цилиндръ со стула и очистилъ мнѣ мѣсто.

— А у меня кошелекъ украли,—обратился ко мнѣ черезъ столъ Витимскій торговецъ скотомъ.—Ей Богу!.. Прихожу изъ Гостинаго ряда, а деньги—тютикъ.

Онъ разсмѣялся и даже подмигнулъ своими рыбьими глазками.

— Ну, да я ихъ надулъ,—прибавилъ онъ,—облизнутся деньгами те... Двѣ красныхъ пусть берутъ, а толстыя деньги, вотъ онѣ.

Онъ сталъ рыться во всѣхъ карманахъ и доставать какія то обертки и старые конверты, даже бѣлыя тряпочки. И въ каждой оберткѣ были заложены кредитныя бумажки.

— Зналъ и запряталъ,—сказалъ онъ громко и посмотрѣлъ кругомъ торжествующимъ взглядомъ.

Даже сосѣди заинтересовались. Съ ближайшихъ столовъ смотрѣли на этого сибирскаго облома, какъ на новое диво. Онъ нисколько не смутился. На столѣ передъ нимъ набралась порядочная кучка денегъ и обертокъ. Онъ зажалъ ее въ кулакъ и поднялъ въ воздухѣ передъ лицомъ Промзина.

— Четъ или нечетъ,—спросилъ онъ, какъ будто между дѣломъ. Это было однако приглашеніе къ игрѣ, обычной въ Сибири.

— Отстань,—сказалъ старикъ и налилъ новый стаканъ.

— Ну, вы,—сказалъ торговецъ скотомъ, наивнымъ жестомъ протягивая руку къ сторонней публикѣ.

Промзинъ сдѣлалъ брезгливую гримасу.

— Спрячь деньги,—сказалъ онъ неохотно,—розиня!..

Этотъ розиня между прочимъ считался самымъ тонкимъ плутомъ на всемъ Витимѣ и на Бодайбо. Кромѣ торговли скотомъ онъ былъ также спиртоносомъ изъ крупныхъ, что требуетъ большой игры воображенія.

Впрочемъ, я увѣренъ, что исторія съ запрятанными деньгами не была уловкой и что кошелекъ у него дѣйствительно украли.

— А я васъ знаю,—тихо сказалъ мнѣ брюнетъ.

Я слегка поклонился.

— У меня даже есть къ вамъ дѣло,—продолжалъ онъ.—Я зналъ, что встрѣчу васъ здѣсь.

— Очень радъ...—Я изобразилъ фигуру ожиданія.

— Мы лучше встанемъ,—предложилъ брюнетъ.

На сценѣ появился плакатъ: 4. *Дѣтскій балетъ*. И тотчасъ же вышли съ поддюжины дѣвицъ, довольно поношенныхъ, одѣтыхъ въ костюмъ *бебе*, или точнѣе говоря, почти совсѣмъ раздѣтыхъ. Весь костюмъ бебе состоялъ изъ одной рубашки.

Публика встрѣтила дѣтскій балетъ рукоплесканіями. Многіе стали вставать съ мѣстъ и подходить къ сценѣ. Мы тоже встали, но отошли къ сторонкѣ. Мнѣ показалось, что и Витимскій спиртоносъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать, но Промзинъ звякнулъ стаканомъ и команда осталась на мѣстѣ.

— У меня есть письмо къ вамъ,—сказалъ брюнетъ,—отъ Берса.

Это было имя моего стараго товарища, съ которымъ когда-то, лѣтъ 20 тому назадъ, мы сидѣли рядомъ въ острогѣ. Съ тѣхъ поръ насъ обоихъ трепала жизнь, но Берсу досталось еще хуже, чѣмъ мнѣ. Изъ 20 лѣтъ 12 онъ просидѣлъ подъ разными замками. Два раза бѣгалъ и оба раза его ловили и били. Два раза принимался умирать отъ чахотки и если воскресалъ снова, то только благодаря ненасытной жаждѣ жизни, которая одновременно сожигала и сохраняла его изможденное тѣло.

Но въ этомъ письмѣ Берсъ писалъ:—„Жилъ, жилъ, а теперь умираю. Харкаю кровью. На этотъ разъ серьезно. Ну, и чортъ съ нимъ и чортъ съ вами. Будетъ съ меня. Остальное Масюкъ разскажетъ“.

Мы опять сѣли за столикъ уже отдѣльно.

— Что, съ Берсомъ плохо,—спросилъ я, складывая письмо.

— Да, плохо,—подтвердилъ мой новый знакомецъ.—Очень обижается онъ. Говоритъ: „Зачѣмъ жить? Два раза меня надули. А въ третій не надуютъ“...

Мы помолчали.

— Вы, стало быть, Масюкъ,—спросилъ я почти машинально.

Онъ поклонился:—Къ вашимъ услугамъ. А нынѣ Ливановъ, Василій Петровичъ.

Я слышалъ его первое имя два года тому назадъ, вскорѣ послѣ роспуска второй думы. Оно было связано съ фантастическимъ предпріятіемъ на западѣ Россіи, которое, какъ многія другія, началось кровью и закончилось кошмаромъ.

Я окинулъ его внимательно глазами. И опять въ его фигурѣ мнѣ показалось что-то своеобразное, не русское, что ли, хотя онъ говорилъ безъ малѣйшаго акцента полнымъ и поющимъ московскимъ говоромъ. Осанка у него была прямая, военная.

— Скажите, вы офицеръ?—рискнулъ я предложить вопросъ.

— Какъ сказать,—пожалъ плечами Масюкъ,—пожалуй, я военный... И даже имѣю Георгія за боевое дѣло...

— Если вамъ интересно, я разскажу,—предложилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.—Начальство знаетъ,—прибавилъ онъ, слегка улыбаясь.—Отчего бы и вамъ не знать?..

Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на окружающую толпу. Она шумѣла, какъ море. Черезъ два стола отъ насъ начинался легкій скандалъ. Одинъ господинъ неожиданно схватилъ зонтикъ и ударилъ по головѣ даму, сидѣвшую рядомъ съ нимъ,—разъ и другой и третій. Я полагаю, что это была его законная жена. Она даже не пошевелилась и какъ будто не замѣтила ударовъ, но ея сосѣдъ съ лѣвой стороны стремительно вскочилъ и крикнулъ: „Какъ вы смѣете бить женщину“?

Публика, впрочемъ, не обратила особаго вниманія на драку. Румыны опять завели свою музыкальную карусель и подъ ея деревянные звуки Масюкъ разсказывалъ тихо:

„Я крови бродячей, бабка моя была цыганка. Дѣдъ былъ ухарь, кулачный боецъ. Его и теперь помнятъ у насъ въ Девьянскѣ. А отецъ жилъ степенно, держалъ трактиръ. Я кончилъ четыре класса, хотѣлъ дальше учиться. Отецъ взялъ меня изъ гимназіи, поставилъ за прилавокъ. А я черезъ недѣлю изъ дому ушелъ“.

— Куда ушли?

„За границу пробирался. Хотѣлъ въ Америку ѣхать, воевать съ индѣйцами. Да меня поймали на станціи, привезли домой. Отецъ погрозился выдрать меня. А я сказалъ, что домъ сожгу. Тогда онъ отступился...

„На другой годъ я опять убѣжалъ. Поймали меня въ Вержболовѣ, вернули по этапу. Третій годъ былъ самый трудный. Матери у меня не было. Мачиха со мной говорила въ третьемъ лицѣ: *Этотъ*, да *онъ*... Лѣтомъ отецъ далъ мнѣ паспортъ и сто рублей:— Поѣзжай хоть къ чорту, назадъ не возвращайся.

„Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, я поѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ я пробылъ два съ половиной года. Мнѣ круто пришлось. Деньги вышли. Лица не русскія, никого не знаю. Жилъ я въ польскомъ отелѣ, у пана Фіолки, не платилъ за квартиру. А если панъ приставать станетъ, только и скажешь: „все равно, комната пустая“. И покажешь языкъ.

„Сапожникъ былъ одинъ, стихи Шевченка переводилъ на французскій языкъ. Мы къ нему чай пить ходили. Дома сидишь не ѣвши. Только вмѣсто обѣда на гитарѣ поиграешь. Пробовалъ я фотографіи учиться. Работалъ въ магазинѣ, снимки печаталъ, святыя картинки, да почти ничего не платили. Раздавалъ объявленія по воскресеньямъ, пять франковъ можно заработать. Даже окурки собиралъ съ бродягами.

„Пробовалъ я учиться, да не вышло у меня. Только языку научился, какъ слѣдуетъ.

„У пана Фіолки я познакомился со студентомъ Лашкевичемъ. Онъ жилъ внизу. Былъ онъ литовецъ изъ Ковно. Мы понравились другъ другу. Вмѣстѣ гуляли въ Булонскомъ лѣсу. Мимо ѣдутъ коляски. Дамы разряженныя, а мы злые, презлые. Моціона сколько угодно, а ѣды нѣту. Идемъ и ругаемъ Европу:—„Проклятый этотъ западъ. Здѣсь люди пропадаютъ“.

„Стали мы говорить: „Поѣдемъ лучше на востокъ. Тамъ больше простора“. Папъ Фіолка далъ намъ совѣтъ поступить въ Иностранный Легіонъ, должно быть, избавиться хотѣлъ.

„Мы сходили въ канцелярію. Намъ сказали, что можно записаться въ Африку, въ Сахару. О, и обрадовались мы:—Будемъ

охотиться на львовъ, на пантеръ! Поступимъ въ Сенъ-Сирскую школу.

„На другой день встали рано, пошли къ Эйфелевой башнѣ. Тамъ было военное бюро. Пришли въ восьмомъ часу, а оно открывается въ одиннадцать. Боялись: очередь будетъ, еще не примутъ насъ. Сидимъ на скамейкѣ и ждемъ. Башня надъ нами высоко, а наши мечты еще выше.

„Приняли насъ безъ слова, записали имена, послали въ Домъ Инвалидовъ подписывать контрактъ:—Тамъ выдадутъ жалованье и деньги на проѣздъ... Мы пошли. Я по дорогѣ далъ телеграмму домой: „Ѣду въ Алжиръ. Да здравствуетъ Франція. Можетъ, еще увидимся“.

„Въ Домѣ Инвалидовъ къ намъ вышелъ чиновникъ, вынесъ печатную инструкцію. „Встаньте и выслушайте“! Сталъ читать:— Обязанности солдата—слѣдовать въ походахъ, исполнять приказы начальства; а за нарушеніе—кара по каждому пункту: „la mort, la mort“. Мы стоимъ, а онъ выкрикиваетъ свое: „la mort“. У меня сердце упало. Говорю товарищу: „Полно, подписывать ли“? А онъ по-французски совсѣмъ не зналъ. Я ему переводилъ. Говоритъ: „Пустяки. Извѣстно, пугаютъ. Давай, подпишемся“.

„Выдали намъ по 16 франковъ и билеты до Марсели. Мы думали, дадутъ франковъ по 200, а оказалось жалованье въ каждые пять дней восемь су, на табакъ не хватаетъ. Одинъ разъ пообѣдали, трехъ франковъ какъ не было. Потомъ собрались въ путь. Вещи Фіолка взялъ, книги товарищамъ отдали, поѣхали въ Марсель, а оттуда въ Оранъ черезъ море.

„Въ Марсели насъ продержали недѣлю подъ конвоемъ, чтобы мы не ушли. Тутъ мы узнали первую службу и солдатскую работу, чистили отхожее мѣсто, воду таскали, тюфяки выбивали. Кормили насъ впроголодь. Солдаты французскіе злые, другъ друга ненавидятъ, а насъ тѣмъ болѣе. Одинъ разъ я капрала чуть не ударилъ. Спасибо товарищъ удержалъ.

„Помню въ этотъ вечеръ мы даже всплакнули. Сказали одинъ другому: „Мы, видно, попались“. Стали планы строить:—Не будемъ служить, убѣжимъ въ Марокко, будемъ биться съ французами.

„Мы записались оба во второй легіонъ, южный. На югѣ интереснѣе. Въ Оранѣ на перекличкѣ меня вызвали, поставили въ колонну, а его не выкликаютъ. Спрашиваю: „Что такое“?— „Молчать“! Такъ и не попрощались. Послѣ сказали, что генералъ увидѣлъ два русскихъ имени вмѣстѣ, велѣлъ разъединить насъ. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ Лашкевича и не знаю, что съ нимъ сталось.

„Черезъ два мѣсяца мы пришли на югъ въ пустыню. Мнѣ эта дорога досталась трудно. Французскій солдатъ въ пустынѣ нагруженъ, какъ оселъ. Ранецъ, ружье, шинель, въ мѣшкѣ хлѣбъ, въ манеркѣ два литра воды. Колодецъ отъ колодца верстъ за 60. Жарко идти. Пѣсенники поютъ самыя дурацкія пѣсни.

Ah, madame, du bon fromage, (Ахъ сударыня, сыръ.

Qui était fait dans son village Онъ приготовленъ въ его селѣ).

— Еще глупѣе, чѣмъ у насъ.

„Идешь въ тактъ пѣсни и спишь на ходу. И вдругъ схватишься:—„Господи, гдѣ я“?.. Солнце жжетъ голову и воздухъ впереди сверкаетъ и струится, какъ марево.

„На второй день къ вечеру я ногу стеръ. Пришли на стоянку: гетры не снялъ, а разрѣзалъ. И мнѣ же велѣли встать на часы. Стою и думаю:

— Какъ дальше идти?

„Только смѣнился, заснулъ, слышу—тревога, опять выступать. Хочу башмакъ надѣть, не могу. Нога распухла, какъ бревно. Нечего дѣлать, пошелъ къ офицерской палаткѣ. Капралъ говоритъ: „Пустяки, разойдешься въ пути“. Я говорю: „Не могу“.— „Ну, оставайся здѣсь. Возьмите у него ружье и оставьте хлѣба“.

— Такъ полагается по уставу.

„Вижу, костры погасаютъ. Кругомъ пустыня. И знаю: арабы немирные бродятъ. Увидятъ солдата, замучатъ. Сѣлъ на камень, чуть не плачу. Подходитъ капитанъ. „Что съ тобой“?—„Ногу стеръ“.—„А кто ты таковъ“?—„Я русскій“.—„А русскій, русскій. Alliance russe. Ну, дамъ осла“...

„Дали мнѣ ослика безъ сѣдла, только попоной покрытъ. Ма-

ленькій осликъ такой, а я, какъ видите, высокій. Ноги мои достали до земли. А товарищи кричатъ: „бѣлый генералъ ѣдетъ“!..

„Стоянка наша была въ оазисѣ Бу-Мосенъ. Три баталіона солдатъ охраняли дисциплинарныя роты. Бѣлыя стѣны, высокій заборъ. Снаружи валъ. Рядомъ палатки солдатъ. Садикъ, кабакъ и маркитантъ, père Jacob, семь арабскихъ палатокъ. На сто верстъ вблизи нѣтъ жилья. Но дисциплинарные бѣгутъ. Ихъ ловятъ и бьютъ. Свяжутъ по рукамъ и по ногамъ и положатъ подъ солнце. Нѣтъ хуже этой казни.

„Около Бу-Мосена старинныя каменоломни. Еще карѳагенскіе ссыльные ломали мраморъ. И теперь тоже ломаютъ. Какъ будто ни что не измѣнилось съ той поры.

„На валу по всѣмъ четыремъ угламъ будки и посты. Ночью стоишь на часахъ. Звѣзды свѣтятъ и шакалы воютъ вдали. Скучно стоять. Ждешь не дождешься, пока разводящій выйдетъ и запоетъ такимъ протяжнымъ голосомъ.

Sentinelles, prenez garde à vous. (Часовые, берегитесь).

И часовые отвѣчаютъ одинъ за другимъ.

Sentinelle veille, un. (Часовой не спитъ, одинъ).

Sentinelle veille, deux. (Часовой не спитъ, два).

Sentinelle veille, trois. (Часовой не спитъ, три).

Sentinelle veille, quatre. (Часовой не спитъ, четыре).

И когда замолчатъ, то еще скучнѣе станетъ.

„Нашъ капитанъ сталъ отличать меня. Онъ говорилъ мнѣ: „Плохая служба—Легіонъ. Готовьтесь къ экзамену. Мы вамъ поможемъ“.

„Но я задумалъ другое.

„Въ нашемъ батальонѣ былъ саксонскій нѣмецъ, тоже волонтеръ. Онъ уже пробовалъ бѣгать, да неудачно. Вернулся раньше законныхъ пяти дней и отдѣлался карцеромъ. Мы стали съ нимъ уговариваться. Дѣлать нечего, я написалъ отцу слезную просьбу: „Погибаю въ пустынѣ. Пришлите немного денегъ. И адресъ далъ на маркитанта Якова. Отецъ прислалъ 50 рублей и ругательное письмо.

„Тогда мы стали готовиться. Я укралъ у капитана карту. Мы сшили себѣ холщевые штаны изъ казеннаго бѣлья, сдѣлали шапки, купили арабскіе лапти, взяли мѣшокъ финиковъ, двѣ фляги воды,

и пошли на сѣверъ. Какъ мы шли, долго разсказывать. Ночью мы шли, днемъ ложились въ кусты, или зарывались въ песокъ и закладывались камнями. Все-таки тѣнь отъ ужаснаго зноя.

„Кончилась наша ѣда, мы листья жевали, какъ дѣлаютъ арабы. Два дня мы шли безъ воды. У меня стала голова мутиться. Саксонецъ велъ меня за руку. Помню: мерещилось мнѣ, будто я не въ пустынѣ, а въ самомъ аду, и ведетъ меня дьяволъ. Я кричалъ, вырывался, но Саксонецъ держалъ крѣпко. Еще черезъ день я хотѣлъ броситься со скалы, но онъ удержалъ меня. Спасибо ему. Былъ онъ старше и сильнѣе духомъ.

„Дней черезъ двѣнадцать мы вышли на большую дорогу. Тутъ стали насъ ловить верховые арабы. Имъ за каждаго живого дезертира платятъ 50 франковъ, а за мертваго 25 франковъ. Насъ выручили испанскіе каменщики. Они дорогу чинили. Въ Алжирѣ колонисты по большей части испанцы. Они поручились, будто знаютъ насъ. Арабы не посмѣли спорить. Здѣсь мы купили одежду, сѣли въ поѣздъ, поѣхали въ городъ Алжиръ. Въ Алжирѣ раздѣлили деньги пополамъ, попрощались и разстались. Попрощались мы, какъ братья, крѣпко расцѣловались и даже расплакались. Знали, что больше не встрѣтимся. Послѣ того я сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ въ Марсель. Это былъ мой первый побѣгъ.

„Я воротился домой безъ паспорта. Обратно черезъ границу перевезли меня, какъ Тараса Бульбу въ повозкѣ съ кирпичемъ. Только кирпичъ былъ не польскій, а хорошій нѣмецкій.

„Отецъ сказалъ мнѣ съ первыхъ словъ: „Ну, господинъ офицеръ, что ты теперь думаешь дѣлать? Стоять за моимъ прилавкомъ тебѣ покажется низко“.

„Я отвѣчалъ, что если я офицеръ, то пойду къ офицерамъ. Въ нашемъ городѣ стоялъ пѣхотный полкъ. Я познакомился съ двумя молодыми офицерами, сталъ давать имъ уроки французскаго разговора и скоро совсѣмъ переѣхалъ жить къ нимъ. Это было хорошее время. Деньги у меня были. Жизнь шла легко. Я собирался готовиться къ аттестату зрѣлости, а офицеры убѣждали меня поступить въ военную службу.

„Когда мнѣ исполнилось 20 лѣтъ, я подумалъ, что все равно,

служить придется и поступилъ вольноопредѣляющимся въ этотъ самый полкъ. Черезъ полгода я собирался держать первый военный экзаменъ, но вышло иначе.

„Полковой командиръ неожиданно призвалъ меня и объявилъ:

— Знаете что? Уходите-ка вы отсюда по добру, по здорову. Мы сдѣлаемъ видъ, что забыли о васъ.

— Какъ, за что?

— У васъ, говорятъ, слишкомъ длинный языкъ,—сказалъ командиръ.—Больше я не скажу вамъ ничего. Вы сами обдумайте.

„Я думалъ не долго. Въ ту же ночь я досталъ паспортъ и уѣхалъ въ Москву.

„Послѣ того я около года мотался безъ дѣла. Книжки мнѣ надоѣли, разговоры тоже. А къ одинокому риску въ стилѣ того времени у меня сердце не лежало. Я предлагалъ устроить что нибудь массовое въ духѣ декабристовъ, но надо мной смѣялись. Зрѣлые люди только качали головой. Я было собирался уѣхать на Лебяжью рѣку въ Австралію, какъ вдругъ разразилась японская война.

„Двѣ недѣли я проспорилъ съ нашими. Они говорили: Побьютъ насъ, а мнѣ было обидно. Я говорилъ:—Не побьютъ... Или на морѣ, пожалуй, побьютъ, а на сушѣ мы имъ отплатимъ.

„Спорилъ, спорилъ, а потомъ взялъ да и махнулъ добровольцемъ въ дѣйствующую армію. Паспортъ у меня былъ хорошій, взяли меня безпрекословно, послали на востокъ до города Иркутска. Однако изъ Иркутска вмѣсто дѣйствующей арміи меня отправили на Ангару стеречь хлѣбные склады. Мѣсто это было похоже на Бу-Мосенъ. Также нечего дѣлать и также скучно. Но только вмѣсто африканскаго зноя былъ лютый морозъ. Одно развлеченіе у меня было: смотрѣть на Ангару. Рѣка быстрая, течетъ, какъ съ цѣпи сорвалась. А морозъ снова куетъ. Она ломаетъ. Ледъ и пѣна. Глядишь и не можешь рѣшить, кто же сильнѣе.

„Я впрочемъ не сталъ долго смотрѣть, а сдѣлалъ по прежнему. Только въ Сибирской военной суматохѣ вышло легче и проще. Каждый день сквозь станцію везли солдатъ, молодыхъ и запасныхъ. Я выбралъ минуту, поговорилъ на платформѣ съ проѣз-

жими бородачами и безъ лишнихъ церемоній сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Въ то время по дорогѣ войска тревожили мало и почти не провѣряли. Иные оставались самовольно, а другіе напротивъ приставали, какъ я.

„Въ Харбинѣ на перронѣ ко мнѣ подошелъ офицеръ, посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и спросилъ: „Какого полка?“. Вѣжливо спросилъ и безлично, безъ *ты* и безъ *вы*.

„Я сказалъ: „Я доброволецъ. Хочу идти вмѣстѣ съ вами на передовыя позиціи“.

„Офицеръ пожалъ плечами и отошелъ въ сторону. Послѣ того меня не безпокоили больше. Дней черезъ десять мы попали въ первую перестрѣлку“...

— А какъ вы получили Георгія?

Онъ нахмурился, потомъ сказалъ:—Я лучше вамъ разскажу мое послѣднее дѣло.

„Было это въ окопахъ на Хунь-хе. Передъ нашимъ окопомъ былъ глубокій ровъ и проволочныя загражденія. Японцы лѣзли въ атаку, а мы ихъ разстрѣливали и сбрасывали въ ровъ. Японцы ходятъ въ атаку рѣдко, но если напрутъ, то по своему обычаю удержу не знаютъ и лѣзутъ впередъ слѣпо, какъ саранча.

„У насъ тоже было много убитыхъ. Мы положили ихъ на край, чтобъ сдѣлать его выше. Они закочепѣли и замерзли и были, какъ дрова. Мы стрѣляли пачками черезъ ихъ спины и если нечаянно толкнешь прикладомъ, мерзлое тѣло звенѣло, какъ дерево.

„Но японскихъ тѣлъ было вчетверо больше. Они завалили ровъ, сперва до половины, потомъ доверху. Тамъ были мертвые и раненные и должно быть, еще и такіе, которые просто упали внизъ и не могли вылѣзть. Потомъ японцы перешли черезъ ровъ и появились на нашей сторонѣ. Мы стали колоть ихъ штыками. Я ударилъ одного прикладомъ наотмашь. Онъ упалъ и, падая, схватилъ меня за ноги. Я выпустилъ ружье и мы полетѣли оба въ ровъ.

„Во рву на грудѣ тѣлъ мы схватились и стали бороться. Я помню, что въ отличіе отъ нашихъ труповъ эта груда была теплая и какъ будто даже парная. И вся она шевелилась, какъ шевелятся черви въ ранѣ. Не знаю какъ, мы попали подъ низъ и тоже

извивались вмѣстѣ съ другими и уходили все глубже, но не отпускали другъ друга. Я душилъ его за горло. Онъ притянулъ мою руку къ своему рту и закусилъ ее зубами. Тутъ я крикнулъ и потерялъ чувство“...

Я смотрѣлъ на него со страхомъ. Лицо его перекосилось и зубы стиснулись.

— Это кошмаръ,—сказалъ я полувопросительнымъ тономъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ отвернулъ рукавъ рубахи и показалъ на правой рукѣ, повыше кисти, два полукружія шрамовъ, короткихъ, глубокихъ и странныхъ. Это были слѣды зубовъ, острѣе, чѣмъ волчьи.

„Я очнулся въ японскомъ госпиталѣ на койкѣ. Рана моя была пустячная, но болѣлъ я долго. Они отправили меня въ Йокогаму. Докторъ того госпиталя учился въ Парижѣ и хорошо говорилъ по французски. Я выдалъ себя за француза и сказалъ, что хотѣлъ бы уѣхать обратно на родину.

„Докторъ пожалъ плечами и сказалъ сухо:—„Лишнихъ плѣнныхъ намъ не нужно. Дайте подписку, что больше не будете драться, и я устрою, чтобъ васъ отпустили“.

„Черезъ недѣлю меня дѣйствительно отпустили. У меня было странное состояніе, нервное, усталое. Въ Европу меня не тянуло, въ Россію еще меньше. Я снова было подумалъ о Лебяжьей Рѣкѣ но для такой поѣздки у меня не хватало силы. Я поѣхалъ въ Шанхай, а оттуда угодилъ въ Сангунъ, большой торговый городъ въ южномъ Китаѣ.

„Въ Сангунѣ былъ русскій консулъ, баронъ фонъ-Гюнихъ. Онъ жилъ здѣсь безвыѣздно лѣтъ пятнадцать, велъ большую торговлю копрой, волокномъ кокосоваго орѣха. У него была дочь Клавдія, восемнадцати лѣтъ. Меня пригласили давать ей уроки русской литературы. Послѣ перваго урока молодая баронесса безъ всякихъ церемоній предложила мнѣ переѣхать къ нимъ въ домъ. И пока я колебался, она велѣла запречь шарабанъ, съѣздила въ гостиницу и сама привезла мои вещи.

„Необычайная дѣвица была молодая баронесса фонъ-Гюнихъ, Клавдія Ивановна. Она была русская по матери и православной

вѣры. Но съ виду она была совсѣмъ нѣмка, высокая, бѣлая, съ круглыми сѣрыми глазами и длинными желтыми волосами. Когда она сердилась, глаза ея сверкали, какъ у филина, странно и дико, непріятно и красиво. И по русски она говорила съ англійскимъ акцентомъ. Точно также она говорила на семи языкахъ, по нѣмецки, по англійски и по русски; по французски съ китайскимъ акцентомъ, на двухъ китайскихъ нарѣчіяхъ и на англо-китайскомъ торговомъ жаргонѣ.

„Несмотря на свое баронство, Клавдія фонъ-Гюнихъ не любила нѣмцевъ и была русской патріоткой. Гюнихи были обрусѣлые нѣмцы, у нихъ было имѣніе въ Орловской губерніи, но Клавдія Ивановна не знала Россіи. Мать у нея умерла рано и ее привезли въ Сангунъ трехъ лѣтъ отъ роду. Послѣ того лѣтъ черезъ девять отецъ послалъ ее въ Россію, въ пансіонъ. Она вела себя такъ, что ему предложили взять ее изъ пансіона. Старый Гюнихъ махнулъ рукой и увезъ ее обратно въ Сангунъ.

„Клавдія Ивановна выросла въ Сангунѣ на полной своей волѣ. Домъ ея отца, какъ и всѣ дома богатыхъ европейцевъ, былъ полонъ туземными рабами. Тутъ были опахальщики, которые качаютъ большое опахало надъ обѣденнымъ столомъ, скороходы, лакеи, конюхи.

„А въ подвалѣ былъ карцеръ. Если кто провинится, его сажали туда, совсѣмъ, какъ въ древнее время.

„У ней были двѣ горничныхъ, пажъ для комнатъ, грумъ для ѣзды. Когда она была дѣвочкой, она запрягала въ колясочку двухъ молодыхъ китайчонковъ и ѣздила на нихъ, словно на парѣ козловъ. Дергала ихъ за косы, какъ будто за возжи. Сама мнѣ разсказывала.

„Европейское общество въ Сангунѣ было смѣшанное. Все больше англичане. Но съ ними Клавдія Ивановна перессорилась изъ-за японской войны. Были нѣмецкіе приказчики и комми-вояжеры и всякій сбродъ изъ тѣхъ людей, что шляются по разнымъ морямъ. Они ходили къ фонъ-Гюниху обѣдать, но Клавдія Ивановна смѣялась надъ ними въ лицо.

„Уроки наши по литературѣ проходили странно. Я тоже зналъ

не много. Да и книгъ не хватало. Лермонтовъ былъ, а Пушкина не было. Мы стали читать „Воскресеніе“ Толстого въ англійскомъ переводѣ, но до конца не дочитали. Клавдія сказала, что длинно.

„Переводныхъ романовъ у насъ было много, съ французскаго и съ англійскаго. Мы читали ихъ вслухъ за неимѣніемъ лучшаго. Ихъ русскій языкъ былъ ужасенъ. Но Клавдія Ивановна знала ихъ чуть не наизустъ. Особенно она любила одинъ, англійскій. Онъ назывался Леди Сатанилла. И когда я разговаривалъ съ ней о женскихъ тургеневскихъ типахъ, она приводила въ примѣръ для сравненій свою свирѣпую англійскую леди. И еще она любила русскія народныя пѣсни, но пѣла ихъ преуморительно, совсѣмъ на другіе мотивы, съ варіаціями изъ репертуара шарманокъ.

„Мы стали съ ней каждое утро кататься верхомъ. У ней былъ черный конь, Сэръ Джонъ, высокій австраліецъ. А я досталъ мѣстнаго конька, маленькаго, но рѣзваго. Онъ назывался Алтаномъ. Клавдія Ивановна любила скакать въ карьеръ. Пуститъ коня и еще гикнетъ. Волосы выбьются изъ подъ шапки и разовьются по вѣтру. Совсѣмъ Валькирія. А мой Алтанъ скачетъ рядомъ и не отстаетъ ни на шагъ.

„Эти поѣздки вліяли благотворно на мое здоровье. Вѣтеръ бьетъ въ лицо, Алтанъ мчится въ карьеръ и каждый мускулъ напрягается и чувствуешь себя по-прежнему человѣкомъ.

„Чаще всего мы скакали вдоль рѣчки Тао. Высокая ровная площадь, слѣва ущелье, будто огромный разрѣзъ топора сквозь желтую глину. Обрывъ глубиною въ сто футовъ, а внизу рѣчка. Пока не подъѣдешь вплотную, такъ даже незамѣтно.

„Было это весною 1905 года. Русская эскадра пошла къ Владивостоку. Мы ожидали, что она зайдетъ къ намъ. Особенно Клавдія ждала. Но эскадра прошла мимо. Заскучала Клавдія. Стала вызывать меня на прогулку съ шести часовъ утра.

„Китайскіе крестьяне тянутся къ городу въ огромныхъ шляпахъ, съ ношами, съ коромыслами. Пройдетъ мальчишка съ ушастой свиньей на веревочкѣ. Изъ желтой кумирни раздастся тихій звонъ бронзовыхъ клепалъ и жужжаніе молитвенныхъ мельницъ. И стая розовыхъ птицъ поднимется изъ рощи и перелетитъ черезъ дорогу.

А мы скачемъ, сломя голову, какъ будто за кѣмъ гонимся или за нами кто гонится.

„Въ то утро она обогнала меня и выѣхала на поворотъ дороги. Тамъ былъ мысъ, какъ будто уголъ огромнаго стола. Она подскакала къ самому краю и вдругъ остановилась надъ обрывомъ, словно живой монументъ. Конь храпитъ, а она его дергаетъ, какъ будто хочетъ спрыгнуть внизъ. Я тоже подскакалъ и крикнулъ: „Что вы дѣлаете“?

„А она вмѣсто отвѣта подняла хлыстъ и хочетъ ударить коня.

„Я спрыгнулъ на землю, и подбѣжалъ, схватилъ коня за уздцы и повернулъ назадъ.

„Она подняла хлыстъ еще выше, и нагнулась ко мнѣ, но не ударила, только головой тряхнула и вмѣсто хлыста задѣла меня по лицу своими рыжими волосами. А я поймалъ ихъ рукою и прижалъ къ лицу. Она не разсердилась.

„А когда мы назадъ поѣхали, она заговорила:—Если бы у меня были крылья, я бы бросила коня и сейчасъ полетѣла впередъ, догнала бы эскадру.

„Я промолчалъ. Мнѣ было тяжело говорить о войнѣ.

„И она опять заговорила:—Эта эскадра везетъ россійскую судьбу.

„Тогда у меня вырвалось, почти противъ воли:—Если бы у меня были крылья; я полетѣлъ бы на Южное море, отыскалъ бы пустынный островъ, чтобы жить тамъ и не слышать объ этой ужасной войнѣ.

„Она нахмурилась и сказала презрительно:—Вамъ бы со мной помѣняться. Если бы я была мужчиной, я бы не стала пыть безъ дѣла на этомъ берегу.

„Съ того дня началось мое рабство. Я не знаю, какъ его описать. Если сказать откровенно, то я отъ природы человѣкъ развратный и съ женщинами смѣлый; но только не съ нею. На десять шаговъ отойду и снова стану самимъ собой, предъ каждой женщиной. Но передъ ней все парализуется, какъ будто я глупѣю. Иду къ ней черезъ комнату, ноги цѣпляются за полъ. И для меня довольно глядѣть на нее издали.

„Ей это нравилось, а отчасти смѣшило. Она давала мнѣ прозвища, называла меня своею тѣнью, своимъ вѣероносцемъ, оттого что я ходилъ за нею неотвязно и носилъ за нею вѣеръ, какъ носятъ слуги.

„Если бы не рана и болѣзнь, быть можетъ, было бы иначе. Моя первная слабость толкнула меня въ эти путы. Бывало, ночью запрусь, лягу на койку, и плачу. Думаю о Клавдіи и плачу по цѣлымъ часамъ. Хочется сдѣлать для нея что-нибудь такое, чтобы она не знала и никогда не узнала; рыцаремъ выѣхать во славу ея имени и не вернуться назадъ, носить вериги любовныя, погибнуть въ безвѣстности.

„Пусть она скажетъ мнѣ единое слово. Я съ башни брошусь, руку сожгу на огнѣ.

„И кажетея, что это не Клавдія, а будто само божество, живой идолъ, прекрасный, загадочный, злой.

„Черезъ три недѣли у насъ явилась наконецъ иная забота. Въ Сангунъ пришелъ русскій крейсеръ „Диръ“ и сталъ разоружаться. Потомъ явился другой крейсеръ „Селена“. На обоихъ судахъ было до тысячи людей. Фонъ-Гюнихъ помогалъ ихъ устраивать и устроилъ недурно, но все-таки были они, какъ овцы безъ пастыря. Это даже представить трудно. Русскіе матросы въ плѣну у китайцевъ и русскія пушки подъ китайскими замками. Фонъ-Гюниху пришлось много хлопотать, онъ попросилъ меня принять участіе въ хлопотахъ. Я принялъ участіе на собственный ладъ.

„Былъ въ Сангунѣ русскій кабачекъ для проѣзжихъ матросовъ, Его содержалъ Шляпкинъ, отставной матросъ русской службы. выкрестъ-еврей изъ Одессы. Тамъ стали собираться матросскіе митинги въ билліардной. Потомъ организовался соединенный комитетъ сангунскихъ матросовъ. Этотъ комитетъ былъ странный, совсѣмъ не такой, какъ россійскіе комитеты. Его нельзя было даже назвать революціоннымъ. Просто всѣ мы не знали, гдѣ мы и что мы. Положеніе было странное. Охрана китайская, а дисциплина русская. Одни законы на борту, другіе на берегу. Но на самомъ дѣлѣ не дѣйствуютъ ни тѣ и ни другіе...

„Матросы собирались и обсуждали, какъ быть. Иные предлагали:

— Отобьемъ у китайцевъ свои пушки и уйдемъ въ море. А другіе спрашивали: „Куда“? Было много сверхсрочныхъ, которымъ еще до войны приходилось выйти въ запасъ. Тѣ рвались больше всѣхъ и кричали: „Домой“! А мы имъ говорили, что, конечно, англичане догонятъ насъ и вернутъ обратно.

„Иные предлагали:—Покинемъ офицеровъ на берегу, шутъ съ ними. Сами пойдемъ обходомъ до Владивостока!..

„Я въ то время удерживалъ ихъ, а зачѣмъ—не знаю. Говорилъ на митингахъ рѣчи каждый день, будто прорвало меня, и все о соціализмѣ, о будущемъ строѣ. О настоящемъ не говорилъ, а только о будущемъ; расписывалъ его, какъ радугу. А они слушали, какъ сказку. Старый Шляпкинъ тоже слушалъ, и однажды предложилъ:—Знаете, что, возьмемъ свои корабли и уйдемъ въ океанъ. Я тоже пойду съ вами. Отыщемъ пустынный островъ. Тамъ устроимъ такую новую жизнь...

„Теперь вспоминаю тѣ разговоры и самъ удивляюсь. Откуда, что бралось? Кажется, природа моя совсѣмъ не подходящая и раньше того я не былъ любителемъ такъ называемой пропаганды. Но видно время было такое и съ ними надо было разговаривать именно такъ.

„Клавдія Ивановна тоже ходила на митинги. Наши роли какъ будто перемѣнились. Она ходила за мной неотвязно, слушала рѣчи, глядѣла на матросовъ. Но всѣ наши разговоры она понимала по своему, иначе. Одинъ разъ она спросила меня въ упоръ:

— А вы вѣрите тому, что говорите?

„Я вспыхнулъ и сказалъ:—Говорю, значитъ вѣрю...

„Она не угомонилась, подошла къ Шляпкину и спросила:—А вы вѣрите Василію Андреевичу?—Въ то время меня звали такъ. И чуть не вышелъ скандалъ. Но Шляпкинъ подумалъ и сказалъ:—Я старому не вѣрю. Новому можно вѣрить.

„Когда мы шли домой, Клавдія Ивановна сказала:—Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я взяла бы эти суда и ушла бы въ море.

— А куда?—спросилъ я такимъ же тономъ, какъ недавно матросы.

„Она засмѣялась:—Пошла бы къ Сароваскому султану на островѣ Борнео... Царство бы основала... Выкинула бы черный флагъ и стала пиратомъ... Я нашла бы, куда...

„Въ домѣ у фонъ-Гюниха стали собираться русскіе офицеры. Было ихъ человѣкъ тридцать. Но они растерялись еще больше матросовъ. Что дѣлается въ Россіи, никто не зналъ. Русскія газеты къ намъ не доходили. Иногда получались старые номера Харбинскаго Вѣстника. Издавалъ его Ровенскій и, кажется, потомъ угодилъ за него на каторгу. Мѣстная англійская газета печатала телеграммы одна нелѣпѣе другой. Напримѣръ:—въ Петербургѣ диктаторъ, поднялся на воздушномъ шарѣ, а опуститься негдѣ. Все занято мятежниками... Надо замѣтить, что это было осенью 1905 года, до манифеста.

„Офицеры ходили ко мнѣ и спрашивали совѣта. Я выдвигался впередъ противъ собственной воли. Въ карты мы играли отъ нечего дѣлать. Везло мнѣ страшно. Я выигралъ 3.000 рублей.

„Потомъ пришелъ манифестъ 17 октября. Тутъ я рѣшилъ, что надо вызвать кого нибудь отвѣтственнаго и далъ на авось телеграмму во Владивостокъ, въ редакцію газеты. На другой день пришелъ отвѣтъ: „Ѣду, Берсъ“.

„Берсъ пріѣхалъ черезъ недѣлю. Я видѣлъ его въ первый разъ. Онъ былъ сѣдой, важный, въ кудряхъ. Я снялъ клубный залъ и расклеилъ плакаты по городу: „Извѣстный общественный дѣятель, Анатолій Ивановичъ Берсъ, прочтетъ докладъ о современномъ политическомъ положеніи Россіи“. Пришли всѣ русскіе, матросы и торговцы. Даже англичане пришли, если не послушать, то хоть посмотрѣть на Берса.

„Берсъ говорилъ не по-моему. Стригъ онъ, и брилъ и кровь отворялъ, бралъ города съ бою, сокрушалъ всѣ преграды.

„На другой день фонъ-Гюнихъ въ полномъ парадномъ мундирѣ поѣхалъ знакомиться съ Берсомъ. И меня попросилъ вмѣстѣ. Карточки отнесли на подносѣ. Берсъ принялъ консула въ креслѣ, только всталъ на встрѣчу. Баронъ сидѣлъ недолго, держался, какъ передъ начальствомъ, и пригласилъ Берса на обѣдъ.

„Послѣ обѣда мы съ Берсомъ прошли къ барону въ каби-

нетъ. Берсъ объяснилъ, что разсчитываетъ получить отъ барона посильный взносъ. Баронъ немого помялся и сказалъ: „Большихъ денегъ у меня нѣтъ. Тысячи двѣ могу положить на алтарь отечества (такъ прямо и сказалъ полными словами). Зато могу предложить вамъ выгодный казенный подрядъ по продовольствію флота“.

„Я зналъ, что такое эти подряды, но сгоряча готовъ былъ согласиться. Но Берсъ поморщился и рѣзко сказалъ:—Не нужно!. И черезъ двѣ минуты баронъ фонъ-Гюнихъ вручилъ Анатолію Ивановичу пять тысячъ рублей, не знаю: своихъ, не знаю: казенныхъ. Я тоже отдалъ три тысячи, тѣ, картежныя. Берсъ сказалъ, что мнѣ нужно съѣздить въ Владивостокъ. Я согласился съ радостью. Послѣ его разсказовъ мнѣ стало тѣсно въ Сангунѣ.

„Когда гости разошлись, Клавдія Ивановна зашла въ мою комнату за новыми газетами, которыя я получилъ отъ Берса. И вдругъ остановилась и сказала:—Вотъ вы какіе. Я васъ не понимала.

„Я ничего не сказалъ, только улыбнулся. Мнѣ было весело отъ Берса, отъ обѣда и отъ ея словъ.

Она подошла ближе и сказала:—„По моему люди бываютъ овцы или волки. Волки ѣдятъ овецъ. Другъ мой, скажите мнѣ прямо, кто вы такіе?..“ И положила мнѣ руки на плечи.

„Мнѣ показалось, что она шутитъ? Я засмѣялся и сказалъ:—Если угодно, мы волки, но только мы ѣдимъ не овецъ, а пастуховъ.

„Руки ея обхватили мою шею. Она притянула меня къ себѣ и крѣпко поцѣловала въ губы.

„На другой день намъ съ Берсомъ надо было уѣзжать. У меня голова закружилась. И я хотѣлъ остаться. Но Клавдія сказала:—„Поѣзжай и писемъ не пиши. Сдѣлай такъ, чтобъ мы услыхали о тебѣ. Мы съ папой все равно уѣдемъ въ Россію, кругомъ, по морю. И ты тоже пріѣзжай въ Россію, по собственной дорогѣ... Тамъ встрѣтимся“.

„Дѣйствительно, вмѣстѣ съ почтой, которая принесла манифестъ, баронъ фонъ-Гюнихъ получилъ годичный отпускъ. Не то это была милость, не то отставка. Онъ самъ не зналъ.

„Онъ сдалъ свои дѣла и также копру, и собирался ѣхать, недѣли черезъ двѣ:—Клавдія велѣла. Мы съ Берсомъ уѣхали на слѣдующее утро. Не знаю, что именно Клавдія сказала отцу, но только онъ прощался со мной совсѣмъ по родительски, нѣсколько разъ цѣловался и даже прослезился и сказалъ:—Когда будете въ Россіи, не забывайте, что мой хлѣбъ и мой кровъ къ услугамъ вашимъ...

„Съ Анатоліемъ Ивановичемъ онъ простился формально и почтительно. Однимъ словомъ, вышло немножко похоже на Гоголевскаго ревизора.

„Мы уѣхали на нѣмецкомъ пароходѣ. Было тихо и ясно. И Берсъ говорилъ о русскихъ дѣлахъ. Но я не слушалъ и думалъ о другомъ.

„Передъ глазами моими стояла Клавдія, высокая, съ дикими глазами, съ желтыми пушистыми волосами. Она звала куда-то и посылала меня. А куда—я не зналъ и она тоже не знала.

„Я былъ, какъ пьяный, уходилъ отъ Берса на корму и смотрѣлъ назадъ. Но чаще всего я уходилъ на носъ и смотрѣлъ впередъ, и мнѣ казалось, что я вижу выпуклость земли и могу заглянуть за край горизонта. Тамъ ожидала Россія, новая жизнь и борьба, и новая встрѣча.

„Во Владивостокѣ я въѣхалъ въ Россію и сразу будто окунулся въ багровую лужу и сталъ барахтаться тамъ, вмѣстѣ съ другими. Было двадцать партій и тридцать комитетовъ и всѣ собирались драться, но не знали какъ. Жизнь катилась, какъ будто захваченная зубчатымъ колесомъ и шла къ развязкѣ. Меня тоже захватило и потащило, подняло вверхъ, потомъ бросило съ пулей въ плечѣ на койку тюремной больницы.

„Рана была не опасная, но дѣло мое могло принести мнѣ вмѣсто одной пули двѣнадцать. Нѣсколько дерзкихъ людей, играя жизнью, вывезли меня изъ больницы и помѣстили въ укромномъ мѣстѣ на частной квартирѣ. Я скоро поправился и сказалъ себѣ, что буду дѣлать то же, платить за свою жизнь такой же монетой. Тогда я присоединился къ этой компаніи.

„Мы ѣздили съ мѣста на мѣсто, выручали, кого можно и даже, кого нельзя. Люди слыхали объ этихъ дѣлахъ. Должно быть, слыхала и Клавдія. Правда безъ имени. Не знаю, вспоминала ли.

„Я вспоминалъ, но старался не думать, до поры до времени, не то шею свернешь. Я говорилъ себѣ: „Такъ вѣчно не будетъ. Настанетъ передышка. Тогда подумаю“...

„Лѣтомъ созвали первую Думу. Въ тюрьмахъ стало легче жить. У насъ стало меньше дѣла. Тогда я вспомнилъ о Клавдіи и объ Орловской губерніи. Хотѣлъ письмо написать, потомъ рѣшилъ— не надо. Поѣду прямо въ Орелъ. Застану, ладно. Не застану, хоть адресъ узнаю.

„Имѣніе Гюниховъ было въ трехъ верстахъ отъ станціи. Я пріѣхалъ туда въ лѣтній полдень. Отъ станціи тянулось село. За селомъ усадьба.

„Когда я подъѣзжалъ къ усадьбѣ, мнѣ повстрѣчались ингуши. Ихъ было пятеро, все верховые. На нихъ были черные казакины съ кожанымъ поясомъ. За плечами винтовки и нагайки въ рукахъ. Они посмотрѣли на меня и тихо проѣхали мимо.

„Клавдія встрѣтила меня на крыльцѣ. Она была въ такомъ же казакинѣ, съ такимъ же поясомъ и на поясѣ висѣлъ револьверъ въ желтой кобурѣ. Мы вошли въ комнаты. Къ намъ вышелъ старикъ. Я было принялъ его за консула Гюниха.

— Это дядя,—сказала Клавдія.—А папа уѣхалъ опять въ Сангунъ. Но я не уѣду. Нѣтъ, я не уѣду...

„Послѣ обѣда, Клавдія посмотрѣла на меня и сказала:—Ну, что вы дѣлали все это время?

„Я отвѣчалъ коротко:—Велъ войну.

„Она усмѣхнулась и сказала:—Я тоже вела войну.

— Противъ кого,—спросилъ я хмуро.

Она посмотрѣла на меня тѣмъ же вызывающимъ взглядомъ и отвѣтила спокойно:—Противъ васъ.

„Горько мнѣ стало и я сказалъ:—Развѣ я врагъ вашъ, Клавдія?

— Ваши друзья—мои враги.

— Какіе друзья?

„Она ничего не сказала, только рукой повела вокругъ. И въ этомъ короткомъ жестѣ я прочиталъ цѣлую повѣсть: темныя ночи, безсонный страхъ и безпощадную ненависть. Вотъ для чего ей были нужны эти всадники съ плетьми... Досада меня взяла. И на минуту я почувствовалъ, что она барышня, дворянка, а я мужикъ.

— Съ мужиками, значитъ, воюете,—сказалъ я.—Легко вамъ воевать, когда у васъ стражники есть.

„Она пожала плечами и сказала: Стражники—сила. Я думаю, что мы сильнѣе васъ.

„Я подождалъ и она тоже молчала и ждала. И я тотчасъ же остылъ и сказалъ угрюмо:—На эту войну вы сами посылали меня.

„Она возразила.—Быть можетъ, я посылала. Но вы сторопою ошиблись. Я не ошиблась, я отыскала, гдѣ моя сторона.

„Мы подавали другъ другу реплики, какъ въ театрѣ. Теперь была моя очередь. Но я не нашелъ словъ и вмѣсто отвѣта поглядѣлъ ей въ лицо. Оно было красиво, красивѣе, чѣмъ прежде. Глаза у нея стали иные, спокойные, дерзкіе, и буйные волосы были заплетены въ косы и свиты на темени желтымъ тяжелымъ вѣнцомъ.

„Въ душѣ своей я не нашелъ удивленія. Я предчувствовалъ это и все время смутно зналъ, что Клавдія фонъ-Гюнихъ въ пучинѣ русской смуты именно будетъ такая.

„Слабость нашла на меня, какъ прежде бывало въ Сангунѣ и сердце упало.

„Я склонилъ голову и тихо сказалъ. —„Вы когда-то называли меня другомъ“.

„А она отвѣчала по-прежнему жестко:—Въ этомъ и я ошиблась. Теперь у меня другъ—вотъ,—и положила руку на револьверъ.

„Я вспыхнулъ и крикнулъ:—Кромѣ меня нѣтъ для тебя пары. А она возразила:—Нѣтъ и не надо. Пусть лучше буду я одна, непарная.

„И тогда я разсердился и она не уступала. Кровь хлынула мнѣ въ голову, а ея глаза сверкнули тѣмъ же знакомымъ угрюмымъ блескомъ, какъ у совы.

„Мы говорили другъ другу неслыханныя вещи.

„Я сказалъ:—Какъ это васъ не подожгутъ?

„А она отвѣчала въ тонъ.—Какъ это васъ не повѣсятъ?

„И я крикнулъ.—Когда меня будутъ вѣшать, я завѣщаю вамъ свою веревку на счастье!

„Такъ и окончился мой азіатскій романъ. Послѣ того я уѣхалъ. Еще немного и я бы ударилъ ее. И когда ѣхалъ по деревнѣ, то, признаться, думалъ:—Не остаться ли здѣсь и подбить мужиковъ и пустить ей краснаго пѣтуха подъ крышу, чтобъ мое слово исполнилось раньше.

„А потомъ махнулъ рукой, сѣлъ въ первый поѣздъ и уѣхалъ въ Москву.

„Съ того времени я пустился во всѣ тяжкія и дѣла выбиралъ самыя безумныя, такія, что всякому ясно: не выйдетъ ничего, кромѣ краха и гибели. Но я выходилъ живъ и здравъ изъ пасти львиной, какъ будто на смѣхъ или на зло Клавдіи фонъ-Гюнихъ.

„Наша звѣзда отходила съ запада на востокъ; ушла изъ Москвы, задержалась на Волгѣ, перешла на Уралъ, потомъ отступила въ Сибирь. Мы отступили волей неволей вслѣдъ за ней-Дошли до Байкала. Потомъ отступили и еще дальше, одни за. границу, другіе съ револьверомъ къ виску на тотъ свѣтъ.

„А у меня вмѣсто того и другого открылась въ плечѣ старая рана. Спасибо, Михайло Михайлычъ пріютилъ и вылѣчилъ“...

Мы долго молчали.

— Что вы теперь дѣлаете?—спросилъ я.

— Жениться собираюсь, — сказалъ Масюкъ съ жесткой улыбкой. Михайло Михайлычъ подыскиваетъ мнѣ невѣсту съ приданымъ. „За васъ, говоритъ, при вашей красотѣ пойдетъ всякая съ радостью“...

— Ну и что же?

— Три нашелъ. У одной полмилліона. Я на приданое согласенъ, на невѣсту не согласенъ. А Михайло Михайлычъ смѣется, пристаетъ: „Бери всѣхъ троихъ. Купимъ свое пароходство. Я въ долю войду“.

— Троихъ много,—сказалъ я полушутливо. Но ему было не до шутокъ.

— Чѣмъ сильнѣе они?—спросилъ онъ внезапно. И глаза его загорѣлись.—Деньгами, плетями? Взять бы мнѣ тоже плеть и исполосовать ее до полусмерти.

Я ничего не сказалъ.

— Рука не поднялась бы,—глухо сказалъ онъ.—Убить бы мнѣ ее на мѣстѣ, чтобъ никому не досталась... Клавдія Гюнихъ, змѣя...

Танъ.

Въ плѣну у буржуазіи.

(Изъ литературныхъ раскопокъ).

I.

Наша публицистика и критика до 70-хъ гг. прошлаго столѣтія нигдѣ не упоминаетъ объ интеллигенціи.

Ни Бѣлинскій, ни Герценъ не знаютъ интеллигенціи. Долгое время не знаетъ ея и Михайловскій. И когда ему приходится говорить о нашихъ идейныхъ теченіяхъ, онъ говоритъ о „военной молодежи аристократическаго происхожденія“ (декабристы), о „средней руки, но достаточно обезпеченныхъ дворянахъ“ (представители идейнаго движенія 40-хъ гг.), о „кающихся дворянахъ“, о „разночинцахъ“, о „мыслящемъ пролетаріатѣ“ и, наконецъ, о „молодыхъ образованныхъ людяхъ обоего пола“. И вотъ только съ появленіемъ на нашей исторической аренѣ „молодыхъ образованныхъ людей обоего пола“ является и потребность въ новомъ обобщающемъ этотъ фактъ терминѣ.

Съ самаго начала 70-хъ гг. Михайловскому приходится уже цитировать чужія статьи, въ которыхъ рѣчь идетъ о „русской интеллигенціи“. Такъ, уже въ 1872 г. („Отечеств. Записки“, ноябрь) онъ посвящаетъ большую статью А. И. Стронину, который тогда уже хоронилъ „интеллигенцію“. Но самъ Михайловскій пока еще очень осторожно пользуется новымъ терминомъ. И только десять лѣтъ спустя (въ 1881 г.) онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ всталъ на защиту этого новаго въ нашемъ обиходѣ слова.

„Говорятъ, будто его Боборыкинъ выдумалъ. Не знаю—писалъ Михайловскій: — А если слово привилось и еще вдобавокъ такое нескладное, неуклюжее слово, какъ „интеллигенція“, такъ значитъ оно соотвѣтствуетъ какой-то настоятельной потребности Нужно оно, значитъ, было“.

Дальше Михайловскій утверждаетъ (и утверждаетъ, между

прочимъ, ошибочно), что западная Европа въ такомъ словѣ не нуждалась. Тамъ „интеллигенція совпадала съ буржуазіей и утопала въ ней“. Иное дѣло у насъ. У насъ буржуазія и интеллигенція—прирожденные враги, „и въ этомъ, именно, состоитъ если не самобытность наша, то особенность нашей исторіи“ [1]).

Со всѣми нашими „самобытностями“ мы какъ будто бы разстались давно и безповоротно. А вотъ эта наша самобытность, изъ-за которой даже Боборыкинъ совсѣмъ незаслуженно попалъ въ герои, упорно сохраняется нами и по сію пору.

Если бы даже Боборыкинъ или хотя бы самъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій дѣйствительно первый произнесъ въ Россіи слово „интеллигенція“, то это не значитъ, что онъ изобрѣлъ его. Онъ просто перенесъ готовый терминъ изъ-за границы и перенесъ настолько своевременно, что терминъ немедленно же привился у насъ. Ни самобытность, ни даже особенности нашей исторіи здѣсь не при чемъ.

Интеллигенція, въ смыслѣ растущей арміи людей квалифицированнаго умственнаго труда, является непосредственнымъ продуктомъ капиталистической формы національнаго хозяйства. Какъ и въ западной Европѣ, такъ и у насъ, явленіе ея связано съ процессомъ превращенія феодальнаго общества въ капиталистическое, потребностямъ котораго она призвана служить. Интеллигенція вербуется, конечно, изъ разныхъ классовъ современнаго общества, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая низшими, но основнымъ ея поставщикомъ надобно признать мелкую, преимущественно городскую буржуазію, которая усиленной подготовкой подростающихъ поколѣній къ интеллигентнымъ профессіямъ спасаетъ себя отъ вѣчно угрожающей ей пролетаризаціи.

Генеалогіей интеллигенціи опредѣляется и ея общая идейная физіономія. Большинство интеллигенціи не выходитъ изъ круга мелко-буржуазнаго горизонта. Колеблясь, подобно мелкой буржуазіи, между пролетаріатомъ и господствующими классами общества, интеллигенція, вслѣдствіе своей особенной чуткости и подвижности, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ противорѣчія существующаго строя и расплывается между самыми разнообразными классами, слоями и партіями. Собственной программы, собственной тактики нѣтъ у интеллигенціи, какъ нѣтъ у нея и собственныхъ классовыхъ интересовъ. Напротивъ, внутри ея кипитъ неустанная вражда, потому

---

[1]) Н. К. Михайловскій. Сочиненія, т. V, стр. 546.

что интересы ея различныхъ группъ, примыкающихъ къ разнымъ партіямъ и классамъ, различны и часто противоположны. Единственно мыслимое объединеніе интеллигентскихъ группъ возможно развѣ лишь на почвѣ единства ихъ профессіональныхъ интересовъ.

И все же тотъ слой, который объединяется именемъ интеллигенціи, имѣетъ и на самомъ дѣлѣ нѣкоторые общіе признаки.

Оперируя въ области науки и знанія, интеллигенція вырабатываетъ въ себѣ навыки къ теоретическому мышленію къ теоретическимъ интересамъ. На этомъ фундаментѣ базируется характерная для людей этого слоя способность къ безкорыстнымъ идейнымъ увлеченіямъ; имъ же объясняется „идеалистическая природа“ интеллигенціи, — широта ея духовныхъ интересовъ, ея изощренная чуткость ко всѣмъ измѣненіямъ, происходящимъ въ питающей ее соціальной средѣ. И въ этомъ смыслѣ то, что когда-то (въ 1862 г.) Пироговъ говорилъ объ университетѣ, должно быть теперь цѣликомъ перенесено на интеллигенцію. „Университетъ — писалъ Пироговъ — выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени,.. Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть и лучшій барометръ общества“ [1]).

Въ современномъ капиталистическомъ государствѣ „лучшимъ барометромъ общества“ является его интеллигенція. Ея чуткость, ея умѣніе формулировать свои настроенія и переживанія дѣлаютъ ее признанной выразительницей *общественнаго мнѣнія*, если не всей страны, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе организованныхъ, наиболѣе властныхъ ея слоевъ, группъ, классовъ.

И вглядитесь хотя бы въ современную литературу. *Даже* въ современную, забывъ о томъ (какъ въ большинствѣ случаевъ добросовѣстно и поступаетъ нынѣшній читатель), что многія ея теченія уничтожены совершенно или загнаны въ подполье. Кто занимаетъ въ ней наиболѣе шумную позицію?

Вчера — это былъ Мережковскій съ обожествленной *фразой*, сегодня — это Струве съ обожествленной *капустой*.

Они немножко разнствуютъ по темпераментамъ, эти два писателя, и потому иногда полемизируютъ другъ съ другомъ. Но по существу они только дополняютъ другъ друга и потому прекрасно

---

[1]) Н. И. Пироговъ. Сочиненія, т. I, стр. 206.

уживаются другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же журналѣ (въ „Русской Мысли“). И если искать самаго моднаго лозунга нашего времени, то я предложилъ бы обратиться именно къ „Русской Мысли“, гдѣ чернымъ по бѣлому напечатано: „*Сажать капусту важнѣе, чѣмъ писать книги.* И важнѣе не въ утилитарно-житейскомъ смыслѣ, а именно въ *религіозномъ* смыслѣ“ (курсивъ принадлежитъ г. Струве).

Г. Струве зоветъ интеллигенцію на службу къ капиталу. „Развитіе производительныхъ силъ страны—уговариваетъ онъ—должно быть понято и признано, какъ національный идеалъ и національное служеніе“ [1]).

Лозунгъ данъ и подхваченъ. Есть всѣ основанія думать, что онъ станетъ однимъ изъ самыхъ модныхъ и популярныхъ въ ближайшее время, потому что за идеологической внѣшностью его кроется констатированіе уже совершающагося процесса.

Пришла къ благополучному концу руководящая роль помѣстнаго дворянства, подъ эгидой котораго, главнымъ образомъ, и совершалась работа русской интеллигенціи. Буржуазія обнаруживаетъ вкусъ къ *непосредственному* вмѣшательству въ культурную, политическую и соціальную жизнь страны. И на нашихъ глазахъ цѣлые кадры интеллигентныхъ работниковъ покидаютъ свои привычныя мѣста въ земствахъ, привлекаемые службой у новыхъ хозяевъ положенія—въ обществахъ, банкахъ, совѣтахъ съѣздовъ и т. п. Первые шаги начинающагося большого движенія.

Это не значитъ, однако, что интеллигенція, устремившаяся на службу къ капиталу, только теперь становится по отношенію къ буржуазіи въ извѣстную зависимость. Напротивъ. Родившаяся съ буржуазіей въ одинъ и тотъ же день, она должна была почувствовать свою зависимость отъ этой послѣдней съ первыхъ же своихъ выступленій. Можно сказать даже, что интеллигенція все время находилась въ плѣну у буржуазіи и что наиболѣе тяжелые и наиболѣе позорные годы этого плѣненія уже прожиты и не повторятся вновь.

Процессъ „первоначальнаго накопленія“ въ его наиболѣе жестокой формѣ, когда основную массу буржуазіи составляли „чумазые“ и хищники, повидимому, изжитъ Россіей. Капиталъ выполнилъ самую грязную часть своей работы, и передъ буржуазіей, послѣ ея экспропріаторской и дезорганизующей роли, встаетъ болѣе

[1]) Обѣ цитаты взяты изъ статьи г. Струве: „На разныя темы“ въ январьской кн. „Русской Мысли“ за 1909 г.

или менѣе длительная задача планомѣрной организаціи національнаго хозяйства.

Какъ она справится съ этой задачей, какъ она используетъ для этого интеллектуальныя силы страны, покажетъ будущее. А пока, въ отвѣтъ на лозунги, зовущіе интеллигенцію на службу къ капиталу, интересно и небезполезно, мнѣ кажется, обратиться къ прошедшему и припомнить, какую форму и какую степень давленія показала наша интеллигенція—нашъ барометръ—при выступленіи буржуазіи на историческую арену.

Для освѣщенія этого вопроса я обращусь, конечно, къ лучшему и добросовѣстнѣйшему лѣтописцу данной эпохи—къ Щедрину, который, даже черезъ призму сатиры, умѣлъ объективно и глубоко заглядывать въ совершавшійся передъ нимъ сложный бродильный процессъ соціальной жизни.

Непосредственно о буржуазіи, какъ она отразилась въ произведеніяхъ Щедрина, мнѣ пришлось уже говорить въ другомъ мѣстѣ [1]). Здѣсь же я коснусь только культурныхъ слоевъ русскаго общества, интеллигенціи, поскольку она пріобщилась къ хищническимъ тенденціямъ своего времени.

II.

Еще въ 60-ые г. (въ „Признакахъ времени“) Щедринъ утверждалъ, что хищничество проникло весь строй русской жизни. Но если тогда эта фраза звучала скорѣе предвидѣніемъ, чѣмъ констатированіемъ факта, то въ 70-ые годы она уже не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній.

Одерживая побѣду за побѣдой, чумазый прочно утвердился въ своихъ позиціяхъ, и, поддерживаемый дворянствомъ, которое устроило и свою жизнь на хищническихъ началахъ, распоясался, что называется, во всю. Онъ пришелъ, по выраженію сатирика, въ восторженное состояніе и возвысился до ненависти. Ему теперь мало отнять у „разини“,—ему нужно сократить „разиню“. Стоявшую передъ нимъ задачу онъ понималъ ясно; „необходимо было дать пошехонскому поту такое примѣненіе, благодаря которому онъ лился бы столь же изобильно, какъ и при крѣпостномъ правѣ, и въ то же время назывался „вольнымъ пошехонскимъ потомъ“. Но не

[1]) См. мою статью: „Буржуазія въ произведеніяхъ Щедрина“. „Минувшіе годы“, 1908 г., кн. 1.

имѣя за собой ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь оправдать его претензію,—ни усовершенствованій, ни знаній, ни новыхъ пріемовъ,—онъ озаботился только объ одномъ,—„чтобы аборигенъ какъ можно аккуратнѣе уперся лбомъ въ стѣну“. Обстоятельства складывались для Деруновыхъ и Колупаевыхъ какъ нельзя болѣе благопріятно. И вотъ усѣлись они, ничего не разумѣючи, за стойкой въ кабакѣ, да по-дурацки покрикиваютъ: „Довольно мечтаній! довольно фразъ! за дѣло!“ [1]).

Но что же собственно значитъ на колупаевскомъ языкѣ это освобожденное отъ „мечтаній и фразъ“ *дѣло*?

Теперь, имѣя передъ собой „работоспособную Государственную Думу“, мы поймемъ сатирика, отождествляющаго *дѣло* съ „пустяками“ и „мелочами“, которые разрастаются въ глыбу и загораживаютъ жизнь. „И будетъ катиться эта глыба впередъ и впередъ, покуда не застрянетъ среди дороги и не сдѣлаетъ ее непроходимой“ [2]).

„Дѣло“—это частная подробность какого-нибудь большого, общаго, вопроса,—подробность, выдвигаемая на первый планъ, чтобы заслонить и отодвинуть возможность его принципіальной постановки. Дѣло, наконецъ,—это „практика“, противополагаемая „расплывающейся мысли“, идеалу. „Все, что мы видимъ въ мірѣ добраго, свѣтлаго и прочнаго, весь прогрессъ человѣческаго общежитія—внушалъ сатирикъ „тетенькѣ“—все идетъ оттуда, изъ этой расплывающейся, но упорно остающейся вѣрной себѣ мысли; все оплодотворяется ея самоотверженной живучестью. Исторія человѣчества гласитъ объ этомъ во всеуслышаніе и удостовѣряетъ наглядным образомъ, что не практики вродѣ Шешковскаго, Аракчеева и Магницкаго устроютъ будущее, но люди иныхъ идеаловъ, люди „расплывающихся“ мыслей и чувствъ“ [3]).

Но практика „чумазаго“ къ началу 70-хъ г. энергично вытѣсняетъ людей „расплывающейся“ мысли. И Щедринъ, озираясь кругомъ, тщетно высматриваетъ въ пестрой массѣ русскаго общества тѣ „элементы будущаго“, на которые можно было бы опереться въ борьбѣ противъ хищнической вакханаліи „чумазаго“.

Уже въ 70-мъ году, въ статьѣ о „Митрофанахъ“, онъ опредѣленно ставитъ вопросъ: „гдѣ жъ элементы будущаго?“ и этимъ же вопросомъ заканчиваетъ статью, не находя на него отвѣта.

---

[1]) Т. 9, 502–503.
[2]) Т. 5, стр. 35.
[3]) Т. 11, стр. 658.

Правда, митрофаны, т. е. русскіе обыватели, не приспособленные ни къ самостоятельной мысли, ни къ серьезной работѣ, а возлагающіе всѣ свои упованія на время и на творческую распорядительность правительственной власти, пытаются успокоить скептиковъ. „Погодите!—всюду вопіютъ они:—еще время не ушло“! И при этомъ не безъ торжества указываютъ на сословіе адвокатовъ, на гласный судъ, на земскихъ дѣятелей.

Вотъ они, элементы будущаго. Только не надо торопиться, не надо спѣшить! Пассивный оптимизмъ митрофановъ, однако, нимало не убѣждаетъ сатирика, потому что онъ видитъ, какъ въ годы этого выжиданья „помаленьку, да потихоньку адвокаты превращаются въ „аблакатовъ“, а земскіе дѣятели въ устроителей пикниковъ, закусокъ и обѣдовъ“. И вотъ въ 1873 году онъ снова возвращается къ вопросу объ „элементахъ будущаго“. На этотъ разъ вопросъ принимаетъ форму поисковъ „молодого поколѣнія“, въ качествѣ дѣйствующей и двигающей общественной силы. И надо ли говорить, что поиски даютъ совершенно отрицательные результаты?

Въ высшей степени характерно для Щедрина, что въ этой первой главѣ „Недоконченныхъ бесѣдъ“, гдѣ тщательный анализъ современнаго ему русскаго культурнаго общества приводитъ къ безнадежному для ближайшаго, по крайней мѣрѣ, будущаго прогнозу, сатирикъ даже не рѣшается говорить отъ своего собственнаго имени. Здѣсь впервые въ Щедринской сатирѣ---какъ выраженіе ея трагизма,—выступаетъ зловѣщая фигура Глумова, который отнынѣ уже будетъ частымъ гостемъ сатирика, возвращающимъ его изъ заоблачныхъ высей сладкой мечтательности къ чувству дѣйствительности. Глумовъ—это одновременно и altera pars (по формѣ) и alter ego (по существу) сатирика. Въ немъ много общаго съ сатирикомъ—оба они впитали въ себя духъ и настроеніе 40-хъ годовъ, оба разсматриваютъ „мелочи жизни“ преходящей дѣйствительности съ точки зрѣнія однихъ и тѣхъ же принциповъ. Но въ то время, какъ сатирикъ не прочь иногда отъ безотрадныхъ фактовъ современности уйти на „путь упованій“, Глумовъ рѣшительно пошелъ по „пути озлобленія“, пошелъ безъ колебаній, безъ уступокъ, которыя даже не умѣщаются въ его стальномъ мыслительномъ аппаратѣ.

Такъ вотъ этотъ-то „мрачный“ Глумовъ, перебравъ различныя категоріи „молодого поколѣнія“ приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ, въ смыслѣ движущей силы ближайшаго будущаго, не даютъ сколько-нибудь положительныхъ показаній.

Адвокаты? но они жалкіе ремесленники, къ которымъ молодое поколѣніе, взятое въ смыслѣ двигающей силы, должно относиться совершенно безразлично. Адвокатъ имѣетъ дѣло съ кліентами, и такъ какъ частныя требованія и интересы этого послѣдняго весьма разнородны и сочетаются съ общимъ принципомъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, то адвокатъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть приравненъ къ непомнящему родства бродягѣ. Какъ и бродяга, онъ никогда не можетъ сказать, въ какомъ вертепѣ проведетъ слѣдующій часъ своей жизни.

Бюрократы?—но если адвокаты подчинены предначертаніямъ своихъ кліентовъ, то эти выполняютъ предначертанія начальства. Какую же двигающую мысль они могутъ представлять собой?

Земцы—сила комариная. Ихъ во всякое время смахнуть можно. Да и какое это „молодое поколѣніе“, когда на самомъ дѣлѣ тамъ почти сплошь „сивое меринье“ сидитъ!

Литература? *новая* литература?—такъ она превратилась въ средней руки кокотку, утратившую къ тому же сознаніе о необходимости соблюдать опрятность. Какой афоризмъ выработала новѣйшая русская литература, въ качествѣ руководящаго жизненнаго принципа? Этотъ афоризмъ: „наше время не время широкихъ задачъ“ Развѣ это не довольно погано? Тутъ есть все: и малодушіе, исправленное малоумiемъ, и малоуміе, ищущее для себя смягчающихъ обстоятельствъ въ малодушіи.

Но, можетъ быть, сила, продолжающая дѣло движенія, скрывается въ школахъ? Быть можетъ, до поры до времени прикрытая пеленой непроницаемости, эта сила скажется въ свое время и обнаружитъ себя? Но и на этотъ вопросъ Глумовъ не даетъ сколько-нибудь обнадеживающаго отвѣта. Онъ имѣетъ привычку говорить только о томъ, что достовѣрно знаетъ. И развѣ можно что-нибудь знать объ учащихся? Учащееся поколѣніе находится внѣ арены исторической жизни. Въ массѣ это—матеріалъ, на которомъ такъ или иначе можетъ отразиться духъ современности, но не агентъ этого духа. И тотъ, кто хочетъ рисовать общество, а не карикатуру на него, долженъ брать предметомъ своихъ изслѣдованій взрослыхъ, а не дѣтей.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ Глумовъ является совершенно точнымъ истолкователемъ мысли и настроенія самого сатирика. Но—спросятъ меня—почему же Щедринъ здѣсь впервые заслонилъ себя фигурой вводнаго лица, которое самъ онъ даже какъ будто оспа-

ривается, нѣсколько разъ упрекая Глумова въ парадоксальности? Поэтому что—надо думать—въ эту пору начала 70-хъ г.г. сатирикъ просто былъ смущенъ категоричностью своихъ безнадежныхъ обобщеній и, приписавъ ихъ Глумову, онъ желалъ удержать за собою путь къ отступленію на случай, если новыя, провѣрочныя наблюденія надъ жизнью обнаружатъ данныя для менѣе мрачнаго прогноза.

Русская дѣйствительность, однако продолжала развиваться по тому внутреннему закону, тенденцію котораго, если не осозналъ, то почувствовалъ Глумовъ. Хищничество неслось широкимъ и стремительнымъ потокомъ, русло котораго, съ стихійной неизбѣжностью, притягивало къ себѣ культурные слои русскаго общества. Если при всемъ томъ цѣлыя категоріи этого общества оставались какъ будто въ сторонѣ отъ господствующаго теченія, даже какъ будто въ оппозиціи къ послѣднему, то не общество было причиной этого явленія. Чумазая практика, съ ея черезчуръ ужъ грубыми формами хищничества, заставила буржуазную интеллигенцію отмежевывать себя отъ Колупаевыхъ, и Щедринъ во многихъ случаяхъ былъ первымъ, сумѣвшимъ подъ благородной маской разглядѣть и обнаружить истинно-колупаевскую сущность.

Начнемъ съ адвокатуры.

III.

Въ первые годы своего существованія адвокатура, какъ жена Цезаря, была свободна отъ какихъ бы то ни было подозрѣній. Она—поясняетъ сатирикъ—„по началу довольно горячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни, а потому весьма естественно встрѣтила со стороны либеральной прессы самое горяче сочувствіе“ Щедринъ былъ также въ рядахъ тѣхъ, которые радостно привѣтствовали ея первыя выступленія. Живое слово, первое живое слово въ Россіи, раздавшееся съ адвокатской трибуны, „казалось тогда какъ бы естественнымъ продолженіемъ другого слова, которое, при помощи печатнаго станка, посвящало себя пробужденію въ сердцахъ добрыхъ чувствъ. Подобно печатному тогдашнему слову, и адвокатское устное слово на первыхъ порахъ звучало убѣжденностью и страстностью“.

Это не значитъ, конечно, что сатирикъ устранилъ изъ круга своего наблюденія цѣлое сословіе. Нѣтъ, адвокаты мелькаютъ въ

произведеніяхъ сатирика и этого времени. Въ „Дневникѣ провинціала“ зарисована даже цѣлая коллекція ихъ и, можно сказать, что на глазахъ читателя эти фигуры постепенно формируютъ собой особую разновидность ташкентства.

И все-таки пока что это только уроды въ своей семьѣ, потому что сама корпорація оставалась подъ крѣпкой защитой надеждъ, возлагаемыхъ на нее прогрессивными и демократическими элементами нашего общества.

Если порыться въ газетахъ и журналахъ начала 70-хъ годовъ, то поражаешься той ревностью, съ какой прогрессивная печать оберегала репутацію сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Каждый промахъ, каждая ошибка того или другого представителя сословія выдвигалась и подчеркивалась, съ очевидною цѣлью предостеречь корпорацію отъ повторенія такихъ же ошибокъ въ будущемъ. „На сословіи не должно быть пятенъ“,—казалось, говорила каждая такая статья, обличая нарушителя адвокатской непорочности. Но промахи, казавшіеся случайными, постепенно накоплялись. И по мѣрѣ того, какъ передъ судомъ присяжныхъ все чаще и чаще стали появляться крупныя хищники, вродѣ Струсберговъ, Мясниковыхъ, Овсянниковыхъ, поражавшіе размѣрами своихъ аппетитовъ и безстыдства, въ списки проштрафившихся одинъ за однимъ начали попадать имена свѣтилъ тогдашняго адвокатскаго міра: Потѣхина, Спасовича, Утина, Лохвицкаго и проч. и проч. Пресса подхватывала афоризмы, при помощи которыхъ свѣтила адвокатуры обѣляли передъ присяжными явныхъ татей и казнокраодовъ, снабжала эти афоризмы соотвѣтствующими комментаріями и въ такомъ видѣ передъ лицомъ всей читающей Россіи, возвращала ихъ не въ мѣру распоясавшимся ораторамъ. И чѣмъ выше бывый защитникъ сиротъ и вдовъ стоялъ въ общественномъ мнѣніи, тѣмъ ядовитѣе становились сарказмы журналистовъ по его адресу, какъ только онъ компрометировалъ себя выступленіемъ въ какомъ-нибудь скандальномъ процессѣ. „Прелюбодѣй мысли“ и „софистъ“—вотъ эпитеты, которыми стали сопровождаться въ газетахъ имена нѣкоторыхъ, особенно прославившихся защитниковъ. А послѣ одного скандальнаго процесса „Отечественныя Записки“ высказали даже сожалѣніе, что у насъ не введено тѣлеснаго наказанія для обузданія неистовствъ судебнаго краснорѣчія.

Само собой разумѣется, что адвокаты не остались въ долгу у печати.

Потѣхинъ безъ церемоніи обвинялъ русскую литературу въ идіотствѣ. Спасовичъ на одномъ изъ адвокатскихъ товарищескихъ обѣдовъ (въ 1875 г.) провозгласилъ такой задорный, вызывающій тостъ: „Прелюбодѣй мысли пьетъ за здоровье софистовъ XIX-го вѣка!“ И вслѣдъ за этимъ Спасовичъ объявилъ, что мнѣнія литературы для адвокатуры не обязательны; что адвокатура должна идти *своимъ* путемъ, независимо отъ внушеній и контроля печати. Это былъ вызовъ.

Салтыковъ поднялъ брошенную перчатку и, со своей стороны, призналъ, что между литературой и адвокатурой нѣтъ и не можетъ быть товарищества. Поводомъ для этой литературной дуэли, въ которой литература и адвокатура подвели послѣдніе итоги своимъ отношеніямъ, послужилъ много нашумѣвшій въ свое время процессъ Кронеберга.

Дѣло слушалось въ Петербургѣ въ 1876 г. Кронебергъ обвинялся въ истязаніи своей семилѣтней дочери и былъ оправданъ присяжными, исключительно благодаря защитѣ Спасовича, который, какъ выяснилось впослѣдствіи, искренно, и не безъ основаній, считалъ этотъ прогрессъ чрезмѣрно раздутымъ. Но тогда судебное слѣдствіе, рѣчь защитника и, наконецъ, неожиданный вердиктъ присяжныхъ въ такой степени взволновали общественное мнѣніе, что не только газеты, но и журналы занялись обсужденіемъ этого процесса. Откликнулись на него большими статьями и два литературныхъ корифея—Достоевскій и Салтыковъ.

Достоевскій, главнымъ образомъ, остановился на рѣчи Спасовича, которая оставила въ душѣ его „почти отвратительное впечатлѣніе“ своею „фальшью“. Достоевскій думаетъ, что „адвокату, вообще говоря, избѣгать фальши и сохранить честность и совѣсть столь же трудно, какъ и всякому человѣку достигнуть райскаго состоянія“. Но въ данномъ случаѣ знаменитый адвокатъ, по мнѣнію Достоевскаго, перешелъ всякія границы и принесъ въ жертву самого себя во имя интересовъ своего кліента.

Авторъ горячо и много упрекаетъ Спасовича за то, что тотъ, защищая отца, безъ должнаго уваженія подошелъ къ ребенку, къ „лику ангельскому“, къ его невинности и трогательной беззащитности. До принципіальной постановки вопроса, однако, Достоевскій не поднимается въ данномъ случаѣ. Онъ не обобщаетъ затронутой имъ темы и не идетъ дальше обличенія Спасовича въ „фальши“. Поэтому-то изъ большой статьи Достоевскаго получился въ результатѣ очень маленькій выводъ. Оканчивая статью

онъ считаетъ полезнымъ отмѣтить, что онъ „не посягаетъ“ на адвокатуру, на новый судъ. „Сохрани меня Боже, я всего только хотѣлъ бы, чтобъ всѣ мы стали немного по лучше“.

Дерзновенный въ другихъ областяхъ, Достоевскій, осуждая Спасовича, не осмѣлился осудить адвокатуру,—такъ велико еще было обаяніе этого многообѣщающаго сословія.

Совсѣмъ съ другой стороны подошелъ къ процессу Салтыковъ. Внимательно проанализировавъ рѣчь Спасовича, сатирикъ указалъ въ ней нѣсколько грубыхъ логическихъ передержекъ. Но и за всѣмъ тѣмъ онъ призналъ, что, какъ адвокатъ, Спасовичъ выполнилъ свое дѣло талантливо и вполнѣ исправно: съ знаніемъ законовъ и кассаціонной практики, съ тонкимъ пониманіемъ свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей. Наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ рѣчи сатирикъ считаетъ вступленіе. Здѣсь Спасовичъ, какъ бы выгораживая свою личную солидарность съ розгами и пощечинами, старался внушить суду, что его понятія относительно способовъ педагогическаго воздѣйствія далеко не сходны съ тѣми, которыя исповѣдуетъ его подзащитный. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ввязался Спасовичъ въ дѣло, которое сплошь состоитъ изъ пощечинъ и розогъ? Повидимому,—отвѣчаетъ сатирикъ—это нравственное и умственное двоегласіе имѣетъ особенную и уважительную причину, а именно: Спасовичъ, не будучи лично сторонникомъ пощечинъ и розогъ, видитъ въ нихъ, тѣмъ не менѣе, своего рода воспитательный пантеонъ, къ которому надо приближаться съ осторожностью, а всего лучше ожидать съ терпѣніемъ, пока онъ самъ не рухнетъ.—„А не рухнетъ онъ никогда,—невольно проговаривается при этомъ уважаемый ораторъ и адвокатъ“ [1]).

Въ этой позиціи Спасовичъ представляется сатирику типичнымъ послѣдователемъ теоріи компромиссовъ, которыхъ „сущность заключается въ томъ, что человѣчество подвигается впередъ, отступая“. Нѣкоторые адепты этого ученія еще сохранили память о кое какихъ идеалахъ, и собственно ради ихъ достиженія рекомендуютъ уступки и компромиссы; но другіе до того завертѣлись въ бѣличьемъ колесѣ компромиссовъ, что съ идеала, съ maximum'а, преспокойно съѣзжаютъ на minimum и упорно сидятъ въ новосозданной ими раковинѣ умѣренности до тѣхъ поръ, пока новая горячая волна жизни не вымоетъ ихъ оттуда. Спасовича сатирикъ причисляетъ ко второй категоріи адептовъ компромисса. Съ полной убѣдитель-

[1]) „Недоконченныя бесѣды“, т. 6, стр. 598.

ностью онъ показываетъ, что намеки знаменитаго адвоката на свои личные педагогическіе недалы, далекіе отъ педагогической практики Кронеберга, совершенно не вяжутся со всѣмъ содержаніемъ его блестящей рѣчи. Ненужные, искусственнно привязанные къ его защитѣ, эти намеки и оговорки являются, по мнѣнію сатирика, исключительнымъ результатомъ неясныхъ отношеній, въ которыя русская адвокатура стала къ органамъ прогрессивной печати. Печать совершенно напрасно увидѣла въ адвокатурѣ свою младшую сестру. Совершенно напрасно она взяла адвокатутру подъ свою опеку. Между печатью и адвокатурой нѣтъ ничего общаго, и сатирикъ, намекая на извѣстную намъ застольную рѣчь Спасовича, привѣтствуетъ этотъ первый шагъ сословія, освобождающагося отъ навязаннаго ему товарищества.

Сатирикъ охотно идетъ навстрѣчу желаніямъ адвокатуры и, со своей стороны, предлагаетъ выяснить запутавшіяся отношенія. „Во всякомъ случаѣ,—говоритъ онъ, — это не могутъ быть отношенія товарищества, ибо общей почвы для этого здѣсь найти нельзя, кромѣ развѣ того, что литература и адвокатъ обладаютъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей—словомъ. Затѣмъ и объектъ дѣйствія и характеръ его разные. Литература служитъ обществу, адвокатъ—кліенту; честность литературы состоитъ въ разработкѣ идеаловъ и перспективъ будущаго; честность адвокатуры — въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностью и подчиненіи идеаламъ, выработаннымъ въ прошедшемъ и ввѣреннымъ охранѣ положительнаго закона. А что касается до общаго оружія—слова, то вѣдь оно раздается и на Сѣнной“.

Но, привѣтствуя желаніе адвокатуры отмежеваться отъ литературы, сатирикъ предупреждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что отъ такой „эмансипаціи“ сословіе ничего не выиграетъ. „Тяготѣя все больше и больше къ независимости отъ общихъ интересовъ жизни, адвокатура скоро очутится въ томъ же незавидномъ положеніи, въ какомъ еще недавно находились ябедники и строчители просьбъ. То есть, настоящей независимости не достигнетъ, а только перемѣнитъ господина и вмѣсто литературы пріобрѣтетъ себѣ такового въ лицѣ кліента, который до сихъ поръ сдерживалъ свой инстинктъ именно благодаря тому, что думалъ, будто адвокатура и печать солидарны другъ съ другомъ“.

Сатирикъ приглашаетъ нашихъ адвокатовъ заглянуть во Францію—эту „классическую страну адвокатуры, представители которой играли въ ея исторіи очень значительную роль“, но и тамъ

значеніе адвокатовъ росло совершенно независимо отъ ихъ адвокатской профессіи, въ мѣру ихъ участія въ политической жизни страны. Адвокатъ интересуетъ французское общество не какъ адвокатъ, а только какъ политическій дѣятель. У насъ,—подчеркиваетъ сатирикъ,—ремесленное значеніе адвокатуры должно сказаться еще рѣзче, потому что наши адвокаты уже окончательно не имѣютъ никакого отношенія къ политической жизни государства, тѣмъ болѣе, что даже процессы по государственнымъ преступленіямъ только въ рѣдкихъ случаяхъ въ тѣ времена доходили до суда [1]).

Выяснивъ свое принципіальное отношеніе къ адвокатурѣ, сатирикъ въ художественномъ воспроизведеніи типовъ этого сословія становится по истинѣ безпощаднымъ. Можно подумать, что онъ вымещаетъ на немъ разрушенныя надежды передовыхъ слоевъ русскаго общества.

Я не стану останавливаться на отдѣльныхъ адвокатскихъ фигурахъ, разбросанныхъ въ разныхъ произведеніяхъ сатирика, каковы, напримѣръ, Ненаѣдовъ и Нескладинъ (въ „Дневникѣ провинціала), Подковыркинъ-Клещъ („Въ средѣ умѣренности и аккуратности"), Перебоевъ (въ „Мелочахъ жизни") и др. Достаточно вспомнить одного Балалайкина, въ которомъ ярко отразились всѣ отрицательныя стороны его профессіи, чтобы получить полное представленіе о моральной и соціальной оцѣнкѣ сатирикомъ этого типа. Къ тому же Балалайкинъ—фигура далеко не случайная въ сатирѣ Щедрина. Онъ—не гость сатиры, а постоянный ея обитатель, демонстрирующій и развивающій свои типическія свойства въ цѣломъ рядѣ произведеній сатирика: „Въ средѣ умѣренности и аккуратности", въ „Недоконченныхъ бесѣдахъ" въ „Современной идилліи", въ „Письмахъ къ тетенькѣ" и, наконецъ, въ сказкахъ, гдѣ, даже среди пернатыхъ героевъ „Чижикова горя", Балалайкинъ ни на іоту не измѣняетъ себѣ.

Еще не видѣвъ Балалайкина, мы знаемъ, что онъ — побочный сынъ Репетилова отъ цыганки Стеши, воспитанный отцомъ на водевильныхъ куплетахъ. При первомъ же появленіи у Молчалина, который вызвалъ его по дѣлу Софьи Павловны Чацкой съ Загорѣцкимъ, Балалайкинъ немедленно же поднялъ вопросъ о гонорарѣ. Удивленный этой быстротою, Молчалинъ посовѣтовалъ адвокату выяснить сначала, насколько предлагаемое ему дѣло пріемлемо и возможно.

---

[1]) Ibid, стр., 603—609.

— На этотъ счетъ—отвѣтилъ, не задумываясь, Балалайкинъ: я долженъ сказать вамъ слѣдующее: въ современной адвокатской практикѣ выработалось такое убѣжденіе, что невозможныхъ дѣлъ не существуетъ. Вотъ почему адвокаты рѣдко останавливаются на соображеніяхъ этого рода, но прямо приступаютъ къ вопросу о вознагражденіи.

Нахалъ, лгунъ, хвастунъ и пустословъ, онъ, казалось, вложилъ въ поиски гонорара весь смыслъ своей дѣятельности и жизни. Постоянно въ движеніи, готовый на всякую пакость и даже преступленіе, онъ въ то же время обезоруживаетъ своей легкомысленной наивностью. Онъ съ удивительной легкостью можетъ взвѣсить каждый свой поступокъ съ точки зрѣнія гонорара, дивиденда, прибыли, но, видимо, совершенно не способенъ оцѣнить моральную и соціальную природу своей дѣятельности.

Увлеченный чудовищными размѣрами барышей, которые срывали во время русско-турецкой войны поставщики нашей дѣйствующей арміи, Балалайкинъ и самъ рѣшается пуститься на спекуляціи этого рода. Онъ присмотрѣлъ гдѣ-то партію протухшихъ килекъ и, въ поискахъ денежныхъ участниковъ залуманнаго имъ предпріятія, соблазняетъ его выгодами автора и Глумова. Его рѣчь, гдѣ онъ расписываетъ „вкусовыя и физіологическія преимущества“ протухшей кильки передъ конкурирующей съ ней сардинкой, а самую поставку гнилого товара изображаетъ какъ выгодное и даже высоко-патріотическое предпріятіе, — своего рода шедѣвръ. Когда же слушатели освѣтили гнусную сторону его проекта и намекнули на висѣлицу, какъ на единственно заслуженную награду, Балалайкинъ совершенно спокойно спросилъ:

— Итакъ, мое предпріятіе съ килькой кажется вамъ недостаточно выгоднымъ?

И вслѣдъ за этимъ онъ сталъ развивать передъ слушателями тему о другомъ выгодномъ предпріятіи, — о поставкѣ въ армію партіи подмоченной махорки.

Вопросъ о размѣрахъ гонорара и прибыли до такой степени овладѣлъ сознаніемъ Балалайкина, что его совершенно не останавливаютъ ни рискъ, ни прямыя угрозы и оскорбленія. Глумовъ, возмущенный безстыдствомъ адвоката, самымъ недвусмысленнымъ образомъ повѣсилъ его на гвоздѣ въ комнатѣ и ушелъ обѣдать къ Палкину въ полной увѣренности, что Балалайкинъ найдетъ способъ освободить себя. И Балалайкинъ не только благополучно вылѣзъ изъ петли, но даже оставилъ пріятелямъ милую записку.

Онъ писалъ, что не претендуетъ на шутку и считаетъ переговоры „по извѣстному дѣлу“ не конченными, а только временно прерванными. За свои операціи съ махоркой онъ былъ подвергнутъ сѣченію, но ни мало не огорчился этимъ, такъ какъ барыши все же остались при немъ („Въ средѣ умѣренности и акуратности“).

Неудивительно, что при этомъ обнаженномъ отъ всякихъ сторонніхъ соображеній тяготѣніи къ гонорару, Балалайкинъ, даже при своихъ скромныхъ дарованіяхъ, чувствуетъ себя въ своей профессіи, какъ рыба въ водѣ, и въ одинъ вечеръ проѣдаетъ столько, сколько не проѣдалъ дореформенный откупщикъ въ недѣлю. („Недоконченныя бесѣды“). Поставленная имъ себѣ цѣль достигалась блестяще. Но, „въ смыслѣ движущей силы ближайшаго будущаго“, Балалайкины были такими же хищниками, какъ и Деруновы и Колупаевы, эксцессы которыхъ они вдохновенно выгораживали передъ судомъ присяжныхъ.

IV.

Рѣшительно и рѣзко отмежевавъ адвокатуру отъ литературы, сатирикъ не закрывалъ, однако, глазъ на процессы, совершавшіеся въ этой послѣдней. Напротивъ, сатирикъ ясно замѣчалъ, какъ литература всасывала въ себя дурные соки общества и въ каждый данный моментъ оказывалась въ массѣ не выше его по своимъ моральнымъ качествамъ. Съ литературы онъ не спускалъ внимательнаго взора въ теченіе всей своей жизни. Отрицательныя явленія въ литературѣ были близко знакомы ему въ ихъ послѣдовательномъ накопленіи и развитія. О нихъ онъ говоритъ несравненно чаще и заговорилъ тогда еще, когда и адвокатура и новый судъ были только мечтами русскаго общества, мечтами, далекими отъ осуществленія.

Уже въ „Признакахъ времени“ Щедринъ говоритъ о превращеніи литератора, недавно еще съ гордостью претендовавшаго на монополію мысли, въ робкаго зайца. И сатирикъ усиленно подчеркиваетъ, что затравила литератора „толпа“ — толпа „брюхопоклонниковъ“, испугавшихся за цѣлость краеугольныхъ камней. Мыслебоязнь этой толпы доходитъ до того, что въ литературѣ она еще готова признать забавляющую ее арфистку. Но за этими предѣлами начинается ненависть къ литературѣ [1]).

[1]) Т. 7 см. главу IV: „Литературное положеніе“.

Скоро въ „Дневникѣ Провинціала“ сатирику приходится констатировать, что литература «умерла или убита». Она отказалась отъ поисковъ мысли и обратилась къ «пѣнкоснимательству». Творчество замѣнено въ ней словосочетаніемъ; потребность страстной руководящей мысли — холоднымъ пережевываніемъ азбучныхъ истинъ. Она безсвязно лепечетъ о томъ, что первое попадется подъ руку. Это—обращаетъ вниманіе сатирикъ—не какое-нибудь частное явленіе; это болѣзнь данной минуты, общее пониженіе мыслительнаго уровня.

Какимъ же горькимъ процессомъ—спрашиваетъ онъ—дошла литература до современнаго пѣнкоснимательнаго бормотанія? Было здѣсь насильство?—этотъ вопросъ сатирикъ неоднократно ставитъ въ своихъ произведеніяхъ и каждый разъ онъ долженъ признать, что внѣшній гнетъ надъ литературой имѣлъ въ ея паденіи второстепенное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ—развѣ литература боролась какими-нибудь средствами противъ своего измельчанія? Развѣ предпринимались попытки оградить литературную самостоятельность отъ случайностей, или, по меньшей мѣрѣ, обезпечить писателя на случай вынужденнаго бездѣйствія? Ничего подобнаго не предпринималось и по одному этому можно заключить, что для пѣнкоснимателей выгодна создавшаяся конъюнктура. Даже относительно такъ называемыхъ «карательныхъ мѣръ» положеніе пѣнкоснимателей самое благонадежное, и ежели они за всѣмъ тѣмъ жалуются, что имъ дано мало свободы, то это происходитъ отчасти вслѣдствіе дурной привычки клянчить, а отчасти вслѣдствіи того, что они все таки забываютъ, что только затхлой политической и соціальной атмосферой они и обязаны своимъ существованіемъ и пышнымъ развитіемъ.

„Сравните литературу 40-хъ годовъ, не дѣлавшую шага безъ общихъ принциповъ, съ литературой нынѣшней, занимающейся вытаскиваніемъ бирюлекъ... Какая непроглядная пропасть лежитъ между этими сопоставленіями! Я не говорю, чтобы полезно и желательно было воскресить сороковые годы съ ихъ исключительнымъ служеньемъ всякаго рода абстрактностямъ, но не тѣ или другія абстрактности дороги мнѣ, а темпераментъ и направленіе литературы того времени. Никто не посмѣлъ бы крикнуть тогда: наше время не время широкихъ задачъ“!.. [1]).

Къ сопоставленію современной ему литературы съ сороковыми годами сатирикъ часто возвращается. Оно даетъ ему возможность

---

[1]) Т. 8, стр. 213—225.

наглядно показать все то новое, что съ силой вторглось въ литературу и заполнило ее. Еще недавно—пишетъ сатирикъ «къ тетенькѣ»—наша литература жила вполнѣ обособленной жизнью, т. е. бряцала и занималась эстетикой. Эта полная отчужденность литературы отъ насущныхъ злобъ сообщала ей трогательно благородный характеръ. Какъ будто она, какъ сказочная царевна, была заключена въ неприступный чертогъ и тамъ дремала, окутанная сновидѣніями. Но въ основѣ этихъ сновидѣній все таки лежало человѣчное, такъ что ежели литература не принимала дѣятельнаго участія въ негодованіяхъ и протестахъ жизни, то не участвовала и въ ея торжествахъ. Вотъ почему и «замаранность» была тогда явленіемъ исключительнымъ, ибо гдѣ же и какъ могла «замараться» царевна, дремлющая въ волшебныхъ чертогахъ [1]).

Развертывая въ послѣдующихъ своихъ сатирахъ наблюденія надъ современной ему литературой, отмѣченныя имъ въ „Дневникѣ Провинціала“, Щедринъ вынужденъ былъ впослѣдствіи существенно измѣнить свое мнѣніе лишь по одному вопросу.

Въ „Дневникѣ Провинціала“ онъ говорилъ именно о литераторахъ-пѣнкоснимателяхъ, какъ о людяхъ некомпетентныхъ, унылыхъ и даже безнадежно ограниченныхъ. Съ этой стороны литературное пѣнкоснимательство не могло внушать серьезныхъ опасеній. Оно представлялось скорѣе тяжелымъ кошмаромъ, который разсѣется при первомъ же пробужденіи критической мысли читателя. Но, присмотрѣвшись внимательно къ новымъ литературнымъ дѣятелямъ, сатирикъ не могъ не замѣтить ихъ быстраго роста и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Объ оскудѣніи литературы талантами не могло быть и рѣчи. Жалоба на то, что даровитость русскаго культурнаго человѣка ушла въ другія профессіи—въ адвокатуру и педагогическую дѣятельность—кажутся ему сплошнымъ недоразумѣніемъ. „Прочитайте—говоритъ теперь сатирикъ—любое изъ Подхалимовскихъ упражненій, которыя онъ съ такой легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, и вы въ каждой строчкѣ найдете больше таланта, больше жизненной образности, нежели во всѣхъ „послѣднихъ пѣсняхъ“ потухающихъ стариковъ. Не объ отсутствіи даровитости идетъ рѣчь, а о томъ, что Подхалимовъ съумѣлъ дать своему таланту омезрительную, гнусную, безчестную окраску. Это экземпляръ, который, кромѣ вольнаго обращенія, распутства и полнаго

[1]) Т. XI, стр. 624.

индиферентизма въ дѣлѣ убѣжденій, ничего другого странѣ своей дать не можетъ!“ [1]).

Поставивъ рядомъ оба эти взгляда сатирика на литературныя явленія его времени, не надо искать противорѣчія между ними,— его нѣтъ. Измѣнились времена, измѣнились нравы, съ ними вмѣстѣ измѣнилась литературная среда и литературныя отношенія.

Конечно, пѣнкоснимателъ Менандръ конца 60-хъ годовъ— невинный младенецъ по сравненію съ явившимися ему на смѣну Подхалимовыми. Его „Старѣйшая Всероссійская Пѣнкоснимательница“, въ которой читатель ясно угадывалъ редактируемыя В. Ѳ. Коршемъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“—дѣтскій лепетъ въ сравненіи съ позднѣйшими „Помоями“, органомъ даже не реакціоннымъ, а просто „негодяйскимъ“.

Пѣнкоснимателъ шелъ въ хвостѣ у хищника. Это былъ „почтительный пролазъ, курлыкающій панегиристъ хищничества“. Онъ не любилъ отнимать, но любилъ выждать и выпросить, онъ не дерзалъ, не рисковалъ, не выступалъ съ дикими проектами, а только угнеталъ читателя многословіемъ. Пѣнкоснимательство—это было,—какъ говоритъ сатирикъ въ „Сборникѣ“, — направленіе, которое во Франціи извѣстно подъ именемъ оппортунистическаго, а у насъ пока что посило кличку газетнаго легкаго поведенія. Ненавистники изъ „Помоевъ“ уже не удовлетворялись этой подчиненной ролью. Откровенные хищники, они явно взяли сторону Колупаевыхъ, Деруновыхъ и К° и безъ всякихъ околичностей нагло принялись травить все, что такъ или иначе стѣсняло, или могло стѣснить хищничество въ его стремительномъ потокѣ. Они знали, что печать—сила и поспѣшили использовать эту силу такъ, какъ будто въ ихъ рукахъ находилась не пресса, а дубина грабителя съ большой дороги.

„Печать это вѣдь сила,—повторяетъ Подхалимовъ и тутъ же поясняетъ, что безъ содѣйствія печати нынче ни одно промышленное предпріятіе шагу ступить не можетъ. Вотъ купцы-то и платятъ публицистамъ дани: „тутъ не фунтомъ икры пахнетъ, какъ во времена Булгарина“!

Уставъ „Вольнаго союза Пѣнкоснимателей“ скроменъ и простъ. Цѣль союза предоставить каждому снимать пѣнки съ чего угодно и какъ угодно. Уставъ стремится лишь нѣсколько упорядочить дѣло, налагая на членовъ союза нѣкоторыя обязанности, а именно:

---

[1]) «Пестрыя письма», т. 6 стр. 404.

„Не пропуская ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разсуждать съ такимъ расчетомъ, чтобы ничего изъ сего не выходило. По наружности имѣть видъ откровенный и даже смѣлый, внутренне же трепетать. Разсуждая о современныхъ вопросахъ, стараться по возможности сокращать ихъ размѣры. Ежеминутно обращать вниманіе читателя на пройденный имъ славный путь. Обнадеживать, что въ будущемъ ожидаетъ читателей еще того лучше“ и, наконецъ, „всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось“ („Дневникъ провинціала“).

Въ „Сборникѣ“, а затѣмъ и въ сатирѣ „За рубежомъ“ мы узнаемъ о дальнѣйшей судьбѣ вождя пѣнкоснимательства. Менандръ—читаемъ мы здѣсь—до такой степени раздражалъ своими наглыми усиліями попасть въ тонъ минуты, что вынужденъ былъ уступить мѣсто другимъ, болѣе сноровистымъ дѣятелямъ. Онъ все надсѣдался, курлыкалъ: „наше время не время широкихъ задачъ“, а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолюбовъ, крикнулъ: „ты что тутъ революцію распространяешь... брысь!—и слопалъ Менандра.

Иными словами, пришелъ графъ Д. А. Толстой и, признавъ В. Ѳ. Корша неблагонадежнымъ, отнялъ у него въ 1875 г. аренду „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, а въ 1878 былъ запрещенъ и выходившій подъ фактической редакціей Корша „Сѣверный Вѣстникъ“.

Такимъ образомъ, къ серединѣ 70 годовъ даже скромное пѣнкоснимательство оказалось подъ подозрѣніемъ. Увертливая угодливость перестала удовлетворять растущимъ требованьямъ хищничества. Отъ литератора требовалась опредѣленная позиція и явное оказательство въ лагерѣ хищниковъ. Подхалимовъ и тотъ долженъ былъ сойти на второстепенныя роли, а его мѣсто занялъ Ноздревъ. Соотвѣтственно этому со страницъ Щедринской сатиры исчезаютъ всѣ эти скорѣе жалкіе, чѣмъ опасные „Вѣстникъ Пѣнкосниманія“, „Истинный Россійскій Пѣнкосниматель“, „Уединенный Пошехонецъ“, „Честолюбивая просвирня“, „Чего изволите“ и прочіе органы либерально-пѣнкоснимательной печати. Вмѣсто этихъ никѣмъ не оплаканныхъ покойниковъ на передовыя позиціи русской повременной печати выдвигаются: „Краса Демидрона“—органъ ассенизаціонно-любострастный; „Нюхайте на здоровье“—газета, открыто признающая себя подлой; „Словесное Удобреніе“—органъ „веселенькихъ“, для молодыхъ, и „сурьезныхъ“, для старухъ, кубышкинскихъ ситцевъ; полемизирующія почему-то другъ

съ другомъ газеты „Пріютъ Уединенія“ и „Помои“, обѣ одинаково ненавистническія, обѣ паскудныя... Одна только „Пригорюнившись Сидѣла“ составляетъ исключеніе въ этомъ торжествующемъ хорѣ побѣдителей, но и объ этомъ робкомъ, напуганномъ либеральномъ ничтожествѣ сатирикъ можетъ сообщить немного свѣдѣній: „Помои“ систематически перемываютъ несчастной газетѣ косточки и въ каждой косточкѣ подозрѣваютъ измѣну, а вѣдь у насъ — поясняетъ сатирикъ — „ужъ изстари повелось, что противъ слова „измѣна“ — даже разъясненій никакихъ не полагается“.

Пришедшимъ на смѣну Менандра хищникамъ „уставъ“ былъ ненуженъ. Они дѣйствовали въ одиночку, открыто, у всѣхъ на глазахъ, не опасаясь ни преслѣдованій, ни каръ. Уже во второмъ номерѣ „Помоевъ“ Ноздревъ, точно играя съ властями, оповѣщаетъ подписчиковъ, заинтересованныхъ судьбой денегъ на случай невзгодъ съ газетой: „Отвѣчаемъ положительно и твердо: никакой невзгоды съ нами не можетъ быть и не будетъ. Мы не съ тѣмъ предприняли дѣло, чтобы идти навстрѣчу невзгодамъ, а съ тѣмъ, чтобы направлять таковыя на другихъ“ [1]).

Не нуждалась пресса этого рода и въ программахъ: она представляла собой случайный сбродъ задачъ и задачекъ, не связанныхъ между собою руководящей мыслью и не допускающихъ никакой провѣрки. „Отъ первой до послѣдней строки все здѣсь произвольно, ничѣмъ не обусловлено и исполнено противорѣчій. Сегодняшнее утвержденіе мѣняется завтрашнимъ опроверженіемъ безъ перехода и безъ малѣйшаго основанія быть изобличенными. Только ненависть къ высокимъ и честнымъ идеаламъ жизни стоитъ неизмѣнно и незыблемо, освящая своимъ, распространяющимъ чадъ, факеломъ путь распри, умственной смуты и лжи“ [2]).

Словомъ „властителемъ думъ современности“ сталъ „негодяй, наперсникъ сатаны“, какъ называетъ его „Современная Идиллія“, негодяй, который не можетъ различить ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, ни общаго, ни частнаго, и которому ясны только чисто личные и притомъ ближайшіе интересы“. Подобно сатанѣ и наперсникъ его доселѣ скрывался во тьмѣ; объ немъ знали, но не осязали его. Теперь негодяй созналъ самого себя, и на вопросъ: что есть негодяй? отвѣчаетъ смѣло: негодяй — это я! и прямо на глазахъ у всѣхъ совершаетъ негодяйскіе по-

[1]) Ibid., стр. 620.
[2]) Томъ 5, стр. 192.

ступки и во всеуслышаніе говоритъ негодяйскія рѣчи". Въ литературѣ негодяй утверждаетъ что дѣло человѣческой мысли проиграно навсегда и что отнынѣ человѣкъ долженъ отбросить „произвольныя требованія разума и совѣсти, которыя увлекаютъ его на призрачный путь погони за идеалами, а руководствоваться только скромными охранительными институтами, которыя удерживаютъ его на почвѣ здоровой дѣйствительности".

Какъ видитъ читатель, сатирикъ, гордо отказавшій адвокатурѣ въ родствѣ съ литературой, ни мало не пощадилъ и этой послѣдней. Какъ только онъ замѣтилъ уклонъ литературы въ сторону хищническихъ стремленій нашей новой буржуазіи, онъ не переставалъ зорко присматриваться ко всѣмъ перемѣнамъ въ газетномъ мірѣ, съ злымъ сарказмомъ отмѣчая каждую новую побѣду торжествующаго насилія. И какъ ни страстно привязанъ сатирикъ къ литературѣ, онъ съ горечью сознается, что „по временамъ эта привязанность подвергаертся очень рѣшительнымъ испытаніямъ".

Послѣднія слова были написаны въ 1879 году и въ этотъ именно „злополучный годъ" не только привязанность сатирика къ литературѣ, но и всего мірсозерцаніе пережило тяжелый и опасный кризисъ. Даже В. П. Буренинъ, тогда уже легко укладывавшійся въ данную сатирикомъ классификацію литературныхъ дѣятелей, даже Буренинъ писалъ въ этомъ году въ „Новомъ Времени": въ послѣднее время нашъ прогрессъ такое настроеніе принялъ, что самая реальная юмористическая рѣзвость отступаетъ передъ угнетающими душу явленіями дѣйствительности, и холодное отчаяніе, или, по крайней мѣрѣ, безнадежное маханіе рукой является на смѣну борьбы и отрицанія. Что же и отрицать, съ чѣмъ бороться, когда все кругомъ само себя отрицаетъ и само съ собой бороться начало"? [1]).

Сатирику же казалось тогда, что мы дошли до того, что вѣра въ животворящія свойства слова утрачена и значеніе этого слова умалено до металла звенящаго. И тѣмъ не менѣе въ тѣхъ же очеркахъ («Круглый годъ») Щедринъ даетъ поистинѣ блестящія страницы, посвященныя защитѣ литературы, ея «животворящихъ свойствъ», ея значеніе какъ «неоскудѣвающаго источника жизни». Страстныя рѣчи сатирика такъ стильны, съ такой исчерпывающей полнотой раскрываютъ и освѣщаютъ тему, что выбирая сейчасъ

[1]) „Новое Время", 1879 г. № 1255.

изъ нихъ отрывокъ для иллюстраціи затронутаго вопроса, я испытываю робость,—какъ будто мнѣ предстоитъ выхватить дымящійся теплой кровью кусокъ изъ живого организма.

„Литература не умретъ! не умретъ во вѣки вѣковъ. Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ — одна литература изъята отъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ. Ибо ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, ни что такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ“.

Въ бесѣдѣ о литературѣ съ Ощипкой Неугодовымъ, назначеннымъ членомъ комиссіи «о мѣрахъ насчетъ могущаго быть свѣтопреставленія», сатирикъ сказалъ: Литература «служитъ воплощеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ страны... Общество, не имѣющее литературы, не сознаетъ себя обществомъ, а только безпорядочнымъ сбродомъ индивидуумовъ. Если бы не было литературы, этого единственнаго сборнаго мѣста, въ которомъ мысль человѣческая можетъ оставить прочный слѣдъ, ты ходилъ бы теперь на четверенькахъ, обросшій шерстью, лакалъ бы болотную воду, питался бы сырыми злаками и акридами... Всѣ знанія, которыми ты обладаешь, даны тебѣ литературой; всѣ понятія, сужденія, правила, все, чѣмъ ты руководишься въ жизни, все выработано ею. Даже понятіе о неблагонамѣренности литературы—ты почерпалъ изъ нея, а никакъ не додумался бы до него непосредственно... Одна литература имѣетъ привилегію «гласить во всѣ концы», она одна имѣетъ даръ всѣхъ соединять подъ сѣнью своей, всѣмъ давать возможность вкусить отъ сладостей общенія... Всякій, кто сознаетъ себя человѣкомъ, не можетъ не понимать, что внѣ литературы нѣтъ ни блага, ни наслажденія, ни даже самой жизни. Даже комиссія на случай могущаго быть свѣтопреставленія — и та сознала эту истину, такъ какъ прежде всего сочла нужнымъ открыть это торжество гимномъ. Почему она такъ поступила? А потому просто, что, благодаря гимну, смягчаются черезъ чуръ суровые тоны торжества, а затѣмъ кто же знаетъ? — быть можетъ, и самое свѣтопреставленіе будетъ отмѣнено»... [1]).

[1]) Т. 9, стр. 598, 624—630.

Впослѣдствіи, черезъ пять лѣтъ, страстная привязанность Щедрина къ литературѣ подверглась новому рѣшительному испытанію. Журналъ, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, былъ закрытъ, или, въ передачѣ этого факта самимъ сатирикомъ; «однажды утромъ, проснувшись, Крамольниковъ совершенно явственно ощутилъ, что его нѣтъ». Для него, коренного литератора, у котораго не было никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ, это былъ сильный ударъ. Тяжесть усугублялась къ тому же вѣроломнымъ отступничествомъ тѣхъ, на сочувствіе и участіе которыхъ Крамольниковъ расчитывалъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, Крамольниковъ сталъ упрекать самъ себя за то, что подчинилъ себя «какой-то профессіи», что не спѣшилъ туда, откудара здавались стоны, откуда шелъ призывъ къ самоотверженію («Приключеніе съ Крамольниковымъ»).

Эти упреки сатирика самому себѣ слишкомъ запоздали для того, чтобы можно было понимать ихъ буквально. „Станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, поражавшій воображеніе безкорыстнымъ геронзмомъ его самоотверженныхъ дѣятелей, не могъ, конечно, не привлекать симпатій лучшихъ представителей демократической мысли того времени. Некрасовъ и Успенскій, Михайловскій и Салтыковъ, всѣ они, каждый по своему, отдали ту или иную дань уваженія и симпатіи этому „стану“. Сатирикъ, съ его постояннымъ скепсисомъ къ „подробностямъ“, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ основнымъ построеніямъ народничества, менѣе другихъ способенъ былъ увлечься прямолинейнымъ путемъ современнаго ему революціоннаго движенія. Въ первой же статьѣ, написанной имъ послѣ 1-го марта 1881 г., сатирикъ упоминаетъ объ „актѣ противочеловѣческаго изувѣрства, который далъ гадамъ радостный поводъ для своекорыстныхъ обобщеній“. [1]) *Идея* движенія, а не *практика* его привлекала этотъ критически настроенный умъ. И послѣ только-что приведеннаго здѣсь панегирика литературѣ, можно съ увѣренностью сказать, что только въ минуту раздраженія сатирикъ позволилъ себѣ отозваться о литературѣ, какъ о „какой-то профессіи“, которой онъ напрасно подчинилъ себя. Нѣтъ, для Салтыкова литература не профессія. Для него литература—воплощеніе той творческой мысли, которая, по выраженію одномыслящаго въ этой области съ Салтыковымъ Виктора Гюго, „преобразуетъ общества и правительства, служитъ ве-

[1]) Т. 8, стр. 651.

ликимъ пастыремъ поколѣній, просвѣщаетъ массы и все ближе и ближе придвигаетъ торжество права". Литература для Салтыкова—„освященное средство для небесныхъ цѣлей", широкая арена для борьбы за торжество свѣта и правды, за идеалы будущаго. Промѣнявъ вице-губернаторское мѣсто на званіе литератора, Салтыковъ перемѣнилъ не только профессію, нѣтъ. Онъ опоясалъ себя мечемъ, для того, чтобы, подобно Гейне, посвятить свои силы рыцарскому служенію Святому Духу. Онъ сталъ борцомъ. Но въ отличіе отъ всѣхъ иныхъ видовъ борьбы, гдѣ каждая ошибка можетъ роковымъ образомъ отразиться на успѣхѣ всего дѣла, „литература—говоритъ Салтыковъ въ той же сатирѣ „Круглый годъ"—имѣетъ право допускать заблужденія, п. ч. она же сама и поправляетъ ихъ. Истина—не кладъ, случайно находимый въ почвѣ; она дается ищущему цѣной величайшихъ жертвъ и усилій, *цѣной заблужденій*". Поэтому „признавая" литературу, сатирикъ принималъ ее „всецѣло, со всѣми уклоненіями и осложненіями, даже съ московскими кликушами". Правда, всѣ эти уклоненія и осложненія съ „каплунами мысли", съ пѣкоснимателями, Подхалимовыми и Ноздревыми, „порой бываютъ мучительны, но вѣдь они пройдутъ, исчезнутъ, растаютъ и навѣрное одни только усилія честной мысли останутся незыблемыми". „Постороннія силы", явно поощряющія Подхалимовыхъ и Ноздревыхъ и враждебныя къ тѣмъ, кто не идетъ по проторенному пути „унаслѣдованныхъ принциповъ", искусственно задерживаютъ торжество честной мысли. Но—пишетъ сатирикъ „тетенькѣ"—„не надо думать, что общество когда нибудь погибнетъ подъ гнетомъ уныній и что оно вынуждено будетъ воспринять хлѣвные принципы въ свои нравы. Надо гнать прочь эту мысль, даже въ томъ случаѣ, ежели она выступаетъ впередъ настойчиво и доказательно. Надо всечасно говорить себѣ: нѣтъ, этому нельзя статься! не можетъ быть, чтобы бунтующій хлѣвъ покорилъ себѣ вселенную"!

Съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ животворящую мощь литературы сатирикъ прошелъ весь свой трудовой писательскій путь. Въ литературныхъ пѣнкоснимателяхъ и хищникахъ онъ создалъ себѣ сплоченный вражескій лагерь. Онъ не уставалъ клеймить этотъ лагерь, обличая его темное дѣло. И часто за спиной какого нибудь торгующаго истиной литератора грезился ему предательскій образъ Искаріота, „не того, который удавился, а приблизительно". Впрочемъ, однажды не приблизительный даже, а настоящій Іуда-предатель—предсталъ предъ творческой мыслью

сатирика. Это было въ концѣ его жизненнаго пути, когда Салтыковъ, во имя грядущаго воцаренія „настоящей, единой и для всѣхъ обязательной правды“, искалъ оправданія для существующаго „порядка вещей,“ какъ для неизбѣжнаго преддверія будущаго. И къ міроѣдамъ и къ татямъ и къ душегубцамъ онъ подошелъ какъ къ людямъ „вѣка сего, духомъ вѣка своего руководствующимся“. Въ этомъ было ихъ оправданіе. И только для Іуды Искаріота сатирикъ не нашелъ въ душѣ своей ни мира, ни оправданья. Одно проклятье, „проклятье на вѣки вѣковъ“ посылаетъ онъ предателю, осквернившему своимъ позорнымъ дѣяніемъ святыню его храма. („Христова ночь“). Въ отношеніяхъ Щедрина къ литературѣ и ея дѣятелямъ вниманіе Н. К. Михайловскаго обратилъ тотъ фактъ, что, часто возвращаясь къ измѣнникамъ общему литературному дѣлу, сатирикъ ни разу не возсоздалъ эту позорную фигуру, какъ художникъ, что охотно дѣлалъ съ другими литературными фигурами. „Онъ точно боялся, что у него не хватитъ красокъ для художественнаго воплощенія объекта его особеннаго, преимущественнаго негодованія“.

V.

Если адвокатура обманула возлагавшіяся на нее упованія; если хищники успѣли проникнуть въ литературу и даже завладѣть ею, то какую же силу сопротивленія могутъ обнаружить всѣ другіе слои русскаго культурнаго общества противъ надвигающейся на него чумазой опасности?

Духовенство? Но сельскій священникъ освободившись отъ власти помѣщика, немедленно попалъ подъ власть той же мучительной думы о завтрашнемъ днѣ, которая поглощаетъ все существованіе „хозяйственнаго мужика“: то же неотступное желаніе заблаговременно опредѣлить мельчайшія подробности домостроительства, съ цѣлью избѣжать неожиданностей, то же униженное искательство предъ Деруновыми. Только и разницы, что „хозяйственный мужикъ“ называетъ этихъ оперившихся хищниковъ благодѣтелями, а сельскій батюшка льститъ имъ эпитетами ревнителей и истинныхъ сыновъ церкви („Мелочи жизни“). Чтобы жить, батюшка долженъ угождать Дерунову и Колупаеву,— это на низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. А на высшихъ—тамъ приспособляемость къ обстановкѣ, можно сказать,

изначально возведена въ принципъ, и въ эту сторону незачѣмъ даже направлять поиски. Вспомните архіерея, который въ свое время былъ истиннымъ утѣшителемъ взволнованныхъ тревожными слухами помѣщиковъ: „Какъ въ древности были господа и рабы, такъ и напередъ таковые имѣютъ остаться безъ измѣненія“— убѣжденно отвѣчалъ онъ на вопросы дворянъ. Когда же неизбѣжность реформы стала очевидной, то на вопросъ: слышали?— отвѣтилъ: „Не токмо слышалъ, но и возвеселился. Истинно любезная для христіанскаго сердца минута сія была“. („Благонамѣренныя рѣчи“).

Педагоги? профессора?—Но развѣ въ этой области не существуетъ спеціальный отборъ? развѣ всѣ усиленныя заботы о нашей средней и высшей школѣ не клонились къ тому, чтобы изъ „свѣточей и вѣстниковъ жизни“ превратить ихъ въ коментаторы оффиціально признанныхъ формулъ? И для того, чтобы выяснить точку зрѣнія сатирика на эту группу культурныхъ дѣятелей, достаточно вспомнить зарисованную имъ фигуру профессора уголовнаго права, который свое ученое мнѣніе о „кнутѣ“ строго сообразовывалъ съ дѣйствующими нормами уголовнаго уложенія.

Когда „кнутъ“ фигурировалъ въ этомъ послѣднемъ, то и въ ученіи профессора онъ числился одной изъ формъ, въ которыхъ „идея правды и справедливости находитъ себѣ наилучшее осуществленіе“. Когда же кнутъ былъ замѣненъ плетью, тотъ же профессоръ докладывалъ съ каѳедры, какъ скорбѣла высшая идея правды, осуществляясь въ кнутѣ, и какъ ликуетъ она теперь съ введеніемъ трехвостной плети („За рубежомъ“).

Одинъ только видъ казеннаго педагога наводитъ на сатирика уныніе. Встрѣтившись съ нимъ на пароходѣ, сатирикъ подозрѣваетъ, что даже здѣсь, вдали отъ классической гимназіи, педагога угнетала мысль: нельзя ли кого нибудь притѣснить или огорошить такимъ вопросомъ, который сразу поставилъ бы человѣка въ безпомощное положеніе? („Благонамѣр. Рѣчи“).

При желаніи можно было бы собрать со страницъ Щедринской сатиры цѣлую коллекцію болѣе или менѣе яркихъ характеристикъ отдѣльныхъ группъ и профессій русскаго культурнаго общества въ періодъ вторженія „чумазаго“. Къ однимъ изъ нихъ сатирикъ подходитъ вплотную, о другихъ отзывается мимоходомъ, какъ напримѣръ, о нотаріусахъ, на вывѣскахъ которыхъ ему чудится надпись: „здѣсь стригутъ, брѣютъ и кровь отворяютъ“. Но для поставленной мною цѣли эти отдѣльныя характеристики не

имѣютъ значенія, такъ какъ сатирикъ самъ сдѣлалъ изъ своихъ наблюденій необходимые выводы. Въ „Итогахъ“ онъ въ высшей степени скептически относится къ роли вообще всѣхъ тѣхъ слоевъ русскаго общества, которые претендуютъ на званіе прогрессивныхъ. „Это—характеризируетъ ихъ Щедринъ—народъ очень загадочный, совмѣщающій съ чувствительностью души и слезливостью въ голосѣ непреодолимую страсть къ „куску“. Никто не съумѣетъ такъ утѣшить, такъ соблазнительно показать вдали перспективы, какъ это дѣлаютъ прогрессисты. Поэтому къ прогрессистамъ, къ нимъ обращаются, за сочувственнымъ словомъ, хотя въ то же время никто не видалъ, чтобы они когда нибудь чѣмъ нибудь поступились, чтобы они выпустили „кусокъ“, который однажды защемили зубами. Скользкій отъ природы, прогрессистъ ловко увертывается до той поры, впрочемъ, покуда рѣчь не зайдетъ о кускѣ“. Одно напоминаніе объ этомъ послѣднемъ производитъ въ немъ панику и онъ становится способнымъ на такія рѣшенія и дѣйствія, которымъ позавидовалъ бы любой ретроградъ. „Вся жизнь прогрессиста есть непрерывное сидѣніе между двумя стульями“ [1]).

Все, что называлось кускомъ, все, что пахло жаренымъ, находилось въ этотъ жестокій періодъ первоначальнаго накопленія или въ полномъ распоряженіи хищниковъ или подъ ихъ зоркимъ присмотромъ. Подойти къ „куску“ можно было не иначе, какъ заручившись нѣкоторымъ довѣріемъ со стороны Деруновыхъ, Колупаевыхъ и К°. А для этого прежде всего надо было проявить крайнюю осторожность въ обращеніи съ идеалами, съ тѣми „свѣтящимися точками, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго“. Чумазому не нужны идеалы. Они только мѣшаютъ его грязной работѣ, которая не только не поддается никакой идеализаціи, но даже не можетъ быть втиснута въ рамки сколько нибудь установившагося правопорядка. Не даромъ же сатирикъ въ только-что цитированныхъ очеркахъ („Итоги“) готовъ былъ Россіи 70-хъ годовъ предпочесть общество, слѣдующее въ своемъ развитіи „самому ложному пути“, общество, признающее своимъ идеаломъ обезпеченіе правъ меньшинства цѣною безправности массъ. Даже въ такомъ обществѣ—говоритъ онъ—передъ вами не безразличная масса, а юридическое лицо, которое способно защищать свои убѣжденія и понимать силу и послѣдствія своихъ поступковъ.

---

[1]) Т. 10, стр. 633.

Политическая и соціальная жизнь Россіи 70-хъ гг. не могла дать наблюдателю ея даже этого minimum'а государственности. Реформы 60-хъ годовъ стояли какъ то совершенно особнякомъ отъ жизненной практики.

Задуманныя по типу установленій, функціонирующихъ въ буржуазныхъ государствахъ Западной Европы, онѣ вводились въ разсчетѣ на то, что съ крестьянской эмансипаціей феодальный строй нашей жизни непосредственно замѣнится капиталистическимъ. Товарно-капиталистическое хозяйство должно было застать въ готовомъ видѣ приспособленную для него судебноадминистративную организацію. Но непосредственный переходъ отъ крѣпостническихъ формъ хозяйства къ капиталистическимъ оказался невозможнымъ. «Тамъ, гдѣ выступаетъ капиталистическое производство,— писалъ К. Марксъ,—уничтоженіе крѣпостного права представляетъ *уже давно* совершившійся фактъ». Такъ было въ З. Европѣ; то же должно было повториться и у насъ. И вотъ обнаружилось, что даже наиболѣе урѣзанныя реформы — черезъ чуръ для насъ либеральны: онѣ слишкомъ стѣсняли рыцарей первоначальнаго накопленія въ ихъ хищнической работѣ. И общественная реакція сумѣла, конечно, обезплодить ихъ.

Всѣ рановременныя мѣры
Теряли должные размѣры
И съ трескомъ пятились назадъ.

Если же русское общество и обладало какими-либо политическими и соціальными идеалами, то формулировать ихъ— говоритъ сатирикъ — невозможно: общество «ограничивалось лишь нѣкоторыми загадочными выраженіями, думая, конечно, замѣнить ими тѣ конкретныя представленія, которыя одни могутъ служить цѣлью для общественныхъ стремленій. Или, выражаясь точнѣе, общество обманывало самого себя, окружая призраками свое настоящее и *запутывая ими свое* будущее» [1]).

Въ сатирахъ Щедрина этого періода много ихъ, этихъ «загадочныхъ выраженій», которыя хищники пустили въ обыденный и литературный обиходъ, запугивая ими однихъ, утѣшая и успокаивая другихъ. Напомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ выраженій. *Патріархальность*—слово, ведущее — какъ замѣчаетъ Щедринъ

[1]) Ibid, стр. 660.

— къ тому, чтобы запутать дѣйствительные интересы жизни и на мѣсто ихъ выдвинуть безсодержательныя общія мѣста («Письма о провинціи»), *Краеугольные камни*, выраженіе, которое сатирикъ комментируетъ слѣдующимъ образомъ: «Всякій хочетъ жить — вотъ общій законъ. Если при этомъ встрѣчаются на пути краеугольные камни, постараются умненько ихъ обойти. Но съ мѣста всетаки не сворачиваютъ, п. ч. подобнаго рода камень можетъ еще и службу сослужить. А именно онъ можетъ загородить дорогу другимъ и тѣмъ значительно сократить размѣры жизненной конкуренціи. Стало быть умѣлый пусть пользуется, неумѣлый пусть колотится лбомъ о краеугольные камни. Вотъ и все» («Благонамѣренныя рѣчи»).

Не вдругъ — „это цѣлая философская система; это гора будущаго, которая можетъ разродиться мышью, но въ которой могутъ скрываться и алмазныя копи. Ждите, сколько угодно—„не вдругъ“ всегда и на всѣ вопросы будетъ отвѣтомъ современнымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ („Итоги“); твердя одно это выраженіе, можно при немъ одномъ и остаться. („Сборникъ“). *Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, моя хата съ краю, не твое дѣло*— эти и подобныя выраженія, которыя, по свидѣтельству сатирика, составляли идеологію хищническаго періода нашей исторіи, можно упомянуть здѣсь безъ всякихъ поясненій [1]). Они даже не загадочны. Они пошлы. Но въ томъ-то и бѣда, что пошлость заполонила русскую жизнь. Плотной стѣной окружила она захваченныя хищниками позиціи, непроницаемыя ни для убѣжденія, ни для критики. „Не она покоряется убѣжденіямъ разума, а требуетъ, чтобы разумъ покорился ея убѣжденіямъ“—констатируетъ сатирикъ въ „Благонамѣренныхъ Рѣчахъ“ создавшееся положеніе.

Пошлость торжествуетъ въ русской жизни въ мѣру торжества хищника. Сначала оскорбляющая здравый человѣческій смыслъ, она расползается во всѣ стороны, ни мало не смущаясь сомнѣніями и отказами, которые встрѣчаетъ на своемъ пути. Недоступныя для нея возвышенія пошлость пока обходитъ, довольствуясь безпрестаннымъ распространеніемъ въ долинѣ жизни. Но вотъ всѣ низменности уже залиты и поглощены ею. Тогда только она переходитъ

---

[1]) Выраженіе «всѣ мы подъ Богомъ ходимъ» сатирикъ считаетъ самой безсовѣстной, самой унизительной пословицей. «Смыслъ ея горше всякой горькой несправедливости, жестче самой жестокой кары! Не хорошо жить тому, кто не можетъ даже опредѣлить для себя, виноватъ онъ, или не виноватъ, не имѣетъ руководящей нити, чтобы угадать, что его ждетъ впереди—награда или кара».

къ назойливости, отъ назойливости къ застращиванію. Въ 70-ые годы наступилъ моментъ, когда пошлость „приступила уже настоятельно и, не стѣсняясь формальностями, прямо объявила свою сентенцію. Вы не вѣрите примѣтамъ—вы безбожникъ; вы не раболѣпствуете—вы насаждаете революціонныя идеи, возмутитель, ниспровергатель авторитетовъ; вы относитесь критически къ извѣстнымъ общественнымъ явленіямъ—вы развратникъ, ищущій разрушить общественныя основы“...

Этотъ разгулъ хищничества, вооруженнаго пошлостью вмѣсто идеологіи, сатирикъ отмѣтилъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ. А въ концѣ десятилѣтія, присмотрѣвшись къ побѣдоносному шествію чумазаго, онъ могъ съ увѣренностью, вопреки жившимъ еще въ народничествѣ упованіямъ, предсказать, что „міроѣдскій періодъ не исчерпалъ еще всего своего содержанія. Ему еще предстоитъ сказать рѣшительное слово, и чѣмъ ближе къ концу будетъ приходить его рѣчь, тѣмъ жестче и неумолимѣе выскажется это послѣднее слово“ [1]).

Вл. Кранихфельдъ.

«Убѣжище Монрепо» т. 7, стр. 416

Леонтій.

I.

По вечерамъ, когда братъ Кузьма, пристроивъ свой костыль въ уголъ, садился возлѣ стола перевязывать старые, уже съѣзженные совсѣмъ хомуты, а отецъ тутъ-же въ избѣ, заполняя ее бѣлыми березовыми стружками, ладилъ новую соху къ далекой еще веснѣ, Леонтій бралъ съ полки подъ образами свои истрепавшіяся по угламъ, книжки, съ вырванными и аккуратно подложенными страницами, и перевязывалъ ихъ тоненькимъ ремешкомъ.

Отецъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этихъ сборовъ и только по сердитому, отрывистому шороху рубанка на укрѣпленномъ вмѣсто верстака на скамьѣ подтопникѣ можно было замѣтить, что онъ недоволенъ. А братъ Кузьма взглядывалъ искоса на Леонтія, незамѣтно кивалъ ему на отца и улыбался съ тѣмъ лукавымъ добродушіемъ, которое дѣлало его лицо—бородатое и загорѣлое лицо тридцатилѣтняго мужика—странно-нѣжнымъ и дѣтскимъ.

Леонтій шелъ къ двери, но мать,—она сидѣла за станкомъ и, громко и равномѣрно постукивая подножіемъ его, быстро и неуловимо мелькала между основой живымъ пузатымъ челнокомъ, мать останавливала его:

— Ужинать придешь? спрашивала она, робко взглядывая на него не потому, чтобы боялась его, а потому, что на скамьѣ за ея спиной короткій, звучный шорохъ рубанка дѣлался отъ этого вопроса отрывистѣе и сердитѣе.

— Не знаю, какъ уладится—вы оставьте мнѣ, ежли не приду! отвѣчалъ Леонтій и выходилъ, сначала на дворъ—крытый и оттого темный, въ которомъ, несмотря на морозъ, крѣпко пахло застарѣлымъ теплымъ навозомъ, потомъ на улицу.

Къ ночи морозъ забиралъ сильнѣе и чувствовалось это по особенной, больной остротѣ въ груди, вдыхавшей напряженный, неподвижный воздухъ.

Тусклымъ бѣлесоватымъ сумракомъ шла ночь и уже трудно было разглядѣть отдѣльныя деревья и строенія: все сливалось въ общую массу, еще не спящую, но уже засыпающую.

Кое гдѣ въ окнахъ живымъ перебѣгающимъ свѣтомъ мелькалъ огонь, должно быть готовили ужинъ. И сквозь замерзшія стекла, на которыхъ морозъ наростилъ мазками могучей и безпорядочной кисти прихотливый узоръ—мелькающій отблескъ этого огня казался уютнымъ и ласковымъ.

Глядя на теплый, придушенный свѣтъ черныхъ застывшихъ въ морозѣ избъ, можно было думать, что въ такіе вечера, когда кругомъ все холодно, безлюдно и тихо—въ нихъ идетъ особенная уютная и ласковая жизнь, совсѣмъ не похожая на ту грубую, темную, подчасъ жестокую и всегда тупую, которую зналъ Леонтій.

Онъ проходилъ деревню, проходилъ казавшуюся на бѣломъ снѣгу особенно черной и особенно маленькой одинокую кузницу, въ которой онъ работалъ обыкновенно съ братомъ,—то, что братъ Кузьма былъ одноногій—другая нога у него ссохла и не росла съ десяти лѣтъ—не мѣшало ему, такъ какъ онъ стоялъ обыкновенно у горна,—и пошелъ по дорогѣ въ гору.

Деревня лежала въ низкой котловинѣ и съ двухъ сторонъ—съ одной ближе, съ другой сильно отступая—къ ней подходили горы, по которымъ дорога вилась крутыми острыми зигзагами, цѣпляясь за выступы и крѣпи, поросшія корявой сосной. И чѣмъ выше поднималась дорога, тѣмъ гуще былъ этотъ соснякъ, превращавшійся на вершинѣ въ хорошій погонистый лѣсъ.

Онъ шелъ имъ и смотрѣлъ сквозь деревья на небо, въ которомъ живымъ холоднымъ огнемъ пламенѣли звѣзды и одна изъ нихъ—

Леонтій не зналъ ея названія—была какъ яркая капля вспыхнувшей крови.

Слѣдилъ, какъ вздрагивала и мерцала она, какъ бы поворачиваясь на мѣстѣ, и ему странно было думать, что это просто звѣзда, а не живое одушевленное существо, которое ворочается по своей волѣ и смотритъ на него.

За лѣсомъ не дальше полуверсты, безпорядочно расползшись въ стороны покривившимися черными избами, каменными сараями и двумя вѣтрянами, выбравшимися на невысокій холмикъ, мельницами лежало село. Низкая, какъ будто придавленная сверху, церковь съ приземистой старинной колокольней стояла посреди него, а рядомъ длинный и сѣрый, посѣвшій однимъ краемъ въ землю—тоже старый и ветхій, прислонился къ церковной оградѣ поповскій домъ. Въ немъ, какъ и въ большинствѣ избъ села, окна были темны и отъ этого онъ казался брошеннымъ и нежилымъ.

— „Спитъ еще!“ думалъ Леонтій про священника и входилъ въ никогда не запиравшуюся калитку.

Надо было долго стучаться, чтобы старый, съ пожелтѣвшей отъ времени и свалявшейся на концахъ войлокомъ бородой сторожъ Матвѣй, такой высокій, костлявый и страшный, что имъ пугали ребятъ на селѣ, проснулся и открылъ двери.

Онъ спалъ мало, но отъ старости ли или отъ болѣзней, когда задремывалъ, износившееся тѣло стягивалось тугой и цѣпкой паутиной, которую трудно было порвать. Старикъ стоналъ, кряхтѣлъ силился двинуться, но руки были какъ прикованныя и сердце билось медленно и трудно и все казалось, что вотъ вотъ лопнетъ какая-то тоненькая жилка и оно сорвется и полетитъ въ черную яму.

Старъ очень былъ.

Наконецъ подымался, преодолѣвая огромную тяжесть, давившую его, и шелъ отпирать.

— Спитъ еще? спрашивалъ Леонтій входя.

Старикъ хрипѣлъ что-то, чего разобрать нельзя было. Усы мѣшали и въ ротъ лѣзли. И когда были уже въ кухнѣ, онъ бормоталъ еще, хрипя и отхаркиваясь.

— Будить бы надо, гляди поздно уже, чаю ему пора...

Леонтій проходилъ дальше, а старикъ гремѣлъ въ кухнѣ самоваромъ, и сновалъ ища въ темнотѣ спички.

Домъ былъ очень большой и такой ветхій, что жить можно было только въ двухъ комнатахъ. И тѣ приходилось топить по два раза въ день, и за ночь они такъ выстывали, что утромъ невозможно было встать съ кровати.

Еще издали, заслышавъ шаги Леонтія, попъ Иванъ вставалъ въ своей маленькой спаленкѣ и, не зажигая огня, выходилъ.

— Пришелъ?—кутаясь въ старый бѣличій халатикъ, спрашивалъ онъ, казавшійся чернымъ и огромнымъ въ темнотѣ комнаты,— давай, братъ, прежде всего печку топить—страсть холодно!..

Онъ зажигалъ огарокъ, прилѣпленный къ пустой спичечной коробкѣ, ставилъ его на лежанку и вмѣстѣ съ Леонтіемъ они растапливали печь. И когда дрова занимались веселымъ, перебѣгающимъ огнемъ, садились передъ устьемъ—Леонтій на полъ, попъ Иванъ на низенькій стулъ, у котораго для этого были обрѣзаны до половины ноги.

— Зубрилъ? коротко спрашивалъ онъ, протягивая къ огню свои костлявыя загрубѣвшія руки.

— Кое-что... Трудно, батя, понимать мнѣ... Совсѣмъ слова другія, не привычныя,—отвѣчалъ Леонтій, задумчиво глядя въ печку, гдѣ ольховыя полѣнья сердито шипѣли.

— Ничего, привыкнешь... При—знай!

Попъ долго молчалъ, грѣя затвердѣвшія ладони, и думалъ.

— Я вотъ о чемъ,—продолжалъ Леонтій, какъ будто не не обращаясь къ нему, а думая вслухъ,—книжки вотъ тоже эти составляютъ... Все господа, все ученые... Былъ вотъ тоже одинъ такой у насъ, какъ народъ переписывали—то ли не наболталъ: и народъ то, и сила, это значитъ народъ-то то-есть сила, и мы вамъ душой, безъ обману...

— Ну такъ что-жъ? Къ чему это ты?

— А къ тому же... Поди и тѣ, что книжки эти самыя составляютъ, тоже говорятъ, что всей душой... А намъ не понятно ..

— Погоди, поймешь...

— Я тебѣ, батя, вотъ скажу: школу министерскую я кончилъ съ наградой, самъ ты мнѣ евангеліе далъ въ награжденіе, грамотѣ хорошо знаю—и не дуракъ, много ужъ что понимаю, а трудно... Говоритъ ли братъ-Кузьма...

Онъ умолкалъ, слѣдя, какъ паръ, шедшій отъ дыханія, тянулся въ печку, и какъ бы не рѣшаясь продолжать.

— Ну, что говоритъ-то? спрашивалъ попъ, наклоняясь къ дверцѣ и помѣшивая начинавшіе обугливаться дрова,—говоритъ-то что?

— Я знаю, я понимаю, что это не такъ, а выходитъ, будто такъ, и онъ это понимаетъ, братъ-то Кузьма... Выходитъ навродѣ того, будто скрываютъ *они* отъ насъ что, то есть самое главное-то, сами всей душой—всей душой, а настоящаго-то и не говорятъ...

— Пустое мелешь ты...—отзывался попъ и, наклонившись, глядѣлъ въ печку внимательно и долго, словно хотѣлъ разсмотрѣть тамъ что-то.

И Леонтій смотрѣлъ, только не въ печку, а на попа.

Былъ попъ Иванъ черенъ и худъ, такъ что кожа плотно облегала сухой, морщинистый лобъ и острыя, выпирающія скулы, а глаза провалились въ глубокія ямы и смотрѣли изъ коричневыхъ колецъ залегшей вокругъ нихъ тѣни съ тупой и неподвижной печалью.

И, окруженное спутанными длинными, закручивающимися на концахъ волосами, лицо его выглядѣло какъ-то по особенному древнимъ и темнымъ, не похожимъ на обычныя лица обычныхъ людей.

И жизнь его вся была такая;—вдовъ онъ былъ и одинокъ и жилъ въ большомъ церковномъ домѣ пятнадцать лѣтъ такъ, какъ будто только-что пріѣхалъ для того, чтобъ завтра уѣхать. Не было у него ни хозяйства, ни прислуги, никого близкаго и дни его шли въ молчаніи и одиночествѣ, какъ на подвигѣ.

Своя братія—духовенство—его не любило и не разъ пытались его ссадить съ прихода, но вступался народъ.

Онъ былъ хорошъ для него,—бралъ то, что даютъ, а иногда и ничего не бралъ, пилъ рѣдко, хоть и помногу, не путался съ сельскими богачами, не отказывалъ въ требахъ.

Были такіе, что съ осужденіемъ смотрѣли на его жизнь — грязную, неуютную и особенно безпорядочную оттого, что въ ней не было женщины, могущей внести уютъ и чистоту, были такіе, что обвиняли его въ пристрастіи къ винѣ, были и такіе, что говорили про него, будто онъ чернокнижникъ.

Служилъ онъ внимательно, не пропуская праздниковъ, проповѣди говорилъ короткія. И жилъ, какъ катился подъ гору, къ одной цѣли — смерти.

Разгорѣвшись, дрова гудѣли въ печкѣ упругимъ, плотнымъ звукомъ, и по комнатѣ распространялось ласковое, пріятное тепло.

Входилъ Матвѣй съ самоваромъ и неслышно ступая валенками, пробирался къ столу.

— Сидятъ въ темнотѣ, огня не зажечь, тоже народъ,—бормоталъ онъ, ставя самоваръ и щупая по темному столу лампу,— дѣло нашли передъ печкой сидѣть...

При свѣтѣ виденъ былъ весь неуютъ, вся заброшенность комнаты. Стояла въ безпорядкѣ мебель, старая, разнородная, съ поломанными ножками и ободранной мѣстами обивкой, обои висѣли клочьями, потолокъ былъ закопченъ и покрытъ трещинами, какъ старая, полупившаяся уже картина.

Но отъ идущаго отъ жерла печки тепла, также какъ отъ лампы подъ разбитымъ съ одной стороны голубымъ абажуромъ все это казалось не такимъ уже страшнымъ и неприглядным.

Выпивали молча первые стаканы и садились заниматься.

— Вотъ видишь ли, другъ Леонтій,— говорилъ попъ Иванъ, шагая изъ угла въ уголъ и внимательно обходя кривые столики и стулья,—уравненіе съ двумя неизвѣстными...

Онъ ходилъ, заложивъ руки назадъ и всунувъ ихъ тамъ за спиной въ рукава своего халатика, и говорилъ просто, умно и толково объясняя внимательно слушавшему Леонтію.

Порою онъ подходилъ къ столу, наливалъ себѣ полстакана крѣпкаго, чернаго, какъ деготь, чаю и выпивалъ его медленными глотками.

Когда кончали съ математикой, принимались за русскій.

Также не переставая ходить по комнатѣ попъ диктовалъ, изрѣдка

заглядывая въ разложенную на столѣ книгу, иногда подходилъ къ ученику и изъ-за его плеча смотрѣлъ въ тетрадь, и тогда Леонтій чувствовалъ крѣпкій запахъ застарѣлаго пота и слышалъ короткое, какъ будто сердитое, сопѣнье.

— Ай навралъ?—спрашивалъ онъ, оборачиваясь.

— Ничего, вали дальше...—отвѣчалъ попъ Иванъ и опять принимался шагать изъ угла въ уголъ.

Кончали диктовку, причинались за изложеніе.

— Вали-вали, ничего, братъ, старайся! — ободрялъ попъ Иванъ, когда Леонтій говорилъ, что трудно,—умнѣй будешь!..

— Того и хочу...

— Вотъ, вотъ... Послѣ на учителя экзаменъ держать будешь...

— Не скоро это!

— Чего не скоро? Ты и сейчасъ ужъ много знаешь... По веснѣ и держать можешь...

— Я не для того...—Леонтій молчалъ нѣсколько времени,— я самъ хочу. Чтобы хоть здѣсь-то не дуракомъ быть!

Попъ Иванъ смотрѣлъ на него внимательно и усмѣхался.

— Врешь, братъ Леонтій, уйдешь! Не стерпишь, уйдешь!

— А можетъ, и не уйду?

— Уйдешь... Тебѣ и теперь вонъ трудно здѣсь, не работой, не землей тамъ либо еще чѣмъ, а жизнью трудно, а какъ будетъ возможность уйти, такъ и уйдешь... Выросъ ужъ ты изъ мужицкой-то шкуры!

— Думается, не уйду...

— Ладно, всѣ такъ говорятъ-то, а чуть крылья-то пообросли— фють—и нѣтъ...

Леонтій думалъ нѣсколько времени и тихо говорилъ:

— Нельзя уйти вѣдь мнѣ... Кто-жъ здѣсь останется: отецъ старъ, братъ Кузьма—самъ знаешь...

Иногда, когда онъ былъ больше занятъ своей мыслью, чѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ, не замѣчая того, говорилъ попу Ивану ты. И часто во время рѣшенія какой-нибудь трудной задачи, нахмурившись и напрягаясь до поту, онъ останавливалъ попа:

— Нѣтъ, ты постой, дай обмозговать это...

Такія обращенія рождали чувство похожее на невысказываемую дружбу. Бывало такъ, что работа не позволяла придти Леонтію на урокъ, и это было жалко, хотя трудно было рѣшить, чего собственно: того ли, что прошло время безъ урока, или того, что онъ не видалъ попа Ивана. И попъ платилъ тѣмъ же: когда Леонтій не приходилъ дня три, онъ шелъ къ нему и справлялся—отчего.

Отецъ не любилъ попа, какъ не любилъ вообще поповъ, которыхъ считалъ дармоѣдами, сидящими на мужицкой шеѣ, но попа Ивана онъ не любилъ еще по многимъ причинамъ.

Онъ самъ былъ хорошимъ хозяиномъ, искренне и глубоко связаннымъ со своей землей—вся деревня ихъ жила на собственной землѣ, купленной лѣтъ двадцать тому назадъ,—чувствовалъ себя привязаннымъ къ той жизни, которою жилъ, потому что любилъ ее. Жизнь безъ труда и любви къ труду, также какъ жизнь безъ порядка и любви къ порядку—была для него непонятна и людей, живущихъ не работая и безпорядочно, онъ презиралъ и не любилъ. По этому самому онъ не любилъ попа Ивана.

Но къ этой нелюбви присоединялась еще другая, болѣе глубокая нелюбовь за то, что онъ бунтовалъ сына. Леонтій ходилъ къ нему учиться—это было непонятно—чему учиться парню, которому скоро самому быть хозяиномъ, женатымъ и серьезнымъ?—и грозило это невѣдомыми, но уже предчувствуемыми съ тоскливымъ опасеніемъ бѣдами.

Ужъ одно то, что двадцатичетырехълѣтній парень чему-то учится, теряетъ время, чего-то хочетъ—пугало.

Невысказанная, но всѣми ясно чувствуемая мысль о томъ, что Леонтію не нравится дома, что ему тяжело и трудно здѣсь, а главное, что онъ уже потерялъ связь—ту крѣпкую и такъ необходимо нужную крестьянину связь, съ домомъ, хозяйствомъ и землей, пугала незнакомой прежде безпомощностью.

Аверьянъ смотрѣлъ на сына и ждалъ; а тотъ ходилъ каждый вечеръ къ попу и молчалъ. И надо было крѣпко держать себя въ рукахъ, чтобы по какому нибудь пустяковому поводу не прорваться безудержнымъ гнѣвомъ.

Когда попъ Иванъ заходилъ въ избу, Аверьянъ съ особымъ

вниманіемъ и почтеніемъ, какія бываютъ только въ крѣпкихъ, обстоятельныхъ и полныхъ порядка домахъ къ сану священника, принималъ его, какъ бы желая этимъ почтеніемъ и внимательностью подчеркнуть безпорядочность жизни попа Ивана.

— Я знаю, что ты живешь безтолково и скверно и нѣтъ въ тебѣ ничего, за что можно бы тебя было уважать и почитать, —какъ бы говорилъ онъ своимъ обходительнымъ, достойнымъ обращеніемъ,— но ты попъ и я отношусь къ тебѣ такъ, потому что я настоящій крестьянинъ, настоящей крѣпкой семьи хозяинъ, знащій твердо и опредѣленно, что мнѣ надо дѣлать, какъ и съ кѣмъ поступать и обращаться...

Попъ Иванъ не замѣчалъ этого, такъ же свободно, какъ у себя дома говорилъ и, вставъ, ходилъ изъ угла въ уголъ. И часто, по странной для мало знавшихъ его привычкѣ, молча и по долгу смотрѣлъ невидящимъ взоромъ своихъ глубоко провалившихся глазъ прямо въ глаза собесѣдника, не слыша его и не отвѣчая ему.

И узнавъ, почему не былъ Леонтій, поговоривъ о пчелахъ— единственное чѣмъ занимался попъ Иванъ и на чемъ сходился съ нимъ Аверьянъ—уходилъ, приговаривая.

— Такъ ты приходи, Леонтій, смотри,—приходи...

Леонтій приходилъ, будилъ сначала сторожа Матвѣя, потомъ попа Ивана отъ послѣобѣденнаго сна, и они опять занимались, пили чай и говорили.

А послѣ урока попъ шелъ провожать Леонтія.

Уже была ночь и шла она медленно и лѣниво, такъ что казалось, что конца ей не будетъ. Давно всѣ спали, не кричали пѣтухи, молчали собаки. И ни одного человѣка нельзя было встрѣтить во всемъ селѣ. Черными и мертвыми стояли дома, задавленные сномъ и мракомъ.

Два человѣка шли улицей и, пока были въ селѣ, молчали.

Но въ полѣ было особенно пусто и тускло, и мутное небо висѣло такъ низко, и такъ безжизненно ровенъ былъ мертвый снѣгъ, что становилось жутко молчать.

— Какъ же вы, батя, назадъ-то... одни?—спрашивалъ Леонтій, пожимаясь отъ упорнаго и ровнаго вѣтра, не сильнаго, но холоднаго.

— А что жъ—дойду!—усмѣхался попъ Иванъ, — кто меня обидитъ!..

— Ты вотъ, говоришь, останешься,—продолжалъ онъ, крупно и сильно шагая и глядя въ землю, какъ ходилъ всегда,—жить, братъ трудно это... Вотъ что хочешь говори, не повѣрю, чтобъ остался... Потому что тебѣ уже тѣсно здѣсь и невозможно. Чтобы остаться—это надо больше силы, чѣмъ уйти!

— Какъ такъ?

— Такъ. Тебѣ вонъ сколько надо было силы, чтобъ премудрость всю эту одолѣть, одна диктовка да изложеніе чего стоитъ, а все не то.

Леонтій кутался въ полушубокъ и молчалъ. Онъ еще не уяснилъ себѣ въ точности, о чемъ говоритъ попъ Иванъ, но уже догадывался. И, слѣдя за ходомъ своей мысли, спрашивалъ:

— Вы жъ, батя, имѣли силу, чтобъ остаться?

— За то и вышло что? понимая его, отвѣчалъ попъ,—самъ чай видишь... Вышло то, что, какъ изъ семинаріи я въ попы выходилъ, насильно противъ себя по свѣтской части не пошелъ—надо была сила, чтобы съ тѣмъ, что позади меня было не рвать, чтобы цѣльность соблюсти и хоть малой искрой въ темнотѣ быть, а теперь силы нѣтъ, чтобъ уйти, понимаешь?

Не видно было, но судя по звуку голоса, должно быть, онъ оглядывался на Леонтія.

— А хотѣли бы? Т. е. теперь-то, чтобы уйти?—спрашивалъ тотъ.

— Я теперь ничего не хочу. Прежде хотѣлъ. Помирать мнѣ пора.

— Полно, батя, что говорить-то? Человѣкъ вы здоровый...

— А вотъ увидишь...

Они доходили до лѣса, въ которомъ незамѣтно съ этой стороны, уходила внизъ дорога.

— Ну, прощай. Завтра приходи. Работы-то особой нѣтъ?

— Теперь какая работа...

— Ну, такъ приходи. Обязательно приходи. Можетъ, сочиненіе напишешь, такъ вмѣстѣ просмотримъ. Главное дѣло не сты-

дись: что видишь, думаешь, то и пиши. Книжками не смущайся. Помни одно: они, тѣ-то, что книжки пишутъ — для народа это дѣлаютъ, а ты мнѣ одному показывать будешь, стало быть, коли и смѣшно будетъ, не бѣда. Прощай же!..

Онъ пожималъ своей огромной костлявой рукой руку Леонтія и, повернувшись, шелъ назадъ къ селу, запахиваясь отъ остраго встрѣчнаго вѣтра. Бѣличій халатикъ, одѣтый поверхъ подрясника, былъ ему коротокъ, изъ-подъ него торчали голенастыя длинныя ноги въ высокихъ мужицкихъ сапогахъ. И шапка-ушанъ, съ опущенными, но не завязанными подъ бородой наушниками. Совсѣмъ не похожъ на попа, коли глядѣть такъ на него издали. Будто еврей какой — старый, угрюмый, вѣчно занятый своей думой, за которой онъ слѣдитъ, глядя въ землю низко опущеннымъ лицомъ. Только что волосы длинные.

Леонтій шелъ домой и думалъ о попѣ. Чудной человѣкъ, а хорошій. Занимается, толкуетъ, объясняетъ. Скучно ему, должно быть.

Дома уже всѣ спали давно, но стопло только стукнуть въ окно легонько, какъ черезъ минуту мать отворяла дверь. Легокъ старушечій сонъ, а можетъ и не спала, прислушиваясь, не вернулся ли сынъ?

— Закрою, закрою, иди, холодно тутъ! говорилъ Леонтій, запирая дверь въ сѣняхъ,—еще застудишься, мать...

— Ничего, наше дѣло... — Она зѣвала въ темнотѣ и вздыхала.

— Отецъ-то опять сердился,—шептала она, когда уже были въ избѣ.

— Чего?

— А что къ попу ходишь... Уйдешь, говоритъ.

— Вотъ, заладили всѣ: уйдешь, да уйдешь!—сердито отозвался Леонтій, раздѣваясь,—ровно хочется вамъ, чтобъ ушелъ...

Мать долго молчала и не уходила къ себѣ за занавѣску.

— Боится онъ, сынокъ, зато и сердится, — шептала она,—я чтожъ, я ничего... Я какъ тебѣ лучше, сынокъ мой... Мое дѣло старое, только на васъ глядючи живу... Ѣсть-то будешь?

Леонтію было неловко, что мать какъ будто испугалась его сердитаго слова, но сказать ей, что онъ сердится не на нее, тоже было почему-то неловко.

Онъ сердился не на нее и не на отца даже, потому что и его онъ понималъ очень хорошо, а на что-то неуловимое, что поставило его въ странное положеніе.

Ничего онъ не дѣлалъ особеннаго, а какъ будто всѣ ждали отъ него чего-то и сердились. Но зато, что онъ можетъ уйти куда-то и зачѣмъ то, а зато, что онъ ничего не дѣлаетъ и заставляетъ ждать долго. Похоже было, будто всѣмъ хочется, чтобъ онъ ушелъ, что этимъ ожиданіемъ они будто обязываютъ его уйти, заставляютъ сдѣлать то, чего онъ и самъ не знаетъ.

— Нѣтъ, не буду, матушка, ложись ты!—отвѣчалъ онъ на вторичный вопросъ объ ужинѣ и ложился самъ на постеленномъ на лавкѣ сѣнникѣ.

Мать еще стояла, словно хотѣла еще что-то спросить, но не спрашивала.

— Иди, иди, ложись, устала чай! говорилъ онъ,—завтра опять ни свѣтъ ни заря подымешься...

Она шла за запавѣску и шуршала тамъ старымъ, свалявшимся въ комки постельникомъ.

— „Нѣтъ, ничего имъ нельзя объяснить!“ думалъ Леонтій, смутно чувствуя, что объяснить имъ всѣмъ всего невозможно было главнымъ образомъ потому, что трудно было самому разобраться во всемъ.

— Ничего не объяснишь... Не поймутъ они!..

И засыпалъ, безсознательно прислушиваясь къ самому дыханію спавшаго невдали брата-Кузьмы.

II.

У Леонтія были свои деньги. Деньги были небольшія, заработанныя въ кузницѣ ковкой и кое-какой мелкой работой и, не-

смотря на обиліе этой работы, у него никогда не скоплялось больше десяти, пятнадцати рублей.

Если зарабатывалъ больше, то отдавалъ отцу на общія надобности.

Но эти небольшія деньги позволяли ему пріобрѣтать нужныя книги, кое-какія принадлежности, завести готовальню, потому-что онъ учился чертить, увѣряя себя, что дѣлаетъ это онъ просто такъ, для интереса, а въ сущности тая глубокую и скрытую надежду, въ которой и самъ-то боялся себѣ признаться, поступить въ какое-нибудь агрономическое училище.

Онъ все хотѣлъ начать откладывать хоть часть этихъ денегъ для будущаго—темнаго и неяснаго, того самаго, въ которомъ онъ боялся признаться себѣ, но выходило такъ каждый разъ, что откладывать было нечего.

Чѣмъ дальше учился онъ, тѣмъ больше требовалось книжекъ и пособій и на это уходили всѣ сбереженія. И было еще одно, на что онъ тратился: время отъ времени онъ ѣздилъ въ городъ къ двоюродному брату попа Ивана, студенту духовной академіи.

Уже послѣ Пасхи, улучая послѣднее время предъ работами,—Пасха въ томъ году была ранняя, а весна запоздала и снѣгъ лежалъ мертвой, кое-гдѣ уже тронувшейся разложеніемъ, пеленой на ожидающей тепла землѣ—Леонтій собрался въ городъ.

Отецъ сумрачно посмотрѣлъ на него, когда онъ объявилъ объ этомъ дома, и ничего не сказалъ. Должно быть чуялъ старикъ неладное, потому что боялся хоть чѣмъ-нибудь отозваться на слова сына, чтобы долго сдерживаемое опасеніе не прорвалось ссорой.

Глядѣлъ только угрюмо и недовѣрчиво и когда былъ одинъ—съ большой и безпомощной тоской въ душѣ качалъ головой. Не быть Леонтію трудникомъ, не къ тому идетъ парень. И это было обидно, потому что въ этомъ была измѣна всему тому, что было его, стараго, жизнью: извѣчному укладу, имъ старикамъ, крестьянству, а главное землѣ, той самой землѣ, что потомъ и трудомъ вложеннымъ въ нее, держала какъ тяжкой, но незамѣтной цѣпью его старую жизнь.

— „Уйдетъ—пить дать уйдетъ!—думалъ старикъ, останавли-

ваясь во внезапной задумчивости гдѣ-нибудь въ хлѣвѣ или у клѣти, — уйдетъ, перекинется на ихнюю сторону, ихней линіей гнуть будетъ... Что же это такое?»

Онъ разводилъ руками и смотрѣлъ затуманеннымъ взоромъ на свою «худобу» — крѣпкую, не старую еще избу, которую строилъ онъ, когда купили у барина всей деревней землю и когда Леонтію было четыре года, — строилъ на вѣкъ—крѣпко и добротно, какъ дѣлалъ все для себя, и думалъ, что внуки внуковъ его будутъ жить въ ней, освященной десятками предыдущихъ рожденій и смертей. Вилъ гнѣздо и до каждаго гвоздя доходилъ самъ, не вѣря островнямъ-плотникамъ, потому что важно это было не для него, а для тѣхъ, что будутъ послѣ него.

— Васятка?! Да малъ еще, Господь вѣдаетъ, что будетъ съ него да и тоже сманится... Поглядитъ на брата въ господскомъ положеніи и самъ не стерпитъ... А Кузька — божій человѣкъ — гнѣздовикъ плохой...

И лежа ночью рядомъ со старухой, когда Леонтій сидѣлъ у попа, а Кузьма съ Васяткой спали, такой обычно суровый и малоговорящій, порой крѣпко прикрикивающій на свою сухонькую и робкую бабу—шепталъ тихо и жалобно.

— Уйдетъ, ахъ, чуетъ мое сердце, не оставаться ему здѣсь... Ахъ, старуха, старуха, что же дѣлать мы будемъ, старые, да брошенные?..

Онъ говорилъ такъ, будто боялся за то, какъ дожить имъ старымъ и брошеннымъ, когда трудникъ-сынъ уйдетъ и некому будетъ работать, но старуха понимала, что не тѣмъ болитъ его душа. Какъ останется все, что съ такимъ трудомъ, болью и глубокимъ прячущимся восторгомъ сдѣлано имъ, собрано и заведено, какъ броситься это и развалится и разойдется по чужимъ рукамъ все, надъ чѣмъ думалъ, болѣлъ и радовался онъ. И еще понимала старуха, что не это ему больно, конечно и это, но еще одно: безплодность большой и важной мечты его цѣлой жизни, какъ безплодность собиранія, стройки, обдумыванія всего, до послѣдняго гвоздя, безплодность заводки этого гнѣзда «на вѣкъ».

Она вздыхала, ежилась своимъ маленькимъ, высохшимъ тѣломъ, и утѣшала его.

— Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше... Не тужись, Аверьянъ Прохорычъ, никто какъ богъ... Тоже, когда разумъ отъ бога даденъ, талантъ въ руки дался—отъ мужицкаго ярма шея болитъ.

Она ссылалась на бога и на талантъ, а Аверьянъ понималъ, что хотѣла она сказать о томъ, что пусть больно, пустъ обидно, пусть душа скорбитъ, да ему-бы лучше было.

И въ тайнѣ согласный съ ней, вертѣлся на старой кровати, гдѣ родился этотъ самый Леонтій и гдѣ онъ самъ, старикъ, умретъ должно быть, и вздыхалъ сокрушенно:

— Ахъ, старуха, старуха...

Провожалъ Леонтія на станцію братъ Кузьма. Ловко и сильно привычнымъ движеніемъ перенося костыль, ковылялъ рядомъ и перечислялъ, что надо купить въ городѣ.

— Значитъ купишь ты въ рядахъ, — говорилъ онъ, отгибая на лѣвой незанятой рукѣ пальцы,—рашпель новый, хорошій... гляди съ птицей выбирай, тамъ на поручнѣ птица такая, выдавлена, галка али какая тамъ... Послѣ коловоротъ аглицкій—вотъ какъ у столяра захонскаго видали, добра гораздъ штука... Да перки выбирай гляди: одну толстую, одну среднюю и махонькую одну... Ну послѣ камень-точило, да брусокъ. Брусокъ-то получше возьми, тамъ въ рядахъ Иванъ Иванычу желѣзняку скажи, онъ не обманетъ... А коли его не будетъ, такъ брату Лексѣй Иванычу—у нихъ честно. Да газетъ, которыя старыя, ему не нужныя въ своего студента попроси. Скажи, молъ, будто на цыгарки, такъ-то неловко... Кажись все теперь?

— Кажись все,—улыбнулся Леонтій.

— Да, все. А книжку-то Васяткѣ, помнишь даве говорилъ съ картинками будто?!. Не пожалѣй ты тридцать копѣекъ, что—живое дѣло, я послѣ отдамъ половину-то, какъ съ Максима за подсѣделокъ получу...

— Да я куплю, чего тамъ...

— Не забудь гляди, то парню обиды на годъ будетъ.

Онъ посмотрѣлъ на брата и улыбнулся.

— Да, гляди, самъ не останься тамъ... Тоже дѣловъ надѣлаешь тогда...

— Ты придумаешь!

Они не говорили между собой, зачѣмъ учится Леонтій, но братъ-Кузьма одобрялъ это и сочувственно подмигивалъ, когда тотъ собирался на урокъ или занимался дома. Было не высказанное, но ясно понимаемое между ними, такое, о чемъ они боялись какъ будто говорить вслухъ, потому что ничего еще не выяснилось.

Братъ-Кузьма былъ грамотенъ, но учился мало и ежели-бы не калѣчество его — работалъ бы дома и никуда не стремился бы изъ деревни. И можетъ быть въ силу этого, то, что братъ учится, до чего-то доходитъ, къ чему-то готовится, то, что у него есть особая своя жизнь съ своими интересами и капризами, для него недоступная и неизвѣстная—ему нравилось и волновало его.

Онъ былъ калѣка — но можетъ быть потому, что несчастіе случилось съ нимъ въ дѣтствѣ и горечь обиды его мелькнула по дѣтской душѣ легко и безслѣдно, а можетъ быть въ силу врожденной мягкости его, но оно не озлобило его, не сдѣлало ненавистникомъ, такъ же какъ не дало возможности уйти въ работу и сковать себя прочной и тяжелой цѣпью съ землей, какой былъ скованъ отецъ.

Отъ этого онъ не злобился на брата, что тотъ можетъ уйти въ городъ, а радовался за него, потому что тягота грубой крестьянской жизни давила его мягкую добрую душу.

У него не было того, что было у другихъ, чтобъ смягчить ее: муки и радости крестьянскаго труда, и потому отзывалось на немъ больнѣе, чѣмъ на другихъ.

Но онъ ждалъ, покуда Леонтій самъ рѣшитъ и скажетъ старикамъ.

И потому, когда тотъ стоялъ уже на площадкѣ вагона, онъ опять полушутливо крикнулъ ему:

— Гляди-жъ, не останься! Да книжку-то Васяткѣ не забудь, съ картинками!

III.

День, въ который пріѣхалъ Леонтій въ городъ, была суббота. Изъ дому онъ выѣхалъ передъ вечеромъ и покуда проѣхалъ три станціи до города — вечеръ наступилъ и въ свѣтломъ еще, но уже по вечернему глубокомъ небѣ кое-гдѣ проступили блѣдныя звѣзды.

Еще не зажигали фонарей на улицахъ, но уже въ окнахъ домовъ свѣтились огни, и красный, напряженный свѣтъ ихъ мерцалъ въ синихъ сумеркахъ загадочно и чуждо.

Закрывались лавки — подъ праздникъ раньше, чѣмъ обыкновенно, и суетливые веселые приказчики съ грохотомъ опускали желѣзныя занавѣси и гремѣли ключами. Сновалъ народъ—и чѣмъ ближе къ центру города, тѣмъ больше, и надъ темнѣющими, подернутыми ранними зимними сумерками корридорами улицъ, тѣсными отъ высокихъ сумрачныхъ домовъ, вздрагивая и колыхаясь, плылъ густой и тягучій звонъ соборнаго колокола.

Братъ попа-Ивана, студентъ духовникъ, жилъ на противоположномъ отъ вокзала концѣ города и идти было далеко.

Леонтій прошелъ соборъ, у освѣщенныхъ дверей котораго еще издали можно было видѣть черную толпу народа и выстроившихся двумя рядами далеко по площади нищихъ, гнусавыхъ и ободранныхъ, прошелъ крытый мостъ, называвшійся почему-то американскимъ, прошелъ еще церковь.

И здѣсь въ оградѣ передъ дверями толпился народъ, гнусили нищіе и по временамъ, отдаленнымъ и затушеваннымъ аккордомъ, прорывалось въ открывающуюся помпнутно дверь пѣніе.

У воротъ ограды Леонтій пріостановился послушать, но толстый, закутанный въ большую шубу, человѣкъ, по виду торговецъ, мелькомъ посмотрѣлъ на него и проворчалъ недовольно:

— Чего сталъ, ротъ разинулъ? Пройти не даетъ тоже... Экая сѣрость деревенская...

И прошелъ, сердито посапывая и запахиваясь полой шубы.

Леонтій тронулся — и не успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ по всей, далеко уходящей впередъ улицѣ, въ быстрой и

неожиданной очереди, вспыхнулъ и затрепеталъ широкими неувѣренными взмахами, какъ садящаяся съ быстраго лету птица крыльями, бѣлыми длинными лучами сначала одинъ фонарь, потомъ другой, потомъ третій, еще и еще, и цѣпь фонарей протянулась по улицѣ длинной нитью круглыхъ блестящихъ бусъ.

Это было неожиданно и красиво, и странно было отъ ровнаго синеватаго свѣта, подъ которымъ взрытый ѣздою снѣгъ сверкалъ яркими голубыми искрами, а тѣни на немъ чеканились четко и опредѣленно, какъ вырѣзанныя.

А еще было странно отъ мысли, что вотъ идетъ онъ, деревенскій парень Леонтій, по улицѣ и идетъ много еще всякаго народу, ѣдутъ извозчики—пришелъ часъ, когда плохо видно—и кто-то, кого ни онъ, никто изъ идущихъ и ѣдущихъ не знаетъ, о комъ никто не думаетъ — повернулъ какую-то ручку и одинъ за другимъ вспыхнули и забились длинными бѣлыми лучами фонари. И всѣмъ стало хорошо и удобно, а онъ, сдѣлавшій это, и не думаетъ объ этомъ, сидя у себя на станціи и поглядывая на часы.

— Занятно! — пробормоталъ Леонтій, подходя къ знакомому длинному одноэтажному дому, гдѣ жилъ поповъ братъ.

Онъ не успѣлъ додумать, что собственно занятно—то-ли, что въ городѣ удобно и хорошо жить, или то, что тотъ, что сидитъ на станціи и по часамъ повертываетъ ручку, совсѣмъ даже не знаетъ о его, Леонтія, существованіи, какъ вошелъ въ ворота и поднялся по невысокому чистому крылечку.

У студента были гости, это Леонтій понялъ, едва только вошелъ въ узкій, слабо освѣщенный плохонькой керосиновой лампочкой, коридоръ, замѣнявшій переднюю. Изъ дверей комнаты, что занималъ студентъ, слышались голоса и смѣхъ и толстая, знакомая уже Леонтію прислуга меблированныхъ комнатъ Марьюшка, поставивъ на полъ самоваръ, обдувала и отирала его передникомъ, передъ тѣмъ, какъ внести въ комнату.

Она внесла самоваръ и должно быть сказала студенту о пришедшемъ, потому что сразу же послѣ этого онъ вышелъ въ коридоръ.

— А-а, черноземная сила!—заговорилъ онъ, подходя и здороваясь,—что давно не видно было? Я все поджидалъ, все поджидалъ, все нѣтъ!..

Онъ былъ высокъ и необычайно худъ, такъ что длинный сильно поношенный сюртукъ висѣлъ на немъ широко и свободно, какъ взятый съ чужого плеча.

Они поздоровались и Леонтій ощутилъ въ своей рукѣ сухую костлявую руку студента. Тотъ тряхнулъ руку разъ и другой, заглядывая въ глаза какъ-то по особенному добрымъ и внимательнымъ взглядомъ, и очевидно хотѣлъ сказать что-то, но не сказалъ, и такъ, не выпуская руки Леонтія, повелъ его въ комнату.

Леонтію было неловко отъ этого, потому что онъ былъ человѣкъ застѣнчивый и отъ непривычной городской обстановки, также какъ отъ непривычныхъ городскихъ людей, связи съ которыми онъ не чувствовалъ, ему казалось, что студентъ нарочно ввелъ его къ своимъ гостямъ за руку, чтобъ показать имъ, что въ томъ, что у него бываетъ крестьянинъ и онъ хорошо и дружески знакомъ съ нимъ—нѣтъ ничего особеннаго.

Гостей было четыре человѣка. Одинъ студентъ университета—толстый и бородатый съ веселыми, заплывшими толстыми складками жирнаго лица глазками и короткими пальцами рукъ, которыя онъ держалъ на столѣ, маленькій юркій господинъ въ пенснэ и въ косовороткѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ пиджакъ—и были еще двѣ барышни.

На барышень Леонтій только разъ взглянулъ и то мелькомъ, и когда здоровался, то опустилъ глаза и руку тотчасъ же принялъ, почти выдернулъ. Ужасно неловко было сидѣть рядомъ съ ними и чувствовать на себѣ ихъ пытливые, любопытные взгляды.

— Отлично, что пріѣхалъ, — говорилъ студентъ, заваривая чай,—Марьюшка, еще стаканчикъ!..

Марьюшка ушла и долго не возвращалась. И когда принесла наконецъ стаканъ, то поставила его небрежно у самовара и ушла быстро.

Она была добрая женщина, но считала унизительнымъ слу-

жить деревенскому мужику, котораго считала по неотесанности безконечно ниже себя.

Первое время всѣмъ было какъ будто неловко и не знали, о чемъ говорить. Только одинъ университетскій студентъ попрежнему свободно сидѣлъ, откинувшись на спинку дивана, и поглаживалъ своими пухлыми руками скатерть на столѣ, весело и чуть-чуть насмѣшливо на всѣхъ поглядывая.

Видно было, что ему ничуть не неловко и что онъ дѣйствительно не видитъ ничего страннаго въ томъ, что пришелъ Леонтій. Поэтому, когда онъ заговорилъ—Леонтію показалось, что говоритъ онъ не для того, чтобы замять наступившую съ его приходомъ неловкость, а просто продолжаетъ то, о чемъ говорили раньше.

Говорили о какой-то книгѣ, которую всѣ должно быть читали, и, говоря, ссылались на раньше прочитанныя книги, которыя всѣ знали.

Сначала просто разговаривали, а потомъ заспорили и спорили такъ, что можно было подумать, что дѣло идетъ не о книгѣ, а объ важнѣйшемъ дѣлѣ ихъ жизни.

Леонтію казалось страннымъ, какъ можно такъ горячиться и говорить такія непріятныя вещи другъ другу (выраженія, часто употреблявшіяся спорщиками, вродѣ: какъ же ты не видишь того-то и того то, или: я вижу, что ты не можешь понять главной мысли..., или просто: экую ерунду ты порешь—смущали его) изъ-за того, чего въ сущности никогда не было, и что выдумалъ какой-то неизвѣстный имъ человѣкъ, котораго они называли авторомъ.

О томъ, что описанное этимъ авторомъ было не истинное происшествіе, не быль, а выдумано, Леонтій понялъ изъ нѣсколькихъ замѣчаній споривщихъ, доказывавшихъ одинъ другому, что авторъ, когда писалъ ту или другую сцену — хотѣлъ показать то-то или то-то, а ежели бы онъ хотѣлъ показать другое, то написалъ бы—т. е. сочинилъ бы, иначе.

Это казалось страннымъ Леонтію, потому что онъ всею своею жизнью привыкъ придавать значеніе только тому, что случилось

или случится въ дѣйствительности, а главнымъ образомъ, что такъ или иначе имѣетъ или можетъ имѣть отношеніе къ его существованію.

Говорить же о томъ, чего не было, что не будетъ, и что никоимъ образомъ не относится къ жизни присутствующихъ, и еще спорить и говорить другъ другу непріятности изъ-за этого — не стоило, какъ не стоило большимъ людямъ заниматься разсказываніемъ другъ другу сказокъ.

Но они спорили и говорили, и въ томъ, что они съ одинаковымъ интересомъ относились къ разговору, Леонтію чудилась какая-то особенная связанность ихъ между собой.

Онъ зналъ, т. е. понялъ изъ обращенія ихъ другъ къ другу, что всѣ они были люди другъ другу чужіе, не связанные родствомъ. Всѣ они прожили каждый въ своей семьѣ, и даже нѣкоторые въ разныхъ городахъ, учились каждый въ своей школѣ—такъ, студентъ-хозяинъ былъ духовный академикъ, другой студентъ университета, юркій господинъ въ очкахъ служилъ въ земствѣ и былъ агрономомъ (съ нимъ по этому самому Леонтій хотѣлъ поговорить отдѣльно), барышня одна училась на какихъ-то курсахъ, а другая только что кончила гимназію, — но было похоже, будто всѣ они родились въ одной семьѣ, воспитывались въ одинаковой обстановкѣ, учились въ одной школѣ.

Похоже это было главнымъ образомъ потому, что они понимали другъ друга съ полуслова, понимали намеки, ссылки на то, о чемъ Леонтій не имѣлъ представленія. Видно было, что у всѣхъ ихъ было одно общее прошлое, чуждое совсѣмъ Леонтію, спаявшее ихъ въ одну общую, связную и понятную имъ семью.

Разговорившись, они уже перестали стѣсняться присутствіемъ Леонтія и тѣмъ, что онъ все время молчитъ и только студентъ-хозяинъ время отъ времени, въ перерывахъ разговора, оборачивался къ нему и, хлопая дружески по плечу или колѣну, приговаривалъ:

— Такъ-то, Леонтій Аверьянычъ, черноземная сила!..

И, чувствуя, что тому неловко сидѣть при непонятномъ для него разговорѣ, пытался перемѣнить его.

Это замѣтила одна изъ барышень и, подсѣвъ ближе къ Леонтію, стала разспрашивать его о семьѣ, о работѣ, о деревнѣ.

Была она востроносенькая, съ сѣрыми большими глазами и высокимъ чистымъ лбомъ, надъ которымъ волоса были раздѣлены правильнымъ проборомъ и двумя вьющимися, аккуратно подобранными волнами спускались по сторонамъ лица, совершенно закрывая уши. Сзади волоса были заплетены въ двѣ толстыя, завитыя на концахъ косы, и это Леонтію казалось особенно красивымъ и новымъ.

Одно не нравилось сначала ему въ барышнѣ—это то, что при улыбкѣ у ней открывались не только зубы—чистые и бѣлые, какъ сахаръ, а и часть десны, розовой съ ясно намѣченными основаніями зубныхъ корней, прятавшихся въ ней.

Первое время это особенно смущало его и онъ не разъ думалъ:

— Экъ, скалится-то какъ!

Но потомъ привыкъ и барышня ему очень нравилась. Она тоже очевидно смущалась, хотя не хотѣла показывать этого, и въ томъ, что она разспрашивала его про неинтересныя, какъ думалъ Леонтій, для нея вещи, ему казалась особенная любезная внимательность, которая должна была сгладить его неловкое положеніе.

Они проговорили бы съ барышней долго, ежели бы вниманіе Леонтія не было отвлечено общимъ разговоромъ за столомъ.

Говорили о какомъ-то случаѣ съ какимъ-то уѣзднымъ священникомъ и заинтересовалъ Леонтія не самый случай, также какъ и не мѣсто происшествія, а отношеніе присутствующихъ опять-таки не къ случаю и не къ тому, что было связано съ нимъ или слѣдовало изъ него, а къ священникамъ вообще.

Леонтій плохо слышалъ разсказъ про случай и разговоры о немъ, и не понималъ, почему всѣ говорившіе такъ отзываются о попахъ. Ничего осуждающаго не было сказано, но всѣ какъ-то улыбались, подшучивали и говорили о нихъ, какъ будто что-то было уже рѣшено относительно священниковъ, давно и окончательно сказано, при томъ весьма для священниковъ не лестное.

— Да, ужъ наши попики!—усмѣхнулся студентъ хозяинъ,—народъ дошлый, что и говорить!..

— Пакостный народъ!—замѣтилъ, поправляя плохо державшееся пенсне, земскій агропомъ.

— И ни пакостный, и ни дошлый, а просто чиновники,— рѣшилъ толстый студентъ, закуривая,— ни хуже и ни лучше другихъ чиновниковъ...

Они поговорили еще—и опять выяснилось, что всѣ они знаютъ что-то, чего не знаетъ Леонтій. И это извѣстное, давно уже у нихъ рѣшенное и сданное подъ этимъ рѣшеніемъ въ архивъ, смущало его, такъ какъ онъ даже не зналъ, въ чемъ дѣло.

Получалось впечатлѣніе отчужденности. Какъ будто въ сжившуюся, согласную семью вошелъ чужой человѣкъ, который не знаетъ и не можетъ знать всего, что знаютъ члены семьи, и отъ этого ему неловко, какъ отъ того, что онъ пришелъ и стѣснилъ ихъ— стыдно.

Послѣ чаю, котораго всѣ пили много и безпорядочно, оставляя недопитыя стаканы и выливая оставшійся, чтобы налить свѣжаго, одну изъ барышень—не ту, что говорила съ Леонтіемъ, а другую— черноволосую и высокую, просили спѣть.

Откуда-то появилась гитара и толстый студентъ ловко и отчетливо проигралъ что-то.

Барышня запѣла—и пѣла она должно быть очень хорошо, потому что всѣ слушали съ вниманіемъ и по лицамъ видно было, что слушать имъ пріятно, но Леонтію не нравилось то, что она поетъ.

По его разумѣнію она пѣла что-то такое, о чемъ и говорить-то стыдно было бы, не то, что пѣть, да еще дѣвушкѣ. Она пѣла о томъ, что въ ея груди (Леонтій невольно посмотрѣлъ при этихъ словахъ на высокую неровно подымавшуюся грудь пѣвшей) кипитъ страсть и по смыслу выходило, что страсть это есть ни что иное, какъ просто этой дѣвицѣ нужно скорѣй выходить замужъ. Потомъ она пѣла о томъ, что она ждетъ кого-то, а онъ не приходитъ, и страсть у ней кипитъ до того, что она обѣщаетъ ему всяческія удовольствія.

Леонтій мелькомъ взглянулъ на барышню, думая увидѣть на ея лицѣ отраженіе неловкости, того, что ей стыдно пѣть это, но

сй, по всѣмъ видимостямъ, стыдно ничуть не было. Даже наоборотъ, ей нравилось какъ будто даже выводить завывающимъ и тянущимъ голосомъ эти срамныя слова и никому отъ нихъ не было стыдно, а всѣмъ нравилось.

Когда она кончила, всѣ захлопали и стали выражать удовольствіе.

— Однако вы поставили себѣ голосъ!—сказалъ толстый студентъ непонятныя Леонтію слова,—что жъ, въ консерваторію?

— Удивительно просто, эти переходы въ фальцетъ—чистый, ясный, какъ струна звенитъ!—восхищался агрономъ, а студентъ-хозяинъ поддакивалъ ему.

И всѣ говорили о томъ же и тутъ Леонтій понялъ одно удивившее его очень обстоятельство: говорили не о пѣснѣ, не о смыслѣ ея—что, казалось бы, было самое важное, а о томъ, какъ протянула голосомъ барышня въ томъ или другомъ мѣстѣ, какъ она вскрикнула тамъ то и какъ замеръ послѣдній звукъ.

Онъ думалъ, что онъ чего нибудь не понялъ и ошибся, и хотѣлъ разспросить потихоньку у хозяина, но они стали прощаться и вмѣстѣ со всѣми поднялся и онъ.

— Намъ съ тобой и поговорить-то не пришлось!—говорилъ на прощанье студентъ-хозяинъ, хотя, какъ Леонтію казалось, можно было свободно поговорить, сидя вмѣстѣ два съ лишкомъ часа,—завтра придешь? Приходи, поболтаемъ!..

Вышли изъ воротъ кучей и нѣкоторое время шли вмѣстѣ, потомъ распрощались. Агрономъ и толстый студентъ пошли провожать барышень, а Леонтій зашагалъ въ чайную, гдѣ останавливался всегда при пріѣздѣ въ городъ, и которую содержалъ кумъ его отца Аверьяна.

Ему хотѣлось разспросить агронома объ училищѣ, о пріемныхъ экзаменахъ и онъ началъ было, но тотъ былъ больше занятъ своей барышней, и приставать къ нему было неловко.

Леонтій шагалъ въ мертвенно-бѣломъ электрическомъ свѣтѣ по странно свѣтлой и пустой улицѣ и съ тайнымъ изумленіемъ прислушивался къ смутной и неясной тоскѣ, неизвѣстно отъ чего появившейся въ немъ.

Городъ спалъ—и неизвѣстно для кого горѣли правильной цѣпью, какъ нанизанные на невидимую нитку бусы, уходящіе вдаль прямой широкой улицы фонари.

Отъ ихъ ли неживого, холоднаго свѣта, или отъ того, что за всю дорогу Леонтій встрѣтилъ только одного извозчика, спавшаго перегнувшись черезъ передокъ саней и одного городового, подозрительно и недружелюбно оглядѣвшаго его изъ-за заиндѣвѣвшаго обмерзшаго башлыка, но чувство страннаго одиночества, полной отчужденности, даже какъ будто заброшенности въ этомъ большомъ и свѣтломъ городѣ давило грудь, словно тамъ, гдѣ-то у самаго сердца лежалъ твердый и неудобный камень.

— О чемъ я? Да!—думалъ Леонтій, силясь вспомнить, что бы могло за сегодняшній день случиться съ нимъ такого, отчего было это непріятное чувство,—да, студентъ... За руку ввелъ... молъ не гнушаюсь, глядите! И поняли, они другъ друга не говоря понимаютъ! и эта, поетъ-то что... Экая безстыдница, право!.. Али я не такъ понимаю? Нѣтъ не то, не то...

— Такъ что же?

Онъ старался припомнить еще что-то, что-то очень важное, что непосредственно казалось его, и того, что онъ учится и хочетъ поступить въ училище и жить среди нихъ—и не могъ.

Моментами касалось, что вотъ-вотъ вспомнитъ онъ это важное—но моментъ проходилъ и оно неуловимо исчезало, насмѣшливо вильнувъ куда-то въ сторону.

И уже когда лежалъ въ чайной, въ проходной каморкѣ, отдѣленной отъ кухни жиденькой досчатой перегородкой, и прислушивался, какъ тутъ же за стѣнкой кухни щелкали бильярдные шары и переговаризались хриплые голоса игравшихъ ночныхъ извозчиковъ, онъ съ той же тоской и темнымъ сожалѣніемъ думалъ:

— Нѣтъ, не ко двору я имъ, не бывать мнѣ въ училищѣ, пожалуй!..

И чувствуя въ душѣ горькій осадокъ чего-то неяснаго, непонятнаго, враждебнаго и раздражающаго, кутался плотнѣе въ шубу, старался заснуть—и не могъ.

IV.

Весна была поздняя и въ половинѣ апрѣля снѣгъ лежалъ все той же мертвой, холодной пеленой, что и въ серединѣ зимы.

Тщетно старалось солнце отогрѣть уснувшую землю, тщетно гнало оно днемъ снѣгъ съ крышъ и онъ стекалъ мутными быстрыми ручьями и скоплялся темными лужами у стѣнъ—приходила ночь, и крѣпкій морозъ опять сковывалъ все—развѣшивалъ по краямъ крыши стеклянную бахрому сосулекъ, сжималъ разрыхлѣвшій было снѣгъ и подъ утро, когда небо свѣтлѣло и холодный, синій свѣтъ шелъ отъ него—весна и тепло казались далекими и несбыточными, какъ старая, привычная мечта.

Но разъ вечеромъ свинцово-сѣрая гряда облаковъ на западѣ разорвалась и краснымъ пылающимъ свѣтомъ протянуло небо.

Аверьянъ долго глядѣлъ на этотъ просвѣтъ, на разорванныя, похожія на клубы безпорядочно расклочившагося дыма, облака и слушалъ: лѣсъ гудѣлъ безпокойно и тревожно, а въ рѣкѣ подо льдомъ по особенному журчала вода и выплескивалась въ прорубяхъ буйно... А сама была мутная, бурая и несла невѣдомо гдѣ набранныя соломинки, конскій пометъ, щепки.

— Быть вѣтру нынче!—рѣшилъ Аверьянъ,—весна!.

И дѣйствительно въ ночь подулъ сырой и могучій вѣтеръ и къ утру неуловимо измѣнилъ все.

Огромныя лужи стали по выѣзженнымъ черпымъ колеямъ дороги, что-то журчало подъ пухлыми пластами снѣга, раздувшагося и потемнѣвшаго, какъ тронутый тлѣніемъ трупъ, и длинныя, намерзшія на углахъ и краяхъ крыши сосульки неожиданно срывались и со звономъ разсыпались на тысячи кусковъ.

А на мѣстахъ повыше уже запестрѣли черныя проплѣшины вязкой пахучей земли.

Рѣка совсѣмъ взбунтовалась и широкія закраины отдѣлили ее черными каймами, въ прорубяхъ вода кипѣла какъ въ котлѣ и побѣдоносно разсказывала о случившемся гдѣ-то далеко, тамъ, откуда бѣжала она, чудѣ весны.

Лѣсъ гудѣлъ по прежнему тревожно, но уже сдержанный восторгъ былъ въ его шумѣ и этому теплу онъ уже вѣрилъ.

А когда на слѣдующую ночь вдругъ надвинулся туманъ, густой и плотный, осѣдавшій на стѣнахъ домовъ, на хлѣвахъ, на вытопленныхъ баняхъ крупными, задумчивыми каплями—въ немъ вдругъ все завозилось, засуетилось, зажурчало, стало рушиться, звенѣть, куда-то падать, куда-то уплывать и новый, знакомый и терпкій запахъ—запахъ раскрывшейся оттаивающей земли смѣшался съ запахомъ талаго снѣга, мокрой подопрѣвающей на крышахъ соломы, сырости и ползущаго по низамъ дыма.

И когда выяснило—все стало другимъ и новымъ, словно тысячи невидимыхъ рабочихъ, пользуясь короткимъ антрактомъ, когда туманъ плотной занавѣсью закрылъ все, быстро, ловко и умѣло переставили декораціи.

Тогда началась настоящая весна, живая и неуловимая, съ тихими зорями въ теплѣвшемъ синемъ небѣ, съ утренними заморозками, подбиравшими ненужную грязь, съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ легкой зелени въ голомъ еще и по осеннему свѣтломъ лѣсу, уже пробудившемся, уже полномъ жизни.

Набухали почки и, готовыя лопнуть, тянулись къ небу на черныхъ прутьяхъ вѣтвей и молодая острая щетина травы лѣзла изъ подъ черныхъ прошлогоднихъ листьевъ, и гдѣ-то въ темной гущѣ кустовъ непрерывно звенѣлъ пробудившійся ручей.

И уже по вечернимъ зорямъ, когда спускалось красное весеннее солнце и небо жило еще его теплыми пылающими лучами, поднимались съ болотистыхъ мочлявинъ вальдшнепы и, поскрипывая, чертили голубой сумракъ надъ голыми черными верхушками замершихъ деревъ.

И зайцы вылѣзали на подсыхающія пашни и оглядывались кругомъ осторожно и кричали призывно...

А ошалѣвшая отъ любовнаго восторга, тепла и свѣта кукушка начинала куковать, но не выдерживала и хохотала зычно на весь лѣсъ...

Въ такое время Леонтій по настоянію отца и матери отпра-

вился въ пригородъ за двѣнадцать верстъ къ знакомому огороднику за разсадой для огорода.

Онъ ѣхалъ по дѣлу и всѣ въ семьѣ говорили, что онъ ѣдетъ для того, чтобъ привести нужную разсаду, но потому что старикъ Аверьянъ велѣлъ запречь не ходившую въ работѣ кобылу Лысуху, старую уже съ начинавшей бѣлѣть вислогубой мордой, а молодого караковаго мерина, купленнаго этой зимой у чухны на ярмаркѣ и знаменитаго во всей округѣ своимъ ходомъ; потому что сбрую велѣлъ взять не обыкновенную рабочую, а праздничную съ яркимъ наборомъ и двумя бубенчиками на уздѣ; потому, что телѣгу запрягли тоже не рабочую, а городскую, на желѣзныхъ осяхъ и, наконецъ, потому, что мать, сосредоточенно поджавъ губы, долго рылась въ клѣти въ сумеркахъ и вынесла Леонтію одѣться новую рубаху, пижакъ и лакированные сапоги, которые онъ одѣвалъ только на праздникъ—видно было, что поѣздкѣ этой кромѣ разсады придается и еще другое, болѣе важное значеніе.

Братъ Кузьма точалъ новый хомутъ кому-то на село и поглядывалъ кругомъ, ухмыляясь. Такъ же какъ и всѣ—онъ зналъ въ чемъ дѣло, но не говорилъ ничего вслухъ, какъ не говорили всѣ: а вдругъ ничего не выйдетъ и тогда будетъ неловко за сказанное, между тѣмъ какъ промолчавъ теперь, ежели ничего не выйдетъ, можно сдѣлать видъ, что ничего въ сущности и не было и никто ничего не думалъ.

Леонтій одѣлся и, когда прощался дома, то мать, по бабьей слабости своей, всхлипнула, а отецъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ неопредѣленно:

— Ну, ты-жъ смотри тамъ какъ лучше...

И вышло такъ, будто Леонтій ѣхалъ не за двѣнадцать верстъ за капустной разсадой, а отправлялся въ дальнюю и невѣдомую дорогу, которая должна сыграть въ его жизни большую и важную роль.

А братъ Кузьма, когда онъ уже садился въ телѣгу и Васятка отворялъ ворота, топтался возлѣ на своемъ костылѣ, и сочувственно подмигивалъ.

Отъ весны ли, или отъ того, что онъ ѣхалъ хорошо одѣтый въ хорошей телѣгѣ на сытой, просившей возжей, лошади, но Леонтію было пріятно думать о томъ, что невысказаннымъ и всѣмъ яснымъ было при его отъѣздѣ.

За этимъ серьезнымъ и доброжелательнымъ отношеніемъ домашнихъ, такъ же какъ за новымъ платьемъ, праздничной сбруей и молодой лошадью—не видно было того тупого, жесткаго и опредѣленнаго сумрака жизни въ душной и тѣсной избѣ съ крохотными, забранными лучинами вмѣсто выбитыхъ стеколъ окнами, жизни, полной изводящаго труда, безсмысленнаго тѣмъ, что онъ давалъ возможность быть только сытыми, не видно было скуки, тоски и озлобленія, которыми наполнены были сѣрые дни этой сѣрой жизни.

И когда подумать такъ, ѣдучи тихимъ утромъ по твердой уже начинавшей пылиться дорогѣ, то пожалуй и правду отецъ говоритъ, что все слава богу, все есть и у людей просить не приходится и что, точно, великъ баринъ въ городѣ, да не малъ и мужикъ на пашнѣ... Каждому свое по рожденію его.

Когда проѣхалъ уже село и дорога шла пологими и яркими полями, покрытыми зеленой, взявшей уже силу, озимью, встрѣтился попъ-Иванъ.

Шелъ онъ, низко опустивъ голову и задумчиво глядя въ землю, безъ шляпы, какъ ходилъ всегда лѣтомъ, и если бы Леонтій не окликнулъ его, то прошелъ бы мимо, не замѣтивъ встрѣчника, хоть и посторонился съ дороги.

— Что-жь, батя, задумались такъ? останавливая лошадь, крикнулъ Леонтій,—али загордѣли, знакомыхъ не узнаете?..

Попъ-Иванъ долго глядѣлъ на него, словно не понимая, гдѣ онъ и какъ очутился передъ нимъ Леонтій, потомъ поздоровался.

— Такъ, думалъ...—негромко отвѣтилъ онъ и посмотрѣлъ на своего ученика особеннымъ грустнымъ и какъ бы о чемъ-то вопрошающимъ взглядомъ.—А ты куда?

— Въ пригородъ на огороды... Разсаду надо ..

Далекая тѣнь снисходительной усмѣшки прошла по лицу попа-Ивана.

— Такъ, такъ,—проговорилъ онъ,—что-жь—дай Богъ!..

Онъ постоялъ еще немного, глядя въ землю и словно придумывая, что-бы сказать еще, но ничего не придумалъ и сказалъ просто:

— Что-жь—прощай!

И опять посмотрѣлъ робкимъ, просящимъ взглядомъ, точно ожидалъ чего-то отъ Леонтія.

— Прощайте, батя...—отозвался тотъ, сочувственно и какъ бы извиняясь за что-то, глядя на него. Онъ видѣлъ, что́ теперь съ попомъ Иваномъ, и не зналъ, что ему сказать.

Попъ еще посмотрѣлъ нѣкоторое время, потомъ опустилъ голову и зашагалъ дальше, додумывая то, на чемъ остановилъ его Леонтій.

А Леонтій опять тронулъ лошадь и крупной машистой рысью поѣхалъ впередъ.

— Эхъ, батя, батя! проговорилъ онъ, спускаясь въ неглубокій далокъ, гдѣ, прячась въ подошедшихъ съ обѣихъ сторонъ къ самой дорогѣ кустахъ олешняка, лежалъ еще рыхлый, дотаивающій снѣгъ,—будетъ дѣло теперь...

Но ему было слишкомъ пріятно самому, чтобъ думать о попѣ Иванѣ и о томъ, что случилось съ нимъ. Онъ зналъ, что съ нимъ бываетъ такое и рѣшилъ по возвращеніи заѣхать къ нему.

Огородники жили въ трехъ верстахъ отъ пригорода у самой желѣзнодорожной станціи, большимъ и богатымъ поселкомъ. Уже при самомъ въѣздѣ можно было видѣть достатокъ по крѣпкимъ хорошимъ избамъ, кое-гдѣ кирпичнымъ, по каменнымъ амбарамъ и клѣтямъ, по особой чистотѣ широкой, вымощенной какъ въ городѣ, улицѣ.

Народъ встрѣчался все сытый, здоровый, скотина не крестьянская мелкая, а крупная и породистая, лошади хорошо кормленныя и сильныя.

Все это какъ-то особенно подходило къ тому чувству праздничности и серьезности, съ которымъ выѣзжалъ Леонтій изъ дома.

Онъ подъѣхалъ къ большой пятистѣнной губѣ Луганевыхъ, крытой новымъ блестѣвшимъ подъ солнцемъ тесомъ, и остановилъ лошадь у крѣпкихъ фигурчатыхъ воротъ.

Мимо проходилъ крестьянинъ — старый огородникъ Изотъ Петровъ, богатый и богомольный, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. Онъ былъ знакомъ съ Аверьяновой семьей и изрѣдка, когда бывалъ въ тѣхъ краяхъ, заѣзжалъ къ нимъ.

Леонтій соскочилъ съ телѣги и поклонился ему.

— Здравствуй, здравствуй, молодецъ, — отозвался Изотъ Петровъ,—чтожъ—тихо-ль въ васъ?

— Слава богу, какъ вы?

— Покуда Богъ грѣхамъ терпитъ... Что-жъ, садиться хотите?

— Да вотъ разсады надо...

— Такъ, такъ...—Изотъ Петровъ посмотрѣлъ на Леонтія и усмѣхнулся. Должно быть, онъ тоже зналъ то, что знали дома, потому что приходился Луганевымъ родней.

— Ну дай Богъ, дай Богъ, время самое...—проговорилъ онъ такъ, что нельзя было понять, чему время—время ли садить разсаду или чему другому,—гляди дома-ли... Поди на огородѣ возлѣ садковъ копаются...

Но, должно быть, изъ Луганевыхъ былъ что-нибудь дома, потому что въ окнѣ мелькнуло чье-то лицо и тотчасъ-же скрылось. А минуты черезъ двѣ ворота заскрипѣли и чернявая худая дѣвченка распахнула ихъ.

— Такъ до повиданья, покуда что. .—прикасаясь рукой къ картузу, выговорилъ Изотъ Петровъ и пошелъ дальше.

Леонтій въѣхалъ во дворъ.

И тутъ у Луганевыхъ, также какъ дома, чувствовалось то сдержанное и серьезное отношеніе къ пріѣзду Леонтія, по которому видно было, что разсада была только предлогомъ. Видно было это изъ того, что толстая, но необычайно проворная старуха Луганева называла Леонтія не просто по имени, а Леонтіемъ Аверьянычемъ и обрадовалась ему такъ, будто онъ пріѣхалъ не по дѣлу, а въ гости. Самъ Луганевъ, сѣдой и старый, набожный по веселый, какъ-то по особенному легкій духомъ, не позволилъ Леонтію даже распречь коня, а послалъ для этого меньшого сына Митьку (всѣхъ было три и два изъ нихъ уже были женаты, такъ что народу въ домѣ было много) за руку провелъ Леонтія въ избу и

усадилъ въ красный уголъ надъ образами. И въ отношеніяхъ всѣхъ многочисленныхъ членовъ Луганевской семьи сказывалось это особенной внимательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ важностью, даже какъ будто торжественностью нѣкоторой.

Но больше всего это видно было по единственной оставшейся въ дѣвкахъ дома дочери стариковъ Наташѣ. Она вышла позднѣе и должно быть переодѣлась предъ тѣмъ какъ выйти, потому что появилась въ новомъ каляномъ еще и пахнущимъ ситцемъ платьѣ, съ серебряными сережками въ ушахъ и съ шелковымъ бѣлымъ съ голубымъ платкѣ на плечахъ.

Поскрипивая полсапожками, вошла она въ избу, гдѣ словно въ праздникъ собралась вся семья, чинно разсѣвшись по лавкамъ и, остановившись у двери, поклонилась гостю низко и со скромностью.

Леонтій поднялся изъ-за стола и отвѣтилъ ей поклономъ, проговоривъ вѣжливо:

— Здравствуйте, Наталья Тихоновна!

И отерши большимъ краснымъ платкомъ потъ со лба, сѣлъ на старое мѣсто продолжать бесѣду со старикомъ.

Время отъ времени онъ молькомъ, стараясь сдѣлать это незамѣтнымъ, взглядывалъ на Наташу. Ея новое платье, которое она одѣла очевидно для него, молчаливая застѣнчивость, выступившая на смущенномъ и напряженномъ лицѣ яркой краской—также какъ и то, что всѣ сидѣли и занимались имъ, хотя время было рабочее и дѣла было много—все это ему было пріятно тѣмъ, что налагало большую и важную обязанность, и отъ него требовали, чтобъ онъ выполнилъ.

Пріятно было сознавать себя центромъ вниманія всѣхъ и видѣть по обращенію всю цѣнность свою предъ этими людьми.

А еще пріятнѣе было думать о будущей жизни своей какъ о чемъ то стройномъ, прочномъ и крѣпкомъ, какъ пріятно думать о будущемъ домѣ, глядя на крѣпкій и чистый лѣсъ, изъ котораго долженъ былъ выстроенъ.

Леонтій цѣлый день пробылъ у Луганевыхъ и все время имъ занимались какъ дорогимъ и долгожданнымъ гостемъ. И только

передъ вечеромъ, надо когда было уже запрягать, онъ сказалъ, сколько и какой разсады нужно ему.

— А да можно, можно, что жь, за что жь, нѣтъ!—запѣла своимъ груднымъ ласковымъ голосомъ старуха,—что жъ сходите, глядите, какой сколько надо... Да, да, за что жъ, Господи, почему нѣтъ... Вотъ съ Наташкой то и сходите, она отберетъ... Натань, ну-ка ты!..

— Сходи, сходи, дочка, отобрать, уложить поможешь,—поддержалъ отецъ, — да гляди укладывай чтобъ не повяла, ему-то неизвѣстно это, такъ ужъ ты догляди... Какъ же, какъ же,—продолжалъ онъ, провожая Леонтія въ сѣни,—на всякое дѣло сноровка надобна, кто на чемъ стоитъ... Въ насъ-то сызмальства привыкаютъ...

Онъ остановился на крыльцѣ и говорилъ еще, въ то время какъ Наташа, закраснѣвшаяся и смущенная еще болѣе, чуть слышно прошептала:

— Пожалуйте, Леонтій Аверьянычъ...

Огородъ былъ большой и кое гдѣ его уже начали подпахивать—жирныя черныя борозды хорошо удобренной земли протянулись въ подсохшемъ пласту, съ заровнявшимися уже грядами, изъ которыхъ мѣстами торчали черныя кочерышки снятой въ прошломъ году капусты.

Садники были на самомъ краю, обращенные скатами на полдень и похожи они были на какія то постройки, поднятые на столбахъ. Въ чистомъ предвечернемъ воздухѣ, уже влажномъ и прохладномъ, обѣщавшемъ сильныя росы ночью и подъ утро, синеватый паръ отъ навоза, курившагося подъ ними, тянулся по землѣ прихотливой и легкой дымкой.

Первое время разбирали разсаду молча, или говоря только то, что нужно было по дѣлу, несмотря на то, что оба чувствовали, что послали ихъ вдвоемъ именно за тѣмъ, чтобъ они переговорили.

Наконецъ Леонтій рѣшился и спросилъ:

— Что жъ не скучно вамъ здѣсь въ деревнѣ, Наталья Тихоновна?

Наташа испуганно метнула на него черными, выпуклыми гла-

зами и еще ниже наклонилась надъ корзиной, въ которую укладывала разсаду.

— Я люблю деревенское житье...—прошептала она.

Леонтій помолчалъ. Она опять что-то прошептала, но такъ тихо, что нельзя было разслышать что.

— Что вы говорите?—переспросилъ онъ.

— А вы скучаете? — вся багровая отъ того, что стояла нагнувшись, также какъ и отъ конфуза, повторила Наташа.

— Нѣтъ и я не скучаю...

— А въ городъ ѣздите...

— Такъ что жъ что ѣздію?

— Значитъ, скучаете, когда ѣздите!—торопливо проговорила она и отвернулась.

— Я не отъ скуки ѣзжу, такъ—по дѣламъ иногда.

— Нѣтъ ужъ вѣрно скучаете, когда ѣздите! твердила она, попрежнему не глядя на него и теребя отъ смущенія край платка.

Похоже было, что ее волнуетъ какая-то мысль, которую она боится или не можетъ высказать, и говоритъ не то, что думаетъ.

Она стояла къ нему бокомъ, такъ что онъ видѣлъ только одинъ ея глазъ, не смотрѣвшій на него, и чистый профиль лица съ невысокимъ лбомъ, вздернутымъ немного носомъ и полными яркими губами.

И вдругъ онъ замѣтилъ, что губы эти чуть дрогнули, опустившись углами, а на подбородкѣ проступили напряженныя твердыя морщинки.

— „Никакъ плакать хочетъ“? успѣлъ только подумать онъ какъ она снова заговорила—упрямо и какъ будто со злобой не то на себя, не то на него.

— Въ городѣ конечно веселѣе, не то, что у насъ въ деревнѣ, барышни настоящія, въ шляпкахъ, обхожденіе тоже...

Она хотѣла продолжать, но голосъ прервался и глазъ затуманился неожиданной слезой.

— Наталья Тихоновна, что вы, какія барышни!—началъ было Леонтій, но она перебила его:

— Да ужъ не говорите, это отлично хорошо понятно, тамъ ученыя, обхожденіе, барышни тонкія, за то и вы вотъ учитесь..

— Да я совсѣмъ не потому...

— Не говорите, отлично хорошо понятно!— повторяла она, дѣлая необыкновенныя усилія, чтобъ не расплакаться,—вотъ вы и ѣздите все и учитесь у попа все время... И даже нечего скрывать этого и въ обиду другихъ дѣвушекъ вводить...

— Да Наталья Тихоновна, Наташа, да развѣ я...—забормоталъ Леонтій, весь порываясь впередъ, но, видя ея неприступный, упрямый видъ—осѣкся и замолчалъ. И сразу, какъ-то по особенному ярко и отчетливо понялъ, что—что бы онъ не говорилъ—она ничему не повѣритъ, просто даже потому, что и слушать не станетъ. Передъ нимъ была упорная тупая стѣна полнаго упорнаго непониманія и незнанія его и на моментъ ему стало страшно отъ того, что онъ не можетъ найти, не знаетъ даже такихъ словъ, которыми можно было бы объяснить ей, какъ все есть на самомъ дѣлѣ.

И когда онъ подумалъ о томъ, что связавъ съ ней свою жизнь, живя мужемъ и женою, онъ все время будетъ чувствовать эту мертвую стѣну непониманія и невозможности объяснить ей то, что чувствуетъ и думаетъ онъ—все настроеніе сегодняшняго дня вдругъ погасло и ушло куда-то.

Но она словно угадала, что происходитъ въ немъ, повернулась къ нему и подошла близко, заглядывая въ глаза влажными, просящими глазами.

— Такъ неправда, говоришь, неправда?—зашептала она, хотя кругомъ никого не было и можно было говорить громко,—не за тѣмъ ѣздишь? Не будешь?

— Ахъ Наташа, Наташа! грустно отозвался онъ,—не знаешь ты меня, видно, совсѣмъ, обижаешь зря! Помнишь я тебѣ объ рождествѣ говорилъ? Ничего ты не поняла видно! Ты какъ всѣ, какъ попъ, братъ - Кузьма—уѣдешь, уѣдешь, а я думалъ ты понимаешь...

Ему было больно и обидно за то, что она не вѣрила ему, что считала не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ.

— Я понимаю, я знаю, только я боюсь...—шептала она, но вдругъ остановилась.

Со стороны дома шла старуха мать. Наташа подхватила корзину съ разсадой и пошла ей навстрѣчу. За ней пошелъ и Леонтій.

— Чтожь, батюшка, али уѣзжать ладишься, мальцамъ нашимъ сказалъ будто запрягать хочешь, — заговорила старуха,— чайку бы попилъ, погостилъ бы хоть сколько...

— Спасибо вамъ, ѣхать надо и то загостился, надоѣлъ даже... отвѣчалъ Леонтій искоса, сбоку слѣдя за Наташей. Она мелькомъ взглянула на него и пошла во дворъ, легко неся полную разсады корзину.

Лошадь уже была запряжена, когда Леонтій вошелъ на дворъ и старшій сынъ старика-хозяина попилъ ее изъ деревянной бадейки, придерживая рукой за отстегнутыя удила.

Провожать Леонтія вышла вся семья. Онъ попрощался со всѣми, сѣлъ и разобралъ возжи.

— Такъ не забывайте, заѣзжайте когда!—говорилъ старикъ,— а на счетъ денегъ, чтобы за разсаду—то не думайте! въ волостномъ, либо гдѣ съ батюшкой вашимъ встрѣтимся... Завсегда рады, съ нашимъ удовольствіемъ...

И опять, какъ когда онъ выѣзжалъ изъ дому, Леонтій испыталъ смутное чувство какого то обязательства передъ провожавшими его людьми, смотрѣвшими на него такъ добро, ласково и съ надеждой.

— Такъ глядите жь, все еще кричалъ что-то старикъ, когда Леонтій, раскланявшись и крѣпко нахлобучивъ картузъ, выѣзжалъ изъ воротъ.

Онъ повернулъ шагомъ, едва сдерживая проснвшаго ходу отстоявшагося мерина, и на поворотѣ оглянулся.

Всѣ стояли у воротъ и кланялись ему, а сзади всѣхъ была Наташа. Когда онъ оглянулся, она—пользуясь тѣмъ, что всѣ смотрѣли на него и никто не могъ ея видѣть, какъ-то по особенному кивнула головой и сдѣлала жестъ рукой.

Неизвѣстно, что могло означать это, но отъ кивка головы, а еще больше отъ быстраго жеста, который украдкой сдѣлала она ему,—Леонтію стало весело и, крѣпко взявъ на возжи лошадь, онъ свиснулъ лихо и громко, какъ свищутъ ухари-ямщики.

Меринъ замоталъ головой, подобралъ ее совсѣмъ подъ грудь и пошелъ четкой, дробной рысью, твердо и крѣпко отбивая копытами, и слегка на ходу покачиваясь, какъ дѣлалъ всегда, когда бѣжалъ охотно и обѣщалъ еще поддать.

— Эхъ, лошадь—цѣны нѣтъ!—съ восторгомъ подумалъ Леонтій, чувствуя, какъ колеса легкой телѣжки торопливо запрыгали по ямкамъ и выбоинкамъ, а вѣтеръ заигралъ повязывавшимъ его шею шарфомъ.

Мелькали избы съ любопытными, высунувшимися въ окна бабами, собака рванулась изъ отпертыхъ воротъ, но сообразила, что не успѣетъ добѣжать во время, и остановилась, съ недоумѣніемъ глядя въ слѣдъ. На выѣздѣ встрѣтилась двухколеска-бѣда, на которой возили навозъ на поле и, мелькнувъ, пронеслась мимо.

— Эхъ, цѣны нѣтъ! безсознательно повторялъ Леонтій, начиная сдерживать лошадь и въ точности не зная, о комъ онъ говоритъ,—вишь—въ городъ ѣздишь—ревнуетъ!..

Онъ усмѣхнулся, заставилъ лошадь идти спокойнѣе и улыбнулся еще разъ.

Садилось солнце и красные лучи его клали длинныя уже уплотнявшіяся тѣни, протягивавшіяся по всему полю. Прозрачной радостной тишиной шелъ вечеръ и смѣшанный запахъ уже по весеннему рано обросѣвшей травы въ ложбинкахъ, молодой клейкой листвы, когда въѣхалъ въ рощицу и старыхъ догнивающихъ листьевъ, дѣлалъ эту тишину по особенному трогательной и проникновенной.

Леонтію показалось, что онъ видитъ въ первый разъ то, что видѣлъ: уходящую впередъ извиваясь по рощицѣ дорогу, высокія блестящія березки по сторонамъ, уже сумрачныя внизу и только высоко надъ головой озаренныя спокойнымъ и любовнымъ солнцемъ, недосягаемую лазурь неба, по которому протянулись длинныя и легкія облака и самого себя, спокойнаго и радостнаго.

Ничего кажется не случилось, а все было такъ ясно и просто, что хотѣлось жить и радоваться жизни такой, какая она есть, не ища и не сомнѣваясь.

— Цѣны нѣтъ,—задумчиво, съ полубезсознательной забытой

улыбкой на лицѣ повторялъ онъ, глядя на смѣнявшіяся въ быстрой очереди некованныя копыта мерена — узкія и крѣпкія, съ ясно намѣчавшейся длинной стрѣлкой, — ишъ — учитесь, говоритъ, и скрывать нечего и въ обманъ честныхъ дѣвушекъ вводить...

Онъ усмѣхнулся горделиво и подмигнулъ, словно обращаясь къ кому-то, кто могъ видѣть его:

— Зачѣмъ обманъ? Мы безъ обману...

И, шевельнувъ возжами, поѣхалъ шибче. Надо было заѣхать еще на село къ попу Ивану, да и домой торопиться надо было.

Съ попомъ Иваномъ бывало это раза два, много три въ годъ, начиналось обыкновенно съ пустяка и появлялось по субботамъ, когда приходила почта. Какое-нибудь предписаніе епархіальнаго начальства, нелѣпый циркуляръ, которыми люди хотѣли обнять и направить то неуловимое и сложное, что называется человѣческой жизнью, указаніе архирея то о раскольникахъ, то о крамольникахъ, все, что не имѣло никакой связи съ жизнью, а была только накипь ея — мутная и ненужная, — что давило и угнетало духъ попа Ивана—все это вдругъ дѣлало въ немъ странную перемѣну.

Спокойный и почти равнодушный ко всему бывшему вокругъ него, онъ, глядя порой на бѣлый, твердый и мертвый листъ циркуляра, испещренный прямыми и твердыми строчками разгонистаго почерка, вдругъ задумывался надъ нимъ. И вся странность того, что кто-то хочетъ что-то измѣнить, направить, предотвратить или указать въ необъятномъ сцѣпленіи тысячъ существованій человѣческихъ, своя роль страннаго посредника между двумя мірами—одного, желающаго направлять то, чего онъ не зналъ, и другого все знающаго, все видящаго, темно, но чутко понимающаго, покорнаго и упорно, съ упрямымъ молчаливымъ озлобленіемъ тянувшаго по-своему спутанную и темную линію своей жизни—это положеніе его становилось тяжкимъ и бо́льнымъ.

Съ новымъ таинственнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ въ свою жизнь и жизнь окружающаго и уже темный, знакомый ужасъ, какъ предчувствіе близкой муки, сжималъ его сердце.

Тогда онъ начиналъ метаться, ища выхода изъ невидимаго

круга, которымъ незамѣтно и непроницаемо окружила его жизнь существованіе другихъ людей, выходилъ въ поле, въ лѣсъ—и тамъ смутный и одинокій вдругъ останавливался и по долгу думалъ.

Потомъ шелъ опять, шевеля передъ лицомъ костлявой до страшности худой кистью руки и бормоча странныя слова. Но не могъ найти выхода, омыслить всего и опять возвращался къ людямъ и съ жаднымъ пугливымъ любопытствомъ прислушивался къ тому, что говорили и дѣлали они.

А они жили—и сѣрые, черные, голубые и зеленоватые глаза смотрѣли весело и грустно, радостно и тоскливо, добро и зло и всегда непроницаемо; какъ будто все, что хотѣли выразить и выражали они, было не важно, хоть и нужно, какъ не важенъ, хоть и нуженъ сегодняшній день передъ всей жизнью, а важное пряталось гдѣ-то въ глубинѣ и нельзя было проникнуть въ него, какъ въ жизнь.

И часто, глядя въ эти различные, но такъ похожіе другъ на друга глаза, попъ Иванъ вдругъ чувствовалъ приливъ необыкновенной веселости.

Безъ всякаго видимаго повода вдругъ фыркалъ и, зажимая для приличія ротъ рукою—страннымъ и слабымъ по-дѣтски движеніемъ, такъ неидущимъ къ его огромной костистой фигурѣ—хохоталъ, отворачивался, силился сдержаться и не могъ.

И тогда уходилъ опять, отмахиваясь рукою и не переставая смѣяться.

— „Предотвратить“ и они?! А? Хо-хо-хо-хо!.. это ихъ-то, ихъ „предотвратить“?!... Ахъ, дураки!..

Но если дураки, то что же онъ? И зачѣмъ онъ обманываетъ, не этихъ, а тѣхъ, что думаютъ, будто онъ можетъ что-нибудь предотвратить, измѣнить, направить? И зачѣмъ вообще обманъ?

— Христосъ и обманъ? Нагорная проповѣдь и обманъ? А развѣ не обманъ? Предписаніе не обманъ? Тогда что же, гдѣ же онъ-то, онъ самъ? Развѣ не въ обманѣ?

Черной пугающей тѣнью шелъ попъ Иванъ по пустымъ по-

лямъ, заходилъ въ перелѣски и останавливался въ душистой, чуткой тишинѣ ихъ.

И тогда въ немъ появлялось то, что было вѣрнымъ признакомъ грядущаго страданья: этотъ ищущій, какъ бы растерянный взглядъ, которымъ изумленно обводилъ онъ стройныя насторожившіяся березки и задумчиво-сумрачныя елки.

Опять шелъ въ село, низко опустивъ голову, глядя на пыльные носки старыхъ заскорузлыхъ отъ давнишней грязи сапогъ и не заходя домой проходилъ въ церковь.

Высокій и худой до того, что старая, заношенная и мѣстами рваная ряса висѣла на немъ мѣшкомъ, съ низко опущенной головой входилъ онъ въ алтарь и медленно, какъ бы не замѣчая того что дѣлалъ, облачался.

Молодой красивый дьячекъ, помогая ему, заглядывалъ въ лицо и сразу весь измѣнялся.

Былъ онъ молодъ и любилъ жизнь, потомучто былъ красивъ и пользовался успѣхомъ у женщинъ, и веселая легкомысленная жизнерадостность глядѣла изъ самоувѣренныхъ смѣющихся глазъ его.

Обыкновенно онъ подсмѣивался надъ попомъ, разсказывалъ про него смѣшныя небылицы и—даже говоря съ нимъ—говорилъ такъ, будто подшучивалъ надъ нимъ. И часто сердился, потому что было невозможно служить съ такимъ попомъ, который не только о причтѣ, но даже и о себѣ не заботился.

Въ обыкновенныхъ службахъ онъ дѣлалъ все, какъ придется, не пѣлъ, а говорилъ, хотя у него былъ прекрасный голосъ и изъ всѣхъ его движеній, изъ того, какъ дѣлалъ онъ возгласы, изъ самаго выраженія лица глядѣла томительная скука молодого, полнаго веселаго задора школьника, котораго заставляютъ дѣлать старый, давно извѣстный и надоѣвшій уже урокъ.

Но въ тѣ дни, когда попъ Иванъ приходилъ задумчивый и молчаливый и, не глядя, словно забывшись, покорно отдавался его рукамъ, быстро и ловко облачавшимъ костлявое исхудавшее тѣло, дьячекъ ловилъ его остановившійся, затуманившійся взглядъ и сразу весь подбирался.

И по одному его вступительному возгласу, глухо и неясно раздававшемуся въ алтарѣ, по тому, какъ медленно съ легкимъ скрипомъ скользящихъ по желѣзной проволокѣ колецъ раздергивалась завѣса царскихъ дверей, а главное—по тому, какъ тоже тихо и какъ бы робко съ тайнымъ сокрушеніемъ отвѣчалъ на возгласъ попъ Иванъ—толпа въ церкви понимала, что нынче день особенный, что нынче и служба будетъ особенной, и колыхнувшись, какъ рожь подъ вѣтромъ, всѣмъ своимъ сложнымъ многообразнымъ и объединеннымъ тѣломъ, вдругъ придвигалась ближе и замирала.

А попъ Иванъ двигался по алтарю, привычкою, безъ мысли о томъ, что дѣлалъ—дѣлалъ, что было нужно, и глядѣлъ себѣ подъ ноги, какъ будто задумался о чемъ-то глубоко и скорбно и не могъ додумать.

И только по временамъ, подымая голову и оглядываясь съ выраженіемъ человѣка, вдругъ замѣтившаго, гдѣ онъ и что съ нимъ, взглядывалъ на темный, наивно написанный ликъ Христа съ огромными, мучительно вопрошающими глазами и пріостанавливался.

Смотрѣлъ долго и молча. Такъ долго, что можно было подумать—не забылъ ли онъ, что нужно дѣлать,—и опять двигался.

Кадилъ престолъ и алтарь и съ глубокимъ, просящимъ проникновеніемъ возглашалъ.

— Слава святѣй и единосущной и животворящей и нераздѣльной Троицѣ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...

А дьячекъ, откашлявшись и сдѣлавъ серьезное, замкнутое лицо, отвѣчалъ чистымъ и сдержанно-звенящимъ теноромъ:

— А-ми-и-и-нь...

И отвѣчая на троекратное призваніе попа-Ивана придти и поклониться Христу, начиналъ звучно, хоть все еще сдержанно, но уже волнуясь предвкушеніемъ силы и проникновенія своего голоса:

— Благослови, душе моя, Господа! Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло...

Попъ Иванъ обходилъ съ кадиломъ всю церковь, толпа раз-

ступалась передъ дряхлымъ Матвѣемъ, несущимъ передъ нимъ свѣчу, и синіе, сѣрые, карые и голубые глаза глядѣли наивно и загадочно. Попъ-Иванъ заглядывалъ въ нихъ и искалъ и ждалъ— и не получалъ отвѣта.

Прошенія, возгласы послѣ нихъ и славословія попъ Иванъ произносилъ тихо и торопливо, какъ будто стыдясь ихъ, какъ будто желая скорѣе кончить ихъ, чтобы скорѣе дойти до главнаго. И голосъ его изъ-за задернутой опять завѣсы царскихъ вратъ доносился глухо и неясно, какъ изъ-подъ земли.

Но слова псалмовъ доносились громче. А прошеніе малой ектеніи: „спаси, заступи, помилуй и сохрани насъ Боже твоею благодатію“—доносилось такимъ скорбнымъ и трогательнымъ отзвукамъ, что толпа опять, колыхнувшись, придвигалась и замирала.

Дьячекъ откашливался и полнымъ, хватающимъ за душу теноромъ, которымъ онъ соблазнялъ деревенскихъ дѣвокъ, теперь строгимъ и волнующимся мягкими колебаніями начиналъ:

— Да исправится молитва моя...

А попъ Иванъ, стоя на горнемъ мѣстѣ и вслушиваясь въ металлическіе, то повышающіеся, то замирающіе переливы пѣсни, упорно и неподвижно, съ нѣмымъ неотступнымъ вопросомъ глядѣлъ на темный наивно написанный ликъ. Онъ молчалъ. Черные огромные глаза смотрѣли съ темной и страшной загадкой. Похожи они были на черную гладь топкаго глухого озера ночью, подъ которой чудится бездонная студеная глубина.

Попъ-Иванъ отводилъ глаза и опять дѣлалъ то, что нужно было дѣлать. А когда выходилъ изъ алтаря и опять внимательно и непроницаемо упирались въ него сѣрые, черные, синіе и зеленоватые глаза—онъ глядѣлъ въ нихъ съ нѣмымъ и тайнымъ вопросомъ и ждалъ. И въ упорно-склоненной широколобой головѣ его, въ растерянныхъ вопрошающихъ глазахъ, во всей облаченной въ широкую нелѣпую ризу фигурѣ было что-то напоминающее тупого, загнаннаго на бойню быка, который, безпомощно и жалко упираясь, ждетъ неожиданнаго и страшнаго удара.

Но передъ нимъ молчали и только смутный шелестъ шелъ сдержанной волной по толпѣ.

Уже угасшимъ въ тихомъ примиреніи звенѣлъ голосъ дьячка, выводящаго „Богородице дѣво-радуйся“, уже догорали у мерцающихъ фольгой образовъ свѣчи и разогрѣтый ими воздухъ, наполненный запахомъ ладана и тающаго воска, колебался густыми, синими волнами.

Попъ-Иванъ стоялъ, задумчиво опустивъ голову, упрямо и настойчиво глядя въ землю, и вдругъ, какъ бы пробудившись, говорилъ.

— Нынѣ отпущаеши...

И не было отвѣта.

А на слѣдующій день въ набитой до невозможности прослышавшимъ о вечерней службѣ народомъ церкви опять упрямо, съ нѣмымъ ожиданіемъ глядѣлъ въ бездонные мертвые глаза склонившаго съ креста лица, наивнаго и суроваго, и опять съ огромной тоской не могущихъ пролиться слезъ, съ страшной растерянностію расколотаго духа своего говорилъ, обращаясь къ этимъ глазамъ.

— Яко овча на закланіе ведется, и яко агнецъ непорочень, тако не отверзаетъ устъ своихъ; во смиреніи его—судъ его взятся, родъ же его кто исповѣетъ?!

А послѣ обѣдни вдругъ, какъ сорвавшись, не выдержавъ угрюмой тяжести своихъ мыслей, тяжело и мрачно запивалъ и пилъ долго: недѣлю или двѣ, а иногда и мѣсяцъ.

— Ахъ батя, батя!—шепталъ Леонтій, возвращаясь изъ церкви, куда онъ зашелъ, заѣхавъ въ село и не найдя попа Ивана дома,—ахъ батя, батя...

Дома, уже за ужиномъ, когда было все разсказано о Луганевыхъ, онъ сказалъ о службѣ попа-Ивана.

— Опять!—сумрачно отозвался отецъ,—всѣ то они такіе учатъ да говорятъ, да посулы сулятъ. а сами...

Мать заволновалась и задвигалась.

— Пойду, безпремѣнно завтра къ обѣдни пойду, – говорила она,— ужъ такъ служитъ, когда на него такое найдетъ, такъ служитъ...

Ночью, лежа съ братомъ Кузьмой въ амбарѣ—по теплому вре-

мени они спать выселились въ амбаръ—Леонтій разсказывалъ ему о своей поѣздкѣ.

— А она-то и говоритъ: за барышнями, говоритъ, за городскими будете! Это я-то, значитъ...

— Гм!—усмѣхнулся братъ Кузьма,—стало быть, наврод̀ѣ какъ ревность выходитъ?

— Во-во...

Луна поднялась выше и стало свѣтлѣе. Она глядѣла прямо въ узкое, высоко прорѣзанное окно амбара, забранное желѣзной рѣшеткой, и отъ этого блѣдный и длинный лучъ, тянувшійся изъ окна, дѣлился темными узкими тѣнями на правильные квадраты.

— А они,—снова заговорилъ Леонтій и братъ Кузьма по ходу своихъ мыслей зналъ, кто они,—они все не то. Тоже взять вотъ хотя бы тѣхъ, въ городѣ. Понимаешь, я вотъ не знаю, что это и какъ это, а только совсѣмъ не то. Понимаешь, будто они заранѣе сговорившись объ чемъ, либо такъ стакнувшись, али они всѣ ужъ такъ росли, что ли... Тоже попъ вотъ Иванъ-то... Умный онъ человѣкъ и душевный и такъ глядѣть—прямой человѣкъ. А гляди: пьетъ. Да это бы ништо, а то, самъ знаешь, тамъ-то гнутъ, а онъ и не хочетъ да помогаетъ. Ихнюю линію-то тянетъ, хоть и не хочетъ. Боятся они, что ли?

— Вѣсто ли боятся!—отозвался Кузьма.

— И все такъ. И съ нашихъ мужиковъ много подлости, конечно, а только уже который честный, такъ ужъ и видать, и дѣла его такія. И хаять зря не будешь. А тамъ ты послушалъ бы: самъ поповъ сынъ, на попа чтобы выйти учится, а о попахъ говоритъ ровно мы объ Сенькѣ-баглицкомъ: что, молъ, и ждать отъ пьяницы да вора?!.

— Распутны они гораздо, что ли? Ты бъ послушалъ, что тамъ дѣвка одна выпѣвала! Дѣвка-то грудастая, здоровая, голосъ звонкій, какъ заблестъ по овечьи, какъ вякнетъ, индо въ ушахъ звенитъ. А про что, какія слова!.. Стыда прямо нѣтъ... Нѣтъ, не гоже!—закончилъ онъ.

— Такъ-то лучше!—опять отозвался Кузьма, понявъ, что не гоже это относилось не къ господскимъ правамъ и пѣснямъ, что под-

разумѣвалось само собою, а къ тому, чтобы Леонтію уходить въ городъ.—Такъ-то лучше,—продолжалъ онъ, шурша твердымъ засохшимъ полушубкомъ, которымъ укрывалъ ноги—сухая, безжизненная нога его постоянно зябла,—а то у насъ вѣкъ такъ: чуть который повыше, отъ сѣрости-то отъ нашей деревенской отошелъ—фють въ городъ. Грамотѣ ль тамъ хотя бы научится мало-мало лучше—сичасъ въ прикащики, али по лѣсной, али по льняной части. Такъ понятіе чуть имѣетъ—глядь то въ учителишки, не то въ торговцы, али тамъ землемѣры нынче эти пошли... А мы все такъ: какъ были отъ вѣку сѣрыми, такъ въ сѣрости и остаемся. А за что—все за то, что чуть кто поумнѣе, посмѣкалистѣе—сичасъ вонъ. Нѣтъ, чтобы остаться, другихъ подтянуть, дѣло какое ни на есть затѣять—все въ городъ, да въ городъ, а мы все такъ...—повторилъ онъ и зѣвнулъ громко и протяжно, такъ что около ушей хрустнуло,—спать пора.

— И то...

Ночь становилась свѣтлѣе, прозрачнѣе и тусклѣе. Должно быть роса сѣла сильная, потому что въ открытыя двери сарая тянуло особой свѣжестью и запахомъ мокрой травы.

Леонтій вспомнилъ, что этотъ запахъ особенно силенъ бываетъ, когда раннимъ утромъ, еще до солнца, выйти на покосъ. Трава стоитъ неподвижная и сѣдая отъ росы, земля еще темна и тиха какъ спящая, а небо уже горитъ и обѣщаетъ долгій зной.

И пахнетъ такъ, что грудь сама ширится и хватаетъ влажный, еще по ночному неподвижный воздухъ, въ которомъ далеко разносится покряхтыванье проснувшихся въ гущерѣ прибрежной осоки утокъ.

— Хорошо!—подумалъ Леонтій, улыбнулся и закрылъ глаза.

VI.

Старикъ Аверьянъ шелъ съ поля, гдѣ глядѣлъ вздыбившуюся буйной щеткой озимь и возлѣ рѣки нагналъ сыновей. Они шли

со станціи, куда ходили просить у багажнаго пріемщика газетъ (обыкновенно для этого посылался Васятка и непосредственно къ пассажирскому поѣзду, вдоль котораго онъ и бѣгалъ съ однообразнымъ, просящимъ крикомъ: „газетъ, газетъ“! но теперь по праздничному дѣлу они сходили сами).

— Ай озимь, ай ржица!—заговорилъ Аверьянъ, равняясь съ сыновьями,—ну, коли Господь дастъ время—на жнитво только разворачивайся!

— Далеко загадываешь, батя!—улыбнулся Кузьма.

— А что-жъ: нынче подумаешь—послѣ завтра передумаешь, а когда надо—въ аккуратъ сдѣлаешь; наше дѣло такое—все думаешь...

— Какъ уродится еще...

— А да вѣдь какъ Богъ! Напротивъ не пойдешь! А отъ слова не станется.

Кузьма засмѣялся—и этимъ до странности похоже напомнилъ мать. Онъ вообще былъ похожъ на нее, особымъ неуловимымъ сходствомъ, и на блѣдномъ, бородатомъ и добродушномъ лицѣ его, смягчая и украшая его, лежалъ отпечатокъ какой-то мягкости и женственности. Отъ этого онъ казался даже моложе своихъ лѣтъ, какъ Леонтій тѣмъ, что походилъ на отца, особенно крѣпкимъ сухимъ лбомъ и широкими, почти сростающимися на переносьѣ бровями,—казался старше.

— Ты чему?—спросилъ онъ, оглядываясь на брата.

Кузьма подмигнулъ въ сторону отца и сказалъ съ добродушной грубостью, какъ обращался къ нему, когда видѣлъ его въ добромъ духѣ.

— Я знаю, къ чему старый гнетъ, издалека заходитъ!—проговорилъ онъ и опять засмѣялся, видя, что отецъ незамѣтно мигаетъ ему.

На мосту всѣ остановились, глядя на воду.

— Я дѣло гну,—говорилъ Аверьянъ,—самъ понимать можешь,—много ль старуха наша нажнетъ? А и такъ бабьему дѣлу какая справка отъ нея? Какъ понять этого не можешь ты?

Онъ обращался къ Кузьмѣ и говорилъ ему, но въ сущности

все это говорилось Леонтію, который молча слушалъ. Это молчаніе, какъ всегдашняя замкнутость его, начинала раздражать старика.

Онъ все тянулъ, этотъ Леонтій, ничего не говорилъ и понять ничего нельзя было. Не то женится онъ на Наташкѣ Луганевой, не то нѣтъ. По видимости будто собирается жениться, а молчитъ, не говоритъ прямо.

Аверьянъ подумалъ, что въ его времена просто-бы приказали, чтобъ малецъ женился, а теперь нельзя... времена не тѣ... попробуй, скажи ему!

И еще больше разсердился.

— Который человѣкъ съ умомъ,—говорилъ онъ, глядя себѣ подъ ноги и словно чувствуя что то, что говоритъ онъ,—непріятно сыну, но упрямо высказывая свою мысль,—который съ умомъ человѣкъ, тотъ завсегда понимать долженъ, какъ несправка въ горячую пору оказываетъ... Нынче не взялъ—послѣ наплачешься! И взялъ бы да нѣту, а гдѣ и есть—не дадутъ: въ страду самимъ нужна!..

Онъ говорилъ о будущей женѣ Леонтія такъ, какъ будто-бы рѣчь шла о боронѣ или сохѣ, которую хорошо заготовить заблаговременно, чтобъ потомъ люди не отказали—самимъ, молъ, теперь надобна.

Леонтій зналъ это и зналъ, что это всегда такъ бываетъ въ деревнѣ, но самъ ужъ онъ былъ настолько далекъ отъ нея, что это возмущало его.

Твердая, безчувственная стѣна выростала отъ этого между нимъ и всѣмъ, что была она. Уже привыкнувъ думать о своей жизни, какъ о высшей, потому что онъ учился и зналъ то, чего не знали окружающіе, онъ сердился на то, что и на нее смотрятъ, какъ на силу, важную постольку, поскольку она сила. Не важно было, чего хочетъ онъ, что ему надобно, а важно—женится онъ или нѣтъ, потому что важно было—будетъ къ страдѣ новая сила или нѣтъ.

— Мой умъ про себя, я про себя и понимаю!—сквозь зубы проговорилъ онъ, не отводя глазъ отъ воды—зеленой и мутной,

въ быстромъ теченіи непрерывно мотались начались, извиваясь какъ змѣи, длинныя водоросли.

Леонтій почувствовалъ надвигающуюся ссору и хотѣлъ отвратить ее шуткой.

— Каждый про себя понимаетъ свою Наташечку, только про меня некому понять!.. Хушь бы плохонькую, сухоногонькую какую!..

Но шутка погасла не поддержанная и всѣмъ стало отъ нея неловко

Тронулись и пошли домой сумрачные и нахмуренные.

Кузьма шелъ и думалъ о томъ, что какъ будто на время закрылось, словно исчезло. Но оно было—и опять толкнуло знакомое колесо безконечныхъ и безрезультатныхъ мыслей.

Онъ не боялся деревенской работы и любилъ ее; не боялся той особой необезпеченности и зависимости деревни, въ какіе нибудь полчаса могущей превратиться изъ достаточной въ нищую, заставивъ идти „въ кусочки“ подъ окна другихъ деревень, не боялся голода и болѣзни, но боялся всего, что окружало его постоянно, было незамѣтно, у нихъ въ деревнѣ, въ семьѣ, въ самомъ себѣ даже. Отъ этого онъ хотѣлъ уйти въ городъ, отъ этого учился, мечтая вытравить въ себѣ это начало, отъ этого тянулся къ иной, не здѣшней жизни.

И только иногда, подъ тѣмъ или инымъ впечатлѣніемъ, забывался и не замѣчалъ этого. Но оно было—и стоило только неосторожно тронуть его—оно подымало голову, какъ темный, слѣпой звѣрь, злой и старый, всегда враждебный.

Глухой, вѣковѣчной темнотою, безпросвѣтной грубостью, безсознательной жестокостью, какъ темной грузной тучей давила его жизнь, въ которой люди цѣпились какъ лошади, а шутки были больны, какъ прикосновеніе къ ранѣ.

И самое ужасное было то, что никакъ и ничѣмъ нельзя было объяснить того, что думаешь и чувствуешь, что понимаешь, а они не понимаютъ.

Гдѣ, какъ найти такія яркія, убѣдительныя слова, чтобы объяснить имъ?

Ихъ не было.

Это было обидно, какъ незаслуженное оскорбленіе, а ничего отвѣтить нельзя было.

Дошли до дому, пообѣдали. Послѣ обѣда Леонтій взялъ картузъ и коротко бросилъ:

— Я на село пойду...

Мать мелькомъ и робко взглянула на него, потомъ на отца и опустила голову.

— Сходи, сынокъ, сходи, тамъ народъ гуляетъ, сходи, пожалуй!—проговорила она.

Отецъ покосился, но ничего не сказалъ.

Леонтій ушелъ.

На селѣ дѣйствительно было гулянье и разряженная пестрая толпа сплошной медленной волной двигалась между балагановъ торговцевъ пряниками и ситцами. Кое-гдѣ были уже пьяные, орали пѣсни и ругались нехорошо и никто это будто не замѣчалъ: также смѣялись дѣвушки, также охорашивались передъ парнями и косились на балаганы торговцевъ.

Отъ того, что онъ уже потерялъ связь съ этой толпой, потому что видѣлъ—или ему казалось, что видѣлъ то, чего не видѣли они, также, какъ и потому, что онъ не ощущалъ связи съ тѣми, что были вечеромъ у студента-духовника въ городѣ, Леонтій тутъ, въ этой веселой, праздничной толпѣ почувствовалъ вдругъ странное, щемящее одиночество.

Кругомъ говорили, смѣялись и пѣли и всѣмъ было весело и всѣмъ было вольно, но не къ кому было подойти и сказать все и объяснить, какой глухой, запертой комнатой была ему жизнь.

И когда онъ увидѣлъ знакомое, краснощекое и круглое лицо Наташи Луганевой и черныя какъ вишни глаза—онъ разомъ двинулся къ ней, еще издали снимая картузъ.

Двѣ дѣвушки, шедшія съ нею, удивленно поглядѣли на него и поотстали, а она вдругъ нахмурилась и едва замѣтно кивнула головой на его поклонъ.

— Наташа... Наталья Тихоновна, за что такъ?—началъ было онъ, но замолкъ, видя, какъ она нахмурилась и опустила глаза.

И вдругъ, быстро и коротко метнувъ на него взглядомъ, сказала:

— Вы бы въ людяхъ спросили, когда сами узнать не можете! Да! Что ужъ говорить,—продолжала она все также торопливо, видя, что онъ хочетъ сказать что-то,—учены очень стали, загордѣли... Честныхъ дѣвушекъ, которыя правильной семьи, въ обманъ вводите... И совсѣмъ напрасно, совсѣмъ даже не нуждаемся, да... Не очень и надо...

Голосъ ея вдругъ дрогнулъ, какъ тогда на огородѣ и она отвернулась.

Они стояли въ прогонѣ между двумя балаганами, возлѣ загроможденной какими-то ящиками телѣги, у которой съ мѣшкомъ на мордѣ стояла пѣгая старая лошадь лавочника. Она встряхнула мѣшкомъ, такъ что овесъ въ немъ сухо зашуршалъ, повела на нихъ глазами и опять опустила голову, зарывшись мордой въ упертую о-земь торбу.

— И совсѣмъ даже не нужно,—тихо, почти шопотомъ твердила Наташа, глотая непрошенныя злыя слезы,—и намъ очень даже хорошо извѣстно, люди обсказали... И папенька очень браняться, нехорошими словами васъ обзываютъ...

— Что извѣстно-то, извѣстно что?—страннымъ дѣтскимъ движеніемъ прижимая картузъ къ груди, спрашивалъ Леонтій.

Наташа совсѣмъ отвернулась и прошептала что-то.

— Что, что такое?

Сбоку шумѣла толпа и разслышать трудно было.

— Что больны вы... нехорошей болѣзнью,—шептала она, вся красная отъ стыда за то, что ей приходилось говорить это,—за то и не пьете ничего, какъ другіе, и на гулянья не ходите, все извѣстно...

Леонтій смотрѣлъ на чуть видную ему изъ-за бѣлаго съ голубымъ шелковаго платка плотно-красную (она совсѣмъ отъ него отворотилась) щеку ея, дрожащій подбородокъ и огромный, мучительный стыдъ за то, чего онъ не дѣлалъ и чего не было, ударилъ въ лицо душной, горячей волной.

— Наталья Тихоновна, постойте...

Но она уже пошла и не остановилась и по прежнему твердила безъ звука однѣми губами, какъ будто онъ могъ слышать ее.

— И ничего, и совсѣмъ не нужно... и очень даже стыдно должно быть вамъ...

Въ тотъ же вечеръ Леонтій объявилъ дома, что онъ уѣзжаетъ. Отецъ поднялся, съ минуту смотрѣлъ на него растерянными, остановившимися глазами—и вдругъ отчетливо, громко и раздѣльно выговорилъ длинную, скверную брань. Потомъ закричалъ, затопалъ ногами и было похоже, будто онъ броситься бить.

Братъ Кузьма кинулся къ нему, заговорилъ что-то, а Леонтій вышелъ вонъ.

Прошелъ дворъ, вышелъ на огородъ и тамъ прислонился къ изгороди подъ старой, начинающей засыхать съ макушки, рябиной.

Уже зашло солнце и сѣрыя тѣни легли на землю холодной и влажной паутиной и въ небѣ, дрогнувъ, блеснула звѣзда.

Гдѣ-то пѣли вразъ нѣсколько голосовъ, должно быть у рѣки, потому что эхо отдавалось на горѣ отчетливо и ясно.

Пришла мать и говорила. Леонтій возражалъ и въ томъ-же странномъ движеніи прижималъ руки къ груди.

— Да не могу я, понимаешь: не могу!—не находя словъ, могущихъ выразить все, что думалъ и чувствовалъ онъ, твердилъ Леонтій.

— Да чего не можешь-то?

— Не могу! Онъ вдругъ вспомнилъ, что ему сказала Наташа и опять густо, мучительно покраснѣлъ,—не могу!—повторялъ онъ, уже относя это не къ тому, почему не могъ остаться, а къ тому, чего не могъ повторить,—говорю—не могу!..

И опять прижалъ руки къ груди, цѣпляясь пальцами за рубаху и заминая ее складками.

— Да скажи ты мнѣ, сынокъ, что не... — начала мать, но вдругъ, словно разбуженная этимъ страстнымъ движеніемъ, огляну-лась на всю свою жизнь съ сѣрыми днями, вѣчной тоской, и безволіемъ, какъ будто она жила не на свободной землѣ подъ солнцемъ и небомъ, а въ душной тюрьмѣ, и съ новой, трогающей жалостью посмотрѣла на сына.

Смотрѣла долго и внимательно, какъ-бы отыскивая въ немъ то, что чувствовала когда-то въ себѣ, и что ушло давно и безвозвратно.

— Все одно!—проговорила она наконецъ съ темнымъ и неяснымъ отчаяніемъ, относящимся не то къ упрямству сына, не то къ тому знакомому, что увидѣла она въ немъ и что пропадетъ, незамѣтно уйдя, какъ пропало въ ней,—ты думаешь, что нибудь, а... все одно!..

И пригорюнилась, притихла и нахохлилась, какъ старый воробей въ дождикъ.

В. Муйжель.

Замѣтки о творчествѣ Леонида Андреева.

1.

Двѣ черты отчетливо выступаютъ въ творчествѣ Леонида Андреева: 1) пессимизмъ содержанія и настроенія и 2) схематичность образовъ. И между ними есть несомнѣнное внутреннее сродство—психологическое и художественное.

Родство пессимизма съ схематическимъ творчествомъ представляется мнѣ явленіемъ всеобщимъ и закономѣрнымъ.

Болѣзнями, страданіями всякаго рода, бѣдствіями, грѣхомъ, преступленіями, ужасомъ и смертью полна жизнь человѣчества отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,—и здѣсь-то, конечно, и слѣдуетъ искать первоисточниковъ всякаго пессимизма.

Но вотъ что оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла:

Если взять явленія этого рода въ натурѣ, какъ они есть, или въ изображеніи реалистическомъ, близкомъ къ натурѣ, то—на первыхъ порахъ—выйдетъ потрясающее зрѣлище, способное не только вызвать въ насъ пессимистическое настроеніе, но и повергнуть насъ въ безысходное отчаяніе. Но это лишь первое впечатлѣніе—въ родѣ того, какое овладѣваетъ нами, когда мы впервые входимъ въ клинику, въ анатомическій театръ или вообще сталкиваемся лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь бѣдствіемъ, несчастьемъ, преступленіемъ, какія случаются ежедневно.

Всматриваясь ближе въ картину бѣдствій человѣческихъ, вникая глубже и не упуская изъ виду общій фонъ и всю обстановку жизни, среди которой она вырисовывается, мы скоро замѣчаемъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюетъ дѣйствительность или какимъ онъ является въ изображеніи реалистическомъ, близ-

комъ къ дѣйствительности. Ибо эта дѣйствительность—въ извѣстной мѣрѣ—сама же разрушаетъ то, что создала. Рядомъ съ ужаснымъ она ставитъ и неужасное; творя всяческія бѣды, она пріискиваетъ и выходъ изъ нихъ; умножая смерть, она умножаетъ и жизнь и—въ концѣ концовъ торжествуетъ надъ смертью; боли и скорби она врачуетъ забвеніемъ; трагическое она обезвреживаетъ комическимъ; зло она убиваетъ добромъ. И еще есть у нея рядъ цѣлебныхъ средствъ: привычка, равнодушіе, пошлость. Есть еще у нея иллюзіи, спасительныя и всесильныя. Человѣчество отбивается отъ бѣдъ, зла, ужасовъ и смерти всѣми способами, хорошими и дурными, дѣйствительными и мнимыми. И уже одно это зрѣлище борьбы во что бы то ни стало, ужъ одна эта неистребимая жажда выжить, преодолѣть, восторжествовать—способны подточить корни всякаго пессимизма и заморить отчаяніе—хоть иллюзіей, если нѣтъ надежды и увѣренности...

Теперь возьмемъ тѣ же явленія въ иномъ видѣ и освѣщеніи,—не такъ, какъ даны они въ натурѣ или въ изображеніи реалистическомъ, близкомъ къ натурѣ. Представимъ себѣ, что они извлечены изъ живой дѣйствительности, абстрагированы. Тогда исчезнутъ изъ поля нашего зрѣнія противорѣчія, противоядія и всѣ краски жизни,—мы получимъ картину зла, грѣха, преступленія, бѣдъ, смерти и всѣхъ ужасовъ бытія въ ихъ „чистомъ", отвлеченномъ видѣ. Вмѣсто живыхъ людей мы увидимъ цифры; всѣ цвѣта, тона, переливы свѣта и тѣни исчезнутъ—въ діаграммахъ; а если діаграммы будутъ цвѣтныя, то эти цвѣта окажутся не подлинными, не живыми, а только условными, символическими. Далѣе, вмѣсто подлиннаго грѣха, преступленія, бѣдствія явятся ихъ схемы, ихъ идеи; живая смерть превратится въ ея мертвый скелетъ.

На первыхъ порахъ все это не покажется намъ очень страшнымъ. Но присматриваясь ближе, мы вскорѣ убѣдимся, что эти абстракціи страшнѣе самаго страшнаго конкретнаго. Мы восчувствуемъ весь ужасъ оголеннаго зла, и безстрастная, мертвенная схема бѣдствій человѣческихъ представится намъ въ высокой степени зловѣщей.

Мы поймемъ, что неподвижная маска, снятая съ уродствъ и ужасовъ бытья человѣческаго, отвратительнѣе и страшнѣе этихъ уродствъ и ужасовъ въ натурѣ,—и скелетъ или идея смерти ужаснѣе самой смерти. И это такъ не только потому, что здѣсь устранены спасительныя противорѣчія, противоядія и иллюзіи

жизни, но въ особенности потому, что зло и бѣды, грѣхъ и смерть, страданія и скорби, отвлеченныя отъ конкретной дѣйствительности и превращенныя въ схему, въ цифру, въ діаграмму, въ идею, воспринимаются нами уже не какъ фактъ, а какъ законъ, какъ роковое предначертаніе, и къ натуральному ужасу зла присоединяется суевѣрный ужасъ рока. И нами овладѣваетъ гнетущее чувство безвыходности, тщеты всякихъ усилій выйти изъ заколдованнаго круга, изъ круговорота бѣдствій человѣческаго существованія, изъ этого предустановленнаго сцѣпленія злыхъ причинъ и пагубныхъ слѣдствій.

Вотъ именно будитъ въ насъ это гнетущее чувство и этотъ суевѣрный страхъ и ставитъ себѣ цѣлью *искусство, орудующее схематическими образами*, между тѣмъ какъ искусство реалистическое освобождаетъ насъ отъ этого рабства.

2.

Въ схематическомъ искусствѣ (въ противоположность отвлеченному схематическому мышленію—въ наукѣ) есть что-то архаизирующее, что-то возвращающее насъ къ давно-забытымъ миѳамъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что созданіе схематическихъ (а отчасти и символическихъ) образовъ въ современномъ искусствѣ есть повтореніе, конечно, въ новомъ видѣ, былого „миѳотворчества“. Отвлеченная идея, напримѣръ, зла, смерти и такъ далѣе, воплощаясь въ схематическомъ или символическомъ образѣ, олицетворяется, превращается въ какое-то существо. Мы не вѣримъ въ реальность такихъ существъ, но эти отголоски или тѣни старыхъ миѳовъ еще способны—при случаѣ—пробудить въ нашей душѣ давно-заглохшій суевѣрный страхъ, который былъ неизмѣннымъ спутникомъ миѳологическихъ представленій.

Такъ нѣкогда идея Рока, Судьбы, „Фатума“ пугала не сама по себѣ, а именно въ ея миѳологическомъ выраженіи,—какъ существо, обладающее сверхчеловѣческою силою. Прошли вѣка,—страшный образъ исчезъ, превратившись въ пустое слово, которое уже не пугаетъ—даже тѣхъ, кто наивно вѣритъ въ какую-то „Судьбу“. Старое вѣрованіе превратилось въ суевѣріе, широко распространенное преимущественно въ темной массѣ и также весьма обычное у лицъ, склонныхъ къ риску и азарту, равно какъ у лицъ, боящихся риска, у многихъ, которымъ случайно „повезло“,

вопреки ожиданію, или, наоборотъ, вопреки всему, „не повезло“; да и чуть-ли не у каждаго изъ насъ въ критическіе моменты жизни шевелится въ душѣ смутная идея судьбы и смутный страхъ невѣдомыхъ предначертаній.

Стоитъ только дать этому пустому слову и этому суевѣрному чувству выраженіе въ образѣ,—и получится рецидивъ мнѣа и настроеній, съ нимъ связанныхъ.

Вотъ „Нѣкто въ сѣромъ“... Посмотрите на эту фигуру, облаченную „въ сѣрый безформенный балахонъ“ и „неслышно отдѣляющуюся отъ стѣны“, къ которой она прильнула. Все въ этомъ образѣ загадочно и страшно. Онъ какъ-будто и человѣкъ и не человѣкъ, богъ и не богъ, онъ—особое существо, покрытое таинственнымъ—символическимъ—покрываломъ, изъ-за котораго не видно его глазъ, а „то, что видимо: скулы, носъ, крутой подбородокъ—крупно и тяжело, точно высѣчено изъ сѣраго камня“... Онъ не то, что слѣпъ, а не смотритъ, не хочетъ или не можетъ видѣть,—какъ и подобаетъ Року, этой слѣпой, стихійной силѣ, безучастной, безжалостной, безчувственной. И кто знаетъ, если бы онъ, вдругъ прозрѣвъ, увидѣлъ, восчувствовалъ всю глубину страданій человѣческихъ,—онъ, быть можетъ, содрогнулся бы, пришелъ бы въ ужасъ и—устрашился-бы, исчезъ-бы, сказавъ, людямъ: устраивайтесь сами, какъ знаете и умѣете! Не такъ-ли оно и вышло на самомъ дѣлѣ? Кажется, человѣчество уже близко къ тому, чтобы самому взять въ свои—человѣческія—руки свою человѣческую судьбу. Дѣло, повидимому, къ тому и клонится, и человѣчество давно ужъ идетъ въ этомъ направленіи,—идетъ медленнымъ, но вѣрнымъ, твердымъ шагомъ. И незачѣмъ ему бунтовать противъ Рока, посылать этому мнѣу гордый вызовъ и проклятья, какъ это дѣлаетъ „Человѣкъ“ Л. Андреева: вызовъ и проклятья по адресу Рока предполагаютъ его существованіе,—а этого-то и не нужно, а нужно знать, что никакого Рока нѣтъ, а есть человѣчество, борящееся съ природой и самимъ собой и идущее къ вѣрной побѣдѣ надъ тѣмъ и другимъ силою своихъ человѣческихъ преимуществъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ лишенъ „Нѣкто въ сѣромъ“: силою зрѣнія, прозрѣнія, познанія и силою состраданія, жалости, гуманности...

Этими силами и совершается всестороннее *освобожденіе* человѣчества,—и умственное, и моральное, и соціальное. Искусство дѣятельно участвуетъ въ этой освободительной работѣ вѣковъ, но нерѣдко оно, къ сожалѣнію, сбивается съ пути и возвращается

къ порабощающимъ миѳамъ и страхамъ прошлаго. Вообще къ рецидивамъ всякаго рода и также къ потворству слабостямъ человѣческимъ, къ угодничеству передъ суевѣріемъ и фантастикою неокрѣпшей или усталой мысли человѣческой искусство всегда было склонно въ большей мѣрѣ, чѣмъ наука, и даже—чѣмъ философія...

Но вернемся къ фантому въ сѣромъ балахонѣ. Слушайте: онъ заговорилъ „твердымъ, холоднымъ голосомъ, лишеннымъ волненія и страсти—точно наемный чтецъ, съ суровымъ безразличіемъ читающій книгу судебъ“...

Это, въ самомъ дѣлѣ, способно вызвать въ насъ жуткое чувство, какое вызываютъ „привидѣнія“, хотя бы мы и не вѣрили въ нихъ. „Нѣкто въ сѣромъ“, во всякомъ случаѣ, страшнѣе чорта Ивана Карамазова... Чортъ Ивана Карамазова — обыкновенный человѣкъ въ сюртукѣ и господинъ вѣжливый, обходительный и словоохотливый, и говоритъ онъ знакомымъ намъ злобно-истерическимъ языкомъ Достоевскаго. А этотъ.... въ сѣромъ—говоритъ по своему, онъ вѣщаетъ лапидарнымъ стилемъ, выражается условно-загадочнымъ языкомъ угасшихъ суевѣрій. Чортъ Ивана Карамазова—явленіе современное, психіатрическое, клиническое, „Нѣкто въ сѣромъ“—явленіе миѳологическое, выходитъ съ того свѣта. Чортъ Ивана Карамазова—спорщикъ, діалектикъ, и съ нимъ можно можно поспорить. „Нѣкто въ сѣромъ“ никакихъ споровъ и возраженій не допускаетъ. Онъ изрекаетъ свои приговоры, и эти приговоры безапелляціонны. Они обращены къ другому призраку—*человѣку*, который въ свою очередь страшнѣе карамазовскаго чорта, ибо послѣдній—гораздо человѣчнѣе, а тотъ стоитъ предъ нами—какъ фантомъ, какъ пугающая схема человѣка, и его жизнь и смерть—не настоящая жизнь и смерть, а пугающая схема жизни и смерти. Вотъ послушаемъ: „Доселѣ не бывшій, таинственно схороненный въ безграничности временъ, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никѣмъ — онъ таинственно нарушитъ затворы небытія и крикомъ возвѣститъ о началѣ своей короткой жизни. Въ ночи небытія вспыхнетъ свѣтильникъ, зажженный невѣдомой рукой—это жизнь Человѣка. Смотрите на пламень его—это жизнь Человѣка“...

3.

Передъ нами два образа. Одинъ—*„Нѣкто въ сѣромъ“*— не только схема, но и символъ; онъ символизируетъ страшную идею рока, желѣзный „законъ“ фатализма. Другой образъ—„Человѣкъ“ — только схема: онъ схематизируетъ жизнь, участь и смерть людей. И оба страшны, оба способны вызвать у многихъ изъ насъ безотрадное, пессимистическое настроеніе, близкое къ отчаянію.

„Нѣкто въ сѣромъ“ страшенъ не только потому, что онъ— символъ страшной идеи, но еще и потому, что не совпадая съ человѣкомъ, онъ все-таки близокъ къ нему, человѣкообразенъ. Чтобы убить суевѣрный страхъ и свести миѳъ на-нѣтъ, нужно отодвинуть миѳическій образъ, источникъ страха, подальше отъ человѣка, поднять его высоко надъ міромъ человѣческимъ, отнять у него образъ и подобіе человѣческое и растворить его въ безличности стихіи, въ абстракціи космическаго закона. Или же, для той же цѣли, можно поступить иначе: слить миѳическое съ человѣческимъ, стереть грань между ними, такъ чтобы въ миѳическомъ образѣ человѣкъ узналъ себя самого: миѳъ и его страхи растворятся и исчезнутъ въ стихіи человѣческой. Въ многовѣковой борьбѣ съ порабощающими призраками варварскаго прошлаго первымъ путемъ — отъ миѳа къ абстракціи — идетъ философія и наука, вторымъ — отъ миѳа къ человѣку — идетъ реалистическое искусство. Это—два пути освобожденія.

Чтобы удержать или подновить миѳъ, чтобы воскресить связанный съ нимъ страхъ и продлить психологическое рабство человѣка, нужно держаться средняго пути—между космическимъ и человѣческимъ, между абстрактнымъ и конкретнымъ и создавать образы не очень далекіе отъ человѣка и не совсѣмъ близкіе къ нему, похожіе и непохожіе на него...

Таковъ „Нѣкто въ сѣромъ“. Вспомнимъ его обличье, повидимому, совершенно-человѣческое, но въ то же время какое-то особенное, лапидарное. Вспомнимъ и то, что „ростомъ онъ нѣсколько выше обычнаго человѣческаго роста“. Онъ—почти человѣкъ, но безъ человѣческихъ чувствъ, безъ страстей, безъ эмоцій... Онъ— окаменѣвшая безчеловѣчность, принявшая человѣческій обликъ.

И самъ по себѣ, и въ виду художественныхъ задачъ, поставленныхъ авторомъ, этотъ образъ долженъ быть признанъ весьма удачнымъ, какъ удачно выражено и все, что говоритъ „Нѣкто

въ сѣромъ". Онъ говоритъ великолѣпнымъ языкомъ, и содержаніе его рѣчей и значительно, и поэтично; это—своего рода превосходныя „стихотворенія въ прозѣ", которыя незачѣмъ перекладывать въ стихи: выйдетъ не лучше.

Удачно подобранъ и костюмъ: балахонъ и покрывало. Сѣрый цвѣтъ очень идетъ этому фантому. Умѣстно и то, что онъ держитъ въ рукѣ свѣчу, огонь которой символизируетъ человѣческую жизнь: это старый, очень старый образъ, происхожденіе котораго скрывается въ первобытныхъ миѳахъ объ огнѣ, какъ источникѣ жизни. Можно, пожалуй, спросить: какой смыслъ черпать—въ началѣ XX-го вѣка изъ архива первобытныхъ идей, давно утратившихъ смыслъ и значеніе? Но такой вопросъ мы были бы вправѣ предъявить поэту прогрессивнаго типа, а не поэту архаизирующему, который, по самой психологіи своего художественнаго уклада, къ тому и призванъ, чтобы воскрешать давно умершіе, давно ставшіе условными и декоративными образы старины и оживлять нѣкогда связанныя съ ними идеи и чувства наивнаго и варварскаго человѣчества.

4.

Страшенъ „Нѣкто въ сѣромъ", но—въ своемъ родѣ—не менѣе страшенъ и „Человѣкъ".

Онъ движется, говоритъ, радуется, страдаетъ—по-человѣчески. Но всмотритесь въ него: это не человѣкъ, это—восковая кукла человѣка.

Игралище слѣпой силы Рока, онъ не живетъ своею жизнью, онъ только рабски исполняетъ заранѣе кѣмъ-то предначертанную программу человѣческой жизни.

Программа или схема сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) „Рожденіе Человѣка и муки матери".
2) „Любовь и бѣдность".
3) Богатство, счастье, слава... („Балъ у Человѣка").
4) „Несчастье Человѣка".
5) „Смерть Человѣка".

Послѣдній пунктъ, какъ извѣстно, былъ переработанъ: вмѣсто „*Пьяницъ*", среди которыхъ умираетъ человѣкъ, выведены „*Наслѣдники*", которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его смерти и торопятъ его умереть поскорѣе.

Въ предисловіи къ этому варіанту авторъ говоритъ: „Въ пятой картинѣ... самымъ существеннымъ недостаткомъ являлось вотъ что: вторженіе въ драму относительно случайнаго элемента въ лицѣ

Пьяницъ и отсутствіе столь необходимой и столь важной въ жизни группы, какъ *Наслѣдники*, естественно завершающей собою группы *Родственниковъ*, *Друзей* и *Враговъ* Человѣка"... Далѣе авторъ говоритъ, что „многимъ казалось неправдивымъ" отсутствіе *Милосердія*, и потому онъ теперь и ввелъ Сестру Милосердія... „И хотя (говоритъ онъ) за все время она не открываетъ глазъ ни разу, но самымъ присутствіемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что Милосердіе дѣйствительно существуетъ"...

Итакъ, вотъ схема человѣческой жизни: муки родовъ, смерть матери, бѣдность, любовь, удача, деньги, слава, разореніе, смерть жены, дѣтей, нищета, пьянство, впрочемъ необязательное, жадность наслѣдниковъ (хотя наслѣдства, собственно говоря, уже и нѣтъ), „Милосердіе", которое только „существуетъ", но ничего не видитъ, смерть...

Пьеса явилась испытаніемъ таланта Андреева и показала, что это талантъ въ самомъ дѣлѣ огромный. У другого эта схематическая драма вышла бы смѣшной, у Андреева она вышла только скучной—для тѣхъ, уму и сердцу которыхъ схематическіе образы искусства ничего не говорятъ, и—дѣйствительно страшной—для тѣхъ, кто воспріимчивъ къ нимъ и къ „общимъ мѣстамъ" *настоящаго*—психологическаго—пессимизма.

Этотъ пессимизмъ—буддійскій, шопенгауэровскій—свойственъ Л. Андрееву: онъ составляетъ, какъ я думаю, психологическую основу его художническихъ воспріятій,—подъ *этимъ* угломъ зрѣнія онъ созерцаетъ міръ и жизнь человѣческую.

Для того, чтобы правильно и безпристрастно судить о художникѣ, нужно прежде всего *понять его*. А для того, чтобы понять, нужно стать на его точку зрѣнія,—взглянуть, хоть мелькомъ, на міръ и жизнь *его* глазами. Сдѣлать это—очень трудно, если у насъ другое зрѣніе, если нашъ умственный взоръ смотритъ иначе и видитъ не то и не такъ, что и какъ видитъ художникъ.

Какъ это ни трудно, но критикъ не долженъ уклоняться отъ этой обязанности. Постараемся въ мѣру нашихъ силъ и разумѣнія, уловить то страшное, что дано въ драмѣ, попытаемся испугаться... Не полагаясь на свои силы, которыхъ—мы чувствуемъ—не хватитъ на продолжительный испугъ, на всѣ пять „картинъ", ограничимся двумя первыми. —

Въ началѣ первой картины какія-то зловѣщія старухи, не то вѣдьмы, не то парки, могутъ вызвать въ насъ тревожно-скорбное настроеніе. Если оно не вызвано, то предположимъ, что оно вызвано.

Замѣнимъ настроеніе представленіемъ о немъ. Вотъ смотрите: „Глубокая тьма, въ которой все неподвижно. Какъ кучка сѣрыхъ притаившихся мышей, смутно намѣчаются сѣрые силуэты *Старухъ*...“ — Вотъ онѣ заговорили. Прислушайтесь: не правда ли, какъ странно и жутко чувствуется бросающійся въ глаза контрастъ между необычностью, мнѣичностью фигуръ старухъ и обыденностью, пошлостью ихъ рѣчей? Обычное, привычное, повседневное наряжено въ сказочно-страшную форму. Старухи болтаютъ, смѣются—почеловѣчески, но это—болтовня нечеловѣческая, и этотъ смѣхъ звучитъ зловѣще.

Символъ смѣняется схемою: являются безличные *Родственники*, и мы слышимъ ихъ схематическій разговоръ. Они говорятъ то, что вообще, обыкновенно говорится или скорѣе—думается «людьми вообще»—въ подобныхъ случаяхъ, когда мать томится въ мукахъ родовъ, и всѣ ждутъ, что новый Человѣкъ „крикомъ возвѣститъ“ о своемъ пришествіи въ міръ.

Въ живой дѣйствительности какъ-то исчезаетъ—передъ важностью момента—пошлость этихъ рѣчей, стушевывается скрытое за ними равнодушіе, не замѣчается неумѣстность разговоровъ на постороннія темы, неприличіе шутки и смѣха. Все это заслонено тревогой и ожиданіемъ. Но представьте себѣ, что кто-то умудрился воспроизвести весь этотъ гулъ человѣческій буквально,—и даже то, что не было сказано, а было только случайно и мимолетно подумано,—и вотъ все это воспроизведено на пластинкѣ, и граммофонъ уже передаетъ это настоящимъ человѣческимъ голосомъ. Вышла точная копія съ дѣйствительности, и вы слышите, напр.:

— „Ты не думаешь, милая жена, что наша родственница можетъ умереть?“

— „Нѣтъ, я не думаю этого“...

. . . . . .

— „Вы знаете, сколько стоило для ребенка бѣлье?

— „Не говорите, меня огорчаетъ легкомысліе брата“...

. . . . . .

— „По моему мнѣнію, лучше маленькая квартира, но теплая, чѣмъ большая и сырая. Въ сырой квартирѣ можно умереть отъ насморка и ревматизма“...

— „У однихъ моихъ знакомыхъ тоже очень сырая квартира“...

— „Скажите, пожалуйста, я давно хотѣла у васъ спросить: какъ выводятся жирныя пятна со свѣтлыхъ матерій?“

— „Шерстяной“?

— „Нѣтъ, съ шелковой“—

И т. д., и т. д. Это—не упражненія изъ Оллендорфа, это—въ самомъ дѣлѣ изъ дѣйствительности: снимокъ, схема, эхо человѣческаго говора. У Оллендорфа выходитъ смѣшно и нелѣпо, здѣсь, при извѣстной воспріимчивости читателя или зрителя, можетъ получиться эффектъ, способный вызвать разъѣдающее, унылое чувство,—я бы сказалъ: тоскливое ощущеніе монотоннаго ритма жизни человѣческой, такъ легко подводимой подъ шаблонъ. Шаблонно стонетъ мать, шаблонно соболѣзнуютъ родственники, машинообразно разговариваютъ маски людей о жирныхъ пятнахъ, о сырыхъ квартирахъ, о вредѣ куренія, схематично фыркаютъ молодые люди, схематично—глупые, и мертвенно-строго смотритъ на нихъ схематичная пожилая дама.

Во второй картинѣ мы застаемъ *человѣка* женатымъ на *женщинѣ*. Они любятъ другъ друга и счастливы, но ихъ счастье отравлено бѣдностью. Они голодаютъ, ропщутъ на судьбу, но не унываютъ, не падаютъ духомъ. Они молоды, полны силъ и—кто знаетъ—счастье можетъ еще улыбнуться имъ. Такова схема,—въ самомъ дѣлѣ очень широкая, подъ которую подойдутъ милліоны человѣческихъ жизней. И есть въ ней что-то безотрадное и зловѣщее. Не наполненная живою индивидуальностью, не скрашенная яркими, самодовлѣющими мгновеніями жизни, она похожа на тѣ схематическія карты земной поверхности, на которыхъ изображены „примѣрныя“ долины и горы, и гдѣ не видно никакой жизни. Ибо та жизнь, какая видна въ пьесѣ,—не жизнь, а общая схема жизни, и выведенныя лица—лишь общія схемы лицъ. Вотъ смотрите: сейчасъ выйдетъ на сцену живая кукла,—*жена человѣка*, „очень красивая, граціозная, нѣжная, съ цвѣтами на пышныхъ полураспущенныхъ волосахъ“... Она сдѣлана очень натурально. „У нея очень грустный видъ. Садится на стулъ, складываетъ на колѣняхъ ручки и грустно говоритъ, обращаясь къ зрителямъ:—Я сейчасъ ходила въ городъ и искала—не знаю, чего я искала“...

И долго говоритъ она о томъ, что у нихъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ денегъ, нѣтъ работы, что поцѣлуями сытъ не будешь и что ей очень грустно... Мы узнаемъ, что ея мужъ—архитекторъ и чертитъ чертежи прекрасныхъ зданій, но глупые люди смѣются надъ нимъ...

И она обращается къ Господу Богу съ молитвою,—тою тро-

гательною, наивною и схематическою молитвою, какая ежедневно возносится къ Нему милліонами людей: „.... Дай намъ немного изъ своей кошницы, совсѣмъ немного, столько, сколько даешь Ты птицамъ своимъ. Немного хлѣба... немного тепла... немного работы....“—Это—красивая, поэтическая молитва, родъ стихотворенія въ прозѣ. Люди не молятся такъ художественно,—они, напримѣръ, не говорятъ, обращаясь къ Богу: „... такъ много тепла у твоего солнца, и у твоихъ задумчивыхъ звѣздъ такъ много тихой радости...“. Но вспомнимъ, что подъ схематическими формулами молитвъ скрывается лирическое чувство, свойственное молитвенному настроенію, также очень схематическое, и если его выразить соотвѣтствующими словами, на которыхъ отпечаталась бы эта лирическая схема, то и выйдетъ приблизительно то, что говоритъ у Л. Андреева схематическая Жена схематическаго Человѣка.

Лирика вообще очень шаблонна; она даетъ готовую ритмическую формулу, готовую схему гармоніи и мелодіи, въ которую легко укладывается любое содержаніе мыслей и чувствъ и, укладываясь, пропадаетъ тамъ. И, за вычетомъ нѣкоторыхъ вершинъ ярко-индивидуальнаго творчества, многовѣковая лирика любви, радости, скорби, молитвъ, проклятій, вѣчная шарманка человѣчества, звучитъ шаблонно, однообразно и пошло. Именно поэтому она такъ могущественно дѣйствуетъ, такъ легко освѣжаетъ и очаровываетъ насъ и такъ доступна всякой душѣ человѣческой. Схематическое творчество находитъ свое оправданіе—въ лиризмѣ, начиная архитектурнымъ и кончая музыкальнымъ. Когда оно создаетъ образы,—оно не оправдывается и только обнаруживаетъ свое безсиліе. Но если, создавая свои схематическіе образы, эти общія мѣста искусства, оно растворитъ ихъ въ лирикѣ, какъ это мы видимъ въ „Фаустѣ“ Гете, то блистательно справится съ задачей и обезоружитъ критику. Лиризмъ не боится схемъ, общихъ мѣстъ, символовъ, аллегорій,—всей этой поэтической бутафоріи, мало пригодной для творчества художественно-образнаго, реалистическаго.

Во избѣжаніе недоразумѣній, укажу еще на слѣдующее. Лирика занимаетъ въ творчествѣ человѣческомъ особое, я сказалъ бы, центральное мѣсто. Только-что я указалъ на то, что она легко мирится и сочетается съ творчествомъ схематическимъ и символическимъ, со всякой поэтической бутафоріей. Всякими отвлеченностями и условностями, видѣніями и привидѣніями, иллюзіями

и галлюцинаціями переполнена лирическая поэзія всѣхъ временъ. Но это только одна сторона медали. Есть и другая, которую не слѣдуетъ упускать изъ-виду. Это именно—тѣсная связь, можно сказать, кровное родство лирики съ реализмомъ въ искусствѣ, съ образами жизненными, бытовыми, художественно-типичными. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно вспомнить Пушкина, который умѣлъ создавать образы глубоко-реальные и въ то же время проникнутые высокимъ лиризмомъ, отъ нихъ неотдѣлимымъ (Татьяна, Скупой, Жуанъ, Моцартъ, Сальери). Образцы такого образно-лирическаго творчества мы найдемъ и у Гоголя, у Тургенева, у Чехова. И это совмѣщеніе реализма образовъ съ лиризмомъ есть явленіе вполнѣ понятное и закономѣрное. Дѣло въ томъ, что лирика, при всемъ своемъ „парѳніи“, при всемъ стремленіи, ей присущемъ, отрываться отъ „живой“ дѣйствительности, отъ земли и уноситься на небо, есть, несомнѣнно, чадо земли, рожденное еще во времена незапамятныя въ самой гущѣ человѣческой жизни: первобытная поэзія была по преимуществу лирическая, и этотъ первобытный лиризмъ былъ явленіемъ соціальнымъ, хоровымъ. И въ теченіе всей доисторической и исторической жизни человѣчества лирика сопутствуетъ ему на всѣхъ путяхъ его, откликаясь, какъ эхо, на всѣ событія, на всѣ „злобы“ дня и вѣка, на всѣ дѣла и дѣлишки людскія. Нѣтъ любовнаго свиданія, нѣтъ разлуки, нѣтъ свадьбы, нѣтъ счастья, несчастья, смерти безъ сопутствующей имъ лирики. Есть лирика войны, политики, земледѣлія, торговли, промышленности; есть лирика семейныхъ радостей, житейскихъ мелодрамъ, гражданской скорби, философскаго раздумья, моральныхъ исканій. Всѣ праздники и всѣ будни человѣческіе имѣютъ свою лирику. Безъ лирики нѣтъ религіи...

И мы хорошо понимаемъ, почему лирическое творчество можетъ совмѣщаться съ творчествомъ реалистическимъ: лирика не боится жизни, быта, нравовъ, пошлости, обыденности человѣческой. Можно даже сказать, что здѣсь-то и раздолье для нея...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы легко поймемъ и то, почему лирика такъ охотно усваиваетъ всякія „выдумки“ и условности поэтическихъ схемъ и символовъ. Вѣдь все это—итоги, осколки, брызги той же жизни человѣческой, и многія изъ нихъ, если не всѣ онѣ, вышли изъ нѣдръ быта, изъ житейскаго обихода, изъ общественной, политической, религіозной жизни человѣчества. И лирика охотно черпаетъ оттуда, на-лету подхватывая символъ, брошен-

ный жизнью, старинное представленіе, когда-то тѣсно связанное со всѣмъ обиходомъ жизни, примѣту, предразсудокъ, суевѣріе, схематическій образъ, какихъ много возникало въ разное время въ разныхъ головахъ, не умѣвшихъ создавать образы художественно-типичные. И все это вошло въ многовѣковой репертуаръ лирическаго творчества.

Итакъ, лирика все пріемлетъ и дѣйствуетъ, такъ сказать, на два фронта, реагируя съ одной стороны на жизненное, реалистическое творчество, а съ другой—на схематическую и символическую бутафорію. Но вотъ тутъ-то и видимъ мы огромную разницу въ томъ, *какъ именно* реагируетъ лирика на то и на другое.

Реалистическому творчеству она *подчиняется*, послушно слѣдуя за нимъ и только внося въ жизненные образы свою поэзію, свою музыкальность. Схематическое и символическое творчество она *подчиняетъ себѣ*, низводя образы на степень послушнаго орудія, словесной формулы, не позволяя имъ выдаваться впередъ, не допуская, чтобы они говорили сами за себя своимъ мертвеннымъ языкомъ отвлеченныхъ схемъ и условныхъ символовъ.

Нетрудно понять, почему это такъ. Лирика—дѣло серьезное, строгое, — ритмическое, гармоническое, мелодическое. Она охотно пользуется схемой, символомъ, пока они не нарушаютъ законовъ ея ритма, ея гармоніи, пока они не портятъ ея мелодій. А между тѣмъ они норовятъ нарушать и портить ихъ, ибо схематическій образъ есть разсудочное построеніе и стремится, если нѣтъ препятствій, разсуждать, вести дальше свою схематизирующую работу мысли, не укладывающуюся въ ритмъ и гармонію, а символъ, будучи знакомъ идей, вызываетъ, если его не удержать отъ этого, цѣлую цѣпь представленій, мыслей, способныхъ испортить „всю музыку“ лирики.

Лирика—дѣло строгое—и очень искреннее. Она боится малѣйшей фальши, она не терпитъ диссонансовъ. Ей дѣла нѣтъ до идей, какъ таковыхъ,—ей важно одно: не сбиться съ такта. Въ соблюденіи такта и состоитъ вся ея искренность. Но вѣдь нѣтъ другого рода творчества, которое было бы такъ склонно сбиваться съ такта и фальшивить, какъ именно творчество схематическое и символическое, ибо оно—апріорно, искусственно, разсудочно, конструктивно. Оно хочетъ говорить образами, которые или ничего не говорятъ, или говорятъ слишкомъ много. Эти образы требуютъ поясненій, толкованій, оговорокъ, ограниченій. Они чреваты недоразумѣніями, недоумѣніями и спорами. И эта разноголосица рѣ-

шительно не пригодна для лирическаго упорядоченія, для претворенія въ ритмъ, въ гармонію и мелодію. И если лирика возьмется за это дѣло, она будетъ не искренна, ея голосъ будетъ звучать фальшиво.

5.

Читая „Жизнь человѣка“, не разъ приходится сожалѣть, что поэтъ, лирикъ огромной силы, удивительный виртуозъ лирической прозы, которая музыкальнѣе стиховъ, не потопилъ въ потокѣ лиризма начертанныя имъ фигуры. Эти схемы образовъ легко и удобно растворились бы въ ритмѣ его рѣчи, въ лирической мелодіи его идей. Они только присутствовали бы тутъ пассивно, не дѣйствуя, не говоря отъ себя, и, растворившись въ лирикѣ, не пугали бы, не дразнили, не удручали бы насъ своимъ скорбнымъ видомъ тѣней человѣческихъ, привидѣній жизни. И, убаюканные дивною музыкою поэтическаго языка Андреева, мы бы забыли о нихъ и слушали бы пьесу—какъ слушаемъ симфонію.

Къ сожалѣнію, обаяніе не осуществляется: есть лирическія мѣста, но они почти пропадаютъ, ибо поэтъ все время занятъ развитіемъ апріорной идеи, построеніемъ образовъ,—онъ *разсуждаетъ ими*, и вслѣдъ за нимъ и мы втягиваемся въ эту раціоналистическую работу мысли и слѣдимъ за ея схематическимъ узоромъ. Поэтъ только дразнитъ насъ лиризмомъ отдѣльныхъ мѣстъ. Музыкальная фраза обрывается на полутактѣ, и мы, очнувшись отъ лирическаго забытья, видимъ передъ собою фантомы и всю бутафорію схематическаго и символическаго творчества.

Вотъ, напримѣръ, страница, гдѣ намъ посулили большой лирическій подъемъ и—обманули. *Человѣкъ*, поощряемый *Женою*, обращается къ *Року* съ гордымъ вызовомъ.

Этотъ шаблонный и, въ сущности, не очень умный ропотъ человѣческій, повторяющійся съ незапамятныхъ временъ,—благодарная тема для лирической обработки. Вспомнимъ, какъ удачно выходили и какъ музыкально звучатъ всѣ такія проклятья (напр., знаменитая тирада Фауста: Wenn aus dem schrecklichen Gewühle...), всѣ клятвы (напр., клятва Демона у Лермонтова), всѣ гордые вызовы, обращенные къ богамъ, судьбѣ, и т. д., и т. д. Здѣсь образъ заслоняется поэзіей лиризма, которая сама себѣ довлѣетъ, какъ довлѣетъ музыка. Не такъ вышло у Л. Андреева.

Человѣкъ раскуражился и кричитъ: — „Эй, ты, какъ тебя тамъ зовутъ: Рокъ, дьяволъ, или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются предъ твоею загадочною властью: твое каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ... А я смѣлъ и силенъ, и зову тебя на бой...“ и т. д.

Изъ этого могло бы выйти что-то лирически-значительное. Но ничего не выходитъ: мѣшаютъ образы. Въ углу все торчитъ тотъ истуканъ — „Нѣкто въ сѣромъ“; красивую тираду, которая подразнила меня возможностью лирическаго волненія, произноситъ костюмированный *Человѣкъ*, у котораго „красивая, гордая голова, съ блестящими глазами, высокимъ лбомъ и черными бровями... и волнующіеся черные волосы, свободно откинутые назадъ...“; возлѣ него *Жена*... та кукла съ распущенными волосами. И мнѣ кажется, даже и въ томъ случаѣ, еслибы ожидаемая тирада („вызовъ“) была бы перломъ поэзіи, эти фигуры мѣшали бы мнѣ проникнуться ея высокимъ лиризмомъ; онѣ—думается—расхолаживали бы меня въ большей мѣрѣ, чѣмъ обычно расхолаживаетъ меня, мѣшая музыкальному подъему, костюмированный оперный Фаустъ или Демонъ въ черномъ балахонѣ. Но тамъ выручаютъ всемогущія чары музыки,—помогаетъ также и привычка къ оперным условностямъ. А здѣсь... Здѣсь условныя, стилизованныя фигуры расхолодили самого поэта, и я, вмѣсто ожидаемаго лирическаго восторга, получилъ досадное чувство лубочности, слушая, какъ манекенъ кричитъ: „Поблестимъ мечами, позвенимъ щитами, обрушимъ на головы удары, отъ которыхъ задрожитъ земля!“— Точно изъ стараго рыцарскаго романа... А когда кукла, изображающая *Жену*, говоритъ: „Смѣлѣе, еще смѣлѣе! За тобой стоитъ твой оруженосецъ, мой гордый рыцарь!“,—мнѣ становится совсѣмъ нехорошо: какъ-то совѣстно слушать все это...

6.

Сдѣлаемъ усиліе — не поддаваться этимъ досаднымъ ощущеніямъ и постараемся расшевелить въ себѣ то чувство жуткаго унынія и испуга, которое, по замыслу автора, должно все время преслѣдовать читателя или зрителя—какъ грозно-сказочное „memento mori“. Вѣдь *Нѣкто въ сѣромъ* присутствуетъ тутъ не даромъ. И когда *Человѣкъ* и *Жена*, возбужденные молодостью, дерзостью вызова, обольщеніемъ мечты, приходятъ въ азартъ,

играютъ, дурачатся, фантазируютъ, какъ дѣти, — мы могли бы почуять тутъ нѣчто зловѣщее. Постараемся уловить это зловѣщее и настроиться соотвѣтственнымъ образомъ. Будемъ смотрѣть на истукана въ сѣромъ со свѣчей въ рукѣ. Свѣча все ярче разгорается,—и чѣмъ ярче ея пламя, тѣмъ больше разгораются жизненные аппетиты, мечты и вожделѣнія *Человѣка* и *Жены*... Будемъ смотрѣть въ эту сторону и пропустимъ мимо ушей лубочныя фразы, вродѣ: „Такъ раздѣлаемся мы съ жизнью, моя маленькая женка, не правда ли?“ и пошлости вродѣ: „И что такое голодъ? Сегодня хочется ѣсть, а завтра мы уже сыты...“ и т. п. Всѣ такія сентенціи и реплики равно убійственны, какъ для лирическаго подъема, такъ и для того скорбнаго, жуткаго чувства, которое имѣется въ виду. Смущаютъ меня также и тѣ мечты или вожделѣнія, какія питаютъ *Человѣкъ* и *Жена*: эти аппетиты вовсе не характерны для „людей вообще“. Едва-едва $^{99}/_{100}$ человѣчества, живущаго въ нуждѣ, мечтаетъ о какихъ-то виллахъ въ рощѣ лимоновъ и кипарисовъ, о замкахъ въ Норвегіи, въ горахъ, надъ фіордомъ, о славѣ, „шумящей славѣ“. Эти фанфоронскія, артистическія вожделѣнія не подобаютъ „человѣку вообще“, *Человѣку*—съ большой буквы... Это, пожалуй—вожделѣнія *Архитектора*, или вообще *Художника*, да и то не всякаго; это вожделѣнія *Банкира*, *Дѣльца*, *Милльардера* и т. п. И думается: если г. *Человѣкъ* или г. *Архитекторъ* Л. Андреева, возсіявъ, такъ скоро потухъ, прогорѣлъ и погибъ столь шаблонно-мелодраматически, то Нѣкто въ сѣромъ съ миѳологической свѣчей въ рукѣ тутъ не при чемъ. Виноватъ въ своихъ, якобы фатальныхъ, бѣдствіяхъ, самъ г. *Человѣкъ*, повидимому, болѣе склонный къ фантазіямъ о замкахъ и виллахъ, чѣмъ къ плодотворной работѣ, нужной *Человѣчеству*...

Но забудемъ о замкахъ, виллахъ и прочихъ вожделѣніяхъ, забудемъ о пресловутой „славѣ“, столь же миѳичной, какъ и Рокъ въ сѣромъ балахонѣ, и возьмемъ голый фактъ, психологическій фактъ — кипѣнія молодой жизни, жаждущей счастья, рвущейся на встрѣчу будущему, которое сулитъ разныя блага и утѣхи, соотвѣтственно притязаніямъ каждаго смертнаго. Если быть вообще предрасположеннымъ къ элементарному, я сказалъ бы: даже не психологическому, а біологическому и психофизическому пессимизму (на мой взглядъ, совсѣмъ не нужному), то созерцаніе этого „факта“, при нѣкоторой лирической обработкѣ мотива, можетъ вызвать родъ taedium vitae и также родъ испуга передъ сизифовой работой жизни...

Можно задуматься и затосковать, прислушиваясь къ учащенному біенію пульса молодой жизни человѣческой, отчетливо и торопливо отбивающей свои радостныя мгновенія съ бойкостью новаго, еще не подержаннаго часового механизма. Есть въ этомъ монотономъ ритмѣ что-то зловѣщее—біологическое, общее *человѣку* съ *животными*... Кстати вспомнимъ тутъ мѣткую (истинно-андреевскую) характеристику *человѣка*: „Въ своихъ движеніяхъ *человѣкъ* легокъ и быстръ, какъ молодое животное; но позы онъ принимаетъ свойственныя только человѣку: дѣятельно—свободныя и гордыя“. Это превосходно сказано. Будемъ же имѣть въ виду это человѣческое животное, принимающее дѣятельно-свободныя и гордыя позы, свойственныя человѣку, и прислушаемся къ монотонной пульсаціи ритма его души и жизни. Какъ заведенный механизмъ, онъ, принимая дѣятельно-свободныя и гордыя позы, повторяетъ съ удручающей монотонностью весь репертуаръ желаній, аппетитовъ, стремленій, грезъ. И есть что-то удручающе—зловѣщее въ однообразномъ ритмѣ вѣчнаго прибоя молодыхъ жизней человѣческихъ, заново переживающихъ то, что всегда было, и такъ, какъ было. Роза цвѣтетъ—какъ цвѣли всѣ розы тысячу лѣтъ тому назадъ, соловей поетъ, какъ пѣли и будутъ пѣть всѣ соловьи, закипаетъ и разгорается молодая человѣческая жизнь, какъ закипала и разгоралась она изъ вѣка въ вѣкъ, и каждая новая жизнь человѣческая есть только новая пластинка граммофона, повторяющая все тотъ же репертуаръ человѣческихъ иллюзій и обольщеній...

Это—тема для лирической обработки, и это — благодарный мотивъ, не разъ использованный поэтами, для меланхолическаго и пессимистическаго раздумья, которое, ни къ чему не обязывая, занимаетъ свое — довольно видное—мѣсто въ репертуарѣ человѣческихъ вздоховъ. Я ждалъ этого поэтически-пессимистическаго вздоха и здѣсь—въ „Жизни Человѣка“, но не обрѣлъ его...

7.

Склонность къ схематизму образовъ и къ элементарному пессимизму, психологическому и даже біологическому, была видна уже въ раннихъ разсказахъ Л. Андреева, начиная превосходнымъ очеркомъ „Жили—были“.

Съ годами эта склонность росла, и въ „Жизни Человѣка“

схематизмъ и пессимизмъ Андреева достигли наиболѣе отчетливаго выраженія.

Но Л. Андреевъ, помимо всего прочаго, — огромной силы *лирикъ*. Лирика спасла „Жизнь Василія Ѳивейскаго“, какъ и нѣкоторыя другія вещи. Приходится сожалѣть, что ея такъ мало въ „Жизни Человѣка“.

Мы надѣемся, что лиризмъ поможетъ даровитому поэту выбраться изъ пустыни схематическаго творчества и изъ дебрей философическихъ умствованій. И кто знаетъ, если въ лирикѣ растворятся схематическіе и символистическіе образы, осаждающіе поэта, быть можетъ, вмѣстѣ съ ними утонетъ тамъ и пессимизмъ его настроенія и воззрѣнія, разрѣшившись всеоблегчающимъ лирическимъ вздохомъ...

Д. Овсянико-Куликовскій.

ВЪ КРЫМУ.

(Меджидъ).

Отрывокъ.

I.

На краю пригородной деревни Аутки, тамъ, гдѣ свѣтлый горный ручеекъ, заключенный въ свинцовую трубку, льется цѣлый день серебряной переливчатой дугой и сладко плещется въ каменномъ столѣтнемъ водоемѣ, подъ прохладной тѣнью столѣтняго орѣха, тамъ молодой ялтинскій проводникъ Меджидъ моетъ по утрамъ трехъ лошадей: двухъ собственныхъ сѣрыхъ жеребцовъ—Красавчика и Букета, и стараго вороного коня, взятаго имъ на прокатъ, на сезонное время, изъ горъ.

Наканунѣ Меджидъ съ другимъ проводникомъ Асаномъ провожалъ большую кавалькаду на хребетъ Яйлы. Вернулся онъ домой далеко за полночь, и когда вываживалъ мокрыхъ, холодныхъ отъ пота лошадей по тихой и звучной улицѣ, голубой въ мѣсячномъ свѣтѣ, то шатался отъ сна и усталости. Не раздѣваясь, легъ онъ на коврѣ въ кунацкой и, какъ ему показалось, только на секунду закрылъ глаза, а когда открылъ ихъ, то былъ уже синій и золотой день, сверкавшій зелеными улыбками.

Татарская дѣвушка мыла бѣлье въ прозрачной лужѣ, въ которую по наружнымъ стѣнкамъ стекала вода изъ переполненнаго бассейна. Положивъ на дощечку разноцвѣтныя тряпки, она съ безсознательной граціей переступала по нимъ босыми маленькими ступнями, и въ тактъ съ движеніями ея гибкаго тонкаго тѣла покачивались у нея на спинѣ двѣ жесткія черныя косы, падавшія внизъ изъ-подъ круглой бархатной шапочки, расшитой золотыми

блестками. Тѣневыя пятна и солнечные кружки тихо скользили взадъ и впередъ, вкось, по ея блѣдно-смуглому лицу съ прекрасными дѣтскими глазами, а длинное темное платье, слегка зажатое между колѣнами, лучилось кверху красивыми складками. Обмѣнявшись съ Меджидомъ быстрымъ „селямомъ“, она тотчасъ же уступила ему и его лошади мѣсто у фонтана: мужской трудъ— священное дѣло.

Свѣтло-сѣрый, почти бѣлый, пожилой Красавчикъ съ особеннымъ удовольствіемъ спокойно мочилъ въ прохладной водѣ лужицы свои высокія, стаканчиками, копыта, натруженныя вчера мелкимъ камнемъ горячаго шоссе. Нагнувъ внизъ шею и вытянувъ впередъ нѣжную бѣлую голову съ черными ласково-суженными глазами, онъ тянулся голымъ розовымъ храпомъ къ водѣ и коротко взмахивалъ хвостомъ каждый разъ, когда Меджидъ оплескивалъ его изъ ведра; сѣрый, видный, въ темныхъ яблокахъ на крупѣ, пятилѣтній Букетъ игралъ на мѣстѣ, разбрызгивая вокругъ себя воду, отчего Меджидъ притворно грубо бранился и рукавомъ куртки вытиралъ брызги со своего лица. На вороного коня Меджидъ мало тратилъ заботъ: это была настоящая неприхотливая горная лошадка съ желѣзными ногами, привыкшая съ грузомъ угля или дровъ по обѣимъ сторонамъ сѣдла спускаться съ Яйлы и подыматься вверхъ по тропинкамъ, почти не доступнымъ для средней руки пѣшеходовъ. Меджидъ только облилъ его два-три раза водою и звонко шлепнулъ по узкому, высокому, костистому заблестѣвшему заду. И вороной вслѣдъ за двумя другими лошадьми, не торопясь, солидной рысцой потрясся въ темную холодную конюшню, плоская крыша которой была почти вровень съ поверхностью земли, и спускаться куда приходилось по довольно крутой наклонной плоскости.

У вороного коня вовсе не было имени. Да и Красавчика съ Букетомъ Меджидъ назвалъ такъ пышно и невыразительно лишь въ угоду курортнымъ дамамъ, которыя неизбѣжно, прежде чѣмъ сѣсть на жеребца, выносили ему, чтобы его задобрить, кусочекъ хлѣба или сахару, трепали его боязливо по шеѣ, цѣловали между ноздрей, точно этотъ поцѣлуй могъ ему доставить какое-нибудь

удовольствіе, и спрашивали нѣжно: „Меджидъ, а какъ его зовутъ“?

Стройная тонкая дѣвушка, изящно поддерживая рукой на головѣ дощечку съ бѣльемъ, слѣдила за проводникомъ изъ-за забора своими пугливыми восточными глазами. Она была уже съ трехъ лѣтъ его невѣстой, и родители ихъ дожидались, пока онъ не скопитъ достаточно денегъ для свадьбы. Но Меджидъ не торопился. Веселая, хвастливая, легкая жизнь проводника казалась ему сладкимъ праздникомъ, которому не будетъ конца.

Онъ самъ засыпалъ лошадямъ овса—вороному поменьше,—велѣлъ матери починить ремень отъ уздечки и ушелъ поспѣшно, чтобы захватить линейку, которая черезъ каждыя четверть часа ходила изъ Аутки внизъ на набережную.

Она только что отошла, но Меджидъ легко догналъ ее и впрыгнулъ на ходу. Привычно веселило его утреннее чувство легкости, ловкости и молодости собственнаго тѣла. Усѣвшись, онъ побѣдоносно осмотрѣлся налѣво и направо на сосѣдей и, запрокинувъ голову, обернулся назадъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ старый татаринъ въ чалмѣ съ кофейнаго цвѣта лицомъ, высокимъ выпуклымъ лбомъ и сѣдой бородою. Меджидъ быстро заговорилъ съ нимъ по-татарски, скаля радостно бѣлые крѣпкіе зубы и сіяя черными счастливыми глазами.

II.

На набережной, около часовни, было у проводниковъ нѣчто вродѣ биржи. Тамъ они расхаживали по утрамъ вдоль каменнаго парапета, облокачивались на его перила въ красивыхъ, расчитанно-небрежныхъ позахъ, или сидѣли на скамейкахъ развалившись, выставивъ картинно впередъ свои мускулистыя ноги съ упругими выпуклыми ляжками. Болѣе пожилые и бѣдные изъ нихъ были одѣты въ традиціонный татарскій костюмъ, состоящій изъ широкой рубашки—бѣлой съ чуть желтоватымъ оттѣнкомъ, заправленной въ широкія шаровары, перетянутыя гораздо выше таліи се-

ребрянымъ ремнемъ. У молодыхъ же, въ этомъ году, господствовала новая мода, введенная впервые Меметомъ, первымъ красавцемъ сезона, — синяя тѣсная, короткая куртка изъ діагональнаго сукна, такіе же рейтузы въ обтяжку и тонкіе лакированные сапоги. Такая одежда не скрывала ни одной линіи тѣла, а наоборотъ, подчеркивала высоту груди, гибкость спины, тонкость таліи и стройность длинныхъ ногъ. Но, независимо отъ лѣтъ и богатства, каждый проводникъ носилъ на головѣ круглую, невысокую барашковую шапочку, а въ рукѣ символъ проводническаго званія—хлыстъ.

Это была настоящая живая выставка мужской красоты и молодости: прекрасныя фигуры, матовая смуглость кожи, безукоризненно правильныя очертанія бровей, носовъ и губъ, холеные черные усы и вьющіеся изъ-подъ сбитыхъ на бокъ шапокъ, черные изъ-синя волосы, чудесные зубы, миндалевидные темные горячіе южные глаза и гордыя прямыя шеи. Южный берегъ Крыма выслалъ сюда самые лучшіе племенные образцы своей человѣческой породы, происшедшей отъ необычайно счастливаго смѣшенія кровей: генуэзской, греческой и татарской.

Каждый день, проходя по набережной, толстыя пестро одѣтыя московскія купчихи-кутилки и наглыя петербургскія кокотки въ рыжихъ искусственныхъ локонахъ, со щеками, свинцовыми отъ пудры, разглядывали проводниковъ сквозь лорнеты на длинныхъ ручкахъ, не торопясь, дѣловито и безстыдно, какъ разглядываютъ опытные обжоры вкусный товаръ, разложенный за стекломъ гастрономическаго магазина.

И молодые красавцы настойчиво выдерживали ихъ взглядъ, выпрямляя спины, дѣлая внезапно серьезные, неподвижные глаза, мутные и обезсмысленные, точно отъ страстнаго желанія. Иные насвистывали въ эту минуту сквозь зубы съ какимъ-то многозначительнымъ выраженіемъ и щурили глаза, и покачивали головой, и выстукивали хлыстомъ тактъ мотива по лакированному голенищу. Другіе, идя близко за плечомъ дамы, предлагали лошадей для экскурсій, но предлагали такъ таинственно, вполголоса, съ зазывающей интонаціей,

точно дѣло шло о какомъ-то запретномъ, соблазнительномъ, но неприличномъ предпріятіи.

Кумиромъ, недосягаемымъ образцомъ былъ для Меджида проводникъ Меметъ, и ему Меджидъ невольно старался подражать во всѣхъ внѣшнихъ мелочахъ, въ одеждѣ, походкѣ и манерахъ. Все, что касалось Мемета, было полно для Меджида героическимъ восхищеніемъ: и то, что онъ считался чрезвычайно образованнымъ, почти ученымъ человѣкомъ, такъ какъ окончилъ четыре класса симферопольской гимназіи, и то, что онъ носилъ отличное крахмальное бѣлье и множество брелоковъ и перстней, и то, что за нимъ уже бѣжала слава, въ видѣ исторіи и легенды. Изъ-за Мемета подрались около морского музея двѣ дамы—одна харьковская, другая москвичка, и обѣ купчихи; третью даму, жену извѣстнаго коллекціонера картинъ, Меметъ самъ, разыгрывая однажды сцену ревности и увлекшись, какъ хорошій артистъ игрой, избилъ хлыстомъ въ то время, когда она ѣхала въ шарабанѣ съ другимъ проводникомъ; съ четвертой онъ взялъ двѣ тысячи на излѣченіе какой-то тайной болѣзни, а пятая купила его сестрѣ, выходившей замужъ, землю съ домомъ, а кстати и Мемету подарила пару чудесныхъ лошадей золотой масти „Изабелла“ и щегольской соломенный фаэтонъ съ ацетиленовыми фонарями.

Меметъ былъ глубоко начитанный человѣкъ. Однажды онъ даже прочиталъ цѣликомъ, сначала до конца—и это была истинная правда—„Героя нашего времени“. Этотъ романъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ нерѣдко, прислонившись къ фонарному столбу на набережной, скрещивалъ на груди руки, морщилъ лобъ въ суровыя вертикальныя складки, наискось закусывалъ нижнюю губу и загадочно устремлялъ глаза вдаль. Въ эту минуту онъ ни о чемъ не думалъ; думалъ о томъ, что вотъ извозчикъ проѣхалъ, а вотъ дама прошла въ галантерейный магазинъ, вѣтка мимозы качается отъ вѣтра, но самъ передъ собою онъ дѣлалъ видъ, что его душа погружена въ этакую мрачную безпросвѣтную бездну. Съ женщинами наединѣ онъ бывалъ нестерпимо грубъ, съ мужчинами услужливо и даже подобострастно вѣжливъ, но когда говорилъ одновременно съ мужчиной и женщиной, то

глядѣлъ не на мужчину, а на его даму. Курортныя модницы вышивали ему туфли и шелковыя подтяжки и были въ восторгѣ отъ сумасброднаго ревнивца Мемета, отъ бѣшеннаго, вспыльчиваго Мемета, отъ красавца Мемета съ его разбитымъ и непонятнымъ, но возвышеннымъ сердцемъ. Такимъ онѣ его захотѣли сдѣлать и такимъ Меметомъ онъ, въ концѣ концовъ, сталъ считать самого себя.

Бѣдный Меджидъ и самъ чувствовалъ, что ему далеко до его великолѣпнаго образца. Какъ онъ ни серьезничалъ, какъ ни принималъ пластичныя, разсчитанно красивыя позы, какъ ни старался сдѣлать свое лицо значительнымъ и загадочнымъ—веселая щенячья молодость брала верхъ. Ему любо было повозиться съ другимъ проводникомъ на тротуарѣ набережной, подъ жаркимъ сорокаградуснымъ солнцемъ, побѣжать за прохожимъ, кривляясь и передразнивая его походку, поплевать безцѣльно въ море, перегнувшись черезъ перила, ограждающія набережную. Но увидѣвъ въ эти шаловливыя секунды Мемета, онъ тотчасъ же начиналъ самъ передъ собою важничать и внутренно разыгрывалъ Мемета, что ему легко давалось при подвижномъ, живомъ южномъ воображеніи. Онъ безкорыстно восхищался Меметомъ и беззлобно завидовалъ ему совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ гимназисты V класса по отношенію къ семикласснику, который уже и куритъ, и покучиваетъ, и глядитъ на горничныхъ свысока. Правда, и у Меджида въ прошломъ году былъ одинъ очень серьезный романъ, окончившійся даже увозомъ Меджида въ Петербургъ, что конечно свидѣтельствовало о способности его внушать глупымъ сѣверянкамъ пылкую любовь и что вообще хорошо поставило Меджида въ средѣ проводниковъ. Но тайная подкладка этого похищенія была доподлинно извѣстна только одному Меджиду, да и то самъ передъ собою онъ старался рисовать это приключеніе гораздо красивѣе и необыкновеннѣе, чѣмъ оно происходило въ дѣйствительности.

III.

Просто на просто въ Ялту пріѣхала жена богатаго протоіерея петербургской епархіи, толстая сорокалѣтняя женщина, съ лицомъ, бѣлымъ отъ природы и отъ пудры, какъ булка, съ двумя сладкими черными изюминками вмѣсто глазъ и съ маленькимъ, вздернутымъ ртомъ, ярко окрашеннымъ въ пунцовый цвѣтъ. Богъ вѣсть какимъ тяжелымъ путемъ долголѣтняго клянчанья, тайныхъ сбереженій въ чулокъ изъ домашней экономіи, притворныхъ обмороковъ и слезливыхъ припадковъ, капризныхъ отказовъ отцу протопопу въ раздѣленіи супружескаго ложа, бѣготни по спеціальнымъ докторамъ, этимъ всегдашнимъ пособникамъ и соумышленникамъ сорокалѣтнихъ женщинъ, какимъ длиннымъ плетенымъ путемъ женской хитрости и настойчивости досталась ей эта поѣздка. Еще съ января разсчитывали деньги, включая сюда и возможный приходъ за весь великій постъ, мѣняли фунты и пуды церковныхъ мѣдяковъ на новенькіе государственные билеты, разглядывали по буднимъ вечерамъ всей семьей желѣзнодорожный путеводитель, потомъ передъ отъѣздомъ служили молебенъ о „въ путь шествующихъ“ вязали узелки съ провизіей и со всякой домашней требухой, на вокзалѣ плакали и махали платками, и отецъ протопопъ, забывъ все свое внѣшнее благолѣпіе, бѣжалъ по перрону рядомъ съ идущимъ вагономъ,—всхлипывая носомъ, развѣвая по вѣтру волосы, рукава и края рясы, придерживая одной рукой наперстный крестъ и крича: „въ случаѣ чего телеграфируй“.

Попадья на первыхъ порахъ соблюдала въ Крыму строгую, благоразумную экономію, поселилась гдѣ-то на горѣ, на краю города, въ меблированныхъ комнатахъ, похожихъ на тѣ клѣтушки, въ которыхъ шарманщики носятъ морскихъ свинокъ, перезнакомилась со множествомъ престарѣлыхъ классныхъ дамъ, учительницъ и больныхъ студентовъ, увѣрявшихъ, что въ Крыму можно жить ни капельки не дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, тряслась вмѣстѣ съ ними въ дилижансахъ, гдѣ они сидѣли другъ на другѣ, ѣдучи

въ горы и къ водопаду, покупала на набережной кизиловыя тросточки, сердоликовыя печатки и раковинки съ надписью „Ялта“ въ подарки всѣмъ своимъ знакомымъ, карабкалась, обливаясь потомъ, по какимъ-то дурацкимъ камнямъ и тропинкамъ, которые, оказывается, необходимо посѣтить каждому путешественнику, мазала краской свое имя на разныхъ скалахъ, пила отвратительную густую бузу, ѣла холодный жесткій шашлыкъ и—главное—все это у нее выходило очень дешево. Море въ Ялтѣ пахло дохлой рыбой и іодомъ и было похоже на грязную лаханку съ глинистой водой, улицы воняли конскимъ навозомъ, отъ дешевыхъ обѣдовъ языкъ и небо покрывались слоемъ бараньяго сала, стройные красавцы кипарисы всегда были точно сѣдые отъ мелкой пыли, въ номерахъ пахло копотью керосинокъ и грязнымъ бѣльемъ, но попадья на открыткахъ, которыя она посылала по три и по четыре штуки въ день всѣмъ своимъ знакомымъ и всѣмъ подругамъ по епархіальному училищу, которыхъ она еще помнила, восторженно писала, что она наслаждается чуднымъ морскимъ воздухомъ и бальзамическимъ благоуханіемъ горныхъ лѣсовъ. И писала совершенно искренно.

Какая-то бойкая вдова полковница, однажды подбила ее проѣхаться верхомъ, совсѣмъ не далеко, въ Ореанду, къ развалинамъ дворца. По романамъ, которые она читала въ уличныхъ петербургскихъ газетахъ, по сплетнямъ ялтинскихъ салонницъ и наконецъ по тѣмъ откровеннымъ многозначительнымъ взглядамъ, которыми на набережной черноусые проводники упирались въ ея пышный трясущійся бюстъ, она знала, что поѣздка съ проводникомъ заключаетъ въ себѣ нѣчто неприличное, рискованное... и заманчивое. Но полковница была такая „безусловно корректная женщина“, а поѣздка оказалась такой совсѣмъ дешевой—по рублю съ лошади и рубль проводнику, что странно было-бы отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Была маленькая боязнь за искусство держаться на сѣдлѣ, но протоіерейша храбро вспомнила, что когда то въ дѣвичествѣ, на каникулахъ, она ѣздила на настоящемъ дамскомъ сѣдлѣ въ сопровожденіи двухъ лоботрясовъ, отчаянныхъ гимназистовъ, сыновей

мѣстнаго помѣщика. Было также затрудненіе на счетъ амазонки. На прокатъ Марія Николаевна не хотѣла брать: „Мало ли какая ее надѣвала до меня“! Но полковница быстро нашлась: стоило только прикупить матеріи, немножко надставить низъ юбки, вшить внутрь нѣсколько камышковъ—гладышей, и все готово: и незамѣтно, что подшито, и ногъ не будетъ видно, и не развѣвается, и прилично, и гораздо лучше, чѣмъ всякая настоящая амазонка.

Марія Николаевна конечно была убѣждена, что ужъ съ нейто во всякомъ случаѣ проводникъ ничего себѣ не позволитъ! И они поѣхали втроемъ: она, полковница и Меджидъ.

Но Меджидъ сразу же, какъ только выѣхали изъ города на ливадійское шоссе, сталъ позволять себѣ многое; показывая, какъ надо держать мундштучные и уздечные поводья, онъ то и дѣло накладывалъ свои маленькія горячія жесткія руки сверхъ пухлыхъ бѣлыхъ дрожавшихъ пальцевъ попадьи, поддерживалъ ея обильную массивную талію при крутыхъ спускахъ, и сверкалъ ей прямо въ глаза своими глупыми, красивыми, сіяющими глазами, и отъ всего отъ него крѣпко пахло, точно отъ молодого центавра, запахомъ здороваго лошадинаго и мужского пота.

Древній запутанный паркъ былъ теменъ, сыръ и молчаливъ, и нельзя было разглядѣть вершинъ его столѣтнихъ деревьевъ, сплетшихся въ черный сплошной потолокъ. Лунныя пятна изрѣдка лежали на травѣ и на заросшихъ дорожкахъ. Иногда сквозь просвѣты густыхъ вѣтвей сверкало море, струившее далеко впереди свой золотой и серебряный атласъ. Гдѣ-то журчали невидимые ручейки, бѣжавшіе съ горъ. Было невиданно, сказочно-прелестно и немного жутко отъ тишины и мрака, и немного грустно и томно, какъ отъ всякой большой красоты. Осмотрѣли искусственное озеро, въ черной водѣ котораго, точно въ черномъ воздухѣ, беззвучно и плавно, какъ заводной, плавалъ бѣлый лебедь. Осмотрѣли мраморныя развалины, поросшія плющомъ, кустами каприфоліи, благоухавшей дико и страстно. Проводникъ показывалъ мѣста, помогалъ идти, поддерживалъ подъ локоть, раздвигалъ услужливо вѣтви. Но когда зашли въ крытую виноградную аллею, такую темную, что нельзя было разглядѣть собственной руки, полковница вне-

запно исчезла. Напрасно Марія Николаевна кричала ей—спутница не отзывалась. Въ темнотѣ приходилось идти ощупью, и руки протопопицы то и дѣло нечаянно натыкались на горячія руки проводника, и она даже на разстояніи чувствовала живую, точно дышащую теплоту его тѣла. Пряно благоухали каприфоліи, какъ обезумѣвшія отъ ночной страсти кричали цикады, въ груди ныло сладкое, истомное раздраженіе.

Потомъ они вышли изъ непроницаемо-темной аллеи наружу, туда, гдѣ было посвѣтлѣе. Полковница тотчасъ же присоединилась къ нимъ и пошла рядомъ, прижимаясь локтемъ къ локтю Маріи Николаевны, и жадно старалась сквозь темноту увидѣть выраженіе ея глазъ. Полковница находилась уже въ томъ возрастѣ между зрѣлыми годами и старостью, въ которомъ бывшія грѣшницы, со вздохомъ отказавшись отъ личныхъ интрижекъ, становятся въ чужихъ любовныхъ дѣлахъ: или безпощадными сыщиками и судьями, или безкорыстными пособницами и укрывательницами. Полковница принадлежала ко вторымъ...

А. Купринъ.

Изъ дневника.

I.

Какъ пусто и темно... Какъ будто непогода
Закрыла пеленой таинственную даль.
И будто впереди тяжелая невзгода
Готовитъ намъ опять унынье и печаль.
Какимъ-то холодомъ душа моя объята,—
Предчувствіе томитъ и мучаетъ меня
И снова вижу я,—какъ видѣлъ ужъ когда-то,—
Что не дождаться намъ сіяющаго дня!..
Глухая ночь кругомъ... Тоскуетъ непогода,
Туманъ сгущается... Погасли фонари...
Глухая ночь кругомъ... Глухая безъ исхода,—
Безъ яркой полосы спасительной зари!..

II.

Мы слѣпые, мы глухіе,—
Въ ночь осеннюю мы бродимъ
И чего-то жадно ищемъ
И чего-то не находимъ...

Мы глухіе, мы слѣпые,—
Свѣта солнца мы не видимъ
И того, кто видитъ солнце
Мы клянемъ и ненавидимъ...

Мы слѣпые,—но съ мольбою
Руки къ небу простираемъ
И съ безуминою тоскою
Чуда съ неба ожидаемъ...

Но проходятъ дни за днями—
Солнца свѣта все не видно,—
И въ напрасномъ ожиданьи
Намъ мучительно—обидно...

Мы слѣпые, мы глухіе,—
Въ ночь осеннюю мы бродимъ
И чего-то жадно ищемъ
И чего-то не находимъ...

III.

Сѣрая нудная мгла
Снова, какъ прежде, кругомъ,
Снова, какъ прежде, вползла
Въ старый, заброшенный домъ..,

Видишь вонъ, словно туманъ,
Стелется, низко ползетъ,—
Это зловѣщій обманъ,
Крадучись, тихо идетъ...

Вотъ подошелъ и приникъ,
Чутко какъ песъ, сторожитъ,—
Видишь причудливый ликъ
Тамъ у окошка дрожитъ?

Сѣрая, нудная мгла
Снова, какъ прежде, кругомъ,
Снова, какъ прежде вползла
Въ старый заброшенный домъ...

IV.

Свершилось великое чудо—
Мы солнце вчера увидали,—
И стали намъ близко-родными
Туманныя синія доли!..

Забыта тоскливая осень—
Глубокое небо надъ нами,
И осени мертвой печали
Далекими кажутся снами...

Мы вмѣстѣ съ природою къ солнцу,—
Къ Великому Солнцу стремимся
И ночи холодной молчанья
Мы больше теперь не боимся...

Свершилось великое чудо—
Мы солнце вчера увидали,
И стали намъ близко—родными
Туманныя синія дали!..

Конст. Диксонъ.

Въ Алупкѣ.

I.

Отсіялъ послѣдній глетчеръ
Предзакатныхъ облаковъ;
Перемглился быстрый вечеръ;
Наземь палъ ночной покровъ.
Скрылось море въ темной дымкѣ,
Горы за̀ горы ушли,
Дачи, сакли-невидимки

Огоньки свои зажгли.
Ночь колдуетъ—нѣгой дышитъ;
Каждый кустъ завороженъ.
Гдѣ-то близко ухо слышитъ
Жуткій шепотъ, томный стонъ...
Поцѣлуй, какъ блескъ огнива,
Вспыхнулъ дерзко въ тишинѣ...
Кто-то, сумрачный, ревниво
Притаился всторонѣ...
Ночь устала: мракъ угрюмый
Бросилъ маковъ лепестки—
И растаяли всѣ шумы,
И затмились огоньки.
Лишь волна съ глухимъ укоромъ
Что-то берегу твердитъ,
Да маякъ безсоннымъ взоромъ
Вдаль опасливо глядитъ.

II.

Море—въ золотѣ чешуй...
Млѣютъ горы въ знойномъ вѣтрѣ...
Лаской вѣетъ тихоструй:
Съ нимъ волнѣ старикъ Ай-Петри
Шлетъ любовный поцѣлуй.
И затѣйница-волна
То стыдливо притаится
Между сверстницъ, то одна
Въ пляскѣ къ берегу помчится
И, прильнувъ къ нему на грудь,
Дразнитъ вѣтренной измѣной,
И въ Ай-Петри снѣжной пѣной
Такъ ей хочется плеснуть.

А надъ ней, какъ отчій взоръ,
Солнце радостью сіяетъ,
Ткетъ ей свадебный уборъ
И малютку обручаетъ
Великану синихъ горъ.

А. Колтоновскій.

Въ лѣсу.

Вечеръ. Безлюдно.
Въ маревѣ тумана
Спитъ непробудно
Снѣжная поляна.
Призраки-ели
Тѣснымъ кругомъ стали
И онѣмѣли
Отъ тоски-печали.

Что здѣсь свершилось
Страшное?.. Давно-ль?
Чья притаилась
Скорбной тѣнью боль?..

Чудится: кто-то
Невидимкой бродитъ,
Кличетъ кого-то,
Ищетъ—не находитъ,
Ждетъ—не дождется
Въ милыя объятья...
Не розомкнется
Мертвый кругъ заклятья!..

Тайна зарыта...
Крикъ унесся вдаль...
Жутью повита
Вѣчная печаль...

Глушь... Тишь... Закрылась,
Будто склепъ, поляна...
Что-то склонилось
Въ траурѣ тумана—
Плачетъ — и таетъ
Трепетною мглою—
И замираетъ
Жалобой нѣмою...

А. Колтоновскій.

---

* * *

Когда разгнѣванное море
Твердыню берега громитъ,
И рвутся волны въ дикомъ спорѣ
Взлетѣть побѣдно на гранитъ,—
Вскипаетъ буйность молодая
Въ душѣ, забывшей радость бурь,
И кроетъ туча огневая
Смиренья блѣдную лазурь,
И, словно властью волхвованья,
Встаютъ изъ рабской нѣмоты
Вольнолюбивыя дерзанья,
Славолюбивыя мечты...
Но мигъ—и ужъ змѣится ядомъ
Во мнѣ иронія, и вновь
Подъ чьимъ-то злымъ и властнымъ взглядомъ

Нѣмѣетъ мысль и стынетъ кровь,
И въ бездну падаетъ мятежность,
Какъ эта свѣтлая волна,
И льется въ душу безнадежность,
Какъ муть болѣзненнаго сна.

А. Колтоновскій.

Вечеромъ.

Подъ алой зарею
На фонѣ небесъ
Зубчатой пилою
Рисуется лѣсъ,
За тучами рваными
Съ мазками багряными
За дальними странами
Лучъ солнца исчезъ.
На фонѣ востока
Лиловая тѣнь,
А гдѣ-то далеко
Ужъ свѣтится день,
И утро прекрасное,
Какъ жизнь многогласное,
Смѣется тамъ ясное
Сквозь грезы и лѣнь.

Николай Морозовъ.

Аккорды.

Жизни удары
Насъ угнетаютъ.
Страсти пожары
Сердце сжигаютъ.
Вѣчныя слезы,
Бури да грозы
Косятъ всѣ грёзы
Въ душахъ людей.
Въ жизни печальной
Ты не замкнися!
Въ міръ идеальный
Сердцемъ стремися,
Въ царствѣ стѣсненья,
Въ тьмѣ угнетенья
Жди возвѣщенья
Вѣчныхъ идей!
Рабства и муки
Время промчится,
Силой науки
Міръ обновится,
Въ свѣтлые годы
Царства свободы
Сбросятъ народы
Иго скорбей!

Николай Морозовъ.

* * *

Черныя тѣни
Скрылися вдаль,
Прежнихъ волненій
Смолкла печаль.
Отзвукомъ стройнымъ
Полонъ я вновь,
Въ сердцѣ спокойномъ
Миръ и любовь.

Николай Морозовъ.

Посвященіе.

Эту книгу послѣдняго чаянья,
Распростертый въ мольбѣ,
Эту книгу любви и раскаянья
Посвящаю тебѣ.

—

Духи, люди и звѣри, предъ вами я
Распинаю мой смѣхъ,
Это новое, строгое знаменье,
Побѣдившее грѣхъ.

—

Мудрость солнца торжественно явлена,
Мудрость солнца пою.
Мать-земля, будь блаженно-прославлена,
Пью я—чашу твою.

Александръ Рославлевъ.

Распятье.

Я въ жизнь вступаю смѣло,
Кто гибнетъ,—позови.
Цвѣти блаженно тѣло
Святымъ цвѣткомъ любви.

* *
*

Мы люди, будто дѣти,
Заблудшія въ лѣсу.
Я бремя всѣхъ столѣтій
Приму и понесу,

* *
*

Скажу я: „Счастье ваше—
Не вѣдать ничего,
Но мудрый пьетъ изъ чаши
Томленья моего“.

* *
*

Мнѣ горнія печали,
Какъ сладкіе соты.
Съ креста увижу доли
Эдемской красоты.

* *
*

Грядите въ міръ, пророки,
Примите міръ, какъ я,
Горите звѣздно, строки,
Гори, душа моя.

Александръ Рославлевъ.

Пророкъ.

„Глаголомъ жги, сердца людей!“
Пушкинъ.

Глаголомъ блѣднаго пророка
Уже пресыщена толпа,
И безнадежно-одинока
Его суровая тропа.

* * *

Онъ обличалъ неколебимо,
Онъ ждалъ проклятій и камней,
Но всѣ, спѣша, проходятъ мимо
И не вернутъ солгавшихъ дней.

* * *

Принесъ онъ грозди золотыя,
Но гдѣ же чаши, выжать сокъ?
Слова, какъ голуби, — простыя,
Но взлетъ ихъ солнечно высокъ.

* * *

Умолкъ пророкъ. Бѣжалъ въ пустыню
Повѣдать небу и песку
Свою жестокую святыню,
Свою безбрежную тоску.

* * *

Ужаливъ сердце, словно аспидъ,
Сомнѣнье въ бездну повлекло
И, тишиной вечерней распятъ,
Пророкъ къ вѣкамъ склонилъ чело.

* * *

Рабы земли неумолимой
Вновь обезкрылили мечту:
Въ ихъ слѣпотѣ неисцѣлимой
Свою онъ видитъ слѣпоту.

Александръ Рославлевъ.

Цвѣты.

Взирало съ неба пламенное око,
Кричала жизнь подъ нимъ.
Изъ края въ край скитался одиноко
Суровый пилигримъ.

* * *

То ангелъ былъ изъ стражи горней сѣни.
Онъ далъ обѣтъ, найти
Слезу любви незнающей сомнѣній
И Богу принести.

* * *

Текли вѣка, смѣнялись поколѣнья,
Томился духъ Творца,
А строгій ангелъ, обходя селенья,
Испытывалъ сердца.

* * *

Однажды онъ, упавъ среди дороги
Въ сухой, нѣмой степи,
Воскликнулъ въ жгучей скорби и тревогѣ:
— „Усталъ я! — подкрѣпи!“

* * *

Тогда вокругъ цвѣты, благоухая,
Впервые расцвѣли
И ангелъ всталъ блаженно прославляя
Сладчайшій сонъ земли.

Александръ Рославлевъ.

Въ твоемъ саду.

Въ твоемъ саду благоуханномъ,
Въ неувядающемъ саду,
Я зацвѣту цвѣткомъ нежданнымъ
И, не расцвѣтши, опаду.

—

Въ часъ нѣжныхъ сказокъ и мечтаній,
Когда возлюбленный съ тобой, —
Въ твоемъ немолкнущемъ фонтанѣ
Мелькну я рыбкой голубой.

—

— „Смотри, смотри, какая рыбка!“
Ты склонишь дѣтскіе глаза,
Но капля каплю гонитъ зыбко,
И расплывется бирюза.

—

Волшебныхъ птицъ твонхъ чудеснѣй,
Тебѣ я пѣсню пропою,
И смутный вздохъ сольешь ты съ пѣсней,
Какъ слилъ я съ нею жизнь мою.

—

Ты вспомнишь робкое моленье,
И повлечетъ въ былую даль
Неисцѣлимое томленье,
Неизъяснимая печаль.

Александръ Рославлевъ.

Метелица.

Замела метелица,
Конь подъ вѣтромъ валится,
Въ полѣ кутерьма.
То поетъ да бѣлится

Русская красавица,—
Лютая зима.

* * *

Липнутъ мухи бѣлыя,
Застреваютъ цѣпкія
Въ шапкѣ, въ бородѣ.
Черти ошалѣлые,
Пустоплясы крѣпкіе,
Знаютъ, быть бѣдѣ...

* * *

Не холсты ли стелются,
Рвутся, завиваются
И ползутъ въ оврагъ?
Замела метелица,
Оченьки слипаются.
Чуръ насъ! Близокъ Врагъ.

Александръ Рославлевъ.

Игрушки.

Игрушки милыя, — друзья,
Мечтаній дѣтскихъ и забавъ,
Лишь васъ вернуть хотѣлъ бы я
Душѣ, вкусившей всѣхъ отравъ.

* * *

Но какъ вернуть? Увялъ цвѣтникъ
Лазурныхъ сказокъ, бѣлыхъ сновъ,
Устало сердце — гробовщикъ
Все строже, строже бой часовъ.

* * *

Прошли безцѣльные года
И день за днемъ слѣжу съ тоской,
Гдѣ ты, смѣявшійся всегда,
Паяцъ съ оторванной рукой?

* * *

— „Ты позабавь меня теперь
И бубенцами позвени,
Ты слышишь, смерть стучится въ дверь
Скажи ей: „Рано“ — прогони.

* * *

Что шепчетъ вѣчность надо мной?
Игрушки милыя, увы,
Не жить намъ прошлою весной.
Я такъ же сломанъ, какъ и вы.

Александръ Рославлевъ.

Фіордъ Сѣверной Принцессы.

Баллада.

Морякъ приплылъ изъ дальныхъ странъ.
Его глаза ясны и горды.
Ему не страшенъ океанъ.
Его забросилъ ураганъ
Къ принцессѣ въ мрачные фіорды.
Тамъ люди хмуры. Замокъ твердъ
Среди снѣговъ и чернолѣса,
А между скалъ туманъ простертъ.
И часто съ башни на фіордъ
Глядитъ печальная принцесса.
Принцесса въ башнѣ у окна.
Чужой морякъ до утра съ нею.
Она блѣдна, она грустна...
И золотыхъ волосъ волна
Ей покрываетъ грудь и шею.
— Морякъ, скажи, откуда ты?
Въ твоемъ краю снѣга и горы?..
— О, нѣтъ. Въ моемъ краю цвѣты.

Тамъ солнце смотритъ съ высоты
На изумрудные просторы... .
— Скажи,—твой замокъ на скалѣ?
Крѣпки его сѣдыя стѣны?..
— Въ моей полуденной землѣ
Поютъ о добромъ королѣ
Звонкоголосыя сирены...
— Морякъ, у вашихъ дѣвъ и женъ
Грустны глаза и блѣдны лица?
— О, нѣтъ! Въ нихъ полдень отраженъ.
Ихъ волоса, какъ чистый ленъ,
А очи—очи, какъ зарница...
— Твои глаза, какъ ночь, темны...
Ты знаешь грезъ любовныхъ путы?..
— Люблю лазурь морской волны
И вѣтромъ солнечной весны
Мой парусъ, радостно надутый...
— Морякъ, морякъ, въ твоей странѣ
Какъ ты всѣ юноши прекрасны?..
Пойди ко мнѣ, прильни ко мнѣ...
Я вся дрожу... Я вся въ огнѣ...
Зажегъ меня твой шопотъ страстный...
Надъ замкомъ ночь и лунный сводъ.
Принцессу въ грудь морякъ цѣлуетъ.
А ночь любви плыветъ, плыветъ...
Играетъ сѣверный восходъ,
И надъ фіордомъ вѣтеръ дуетъ.
У черныхъ скалъ шумитъ прибой,
И рвется парусъ въ даль морскую...
— Морякъ, морякъ! Хочу съ тобой,
Къ твоей отчизнѣ голубой.
Мнѣ здѣсь темно. Я здѣсь тоскую.
Онъ отвѣчаетъ: „Не грусти.
Къ тебѣ вернусь я неизмѣнный,

Когда поля начнутъ цвѣсти.
Тогда, принцесса, возврати
Мнѣ этотъ камень драгоцѣнный...“
И въ теплый край уплылъ морякъ.
Принцесса ждетъ: „Вернись, мой милый!“
Приходитъ ночь. Печаленъ мракъ.
И ночью слышенъ тихій шагъ
Подъ сводомъ комнаты унылой.
И въ замкѣ тихо, какъ въ гробу.
И часто видѣли крестьяне
Принцессу, ждущую судьбу.
Ея тоску, ея мольбу
У моря въ утреннемъ туманѣ.
Была весна. Фіордъ сверкалъ.
И вновь туманъ средь горъ и поля.
Принцесса ждетъ у черныхъ скалъ.
Морякъ уплылъ. Морякъ солгалъ.
Ему милѣй морская воля.
Принцесса ждетъ. Она больна.
Какъ снѣгъ, блѣдна. Какъ сумракъ, очи.
У черныхъ скалъ груститъ она.
Однажды—ночь была темна—
Ушла принцесса въ холодъ ночи
И сѣрымъ утромъ рыбаки
Ее нашли подъ ропотъ пѣнный
У скалъ, гдѣ зыблются пески.
И пальцы мертвенной руки
Сжимали камень драгоцѣнный.
Въ суровый замокъ отнесли
И положили, брови хмуря.
Всю ночь огни на башняхъ жгли.
А на фіордѣ корабли
Качалъ прибой, и пѣла буря.
Пустыненъ замокъ вдалекѣ.

Принцессы нѣтъ. Но не забыли
Ее, погибшую въ тоскѣ
По гордомъ, смѣломъ морякѣ.
О ней поютъ въ народной были.
О ней поютъ. А льды встаютъ.
Туманы ткутъ свои завѣсы.
Тамъ люди хмурые живутъ.
И моряки тотъ край зовутъ
„Фіордомъ Сѣверной Принцессы“.

Дмитрій Цензоръ.

Петербургъ. Ноябрь.

II.

Н. ГРЕДЕСКУЛЪ. Общество, реакція и народъ.
А. ШИНГАРЕВЪ. Тяжкій законъ.
О. ПЕРГАМЕНТЪ. Запросы жизни и отвѣты права.
Кн. Дм. ШАХОВСКОЙ. Союзъ Освобожденія.
А. ТЫРКОВА. Первый женскій съѣздъ.
Л. ГАЛЬБЕРШТАДТЪ. Россія и міровая политика. (1878—1908).
М. СЛАВИНСКІЙ. Новое славянское движеніе.

Общество, реакція и народъ.

I.

Едва ли когда нибудь русское общество и, въ особенности, та его часть, которая именуется интеллигенціей,—переживали такой смутный и такой тягостный для нихъ историческій моментъ, какъ въ настоящее время. Наше общественное настроеніе проникнуто теперь такимъ глубокимъ упадкомъ духа, такимъ крайнимъ, безотраднымъ пессимизмомъ по отношенію къ будущему, какихъ тщетно было бы искать во всемъ нашемъ „идейномъ“ прошломъ. Это настроеніе граничитъ прямо съ отчаяніемъ. Мы не видимъ для себя въ будущемъ никакого выхода, никакого просвѣта. Кажется, что все, что было сдѣлано, безвозвратно погибло; что борьбу за русскую свободу надо—легко ли это сказать?—начинать сначала.

Нашему освободительному движенію предшествовала болѣе чѣмъ столѣтняя борьба русской интеллигенціи за русскую свободу. Эта борьба велась ею при самыхъ тяжкихъ для нея условіяхъ. Нужны были необычайное самоотверженіе и необычайная крѣпость духа, чтобы вести ее съ тѣмъ упорствомъ, съ какимъ она дѣйствительно велась. Еще со временъ Новикова и Радищева начался мартирологъ русской интеллигенціи, и онъ почти безъ перерыва продолжался вплоть до нашихъ дней. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей интеллигенція была предметомъ постоянныхъ гоненій и постоянныхъ преслѣдованій. И тѣмъ не менѣе она не только не склоняла покорно своей головы передъ событіями, но и никогда не теряла бодрости, не теряла вѣры въ свое дѣло. На мѣсто однихъ—павшихъ или снятыхъ съ позицій—являлись другіе, которые съ тѣмъ же упорствомъ и съ тѣмъ же энтузіазмомъ продолжали дѣло своихъ предшественниковъ.

Боровшіеся на протяженіи всего XIX столѣтія съ русскимъ

абсолютизмомъ отлично понимали, что они выступаютъ лишь, какъ „авангардъ“,—что они только „предвѣстники“ будущей великой битвы и будущей великой побѣды. Но они глубоко вѣрили и въ эту битву, и въ эту побѣду, и это давало имъ такую крѣпость духа, которой не могли сломить никакія внѣшнія неудачи. Пусть этихъ неудачъ было множество,—вѣдь почти вся ихъ дѣятельность состояла, въ сущности, изъ сплошныхъ жертвъ и этихъ „внѣшнихъ“ неудачъ, но они принимали ихъ, какъ нѣчто неизбѣжное, какъ нѣчто приносимое на алтарь великаго народнаго дѣла и его грядущаго торжества. Интеллигенція отлично знала, что ея борьба есть только чистое „самопожертвованіе“, есть только „приготовленіе“ будущаго, и она не падала духомъ отъ того, что эта борьба не давала ей никакихъ прямыхъ и непосредственныхъ результатовъ. Какъ выразился какъ-то бывшій „шлиссельбуржецъ“, а нынѣ депутатъ Государственной Думы, В. А. Карауловъ, „они“ своими трупами засыпали тѣ рвы, за которыми возвышалась твердыня русскаго абсолютизма. И они падали въ эти рвы и пропасти, но ихъ духъ оставался гордъ и непреклоненъ, а ихъ вѣра въ русскій народъ сама была „твердыней“, всегда грозно возвышавшейся противъ твердыни абсолютизма.

Теперь, въ этомъ традиціонномъ, вѣковомъ, устойчивомъ настроеніи русской интеллигенціи и всего русскаго общества произошла несомнѣнная перемѣна, произошелъ какой-то внутренній сдвигъ, какое-то подземное колебаніе, какая то глубокая переоцѣнка цѣнностей. И нынѣшній историческій моментъ особенно тяжелъ для насъ именно тѣмъ, что онъ осложнился этимъ „колебаніемъ“ общественнаго духа. Донынѣ, несмотря на всѣ внѣшнія, нерѣдко крайне жестокія испытанія, русская интеллигенція всегда чувствовала подъ собой твердую почву, духовный „материкъ“ своего вѣкового міросозерцанія и своихъ неизмѣнныхъ надеждъ. Теперь этотъ „материкъ“ какъ-то странно зашатался,—какъ будто онъ готовъ измѣнить интеллигенціи, какъ будто онъ превращается въ какую-то зыбкую, ненадежную стихію, уже не способную служить твердой точкой опоры для дальнѣйшей работы интеллигенціи въ пользу народа.

Въ чемъ же причина этого землетрясенія, происшедшаго въ нѣдрахъ нашего общественнаго духа, и этой паники, овладѣвшей русскимъ обществомъ?

Очевидно, что дѣло тутъ вовсе не въ одной внѣшней „неудачѣ“ освободительнаго движенія. Вѣдь, донынѣ насъ эти неудачи

никогда не смущали. Наоборотъ, мы ихъ считали дѣломъ для себя привычнымъ и даже неизбѣжнымъ. Но почему? Именно потому, что въ борьбѣ за свободу участвовалъ только „авангардъ“ народа, и этотъ авангардъ отлично понималъ, что пока къ нему не присоединится самъ народъ, до тѣхъ поръ побѣда невозможна. Поэтому онъ терпѣливо ждалъ этого великаго и рѣшающаго момента... Въ ожиданіи его онъ бодро, спокойно, безропотно, почти безпечно приносилъ тысячи жертвъ этой будущей русской свободѣ, въ которую вѣрилъ непоколебимо.

Въ 1905—06 г.г. этотъ торжественный, великій, долго жданный часъ, наконецъ, насталъ! Народныя массы проснулись отъ своего глубокаго, многовѣкового политическаго сна. Онѣ довѣрчиво обратились къ интеллигенціи за политическимъ руководствомъ. Интеллигенція впервые получила возможность опереться въ своихъ стремленіяхъ прямо на народныя массы. Интеллигенція и народъ слились въ одномъ общемъ пламенномъ порывѣ къ свободѣ. Вмѣстѣ они создали это великое русское освободительное движеніе. Они работали въ немъ, какъ два вѣрныхъ союзника,—рука съ рукой, плечемъ къ плечу. Въ этомъ былъ весь великій историческій смыслъ событій. Въ этомъ была ихъ поразительная, захватывающая сила. И народъ, и интеллигенція переживали ихъ съ восторгомъ, какъ великій историческій праздникъ своего единенія и своего совмѣстнаго творческаго порыва. И имъ казалось, что сила этого единенія и этого порыва таковы, что имъ ужъ ничто не можетъ противостоять...

Конечно, старый режимъ не могъ уступить натиску сразу и добровольно. Сопротивленіе съ его стороны было неизбѣжно, и это сопротивленіе, какъ и слѣдовало ожидать, продолжалось довольно долго. Но все же, въ концѣ концовъ, онъ „сдался“.

Манифестъ 17 октября! Конституція! Свободная дорога передъ великимъ, изстрадавшимся народомъ!

Глубокая, чистая радость и за себя, и за родину охватила тогда русское общество по поводу совершившейся великой перемѣны.—Да неужели же это настоящая, подлинная, европейская конституція?—спрашивали другъ друга вновь народившіеся русскіе „граждане“. Текстъ манифеста и сопровождавшаго его „доклада“ графа Витте не оставляли въ томъ никакихъ сомнѣній.

И тѣмъ, кто считалъ себя преемниками декабристовъ и всѣхъ послѣдующихъ борцовъ за русскую свободу, кто свято чтилъ ихъ страдальческую память, хотѣлось тогда сказать: „Нынѣ отпу-

*

щаеши"...—И у нихъ невольно вырывалось сожалѣніе по адресу этихъ борцовъ: зачѣмъ „они" не дожили до этого момента народнаго торжества? зачѣмъ умеръ, не дождавшись его, даже тотъ, кто такъ долго стоялъ „на славномъ посту" духовнаго вождя русской интеллигенціи и кто сошелъ съ него въ могилу всего за нѣсколько мѣсяцевъ до русскаго освободительнаго движенія?

Думалось, что мы у конца тяжелаго, мучительнаго, долгаго пути...

Но на другой же день послѣ манифеста началась та „сумятица" событій, которая совершенно замутила ихъ первоначальную,—казалось, такую прозрачную—глубину. Погромы и провокаціи съ одной стороны,—попытки вооруженныхъ возстаній—съ другой. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, планы „соціалистическаго" переустройства Россіи, чуть не диктатура пролетаріата,—и на смѣну всему этому жесточайшія правительственныя расправы и репрессіи. И опять погромы и погромы...

Но, вотъ, снова яркій историческій свѣтъ: собирается первая Государственная Дума. И общество вновь охватила надежда. Народное представительство избрано. Оно пользуется всенароднымъ сочувствіемъ. Оно хочетъ обезпечить Россіи новое, конституціонное устройство; излечить страну отъ ея кровавыхъ ранъ; дать ей внутренній миръ и благосостояніе; вернуть ей ея прежнее внѣшнее могущество. Словомъ, побѣда,—полная побѣда народа!

Вовсе нѣтъ.—Дума сталкивается съ бюрократическимъ министерствомъ; ее распускаютъ; на ея мѣстѣ водворяется побѣдоносная, неумолимая, жестокая реакція. И эта реакція растетъ и растетъ...

Исполнились такимъ образомъ завѣтныя мечты поколѣній, народъ въ освободительномъ движеніи присоединился къ интеллигенціи,—а оно всетаки кончилось неудачей.

И, вотъ, этотъ-то именно фактъ: не то, что насъ постигла неудача, а то, *какая* это была неудача—и есть источникъ и причина того „сдвига" въ общественномъ настроеніи, о которомъ мы говорили выше. На общество надвинулся пессимизмъ, пессимизмъ безотрадный и никогда еще не бывалый, потому что неудача постигла насъ вмѣстѣ съ народомъ, т. е. при такихъ условіяхъ, при которыхъ мы считали ее уже невозможной.

— Если неудача постигла даже *это* движеніе,—при *такихъ* условіяхъ, *при какихъ* оно происходило, то когда же можетъ наступить для насъ удача?—спрашиваетъ себя теперь русскій интел-

лигентъ, принимавшій пламенное участіе въ происходившемъ народномъ движеніи, вложившій въ него всѣ силы своей души.

И съ его устъ невольно срывается безотрадный отвѣтъ:

— Никогда!

II.

То отчаяніе и тотъ пессимизмъ, которые овладѣли теперь русскимъ обществомъ, сказываются не въ однихъ жалобахъ на судьбу и не въ однихъ выраженіяхъ безнадежности, составляющихъ собою основной фонъ всего того, что теперь пишется и говорится о положеніи Россіи, но и въ цѣломъ рядѣ фактовъ нашей современной общественной жизни, какихъ также тщетно было бы искать въ нашемъ прошломъ.

Интеллигенція—и, въ особенности, ея юная, наиболѣе впечатлительная часть: студенчество, молодежь—отхлынула теперь отъ вопросовъ политическихъ и соціальныхъ и занялась вопросами иного свойства: чисто-научными, религіозно-философскими, моральными. Все это вопросы, сами по себѣ, безусловно важные, вполнѣ достойные всяческаго вниманія, но, вѣдь, мы еще такъ недавно страстно проповѣдывали, что до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не разрѣшены политическіе и соціальные вопросы, нельзя обращаться къ этимъ другимъ, „аполитическимъ“ вопросамъ. Теперь мы къ нимъ обратились, обратились со страстью, но обратились болѣзненно, безпорядочно, „импрессіонистски“. Мы добиваемся теперь рѣшенія этихъ „вѣчныхъ“ вопросовъ,—но добиваемся не для того, чтобы на ихъ рѣшеніи, какъ на прочномъ фундаментѣ, построить себѣ стройное и устойчивое міросозерцаніе, а мы просто хотимъ потопить въ нихъ свою „политическую“ неудачу, мы ищемъ въ нихъ „наркоза“, забвенія, опьяненія для своихъ нервовъ, перенапряженныхъ предшествующей политической борьбой, не получившей благопріятнаго исхода. Поэтому и въ сферѣ этихъ вопросовъ мы ищемъ не ихъ спокойной глубины, а чего-нибудь щекочущаго, ошеломляющаго, заставляющаго хохотать до упаду или плакать до безумія. Мы ищемъ въ нихъ себѣ не надлежащаго „руководства“ къ поведенію, а, наоборотъ, освобожденія себя отъ всякаго руководства,—необузданной свободы, разрѣшенія намъ отъ имени, яко бы, высшаго философскаго пониманія жизни, дѣлать все, что намъ вздумается. На этой именно болѣзненной почвѣ

возникло и это пресловутое увлеченіе „вопросами пола“, это возведеніе въ идеалъ арцыбашевскаго Санина. Странно было бы отрицать важность религіозно-философскихъ или нравственныхъ вопросовъ, также какъ и законность новыхъ исканій въ искусствѣ. Но нормальный и даже усиленный интересъ къ нимъ, какъ и вообще ко всей „аполитической“ сторонѣ человѣческой жизни,—это одно, а тотъ истеричный, безудержный разгулъ, который въ нихъ теперь совершается,—это совершенно другое. И отъ перваго такъ же далеко до второго, какъ, напр., отъ защиты „свободнаго“ чувства до тѣхъ „лигъ любви“, въ которыхъ это чувство превращается въ орудіе какого-то жалкаго духовнаго „кокаинизма“ или „морфинизма“.

Натянувъ свои нервы до послѣдней степени въ предыдущей политической борьбѣ, мы теперь хотимъ разбить ихъ „вдребезги“ чѣмъ-нибудь изъ ряда вонъ выходящимъ, чѣмъ-нибудь доводящимъ все наше измученное существо до такого состоянія, при которомъ все—и жизнь, и смерть—дѣлается просто „трынъ-травой“. Отсюда это, уже ни съ чѣмъ не сообразное, пренебреженіе и къ своей, и къ чужой человѣческой жизни,—пренебреженіе, которое такъ ярко сказывается у насъ на каждомъ шагу.

Конечно, всего этого идейнаго „угара“, также какъ и соотвѣтствующей ему нравственной „развинченности“, не слѣдуетъ количественно преувеличивать. Скажу даже больше: былобы просто несправедливо вмѣнять ихъ въ вину *всей* русской интеллигенціи. Но что они составляютъ характерный симптомъ современнаго положенія общественности—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они представляютъ собою не что иное, какъ болѣзненные продукты, болѣзненныя выдѣленія современнаго общественнаго настроенія. Ихъ подпочвой именно и является та растерянность передъ событіями и тотъ безотрадный пессимизмъ по отношенію къ будущему, который охватилъ теперь русское общество.

Такимъ образомъ, психологія современнаго русскаго общественнаго настроенія совершенно ясна: это—психологія отчаянія. Это—та психологія, которая овладѣваетъ людьми послѣ страстной борьбы за достиженіе цѣли, которая была уже совсѣмъ близкой, которая казалась уже почти достигнутой,—и отъ которой вдругъ обстоятельства и событія далеко отбрасываютъ назадъ. И имъ послѣ этого кажется, что ихъ цѣль—совершенно недостижима; по крайней мѣрѣ, недостижима для нихъ самихъ... Но если такъ, то не надо упускать изъ виду того, что это, вѣдь, психологія опасная,—опас-

ная для личности, но еще болѣе опасная для общества. Эта психологія сама способна стать худшимъ препятствіемъ на пути къ дальнѣйшему общественному движенію, ибо она прежде всего знаменуетъ собою разслабленіе воли, настоящее малодушіе, которое въ обществѣ распространяется отъ однихъ къ другимъ и дѣлаетъ невозможнымъ энергичное общественное дѣйствіе. Да мало того: въ этой общественной „психологіи отчаянія“, къ сожалѣнію, есть и еще одинъ ингредіентъ, — еще болѣе вредный, чѣмъ малодушіе; ингредіентъ, который представляетъ собою уже настоящій ядовитый осадокъ подобныхъ настроеній. Это—столь часто обнаруживающаяся въ потерпѣвшихъ неудачу наклонность сваливать вину за нее другъ на друга.

Увы! извѣстную дозу этого общественнаго яда мы должны констатировать и въ нашемъ теперешнемъ общественномъ настроеніи. Мы должны отмѣтить, что одинъ изъ союзниковъ—интеллигенція, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ нѣкоторой своей части (какъ она велика, объ этомъ трудно судить), слагаетъ вину за происшедшее на другого своего союзника—на народъ. Эта часть интеллигенціи обвиняетъ русскій народъ не въ чемъ иномъ, какъ просто въ негодности или неспособности къ политической свободѣ. Она говоритъ: мы увидѣли теперь, что это за народъ и на что онъ годится. Не народъ, а фефела! Грошъ ему цѣна. Не умѣетъ справляться со своей судьбой. За сколько вѣковъ выпалъ ему счастливый жребій самому устроить свои порядки, какъ хочетъ, но не съумѣлъ онъ имъ воспользоваться: провалилъ все, что далось ему въ руки.

Вотъ это уже, несомнѣнно, самый зловредный элементъ въ нашемъ современномъ общественномъ настроеніи. Это уже настоящій ядъ, который не просто, какъ малодушіе, парализуетъ на время общественное дѣйствіе, а разрушаетъ самую его организацію.

III.

Меньше всего хотимъ мы увѣрять здѣсь читателей, будто все у насъ обстоитъ благополучно; меньше всего хотимъ приглашать ихъ къ веселью и ликованію. Мы отлично знаемъ, что друзьямъ русскаго освободительнаго движенія прилично ходить теперь только въ траурѣ. Мы не только не склонны этого отрицать, но мы даже хотѣли бы съ своей стороны это подчеркнуть, чтобы устранить вся-

кое подозрѣніе въ томъ, что мы беремъ на себя наивную и безнадежную смѣлость пытаться надѣть на русскаго читателя розовыя очки.

Кто хочетъ съ фактической стороны правильно оцѣнивать переживаемый нами политическій моментъ, тотъ долженъ прямо сказать, что передовая, прогрессивная Россія теперь физически побѣждена и что страна находится всецѣло въ рукахъ реакціи.

Русская реакція, которая до 1905 года въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій такъ прочно владѣла нашей судьбой и которая, казалось, такъ же прочно была отброшена въ сторону освободительнымъ движеніемъ, теперь вновь вышла на историческую арену и вновь принялась за свою старую работу приведенія страны къ субординаціи и повиновенію, къ „успокоенію“ и „порядку“.

И какъ принялась?! Уже не по старому, не съ спокойной увѣренностью въ своей силѣ, а потому и съ нѣкоторой „пощадой“, не съ традиціонной „халатностью“ и неизбѣжными въ доброе старое время „вѣдомственными“ прекраніями,—а свирѣпо и безпощадно, съ энергіей, разбуженной сознаніемъ пережитыхъ опасностей, съ жаднымъ желаніемъ отомстить за испытанные страхи, съ заманчивой надеждой разъ навсегда „вышибить“ изъ головъ всякія „поползновенія“....

Почуявъ вновь подъ собой силу, реакція стала свирѣпствовать надъ страной, какъ буря, какъ стихія,—то проносясь надъ отдѣльными ея мѣстностями настоящими ураганами „чрезвычайныхъ“ мѣропріятій, то равномѣрно разряжаясь на всемъ пространствѣ необъятной Россіи ежедневными, „очередными“ репрессіями разнаго рода. Смертныя казни, аресты, высылки, штрафы противъ печати и частныхъ, иногда даже должностныхъ лицъ [1])—сдѣлались постояннымъ содержаніемъ нашего ежедневнаго политическаго бюллетеня, до извѣстной степени варьируя въ величинахъ, но никогда не прекращаясь совсѣмъ и всегда выражая собою неизмѣнно „твердое“ настроеніе правящихъ теперь Россіей реакціонныхъ сферъ.

Среди этого непрерывнаго потока репрессій всякаго рода, особенно удручающимъ образомъ дѣйствуетъ непрекращающееся примѣненіе смертныхъ казней. Дни, когда ихъ нѣтъ, являются исключеніемъ, можетъ быть, даже мнимымъ, ибо мы не можемъ

---

[1]) Изъ должностныхъ лицъ подвергаются этой участи, конечно, „автономныя“. Напомнимъ оштрафованіе петербурскимъ градоначальникомъ директора высшихъ женскихъ курсовъ,—В. А. Фаусека и директора медицинскихъ курсовъ—С. С. Салазкина—по 1000 рублей каждаго.

быть увѣрены въ томъ, что въ печать попадаютъ свѣдѣнія обо *всѣхъ* совершающихся смертныхъ казняхъ. Средняя дань Молоху злобы человѣческими жизнями равняется, по меньшей мѣрѣ, 2—3 въ день. Сплошь и рядомъ цифра эта поднимается до 10—15. Нетакъ давно былъ день, когда было казнено 23 человѣка: 10— въодномъ мѣстѣ, 10—въ другомъ, 3—въ третьемъ. Первое изъ этихъ мѣстъ—несчастный Екатеринославъ, въ которомъ послѣ этого, въ теченіе не больше одного мѣсяца, было казнено еще больше двухъ десятковъ лицъ. Всего, какъ сосчитываютъ, въ Екатеринославѣ казнено около 60 человѣкъ.

Человѣческій мозгъ почти отказывается конкретно представлять себѣ то, что скрывается за этимъ особеннымъ, неслыханнымъ прежде въ Россіи счетомъ. И этотъ счетъ продолжается, вѣдь, изо дня въ день, вотъ уже больше двухъ лѣтъ,—и цифры его не только не падаютъ, но, въ общемъ, даже возрастаютъ. Подавленные этимъ ужаснымъ счетомъ, мы теперь съ удивленіемъ вспоминаемъ наши прежнія, уже отошедшія въ исторію волненія изъза военно-полевыхъ судовъ. Послѣ роспуска первой думы правительство ихъ экстренно, на основаніи 87 ст., учредило; общество было этимъ тогда страшно взволновано; съ созывомъ второй думы правительство, какъ будто, согласилось съ тѣмъ, что это учрежденіе, дѣйствительно, жестокое и ненужное. Оно не настаивало въ думѣ на продленіи ихъ существованія, и они сами собой прекратились. Но развѣ устраненіе военно-полевой юстиціи сколько-нибудь отразилось на жестокомъ расточеніи человѣческихъ жизней? Нисколько! Отмѣна военно-полевыхъ судовъ, какъ-бы, только подчеркнула, что это расточеніе требуется вовсе не во имя совершенно экстраординарнаго положенія вещей, а составляетъ будничную дань той „усиленной“ охранѣ, которой теперь подвергнута Россія...

Итакъ, меньше всего приглашаемъ мы читателей чему-либо „радоваться“ въ нашей современной политической жизни. Но мы все же думаемъ, что къ тому *крайнему* пессимизму, который имъ теперь всецѣло завладѣлъ и который готовъ признать всѣ результаты движенія сведенными на-нѣтъ,—не имѣется достаточныхъ основаній.

Стоитъ только оглянуться вокругъ, чтобы увидѣть, что то самое освободительное движеніе, неудачу котораго мы такъ больно чувствуемъ, оставило послѣ себя въ русской жизни неизгладимые слѣды; что оно легло непереходимой гранью между старой и новой Россіей; что Россія теперь — послѣ событій и переживаній

1905—1906 г.г.—совсѣмъ *не та*, совсѣмъ *другая*, чѣмъ она была раньше. Да и какъ это могло быть иначе, когда надъ цѣлымъ народомъ пронеслась грозная историческая буря, взволновавшая его такъ, что онъ отъ нея весь, какъ старый дремучій лѣсъ, и шумѣлъ, и гудѣлъ, и пригибался до земли? Неужели эта грозная буря могла такъ-таки и не разрушить ничего стараго? Такъ-таки и не расчистить мѣста ни для чего новаго?

Какъ при всякомъ великомъ историческомъ переломѣ, все теперь получило болѣе острые контуры, все стало рѣзкимъ, преувеличеннымъ, часто злымъ и каррикатурнымъ, но настоящаго-то „стараго“,—такимъ, какъ оно было раньше, какъ оно жило и господствовало, — именно и не осталось. Правда, нѣтъ еще и настоящаго „новаго“, его еще надо создавать... Но все-же мы идемъ „впередъ“, прямо навстрѣчу „новому“, только идемъ тѣмъ же труднымъ, тернистымъ путемъ, какимъ шли къ нему и всѣ европейскіе народы. И въ этомъ движеніи „впередъ“ пережитое русскимъ народомъ освободительное движеніе есть первая, прочная, неразрушимая, совершенно отрѣзавшая насъ отъ нашего прошлаго, ступень. Позади нея осталась та „старая“ Россія, которая, дѣйствительно, могла приводить въ отчаяніе своей вѣковой неподвижностью; впереди нея — только эта „новая“ Россія, которая теперь уже доказала, что умъ ея—дѣятеленъ, мышцы—крѣпки; что весь народный организмъ ея — молодъ и полонъ энергіи. И если эта молодая, новая Россія не совершила всего однимъ юношескимъ ударомъ, то изъ этого вытекаетъ только одно: что чудесъ въ исторіи не бываетъ и что все въ ней идетъ своимъ, повсюду одинаковымъ, закономѣрнымъ ходомъ.

IV.

Нашу мысль мы хотимъ пояснить здѣсь на самомъ „страшномъ“: на нашемъ противникѣ и побѣдителѣ—русской реакціи.

Та ли это реакція, что была у насъ и раньше?

Стоитъ только поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы тотчасъ же, и безъ всякихъ колебаній, отвѣтить на него отрицательно. И при томъ тотчасъ же ясно, что нынѣшняя реакція отличается отъ своей „старой“, „до-конституціонной“ предшественницы вовсе не одной своей силой, свирѣпостью и необузданностью. Нѣтъ, она *вообще* стала совсѣмъ иной.

Для нея, какъ и для всего въ Россіи, не прошли даромъ событія послѣднихъ лѣтъ русской жизни. Она перестроилась на новыхъ „основаніяхъ“, она восприняла въ себя много новыхъ „элементовъ“, она стала умнѣе,—она пошла тоже впередъ „за вѣкомъ“ и, если можно такъ выразиться, „европеизировалась“. И эти послѣднія черты ея эволюціи настолько любопытны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько важны для пониманія современнаго политическаго положенія, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на нихъ внимательнѣе.

Наша „старая“ реакція была до крайности проста прежде всего въ своей идейной основѣ. Сохраненіе абсолютизма въ государственномъ устройствѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и всевластія правящей бюрократіи въ государственномъ управленіи — вотъ то, къ чему она стремилась и противъ „неприкосновенности“ чего она не только не позволяла „дѣйствовать“, но даже и возвышать свое свободное мнѣніе кому бы то ни было и гдѣ бы то ни было въ Россіи: не только въ общественныхъ собраніяхъ или въ ежедневной печати, но даже и съ университетской каѳедры или въ ученомъ трактатѣ. Абсолютизмъ считался священнымъ „палладіумомъ“ Россіи, ея „единоспасающимъ“ государственнымъ догматомъ — и „сомнѣваться“ въ немъ не позволялось никому. Его открыто и торжественно „предносили“ передъ русской государственностью,—и онъ безъ всякаго труда, одной своей прямолинейной логикой оправдывалъ для его приверженцевъ необходимость полнаго подавленія всѣхъ проявленій общественной свободной мысли и общественной самодѣятельности.

Упорно стоять на этой прямолинейной и торжественной позиціи государственнаго абсолютизма, какъ это дѣлалъ Плеве и всѣ его предшественники по руководству нашими „внутренними дѣлами“, теперь уже невозможно. Событія сильно поистрепали ту традицію, которая ранѣе признавалась непререкаемой и просто извлекать изъ нея для управленія жизнью огромнаго государства однѣ логическія слѣдствія — не приходится. Японская война, очевидное для всѣхъ паденіе нашего вѣса и значенія среди другихъ народовъ, наконецъ, вся цѣпь событій освободительнаго движенія, закончившихся формальнымъ актомъ 17 октября, избирательнымъ закономъ 11 декабря и созывомъ первой Государственной Думы— все это совершенно лишило принципъ абсолютизма его прежней твердости; отъ высокой температуры всѣхъ этихъ событій онъ потерялъ свою прежнюю монолитность, сталъ хрупкимъ; теперь уже ничего нельзя рѣшать простой ссылкой на одно его

существованіе и дѣйствіе. Реакція въ виду этого и не рѣшается на открытую и полную реставрацію стараго режима. Нѣтъ, она пошла кружнымъ и не столь откровеннымъ путемъ къ своей цѣли. Манифестъ 17 октября остается не отмѣненнымъ, — онъ сохраняетъ всю свою формальную силу, но вопреки его ясному содержанію на мѣсто избирательнаго закона 11 декабря поставленъ избирательный законъ 3 іюня. Прямая логика юридическихъ принциповъ, конечно, этимъ нарушена, но вовсе нельзя сказать, чтобы это было *не по-европейски*: вовсе нѣтъ — въ исторіи западно-европейскихъ реакцій примѣровъ такихъ coup d'état сколько угодно. Они всюду дѣлались въ убѣжденіи, что не право есть источникъ силы, а сила—источникъ права...

Но что же у насъ благодаря всему этому получилось? Какой строй? Какой государственный порядокъ? Реакція благоразумно не желаетъ обострять также и этого вопроса; она не настаиваетъ ни на какомъ опредѣленномъ названіи для существующаго порядка. Называйте его, какъ хотите и какъ вамъ больше нравится. Союзъ русскаго народа полагаетъ, что у насъ попрежнему осталось былое самодержавіе въ чистомъ его видѣ, и какъ на доказательство этого онъ указываетъ именно на законъ 3 іюня, на основаній котораго и произведены выборы въ третью Думу. Со свойственной ему прямолинейностью онъ хотѣлъ закрѣпить этотъ выводъ авторитетомъ „законопослушной“ третьей Государственной Думы, соблазняя ее сдѣлать это закрѣпленіе хотя бы только въ „титулѣ“ или „заголовкѣ“. Но „законопослушная“ третья Дума, руководимая октябристами, все-таки на этотъ соблазнъ не пошла, хотя она, конечно, при этомъ и не сказала прямо, какъ она сама понимаетъ наше нынѣшнее государственное положеніе. Впрочемъ, въ извиненіе ея робкаго смущенія въ этомъ отношеніи надо сказать, что прямой и откровенный отвѣтъ на этотъ вопросъ слишкомъ чувствительно затрагивалъ бы ея собственное правовое положеніе.

Но и правительство Столыпина также на этотъ споръ не отозвалось, не приняло въ немъ прямого участія—да и къ чему? Гораздо умнѣе оставлять этотъ вопросъ въ неопредѣленности, не ставить точекъ надъ і, чтобы не связывать себя вмѣстѣ съ тѣмъ и никакой формальной логикой. Пусть все остается *фактическимъ*, взаимно не связаннымъ въ области нашего государственнаго строя: это даетъ возможность передъ европейскими кредиторами выдавать

его за конституціонный, и въ то же время у себя дома говорить, что „у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента“.

Такимъ образомъ, наша реакція умно и по-европейски (ибо сколько примѣровъ тому дала одна Франція, особенно при Наполеонахъ: вѣдь, было же время, когда Наполеонъ I титуловался даже *императоромъ* французской *республики*) избѣгаетъ всѣхъ невыгодъ, связанныхъ съ слишкомъ скомпрометированной логикой чистаго абсолютизма, и въ то же время не обременяетъ себя и логикой настоящаго конституціонализма. Реакція предоставляетъ Готскому альманаху академически рѣшать вопросъ о томъ, какова собственно у насъ форма государственнаго строя.

V.

Однако наша реакція не желаетъ и того, чтобы ее считали „безпринципной“. Наоборотъ, она настаиваетъ на томъ, что она служитъ „принципамъ“, и при томъ „высокимъ“ принципамъ. Такихъ принциповъ она указываетъ два: *государственность* и *законность*. Наша реакція постоянно похваляется тѣмъ, что она *спасаетъ* русскую государственность, и при этомъ всегда прибавляетъ, что она дѣлаетъ это, стоя на почвѣ *законности*. Но что значитъ, спасать русскую государственность и почему это теперь требуется?—Да, наша русская государственность дѣйствительно глубоко потрясена, она, несомнѣнно, находится въ самой серьезной опасности. Чтобы спасти и укрѣпить положеніе тысячелѣтняго великаго русскаго государства въ средѣ другихъ государствъ и въ трудныхъ условіяхъ современной экономической и военной конкуренціи народовъ, надо принять самыя энергичныя и самыя поспѣшныя мѣры. Кто можетъ противъ этого спорить и кто можетъ на это возражать?

Это—тезисъ безспорный. Это—тотъ тезисъ, который въ настоящее время одинаково долженъ воодушевлять собою, какъ всякаго государственнаго человѣка, такъ и послѣдняго гражданина. Это—тезисъ, который долженъ быть основнымъ рычагомъ всего теперь происходящаго въ Россіи,—основнымъ требованіемъ современнаго русскаго патріотизма.

Но развѣ этотъ тезисъ—спасеніе тысячелѣтней великой русской государственности отъ надвинувшихся на нее со всѣхъ

сторонъ опасностей — выставленъ впервые современной русской реакціей?

Конечно, нѣтъ.

Это—тотъ тезисъ, который былъ формулированъ для Россіи событіями на Дальнемъ Востокѣ, жестокими тамъ пораженіями ея армій, казавшихся намъ несокрушимыми. Это — тотъ тезисъ, который оттуда, изъ далекой Маньчжуріи, перешелъ къ намъ въ Россію, сдѣлался ея всенароднымъ достояніемъ, глубоко взволновалъ собою всѣхъ ея гражданъ и сдѣлался исходнымъ пунктомъ и цѣлью ея освободительнаго движенія. Во имя этой цѣли и подъ флагомъ этого убѣжденія шло не только русское освободительное движеніе, но и былъ изданъ манифестъ 17-го октября, была созвана первая русская Государственная Дума...

Но если это такъ, — то при чемъ же здѣсь русская реакція? Конечно, не при чемъ, но она понимаетъ, что нельзя разъединять себя всенароднымъ, тяжкою цѣною оплаченнымъ убѣжденіемъ: исторія поставила теперь на очередь для Россіи именно вопросъ объ судьбѣ ея „государственности“, — идти наперекоръ этому всеобщему убѣжденію и вмѣсто русской государственности начать въ открытую „спасать“ что-либо другое — было бы рискованно, пожалуй, даже невозможно. Поэтому она не только не разрываетъ съ этимъ тезисомъ, но даже, наоборотъ, его себѣ „усваиваетъ“, только усваиваетъ.... въ нѣкоторой своеобразной обработкѣ. Она не отрицаетъ, что Россіи необходимо „обновленіе“ ея историческаго бытія (этого не рѣшается отрицать даже союзъ русскаго народа),— но только она *откладываетъ* это обновленіе до будущаго, срока которому отнюдь не указываетъ. Почему? А, вотъ, это и есть самый любопытный пунктъ ея специфической „обработки“ указаннаго тезиса. Разсужденіе, здѣсь возникающее, схематически можно представить такъ.

Для спасенія своей государственности Россія нуждается, конечно, въ коренномъ „обновленіи“. Правительство съ открытыми объятіями пошло навстрѣчу этой задачѣ. Ради нея оно предоставило народу „свободы“; ради нея оно созвало первую государственную думу. Но „свободами“ воспользовались революціонеры, а первой думой завладѣли кадеты. Тѣ и другіе стали „губить“ русскую государственность, вмѣсто того, чтобы ее спасать. Отсюда выводъ: чтобы приступить къ „спасенію“ русской государственности, надо сперва „уничтожить“ революцію и „обезвредить“ кадетовъ. Уничтожить же революцію было невозможно, не отобравъ назадъ у на-

рода „свободъ“, а „обезвредить“ кадетовъ невозможно было, не замѣнивъ закона 11 декабря закономъ 3 іюня. И такимъ образомъ „спасеніе“ русской государственности совершается теперь уже на этихъ новыхъ основаніяхъ: самой жестокой борьбой со „свободами“ и настойчивыми попытками превратить русское народное представительство въ простое дополненіе къ правящей бюрократіи.

Но, вѣдь, это же не „обновленіе“ Россіи, а нѣчто прямо ему противоположное!

Да, пожалуй, это такъ, благоразумно соглашается также и съ этимъ „новая“ реакція: это, конечно, не „обновленіе“, а это „успокоеніе“ Россіи. Но, вѣдь, безъ предварительнаго успокоенія невозможно и самое спасеніе „русской государственности“. Поэтому въ этомъ „успокоеніи“ и есть въ настоящее время все спасеніе Россіи.

И современная реакція со всѣмъ усердіемъ и даже съ упоеніемъ „спасаетъ“ русскую государственность отъ тѣхъ грозныхъ опасностей, которыя обступили ее со всѣхъ сторонъ: съ дальняго японскаго востока, съ безконечно длиннаго китайскаго юга, съ близкаго нѣмецкаго запада. Спасаетъ тѣмъ, что не даетъ „свободъ“, безъ которыхъ невозможно проявленіе и развитіе внутреннихъ силъ народа; спасаетъ тѣмъ, что всею своею тяжестью навалилась на народное представительство и лишаетъ его всякаго вліянія на рѣшеніе государственныхъ дѣлъ.

Не менѣе любопытное отношеніе современной реакціи также и къ другому изъ выставляемыхъ ею принциповъ: къ принципу *законности*. Принципъ законности, это—старый, почтенный принципъ, который гласитъ, что не только поведеніе гражданъ, но и дѣйствія органовъ власти должны быть согласованы съ существующими законами. Это—тотъ принципъ, который, какъ показалъ нашъ собственный историческій опытъ, очень плохо мирится съ абсолютизмомъ власти и котораго у насъ—несмотря на давнее его провозглашеніе въ нашихъ старыхъ основныхъ законахъ, до сихъ поръ никакъ не удавалось практически ввести въ жизнь. Практическое утвержденіе принципа законности въ управленіи страной—это то, чего давно жаждетъ русское общество и что, конечно, должно быть положено въ основу „обновленія“ Россіи.

Реакція и не отрицаетъ принципа законности. Наоборотъ, она постоянно превозноситъ его до небесъ. Она, по внѣшности и на словахъ, ревностно усваиваетъ себѣ этотъ принципъ, по которомъ такъ долго тосковало сердце русскаго обывателя и который соста-

влекъ необходимую, элементарную принадлежность, такъ называемаго, правового порядка. Но только она усваиваетъ его себѣ въ своей особой, оригинальной обработкѣ, какъ и принципъ „спасенія государственности“.

Въ первой государственной думѣ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, а нынѣшній премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ заявилъ, отъ имени правительства, что пока правительство не вооружено новыми, лучшими законами, оно должно повиноваться старымъ. Это — знаменитое „кремневое ружье“, съ которымъ тогда сравнивалъ П. А. Столыпинъ нашъ до-конституціонный режимъ и его устарѣлое законодательство. Часовой, стоя на посту, говорилъ онъ, долженъ стрѣлять и изъ плохого ружья, если его еще не снабдили лучшимъ. Этого требуетъ, де, принципъ законности, отъ котораго правительство не въ правѣ уклониться.

Несомнѣнно, что уже и тогда эта ссылка на „кремневое ружье“ была не совсѣмъ умѣстной. Дѣло въ томъ, что уже и тогда нашъ „старый“, до-конституціонный законъ (каковъ тамъ онъ ни былъ самъ по себѣ) былъ почти повсемѣстно въ Россіи устраненъ введеніемъ военныхъ положеній, усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ и замѣненъ дѣйствіемъ генералъ-губернаторскихъ „обязательныхъ постановленій“, т. е. въ сущности узаконеннымъ произволомъ администраціи, наряду съ которымъ широко развивался также и „неузаконенный“ ея произволъ. И эта своеобразная основа нашего новаго, послѣ-конституціоннаго законнаго порядка остается, какъ извѣстно, незыблемой и понынѣ. Правительство вовсе не спѣшитъ „перевооружиться“ на новый образецъ, потому что оно вовсе не желаетъ „связывать“ себя подлинной законностью. Такимъ образомъ, и этотъ принципъ законности для нашей реакціи—такая же декоративная ширма, какъ и принципъ спасенія государственности. Но формально — она постоянно на него ссылается, она постоянно мотивируетъ и оправдываетъ именно имъ самыя невозможныя дѣйствія администраціи, особенно провинціальной.

VI.

Но есть и еще одна черта—и она, можетъ быть, самая характерная изъ всѣхъ,—которая показываетъ, что наша нынѣшняя реакція „европеизировалась“. Она страстно желаетъ быть „общественной“, опираться на общественные элементы и даже прямо на

народъ. Въ этомъ отношеніи она рѣзко нарушаетъ всѣ традиціи и завѣты нашей „старой“ реакціи. Наиболѣе яркій представитель послѣдней, покойный Плеве, пришелъ бы въ священный ужасъ отъ одной мысли призывать себѣ на помощь общественныя силы и общественныя организаціи. Нѣтъ, старая реакція считала себя вполнѣ способной и управомоченной противостоять и обществу, и народу. Она хотѣла опираться сама на себя и видѣла въ этомъ свой верховный принципъ. Зангрывать съ чернью, оправдываться сочувствіемъ своему образу дѣйствій какого нибудь класса общества, хотя бы это было даже само дворянство, старая реакція считала ниже своего достоинства и самую мысль объ этомъ признавала „совершенно недопустимой“.

Совсѣмъ не то теперь. Современная реакція жаждетъ, чтобы думали, что она опирается не на кого другого, какъ именно на „русскій народъ“. Ради этого она допускаетъ и терпитъ всевозможныя черносотенныя организаціи,—неопрятныя, жадныя, буйныя—организаціи, которыя открыто противопоставляютъ себя центральному правительству, не говоря уже о третированіи ими представителей мѣстной администраціи разныхъ ранговъ. Благодаря этому новѣйшему, „европейскому“ пріему въ составъ нынѣшняго режима введена прямо „демагогія“ особаго сорта, которая проявляется въ постоянныхъ, печатныхъ и публичныхъ, выходкахъ представителей „русскаго народа“ противъ законныхъ властей, нерѣдко весьма высокаго положенія, какъ напр., противъ кавказскаго намѣстника или даже самого предсѣдателя совѣта министровъ. Нечего и говорить о томъ, что такая постановка современной реакціи покупается для нея цѣною поистинѣ неслыханнаго доселѣ дискредитированія власти въ глазахъ населенія и ея крайней внутренней деморализаціи. Съ одной стороны, наша администрація уполномочена дѣлать все, что она хочетъ; съ другой стороны, ее можно публично поносить, на чемъ свѣтъ стоитъ, какъ это дѣлаетъ Пуришкевичъ въ Думѣ и „Русское Знамя“ къ печати. Словомъ, эта постановка реакціи на широкую, „народную“ основу даетъ совершенно невообразимые результаты для положенія самой власти въ странѣ. Но зато она благодаря этому можетъ считать себя „демократической“; можетъ утѣшать себя тѣмъ, что она опирается въ своихъ дѣйствіяхъ прямо на народъ.

Наконецъ, наша реакція — и это тоже вполнѣ „по-европейски“— не сочла возможнымъ, опираясь на свой „народъ“, собранный подъ стягомъ Дубровина и Пуришкевича, совершенно отречься отъ идеи народнаго представительства; она вовсе не уничтожила въ Россіи

„парламента“, вопреки утвержденію г. Коковцева. Она не рѣшилась замѣнить его совѣщательнымъ „соборомъ“ изъ делегатовъ отъ отдѣловъ „союза русскаго народа“. У насъ есть и „парламентъ“, и „народное представительство“, но только тоже „обработанное“ реакціей по-своему. Это — третья государственная дума, это — парламентъ октябристскій, это — народное представительство по закону 3 іюня 1907 года. Третья государственная дума — вѣдь это тоже одинъ изъ аттрибутовъ нынѣшней реакціи, это — ея родное дѣтище, предназначенное поддержать ее въ ея стремленіяхъ, но только уже не со стороны „народа“, а со стороны „владѣющихъ“ классовъ. И это окончательно превращаетъ нашу нынѣшнюю реакцію въ настоящую „европейскую“. Вѣдь наша старая реакція не хотѣла допустить „свѣдущихъ людей“ въ государственный совѣтъ, вела борьбу съ губернскими земствами, и ужъ, конечно, сочла бы себя окончательно униженной и побѣжденной, если бы ее заставили проводить законы — съ публичными преніями — черезъ какую бы то ни было государственную думу.

VII.

Таковъ этотъ врагъ, который „побѣдилъ“ наше освободительное движеніе — современная русская реакція. Мы видимъ, что побѣда досталась ей вовсе не даромъ. Чтобы побѣдить „революціонеровъ“ и „кадетовъ“, ей пришлось отказаться отъ всего своего идейнаго прошлаго, ей пришлось измѣнить всю свою традиціонную физіономію. Реакція была настолько умна, что она не остановилась передъ этими радикальными перемѣнами, изъ „старой, „россійской“, она превратилась въ „новую“, „европейскую“. Она уже не претъ, какъ при Плеве, напроломъ и открыто противъ общества и народа, она уже не провозглашаетъ, какъ до японской войны, что сохраненіе стараго режима — suprema lex esto и что пусть погибнетъ само государство, если его нельзя сохранить безъ перехода къ конституціи. Нѣтъ, — нынѣшняя реакція соглашается, что ради спасенія русской государственности — что же дѣлать? надо „обновить“ и русскій государственный строй; что произволъ бюрократіи надо дѣйствительно замѣнить „законностью“; что въ своемъ образѣ дѣйствій правительству необходимо опираться на мнѣнія народа; что, наконецъ, какъ-никакъ, а надо имѣть даже „парламентъ“. Реакція все это должна была признать и себѣ усвоить, — а для

того, чтобы при всемъ этомъ все-таки преслѣдовать свои старыя цѣли, ей пришлось все это просто „фальсифицировать“, вмѣсто подлиннаго, настоящаго—замѣнять „своимъ“, передѣланнымъ.

Но что же это значитъ? Да это именно и значитъ, что въ Россіи происходитъ теперь то самое, что имѣло мѣсто и у всѣхъ другихъ народовъ при переходѣ отъ абсолютизма къ политической свободѣ.

Малодушные пессимисты жалуются на то, что у насъ въ Россіи дѣло народнаго освобожденія отъ абсолютизма обернулось хуже, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. И особенно охотно ссылаются при этомъ на Турцію. Мы не хотимъ предсказывать молодой турецкой свободѣ ничего дурного и предпочитаемъ оставить Турцію въ сторонѣ. Но, вѣдь, великія народныя движенія происходили не разъ и во многихъ странахъ. Классическая страна „революцій“—Франція даетъ намъ цѣлый рядъ ихъ на протяженіи немногимъ болѣе столѣтія. И что же намъ показываетъ исторія этихъ народныхъ движеній? Они всегда, рано или поздно, также какъ и у насъ теперь, смѣнялись періодами „реакціи“. Удавалось ли народному движенію завладѣть властью, или нѣтъ,—но оно всегда черезъ нѣкоторое время въ большей или меньшей степени теряло свои завоеванія, и его успѣхъ замѣнялся господствомъ „реакціи“. Это повторяется съ правильностью чуть не закона природы. И это вполнѣ понятно. Въ первый періодъ своего развитія всякое народное движеніе бываетъ обыкновенно сравнительно умѣреннымъ и идеалистическимъ, поэтому оно увлекаетъ за собою всѣхъ и пользуется единодушнымъ сочувствіемъ. Но по мѣрѣ своихъ успѣховъ оно всегда все болѣе перемѣщается въ сторону крайнихъ требованій, осложняется эксцессами, начинаетъ все болѣе и болѣе пугать „владѣющихъ“ и „обезпеченныхъ“. И когда контингентъ такихъ „испуганныхъ“ и пострадавшихъ отъ революціи оказывается значительнымъ, тогда наступаетъ очередь за „реакціей“. Она поднимаетъ свою голову, она организуется, она вступаетъ въ битву, она побѣждаетъ, она начинаетъ мстить. Такъ это было много разъ во Франціи, такъ это было едва ли не вездѣ. Завладѣвши положеніемъ, отбросивши „революцію“, реакція всегда свирѣпствуетъ, неистовствуетъ, дѣлаетъ попытки вернуть прошлое. Но замѣчательно: если только предшествующее реакціи народное движеніе было глубокимъ и сильнымъ, если оно, дѣйствительно, захватывало народныя массы и производило въ нихъ большія идейныя перемѣны, то именно возвращеніе къ прошлому никогда и не уда-

валось реакціи. Глубокія внутреннія измѣненія въ политическомъ сознаніи народныхъ массъ всегда оказывались могущественнѣе реакціи, и ей приходилось къ нимъ просто приспособляться, перемѣщаясь на новыя идейныя позиціи и усваивая себѣ тѣ основныя мысли, которыя дѣлались достояніемъ всего народа. Правда, это не значитъ, что реакція гдѣ-нибудь усваивала ихъ себѣ искренно. Наоборотъ, она вездѣ съ ними хитрила, она вездѣ „обрабатывала“ ихъ по своему, она всегда скрыто лелѣяла надежду совсѣмъ съ ними разстаться, но именно это послѣднее ей никогда и не удавалось. Ея собственное господство, а въ особенности, время ея разгула всегда оказывалось отмѣреннымъ исторіей въ опредѣленныхъ границахъ, за которыми ей приходилось уступать новымъ принципамъ, давать мѣсто ихъ дѣйствительному проведенію въ жизнь,— и тогда періодъ реакціонной борьбы противъ этихъ принциповъ смѣнялся періодомъ ихъ благодѣтельнаго и правильнаго дѣйствія.

Весь вопросъ, такимъ образомъ, только во времени... И если мы не падали духомъ въ теченіе 80 лѣтъ нашей предшествующей борьбы за конституцію (считая ея началомъ 1825 годъ), то что значитъ, въ сравненіи съ этимъ, то время, какое можетъ оказаться въ распоряженіи нынѣшней реакціи? Сколько же это, по самому большому счету, можетъ составить? 10—15—20 лѣтъ!..

Что значитъ этотъ срокъ въ жизни еще совсѣмъ молодого, но уже тысячелѣтняго народа? Особенно если мы—теперь уже и интеллигенція, и народъ вмѣстѣ—не будемъ въ теченіе его предаваться отчаянію, не будемъ сидѣть сложа руки, а будемъ упорно работать для того прекраснаго будущаго, перспектива котораго открылась передъ Россіей благодаря освободительному движенію?

Однако мы думаемъ, что есть не мало основаній полагать, что въ Россіи время реакціи окажется гораздо короче, чѣмъ это бывало въ другихъ странахъ. И первое изъ этихъ основаній—это то, что сама реакція далеко не находится у насъ въ розовомъ положеніи. Наоборотъ, ея нынѣшнее положеніе, если взвѣшивать его объективно, одно изъ самыхъ трудныхъ. На эту сторону дѣла у насъ обращаютъ мало вниманія, а между тѣмъ она вполнѣ этого заслуживаетъ.

Долговѣчность всякой реакціи зависитъ, конечно, не отъ одного ея желанія (ибо тогда она всюду оставалась бы вѣчной), но и отъ тѣхъ объективныхъ условій, съ которыми приходится сталкиваться государству и среди которыхъ ему приходится жить. Лучшее доказательство этому наша „старая“ реакція. Ужъ на что она была

упорна и неподатлива, но и ей пришлось сдаваться, когда Россія получила на дальнемъ востокѣ жестокій урокъ, показавшій, что наше государство пришло въ такое разстройство, при которомъ борьба съ другими государствами становится для него непосильной и которое угрожаетъ явной опасностью нашему дальнѣйшему историческому существованію. Пессимисты склонны думать, что впечатлѣніе отъ этого жестокаго урока уже изгладилось, что реакція уже отъ него оправилась и что съ этой стороны ея руки развязаны. Мы далеко не думаемъ, чтобы это было такъ. Пораженіе, нанесенное намъ на дальнемъ востокѣ, *никогда* не изгладится изъ нашей памяти,— тѣмъ болѣе, что зависимость его отъ того вырожденія, въ которое пришелъ весь нашъ старый русскій государственный строй, сдѣлалась ясной, какъ день.

Но согласимся на одну минуту съ указаннымъ предположеніемъ. Согласимся, что Россія уже забыла Портъ-Артуръ, Мукденъ и Цусиму. Но развѣ отъ такого забвенія положеніе государства объективно улучшается? Если объ нашихъ пораженіяхъ забудемъ мы сами, развѣ объ нихъ забудутъ и всѣ другіе? Развѣ тотъ ущербъ въ международномъ удѣльномъ вѣсѣ Россіи, который ими причиненъ, не превратился въ объективный фактъ, дающій намъ о себѣ знать въ отношеніяхъ къ намъ со стороны другихъ народовъ—ежечасно, ежеминутно? Развѣ мы не ощущаемъ его теперь со всей ясностью и силой въ вопросѣ о Босніи, Герцеговинѣ и Сербіи? И развѣ мы не чувствуемъ его постоянно въ этомъ страхѣ передъ Германіей, котораго раньше у насъ никогда не было? А теперь съ думской трибуны весь міръ услышалъ неумѣстное признаніе лидера октябристовъ, что намъ приходится жить, „если не жалостью, то соревнованіемъ сосѣдей“.

Нѣтъ,—до тѣхъ поръ пока мы не будемъ вполнѣ увѣрены, что наше государство вновь стало въ уровень съ другими государствами по своему военному и экономическому могуществу, по своему внутреннему благоустройству и политической организаціи, до тѣхъ поръ мы не можемъ успокоиться. И если бы мы, по русской безпечности, склонны были задремать надъ неоконченнымъ дѣломъ, то тысячи толчковъ и ударовъ разбудили бы насъ отъ этого сна, напомнили бы намъ, что если мы заснемъ теперь, то можемъ заснуть навѣки.

Тотъ факторъ, который пошатнулъ нашу старую реакцію: объективное разстройство государства, ставшее очевиднымъ для всѣхъ благодаря японскимъ пораженіямъ,—этотъ факторъ, вѣдь, не только не устраненъ, но онъ даетъ о себѣ знать во всѣхъ направленіяхъ

самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Онъ сказывается не только въ паденіи нашего международнаго престижа, но и въ томъ экономическомъ и финансовомъ кризисѣ, который страна переживаетъ внутри. Обнищаніе сельской Россіи, полный упадокъ промышленности, возрастающая убыточность казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства, непосильная государственная задолженность и наступившіе ежегодные дефициты—все, вѣдь, это факты, передъ которыми реакція безсильна и которыхъ она не устранитъ, пока не дастъ достаточнаго простора свободнымъ силамъ страны.

Разсматривая дѣло съ этой стороны, мы считаемъ совершенно неосновательнымъ мнѣніе, будто бы только вторичное жестокое пораженіе Россіи во внѣшней войнѣ могло бы вновь сбить съ позицій нашу нынѣшнюю реакцію. Мы думаемъ, что и безъ этого жестокаго испытанія для нашей родины, тысячи фактическихъ „пораженій“ иного свойства будутъ постоянно „побивать“ нашу реакцію, ибо тяжкое бремя взвалила она себѣ на плечи, рѣшивъ задерживать свободное развитіе внутреннихъ силъ страны. Вѣдь, это развитіе—единственное лекарство отъ того историческаго недуга, которымъ болѣетъ теперь Россія, а именно отъ слабости и анеміи всего ея организма вслѣдствіе того, что онъ такъ долго былъ затянутъ въ самодержавно бюрократическій корсетъ.

При такихъ объективныхъ условіяхъ для внѣшней и внутренней жизни русскаго государства, можно ли будетъ долго „спасать“ русскую государственность путемъ подавленія народной свободы, народной самодѣятельности, народной самостоятельности и энергіи? Можно ли будетъ долго выдавать за „законность“ — свободный разгулъ генералъ-губернаторскихъ полномочій, какъ вытекающихъ изъ соотвѣтствующихъ „исключительныхъ“ положеній, такъ и идущихъ мимо нихъ, какъ это много разъ было иллюстрировано съ думской трибуны по отношенію къ дѣятельности генераловъ Думбадзе, Гершельмана и др.? Можно ли будетъ долго черпать „народное мнѣніе“ изъ черносотенныхъ телеграммъ и резолюцій? Можно ли будетъ, наконецъ, долго имѣть „парламентъ“, въ стѣнахъ котораго министры не стѣсняются заявлять, что у насъ „славу Богу“ нѣтъ „парламента“?

Все объективное положеніе вещей—противъ реакціи, и оно будетъ дѣйствовать тѣмъ сильнѣе, что реакція уже сбита со своихъ основныхъ, вѣковыхъ позицій. Ей уже пришлось воспринять въ себя, вопреки своему внутреннему желанію, цѣлый рядъ принциповъ, выдвинутыхъ на сцену русской исторической жизни про-

исшедшимъ широкимъ, всенароднымъ освободительнымъ движеніемъ. Теперь эти принципы будутъ ежедневно работать противъ нея. Реакція эти принципы, какъ мы видѣли, обрабатываетъ по своему, фальсифицируетъ. Но этого нельзя съ ними дѣлать съ желаемымъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ среди народа, который уже проснулся отъ своей вѣковой политической спячки. Фальсификація хороша, когда ей вѣрятъ. Но она превращается въ крайне сомнительное политическое средство, когда она дѣлается для всѣхъ очевидной.

Тогда ее неизбѣжно приходится поддерживать терроромъ, терроромъ противъ тѣхъ, кто ее понимаетъ и кто противъ нея протестуетъ. Но такой терроръ только подчеркиваетъ самую фальсификацію. Положеніе отъ этого становится еще болѣе противорѣчивымъ и поддерживать его дѣлается — еще болѣе труднымъ. То, что реакція считаетъ своей силой, а именно—физическую возможность разсыпать вокругъ себя всевозможныя репрессіи, повышать ихъ до совершенно исключительныхъ размѣровъ, на самомъ дѣлѣ составляетъ ея слабость. Слабость внутреннюю, потому что это составляетъ прямое противорѣчіе тѣмъ принципамъ, которыхъ она уже не имѣла возможности просто и начисто отвергнуть; слабость внѣшнюю, потому что нельзя „запугать“ цѣлаго народа, можно его только озлобить,—т. е. его отъ себя оттолкнуть и сдѣлать совершенно невозможнымъ образованіе въ пользу правительства той широкой всенародной поддержки, которая одна создаетъ дѣйствительную, могучую силу. Можетъ показаться парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ это безусловно такъ: чѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ реакція противъ своихъ враговъ, тѣмъ это яснѣе показываетъ всю затруднительность ея собственнаго положенія. Такъ можно покорять чужой народъ, но такъ невозможно властвовать надъ своимъ собственнымъ народомъ.

VIII.

Такъ обстоитъ дѣло для нашей реакціи съ точки зрѣнія объективныхъ условій жизни русскаго государства. Мы видимъ, что положеніе ея въ этомъ отношеніи вовсе не изъ легкихъ. Но не менѣе трудно оно для нея также и съ точки зрѣнія „субъективной“. Реакція не хочетъ допустить къ участію въ государственной жизни независимыхъ общественныхъ силъ и устраняетъ контроль надъ собою со стороны общественнаго мнѣнія. Даже третью Государственную Думу съ ея покорнымъ себѣ большинствомъ она хочетъ держать

только на „посылкахъ“. Иными словами, она все управленіе государствомъ хочетъ попрежнему оставить въ рукахъ бюрократіи. Но— увы! наша бюрократія—не прусская и даже не французская, а русская. И внутренняя несостоятельность этого главнаго столпа реакціи обнаруживается при предъявленіи ей самаго элементарнаго требованія—требованія простой честности.

Взяточничество и воровство процвѣтали у насъ всегда. Это— наша старая, многовѣковая язва, отъ которой нерѣдко приходилъ въ отчаяніе самъ всемогущій абсолютизмъ; напр., когда ему приходилось вести войны и когда онъ убѣждался, что лучшими союзниками нашихъ внѣшнихъ враговъ являются наши собственные отечественные казнокрады,—имя же имъ былъ легіонъ и были они самыхъ разныхъ чиновъ и ранговъ. Но абсолютизмъ эту язву всегда прикрывалъ, прикрывалъ всею силою своего авторитета. Мелкіе воры еще попадали иногда подъ судъ, но крупные, а, въ особенности, самые крупные—никогда. Сохраненіе „престижа“ власти считалось столь необходимымъ, что крупный, властный воръ могъ считать себя вполнѣ гарантированнымъ отъ судебнаго преслѣдованія и наказанія—самымъ своимъ положеніемъ. Примѣры тому всѣмъ еще памятны.

Въ настоящее время, т. е., собственно, въ послѣдніе 2—3 года, именно подъ покровомъ нашей „новой“, „умной“, „европейской“ реакціи, эта наша старая язва сдѣлала такіе чудовищные успѣхи, что просто волосъ становится дыбомъ отъ ужаса и отвращенія. Первымъ открытіемъ въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго общества на этотъ счетъ была знаменитая эпопея —Гурко-Лидваліада. Общество, два года тому назадъ, пришло отъ нея въ ужасъ и негодованіе. Но теперь г. Гурко уже совершенно отодвинутъ въ сторону и даже чуть не забытъ благодаря послѣдующимъ „открытіямъ“ въ области хищеній, которыя показали, что это цѣлое море, цѣлый океанъ, въ которомъ, вообще, отдѣльныя личности не имѣютъ преобладающаго значенія. Ревизія сенатора Гарина показала, что въ „море“ взяточничества была погружена Москва; ревизія графа Палена показала, что такое же море „затопило“ Туркестанскій край. Открыты, такимъ образомъ, съ полной несомнѣнностью, офиціально, два „мѣстныхъ“ моря сплошного хищничества—одно въ „сердцѣ“ Россіи, другое—на далекой окраинѣ. Ходитъ ли „по-суху“ русскій гражданинъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Россійской имперіи,—это еще до сихъ поръ не „опровергнуто“ сенаторскими ревизіями. Приходится ждать, въ этомъ отношеніи, дальнѣйшихъ офиціальныхъ и неофиціаль-

ныхъ открытій. Въ министерства путей сообщенія и морское, недавно назначены новые министры, и одинъ изъ нихъ, г. Воеводскій, началъ свою дѣятельность съ того, что официально обратился съ призывомъ ко *всѣмъ*, кто имѣетъ свѣдѣнія о хищеніяхъ въ его вѣдомствѣ, не стѣсняясь, сообщать о нихъ нарочито учрежденной для этого комиссіи. И въ эту же комиссію немедленно пригласили для дачи показаній „эксперта“ по морскимъ хищеніямъ, генерала Алексѣева, несмотря на то, что его самого только-что осудилъ за „мздоимство“ военно-морской судъ. Встрѣчалось ли когда-нибудь что-либо подобное въ лѣтописяхъ какого-либо государства? Чтобы министръ оффиціально обращался къ частнымъ лицамъ съ просьбою помочь ему открыть и искоренить въ своемъ вѣдомствѣ воровъ и взяточниковъ! Вѣдь, это значитъ—признать фактъ укоренившихся въ цѣломъ вѣдомствѣ „злоупотребленій“ и, въ то же время, подтвердить свое полное безсиліе что-либо самому подѣлать съ этимъ фактомъ. Учрежденіе новымъ морскимъ министромъ особой комиссіи для раскрытія злоупотребленій показываетъ, конечно, добрыя намѣренія к.-адм. Воеводскаго въ этомъ направленіи, но какъ средство для поставленной ему цѣли—оно, разумѣется, болѣе чѣмъ наивно!—Министръ путей сообщенія, г. Рухловъ не призывалъ себѣ на помощь частныхъ лицъ, но онъ также началъ свою дѣятельность съ того, что подвергаетъ теперь „ревизіи“ чуть не все свое министерство.

Совершенно ясно, что у насъ происходитъ вакханалія, настоящая вакханалія хищничества, которая спѣшитъ „рвать“, гдѣ можно, пользуясь тѣмъ, что теперь подъ личиной патріотизма и монархизма и подъ покровомъ „исключительныхъ“ полномочій у всѣхъ мѣстныхъ властей, можно дѣлать все, что угодно, вплоть до экспропріацій. Центральное правительство своими „ревизіями“ и „комиссіями“ ополчается теперь противъ этой вакханаліи, но, во-первыхъ, съ мѣстъ ему нерѣдко показываютъ зубы, а, во-вторыхъ, несомнѣнно, однѣ эти ревизіи и комиссіи безсильны устранить это зло. Оно устраняется только контролемъ надъ администраціей народнаго представительства, независимой печати и общественнаго мнѣнія. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ у насъ „настоящаго“ парламента и дѣйствительныхъ „свободъ“ для гражданъ, положеніе въ этомъ отношеніи едва ли измѣнится.

IX.

Но за послѣднее время, какъ это теперь тоже раскрылось вовсю, превратилась въ настоящую зіяющую гангрену не одна лишь язва воровства и хищенія, издавна разъѣдавшая русскую бюрократію. Наряду съ ней, предъ очами всѣхъ предстала теперь еще и другая внутренняя язва русской реакціи,—язва также давняя, органически съ ней сросшаяся, но чудовищные размѣры которой мы познали только теперь. Мы разумѣемъ, конечно, ту другую язву русскаго реакціоннаго режима, которая отнынѣ неразрывно связана съ именемъ Азефа.

Когда феерическая революціонно-полицейская „карьера“ Азефа стала у насъ достояніемъ гласности; когда о ней узнало русское общество — то у всѣхъ буквально захватило духъ, у однихъ—отъ изумленія, у другихъ—отъ негодованія, у третьихъ—прямо отъ страха. И неудивительно, что этотъ страхъ, въ первый моментъ, въ наибольшей степени ощутили не тѣ, кто стоятъ въ срединѣ русскаго общества, а именно тѣ, которые находятся на двухъ его противоположныхъ полюсахъ: на крайней лѣвой и на крайней правой; тамъ, гдѣ съ наибольшей рѣшительностью „дѣлаютъ“ исторію и гдѣ думаютъ, что дѣлаютъ ее такъ, какъ „хотятъ“.

Къ сожалѣнію, первое движеніе ужаса отъ азефщины въ консервативныхъ кругахъ, движеніе, отразившееся въ „Новомъ Времени“ цѣлымъ рядомъ статей, показавшихъ его сановнымъ читателямъ эту язву во всей ея наготѣ и во всемъ ея значеніи,—потомъ было подавлено. Реакція рѣшила сдѣлать видъ, что ничего особеннаго не случилось, и, какъ всегда, ей ничего не стоило привлечь къ подтвержденію этого „вида“ также и своего обычнаго союзника—октябристское большинство третьей Думы. Большинство Думы подтвердило, что реакція вполнѣ права, что безъ азефщины въ нынѣшнихъ условіяхъ жить невозможно и что необходимо и впредь добиваться того, чтобы Азефы въ распоряженіи правительства имѣлись.

Повидимому, все обстоитъ благополучно; сбыли съ плечъ еще одну „щекотливую“ исторію, и даже сбыли вполнѣ „по-европейски“: и въ парламентѣ ее обсуждали, и рта оппозиціи не зажимали, и вотумъ довѣрія со стороны народнаго представительства получили...

Да, „благополучно“. Но, можетъ быть, никогда еще не было такъ ясно, даже и для самихъ участниковъ сдѣланнаго „вида“,

что это „благополучіе“ никого не обманываетъ; что, наоборотъ, именно словами и аргументаціей самихъ защитниковъ этого „благополучія“ оно показано въ такомъ видѣ, что отъ него хочется бѣжать за тридевять земель.

Въ самомъ дѣлѣ, что намъ сказали, и сказали во всеуслышаніе, передъ всей страной?

Намъ сказали, что разъ есть „революція“, и такая настойчивая, что она безъ устали посягаетъ на террористическія дѣйствія, не останавливаясь ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ,—то для борьбы съ этой революціей необходима „охранка“ со всѣми ея экстраординарными полномочіями. Разъ эта охранка желаетъ съ успѣхомъ выполнять свои задачи, то ей необходимы „сотрудники“ изъ лагеря революціи. Разъ самый опасный центръ революціи въ „боевой организаціи“, то надо имѣть сотрудниковъ и тамъ. А чтобы такой „сотрудникъ“ могъ туда быть принятъ и тамъ держаться, ему необходимы „заслуги“ передъ самой революціей, и чѣмъ эти заслуги „крупнѣе“, тѣмъ „лучше“, ибо только это и даетъ возможность разстраивать „самое крупное“.

Вотъ разсужденіе, которое выставлено по поводу дѣяній Азефа реакціей, которое признано правильнымъ со стороны большинства Думы, и которое, дѣйствительно, не можетъ быть поколеблено въ своей желѣзной послѣдовательности, разъ только не устранены его исходныя посылки. Что это разсужденіе, при этихъ условіяхъ, „желѣзное“, непоколебимое—это лучше всего доказывается тѣмъ, что его же принимаетъ и „революція“. Вѣдь, и революція также имѣетъ и свою „охранку“, и своихъ „сотрудниковъ“ въ станѣ правительства, и несетъ совершенно такой же рискъ, какъ и правительство, что этимъ сотрудникамъ необходимо будетъ чѣмъ-нибудь заслуживать „довѣріе“ той, другой охранки,—рискъ, на который, если угодно, можно закрывать глаза, но который у обѣихъ сторонъ совершенно одинаковъ.

Итакъ, само по себѣ разсужденіе это желѣзное и правильное, но только простое признаніе его неумолимой логики оставляетъ въ сторонѣ его конкретныя послѣдствія въ жизни. Оно хорошо, пока не даютъ себѣ отчета въ томъ, къ чему же оно приводитъ на практикѣ. И мы разумѣемъ здѣсь даже не то, что это разсужденіе освящаетъ собою примѣненіе безнравственныхъ средствъ для достиженія поставленной цѣли. По поводу этого намъ говорятъ, что когда одна сторона прибѣгаетъ къ предательству, то и другой, для своей защиты, невозможно безъ этого обойтись. Пусть такъ. При-

знаемъ и это. Войдемъ, если ужъ безъ этого нельзя, въ курсъ необходимости этого взаимнаго предательства. Но, вѣдь, вслѣдъ за этой рѣшимостью, передъ которой не отступаетъ ни охранка, ни революція,—наступаетъ другой вопросъ: къ чему же это все-таки въ концѣ концовъ приводитъ, — къ какимъ конкретнымъ результатамъ?

Вотъ на этотъ-то именно вопросъ и дала намъ отвѣтъ азефщина: отвѣтъ ясный, непререкаемый, неотклонимый и предсѣдателемъ совѣта министровъ не отклоненный. Мы теперь увидѣли, что когда необходимая реакціи охранка ведетъ бой съ упорно нападающей на нее революціей, то судьба этого боя, въ своихъ конкретныхъ результатахъ, ставится въ зависимость отъ этихъ Азефовъ, Бакаевъ, Дегаевыхъ, Судейкиныхъ и др., которые изъ одного лагеря переходятъ или получаютъ отпуски въ другой. И разъ это такъ, то совершенно неустранимъ вопросъ: кому же это, наконецъ, нужно и полезно? Вѣдь, бой идетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, и обѣ стороны несутъ въ немъ неисчислимыя жертвы, и ни одна изъ нихъ не успѣла „запугать“ другой до того, чтобы та сдалась. Неужели же нельзя прекратить этого боя?

И противъ нашей нынѣшней реакціи всегда будетъ съ великой силой работать простой и ясный отвѣтъ на этотъ, безконечно-важный и безконечно-больной для Россіи, вопросъ:

— *Можно.* Для этого надо только откровенно и безповоротно перейти къ конституціонному управленію Россіей, какъ это сдѣлано во всей Европѣ, въ Америкѣ, а теперь дѣлается даже и въ Азіи.

X.

Но довольно о нашей реакціи. Мы, кажется, уже достаточно удѣлили ей вниманія, какъ нынѣшнему „хозяину“ положенія. Таковымъ она считаетъ себя сама, —таковымъ ее считаютъ и тѣ „пессимисты“, которое полагаютъ, что намъ отъ нея не избавиться, по крайней мѣрѣ, собственными усиліями.

Пора намъ обратить вниманіе и еще на одно дѣйствующее лицо въ нашей исторической драмѣ: это лицо—самъ народъ. И пора намъ уже вспомнить, что „временными“ хозяевами положенія у каждаго народа могутъ быть тѣ или иные, но что окончательнымъ хозяиномъ своей судьбы и своей исторіи всегда остается самъ народъ. Каковъ народъ—такова и его исторія. Основными, глубо-

кими свойствами народа опредѣляются не тѣ или иные эпизоды въ его исторіи, а самый ходъ этой исторіи въ ея цѣломъ. Если англичане съ такимъ успѣхомъ въ теченіе вѣковъ сковали свою могучую государственность, основанную на политической свободѣ; если они раскинули эту государственность по всѣмъ частямъ свѣта, то это зависѣло, конечно, прежде всего и больше всего отъ качествъ самого народа, а не отъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ обстоятельствъ. Если японцы теперь сразу заняли мѣсто одной изъ первоклассныхъ державъ, то это также зависѣло не отъ качествъ ихъ императора, или ихъ полководцевъ, или ихъ государственныхъ людей, а прежде всего отъ качествъ самого народа. Если нѣмцы дѣлаютъ теперь такіе огромные культурные и промышленные успѣхи, то это также зависитъ прежде всего отъ качествъ самой націи.

Русскій народъ—это основной факторъ и главный хозяинъ русской исторіи. И отъ качествъ этого народа, отъ его отношенія къ событіямъ будетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ отъ желаній нашей реакціи, зависѣть также и участь русскаго государства въ ближайшее время. Можемъ-ли мы надѣяться на нашъ народъ, можемъ-ли мы на него положиться?

Мы видѣли, что у насъ есть крайне пессимистическое теченіе въ интеллигенціи, которое произноситъ окончательный и суровый приговоръ надъ нашимъ народомъ, обрекающій его на роль какого-то историческаго недоросля.

Жалкій и смѣшной приговоръ мизинца или даже только ногтя на мизинцѣ надъ цѣлымъ огромнымъ народнымъ организмомъ! Этотъ организмъ прожилъ уже десять вѣковъ, раскинулся за это время на огромномъ пространствѣ двухъ частей свѣта, создалъ одно изъ самыхъ большихъ государствъ, сплотивъ вокругъ себя въ его предѣлахъ множество народностей, соединивъ ихъ съ собой вовсе не одними узами власти, но и узами культурнаго единенія и вліянія, — и, вотъ, передъ этимъ колоссомъ народомъ становится пигмей-интеллигентъ, который ему говоритъ: не по моему дѣйствуешь! Не умѣешь устраивать своей судьбы! Имѣешь къ своимъ услугамъ меня, а поддался реакціи! Не съумѣлъ сразу перейти отъ абсолютизма къ соціализму, какъ я тебѣ совѣтовалъ.

Оставимъ въ сторонѣ это смѣшное отношеніе нѣкоторой части русской интеллигенціи къ народу. Взглянемъ на дѣло болѣе серьезно.

Русскій народъ, какъ и другіе народы, въ свое время пере-

шелъ отъ феодализма и многовластія къ единовластію и абсолютизму. Но онъ задержался на періодѣ абсолютизма, задержался дольше, чѣмъ другіе народы.

Отчего это зависѣло: отъ того-ли, что его природа иная, чѣмъ у англичанъ или нѣмцевъ,—отъ того-ли, что онъ болѣе рабъ душею, чѣмъ они (вспомнимъ обычное нѣмецкое утвержденіе: Slaven—Sklaven), или отъ чего другого?

До нашего освободительнаго движенія можно было, пожалуй, аргументировать въ пользу перваго. Можно было думать, что русскій народъ, повинуясь абсолютизму, какъ это на самомъ дѣлѣ и было, не только за страхъ, но и за совѣсть, дѣлаетъ это потому, что онъ въ душѣ, до извѣстной степени, рабъ или крѣпостной,— что у него нѣтъ инстинкта свободы, нѣтъ вкуса къ свободѣ.

Теперь это предположеніе можно совершенно оставить въ сторонѣ. Оно безъ остатка опровергнуто русскимъ освободительнымъ движеніемъ. Мы теперь увидѣли, что русскій народъ повиновался абсолютизму, повиновался не за страхъ, а за совѣсть, вовсе не потому, что онъ лишенъ инстинкта свободы, а потому, что онъ довѣрялъ этому абсолютизму и считалъ его необходимымъ для бытія своего государства. Японская война не только въ этомъ его разубѣдила, но и убѣдила въ обратномъ: что сохраненіе абсолютизма въ Россіи грозитъ ея историческому бытію. И какъ только этотъ выводъ воочію предсталъ передъ народомъ, такъ онъ тотчасъ и вышелъ изъ состоянія своего пассивнаго повиновенія. Онъ тотчасъ откликнулся на зовъ своей исторіи, онъ тотчасъ двинулся на переустройство своего государства. Двинулся всей своей глубиной и массой, двинулся, какъ обыватель, превратившійся въ гражданина, двинулся съ тѣмъ-же самоотверженіемъ, съ какимъ онъ 300 лѣтъ тому назадъ избавлялъ Русь отъ иноземнаго нашествія и отъ своего домашняго самозванства и воровства...

Въ этомъ всенародномъ движеніи народъ обратился за политическимъ руководствомъ къ своей интеллигенціи. Интеллигенція дала ему это руководство, но, надо признаться, нѣсколько разноголосое,—въ зависимости отъ тѣхъ разнообразныхъ политическихъ теорій, какія господствовали въ средѣ самой интеллигенціи. Интеллигенція не взвѣсила дѣловымъ и практическимъ образомъ своего отношенія къ возникшему огромному, всенародному движенію. Она бросилась имъ руководить, ожидая отъ него ничѣмъ не ограниченныхъ возможностей,—т. е. всякій по своему и всякій въ разсчетѣ на полное осуществленіе своего общественнаго идеала. Ни

опытъ исторіи другихъ народовъ, ни даже оговорки и предположенія собственныхъ теорій, ничто не принималось во вниманіе. И часть этой переоцѣнки грядущихъ „возможностей“ слѣдуетъ отнести, конечно, за счетъ неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ повышеннаго настроенія всего историческаго момента, но другую часть, несомнѣнно, надо отнести и за счетъ простого доктринерства интеллигенціи вмѣстѣ съ отсутствіемъ у нея чувства дѣйствительной отвѣтственности за ходъ событій. Какъ-бы ни было, но предложенное народу интеллигенціей политическое руководство въ его движеніи не было ни единодушнымъ, ни очень продуманнымъ. Могло-ли это быть иначе, и бывало-ли это гдѣ-нибудь иначе, мы этого не будемъ здѣсь разбирать, но самый фактъ весьма большой разноголосицы въ практическихъ предложеніяхъ народу со стороны интеллигенціи не подлежитъ никакому сомнѣнію...

Но внутренняя перемѣна народной психологіи, это повышеніе въ немъ чувства собственнаго гражданскаго достоинства, этотъ переходъ отъ пассивнаго отношенія къ активному вмѣшательству въ судьбу своего отечества,—былъ для народа слишкомъ ярокъ и внушителенъ. Народъ почувствовалъ, что онъ нравственно и политически выросъ, что онъ перестаетъ быть политическимъ „недоростемъ“, который во всемъ полагался на другихъ, и становится гражданиномъ, который самъ болѣетъ за судьбу своего государства и который, по мѣрѣ силъ, активно на нее вліяетъ. Народъ, благодаря событіямъ освободительнаго движенія, пріобрѣлъ уже ничѣмъ не уничтожаемую внутреннюю свободу духа,— а въ ней—залогъ непрерывнаго движенія и конечной побѣды.

Но есть у народа и другое важное пріобрѣтеніе. Вѣдь только теперь, въ событіяхъ освободительнаго движенія, онъ позналъ интеллигенцію, какъ своего преданнѣйшаго, самоотверженнаго друга. До сихъ поръ онъ въ сущности не зналъ этой интеллигенціи, онъ смѣшивалъ ее съ бариномъ и чиновникомъ и потому никогда не ждалъ отъ нея для себя ничего хорошаго. Защиты своихъ настоящихъ, народныхъ интересовъ онъ всегда ждалъ раньше только отъ одного абсолютизма. Вспомнимъ здѣсь, напр., какъ отразилась въ народной былинѣ, записанной въ далекомъ Печерскомъ краѣ, исторія декабристовъ. Былина разсказываетъ, какъ послѣ смерти царя Александра Павловича

Молодой солдатъ да на часахъ стоитъ,
Стоючись-то солдатъ да расплакался,
Зинулъ ружьемъ солдатъ въ сырую землю:
—„Ты раздвинься, раздвинься мать сыра земля,

Ты откройся, откройся гробовая доска,
Разорвись-ке, разорвися рущата камка,
Ты возстань-ке, возстань нашъ благовѣрный царь,
Благовѣрный царь Александъ Павловичъ!
У насъ все то нынче не попрежнему,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
—„Кому братцы изъ насъ да государемъ быть?
Государемъ быть, да акитантомъ слыть?
Государемъ-то быть князю Вильянскому,
Акитантомъ слыть князю Волконскому".
Воспрошлыло его да ухо правое,
Разсадили ихъ по темнымъ кибиточкамъ,
Развозили-то ихъ да по темнымъ тюрьмамъ.

Вотъ какъ понялъ народъ героическія усилія декабристовъ избавить его отъ крѣпостного права, дать ему политическую свободу: что задумали просто *бояришка* свергнуть законнаго царя съ престола и самимъ сѣсть на его мѣсто...

Интеллигенція для народа до освободительнаго движенія не существовала, и вся ея политическая работа была, въ сущности, для него чуждой.

Освободительное движеніе произвело въ этомъ отношеніи полный переворотъ. Народъ теперь отлично знаетъ, что у него есть „друзья", какихъ онъ раньше не зналъ,—друзья, ему преданные и самотверженные. Несмотря на всѣ принесенныя ему событіями разочарованія, народъ не чувствуетъ себя „одинокимъ",—наоборотъ, онъ чувствуетъ рядомъ съ собой вѣрнаго „союзника".

XI.

Итакъ, не одна русская реакція теперь уже совсѣмъ *не та*, но и русскій народъ—тоже совсѣмъ *не тотъ*. Если реакція „отъ событій" поумнѣла и европеизировалась, то и русскій народъ отъ нихъ тоже не менѣе ея поумнѣлъ и европеизировался. И если бы не это послѣднее обстоятельство: если бы русскій народъ остался такимъ, какимъ хотятъ его изобразить Дубровинъ и Пуришкевичъ, то и нашей реакціи едва ли была бы какая нибудь надобность перестраиваться на европейскій ладъ. Оставалась-бы она „старой", плевенской, и справилась бы она съ „конституціей" совершенно такъ же, какъ когда-то съ ней справился турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ при Митхадѣ-пашѣ. Но—увы! теперь уже не только русскіе, но и турки, и персы—совсѣмъ не тѣ, что были раньше...

Но если съ нашимъ народомъ произошла такая колоссальная, при томъ внутренняя, а не внѣшняя только перемѣна; если все его

политическое міросозерцаніе передвинулось въ сторону именно тѣхъ политическихъ идеаловъ, изъ-за которыхъ издавна боролась съ абсолютизмомъ русская интеллигенція; если, къ тому же, происшедшее сближеніе интеллигенціи съ народомъ не просто идеологическое, но и гораздо болѣе глубокое—психологическое: проникнутое пережитыми вмѣстѣ чувствами,—закрѣпленное совершенными вмѣстѣ дѣйствіями; словомъ, если это сближеніе не на поверхности только, а черезъ всю толщу народной души,—то чего же намъ еще нужно? Вѣдь, устранена, значитъ, та самая стѣна, объ которую разбивались всѣ предыдущія наши усилія. Ибо такой стѣной былъ вовсе не самъ абсолютизмъ, а именно поддержка его народомъ, который ему вѣрилъ и который на него полагался. Теперь этой стѣны нѣтъ. Народъ понялъ и оцѣнилъ усилія интеллигенціи. И задача наша сводится прежде всего къ тому, чтобы и мы сами также измѣнились: тоже „поумнѣли“, тоже „европеизировались“, стали въ уровень съ новыми условіями и съ новыми требованіями жизни.

Впрочемъ, этотъ процессъ „измѣненія“ русской интеллигенціи уже и начался; и онъ неудержимо будетъ совершаться.

Какъ и все въ Россіи, подъ дѣйствіемъ освободительнаго движенія, — русская интеллигенція также не могла остаться исторически неизмѣнной. Наоборотъ,—на ней событія должны были отразиться еще больше, чѣмъ на комъ бы то ни было другомъ. Вѣдь, интеллигенція, психологически, наиболѣе чуткій, наиболѣе нервный, наиболѣе впечатлительный элементъ народа. „Огонь“ исторіи, естественно, долженъ дѣйствовать на нее еще сильнѣе, чѣмъ на какую-бы то ни было другую часть народнаго организма.

И этотъ „огонь“ сильнѣйшимъ образомъ воздѣйствовалъ на нашу интеллигенцію; до того, что онъ правилъ ее „in's Fluss“, какъ любилъ выражаться знаменитый нѣмецкій юристъ Рудольфъ Іерингъ. Онъ дѣйствительно ее „расплавилъ“ — расплавилъ вмѣстѣ съ ея привычными идеалами, съ ея привычными способами дѣйствій, съ ея достоинствами и недостатками. Подъ вліяніемъ высокой температуры пережитыхъ событій русская интеллигенція утратила свои прежнія психологическія формы, потеряла свою прежнюю твердость и устойчивость.—И она такъ и остается пока въ этомъ безформенномъ, „расплавленномъ“ состояніи. Отсюда — эта ея нынѣшняя душевная „немощь“, отсюда эта ея податливость разнымъ наноснымъ идейнымъ теченіямъ, отсюда— отсутствіе въ ней внутренней устойчивости, потеря ею своего духовнаго „материка“, твердой точки опоры.

Но, само собою разумѣется, что это состояніе лишь *переходное*. Интеллигенціи неизбѣжно предстоитъ духовно перелиться въ новыя формы, и придать имъ снова внутреннюю твердость и внутреннюю устойчивость. Изъ нынѣшняго расшатаннаго, разочарованнаго, неувѣреннаго состоянія ей надо перейти въ состояніе „новой“ увѣренности и „новой“ активности. И, конечно, это неминуемо произойдетъ, но это будетъ уже не возвратъ къ прошлому, а установка передъ будущимъ. Установка новая, цѣлесообразная, приспособленная къ тѣмъ перемѣнамъ, какія произошли въ цѣломъ народѣ.

Старые способы и пріемы: борьба въ одиночку, безъ народа, за свой рискъ и страхъ, за свой личный идеалъ, съ личнымъ самопожертвованіемъ, но и съ полнымъ произволомъ въ выборѣ средствъ борьбы—все это должно быть оставлено и замѣнено новымъ. Все это уже не по времени и не нужно. Такъ приходилось бороться, пока народъ стоялъ въ сторонѣ, пока онъ былъ равнодушенъ и къ смыслу и къ цѣлямъ этой борьбы. Теперь интеллигенція въ своей борьбѣ за благо государства можетъ опираться на народъ, можетъ прямо къ нему апеллировать. Поэтому и самую борьбу она должна вести *вмѣстѣ* съ народомъ, ставя ей ближайшія цѣли, вполнѣ понятныя народу, и ведя ее средствами, пріемлемыми для цѣлаго народа, а не для кружка заговорщиковъ. Конечно, это отсѣкаетъ много иллюзій, владѣвшихъ нами раньше; это заставляетъ насъ работать не въ воздухѣ, а на землѣ, но это даетъ намъ зато союзника, безъ котораго вся предыдущая борьба интеллигенціи оставалась безплодной. Этотъ союзникъ—народъ—требуетъ самъ разностороннихъ заботъ о себѣ: настоятельно требуетъ повышенія своего образованія, своего культурнаго уровня, своего техническаго умѣнья: все это должна принять къ свѣдѣнію и руководству интеллигенція. Здѣсь она должна быть заботливымъ старшимъ братомъ народа. Но свою политическую борьбу она должна вести отнынѣ на уровнѣ народнаго пониманія и сочувствія,—вести такъ, чтобы народъ могъ быть въ ней ея равноправнымъ соратникомъ и даже верховнымъ судьей. Здѣсь—должно быть отнынѣ полное равенство и никакой опеки.

И пусть не боятся того, что вести съ народомъ *общую* работу—это значитъ *понизить* ея уровень. Вовсе нѣтъ: народъ нашъ духовно одаренъ отнюдь не хуже, чѣмъ другіе народы, а по своей натурѣ онъ такъ *демократиченъ*, какъ, можетъ быть, никакой другой народъ. Широкія демократическія идеи,—идеи

политическаго, національнаго и соціальнаго равенства, столь дорогія нашей интеллигенціи—едва ли встрѣтятъ гдѣ либо лучшій пріемъ въ народныхъ массахъ, чѣмъ именно у насъ въ Россіи.

Русской интеллигенціи надо вѣрить въ русскій народъ,—и вотъ въ этомъ она должна безусловно вернуться къ традиціямъ „старой“ русской интеллигенціи.

Неужели же интеллигентъ, видѣвшій и пережившій событія великаго русскаго освободительнаго движенія, уступитъ въ этомъ отношеніи своимъ предшественникамъ?

Я невольно вспоминаю здѣсь одну изъ самыхъ удивительныхъ и самыхъ красивыхъ сценъ въ жизни первой государственной думы. На трибунѣ передъ депутатами—тамбовскій крестьянинъ Лосевъ. Все примолкло, слушая его выразительную, ласковую [1]), чисто крестьянскую рѣчь. Онъ говоритъ о русскомъ народѣ. Сравниваетъ его съ сильнымъ, но жалкимъ Самсономъ, котораго, сперва его ослѣпивъ,привели къ себѣ на потѣху враги его филистимляне. Лосевъ напоминаетъ, какъ библейскій Самсонъ „уперся“ руками въ колонны зданія, потрясъ ихъ и подъ ихъ развалинами похоронилъ себя и своихъ враговъ. Возвращаясь къ русскому народу, Лосевъ заканчиваетъ рѣчь словами: „я не ручаюсь, выдержитъ ли этотъ несчастный Самсонъ, или также упрется и скажетъ: умри, душа моя, съ филистимлянами“.

Приходитъ ли намъ въ отчаяніе,—жалѣть ли даже намъ о томъ, что русскій народъ не поступилъ такъ, какъ Самсонъ?

Надъ этими вопросами стоитъ очень и очень призадуматься. Не потому ли народъ-Самсонъ и не „потрясъ“ зданія, что, въ противность библейскому разсказу, онъ во-1) только-что передъ этимъ „прозрѣлъ“, а не былъ „ослѣпленъ“, а во-2), также убѣдился и въ томъ, что его окружаютъ вовсе не одни враги, но также и друзья.

Народъ-Самсонъ не разрушилъ „зданія“, потому что онъ вовсе и не отчаялся въ своей судьбѣ. Онъ понимаетъ, что его мощь еще пригодится ему и его друзьямъ для великой работы „созиданія“.

Н. Гредескулъ.

---

[1]) „Дорогіе мои“... „друзья“, говоритъ онъ, обращаясь къ членамъ Государственной Думы.

Тяжкій законъ.

Едва ли какое либо законоположеніе послѣдняго времени вызвало столь разнообразную оцѣнку, столь пламенную защиту съ одной стороны и столь суровую критику съ другой какъ памятный указъ 9 ноября 1906 г., изданный въ первый періодъ междудумья по 87 ст. основныхъ законовъ. Его принципіальное обсужденіе заняло значительное количество времени въ земельной комиссіи и въ общихъ засѣданіяхъ 3-й Государственной Думы. Даже среди большинства дѣятелей послушной Думы многіе стороны этого знаменитаго указа встрѣчали крайне различное отношеніе. Поправокъ къ отдѣльнымъ статьямъ его было внесено множество самыхъ разнообразныхъ, но наиболѣе рѣзкія принципіальныя возраженія онъ вызвалъ среди демагоговъ крайней правой и демократовъ оппозиціонныхъ группъ.

Въ концѣ концовъ за принятіе закона центру удалось сплотить незначительное большинство, и нѣкоторыя принципіальныя статьи были приняты большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ.

Еще болѣе живую, даже страстную полемику вызвало примѣненіе закона на мѣстахъ. Въ однихъ случаяхъ и въ рядѣ губерній онъ прививался туго, въ другихъ—какъ будто попалъ на подготовленную почву и вызвалъ значительное движеніе среди населенія.

Первый рядъ случаевъ наиболѣе интересенъ. Принудительное примѣненіе указа вызывало не разъ рѣзкіе протесты въ общинныхъ районахъ и глухое броженіе среди населенія.

Карательныя экспедиціи петербургскихъ чиновниковъ для объединенія дѣйствій мѣстныхъ властей и преподанія указаній высшаго начальства, солидный томъ соотвѣтствующихъ циркуляровъ, нерѣдко неясныхъ или даже противорѣчивыхъ, преміи деньгами и

посулами ретивымъ представителямъ сильной власти на мѣстахъ и „скорпіоны“ лукавымъ или лѣнивымъ рабамъ, начавшаяся земельная спекуляція и обезземеливаніе, громкія рѣчи сановниковъ, неясная статистика „успѣшнаго“ хода дѣла и усиливающаяся неурядица среди новоиспеченныхъ хуторскихъ хозяевъ, массовое разверстаніе общинныхъ полей (особенно удачное на бумагѣ) и требованія соотвѣтствующихъ ассигновокъ по бюджету—все это достойно самаго пристальнаго вниманія и общественной оцѣнки.

Передъ глазами современныхъ дѣятелей происходитъ несомнѣнно одинъ изъ серьезнѣйшихъ „опытовъ“ насильственнаго переустройства сложившихся формъ народно-хозяйственной жизни земледѣльческаго населенія. Удастся ли онъ вполнѣ и обезпечитъ ли полное торжество насаждаемымъ принципамъ личной собственности и отрубного владѣнія, дастъ ли онъ надежный консервативный оплотъ изъ крѣпкихъ и сильныхъ хозяйственныхъ мужичковъ и безъ особыхъ потрясеній разслоитъ, размечетъ по лицу русской равнины деревенскій „міръ“, или, наоборотъ, вызоветъ тяжкія и грозныя явленія, обострить еще болѣе запутавшійся и усложнившійся соціальный вопросъ и еще рѣзче разожжетъ классовыя противорѣчія, еще глубже поселитъ раздоръ и увеличитъ разруху государственную,—кто отгадаетъ теперь въ неясныхъ очертаніяхъ грядущаго времени?

Отнесется ли къ нему русское крестьянство такъ, какъ оно, по словамъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Лыкошина, „во всѣ времена и всегда успѣвало и умѣло обходить путемъ *пассивнаго сопротивленія*“ законы, которые шли наперекоръ крестьянскому правосознанію, или на этотъ разъ, уступая неравной борьбѣ съ примѣненіемъ указа 9 ноября подъ защитой усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ и обязательныхъ постановленій, оно испытаетъ на себѣ всѣ „благодѣтельныя“ стороны широкаго эксперимента, превращающаго „скалы въ цвѣтущій садъ и песокъ въ золото“, и обманутое въ обѣщаніяхъ лучшей доли, наполовину лишившееся земли и не имѣющее даже возможности приложенія своего труда,—вновь предъявитъ государственной власти неоплаченный счетъ? Все это вопросы, жгучіе и волнующіе для всѣхъ противниковъ новаго закона, но они какъ будто и не существуютъ для его сторонниковъ, съ удивительной послушностью и легкомыслiемъ воспринимающихъ правительственное мѣропріятіе.

Мало того, по мѣрѣ хода работъ земельной комиссіи, а за-

тѣмъ и Думы, отрицательныя стороны проекта все усугубляются и расширяются. Появилось запрещеніе передѣловъ въ селеніяхъ, гдѣ общихъ передѣловъ не было болѣе 24 лѣтъ, и предписано превращеніе общинниковъ сразу въ личныхъ собственниковъ, узаконено полное отрицаніе частнаго семейнаго владѣнія и уничтожена всякая оплата обществу излишковъ земли, выдѣленной отдѣльнымъ домохозяевамъ.

Къ механическому, бумажному разрушенію уклада общественнаго и семейнаго землепользованія прибавлена частичная экспропріація у многихъ въ пользу единицъ.

Примѣненіе закона, быть можетъ, и упростилось наподобіе разсѣченія гордіева узла, но еще больше затуманилось ближайшее будущее массъ земледѣльческаго населенія.

Это будущее кажется болѣе темнымъ еще и потому, что по поводу двухлѣтняго періода примѣненія указа даже въ его первоначальномъ видѣ картины дѣйствительности являются въ далеко не утѣшительномъ свѣтѣ, несмотря на оптимистическія цифры, опубликованныя вѣдомствомъ.

Въ задачи настоящей замѣтки не входитъ принципіальная и исчерпывающая критика указа 9 ноября, — это много разъ имѣло мѣсто и въ повременной печати и въ думскихъ преніяхъ, и едва ли представляетъ теперь интересъ новизны. Позиціи и сторонниковъ и защитниковъ ясны, всѣ слова съ той и другой стороны, пожалуй,—уже сказаны.

Другое дѣло область *примѣненія указа въ жизни*, факты и наблюденія, психологія сельскихъ обывателей, сложность и затруднительность помѣстной практики, очертанія практическихъ неудобствъ и опасностей.

Въ этомъ направленіи желательны болѣе широкія изслѣдованія, описанія и даже отдѣльныя замѣтки имѣютъ животрепещущій интересъ. Не только среди интеллигентскихъ споровъ партійныхъ ораторовъ Думы особенно поучительными являются краткія рѣчи депутатовъ крестьянъ, въ которыхъ среди самыхъ разнообразныхъ партійныхъ лозунговъ, а часто и вопреки имъ пробивается живучее народное міросозерцаніе, затаенныя надежды или явный протестъ, но и отзывы, получаемые съ мѣстъ, крестьянскія письма, прошенія имѣютъ большую цѣнность.

И эти долетающіе къ намъ отзвуки жизни далекихъ угловъ, и отдѣльные конкретные факты дѣйствительности, все это наиболѣе достойно вниманія.

Даже отрывочность, а отчасти односторонность матеріала не

должна служить препятствіемъ къ его опубликованію. Каждое наблюденіе, каждый характерный фактъ имѣютъ большую цѣнность въ этомъ огромной важности вопросѣ, безпристрастная и полная оцѣнка котораго еще впереди.

I.

Законъ 9 ноября внесъ рѣзкій разладъ, рѣзкую разность интересовъ въ деревенскій міръ. Онъ выгоденъ для однихъ съ точки зрѣнія ихъ личнаго благополучія, онъ тревожитъ другихъ или серьезно угрожаетъ ихъ имущественному достатку.

Вотъ нѣсколько иллюстрацій изъ жизни. Отзывъ одного изъ корреспондентовъ, волостного писаря Камышловскаго уѣзда, Пермской губерніи, рисуетъ это положеніе довольно обще: „Законъ 9 ноября 1906 года насколько благодѣтеленъ для хорошихъ работныхъ и состоятельныхъ домохозяевъ, настолько же, если не больше, вреденъ для лѣнтяевъ и бѣдняковъ; онъ даетъ имъ возможность за безцѣнокъ сбывать свои надѣлы и оставаться навсегда безземельными со своимъ потомствомъ, что создастъ для нихъ *вѣчную кабалу*“.

Болѣе детальный анализъ даетъ отзывъ изъ Свіяжскаго уѣзда Казанской губерніи. „Для нѣкоторыхъ крестьянъ этотъ законъ представляетъ положительныя *выгоды*, какъ напримѣръ: 1) для безсемейныхъ, 2) для тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которыя кромѣ своихъ надѣловъ пользуются еще надѣлами умершихъ своихъ членовъ, 3) для бѣднѣющихъ крестьянъ, которые хотя и имѣютъ надѣлы, но не въ состояніи сами обрабатывать ихъ, 4) для живущихъ на сторонѣ, 5) для кулаковъ, которые въ силу этого закона могутъ скупать землю... Но конечно для большинства крестьянъ этотъ законъ непригоденъ...“—Тѣ же мотивы несутся и изъ центральныхъ губерній.

„Почти всѣ выдѣляющіеся (помимо воли обществъ), пишутъ изъ Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи, являются такими владѣльцами земли, которымъ выдѣленіе въ томъ или иномъ смыслѣ особенно выгодно; такъ, напримѣръ, очень много выдѣляющихся занимаются не земледѣліемъ, а разными другими промыслами, часто даже на землѣ не живутъ, затѣмъ идутъ лица, которыя не имѣютъ наслѣдниковъ и имъ нежелательно, чтобы послѣ ихъ смерти земля безвозмездно перешла обществу (одинокіе старики, тас-

рухи), выдѣляются малосемейные, имѣющіе надѣлы на много душъ".

Борьба за выдѣлъ особенно возгарается въ деревнѣ передъ близостью передѣла, когда „стародушникамъ" не хочется отдавать излишковъ земли, а „новодушники" требуютъ передѣла.

„Значительное количество заявленій о выдѣлѣ, сообщаютъ изъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ предстоитъ передѣлъ, и стародушники, не согласные на таковой, чтобы онъ не пришелъ, подавали заявленія объ укрѣпленіи; этимъ уменьшилось общее количество земли, которая пошла бы на разверстку между малоземельными и многосемейными домохозяевами. Хлопотавшіе объ укрѣпленіи стародушники достигли цѣли и передѣлы не состоялись".

Эта борьба обостряется иногда до такой степени, что крестьяне одного изъ селеній Воронежской губерніи говорятъ въ отчаяніи: „Скружились мы совсѣмъ, *грыземся какъ собаки. Идетъ промежъ насъ развратъ одинъ*, чего отродясь раньше въ нашемъ селѣ не было,—смирнѣе насъ, бывало, во всей окружности не сыскать. А хуже всего то,—никто и самъ вѣрно не знаетъ, какъ ему быть,—точно во снѣ ходимъ. Спуталъ насъ этотъ законъ насчетъ выдѣлу и ума не придадимъ, какъ его понять по настоящему!"

Еще рѣзче отзывъ изъ сѣвернаго уѣзда той же губерніи. „Если Дума узаконитъ вѣчность (такъ называютъ крестьяне укрѣпленіе земли въ личную собственность), будетъ великій бунтъ. Намъ съ нимъ нельзя, мы другъ друга подушимъ!"

„И это говорятъ, прибавляетъ пишущій, не какіе либо огарки или бунтари, а самое ядро тверезыхъ, смирныхъ и хозяйственныхъ мужиковъ".

Почти всѣ сельскія общества Таврической губерніи, какъ пишетъ одно весьма близкое къ землеустройству лицо, на первыхъ порахъ отнеслись крайне отрицательно къ закону. „Обождать, что рѣшитъ Дума", „обождать до новаго передѣла", говорили многіе. Ожиданіе однако вскорѣ было нарушено выдѣленіемъ желающихъ вопреки волѣ общества властью земскихъ начальниковъ.

Роль этихъ попечителей народнаго блага дѣйствительно была выдающаяся. Правительство не очень спѣшитъ съ опубликованіемъ полныхъ и всесторонніхъ свѣдѣній и лишь въ одной изъ многочисленныхъ рѣчей въ Думѣ представитель министерства внутреннихъ дѣлъ призналъ довольно неопредѣленно, что свыше 50% укрѣпленій было

произведено по постановленіямъ земскихъ начальниковъ. Что значитъ это „свыше“,—понять довольно трудно, но, напримѣръ, данныя, добытыя на мѣстахъ В. Дроздовымъ, давали для не получившихъ общественныхъ приговоровъ на выдѣлъ крупныя цифры: для Тамбовской губ. 85,5%, для Рязанской 84,1%, для Тульской 71,0% и т. д.

Столь обширное примѣненіе усилій близкой къ народу власти вызывало самые горячіе протесты и нареканія. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, изъ одной подмосковной губерніи уполномоченный сельскаго общества. „Правительство уклоняется отъ истины, доказывая, что деревня охотно идетъ навстрѣчу реформѣ, осуществляемой указомъ 9 ноября, и никакихъ насильственныхъ мѣръ администрація не употребляетъ. Если бы отнять право проводить этотъ законъ отъ земскихъ начальниковъ и передать хотя бы землеустроительнымъ комиссіямъ, у которыхъ нѣтъ права наказывать, насиловать и злоупотреблять своею властью, вы увидите, что указъ дальше бумаги не пойдетъ“.

Въ Таврической губерніи губернаторъ издалъ 22 марта 1908 г. обязательное постановленіе, карающее „за всякія дѣйствія, направленныя къ удержанію крестьянъ отъ свободнаго выхода изъ общины, а также къ недопущенію пользоваться укрѣпленными за ними въ личную собственность участками земли, даже въ томъ случаѣ, *если таковыя (дѣйствія) не предусмотрѣны уголовными законами*“. Затѣмъ, опровергая печатно случаи злоупотребленія властями при примѣненіи указа 9 ноября, онъ стремился доказать, что все сіе было сдѣлано съ цѣлью „опезпечить свободу крестьянъ“ въ пользованіи дарованными указомъ правами.

Это наивное отрицаніе злоупотребленій властью при обѣщаніи каръ (3 мѣс. ареста или штрафа до 500 руб.) за дѣйствія, *не наказуемыя уголовнымъ закономъ*, особенно характерно для пониманія той атмосферы, въ которой работаетъ мѣстная администрація.

Таврическая губернія одна изъ выдающихся по числу выдѣлившихся изъ общины домохозяевъ. Послѣ Екатеринославской, Могилевской, Херсонской, Самарской и Харьковской она занимаетъ шестое мѣсто и ей принадлежитъ *первое* мѣсто по количеству проданныхъ укрѣпленныхъ участковъ. Охраненіе „свободы“ путемъ обязательныхъ постановленій дало очевидно, весьма реальные разультаты.

Земскимъ начальникамъ здѣсь было приказано (въ октябрѣ

1907 г.) „отложить всѣ прочія дѣла и заняться исключительно разрѣшеніемъ дѣлъ по заявленію крестьянъ о закрѣпленіи въ личную собственность надѣльныхъ земель“.

Вездѣ за ревность судили награды и повышенія, за неуспѣхъ — гоненія. Земскіе начальники, какъ пишетъ весьма освѣдомленное лицо, „изъ кожи лѣзли вонъ, проклиная новый законъ, и въ то же время мечтали о вице-губернаторствѣ“. Повышеній впрочемъ, не наблюдалось, а кое кого удалили. Стремленіе „вылѣзть изъ кожи“ приводило въ иныхъ мѣстахъ къ такимъ напр. курьезамъ. „Во время пріѣзда чиновника изъ Петербурга въ Херсонскую губернію одинъ изъ рьяныхъ земскихъ начальниковъ на вопросъ о томъ, какъ идетъ укрѣпленіе, заявилъ, что сдалъ въ съѣздъ 600 дѣлъ. Цифра эта въ то время для одного участка была весьма внушительна и земскій начальникъ получилъ благодарность пріѣзжей персоны. По отъѣздѣ петербургскаго „ревизора“ съѣздъ принужденъ былъ всѣ „дѣла“ возвратить, „какъ совершенно негодную работу, такъ какъ въ ней собственно никакихъ свѣдѣній, пригодныхъ хотя бы для домашней сдѣлки, не было“.

Впрочемъ, храбрый отвѣтъ „ревизору“ нисколько не былъ опаснымъ. Самъ ревизоръ былъ довольно далекъ отъ опытности въ дѣлѣ землеустройства, ибо раньше завѣдывалъ дѣлами по воинской повинности. „Облетѣвъ съѣзды, куда къ его пріѣзду собирались земскіе начальники всего уѣзда, онъ читалъ по своей тетради одни и тѣ же 10—15 пунктовъ разъясненій, относящихся къ закону, а когда земскіе начальники задавали ему разнообразные вопросы, онъ уклонялся отъ отвѣтовъ и, ссылаясь на недостатокъ времени, рекомендовалъ обращаться въ Губернское Присутствіе“.

О такихъ же наставникахъ-ревизорахъ сообщаютъ и изъ Тамбовской губерніи.

Впрочемъ, во многихъ случаяхъ усиленное развитіе энергіи земскихъ начальниковъ вызывалось не столько циркулярами губернаторовъ и даже лекціями петербургскихъ гостей, сколько прямо денежными преміями, наградой въ видѣ задѣльной платы по какой-то заранѣе условленной таксѣ 50—70 коп. до 1 рубля съ выдѣла.

Правда, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ называлъ это въ Гос. Думѣ „возмѣщеніемъ расходовъ“, а не преміями, но вѣдь существо дѣла отъ терминологіи нисколько не измѣняется. Примѣненіе „премій“, слухи о которыхъ идутъ изъ многихъ губерній, вызывало иногда усердіе превыше всякой мѣры.

Вотъ, напримѣръ, какой случай рисуетъ сообщеніе изъ Рязанской губерніи. Помимо обѣщаній повышеній и даже вице-губернаторскаго поста, было указано на возможность получки по 1 р. за каждаго вышедшаго изъ общины. Въ одной изъ волостей Рязанскаго уѣзда той же губерніи земскому начальнику „удалось уговорить 80 крестьянъ закрѣпить за собой надѣлы. Достойнымъ сотрудникомъ ему былъ сельскій староста, которому онъ обѣщалъ серебряную медаль и мѣсто члена землеустроительной комиссіи. Крестьяне выдѣляться отказывались, приходилось убѣждать каждаго отдѣльно и каждому обѣщали самый лучшій и близкій къ селу участокъ. Послѣ долгихъ уговоровъ все-таки никто не рѣшался изъявить свое согласіе, удостовѣренное подписью на листѣ. Тогда пущены были въ дѣло *угрозы*: такъ, напр., кузнецу, который не рѣшался подписаться первымъ, грозили, что если онъ не пойдетъ на отрубъ, то онъ обязанъ будетъ платить за клочекъ земли, занятый кузницей, по 100 р. въ годъ. Онъ рѣшился, наконецъ, подписаться вторымъ. Первымъ подписался самъ староста, который при этомъ заявлялъ, что ему совершенно все равно, какая земля ему достанется, такъ какъ онъ хлопочетъ не о землѣ, а объ обѣщанномъ ему мѣстѣ въ землеустроительной комиссіи.

Какъ только на листѣ оказались двѣ подписи, староста пошелъ по избамъ, совѣтуя каждому подписаться скорѣе, такъ какъ земскій сказалъ ему, что чѣмъ кто скорѣе подпишется, тѣмъ лучшую и ближайшую къ селу землю онъ получитъ; тѣмъ же, кто согласія своего не дастъ, останутся горы за 6 верстъ отъ села.

Страхъ оказаться надѣленнымъ негодной землею заставилъ торопиться заявленіемъ о выдѣлѣ, при чемъ дальнѣйшія подписи принимались старостой уже не даромъ, а должны были сопровождаться поднесеніемъ 2—3, а подъ конецъ до 6 бутылокъ пива. За отсутствующихъ домохозяевъ записывались бабы.

Получивъ листъ съ именами 80 домохозяевъ, согласныхъ на выдѣлъ, земскій начальникъ въ присутствіи старшинъ протянулъ старостѣ руку и благодарилъ его, заявивъ, что считаетъ его первымъ человѣкомъ въ волости и что за его услуги онъ получитъ награду“...

Идиллическая радость удачи продолжалась однако не долго. „Призванъ былъ землемѣръ для нарѣзки земли. Передъ обмѣромъ всѣ домохозяева разбиты были на 4 группы, изъ которыхъ каждая должна была избрать уполномоченнаго для объясненія съ земскимъ начальникомъ. Уполномоченные, съ которыми земскій начальникъ

бесѣдовалъ по одиночкѣ, получили завѣреніе, что ближайшая къ селу и лучшая земля предоставлена будетъ ихъ группѣ. Сойдясь потомъ вмѣстѣ, они стали сообщать другъ другу то, что слышали. Явились недоразумѣнія, повлекшія за собою новые разговоры. „Всѣмъ сдѣлано хорошо, нечего кричать“, пояснилъ земскій начальникъ.

Поѣхали въ поле, землемѣръ сталъ нарѣзать землю, раздѣливъ на 4 части участокъ тянущійся на 6 верстъ, причемъ его ширина вблизи села оказалась не болѣе 60 саженъ... Увидавъ, какимъ образомъ они будутъ надѣлены, крестьяне заволновались, бабы забунтовали, набросились на землемѣра и не только не дали ему работать, но прогнали изъ села“... неудача повлекла за собою рѣшительный отказъ выходить на отруба не только даннаго села, но и всей волости. Мало того, крестьяне продолжали волноваться, опасаясь, что листъ съ подписями, оставшійся у земскаго начальника, можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе и помимо ихъ желанія. Особенно эта исторія смущала ихъ потому, что при собираніи подписей многихъ домохозяевъ не было дома (многіе были въ отхожихъ промыслахъ) и при возвращеніи могли быть еще новыя осложненія.

Въ этой „исторіи“, безыскусственно описанной мѣстнымъ жителемъ, не все представляется понятнымъ, не все укладывается даже въ рамки указа 9 ноября, но она является характерной картинкой, иллюстрирующей мѣстную землеустроительную практику, тотъ сумбуръ понятій и дѣйствій, который происходитъ на мѣстахъ и тѣ пріемы, которые обезпечиваютъ цифровой успѣхъ указа въ правительственной статистикѣ.

Для такого же успѣха издано, повидимому, и циркулярное распоряженіе саратовскаго губернатора отъ 6 октября 1908 г., третій пунктъ котораго предписываетъ: „вмѣнить въ обязанность опекунамъ *укрѣплять за малолѣтними ихъ земельные надѣлы*, если таковое укрѣпленіе для малолѣтнихъ окажется выгоднымъ“, а четвертый содержитъ угрозы опекунамъ уголовною и гражданскою отвѣтственностью.

Очевидно, мѣстные органы, призванные доказать жизненность указа 9 ноября, искали всяческихъ для этого путей и додумались даже до услугъ опекуновъ малолѣтнихъ крестьянскихъ сиротъ.

При этомъ всѣ инакомыслящіе просто устранялись. Грустную картину такого рода рисуетъ приговоръ крестьянъ Буевскаго сельскаго общества Зубцовскаго уѣзда Тверской губерніи. Этотъ документъ весьма краснорѣчивъ и заслуживаетъ быть приведеннымъ

почти полностью. „Отъ волостного старшины мы узнали о распоряженіи земскаго начальника объ увольненіи отъ должности нашего сельскаго старосты только за то, что онъ по нашему указанію дважды не подписалъ вмѣстѣ съ нами актовъ объ укрѣпленіи земли въ личную собственность. Находя настоящее распоряженіе несправедливымъ и обиднымъ не только для сельскаго старосты, но и для цѣлаго сельскаго общества, мы единогласно постановили настоящимъ приговоромъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы тотъ порядокъ, какимъ проводится въ нашу жизнь извѣстный законъ 9 ноября. Односельчанинъ нашъ г. С. въ половинѣ августа подалъ заявленіе объ укрѣпленіи земли въ личную собственность, въ силу чего земскій начальникъ прислалъ свое распоряженіе, чтобы староста подписалъ актъ объ укрѣпленіи земли С—у, при чемъ въ актѣ этомъ былъ указанъ подробный обмѣръ каждой его полосы. Имѣя въ виду, что обмѣра полей у насъ не производилось совершенно со времени надѣла и что нѣтъ увѣренности, что на ревизскую душу въ натурѣ приходится дѣйствительно по 4 десятины земли, что, наконецъ, староста не можетъ единолично расписываться за цѣлое общество, гдѣ дѣло касается всего общества, такъ какъ онъ на это довѣренности не имѣетъ отъ общества, отъ единоличной подписи акта сельскій староста отказался и, собравъ сельскій сходъ, объяснилъ всѣ обстоятельства дѣла. Сходъ, видя, что укрѣпленіе земли въ собственность при черезполосицѣ съ указаніемъ подробнаго обмѣра земли въ будущемъ можетъ обидѣть послѣднихъ участниковъ общины и послужить источникомъ крупныхъ взаимныхъ споровъ, отъ подписи акта о землѣ С. отказался и не позволилъ этотъ актъ подписывать сельскому старостѣ. Тогда земскій начальникъ въ административномъ порядкѣ приговорилъ сельскаго старосту къ 5-ти дневному аресту и прибавилъ, что если онъ впредь будетъ такъ относиться къ подобнымъ дѣламъ, то будетъ немедленно уволенъ. Вскорѣ представился подобный случай. Въ сентябрѣ заявленіе объ укрѣпленіи земли дѣлаетъ и другой односельчанинъ Г. Повторяется то же самое. Сельскій староста отказался отъ подписи акта о землѣ, послѣ чего земскій начальникъ увольняетъ его отъ должности...

Изложивъ порядокъ проведенія въ нашу жизнь закона 9 ноября (говорится въ приговорѣ) мы, не протестуя противъ основной его идеи, протестуемъ противъ мѣръ и способа его проведенія, *протестуемъ противъ административнаго насилія*. А удаленіе отъ должности сельскаго старосты было именно насиліемъ. Въ его лицѣ общество

крестьянъ д. Буева имѣли себѣ лучшаго руководителя нашей общественной жизни и только благодаря его стараніямъ у насъ открыто въ деревнѣ училище, благодаря ему, а частью и на его личныя средства мы въ 1907 г. и 1908 г. закупали клеверныя сѣмена для посѣва, въ 1908 г. благодаря его ходатайству мы получили безпроцентную частную ссуду на озимое обсѣмененіе, когда мѣстное уѣздное земство въ ссудѣ на этотъ предметъ намъ отказало, собственной же ржи на обсѣмененіе почти ни у кого не было".

Совершенно очевидно, что подобный путь борьбы за проведеніе закона въ жизнь и подобныя „доказательства" его пользы со стороны административной власти едва ли будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ улучшенное землепользованіе и насажденіе высшей земледѣльческой культуры. И какой глубокой ироніей звучитъ этотъ приговоръ, составленный 9 ноября 1908 г. въ двухлѣтнюю годовщину указа, сопоставленный съ громкими словами думскихъ яко бы либеральныхъ защитниковъ „освобожденія личности крестьянина отъ гнета общины", какъ много въ немъ горькой обиды и справедливаго негодованія на непрошенныхъ „устроителей" народной жизни.

Впрочемъ, „освобожденіе личности" отъ общины переходитъ въ иныхъ случаяхъ, при помощи все тѣхъ же представителей сильной и близкой къ народу власти, въ болѣе краткую форму „освобожденія" общины отъ неугодной начальству личности. Для этого пользуются обыкновенно архаическимъ правомъ сельскихъ обществъ удалять порочныхъ сочленовъ, причемъ приведеніе въ дѣйствіе этого права идетъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и даже участіемъ начальства. Прошеніе крестьянки Наталіи П. изъ Усманскаго уѣзда Тамбовской губерніи, направленное депутату Гос. Думы и снабженное четырьмя 75-копѣечными гербовыми марками, излагаетъ грустную повѣсть ссылки въ г. Вологду ея мужа за то, что онъ въ сельскомъ обществѣ передъ примѣненіемъ выдѣловъ по указу 9 ноября настаивалъ на предварительномъ передѣлѣ земли по наличнымъ душамъ. Оставшаяся съ тремя малолѣтними дѣтьми несчастная крестьянка тщетно добивалась „правды" и отмѣны ссылки своего мужа въ цѣломъ рядѣ учрежденій и, наконецъ, пишетъ прошеніе въ Г. Думу, молитъ поднять въ засѣданіи вопросъ „объ отнятіи такого права у крестьянъ и о *безсмысленномъ* составленіи приговора".

Иногда бываютъ случаи особаго воздѣйствія не только на рядовыхъ обывателей деревни, но и на лицъ, призванныхъ къ власти надъ ними. Характерное въ этомъ смыслѣ прошеніе получено изъ

Богучарскаго уѣзда Воронежской губерніи отъ одного бывшаго урядника.

Этотъ полицейскій чинъ, по нынѣшнимъ временамъ обладающій большою полнотою власти, такъ описываетъ свое злоключеніе „1909 г. января 1-го дня я былъ въ селѣ, гдѣ находился земскій начальникъ. Послѣдній объяснилъ, что въ одной губерніи уволены 9 земскихъ начальниковъ яко бы за нераспространеніе закона 9 ноября. Послѣ того земскій сталъ объяснять законъ 9 ноября. Я, желая узнать, какъ мнѣ поступить относительно выхода изъ общины, такъ какъ у меня два малолѣтнихъ сына, а земля только на меня одного, то земскій начальникъ объяснилъ, что я могу укрѣпить за собой одну душу. Послѣ этого я отвѣтилъ, что лучше было бы, если бы былъ передѣлъ земли, тогда бы я получилъ на 3 души, а если не будетъ передѣла, то мнѣ нѣтъ разсчету выходить изъ общины; и тѣмъ дѣло кончилось относительно выхода изъ общины. Между прочимъ земскій, понявъ мою сердечную просьбу, какъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ, сообщилъ г-ну исправнику въ другомъ смыслѣ, якобы я критиковалъ законъ 9 ноября, шелъ противъ правительства и являлся опаснымъ для крестьянъ относительно выхода изъ общины, за что меня сейчасъ же уволили со службы“...

А дальше „сердечная просьба къ господамъ членамъ Думы“, наивныя надежды на успѣхъ заступничества, описаніе своего бѣдственнаго положенія и т. д.

Всего интереснѣе, что пониманію защитниковъ закона недоступна глубокая рознь, обнаруживающаяся между ними и населеніемъ.

Печать не разъ приводила описанія случаевъ масового выступленія крестьянъ противъ указа 9 ноября. Еще совсѣмъ недавно было сообщено въ „Уральскомъ Краѣ“ изъ Ирбитскаго уѣзда Пермской губ., какъ крестьяне с. Костинскаго сочли государственными преступниками, крамольниками, лицъ, стоящихъ за выдѣлъ и даже самовольно стали производить у нихъ обыски.

Особенно громкая и грустная исторія разыгралась, какъ извѣстно, на этой почвѣ въ с. Подберезьѣ Свіяжскаго уѣзда, гдѣ произошелъ чуть не бунтъ съ послѣдующимъ разстрѣломъ толпы, убитыми и ранеными, судебнымъ процессомъ, осужденными и т. д. Подробности дѣла давно уже были оглашены въ газетахъ, но вотъ какія интересныя психологическія наблюденія рисуютъ нѣкоторые корреспонденты изъ той мѣстности.

„Я читалъ, пишетъ одинъ, что въ с. Подберезьи былъ *бунтъ*,

но для меня (много лѣтъ знающаго мѣстныхъ крестьянъ) Подберезье и бунтъ два совершенно несовмѣстимыхъ понятія: это все равно, что приписать коровѣ рысь, а лошади рога".

Подберезьинскіе жители даже среди окружающихъ жителей отличаются патріархальностью жизни. „Народъ честный, религіозный, трудолюбивый, нравственный, но грубоватый и необразованный. Земли у нихъ достаточно и они очень дорожатъ ею... Въ самый разгаръ революціонныхъ движеній въ Россіи село отъ малаго и до стараго въ количествѣ болѣе 3 тысячъ человѣкъ на церковной площади молилось о здравіи Царя - кормильца и послало адресъ".

А дальше—стремленіе одного крестьянина къ выдѣлу по закону 9 ноября, сопротивленіе, убитые и раненые, 70 ч. арестованныхъ. „Нѣтъ словъ описать то, что чувствуютъ и переживаютъ несчастныя жертвы печальнаго событія. Есть дома, гдѣ не осталось ни одного работника... женщины и дѣти ревутъ".

А еще дальше—приговоръ суда: 4 крестьянина къ 10 годамъ каторги, 17—къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы, 2—къ году и 2 мѣсяцамъ и одинъ—къ 2 мѣсяцамъ. И вотъ, тихое Подберезье, столь глубоко-патріархальное, столь далекое отъ крамолы, измѣняетъ свой духовный обликъ.

Законъ 9 ноября и его „благодѣтельныя" послѣдствія глубоко смутили народную душу. Корреспонденты черезъ 10 мѣсяцевъ съ отчаяніемъ рисуютъ смуту и броженіе въ названной округѣ. „Этотъ законъ заглушаетъ искру патріотизма къ родинѣ, многія говорятъ... не пойдутъ воевать"... пока не будетъ пріостановлено дѣйствіе закона 9 ноября. Съ этимъ закономъ „приходится жить такъ трудно, какъ бы подъ *чужеземнымъ игомъ*"...

И это глубокое и глухое недовольство крестьянской массые два-ли можетъ быть игнорировано даже самыми убѣжденными сторонниками принциповъ личной собственности.

Тамъ, гдѣ методомъ доказательства является приказаніе и угроза, а методомъ проведенія посулы, принужденія и насиліе, тамъ, гдѣ все это совершается среди темной массы населенія, гдѣ разбрасываются сѣмена обиды и притѣсненій,—тамъ едва ли можно обольщать себя розовыми надеждами.

Въ этой же серіи фактовъ и сообщеній о методѣ примѣненія указа 9 ноября въ жизни стоитъ особнякомъ весьма интересный и съ бытовой и съ исторической точки зрѣнія процессъ Верхне-Бѣлоомутскаго сельскаго общества Зарайскаго уѣзда Рязанской

губерніи, сообщенный въ подробной запискѣ. Обстоятельство любопытнаго дѣла вкратцѣ таковы.

„Въ 1840 году крестьяне села Верхняго Бѣлоомута обратились къ своему помѣщику Николаю Платоновичу Огареву (извѣстному народнику и другу Герцена) съ предложеніемъ отпустить ихъ, крестьянъ, на свободу. Огаревъ на это предложеніе изъявилъ свое согласіе и въ томъ же году между крестьянами и помѣщикомъ былъ заключенъ предварительный договоръ. Крестьяне въ количествѣ 1.820 душъ мужского пола (по 8 ревизіи), переименовываясь въ свободныхъ землепашцевъ, отпускались на волю со всѣми ихъ чадами и домочадцами, со всѣми строеніями, скотомъ и т. д.

Всѣ земли, принадлежащія Огареву при селѣ Верхнемъ Бѣлоомутѣ въ количествѣ 8.127 десятинъ (усадебныя, выгонныя, луговыя, лѣсныя, удобныя и неудобныя) переходили въ вѣчную собственность крестьянъ за весьма небольшую плату, разсроченную Огаревымъ на 10 лѣтъ, и аккуратно выплаченную ему крестьянами безъ содѣйствія со стороны правительства [1]). Этотъ договоръ 26 іюня 1842 года былъ утвержденъ Высочайшею волею

[1]) Четвертый пунктъ условія, имѣющій существенное значеніе для современной „исторіи“, приводится подробно. Вотъ его содержаніе. „Когда на это условіе воспослѣдуетъ Высочайше его Императорскаго Величества утвержденіе, тогда имъ, крестьянамъ, разрѣшается располагать всѣми вышеописанными землями и угодьями на правѣ *полной собственности*, съ тѣмъ, чтобы они на основаніи изложеннаго въ 3 пунктѣ 443 ст. продолженія къ IX тому свода законовъ постановленія сдѣлали *по взаимному ихъ согласію* раздѣлъ уступленной имъ въ собственность луговой земли на участки, уровнявъ оное по числу нынѣ увольняемыхъ ревизскихъ душъ, т. е. на 1820 въ теченіе трехлѣтняго срока, считая оный со дня Высочайшаго утвержденія сего договора. Такимъ образомъ въ полный этотъ срокъ, составленныя ими между собою луговые участки остаются въ семействахъ ихъ собственными и наслѣдственными; лѣсныя же дачи, дабы сохранить ихъ отъ произвольнаго и безнужнаго истребленія—на участки не дѣлятся, а должны быть они въ общемъ увольняемыхъ крестьянъ владѣніи, съ правомъ пользованія изъ нихъ, но съ тѣмъ однако же, чтобы для встрѣтившихся необходимыхъ потребностей, какъ-то на случай непредвидимой постройки вновь, или поправки чьего либо дома или другого къ нему принадлежащаго строенія, тогда количество нужнаго на срубъ лѣса, для каждаго изъ нуждающихся въ томъ крестьянъ опредѣляется на мірской сходкѣ и назначается отпускъ лѣса по приговору, въ слѣдствіе коего сельское правленіе и даетъ уже крестьянину позволеніе съ указаніемъ мѣста самой рубки. Земля выгонная, рыбныя ловли и прочія угодья съ удобными и неудобными мѣстами остаются у крестьянъ также въ нераздѣльномъ владѣніи. Здѣсь обыкновенная мѣра участія каждаго изъ крестьянъ опредѣляется домашними ихъ потребностями, но въ случаѣ встрѣтившейся чьей либо нужды, изъ круга обыкновенности выходящей, какъ то въ пользованіи изъ тѣхъ угодій болѣе значительныхъ, нежели какъ обыкновенный бытъ допускаетъ, тогда мѣра такового участія и условности съ нимъ соединенныя должны назначаться общимъ согласіемъ крестьянъ на ихъ сходѣ, утверждая оное своимъ приговоромъ. Дворовыя усадебныя мѣста с. Бѣ-

и 30 января 1846 года въ Рязанской палатѣ гражданскаго суда былъ совершенъ крѣпостной актъ. Съ тѣхъ поръ прошло 62 года и крестьяне мирно владѣли землею. „Всѣ были довольны установившимися нормами, безобидными для бѣднаго и для зажиточнаго. Пахотныхъ земель у села нѣтъ; лѣсныя дачи дѣйствительно сохранились отъ истребленія, но каждый бѣднякъ имѣлъ возможность пользоваться изъ нихъ даровымъ отопленіемъ и для ремонта построекъ, и для постройки новыхъ. Каждый бѣднякъ наравнѣ съ зажиточнымъ имѣлъ возможность выгонять свой скотъ на общественный выгонъ и заливные Окскіе луга". Жизнь села идетъ тихо, но вотъ „всплываетъ на свѣтъ Божій законъ 9 ноября 1906 г. и одинъ изъ общественниковъ З., живущій управляющимъ въ Козловскомъ уѣздѣ, ходатайствуетъ объ укрѣпленіи за нимъ земли въ обществѣ на одинъ его пай".—Сельскій сходъ ему отказываетъ, находя, что земли общественныя, утвержденныя за обществомъ крѣпостнымъ порядкомъ, не подходятъ подъ дѣйствіе закона 9 ноября о надѣльныхъ земляхъ. Земскій начальникъ согласился было на постановленіе схода, но въ высшей инстанціи приговоръ отмѣненъ и съѣздъ предписалъ земскому укрѣпить землю З—ву. Общество обжаловало это постановленія и ждетъ, что-то будетъ. „Чувствуемъ мы, крестьяне, что нашей общинѣ грозитъ бѣда и разрушеніе. За двадцать лѣтъ до акта 19 февраля 1861 г. мы, благодаря добротѣ нашего помѣщика Огарева, который окончилъ свои дни въ изгнаніи на чужбинѣ, получили свободу и купили у него всѣ его земли, а теперь насъ хотятъ подогнуть подъ этотъ законъ, хотятъ разрушить благосостояніе нашего спокойнаго землепользованія... До сего времени намъ завидовали всѣ сосѣдніе крестьяне и всѣ тѣ, кому приходилось быть въ нашемъ Верхнемъ Бѣлоомутѣ"...

Въ концѣ письма просьба—отстоять въ Государственной Думѣ интересы общества, „изъять" изъ подъ вѣдѣнія закона 9 ноября земли с. Бѣлоомута.

Думалось-ли въ далекіе сороковые годы будущему „изгнаннику" Н. П Огареву, любовно составлявшему свое „условіе" съ бывшими крѣпостными, обсуждавшему (по словамъ записки) это

лоомута, въ настоящемъ ихъ размѣрѣ существующія, навсегда должны быть наслѣдственной собственностью тѣхъ, которыя на тѣхъ мѣстахъ теперь уже дѣйствительно поселены и имѣютъ тамъ постоянную осѣдлость. Отводъ же вновь мѣстъ подъ поселенія не иначе долженъ быть производимъ, какъ съ мірского приговора, смотря по возможности и удобству и сообразуясь съ утвержденнымъ начальствомъ въ 1834 г. общимъ планомъ на с. Бѣлоомутъ".

условіе со своими друзьями, что много лѣтъ спустя, черезъ 40 лѣтъ послѣ горячо желаннаго имъ всеобщаго освобожденія крестьянъ, административно-юридическіе органы сильной и попечительной власти будутъ разрушать основы его договора съ крестьянами, механически примѣняя удивительныя новеллы земельнаго законодательнаго творчества!

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ приводить и излагать длинный рядъ иныхъ сообщеній, писемъ, просьбъ, приговоровъ, идущихъ къ намъ съ мѣстъ подъ воздѣйствіемъ новой земельной политики. Ея поклоненіе принципамъ личной собственности и хуторскому хозяйству, весьма быть можетъ хорошимъ въ отвлеченіи отъ русской деревни большинства губерній, неукоснительно приводится не только въ примѣненіи указа 9 ноября, но и въ другихъ землеустроительныхъ дѣйствіяхъ и въ дѣятельности Крестьянскаго Банка. Насажденіе хуторовъ и отрубовъ, иногда съ комическимъ, иногда даже и съ трагическимъ протестомъ встрѣчается населеніемъ.

Даже наиболѣе грозное послѣдствіе указа 9 ноября—продажа укрѣпленной надѣльной земли (нѣкоторыя данныя о нихъ будутъ приведены ниже), часто оправдывается, какъ мѣра, клонящаяся во многихъ случаяхъ къ улучшенію землепользованія, къ уходу на новыя мѣста, или къ устройству хуторского хозяйства. Какимъ глубокимъ отрицаніемъ хуторовъ, какой отчужденностью отъ самой мысли о такомъ ходѣ землеустройства звучатъ нерѣдко крестьянскія заявленія—не разъ уже указывалось въ печати. Мы позволяемъ себѣ привести только одно типичное въ этомъ отношеніи „покорнѣйшее прошеніе“ крестьянъ д. Покровки Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи. Они 46 лѣтъ арендовали сосѣднюю удѣльную землю въ количествѣ 393 десятинъ, платя первые 18 лѣтъ 800 р. въ годъ, а послѣдніе 28 лѣтъ отъ 1500 до 2000 р. безнедоимочно. Эту землю, какъ они пишутъ, „землеустроительная комиссія раздѣлила на 31 участокъ; теперь здѣшнее начальство принуждаетъ наше общество на выселъ въ хутора, но наши крестьяне наотрѣзъ отказались и отказываются выселяться на участки, изъявивъ желаніе платить за эту землю оброку прежнюю сумму... Выселяться на хутора мы отказались потому во 1-хъ что поле наше на высокомъ мѣстѣ: должны умирать безъ воды, нѣтъ ни рѣчекъ, ни озеръ. Наша деревня расположена хотя на краю поля по рѣкѣ проточной и этотъ участокъ отъ деревни нашей находится не далѣе полторы версты, да притомъ смежно съ нашимъ полемъ. Во 2-хъ потому, что мы, еще живя въ обществѣ, получаемъ обиды отъ силь-

ныхъ слабые, отъ богатыхъ бѣдные, потому что мы, крестьяне, нравственно не развиты, а если будемъ жить на участкахъ отдѣльно другъ отъ друга, совершенно одичаемъ: въ школу дѣтей посылать не будетъ возможности, а также ходить въ церковь. Скотины, кромѣ одной лошади и одной коровы, не будетъ возможности держать, а домашней птицы вовсе не имѣть, а про свиней и овецъ и говорить нечего. А намъ, крестьянамъ, безъ домашней скотины и птицы совершенно нельзя жить, а мы вѣдь все отъ нихъ получаемъ: пищу и одежу, обувь, постель и т. д.".

Однако, землеустроительная комиссія не удовлетворилась доводами крестьянъ и начала распродавать участки „кулакамъ другой волости и селеній, а у насъ собственной надѣльной земли всего приходится въ трехъ поляхъ менѣе 2 десятинъ на душу мужского пола. Совершенно намъ будетъ жить невозможно безъ земли; у насъ только главное занятіе земледѣліе, у насъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ и никакой кустарной работы и промышленности...", горько жалуются авторы „покорнѣйшаго прошенія" и въ концѣ просьбы о заступничествѣ за нихъ въ Думѣ добавляютъ: „а на хутора выселяться не согласны, иначе мы, крестьяне, разоримся, да притомъ сильные кулаки будутъ обижать слабыхъ и бѣдныхъ, пойдутъ судьбища, грабежи и разбои, потому что всѣ будутъ жить отдѣльно и только для себя, а не для общей пользы... умъ хорошо, а два лучше, а потому желаемъ обществомъ или общиной вмѣстѣ, но не на отдѣльныхъ хуторахъ".

Таковы безконечныя сѣтованія и жалобы глухихъ угловъ, людей земли, наивныхъ, трогательныхъ и въ то же время убѣжденныхъ, протестующихъ противъ новшествъ въ землеустройствѣ и пищущихъ прошенія съ приписками, „а еще повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всея Россіи и довести до свѣдѣнія Предсѣдателя Государственной Думы, а еще Министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыпина" и т. д., ищущихъ всюду вниманія и участія, надѣющихся на мірскую правду, „взыскующихъ града". Какъ все это далеко отъ идей и принциповъ ораторовъ большинства третьей Государственной Думы, отъ защитниковъ новаго земельнаго курса.

Затрудненія вовсе не прекращаются послѣ того, какъ выдѣлъ участковъ или отрубовъ состоялся. Не рѣдки случаи, когда уже приведенный въ исполненіе выдѣлъ земельныхъ участковъ или укрѣпленія личнаго владѣнія общинной землей въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ вызываетъ неудовольствія и самихъ

выдѣлившихся, и общества. Не даромъ центральное вѣдомство въ октябрѣ прошлаго года принуждено было написать циркуляръ о порядкѣ *обратнаго возвращенія въ общину*. Одинъ изъ такихъ случаевъ весьма рельефно обрисовывается въ полученномъ изъ Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи „Протестѣ“ сторонниковъ общины. Написанный съ большими орѳографическими и синтаксическими дефектами, „протестъ“ ярко излагаетъ сумятицу, воцарившуюся въ большомъ селѣ отъ примѣненія указа 9 ноября и заканчивается просьбой посовѣтовать, какъ „избавиться отъ такого *ига несчастнаго*“, ибо сходъ былъ-бы и согласенъ оставить жизнь по-старому“.

Трудно будетъ бѣднягамъ, не понимающимъ правительственной землеустроительной идеи, „оставить жизнь по старому“ и еще труднѣе это будетъ сдѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда выдѣляющіеся ликвидируютъ, *продаютъ* свои собственныя земли. Это наиболѣе неустранимое, наиболѣе грозное послѣдствіе указа 9 ноября, размѣръ котораго сейчасъ большинство Думы и представить себѣ не можетъ.

II.

Вопросъ о *продажѣ* укрѣпленныхъ въ собственность надѣльныхъ земель, особенно тяжелый по своимъ послѣдствіямъ и для отдѣльныхъ семействъ и для государства, не могъ пройти незамѣченнымъ со стороны правительства. Хотя оно и писало законъ въ расчетѣ на „крѣпкихъ и сильныхъ“, хотя оно и увѣрено, что такихъ громадное большинство, все же случаи быстраго обезземеленія и скупки очевидно были ему извѣстны и особенно оно стало собирать данныя по этому поводу послѣ рѣзкихъ нападокъ оппозиціи въ земельной комиссіи. Въ результатѣ оказались внесенными дополненія къ закону, устанавливающія ограниченіе скупки опредѣленнымъ размѣромъ. Равнымъ образомъ пришлось выдумывать установленіе порядка охраны имущественныхъ правъ семейства упрощеннымъ наложеніемъ опеки при расточительности домохозяина. Впрочемъ серьезность явленія обезземеливанія лицъ, укрѣпившихъ свои надѣлы, едва ли оцѣнивалась правильно представителями вѣдомствъ.

Вначалѣ работъ земельной комиссіи, они чуть не категорически отрицали наличность такихъ случаевъ, считали ихъ рѣдкими, исключительными, потомъ стали говорить, что случаевъ про-

дажи не очень много, наконецъ въ Думѣ товарищъ министра, приводя цифры домохозяевъ, продавшихъ до 1 августа 1908 г. свои надѣлы, утѣшался тѣмъ, что „число покупщиковъ лишь немногимъ менѣе числа продавцовъ", что не происходитъ сильнаго сосредоточенія надѣловъ и что большинство продающихъ имѣютъ хозяйственныя цѣли: переселеніе, покупку частной земли черезъ крестьянскій банкъ и пр.

Правительство и до настоящаго момента не опубликовало точныхъ и всесторонніхъ данныхъ, разъясняющихъ размѣръ и формы этой земельной мобилизаціи мелкихъ участковъ новоиспеченныхъ собственниковъ, а между тѣмъ это одно изъ серьезнѣйшихъ соціальныхъ послѣдствій указа 9 ноября. Частной иниціативой заполнить этотъ недостатокъ точныхъ цифръ нельзя. Въ присылаемыхъ съ мѣстъ свѣдѣніхъ часто содержатся отрывочныя, случайныя данныя, касающіяся 2—3 селеній, волости, рѣдко цѣлаго уѣзда. Свѣдѣнія о продажѣ, по весьма пониженной цѣнѣ, укрѣпленныхъ участковъ получены были изъ цѣлаго ряда уѣздовъ Тамбовской, Вологодской, Пермской, Тверской, Тульской, Самарской, Херсонской, Екатеринославской и особенно Таврической губерніи и другихъ мѣстъ.

Корреспондентъ изъ Таврической губ. сообщалъ о томъ, что началась „прямо бѣшеная продажа земли... Губернскіе нотаріусы завалены такими сдѣлками, толпы крестьянъ ждутъ очереди даже по праздникамъ"... „Стономъ стонетъ деревня отъ благодѣтельнаго закона", а хозяйственные мужички округляютъ свои владѣнія. „Одинъ крестьянинъ, членъ землеустроительной комиссіи, купилъ около 300 дес. земли, предвидятся и новые мужички-помѣщики съ владѣніями свыше 500 и болѣе десятинъ земли".

Изъ Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи сообщаютъ, что мѣстные торговцы, братья Ц., скупили уже до 400 десятинъ земли и т. д. и т. д.

Едва-ли необходимо приводить полностью эти разрозненныя хотя и многочисленныя указанія о продажѣ крестьянами своихъ участковъ. Представляется весьма интереснымъ однако проанализировать нѣкоторыя болѣе подробныя данныя, полученныя нами изъ различныхъ источниковъ по всей *Херсонской* губерніи. Выдающееся значеніе этихъ свѣдѣній состоитъ въ ихъ отмѣткахъ о причинахъ продажи, а равно и покупки земельныхъ участковъ въ отдѣльныхъ волостяхъ и уѣздахъ губерніи.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ правительствомъ въ канцелярію

Государственной Думы (беремъ напечатанную таблицу по 1-е авг. 1908 г.) всего было 18.448 домохозяевъ, продавшихъ свои укрѣпленные участки, причемъ всѣ они куплены 14 254 лицами и 15 обществами. Всего было продано 91.855 десятинъ и 2.011,19 кв. саж. земли на сумму 8.692.365 р., т. е. около 94 р. за десятину въ среднемъ.

Наибольшее количество продажъ было въ Таврической, Екатеринославской, Херсонской и Курской губерніяхъ. Цифры таковы:

	Число домохозяевъ продавшихъ участки.	Количество десятинъ.	Сумма, за которую продана земля.	Число покупщиковъ.	
Таврическая	2962	18668	2.151.811	1291	и 5 обществъ
Екатеринославская .	2516	12941	1.492.879	1590	
Херсонская	226(?) [1]	8780	889.879	1705	
Курская	1982	7305	832.104	1965	

Четвертая часть (по стоимости проданныхъ земель) всей продажи въ 41 губерніи приходится на долю Таврической губерніи, гдѣ какъ уже было упомянуто, губернаторъ Новицкій 22 марта 1908 г. издалъ вышеупомянутое обязательное постановленіе (карающее дѣянія, не воспрещенныя уголовными законами) о „непрепятствіи“ проведенія въ жизнь закона 9 ноября и гдѣ нашъ корреспондентъ осенью минувшаго года писалъ о бѣшеной продажѣ укрѣпленныхъ участковъ.

Въ этихъ четырехъ только губерніяхъ продано было свыше 47 тысячъ десятинъ земли, т. е. болѣе половины всей проданной земли во всѣхъ губерніяхъ и свыше 5% всей укрѣпленной по закону 9 ноября земли. Для Таврической губерніи, стоящей на первомъ мѣстѣ по ликвидиціи крестьянскаго имущества, количество проданной земли достигаетъ почти 7% всѣхъ укрѣпленныхъ участковъ и это за какіе-нибудь первые 1½ года дѣйствія закона. Судя по тому, что общее количество домохозяевъ, продавшихъ свои участки къ 1 январю 1909 г., по приблизительнымъ подсчетамъ, какъ говорятъ, достигаетъ уже 30 тыс. человѣкъ, можно себѣ представить, какъ быстро будетъ наростать эта новая армія безземельнаго и бездомоваго пролетаріата.

---

[1] Въ таблицѣ министерства очевидная опечатка, по нашимъ даннымъ свыше 2.200 человѣкъ.

Таблица продажи земли по Херсонской губерніи, имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи, довольно близка къ правительственнымъ даннымъ (по 1 августа 1908 г.). Всего по 6 уѣздамъ губерніи насчитывается 2.207 домохозяевъ, продавшихъ въ общей сложности 8.560 дес. 103 кв. саж. земли и 1.622 лицъ, скупившихъ эти участки. Наибольшее количество продажъ приходится на Елизаветградскій и Александрійскій уѣзды (2.200 дес. и 1.676 десятинъ земли).

Наиболѣе интересны отмѣтки относительно причинъ продажи. Къ сожалѣнію, вполнѣ точнаго подсчета различныхъ категорій случаевъ по присланному матеріалу сдѣлать невозможно, нѣкоторыя категоріи спутаны въ отдѣльныхъ случаяхъ продажи, или иногда не указано число продавцовъ, но тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыми оговорками, можно произвести подсчетъ и тогда получаются слѣдующія данныя.

Причины продажи.	У ѣ з д ы. Александрійскій.	Ананьевскій.	Елизаветградскій.	Одесскій.	Тираспольскій.	Херсонскій.	ВСЕГО.	Въ % къ общему числу случаевъ.
	Число случаевъ							
Переселеніе	248	58	247	183	208	52	996	61,7
Иныя *хозяйственныя* цѣли (доплаты въ банкъ, пріобрѣтеніе инвентаря и т. д.).	21	58	71	19	30	99	298	
Отсутствіе земледѣльческаго хозяйства .	43	28	32	—	—	18	121	28,8
Старость	56	6	150	5	—	29	246	
Вдовство	5	—	10	—	—	—	15	
Бѣдность (на пропитаніе)	21	41	13	62	1	20	158	
Пьянство	14	—	16	—	—	10	40	
Непроизводительныя затраты.	24	—	—	—	—	—	24	
Уплата частныхъ долговъ.	9	5	25	70	8	66	183	9,5
Уплата недоимокъ. .	4	1	6	5	—	—	16	
Итого	445	197	570	344	247	294	2097	100

Наибольшее количество продавшихъ землю сдѣлали это для цѣлей переселенія или вообще для какихъ либо хозяйственныхъ цѣлей (пріобрѣтеніе живого и мертваго сельско-хозяйственнаго

инвентаря, покупка частной земли черезъ банкъ и т. д.). Въ общемъ немного менѣе двухъ-третей всѣхъ продавцовъ еще не ликвидировало своего хозяйства. Они или пытаются его завести въ новомъ мѣстѣ, надѣясь на земельный просторъ еще не заселенныхъ частей Имперіи, или уменьшая количественно стремится улучшить качественно свое прежнее хозяйство. Выводъ, пожалуй, довольно успокоительный, если-бы только можно было думать, что ихъ попытки увѣнчаются успѣхомъ и не кончатся во многихъ случаяхъ полнымъ крахомъ и обезземеленіемъ. Какъ бы то ни было этотъ суммарный, при не очень точной регистраціи подсчетъ по цѣлой губерніи, изъ числа наиболѣе преуспѣвающихъ по пути продажи выдѣленныхъ участковъ, даетъ общія цифры первой группы, не внушающія особыхъ опасеній.

За то тяжелыя мысли приходятъ въ голову при детальномъ разсмотрѣніи второй группы причинъ, куда очевидно главнымъ образомъ попадаютъ тѣ самые „бѣдные и слабые“, которые должны бы обратить на себя самое серьезное вниманіе государства и для которыхъ законъ 9 ноября—жестокое испытаніе. Здѣсь фигурируютъ и лица, порвавшія связь съ деревней, пристроившіеся въ городахъ рабочіе и прислуга, наполняющіе собою кадры безработныхъ, здѣсь числятся и физически немощные старики, вдовы, на чьи слабыя плечи выпала тяжкая доля нести непосильный трудъ содержанія семьи безъ главнаго кормильца-работника, здѣсь встрѣчается и страшная группа бѣдныхъ, продавшихъ надѣлы „на пропитаніе“ и, наконецъ, здѣсь же нашли себѣ пріютъ и несчастные алкоголики, семьи которыхъ обречены терпѣть двойное бремя суровой доли житья съ пьяницами и полной безпріютной нищеты послѣ продажи послѣдняго клочка земли и родного угла.

Правда, было-бы величайшимъ оскорбленіемъ русскаго крестьянства говорить, какъ это говорилось нѣкоторыми крайними правыми, что крестьяне чуть не поголовно „пропиваютъ“ землю. Подсчетъ показываетъ, что такіе случаи отмѣчены въ 2% всѣхъ случаевъ продажи, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что эти отмѣтки далеко неполныя и во всякомъ случаѣ не окончательныя. Дальнѣйшій анализъ небольшого района дастъ намъ болѣе грустныя цифры. Какъ бы то ни было, общая группа „слабыхъ и бѣдныхъ“ достигаетъ 28,8% всѣхъ продавшихъ свои надѣлы.

Особую тревогу возбуждаютъ въ ней 158 домохозяевъ, т. е.

7,2% всего количества лицъ, продавшихъ землю, которые принуждены были это сдѣлать по бѣдности—„*на пропитаніе*“. Это трагическая группа не только съ точки зрѣнія самихъ бѣдняковъ, но и съ общегосударственной точки зрѣнія. Продать землю на пропитаніе, лишиться своего послѣдняго достоянія и затѣмъ на вѣчныя времена обречь себя или на медленное вымираніе, или на нищенство, или на самую беззастѣнчивую эксплоатацію „крѣпкихъ и сильныхъ“. Какая будущность, какія надежды у этой группы?

Что случится, когда гроши, вырученные за послѣднее имущество, за несчастныя обрѣзки кормилицы-земли, будутъ проѣдены?

Кто дастъ хлѣба и работы? Въ городахъ—тысячи безработныхъ, смертельная конкуренція голодныхъ ртовъ и незанятыхъ рукъ, отечественная промышленность безъ внѣшнихъ рынковъ и съ обнищавшимъ внутреннимъ массовымъ потребителемъ, государство съ дефицитнымъ бюджетомъ, тяжкими налогами и ничтожными затратами на культурно-производительныя нужды страны. Въ какое положеніе при этихъ условіяхъ становятся люди, продавшіе свою землю для „пропитанія“?

Но самое серьезное состоитъ въ томъ, что эта группа, всѣми условіями политической и соціальной жизни государства, всѣмъ строемъ народно-хозяйственной жизни обречена на неминуемый и быстрый ростъ. Всякое отдѣльное индивидуальное несчастье крестьянской семьи, пожаръ, падежъ скота, тяжкая болѣзнь или смерть работниковъ семьи, а тѣмъ паче массовое, стихійное несчастье,—неурожай, голодовка, не прекращающіеся то въ томъ, что въ другомъ районѣ Россіи,—будутъ быстро пополнять ряды лицъ,—въ отчаяніи, въ послѣднихъ попыткахъ утолить голодъ,—продающихъ укрѣпленные въ собственность участки земли. Эти 7,2% — та грозная группа будущаго, то неустранимое добавленіе россійскаго пролетаріата, неустройство и необезпеченность котораго и теперь является одной изъ серьезнѣйшихъ соціальныхъ бѣдъ государства.

Послѣдняя группа лицъ среди продавшихъ свои участки цѣликомъ примыкаетъ къ предыдущей, она, пожалуй, способна возбудить столь же тревожныя опасенія, какъ и группа продавшихъ землю для пропитанія. Въ ней числится 9,9% всѣхъ случаевъ. Это—лица, продавшія землю для уплаты частныхъ и общественныхъ *долговъ*. Очевидно, большинство изъ нихъ находилось въ такихъ тискахъ у мѣстныхъ растовщиковъ-кулаковъ, что не смогло удержать свои участки, какъ только явилась возможность легальнымъ путемъ захватить ихъ „крѣпкимъ“ и жаднымъ рукамъ.

183 домохозяина продали участки за долги частныхъ лицъ и 16—за недоимки. Не трудно себѣ представить, что почти всѣ лица этой категоріи должны быть прибавлены къ $7{,}_2{}^0/_0$ продавшихъ землю для пропитанія и др. изъ второй группы, составляя быть можетъ наибѣднѣйшихъ изъ нихъ.

Такимъ образомъ въ $38{,}_3{}^0/_0$, т. е. свыше $^1/_3$ всѣхъ случаевъ продажи земли, эта продажа дала въ Херсонской губерніи уже въ настоящее время новый сельскій пролетаріатъ.

Разсмотримъ, кто-же покупщики.

Кто и почему покупаетъ продающіеся надѣльные участки?

На этотъ счетъ отмѣтки нашего матеріала даютъ весьма общія свѣдѣнія, безъ ясныхъ указаній. Слѣдующая табличка содержитъ соотвѣтствующія цифры.

Причины покупки земли.	Уѣзды: Александрійскій.	Ананьевскій.	Елизаветинскій.	Одесскій.	Тираспольскій.	Херсонскій.	Всего.	Въ % къ общему числу случаевъ:
	Число случаевъ.							
Для увеличенія или улучшенія земельнаго хозяйства. . .	129	146	315	171	136	44	941	76,2
Богачи. . . .	17	1	34	50	—	—	102	8,3
Малоземельные .	11	60	69	2	5	7	154	12,4
Уходъ на хутора.	35	—	—	2	—	—	37	3,0
Прочія причины.	1	—	—	—	—	—	1	0,1
Всего . . .	193	207	418	225	141	51	1235	100,0

Почти исключительное значеніе имѣетъ первая группа: купившихъ землю для увеличенія или улучшенія своего земельнаго хозяйства, составляя $76{,}_2{}^0/_0$ всѣхъ случаевъ. Ея неопредѣленность совсѣмъ не даетъ однако возможности разобраться въ ней болѣе детально, мы не можемъ сказать, имѣемъ ли мы передъ собой хозяйственныхъ мужичковъ или же типичныхъ скупщиковъ спекуляторовъ, мужичковъ-помѣщиковъ или просто нѣсколько болѣе за-

житочныхъ крестьянъ. Въ 102 случаяхъ причиною покупки земли уже болѣе опредѣленно выставляется богатство; это группа „крѣпкихъ людей земли“, а по просту хищниковъ, захватывающихъ земельное имущество „растопырь“ и слабыхъ. Нѣсколько иной оттѣнокъ носитъ группа лицъ, купившихъ участки въ силу своего малоземелья. Эти отмѣтки, болѣе успокоительнаго свойства, касаются 12,4% случаевъ.

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ успокаивался еще другимъ обстоятельствомъ. Ему казалось, что ровныя цифры продавцовъ и покупщиковъ, хотя и говорятъ о земельной мобилизаціи укрѣпленныхъ участковъ, но опровергаютъ слухи о сосредоточеніи земли въ однѣхъ рукахъ. Это оптимистическое вѣрованіе основывалось, повидимому, на статистической *неполнотѣ* матеріала

Такой выводъ можно было бы сдѣлать, если бы данныя покупщиковъ не были бы только итогомъ лицъ, совершившихъ пріобрѣтеніе, а были бы сводкой *индивидуальнаго подсчета*. Одно и то же лицо, скупившее десятки участковъ по разнымъ сдѣлкамъ, можетъ фигурировать въ таблицахъ десятки разъ. При итоговомъ подсчетѣ число покупщиковъ фиктивно возрастаетъ и это фиктивное число скроетъ самый фактъ сосредоточенія скупленныхъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ; обнаружить ошибку можно только путемъ индивидуальной регистраціи скупщиковъ. Такъ какъ таковой регистраціи въ распоряженіи министерства, повидимому, не имѣется, и оно оперируетъ только итоговымъ обезличеннымъ подсчетомъ, то и результаты такого подсчета весьма сомнительны. Примѣнительно къ нашему случаю Херсонской губ. общее число покупщиковъ 1.235, а продавцовъ 2.097, т. е. какъ будто бы одинъ покупщикъ скупилъ въ среднемъ 1,4 участка. Между тѣмъ въ дѣйствительности, во-первыхъ, индивидуальное число скупщиковъ можетъ быть значительно меньше, а во вторыхъ, ихъ пріобрѣтаемыя владѣнія могутъ быть во много разъ больше, чѣмъ средняя норма, достигающая $1^1/_2$ участка.

Насколько это предположеніе вѣрно, подверждается имѣющимися у насъ весьма цѣнными свѣдѣніями (съ указаніемъ именъ, отчествъ и фамилій лицъ, продавшихъ и купившихъ участки) по с. Маріинскому Херсонскаго уѣзда. Здѣсь отмѣчено 58 случаевъ продажи укрѣпленныхъ участковъ. Причины продажи обычныя: 20 случаевъ по причинѣ переселенія, 14 ради улучшенія и расширенія хозяйства, 18 для пропитанія и уплаты долговъ, изъ 6 остальныхъ въ двухъ случаяхъ прямо отмѣчено, что продажа произведена по причинѣ земельной спекуляціи. Грустной нотой при этомъ звучатъ

отмѣтки о томъ, что вырученныя отъ продажи земли деньги *уже пропиты*. Такъ, 3 такихъ случая отмѣчено въ группѣ лицъ, продавшихъ по причинѣ бѣдности, 3 случая у тѣхъ домохозяевъ, которые продажу произвели, желая улучшить свое хозяйство, и 1 среди желавшихъ переселиться. Общее число такимъ печальнымъ образомъ ликвидировавшихъ свою землю лицъ 7, т. е. 12% всѣхъ продавцовъ. Это уже не тѣ 2%, которые мы могли отмѣтить въ общихъ итогахъ по губерніи, а *гораздо болѣе тяжелая цифра* и особенно потому, что ея слагающіе элементы относятся и на счетъ тѣхъ группъ, которыя носятъ успокоительное обозначеніе лицъ, совершившихъ продажу ради улучшенія и расширенія своего хозяйства. При этомъ необходимо еще добавить, что изъ 20 переселенцевъ былъ 1 случай, когда домохозяинъ пропилъ вырученныя деньги, въ 2 случаяхъ лица не доѣхали до мѣста переселенія и въ 3-хъ случаяхъ они оттуда возвратились. Такимъ образомъ, свыше $^1/_4$ части этой группы обезземелилось, истратило свои сбереженія и пополнило ряды безземельнаго люда.

Нѣкоторая (и весьма серьезная) оговорка можетъ быть сдѣлана лишь по отношенію къ полнотѣ произведенной ликвидаціи земельныхъ участковъ. Въ 58 случаевъ домохозяева, выдѣлившіеся изъ общества, укрѣпили при этомъ за собою 300 дес. земли, а продали пока только 185 дес. Конечно, подъ большимъ вопросомъ остается надежда на то, что остальные 125 дес. у нихъ удержатся, тѣмъ болѣе, что они остались только у 28 домохозяевъ, а 30 въ чистую уже распрощались съ землей.

Но еще болѣе интересенъ по этимъ свѣдѣніямъ индивидуальный анализъ покупщиковъ. Изъ всѣхъ случаевъ покупки въ этомъ селѣ на крестьянина Іосифа О. приходится 10 покупокъ, на Кондратія Г. 4, Семена П. 6 случаевъ и Семена Г. 5 случаевъ. Такимъ образомъ только эти 4 покупателя совершили сдѣлки въ 25 случаяхъ, при этомъ Іосифъ О. пріобрѣлъ 56 десятинъ, Кондратій Г. шестнадцать десятинъ и т. д. а на всю четверку приходится 86 десятинъ. Такимъ образомъ изъ 185 десятинъ, проданныхъ ихъ односельчанами, свыше 45% купили 4 человѣка, при чемъ одинъ изъ нихъ скупилъ 30% всей земли. Очевидно, что среднія обезличенныя данныя министерства *весьма далеки отъ дѣйствительности*.

Анализъ данныхъ одного села, хотя и не можетъ считаться, съ статистической точки зрѣнія, дающимъ право на общіе выводы, но онъ характеренъ, какъ показатель того, что можетъ скрываться за нивеллировкой массовыхъ цифръ, за успокаивающими итогами

десятковъ губерній. Въ отдѣльныхъ, именно, селахъ и деревняхъ идетъ опаснѣйшій процессъ обезземеленія однихъ и концентраціи у другихъ, при чемъ острота разрѣшенія земельнаго вопроса не только не уменьшается послѣ закона 9 ноября, но еще должна увеличиться.

Корреспондентъ другого села изъ Елизаветградскаго уѣзда, описывая продажу земли въ Щербановской волости, говоритъ, что во всѣхъ приведенныхъ имъ случаяхъ (продано 12 домохозяевами 102 дес. земли) крестьяне „продали свою землю безъ всякой видимой необходимости, лишь въ силу того, что ее можно легко продать, и большинство изъ нихъ *деньги уже провели*... Что же касается покупателей, то они относятся къ разряду мужиковъ кулаковъ, ловко опутывающихъ своихъ же односельцевъ, забирая все въ свои руки. Совершенно ясно, какія соціальныя отношенія создадутся между этими двумя группами.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется значительное число отдѣльныхъ сообщеній, рисующихъ данныя относительно *цѣны* продаваемой земли. Однако, въ виду ихъ отрывочности и разбросанности мы не будемъ ихъ приводить, надѣясь современемъ получить болѣе полный матеріалъ. И здѣсь за средними массовыми цифрами совершаются отдѣльныя интересныя явленія. Такъ въ упомянутомъ уже с. Маріинскомъ въ общемъ всѣ сдѣлки прошли по 100—110—130 рублей за десятину, но есть случай продажи за 50 р., одинъ за 40 рублей и одинъ даже за 29 рублей. Къ сожалѣнію, причины этого крайняго пониженія цѣны не указаны въ имѣющемся у насъ матеріалѣ.

Наиболѣе обстоятельную картину движенія продажи земли и колебанія цѣнъ *по Александрійскому* уѣзду Херсонской губ. можно найти въ „Сельско-хозяйственной Хроникѣ“ уѣзда, издающейся Херсонскимъ Губернскимъ Земствомъ [1]).

Данныя таковы:

	Число домохозяевъ.	Количество проданной земли.	Предѣльныя продажныя цѣны за 1 десятину.	Средняя цѣна за одну десятину.
1906 г.	7	42 д. 2.000 кв. с.	36 —111 р.	63 руб.
1907 г.	19	73 „ 1.640 „ „	70 —100 „	87,93 „
За первые 6 мѣсяцевъ 1908 года	248	997 д. 1.516 кв. с.	61,2 200	—
Въ томъ числѣ:				
1908 г. Январь	6	21 „ 1.162 „ „	83 —150 „	123 „
Февраль	14	59 „ 1.360 „ „	80 —152,5 „	111,1 „
Мартъ	49	200 „ 612 „ „	61,2—200 „	100.5 „
Апрѣль	45	202 „ 1.688 „ „	64 —166,6 „	93,3 „
Май	44	154 „ 1.200 „ „	100 —100 „	100 „
Іюнь	90	359 „ 294 „ „	66 —150 „	99,2 „

[1]) Апрѣль, Іюнь, Іюль.

Табличка указываетъ, что продажа земли, весьма рѣдкая въ началѣ примѣненія закона 9 ноября въ 1906 и 1907 году, *быстро растетъ* съ 1908 года и одни полугодичныя свѣдѣнія за этотъ годъ въ 13 разъ больше, чѣмъ за весь 1907 г. Очевидно, процессъ обезземеливанія только начинается и своего максимальнаго развитія достигнетъ позднѣе. Это обстоятельство не можетъ не служить грознымъ признакомъ будущаго объема этого рокового процесса.

Что касается собственно цѣнъ, то они какъ-будто сначала обнаруживали тенденцію *роста*; весьма низкіе въ 1906 и 1907 годахъ, онѣ достигли къ январю 1908 г. цифры 123 р. въ среднемъ, однако съ этого момента начинается ихъ паденіе. Легкость продажи земли и бѣдность деревни капиталами, очевидно, и въ дальнѣйшемъ, когда все большія и большія количества мелкихъ участковъ будутъ поступать на рынокъ, должны будутъ вызывать пониженіе цѣнъ. Рѣзкое колебаніе отдѣльныхъ сдѣлокъ сравнительно со средней цѣной указываетъ не только на разнокачественность продаваемой земли (она наблюдается въ однихъ и тѣхъ-же селеніяхъ, какъ мы видѣли выше), но и на разную степень сопротивляемости продавца, свободы его рѣшенія и пр.

Наконецъ, при обсужденіи вопроса о продажѣ надѣльныхъ участковъ приходится еще принимать во вниманіе и тотъ порядокъ, при которомъ эта частная собственность укрѣпляется. Наиболѣе обезпечивающій права собственника—это порядокъ *нотаріальный*. Большинство покупщиковъ къ нему и прибѣгаютъ. Однако накладныя расходы въ этомъ случаѣ весьма значительны. Однимъ изъ нотаріусовъ Тамбовской губерніи прислана намъ весьма интересная справка относительно продажи участковъ земли и необходимыхъ при этомъ расходовъ. Возьмемъ изъ нее лишь одинъ любопытный примѣръ:

Участокъ земли въ 1 дес. 800 кв. саж. проданъ за 150 р. Расходы по продажѣ рисуются такъ.

1.	Крѣпостныя 4% пошлины	6 р.	— к.
2.	Гербовая бумага	1 „	— „
3.	Актовая пошлина	3 „	— „
4.	Публикація въ Сенат. Объявл. . .	3 „	— „
5.	Канцелярская пошлина	— „	80 „
6.	Герб. марка на прош. къ Старш. Нотар.	— „	75 „
7.	2 гербовыхъ марки по 1 р. 25 к.		

на выпись и довѣрен. у младш. нотар.	2 „	50 „
8. Нотаріусу за совершеніе	4 „	— „
9. За довѣренность	1 „	— „
10. Свидѣтелямъ 3 челов. и расписчикамъ 2 челов.	1 „	50 „
11. Повѣренному для ходат. у Старш. Нотар.	5 „	— „
12. Почтовыхъ расх. за посылку бумагъ и денегъ и обратно . . .	— „	75 „
Всего . . .	29 р.	30 к.

Вся сумма расходовъ равна 20% купчей.

Если такой участокъ перейдетъ изъ рукъ въ руки 5 разъ, накладные расходы будутъ равны его стоимости. При меньшихъ сдѣлкахъ процентъ накладныхъ расходовъ увеличивается еще рѣзче.

Пусть нѣкоторыя изъ приведенныхъ статей расхода преувеличены или ошибочно взяты. Пусть иныя можно было бы вычеркнуть или же уменьшить, но вѣдь фактъ, что онѣ были или могутъ быть взяты, все же говоритъ самъ за себя [1]).

Тяжесть накладныхъ расходовъ такъ даетъ себя чувствовать (и по преимуществу конечно продавцу), что развиваются иныя, кромѣ нотаріальныхъ, сдѣлки по покупкѣ земли. Такъ изъ Елизаветградскаго уѣзда одинъ изъ корреспондентовъ отмѣчаетъ, что практикуется слѣдующій способъ.

Продавецъ переуступаетъ свою надѣльную землю односельцу за сходную цѣну, совершая въ волостномъ правленіи сдѣлку, причемъ отъ жены и семьи домохозяина берется подписка о желаніи и согласіи, а потомъ покупатель эту уступленную ему такимъ образомъ землю укрѣпляетъ въ порядкѣ закона 9 ноября за собою въ личную собственность. При этомъ расходовъ нотаріальныхъ не требуется. „И законъ соблюденъ, и дешево земля куплена“, добавляетъ корреспондентъ. Соблюдены ли интересы односельчанъ и безспорна-ли такая частная собственность—этотъ вопросъ остается открытымъ.

---

[1]) Въ Гос. Думѣ уже разсмотрѣнъ законопроектъ, устраняющій нѣкоторую долю этихъ накладныхъ расходовъ; именно освобождающій отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ и сборовъ крестьянскія земельныя сдѣлки. Расходы нотаріальнаго характера все же остаются.

Горячіе сторонники указа 9 ноября защищаютъ его преимущественно съ точки зрѣнія улучшенія земледѣльческой культуры, немногіе изъ нихъ открыто признаютъ и чисто политическія цѣли—разрушенія гнѣздъ общиннаго міра, столь доступныхъ смутѣ и революціонной пропагандѣ, столь прочно воспитавшихъ „вѣру въ пространство“, о которой говорилъ въ Думѣ докладчикъ земельной комиссіи.

И до сихъ поръ, послѣ долгихъ и горячихъ преній въ земельной комиссіи и въ Государственной Думѣ, и тѣ, и другія цѣли кажутся недостижимыми тѣмъ путемъ, по которому идутъ правящіе круги. И въ томъ и въ другомъ направленіи, по нашему глубокому убѣжденію, ихъ ждетъ серьезная неудача, а страну—серьезныя потрясенія. Освобожденіе земледѣльца отъ гнета общины ничего не дастъ безъ освобожденія его отъ сильнѣйшаго гнета административной опеки. Никакъ нельзя постичь такихъ политическихъ дѣятелей, какъ гр. В. Бобринскій, который закончилъ свою пылкую, офиціозную рѣчь обращеніемъ къ русскому крестьянину: „Грядетъ часъ, онъ наступаетъ,—сказалъ онъ,—когда передъ тобой отверзятся врата храма свободы“! И всю эту „свободу“ онъ понимаетъ въ условіяхъ современнаго режима, защищая его основы, его руководителей.

Свободный трудъ—создаетъ богатство народа, говорится обычно. Все это вѣрно, но какъ можно усмотрѣть свободный трудъ, совмѣстный съ земскимъ начальникомъ, съ чрезвычайными положеніями и всѣмъ способомъ проведенія въ жизнь новаго закона? Конечно, со стороны тѣхъ, которые просто свободу считаютъ лишь вредными румянами, и пытаются устроить какую-то „чеканеную свободу“ по приказанію начальства,—это понятно, но какъ вообще можно обойтись безъ этой единой просто свободы, и гдѣ наблюдалось обогащеніе народа безъ „вредныхъ румянъ“, едва ли кто изъ нихъ съумѣетъ объяснить.

Политически безправный никогда не сможетъ быть свободнымъ труженикомъ, такъ же какъ спутанный конь—вольнымъ бѣгуномъ. И здѣсь надежды земельныхъ культуртрегеровъ, осуществляемыя подъ начальническую дудку—будутъ разбиты неизбѣжно.

Богатство не придетъ, а голодныхъ и бездомныхъ прибавится.

Столь же опаснымъ заблужденіемъ является и вторая надежда—на исчезновеніе вѣры въ пространство, на уменьшеніе легкости воздѣйствія на массы революціонной пропаганды. Уже

близко стоящій къ крестьянству деп. Челышевъ отмѣтилъ существующія толки въ народѣ о томъ, что и продавшіе землю—все же потомъ кѣмъ-то и какъ-то будутъ вновь надѣлены землей. Дай сама вѣра въ пространство не истребима, пока имѣется это соблазнительное пространство сбоку, и чѣмъ больше будетъ нуждающихся въ немъ, тѣмъ ярче будетъ эта вѣра разгораться, тѣмъ легче будетъ проникать въ среду голодныхъ и недовольныхъ революціонная агитація. Неравенство и обездоленность многихъ ради немногихъ— всегда было для нея надежнѣйшимъ союзникомъ. Она найдетъ себѣ готовую почву не только среди обезземеленныхъ, но и среди будущихъ „хуторянъ“, подпавшихъ подъ эксперименты лицъ, надѣющихся создать безъ общаго политическаго освобожденія свободныхъ земледѣльцевъ. „Крѣпкіе люди земли“, состоящіе подъ надзоромъ земскихъ начальниковъ, комиссаровъ и прочихъ административныхъ правителей, лишенные равныхъ политическихъ правъ въ мѣстныхъ и общегосударственныхъ дѣлахъ— далеко не надежная опора существующему режиму..

Среди массы писемъ, корреспонденцій, заявленій, прошеній, протестовъ и пр. обращеній, полученныхъ нами за послѣдніе полгода, имѣется всего два указанія, гдѣ законъ 9 ноября признается желательнымъ и полезнымъ.

Понятно, что много такихъ заявленій должно было пойти по инымъ адресамъ, на что и ссылался докладчикъ земельной комиссіи, и два заявленія, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, вовсе не характерны съ этой точки зрѣнія, но вотъ что въ нихъ поражаетъ—рѣзкое отрицательное отношеніе къ существующимъ органамъ власти и суровая ихъ критика. И по тону, и по настроенію оба письма несомнѣнно рѣзко-оппозиціонны, если даже не революціонны. Одно изъ нихъ, написанное въ далекой Пермской губерніи, очень грамотно, со ссылками на солидныя книги (Нужды деревни, рѣчи Лассаля и пр.), принадлежитъ несомнѣнно мѣстному крестьянину, бывшему на военной службѣ, служащему должностнымъ лицомъ въ обществѣ и т. д. Авторъ его признаетъ необходимость закона 9 ноября. Онъ пишетъ, что „голосъ политическаго настроенія говоритъ одно, а жизнь властно требуетъ другого и именно того, отъ чего надо бы отвернуться съ негодованіемъ“... И онъ и его „группа“ молодыхъ крестьянъ рѣшили выдѣляться изъ общины, но не обижая общество.—Казалось-бы, ужъ это ли не примѣръ для защитниковъ указа 9 ноября. А вотъ какъ онъ заканчиваетъ письмо, описывая вѣрованія своей „группы“

односельчанъ. „Существующая теперь власть никогда и ни за что не дастъ народу того, чего желали, напр., бывшіе с.-х. комитеты. Для этого *нужна власть другая, а таковую надо пріобрѣсть*“.

Не думаю, чтобы такіе благонамѣренные „хуторяне“ мерещились политическимъ защитникамъ тяжкаго закона 9 ноября.

А. Шингаревъ.

Запросы жизни и отвѣты права.

I.

Ex facto jus oritur.
[Изъ факта рождается право].

Жизнь сильнѣе закона. Ему не обнять всей многоразличности ея проявленій... Попытка уловить жизнь и закрѣпить ее въ нормы закона обречена на неудачу. Нормы права оказываются устарѣлыми и обветшалыми, едва просохли чернила, которыми онѣ написаны. Въ погонѣ права за жизнью, право всегда отстаетъ, ибо оно рождается изъ факта; оно, по самой природѣ своей, не указываетъ и даже не намѣчаетъ путей жизни, а лишь координируетъ тѣ, подчасъ и невыяснившіяся еще, и перекрещивающіяся, и извилистыя, но все же проложенныя тропы, которыя жизнь прокладываетъ и поперекъ старой проѣзжей дороги, и рядомъ съ ней, а то иной разъ—и по нетронутой цѣлинѣ. И когда право—какъ совокупность дѣйствующихъ нормъ—не прислушивается къ жизни съ тревожной чуткостью и по недостатку прозорливости слишкомъ опредѣленно вѣщаетъ fas et nefas,—жизнь развивается не только независимо отъ права, но даже прямо вопреки ему. Жизнь сильнѣе закона и безпощадно ломаетъ установленныя имъ рамки какъ тогда, когда по ветхости своей онѣ не въ состояніи удержать новое содержаніе, влагаемое въ нихъ жизнью, такъ и тогда, когда рамки слишкомъ тверды и мало эластичны, препятствуя тѣмъ органически неизбѣжному росту заключеннаго въ нихъ содержанія. И подобно тому, какъ корни растущаго дерева разрываютъ крѣпчайшія стѣны, такъ и новыя жизненныя отношенія разрываютъ самодовольно неподвижныя формы закона. Но какъ ростъ дерева уродуется благодаря отсутствію свободнаго и естественнаго выхода накопившейся силѣ

его, такъ уродуется и жизнь въ самыхъ естественныхъ и необходимыхъ своихъ проявленіяхъ, когда на пути поступательнаго движенія своего она встрѣчаетъ глухую стѣну законныхъ препятствій вмѣсто широко раскрытыхъ гостепріимныхъ вратъ правовой защиты. Отсюда постоянная трагедія—коллизія жизни и закона, вѣчная, то глухая, то явная борьба между живымъ началомъ прогресса и мертвящими диспозиціями закона. И если въ конечномъ итогѣ изъ этой борьбы побѣдительницей выходитъ жизнь, то цѣной сколькихъ страданій живыхъ интересовъ тѣхъ, кому приходится въ эти эпохи перелома быть піонерами борьбы за новое право! Совершенство законодательства здѣсь не при чемъ. Эта трагедія—неизбѣжный результатъ природы законодательства. Конечно, это послѣднее можетъ въ значительной степени ослабить силу и напряженіе этой коллизіи. Вмѣсто наивнаго стремленія къ полнотѣ и законченности, оно можетъ ограничиться общими руководящими началами, можетъ въ „большихъ линіяхъ“ намѣтить лишь контуры *правовой* жизни, предоставляя *дѣйствительной* жизни вложить въ эти широкія рамки свое конкретное содержаніе и, исходя изъ широкаго довѣрія къ самодѣятельности общества и къ суду, предоставить имъ въ совмѣстной творческой работѣ, вдохновляясь началами права и справедливости, искать и находить примѣненіе этихъ общихъ началъ къ новообразованіямъ жизни. Но, съ другой стороны, слишкомъ большая общность правовыхъ опредѣленій лишаетъ ихъ той точности и опредѣлительности, въ которой содержится въ значительной степени и вся цѣнность законодательныхъ велѣній. Въ гармоническомъ сочетаніи этихъ двухъ требованій и заключается все искусство, все художественное творчество законодателя, который, опираясь на прошлое, творитъ въ настоящемъ для будущаго. Но большая или меньшая гармонія способна лишь ослабить или обострить эту коллизію, но не устранить ее. И свободное усмотрѣніе судьи (das freie richterliche Ermessen), и т. н. право юристовъ и постепенное desuetudo закона—все это лишь коррективы общаго, намѣченнаго зла. Указанныя затрудненія, органически связанныя съ самой природой законодательства, чувствовались всегда. Въ нихъ черпали силу противники кодификаціи, какъ акта, ставящаго преграду свободному развитію права, и нѣкоторыя государства стоятъ, какъ извѣстно, и сейчасъ еще на точкѣ зрѣнія вреднаго вліянія кодификаціи на свободное развитіе правовой жизни. Въ плоскости той же аргументаціи остаются и сторонники обособленія торговаго права, какъ соціальнаго по своему содержанію, отъ гражданскаго,

индивидуальнаго по идеологіи своей, дабы отдѣльнымъ существованіемъ первой дисциплины обезпечить ей большій просторъ, большую свободу въ дѣлѣ ея эволюціи, въ дѣлѣ приноровленія къ новымъ требованіямъ все растущаго оборота, предоставить ей возможность безпрепятственнаго и во всякомъ случаѣ безболѣзненнаго воспріятія въ лоно свое новыхъ интересовъ и новыхъ институтовъ. Но и это все коррективы, не способные устранить вліяніе и дѣйствіе перворoднаго грѣха—отсталости права отъ поступательнаго движенія жизни.

Принято думать и говорить, что право отстаетъ отъ философіи. Эта отсталость станетъ особенно замѣтной и яркой, когда мы, зная уже, что право отстаетъ отъ жизни, вспомнимъ, что и жизнь, въ свою очередь, отстаетъ отъ философіи. По отношенію къ этой послѣдней отсталость права, такимъ образомъ, сугубая. Въ противность праву, опирающемуся на прошлое, ищущему обоснованій въ настоящемъ, философія глядитъ въ будущее. Она жизни указываетъ новые пути. Смѣлая и радикальная сегодня, завтра она содержитъ въ себѣ лишь отвлеченіе отъ настоящаго. Геній и пророкъ отличаются отъ толпы лишь временемъ. И непризнанный геній, непризнанный потому, что несетъ съ собой откровеніе новыхъ путей и новыхъ идеаловъ, побиваемый каменьями, потому что толпа въ своемъ квіетизмѣ всегда консервативна и боится всего новаго, — геній этотъ завтра — средній человѣкъ той толпы, которая вчера распинала его, а сегодня уже опошлила его ученіе. И если самая природа философіи, самое ея существо властно указываютъ человѣчеству новые пути въ будущемъ, то самое существо права глядитъ въ прошлое—и не только оттого, что право рождается изъ факта, а не изъ спекулятивной доктрины, но и потому, что право нужно толпѣ, а не генію; оно должно быть по плечу среднему человѣку, ибо ему на потребу существуетъ оно. И по той же причинѣ геній такъ часто сталкиваться съ писаннымъ правомъ, въ тѣсномъ кругѣ котораго задыхается его окрыленная мысль.

Если между требованіями жизни и воззрѣніями права всегда то несоотвѣтствіе, которое является неизбѣжнымъ результатомъ самой природы вещей, то легко понять, какъ широка пропасть, отдѣляющая требованія первой отъ способности къ ихъ удовлетворенію со стороны послѣдняго въ тѣ переходныя эпохи, когда жизнь и право стоятъ на различныхъ философски-соціальныхъ плоскостяхъ, когда несоотвѣтствіе жизни и права изъ порядка

количественныхъ разногласій переходитъ въ область качественныхъ противорѣчій.

Въ основу современнаго права положены начала господства и подчиненія; все зданіе права воздвигнуто на имущественныхъ интересахъ господствующихъ классовъ и служитъ ихъ интересамъ. Правда, какъ указалъ Менгеръ, оно въ значительной степени измѣнило свое содержаніе, и государство изъ вѣрнаго и надежнаго друга и охранителя частнаго интереса превратилось въ притязательнаго и даже назойливаго его участника. Римское понятіе права собственности, какъ неограниченнаго господства надъ объектомъ, отошло въ область преданій, какъ равно сократился и сузился и самый кругъ объектовъ, на которые распространяется право собственности. Въ интересахъ коллектива (независимо отъ моментовъ религіознаго характера, и прежде создавшихъ классъ вещей extra commercium) государство не только изъяло изъ частнаго обладанія значительный кругъ предметовъ (моря, рѣки, дороги и пр.), но и нормировало самое содержаніе и предѣлы власти надъ объектами частной собственности. Но тѣмъ не менѣе въ основѣ права все же продолжаютъ лежать тѣ же частно-имущественные интересы. Тѣмъ же характеромъ проникнуты и способы защиты права, приведшіе къ допущенію двухъ юридическихъ положеній, выражающихся въ запретѣ отговариваться невѣдѣніемъ закона и въ правѣ (даже въ обязанности) судьи примѣнять аналогію тамъ, гдѣ законодательство не даетъ отвѣта на вопросъ, поставленный жизнью. Первое изъ этихъ положеній — совершенно ирреально, ибо знаніе законовъ при современномъ развитіи законодательства — абсолютно невозможно, и предположеніе о его вѣдомости—нелѣпѣйшая изъ фикцій. Второе крайне вредно, ибо заставляетъ судью распространить по аналогіи на новое отношеніе, выросшее на иныхъ соціальныхъ основахъ и при иныхъ соціальныхъ условіяхъ, такую норму права, которая обязана своимъ происхожденіемъ совершенно иному, а подчасъ принципіально разнородному комплексу фактовъ и обстоятельствъ. Свободное, въ новомъ направленіи, развитіе права, и безъ того затрудняемое стискивающими его рамками писаннаго закона, затрудняется еще болѣе тѣмъ, что самые пути его развитія не только обсажены крѣпостными стѣнами, но и обращены насильственно въ сторону, противоположную восходу новаго соціальнаго солнца.

Выросшее на почвѣ интересовъ имущихъ классовъ и преслѣ-

дующее ихъ защиту, современное право не имѣетъ даже смѣлости провозгласить откровенно, что оно, какъ и все современное государство, построено на принципѣ неравенства. Оно пытается напротивъ того прикрыть соціальную несправедливость, въ сущности имъ узаконяемую, лицемѣрнымъ провозглашеніемъ начала равенства всѣхъ передъ закономъ. Однимъ изъ послѣдствій такого равенства является въ области защиты правъ такъ называемое начало пассивности суда и состязательности сторонъ. Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, чѣмъ равное отношеніе къ неравнымъ, и пассивное состояніе суда при коллизіи интересовъ имущихъ классовъ съ неимущими есть одно изъ вопіющихъ лицемѣрныхъ отношеній законодательства. Менгеръ справедливо указалъ на то, что условія жизни неимущихъ классовъ въ одинаковой степени лишаютъ ихъ возможности заботиться о сохраненіи здоровья своего тѣла, какъ и сохранности и обезпеченности своихъ интересовъ. Когда передъ лицомъ пассивнаго суда сталкиваются интересы господствующихъ классовъ, имѣющихъ и средства, и досугъ къ принятію всѣхъ необходимыхъ мѣръ защиты, съ интересами пролетарія, лишеннаго и тѣхъ и другихъ, то пассивность суда въ связи съ господствомъ положенія, что никто невѣдѣніемъ закона отговариваться не можетъ, приводятъ неизбѣжно къ попранію правъ неимущихъ классовъ и порождаютъ въ нихъ чувство озлобленности и убѣжденія въ неправосудіи отъ столкновенія съ громоздкимъ и сложнымъ механизмомъ самодовольно-пассивнаго суда. Переходъ отъ инквизиціоннаго процесса къ состязательному составилъ въ свое время несомнѣнно эпоху въ дѣлѣ отвоеванія у абсолютизма части его власти и господства. И вѣроятно потому, что для насъ періодъ абсолютистическаго господства власти еще не отошелъ въ исторію, состязательность суда входитъ въ credo русскаго свободолюбія и либерализма. Русскому либералу (въ родовомъ понятіи этого слова) даже зазорно не вѣрить въ состязательность и выборный принципъ при комплектованіи суда. И хотя бы наука и опытъ жизни другихъ странъ указывали на то, что начало назначенія судьи есть единственно разумное и плодотворное,—мы съ этимъ согласиться не можемъ. И не безъ основанія. Дѣло въ томъ, что когда правительство выступаетъ, какъ политическая партія, принимая непосредственное участіе въ партійной политической борьбѣ отдѣльныхъ классовъ, и норовитъ приспособить къ этой борьбѣ и всѣ свои органы и учрежденія, тогда предоставленіе въ его распоряженіе огромной важности фактора—назначенія судей—представляется и

нежелательнымъ, и опаснымъ. Тамъ, гдѣ въ основѣ назначенія лежатъ соображенія политическаго характера, лучше отказаться отъ проведенія этого начала, хотя и здороваго и живительнаго an und für sich. Въ такой же мѣрѣ и начало состязательности процесса представляетъ еще собой въ переживаемую нами пору при всѣхъ недостаткахъ своихъ необходимый оплотъ противъ излишняго вмѣшательства государственной власти, не пользующейся довѣріемъ, въ виду обслуживанія ею своихъ интересовъ и интересовъ классовъ, на которыхъ временно опираются узко-понимаемыя задачи государственности, вмѣсто объективнаго служенія интересамъ народа.

Но нѣкоторая живучесть указанныхъ для примѣра началъ защиты правъ и организаціи суда—явленіе временное, обусловливающееся формой государственности, если еще не окончательно изжитой, то во всякомъ случаѣ быстро изживаемой.

Предъ нами все же стоитъ намѣчающаяся эволюція права въ смыслѣ его приноровленія къ новымъ философски-соціальнымъ проблемамъ, выдвинутымъ жизнью, благодаря ея все болѣе и болѣе растущей демократизаціи.

XVIII вѣкъ сталъ съ особой опредѣленностью колыбелью новыхъ началъ политической и общественной жизни. Цѣлость государства, защита его неприкосновенности отъ враговъ внѣшнихъ, охраненіе порядка внутренняго перестали покоиться на дѣятельности одной группы лицъ или отдѣльныхъ сословій. Всеобщая воинская повинность явилась главнѣйшимъ факторомъ уравненія обязанностей. Перераспредѣленіе этихъ послѣднихъ должно было съ необходимостью повлечь за собой и перераспредѣленіе правъ. Естественно, что ту обязанность, которая имѣетъ своимъ содержаніемъ заботу о цѣлости и сохранности государства, должно было уравновѣшивать и соотвѣтствующее право всеобщаго участія въ управленіи государствомъ, осуществленное уже въ большинствѣ государствъ. Всеобщая воинская повинность, всеобщее избирательное право, всеобщее обученіе—таковы начала, на которыхъ зиждется общность и равенство обязанностей и стремленіе къ общности и равенству правъ[1]). Но демократизація жизни, вызванная міровымъ движеніемъ, начавшимся въ срединѣ XVIII вѣка и первоначально направленнымъ на *политическій* строй, всего менѣе отразилась на области *гражданскаго* права. И хотя соціальное движеніе, направленное

---

[1]) Ср. мое предисловіе къ брошюрѣ Гаммера: „Соціализація права“, Спб. 1906, стр. 6.

въ существѣ своемъ уже на измѣненіе *частно-правового* строя, проникло со времени Іюльской революціи въ народныя массы и вытѣснило прежнее радикально-*политическое* отношеніе, но созданіе гражданскаго права, которое имѣло бы своей задачей болѣе правильное распредѣленіе благъ жизни между членами общества или отличалось, хотя бы въ такой же степени, уравнительнымъ характеромъ, какъ современное публичное право, все еще продолжаетъ оставаться дѣломъ будущаго. Въ теченіе тысячелѣтій господствующіе классы разрабатывали право въ своихъ интересахъ, а обездоленные изъ страха и невѣжества не заявляли о своихъ правахъ.

II.

> Существуетъ въ обществѣ многочисленный и могучій, благодаря своей организованности, рабочій классъ, къ которому не примѣнимы ни ваши законы о семьѣ, ни ваши законы о наслѣдствѣ, ни ваши законы о собственности. Измѣните ваши законы, а не то этотъ классъ будетъ упорно стремиться создавать для себя новое общество, гдѣ не будетъ ни семьи, ни наслѣдства, ни собственности.
> P. et V. Margueritte, La Commune, стр. 638.

Главнѣйшія положенія современнаго гражданскаго права сводятся, въ краткой формулировкѣ Менгера, къ слѣдующимъ тремъ основнымъ принципамъ.

1. Всѣ вещи, поскольку закономъ не установлено исключенія, могутъ находиться въ обладаніи отдѣльныхъ лицъ (*принципъ частной собственности*);

2. Всякому гражданину предоставлено право принять по отношенію къ другому личныя или имущественныя обязательства, исполненіе которыхъ можетъ быть осуществлено принудительно (*принципъ свободы соглашенія*);

3. Имущественныя права каждаго лица, поскольку закономъ не установлено исключенія, переходятъ по смерти его къ лицамъ, указаннымъ имъ или закономъ (*принципъ наслѣдственнаго права*).

Въ соціалистическомъ строѣ господствуютъ прямо противоположныя положенія. Всѣ вещи, нѣкоторыми исключеніями, принадлежатъ государству или общинѣ; каждый гражданинъ вправѣ

обязываться только по отношенію къ государству; переходъ имущественныхъ правъ, поскольку таковыя признаются въ соціалистическомъ государствѣ, со смертью носителя ихъ совершается лишь въ ограниченной мѣрѣ [1]).

Сопоставленіе приведенныхъ трехъ основныхъ положеній въ ихъ діаметрально противоположномъ содержаніи намѣчаетъ уже тѣ начала, сочетаніемъ которыхъ опредѣлится и обусловится въ большей или меньшей степени предстоящая эволюція гражданскаго права.

Въ дальнѣйшемъ я остановлюсь лишь на самыхъ существенныхъ противорѣчіяхъ между уже намѣтившимися требованіями жизни и содержаніемъ главнѣйшихъ институтовъ гражданскаго права, въ современномъ своемъ состояніи не способномъ удовлетворить запросамъ жизни, давно вышедшей за узкій кругъ тѣхъ интересовъ, защитой которыхъ обусловливалось происхожденіе современнаго права.

Въ области семейственныхъ отношеній первымъ и наиболѣе важнымъ вопросомъ, разрѣшаемымъ вопреки нравственному правосознанію, является вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, по сентиментальному эвфемизму закона называемыхъ нынѣ внѣбрачными дѣтьми. Въ этомъ вопросѣ наше законодательство стоитъ на высшей точкѣ зрѣнія, нежели западно-европейское, но и оно не чуждо главныхъ его недостатковъ. Попытка усмотрѣть въ началахъ церковнаго законодательства причину отрицательнаго отношенія къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, не находя себѣ оправданія въ нравственномъ содержаніи христіанскаго вѣроученія, не можетъ быть обоснована и на исторической правдѣ. Древняя церковь на востокѣ вплоть до XV вѣка допускала въ самой широкой степени включеніе незаконнорожденнаго, какъ кровнаго родственника, въ кругъ семьи его матери и материнскихъ родственниковъ. Древнее право знало и обязанность алиментаціи со стороны естественнаго отца и его законныхъ наслѣдниковъ по отношенію къ незаконнорожденнымъ. Поставленіе этихъ послѣднихъ, такъ сказать, внѣ закона, дошедшее до чудовищнаго правила французскаго законодательства, запрещающаго незаконнорожденнымъ устанавливать фактъ ихъ происхожденія (la recherche de la paternité est interdite) явилось

---

[1]) A. Menger, Das Bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, Tübingen 1904 стр. 3 и passim.

вовсе не результатомъ какихъ-либо императивовъ нравственнаго характера, а себялюбивой защиты экономическаго благополучія семьи. Положеніе незаконнорожденныхъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ всего имущественнаго уклада современнаго общества, и съ этой точки зрѣнія расширеніе ихъ правъ встрѣчаетъ значительныя препятствія во всемъ экономическомъ строѣ. Расширеніе правъ незаконнорожденныхъ и включеніе ихъ въ кругъ семьи какъ матери, такъ и отца представляетъ особенно существенный интересъ для пролетарскихъ классовъ, и если сравненіе незаконнорожденныхъ съ законными дѣтьми и не возможно при существованіи брака и того имущественнаго порядка, которые составляютъ основу современнаго соціальнаго строя, то постепенное увеличеніе правъ внѣбрачныхъ является естественнымъ отвѣтомъ права на новыя требованія многочисленныхъ классовъ населенія.

Въ полномъ несоотвѣтствіи съ интересами народа, а стало быть и съ требованіями жизни, находятся институты опеки и попечительства. Нужно закрыть глаза, чтобы не видѣть вопіющей несправедливости учрежденія опеки, занятой исключительно надзоромъ и контролемъ за расходованіемъ средствъ и управленіемъ имуществъ дѣтей владѣющихъ классовъ, на ряду съ полнымъ игнорированіемъ интересовъ дѣтей неимущихъ классовъ. У этихъ послѣднихъ одно достояніе—рабочая сила, а ею несовершеннолѣтнему законъ дозволяетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Отсутствіе опеки въ значительной степени является причиной возмутительныхъ картинъ работы малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ. Нельзя на эти явленія смотрѣть съ точки зрѣнія только экономической и соціальной; юристъ обязанъ поставить вопросъ: а что дѣлали сиротскіе суды, когда цѣлыя поколѣнія несовершеннолѣтнихъ гибли на заводахъ на глазахъ учрежденій, установленныхъ для огражденія ихъ интересовъ? И современное право обязано создать соотвѣтственные институты опеки, если пока представляется невозможнымъ абсолютное воспрещеніе работъ малолѣтнихъ вообще, т. е. исполненіе одного изъ вѣчно повторяющихся пунктовъ рабочихъ требованій, въ полномъ проведеніи котораго заключается излеченіе одной изъ главныхъ язвъ, разъѣдающихъ тѣло народа.

Огромное большинство имущественныхъ цѣнностей находится въ обладаніи сравнительно незначительнаго числа людей, отъ которыхъ цѣнности эти могутъ переходить къ другимъ преимущественно путемъ договоровъ. Въ этомъ процессѣ перехода цѣнно-

стей законодательство можетъ преслѣдовать либо защиту *права*, либо защиту *оборота*. Первая покоится на внутреннемъ, матеріальномъ моментѣ, вторая—на внѣшнемъ, формальномъ, абстрактномъ. Ничто неспособно въ такой мѣрѣ колебать правовое сознаніе, какъ защита абстрактнаго обязательства, оторваннаго отъ реальной основы его возникновенія. Классическимъ примѣромъ такого абстрактнаго обязательства является вексель. Достаточно подписать опредѣленную формулу векселънаго текста, обставленную извѣстными внѣшними атрибутами, чтобы создать на одной сторонѣ обязанность, на другой право, независимо отъ дѣйствительнаго отношенія должника къ кредитору. Здѣсь власть одного лица изъять изъ имущественной сферы другого извѣстное благо оторвано отъ экономической природы дѣйствительныхъ отношеній; защитѣ подлежитъ здѣсь „право“ независимо отъ его содержанія или, вѣрнѣе говоря, отъ *наличности въ немъ содержанія*; здѣсь защищается формальное обязательство, какъ таковое, въ интересахъ прочности оборота. И если такая защита имѣетъ смыслъ и значеніе въ торговомъ оборотѣ, то она не имѣетъ никакого оправданія въ области гражданскаго права, наличность котораго должна обусловливаться наличностью основанія его возникновенія,—того, что юристъ называетъ *титуломъ*. Чѣмъ меньше и слабѣе связь *права* съ *экономическимъ его содержаніемъ*, тѣмъ ярче и опредѣленнѣе закрѣпленіе въ немъ элемента *власти*. Чѣмъ право формальнѣе, тѣмъ оно вреднѣе для широкихъ и бѣднѣйшихъ массъ, ибо оно тѣмъ болѣе оторвано отъ всей экономической жизни народа. Вмѣсто соотношеній *хозяйственнаго* порядка правовые институты становятся носителями *оголенныхъ волеизъявленій*. Вмѣсто дѣйствительнаго обоснованія права и обязанности—возведеніе въ самоцѣльность бездушнаго исполненія юридическаго ритуала. Полное игнорированіе связи причины и слѣдствія, ибо защищается право независимо отъ того, имѣетъ ли оно реальное обоснованіе. Отсюда ясно, что приближеніе права къ требованіямъ жизни должно заключаться въ возможно большемъ расширеніи реальныхъ договоровъ въ противоположность абстрактнымъ, допустимымъ лишь тамъ, гдѣ дѣйствительно цѣлью защиты является оборотъ (торговое право). Между тѣмъ современное гражданское право развивается въ сторону совершенно противоположную, и новое германское гражданское уложеніе попыталось возвести формальную защиту въ перлъ права, оторвавъ это послѣднее отъ экономическаго его базиса. Совершенно понятно однако, что огромнѣйшая часть на-

селенія—поскольку ей приходится вообще жить въ предѣлахъ дѣйствія принципа частной собственности—заинтересована, какъ указано, въ обратномъ движеніи юридической мысли—въ сохраненіи живой и неразрывной связи экономическаго основанія съ правовой нормой какъ съ точки зрѣнія матеріальнаго ея содержанія, такъ и въ особенности съ точки зрѣнія порядка ея процессуальной защиты.

Современное гражданское право не допускаетъ наличности безхозяйныхъ имуществъ. Здѣсь не важно прослѣдить судьбу такихъ имущественныхъ благъ въ двухъ категоріяхъ—движимыхъ вещей и недвижимыхъ. Съ точки зрѣнія поставленнаго вопроса о соотвѣтствіи *права интересамъ* массъ достаточно остановиться на т. н. выморочномъ правѣ казны, дворянства, городовъ, выступающемъ какъ только имущество остается безхозяйнымъ. Современное государство заинтересовано въ *сохраненіи существующихъ отношеній господства и подчиненія*. Оно является носителемъ идеологіи и выразителемъ правъ отдѣльныхъ классовъ. Присваивая себѣ имущественныя цѣнности, выпавшія, такъ сказать, за бортъ гражданскаго оборота, оно увеличиваетъ *свою* мощь и силу. Правомѣрно ли оно поступаетъ? Принадлежатъ ли ему, какъ выразителю *классовыхъ* интересовъ, эти цѣнности? Вѣдь, эти послѣднія являются продуктомъ труда всѣхъ классовъ. Если трудно или даже невозможно осуществить немедленно право рабочаго на полный продуктъ своего труда, то, казалось бы, въ тѣхъ случаяхъ, когда такой продуктъ оказывается выброшеннымъ изъ оборота и на немъ не тяготѣетъ частный интересъ; когда, стало быть, удовлетвореніе такого права не требуетъ нарушенія чужого фактическаго владѣнія—въ этихъ случаяхъ изъятіе изъ сферы народнаго богатства такихъ свободныхъ цѣнностей не только идетъ въ разрѣзъ съ чувствомъ справедливости, но и препятствуетъ постепенному сглаживанію классовыхъ противорѣчій, усугубляя соціальную несправедливость. Достаточно вѣдь того, что современное право стоитъ на защитѣ *факта владѣнія*. Владѣніе есть та внѣшняя сторона, которой современный имущественный строй обращенъ къ неимущимъ. Вмѣстѣ съ уголовнымъ законодательствомъ, карающимъ за вторженіе въ имущественную сферу, оно составляетъ крѣпостной валъ, защищающій господство имущихъ отъ нападенія со стороны неимущихъ. Но никакіе крѣпостные валы не защитятъ status quo отъ неудержимаго движенія жизни и создаваемыхъ ею интересовъ, и, по меньшей мѣрѣ, неразумно не ослаблять силы сопротивленія

тамъ, гдѣ это не нарушаетъ фактическихъ отношеній владѣнія. Слѣдуетъ помнить, что туго согнутая пружина бьетъ больнѣе.

Наибольшая острота столкновеній наблюдается въ области обязательственнаго права, которое является могучимъ насосомъ, высасывающимъ изъ труда неимущихъ классовъ цѣнности, обезпечивающія состояніе господствующихъ классовъ. Въ самомъ чистомъ видѣ отношенія эти противопоставляются въ договорѣ найма (аренды), гдѣ собственнику обезпечивается трудомъ наемщика свободное отъ труда существованіе. Вторгаясь въ области права собственности въ нормировку возникающихъ отношеній, государство остается въ достаточной степени безразличнымъ зрителемъ игры обязательственныхъ отношеній, разсматривая контрагентовъ, какъ вполнѣ равныя договаривающіяся стороны, исходя изъ принципа свободы соглашеній. Однако ни въ области семейственнаго, ни въ области вещнаго права государство не допускаетъ дѣйствія этого принципа. Между тѣмъ въ этихъ двухъ послѣднихъ областяхъ (особливо въ первой) элементы, приходящіе въ соприкосновеніе, — по большей части *однородны*. Провозглашеніе этой свободы въ дѣлѣ столкновенія интересовъ сильныхъ и слабыхъ есть проявленіе той же лицемѣрности, которая, прикрывая интересы господствующихъ классовъ принципомъ свободы, не имѣетъ мужества дѣлать это со смѣлой откровенностью. Ближайшая задача права стать на защиту обездоленныхъ и внести юридическую нормировку съ реальнымъ содержаніемъ въ область того, что преступно индифферентно оставляется *„на волю сторонъ“*. Зачатки существующей защиты въ области фабричнаго законодательства, найма на сельскія работы должны быть значительно расширены. Законъ долженъ установить тотъ минимумъ условій труда, ниже которыхъ стороны не вправѣ спускаться. Въ такомъ насильственномъ вмѣшательствѣ будетъ гораздо больше человѣколюбія и уваженія къ достоинству человѣческой личности, чѣмъ въ лицемѣрно провозглашаемомъ принципѣ равенства сторонъ и свободы соглашенія въ области свободнаго труда. Вѣдь, допущено же такое вмѣшательство нашимъ правомъ въ договоръ займа запретомъ ростовщичества; оно можетъ быть только привѣтствуемо и слѣдуетъ самымъ энергичнымъ образомъ ополчиться противъ допущенія дѣйствія давно изжитыхъ началъ экономическаго либерализма.

Принципы наслѣдственнаго права непосредственно не затрагиваютъ интересовъ широкихъ массъ населенія, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы интересы эти не стояли въ посредственной отъ нихъ зависимости. Всякое чрезмѣрное скопленіе имуществъ въ однѣхъ рукахъ является факторомъ, экономически вреднымъ для общей массы населенія. Съ другой стороны, призываніе къ наслѣдству всякихъ родственниковъ безъ ограниченій степеней насильственно задерживаетъ имущество въ частномъ обладаніи. Независимо отъ увеличенія пошлиннаго обложенія, народные интересы могутъ послѣдовательно и постепенно быть удовлетворены какъ суженіемъ круга призываемыхъ наслѣдниковъ, такъ и дробленіемъ переходящаго по наслѣдству имущества. Наше законодательство не знаетъ, въ видѣ правила, маіоратнаго наслѣдованія, при которомъ имущество всецѣло переходитъ къ старшему сыну съ обреченіемъ остальныхъ членовъ семьи подчасъ на нищенское положеніе, но знаетъ, въ видѣ довольно широко практикуемаго института, какъ начало маіоратнаго, такъ и заповѣднаго владѣнія. Наряду съ этимъ, допуская полную свободу завѣщательнаго распоряженія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ, законодательство наше и этимъ путемъ можетъ способствовать сосредоточенію значительныхъ имуществъ въ рукахъ одного обладателя. Наше право не знаетъ, къ сожалѣнію, т. н. института обязательной наслѣдственной доли, въ силу котораго никто изъ наслѣдниковъ не можетъ быть лишенъ извѣстнаго хотя бы участія въ наслѣдованіи. Какъ общую тенденцію, современное гражданское право въ цѣляхъ уменьшенія остроты противоположныхъ классовыхъ и соціальныхъ противорѣчій должно исповѣдовать необходимость дробленія имуществъ, такъ какъ въ такомъ процессѣ найдетъ значительное осуществленіе неизбѣжная демократизація права.

И если право сумѣетъ, воспринявъ въ свое лоно новыя требованія жизни, дать справедливый отвѣтъ на новые ея запросы, то оно внесетъ въ свои нормы то соціальное содержаніе, которое способно привести къ постепенному сглаживанію обострившихся противорѣчій. Нельзя забывать, что политическимъ идеаламъ нашихъ дѣдовъ пришли на смѣну соціальныя требованія ихъ внуковъ.

О. Пергаментъ.

Союзъ Освобожденія.

Не безъ колебаній берусь я за изложеніе судебъ Союза Освобожденія. Мы столько пережили за послѣдніе годы, что, кажется, цѣлыя десятилѣтія отдѣляютъ насъ отъ времени его возникновенія и дѣятельности, а какъ только принимаешься за перо, тотчасъ чувствуешь, сколько здѣсь еще живого, сегодняшняго, будящаго мысль о недоконченной работѣ и бередящаго незажившія раны. И съ другой стороны, хотя вся недолгая жизнь Союза въ общихъ очертаніяхъ памятна и ясна, однако при возстановленіи конкретныхъ фактовъ наталкиваешься на значительныя трудности, потому что документальнаго матеріала почти не сохранилось, а при передачѣ на память не всегда легко отдѣлить дѣйствительность отъ ея субъективной оцѣнки.

Но затрудненія и того и другого порядка еще болѣе побуждаютъ не откладывать исполненія въ долгій ящикъ. Чѣмъ живѣй эти вопросы, тѣмъ важнѣе наконецъ установить на нихъ опредѣленную точку зрѣнія и почерпнуть изъ знакомства съ прошлымъ то поученіе, которое въ немъ, можетъ быть, кроется. И если уже теперь трудно многое возстановить съ полной точностью, то тѣмъ скорѣе надо закрѣпить на бумагѣ то, что еще свѣжо въ памяти, и, можетъ быть, этимъ самымъ побудить и другихъ дополнить упущенное на основаніи своихъ воспоминаній или сохранившихся записей.

Приходится скорѣе спросить себя не о томъ, не слишкомъ ли рано браться за перо, а о томъ, не слишкомъ ли много времени уже упущено.

Потребность осмыслить недавнее прошлое, составляетъ одну изъ важныхъ очередныхъ задачъ. Между тѣмъ для такой работы

слишкомъ еще мало дано фактическаго матеріала. Это отражается на всѣхъ попыткахъ обобщеній. Въ частности по исторіи Союза Освобожденія пока еще почти ничего не сдѣлано. Больше всего фактовъ изъ его прошлаго далъ И. П. Бѣлоконскій въ статьяхъ своихъ о земскомъ движеніи въ „Быломъ“ за 1907 г. и въ книжкѣ „Историческаго Сборника“ за тотъ же годъ. Но въ нихъ рядомъ съ массой цѣннаго матеріала есть существенные пропуски и ошибки, а кромѣ того автору мало извѣстны факты о дѣятельности центральнаго органа Союза, а это конечно должно было отразиться на его работѣ весьма неблагопріятно.

Въ только что появившемся I томѣ книги „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка“ (подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова) Союзъ нашелъ добросовѣстныхъ повѣствователей, которые однако безсильны были справиться съ нѣкоторыми сторонами дѣла вслѣдствіе скудости извѣстныхъ фактовъ. Пока послѣдніе не будутъ установлены, въ такомъ же положеніи очутится всякій изслѣдователь. Еще хуже положеніе того, кто пожелалъ бы уяснить себѣ исторію и значеніе Союза безъ спеціальныхъ изысканій. Онъ останется безъ всякаго надежнаго руководства.

Пора исправить такое ненормальное положеніе.

Все это объясняетъ мое рѣшеніе разсказать то, что мнѣ извѣстно о Союзѣ Освобожденія.

I.

Въ видѣ правильной организаціи Союзъ Освобожденія просуществовалъ менѣе двухъ лѣтъ—съ 4 января 1904 года до конца октября 1905 года. Но формальному учрежденію Союза предшествовала двухлѣтняя подготовительная дѣятельность въ странѣ и восемнадцать мѣсяцевъ работы заграничнаго журнала, объединявшаго самымъ фактомъ своего существованія тѣ силы, которыми Союзъ созданъ. Если посмотрѣть на вопросъ о происхожденіи Союза глубже, то придется перенестись и къ болѣе отдаленнымъ временамъ, по крайней мѣрѣ, къ началу и серединѣ девяностыхъ годовъ. И тогда устраивались земскіе съѣзды, сговаривались объ общихъ выступленіяхъ земскихъ собраній, замышляли заграничный органъ и большую газету въ Москвѣ—все съ цѣлью обнаружить и объединить конституціонные элементы въ странѣ; а въ другихъ слояхъ также шла попытка организаціи общественныхъ силъ въ политическій союзъ, отчасти напоминающій Союзъ Освобожденія

Но какъ внѣшняя политическая обстановка, такъ и внутреннія настроенія общества сдѣлали въ то время невозможнымъ объединеніе значительныхъ общественныхъ силъ на почвѣ активной дѣятельности. Земцы-конституціоналисты, вызвавшіе подачу политическихъ адресовъ въ 1894 году, съ одной стороны, „Народное Право“ и интеллигентскіе элементы—съ другой—не умѣли еще найти другъ друга, да и въ собственной своей средѣ болѣе активныя силы не создали достаточно крѣпкихъ центровъ, и все начавшееся движеніе было сравнительно легко подавлено.

„Народоправцамъ“ не удалось упрочить свою организацію, обѣ линіи земскихъ съѣздовъ—и болѣе независимыя и объединенныя болѣе лѣвой платформой совѣщанія, въ центрѣ которыхъ стоялъ И. И. Петрункевичъ, и болѣе офиціальные Шиповскіе съѣзды предсѣдателей управъ—прекратились. Отъ всего движенія осталось только нѣсколько заграничныхъ брошюръ и русскихъ прокламацій, да завязанныя на политической почвѣ новыя связи и оставшіеся безъ выполненія, но тѣмъ не менѣе прочно засѣвшіе въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ и кружковъ планы.

Попытки девяностыхъ годовъ и сами, впрочемъ, конечно не были чѣмъ-то новымъ по существу. Онѣ поднимали ту нить политическаго движенія, которая оборвалась въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. И не только продолжали старую традицію земскаго либерализма, искавшаго выхода въ широкіе круги общества, но были тѣсно связаны съ той эпохой еще и участіемъ въ новыхъ попыткахъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя занимали видное мѣсто въ движеніи конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ.

Новыя попытки эти, къ сожалѣнію, обнаружили только одно—преждевременность движенія. Русскому обществу предстояло еще пережить періодъ односторонняго увлеченія марксизмомъ и преувеличенныхъ надеждъ на единоспасающее рабочее движеніе, имѣющее якобы разрѣшить всю совокупность завѣщанныхъ исторіей проклятыхъ вопросовъ. Пришлось пережить еще и новый приливъ реакціоннаго одушевленія, поставившаго себѣ одновременно такія широкія и разнородныя цѣли, какъ уничтоженіе всякихъ зародышей самостоятельности земства, завладѣніе рабочимъ движеніемъ при помощи пресловутыхъ зубатовскихъ организацій, упраздненіе финляндскихъ вольностей, осуществленіе грандіозныхъ міровыхъ замысловъ на Дальнемъ Востокѣ и полное сокрушеніе энергіи учащейся молодежи... Для того, чтобы новое широкое движеніе стало возможно, страна должна была болѣе живо и ясно почувствовать

неизбѣжность роковыхъ послѣдствій внѣшней и внутренней политики реакціоннаго правительства.

И только тогда началось и стало быстро нарастать въ широкихъ кругахъ оживленіе съ требованіемъ реформъ, а когда правительство бросилось подавлять движеніе, расточая свои удары безъ смысла и безъ разбора, созданіе центра политическаго отпора, объединяющаго значительныя силы общества, стало не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шаткость правительственной политики, при всей первобытности пріемовъ управленія и при всей грубости репрессій, заставляла примыкать къ движенію или поддерживать его даже и такіе элементы, которые привыкли тщательно взвѣшивать реальныя условія возможнаго исхода борьбы.

Начало 1901 года составляетъ тотъ поворотный пунктъ, послѣ котораго стремленіе правительства подавлять всякое движеніе потеряло свою устрашающую силу, и мѣры его стали вызывать прежде всего новый приливъ энергіи въ оппозиціонныхъ кругахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все расширяя кадры оппозиціи.

Первымъ актомъ открытаго протеста, обращеннаго къ правительству, было заявленіе писателей послѣ попытки разомъ „вскрыть нарывъ“ недовольства путемъ избіенія на Казанской площади 4 марта 1901 года. По всей Россіи летятъ листки и разсказы о невѣроятныхъ событіяхъ. Въ Москвѣ еще ранѣе уличное движеніе разростается вдругъ въ небывалыхъ размѣрахъ. Студенческое движеніе снова крѣпнетъ послѣ тяжкихъ пережитыхъ имъ потрясеній и находитъ рѣшительное сочувствіе въ обществѣ. Убитаго Карповичемъ Боголѣпова смѣняетъ Ванновскій съ его потугами обновить школу. Земства испытываютъ на себѣ удары той же руки, которая направляетъ на безоружную толпу казачьи нагайки и высылаетъ десятки писателей и другихъ дѣятелей изъ Петербурга за правдивое слово; и земцы постепенно приходятъ къ сознанію, что пора и имъ поискать путей для вмѣшательства въ ходъ событій. Рабочее движеніе продолжаетъ расти. Но и въ деревнѣ уже не спокойно. Тамъ сходятся въ общей бесѣдѣ уволенный студентъ, высланный рабочій, сельскій учитель и крестьянинъ поразвитѣй, и сѣмена броженія находятъ подготовленную и здѣсь мѣрами правительства почву; да и безъ посторонникъ сѣмянъ невыносимое положеніе само доводитъ до отчаянія, и уже черезъ годъ крупныя аграрныя волненія охватываютъ значительную площадь.

Дѣятельное исканіе выхода изъ невыносимаго политическаго положенія—таковъ лозунгъ переживаемаго момента. Онъ находитъ откликъ въ наиболѣе спокойныхъ элементахъ общества. Онъ пре-

одолѣваетъ и присущія русской радикальной интеллигенціи предразсудки, а также и основательныя опасенія, мѣшавшія ей ранѣе вступать на путь соглашеній съ „либералами“. Наличность общей очередной задачи была такъ очевидна, что создается почва для совмѣстной дѣятельности элементовъ, на первый взглядъ весьма разнородныхъ.

II.

Къ этому именно времени, лѣтомъ 1901 года изыскиваются средства на заграничное изданіе: безъ постояннаго органа, дѣйствующаго, какъ съ тѣхъ поръ стали говорить, „внѣ предѣловъ досягаемости“ русскихъ властей, длительное организованное движеніе внутри страны было немыслимо... Кто будетъ редакторомъ новаго изданія? Два имени сами напрашиваются на языкъ: Милюковъ и Струве. Съ тѣмъ и другимъ завязываются переговоры. Струве, высланный въ Тверь послѣ избіенія и ареста на Казанской площади 4 марта и здѣсь близко сошедшійся съ мѣстными земскими дѣятелями, да къ тому же ранѣе самостоятельно замышлявшій нѣчто въ этомъ родѣ, охотно даетъ свое согласіе. Еще недавній вождь боевого марксизма, онъ однако и ранѣе не чуждался земскихъ отношеній и давно умѣлъ принимать близко къ сердцу хорошія стороны земскаго движенія. Не даромъ онъ такъ часто и съ такой любовью вспоминаетъ въ „Освобожденіи“ свое открытое письмо, составленное, какъ онъ говоритъ, „при участіи друзей изъ числа земскихъ дѣятелей“, послѣ 17 января 1895 года... Написанное имъ предисловіе къ изданной заграницей запискѣ Витте, которую онъ окрестилъ сохранившимся за ней навсегда именемъ „Самодержавіе и земство“, упрочило авторитетъ Струве въ передовыхъ земскихъ кругахъ. Немедленно послѣ выраженнаго имъ согласія стать во главѣ журнала начинается работа по организаціи новаго дѣла. Редакторъ выговариваетъ себѣ полную независимость въ веденіи органа и затѣмъ, заручившись обѣщаніемъ дѣятельной поддержки со стороны земскихъ, профессорскихъ и литературныхъ круговъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ дѣятелей, уѣзжаетъ за границу. Русскіе его „друзья“ (подъ этимъ именемъ долго еще фигурируютъ въ „Освобожденіи“ не объединенные пока формально единомышленники) дѣятельно подготовляютъ почву для новаго литературно-политическаго предпріятія.

Уже на святкахъ 1901—1902 года, во время съѣзда естествоиспытателей въ Петербургѣ, тамъ устраивается бесѣда, гдѣ завязываютъ или возобновляютъ свое знакомство многіе провинціалы, главнымъ образомъ изъ состава третьяго элемента, которые затѣмъ

окажутся дѣятельными сотрудниками журнала. Въ мартѣ 1902 года, во время кустарнаго съѣзда тамъ же происходятъ совѣщанія, на которыхъ ставятся уже гораздо болѣе опредѣленные политическіе вопросы. Въ совѣщаніяхъ земцевъ—цензовиковъ и служащихъ—идутъ бесѣды объ организаціи прогрессивныхъ земскихъ силъ на опредѣленной политической платформѣ и о съѣздѣ земскихъ дѣятелей не позже лѣта; предметомъ обсужденія для съѣзда тутъ же намѣчается только что изданный указъ о сельскохозяйственномъ совѣщаніи, ставившій на очередь важную задачу и обращавшійся къ общественнымъ элементамъ помимо земства.

Наряду съ этимъ, нѣсколько позднѣе, среди завѣдомыхъ „друзей“ заграничнаго изданія подвергается обсужденію политическая программа, которая должна лечь въ его основу. Программный остовъ разрастается у его автора въ цѣлую статью, которая подвергается затѣмъ дальнѣйшему обсужденію съ отдѣльными лицами и кружками, между прочимъ и на значительномъ совѣщаніи въ Москвѣ... Обсужденіе это естественно заставляетъ сочувствующіе дѣлу элементы группироваться и вступить въ болѣе близкое общеніе. Затѣмъ программная статья, какъ результатъ коллективнаго мнѣнія „друзей“, препровождается въ руки редактора „Освобожденія“, только что получившаго тогда это громкое имя.

Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ первой встрѣчи Струве съ привезшими ему программное заявленіе русскихъ конституціоналистовъ двоими незнакомыми ему ранѣе „друзьями“. Въ большомъ хорошо теперь памятномъ многимъ русскимъ загородномъ домѣ близъ Штутгарта, нанятомъ Струве и пока еще пустомъ, шло обсужденіе совсѣмъ уже готовой и набранной програмной статьи редактора и только что доставленнаго ему коллективнаго заявленія изъ Россіи.

Будущее рисовалось въ неясныхъ очертаніяхъ. Но чувствовалось, что здѣсь закладывается прочная основа дѣла, которое захватывало своимъ величіемъ и важностью.

О многомъ горячо спорили, во многомъ сразу обнаружилось полное единство взглядовъ и настроеній. Особенно глубокій интересъ представляла для Струве изъ числа пріѣзжихъ личность одного изъ самыхъ блестящихъ и вдумчивыхъ представителей русской земской среды, пользовавшагося въ Россіи въ земскихъ кругахъ большимъ уваженіемъ и вѣсомъ. Увлекающійся и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанный, убѣжденный государственникъ и монархистъ и глубокій почитатель началъ свободы и права—этотъ новый знакомый продѣлалъ за предшествующіе годы знаменательную эволюцію, сдавая подъ напоромъ русской дѣйствительности одну консервативную по-

зицію за другой и все ярче загорался ненавистью къ бюрократическому строю, который по его словамъ разорялъ и развращалъ дорогой ему родной уѣздъ и грозилъ обезсилить и опозорить Россію. Въ своемъ гостѣ Струве воочію увидѣлъ все то, на что онъ возлагалъ главныя упованія въ предстоящей борьбѣ и чего такъ страстно въ то время искалъ: онъ встрѣтилъ здѣсь особенно обострившееся чувство личной политической отвѣтственности и властный порывъ къ работѣ на обновленіе страны во имя высшаго государственнаго и національнаго интереса.

Какое-то внутреннее сближеніе сразу произошло между хозяиномъ и гостемъ. Съ затаеннымъ страхомъ приступалъ послѣдній къ знакомству съ человѣкомъ, отъ котораго теперь въ такой мѣрѣ зависѣлъ успѣхъ завѣтной мечты его и многихъ мыслящихъ русскихъ людей. Онъ убѣдился въ томъ, что дѣло отдано въ вѣрныя руки. „Вы знаете, Д. И., вѣдь дѣло у него пойдетъ“, какъ сейчасъ слышу я сказанныя мнѣ на прощанье радостныя и убѣжденныя слова, когда пришлось уѣзжать послѣ двухъ дней, проведенныхъ нами въ спорахъ, въ разсказахъ о происходящемъ въ Россіи, въ разговорахъ о болѣе отдаленныхъ перспективахъ и о ближайшихъ очередныхъ русскихъ дѣлахъ.

Изъ очередныхъ дѣлъ этихъ самымъ важнымъ для журнала былъ общеземскій съѣздъ, готовившійся въ Москвѣ. О первыхъ предположеніяхъ созвать этотъ съѣздъ упомянуто выше. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ въ началѣ апрѣля, во время пожарнаго съѣзда въ Москвѣ.

Встрѣченная сначала нѣсколько сдержанно, мысль о съѣздѣ нашла затѣмъ горячихъ сторонниковъ, присоединился къ ней и все рѣшительнѣе ей отдавался и Д. Н. Шиповъ. Съ совѣщаніями о съѣздѣ совпали извѣстія объ убійствѣ Сипягина и о полтавскихъ аграрныхъ волненіяхъ. Необходимость болѣе активной политики со стороны земцевъ была слишкомъ безпорна. Но основная линія поведенія вызывала разногласія. Объ умѣстности положить въ основу земскаго соглашенія, какъ это и предполагалось въ мартѣ въ Петербургѣ, фактъ образованія сельскохозяйственныхъ комитетовъ спора не возникало. Всѣхъ одинаково одушевляла также и потребность протеста противъ отстраненія земскихъ учрежденій отъ участія въ выдвинутомъ на очередь важномъ государственномъ начинаніи. Но воздѣйствовать на создавшееся положеніе можно было двояко: или отказаться отъ всякаго участія въ комитетахъ и лишить ихъ работу всякаго жизненнаго значенія, или же наоборотъ принять въ нихъ дѣятельное участіе и выразить въ самихъ ко-

митетахъ протестъ противъ безсмысленнаго устраненія земства отъ близкаго ему дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ добиться того, чтобы въ комитетахъ громко прозвучали тѣ именно требованія, которыя предполагалось заглушить обходомъ земскихъ учрежденій... Въ связи съ той или другой тактикой стоялъ и желательный составъ будущаго съѣзда: собравъ болѣе единомышленныя либеральныя силы, можно было ожидать болѣе полнаго сговора и болѣе радикальныхъ рѣшеній, за то, выдѣлившись изъ всей земской массы, эти силы ослабили бы вѣсъ сказаннаго слова; готовность вовлечь въ движеніе болѣе широкіе земскіе круги заставляла идти на болѣе умѣренныя заявленія, но соотвѣтственно усиливала объективное значеніе общаго земскаго голоса. Впервые здѣсь встрѣтившіе другъ друга И. И. Петрункевичъ и Д. Н. Шиповъ представляли собой два главныхъ теченія земской мысли. Линія поведенія конституціонной группой выбрана была та, которой и позже приходилось придерживаться и которая предуказывалась самой жизнью: оставаясь самими собой, высказывая опредѣленно свою точку зрѣнія и не затериваясь въ болѣе расплывчатомъ общеземскомъ теченіи, конституціоналисты признавали необходимымъ урѣзывать до извѣстнаго предѣла свои требованія на ближайшій моментъ, если благодаря этому вовлекались въ движеніе новые цѣнные и сильные элементы, а съ другой стороны кругъ полныхъ единомышленниковъ былъ еще недостаточно великъ для самостоятельнаго и достаточно внушительнаго выступленія. Когда при переговорахъ о съѣздѣ выяснилось, что Шиповъ, а съ нимъ очевидно и масса другихъ земскихъ дѣятелей, ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ на демонстративный отказъ отъ занятій въ комитетахъ, а между тѣмъ тотъ же Шиповъ энергично ухватился за возможность организовать въ самихъ комитетахъ протестъ противъ новаго удара, наноснмаго земству, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ достаточно широкую программу требованій, которыя должны быть предъявлены комитетами, то на планѣ бойкота рѣшено не настаивать, предпочтя широкое общее и достаточно принципіальное выступленіе болѣе рѣзкому, но и гораздо болѣе частичному.

23 мая 1902 года состоялся въ Москвѣ, на квартирѣ Шипова, первый общеземскій съѣздъ съ его хорошо всѣмъ извѣстными послѣдствіями [1])... Шиповъ, выдвинутый съѣздомъ во главу земскаго движенія, послѣ переговоровъ съ Плеве и Витте нашелъ возможнымъ отказаться отъ одного изъ пунктовъ постановленій съѣзда

[1]) Постановленія съѣзда см. у Бѣлоконскаго: „Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы“. „Былое“, 1907 г., Іюль.

о приглашеніи выборныхъ членовъ отъ земскихъ собраній въ центральныя учрежденія, обсуждающія сельскохозяйственныя нужды, и эта уступчивость въ связи съ излишней довѣрчивостью къ правительству послужила поводомъ къ безконечнымъ нападкамъ чуть не въ каждомъ № „Освобожденія“... Но въ общемъ съѣздъ произвелъ огромное впечатлѣніе самъ по себѣ и оказалъ рѣшающее вліяніе на постановку вопросовъ въ мѣстныхъ комитетахъ. Однакоже болѣе опредѣленная конституціонная линія осталась безъ выраженія, и приведшая къ этому политика соглашенія далеко не всѣми одобрялась. Нѣкоторый упрекъ избранному пути можно видѣть въ позднѣйшемъ замѣчаніи автора статьи въ № 17 Освобожденія, о которой намъ придется говорить ниже: „Политическая роль Шипова—все равно, сознательная или безсознательная—состояла въ томъ, что онъ устранилъ въ Москвѣ широкій съѣздъ либеральныхъ земцевъ“... говоритъ авторъ статьи. На дѣлѣ однако объединеніе земцевъ даже и въ той формѣ было огромнымъ шагомъ впередъ и обѣщало дать полезные результаты и для конституціоннаго движенія. Болѣе широкіе круги заражались активностью болѣе дѣятельныхъ элементовъ и по мѣрѣ роста движенія обнаруживались и выдѣлялись все новыя силы, готовыя на болѣе рѣшительный образъ дѣйствій.

Правда, такая политика соглашеній не представляла опасности при одномъ условіи: если существовало наряду съ общимъ болѣе безформеннымъ движеніемъ на болѣе умѣренныхъ лозунгахъ и прочное конституціонное ядро съ опредѣленной программой и опредѣленными кадрами. Необходимость такого ядра выяснилась очень скоро. Но пока не только въ сѣрой русской дѣйствительности, а даже и въ новомъ зарубежномъ вѣстникѣ конституціонной идеи до такой откровенной дифференціаціи было еще далеко. № 1 „Освобожденія“, увидѣвшій свѣтъ почти черезъ мѣсяцъ послѣ земскаго съѣзда, 1 іюля новаго стиля, весь проникнутъ еще главной мыслью, составлявшей первую задачу момента—концентраціей оппозиціонныхъ силъ. Опредѣленные контуры намѣренно затушевывались, авторы статей какъ бы еще искали въ русскомъ обществѣ тѣхъ элементовъ, на которые можно опереться, и тѣхъ позицій, на защиту которыхъ можно собрать достаточныя силы.

Въ программномъ заявленіи самого редактора журнала эта неопредѣленность даже намѣренно подчеркивается. Вотъ въ какихъ общихъ выраженіяхъ опредѣляетъ онъ съ самаго начала цѣли своего изданія: борьба за всестороннее освобожденіе родины отъ

политическаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества.

Послѣднія слова общей части статьи гласятъ: „Пусть національное освобожденіе будетъ открыто провозглашено общимъ дѣломъ дѣтей и отцовъ, революціонеровъ и умѣренныхъ. Пусть насилію, унижающему нашъ народъ и извращающему всю нашу жизнь, будетъ брошенъ въ лицо соединенный вызовъ, будетъ противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно испугается, передъ такой борьбой оно не устоитъ".

Мысль автора ясна. Но какъ отвлеченно ставится задача! И отвлеченность эта не есть только литературная форма. Нѣтъ! Ею проникнуто и все содержаніе обращенія, и она входитъ въ намѣренія его автора. Статья исходитъ изъ признанія, что Россія, въ которой реакція *правительственная* все еще идетъ на повышеніе, окончательно вышла изъ состоянія реакціи *общественной*. Признаки „работы народныхъ силъ, созидающихъ новый духъ, новыя формы жизни, новыя общественныя отношенія" Струве усматриваетъ во всемъ: въ тѣхъ чисто „духовныхъ запросахъ", которые съ особенной силой заговорили въ русскомъ народѣ и которые нашли свое живое выраженіе въ „дерзновеніи мысли" у Льва Толстого, понявшаго и всей своей дѣятельностью выразившаго жгучую національную потребность въ свободѣ; онъ усматриваетъ эти признаки въ революціонномъ подъемѣ интеллигенціи и въ рабочемъ движеніи, а также и въ упорной культурной борьбѣ передовыхъ элементовъ общества. Поэтому онъ и стремится не разъединять, а объединять. Онъ говоритъ: „культурное и политическое обновленіе Россіи не можетъ быть ни исключительно, ни преимущественно дѣломъ одного класса, одной партіи, одного ученія. Оно должно стать дѣломъ національнымъ или общенароднымъ, на которое откликалось бы каждое сердце". Однакоже особенно выдвигаетъ редакторъ задачу повліять на болѣе умѣренные элементы, будить въ нихъ сознаніе своей политической отвѣтственности и ихъ вызвать на дѣйственность... При такой постановкѣ вопроса понятна осторожность и неопредѣленность позиціи. Правда, условіями успѣха въ борьбѣ и редакторъ признаетъ ясную программу и прочную организацію. Но пока никакихъ элементовъ ни той, ни другой не указывается, и самое зло, противъ котораго предстоитъ бороться, означается довольно общими выраженіями: „самодержавная бюрократія", „безправіе личности", „самовластіе правительства". Самое опредѣленное указаніе на сущность неизбѣжнаго *„переворота"*

заключается въ словахъ: „хорошо организованное народное представительство, общегосударственное и мѣстное“.

Объективными признаками, что къ устроенію жизни будетъ призвана коллективная работа общественнаго ума, признаются глубокое разстройство хозяйственной жизни страны и отсутствіе творческихъ идей среди правящихъ круговъ, ихъ безсиліе разрѣшить поставленныя жизнью задачи. По словамъ Струве: „живыя силы молодого народа“... „растутъ и своимъ ростомъ неизбѣжно разорвутъ чиновничьи оковы“.

Въ противоположность горячему, но нѣсколько расплывчатому и въ политическомъ отношеніи невыясненному призыву редактора помѣщенное рядомъ съ нимъ заявленіе, озаглавленное: „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“, отличается стремленіемъ поставить вопросъ на трезвую и практическую почву и удивительной, можетъ быть даже чрезмѣрной, опредѣленностью выдвинутой задачи.

Но при значительныхъ различіяхъ въ отправныхъ точкахъ и въ тонѣ, основныя тенденціи и этой статьи въ сущности совпадаютъ съ заявленіемъ редактора. При кажущейся опредѣленности содержанія, нетрудно отыскать и здѣсь признаки значительныхъ недомолвокъ, свойственныхъ періоду исканій.

Мы не будемъ останавливаться на литературной рамкѣ статьи: на остроумномъ ея вступленіи, использовавшемъ программную рѣчь Плеве, и на картинномъ концѣ ея съ упоминаніемъ о Сивиллѣ, съ которой Тарквиній такъ упорно торговался себѣ же на зло о цѣнѣ книги судебъ... Перейдемъ къ сущности заявленія. Въ немъ говорится:

„Все общество требуетъ отъ власти въ одинъ голосъ—серьезной политической реформы и „Освобожденіе“ разсматриваетъ себя какъ органъ этого единогласнаго настойчиваго общественнаго мнѣнія. Отличіе нашего органа отъ другихъ заграничныхъ изданій заключается въ томъ, что мы предполагаемъ объединить тѣ группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству—ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ. Мы желаемъ выражать исключительно безсословное общественное мнѣніе и на него опираться“.

Считаемъ нужнымъ привести здѣсь и дальнѣйшую выписку, хорошо уясняющую, какъ рисовалось дѣло съ самаго начала. Здѣсь развита та точка зрѣнія, которая въ сущности и явилась главной основой всего освободженческаго движенія.

„Но среди разнообразныхъ общественныхъ группъ, являющихся выразителями этого (т. е. безсословнаго *Д. П.*) обще-

ственнаго мнѣнія, мы стоимъ ближе къ одной,—къ той изъ нихъ, которая, помимо нравственнаго и интеллектуальнаго способа дѣйствія на общество, имѣетъ въ своемъ распоряженіи еще тотъ *политическій способъ*, какой ей даетъ фактическое участіе въ самоуправленіи страны. Это фактическое положеніе *земской общественной группы*, въ связи съ тѣми демократическими тенденціями, органомъ которыхъ она является за все время своего существованія, налагаетъ на нее высокую обязанность и даетъ ей нравственное право—выступить активной представительницей безсословнаго общественнаго мнѣнія въ тотъ періодъ, когда другія группы принуждены молчать или ограничиваться менѣе яркими проявленіями общественныхъ требованій.

Историческая роль перваго организованнаго представителя русскаго общественнаго мнѣнія фактически выпадаетъ на долю земства, и земскіе люди обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы использовать всѣ преимущества своего фактическаго положенія и выполнить свою отвѣтственную роль какъ можно лучше,—выполнить ее такъ, чтобы ни на минуту не лишиться нравственнаго права на дѣйствительное представительство общественнаго мнѣнія".

Итакъ, общественная группа лишеннаго всякой *самостоятельности* и отличающагося общепризнаннымъ свойствомъ *пассивности*, *сословнаго* земства должна черезъ посредство послѣдняго выступить *активной* представительницей *безсословнаго* общественнаго мнѣнія. Такова нелегкая задача...

Программа, по мнѣнію составителей, должна отвѣчать тремъ условіямъ: она должна быть достаточно принципіальна, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнима при современныхъ условіяхъ соціальнаго и культурнаго строя, а главное, программа должна служить „выраженіемъ мнѣнія не отдѣльныхъ земскихъ круговъ и даже не одной только земской среды, а всего образованнаго русскаго общества. Въ противномъ случаѣ земская программа рисковала бы остаться безъ поддержки въ широкихъ кругахъ общественнаго мнѣнія, т. е. безъ той главнѣйшей силы, на которую можетъ и должна разсчитывать партія, не становящаяся на почву классовой и революціонной борьбы".

По содержанію своему программныя положенія могутъ быть раздѣлены на три части: они могутъ заключать въ себѣ 1) проектъ реформъ экономическаго и культурнаго характера, 2) проектъ политической реформы, наконецъ 3) указаніе способа и порядка выработки основаній новаго строя. Смотря на дѣло чисто практически, со-

ставители программы совершенно откидываютъ первую ея часть: „экономическія, финансовыя, культурно-просвѣтительныя, административныя реформы, рабочее законодательство и аграрный вопросъ, децентрализація и переустройство мѣстнаго самоуправленія,— всѣ эти и подобные имъ вопросы составляютъ неисчерпаемый матеріалъ для будущей законодательной дѣятельности представинаго органа". Но программа выставляетъ исключительно *политическія* требованія, и считаетъ всѣ эти пункты, осуществленіе которыхъ составитъ уже третью стадію реформъ, послѣ „созыва учредительнаго органа и выработки основного закона"—пока излишними. Болѣе вниманія удѣляется вопросу о содержаніи самаго основного закона. Особенно подробно развитъ отдѣлъ „основныхъ правъ гражданъ", гораздо менѣе опредѣленными чертами программа рисуетъ характеръ и составъ представительства. „Безсословное народное представительство въ постоянно дѣйствующемъ и ежегодно созываемомъ верховномъ учрежденіи съ правами высшаго контроля, законодательства и утвержденія бюджета". Вотъ та формула, которую считаютъ пока возможнымъ дать конституціоналисты въ этомъ основномъ пунктѣ программы.

За то особенное вниманіе удѣляется третьей части программы, которой придается особенно важное значеніе, такъ какъ она составляетъ при дѣйствительномъ разрѣшеніи вопроса о реформѣ первый по времени ея шагъ: порядку изданія основного закона. Здѣсь предусматривается даже, какія принципіальныя его основанія должны войти въ манифестъ, возвѣщающій о приступѣ къ политической реформѣ (при этомъ съ большой настойчивостью указывается на необходимость включить въ этотъ актъ широкую амнистію по всякаго рода государственнымъ преступленіямъ), а затѣмъ—вопросъ объ избирательномъ правѣ и другія подробности закона должны быть разрѣшены собраніемъ представителей отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія и университетовъ, причемъ желательно предоставить земствамъ и городамъ право избирать въ „учредительный" органъ и другихъ лицъ, не входящихъ съ составъ земскихъ собраній и городскихъ думъ.

Такимъ образомъ здѣсь не только не дается полная программа партіи, а даже отрицается ея необходимость, на разрѣшеніе ставится чисто политическій вопросъ, вопросъ введенія свободъ и представительства. Самый порядокъ ихъ осуществленія разобранъ подробно и считается важнѣе всего, но въ чемъ составители усматриваютъ ту силу, которая приведетъ къ перевороту, на это опредѣленнаго отвѣта мы не находимъ. Авторы говорятъ: „Въ

нашей программѣ мы исходимъ изъ предположенія, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ правительственная власть будетъ *поставлена въ необходимость* приступить къ серьезной политической реформѣ". Далѣе приводятся, впрочемъ, доказательства быстраго разложенія нашей государственной формы и добавляется: „Реакція не опасна: она лишь приближаетъ ожидаемый нами моментъ".

Оба заявленія, какъ заявленіе редактора, такъ и второе, формально исходящее отъ цѣлой группы и дѣйствительно прошедшее всѣ стадіи коллегіальнаго обсужденія, носятъ въ самой конструкціи своей рѣзкія черты авторской индивидуальности.

Личныя черты еще не стерлись сколько нибудь продолжительнымъ общеніемъ между собою единомышленниковъ. Уже это одно служитъ свидѣтельствомъ, что никакой сложившейся партіи нѣтъ за спиной новаго изданія. Но основныя черты плана начатой кампаніи одинаково ясны изъ обоихъ заявленій: призывая къ объединенію всѣ оттѣнки оппозиціи, онъ разсчитанъ главнѣйше на использованіе земскихъ силъ, причемъ дѣйствія силъ этихъ должны быть сообразованы съ широкимъ общественнымъ мнѣніемъ и земскимъ силамъ должна быть придана большая активность болѣе близкимъ общеніемъ съ нецензовыми элементами общества.

Значеніе земскихъ силъ слабѣе отмѣчено въ декларацiи редактора, который болѣе подчеркиваетъ общія, принципіальныя основы, но и его отношеніе къ вопросу хорошо видно изъ того значенія, которое онъ придаетъ помѣщеннымъ въ первомъ и во второмъ нумерахъ журнала письмамъ земскихъ дѣятелей, выражающихъ свою солидарность съ задачами возникающаго изданія.

По какимъ именно путямъ пойдетъ движеніе и какіе именно элементы въ земскихъ кругахъ и въ обществѣ вообще окажутся наиболѣе дѣятельными и вліятельными, на это должна была навести сама жизнь. Но реакція носила въ себѣ такіе явственные признаки внутренней несостоятельности, что увѣренностью въ неизбѣжности движенія одинаково проникнуты обѣ статьи, и увѣренность обѣихъ приблизительно одинаково выражена, хотя составлялись онѣ совершенно независимо одна отъ другой.

III.

Мы видѣли, какъ много недоговорено было въ заявленіяхъ редактора и его политическихъ друзей при приступѣ къ дѣлу. Журналъ въ рядѣ послѣдовательныхъ статей нащупываетъ почву,

стараясь найти сочувствіе и поддержку со стороны неудовлетворенныхъ положеніемъ дѣлъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества. Профессора, земцы, дворянство, промышленники, рабочіе, чиновная масса, искренніе сторонники православія—всѣмъ этимъ элементамъ старается редакторъ объяснить несовмѣстимость существующаго положенія вещей съ правильнымъ разрѣшеніемъ ихъ жизненныхъ потребностей, въ представителяхъ всѣхъ круговъ старается онъ пробудить дѣятельное исканіе выхода, призывая ихъ къ сотрудничеству.

Редакторъ остается вѣренъ выраженному имъ въ программной статьѣ намѣренію: быть по возможности только регистраторомъ свободной политической мысли въ Россіи. Программу широкихъ политическихъ и общественныхъ реформъ онъ ожидаетъ получить отъ общественныхъ дѣятелей и прежде всего отъ дѣятелей самоуправленія. Но очень скоро стала чувствоваться необходимость выступить съ болѣе опредѣленной программой и со своей стороны. Требуя большей дѣйственности со стороны общественныхъ силъ, журналъ тѣмъ самымъ долженъ былъ входить въ самостоятельную оцѣнку происходящаго вокругъ, а кромѣ того примѣнить и къ себѣ то самое требованіе дѣйственности, которое онъ ставилъ другимъ.

При этихъ условіяхъ оставаться на прежней неопредѣленной позиціи было невозможно.

При томъ же многочисленные сотрудники журнала не только вносили каждый свою особую окраску и свое индивидуальное пониманіе окружающаго и ближайшихъ цѣлей, но и вступали подчасъ между собой на столбцахъ журнала въ прямую полемику. Особенное вниманіе обратила на себя полемика между представителями двухъ различныхъ земскихъ настроеній, изъ которыхъ одинъ, подписавшійся „земскій гласный Т.“, въ горячихъ статьяхъ требовалъ гораздо большей активности отъ земцевъ, между тѣмъ какъ его противникъ, стоя также на безусловно конституціонной точкѣ зрѣнія, относился къ возможности яркой оппозиціонной борьбы въ земствѣ въ высшей степени скептически. Различіе теченій въ самой жизни среди широкихъ оппозиціонныхъ круговъ было, конечно, еще гораздо существеннѣе, чѣмъ это отражалось въ полемикѣ „Освобожденія“. И именно за это время это различіе ярко выступило наружу. Бесѣды Плеве и Витте съ Шиповымъ, какъ представителемъ объединяющихся земцевъ, и различное отношеніе къ этому факту и къ дальнѣйшему поведенію Шипова, затѣмъ преслѣдованія многихъ членовъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ и серія выговоровъ, бесѣдъ и писемъ выяснили цѣлую гамму настроеній и

взглядовъ среди земской оппозиціи. Съ другой стороны, труды уѣзныхъ комитетовъ, общій смыслъ которыхъ былъ—рѣшительное выраженіе полнаго недовѣрія правительству, вызвали разнообразнѣйшіе толки въ обществѣ и въ свою очередь дали болѣе опредѣленныя краски вмѣсто туманнаго понятія объ оппозиціи вообще.

Объединеніе всей либеральной оппозиціи, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось совершенно неосуществимой задачей.

„Освобожденіе“ беретъ болѣе опредѣленную ноту. Въ декабрѣ 1902 года, говоря въ № 12 объ извѣстной книгѣ Русскаго Патріота (Б. Н. Чичерина) „Россія наканунѣ XX вѣка“, Струве упоминаетъ уже не о борьбѣ съ самодержавной бюрократіей, а совершенно опредѣленно (въ первый разъ въ редакціонной статьѣ: въ статьѣ, подписанной буквами Л. Э. этотъ вопросъ ставился въ рѣзкой формѣ еще въ № 5) ставитъ вопросъ о необходимости конституціи, какъ замѣны самодержавія. При этомъ онъ считаетъ „безусловно обязательной и неотложной задачей времени“ организацію „большой дѣйствующей по строго обдуманному плану партіи политическаго освобожденія Россіи“.

Но наряду съ этимъ, побуждаемый событіями къ указанію формы немедленныхъ практическихъ требованій, Струве, въ связи съ постановленіями нѣкоторыхъ комитетовъ, предлагаетъ выставить такой спорный и непопулярный среди его русскихъ единомышленниковъ лозунгъ, какъ „земскій соборъ“, и считаетъ либеральными единомышленниками своими между прочимъ М. А. Стаховича, Н. А. Хомякова и Д. Н. Шипова несмотря на ихъ славянофильское отношеніе къ государственной власти.

Вызванный литературной полемикой и столкновеніями разныхъ теченій въ жизни поворотный пунктъ въ направленіи журнала обозначился въ № 17 (отъ 16 февраля 1903 г.), который имѣлъ въ свое время такое важное значеніе и столь часто затѣмъ цитировался.

Подъ общимъ заголовкомъ „Къ очереднымъ вопросамъ“ въ этомъ нумерѣ помѣщены двѣ статьи, первая подписана буквами **сс** (редакторъ рекомендуетъ автора, какъ одного изъ главныхъ участниковъ въ составленіи программной статьи „Отъ нашихъ конституціоналистовъ“), вторая—редакторомъ.

„Прежде чѣмъ организоваться, надо знать или рѣшить, кто, съ кѣмъ и куда пойдетъ вмѣстѣ“, говоритъ **сс**. И прежде всего вскрываетъ глубокое различіе между „идеалистами самодержавія“ „неисправимыми славянофилами“ (оба термина заимствованы у

Струве) въ земской оппозиціи и между ея дѣйствительно конституціонными элементами. Авторъ свидѣтельствуетъ о новомъ шагѣ, который надо сдѣлать. „Можно пожалуй, признать, что еще годъ тому назадъ мы, дѣйствительно, не имѣли достаточно данныхъ для опредѣленной группировки и опредѣленнаго рѣшенія относительно будущаго. Но теперь мы все это имѣемъ въ рукахъ".

„Нѣкоторое удобство самодержавно-конституціоннаго лозунга для пропаганды и демонстрацій въ земской средѣ, правда, было условно признано уже въ конституціонной программѣ „Освобожденія"... Но теперь обстоятельства измѣнились. Надо размежеваться: „О либеральной организаціи надо, конечно, думать и заботиться. Но при настоящемъ настроеніи земской среды приходится быть очень осторожнымъ; хорошо, если бы *создать* хотя бы *крѣпкіе кадры изъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ*".

И весьма цѣнныя послѣдствія земскаго движенія за предшествующіе мѣсяцы, и его внѣшняя безрезультатность однаково настоятельно указывали на необходимость этого именно шага въ работѣ по концентраціи элементовъ оппозиціи: на очередь стало созданіе совершенно опредѣленнаго по программѣ и способнаго къ активной дѣятельности оганизованнаго ядра.

Редакторъ въ своей статьѣ всецѣло присоединился къ основной мысли своего критика и повелъ ее далѣе.

„Истекшій годъ далъ русскимъ политическимъ дѣятелямъ значительный опытъ, и опытъ этотъ не можетъ пройти безслѣдно", говоритъ онъ и старается немедленно практически использовать опытъ, развивая брошенную имъ еще раньше (въ № 12) мысль о созданіи партіи. Если отбросить нѣкоторыя преувеличенія, то основныя черты, которыя должны опредѣлить новое ядро, намѣчаются здѣсь отчетливо и совершенно правильно. Струве выдвигаетъ два основныхъ положенія:

„I. *Партія должна быть открыто и рѣшительно конституціонной*... Это требованіе исключаетъ возможность привлекать въ партію лицъ, т. наз. славянофильскаго образа мыслей".

„II. *Партія должна быть открыто и рѣшительно демократической*".—„Только демократическая партія политическаго освобожденія Россіи будетъ имѣть необходимый для такой партіи широкій базисъ".—„Для того, чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и разночинецъ интеллигентъ, представитель третьяго элемента, и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія, партія

должна открыто и рѣшительно исповѣдывать принципъ политической равноправности. И потому въ ея программѣ необходимо ясное заявленіе въ пользу всеобщей подачи голосовъ".

„Помимо положительнаго рѣшенія вопроса о всеобщей подачѣ голосовъ *демократическій* характеръ партіи требуетъ *программнаго выясненія ея отношенія къ соціальнымъ вопросамъ, аграрному и рабочему.*"

Такимъ образомъ къ программному заявленію конституціоналистовъ, помѣщенному въ № 1, здѣсь предложены двѣ существенныя поправки: всеобщее избирательное право и необходимость выработать программу широкихъ соціальныхъ реформъ въ демократическомъ духѣ. Необходимость немедленнаго введенія этихъ двухъ дополненій въ программу мотивируется весьма вѣсскими практическими соображеніями: политическая пропаганда, которая является очередной задачей, не можетъ замалчивать такого довода противъ существующаго строя, какъ его несоотвѣтствіе самымъ вопіющимъ нуждамъ народной массы, а безъ опредѣленно выраженнаго требованія всеобщей подачи голосовъ немыслимо привлеченіе въ ряды партіи тѣхъ элементовъ, которые могутъ стать въ ней самыми энергичными борцами...

Помимо программы Струве ставитъ вопросъ и о будущей тактикѣ партіи. Здѣсь онъ ограничивается однако только самыми общими соображеніями. Онъ пишетъ: „Истинная политическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы, ясно оцѣнивая силы дѣйствительности, изъ тактическихъ соображеній не производить ампутацій программы, и изъ ложно понятой дактринерской вѣрности программѣ не упускать возможности реальныхъ успѣховъ"... Во всякомъ случаѣ, говорится далѣе, „условія русской дѣйствительности таковы, что широкая партія политическаго освобожденія должна построить всю свою тактику на умѣломъ, гибкомъ и неразрывномъ совмѣщеніи тѣхъ двухъ пріемовъ дѣйствія, которые извѣстны у насъ подъ названіемъ, одинъ — легальнаго, другой — нелегальнаго"...

Какъ мы видимъ, два фактора: 1) 8—9 мѣсяцевъ изданія журнала, вызвавшаго общеніе съ массой сочувствующихъ ему лицъ, толковъ и обсужденій среди „друзей" въ Россіи, и 2) движеніе въ земской средѣ — далеко продвинули впередъ въ практическомъ отношеніи вопросъ о формахъ концентраціи. Слишкомъ общую и отвлеченную постановку вопроса перваго нумера „Освобожденія" смѣнила гораздо болѣе опредѣленная программа и планъ дѣйствій. При опредѣленіи ея основаній значительно слиняли уже чисто

индивидуальныя краски перваго нумера, и получились формулы, очевидно прошедшія черезъ многократное обсужденіе и разнообразную провѣрку.

Въ статьѣ Струве указанъ ближайшій шагъ, но шагъ этотъ далеко не въ полномъ объемѣ былъ выполнимъ немедленно: совершенно правильно указывая, что назрѣла необходимость сплотиться тѣснѣе, и вѣрно указавъ, вокругъ какихъ основъ это должно быть сдѣлано, далѣе авторъ выставилъ преувеличенныя требованія. Включить въ программу перечень соціальныхъ реформъ слѣдовало; но думать, что создать такую программу можно немедленно, при самомъ образованіи болѣе однороднаго и болѣе оформленнаго ядра — значило требовать невозможнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правильно указывая на неизбѣжность въ ближайшее время организованной такъ называемой нелегальной работы, Струве впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, ожидая образованія теперь же настоящей *партіи*.

Потребовался еще цѣлый годъ работы на созданіе не партіи, а *политическаго союза*, который и приступилъ къ выполненію пока только части указанныхъ руководителемъ „Освобожденія“ задачъ.

IV.

Событія 1903 года какъ нельзя болѣе благопріятствовали той подготовительной работѣ, которую теперь предстояло совершить въ Россіи „друзьямъ“.

Годъ начался всероссійскимъ съѣздомъ учительскихъ обществъ въ Москвѣ, воочію обнаружившимъ повышенное настроеніе провинціи и сильно повліявшимъ на общественное мнѣніе. Корреспондентъ „Освобожденія“ называетъ этотъ съѣздъ самымъ крупнымъ явленіемъ московской жизни за послѣднее время (№ 19, стр. 333).

Въ правительственныхъ сферахъ положеніе опредѣлялось борьбой двухъ лицъ, Витте и Плеве, и общество съ интересомъ ожидало новаго поворота фортуны для того или другого изъ этихъ „временщиковъ“. Побѣда явно склонялась на сторону Плеве, этого, по выраженію „Освобожденія“, испытаннаго созидателя революціонныхъ настроеній. Запятія совѣщанія о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ шли вяло и утратили всякій живой интересъ. Передъ обществомъ выступали потуги какихъ-то преобразованій: бюрократическое творчество какъ бы подымало перчатку Струве, бросив-

шаго ему уже во вступительной статьѣ обвиненіе въ полной безплодности и подкрѣплявшаго это обвиненіе въ той или другой формѣ въ каждомъ № журнала; и еще убѣдительнѣе, чѣмъ Струве въ журналѣ, сама бюрократія воочію доказывала это безсиліе свое въ жизни.

А всякій разъ, когда могло казаться, что бюрократіи удастся что либо провести въ жизнь, общество въ ужасѣ предпочитало безплодіе своеобразному творчеству. Всѣ благія широкія начинанія сводились къ усиленію губернаторской власти и полиціи и къ подавленію послѣднихъ остатковъ общественной самодѣятельности.

Манифестъ 26 февраля не могъ внести никакой увѣренности въ близость обновленія. Дѣла на дальнемъ востокѣ все больше запутываются, и ихъ грозное значеніе начинаетъ чувствоваться обществомъ, а въ странѣ не прекращаются массовыя движенія и кровавыя расправы. Взамѣнъ аграрныхъ волненій прошлаго года въ мартѣ Россію облетаетъ вѣсть о златоустовской бойнѣ, въ которой гибнутъ десятки рабочихъ, женщинъ и дѣтей при залпахъ въ толпу по приказу губернатора Богдановича; стачечное рабочее движеніе широкой волной прокатывается по всему югу, а лѣтомъ рабочія волненія принимаютъ ужасающіе размѣры въ Одессѣ, причемъ въ агитаціи, предшествующей волненіямъ, съ полной несомнѣнностью обнаруживается рука правительственнаго агента Шаевича. На пасху (6—9 апрѣля) разразился знаменитый, первый по времени послѣ многихъ лѣтъ, Кишиневскій погромъ, вызвавшій яркіе отзвуки въ русской печати, особенно въ извѣстной статьѣ Набокова („Право“ № 18), озаглавленной: „Кишиневская кровавая баня“. Затѣмъ слѣдуетъ Гомельскій погромъ и Кишиневскій процессъ, протекавшій при закрытыхъ дверяхъ, но производившій тѣмъ не менѣе, значительное впечатлѣніе не только на Европу, но также, главнымъ образомъ черезъ „Освобожденіе“, и на русское общество. Террористическіе акты не прекращаются: 6 мая убитъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ.

Правительство продолжаетъ по своему устраивать Кавказъ и „завоевывать“ Финляндію настоящую и гораздо болѣе скромно отстаивающую свои ограниченныя права и свою призрачную самостоятельность, другую, внутреннюю, русскую Финляндію — многострадальное земство. Преслѣдованіемъ всякаго рода подвергаются отдѣльныя лица, но и всѣ остальные земцы чувствуютъ занесенную надъ ними и надъ самими земскими учрежденіями руку. На очередь поставленъ вопросъ о „демарка-

ціонной линіи", которая имѣетъ разъ на всегда установить границу между двумя воюющими сторонами: центральнымъ правительствомъ и земствомъ. Но вмѣсто успокоенія эта будущая демаркаціонная линія, которая невѣдомо гдѣ протянется, и должна быть проведена никѣмъ инымъ, какъ одной изъ воюющихъ сторонъ, виситъ надъ земствомъ, какъ постоянная угроза и развиваетъ оппозиціонный духъ въ самыхъ умѣренныхъ элементахъ. Вводимые въ западномъ краѣ органы земскаго хозяйства служатъ явнымъ memento mori русскому земству... Въ концѣ года производимыя при самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ ревизіи наиболѣе крамольныхъ земствъ служатъ явнымъ показателемъ той непримиримой войны, которая объявлена мѣстному самоуправленію...

Но пока на ряду съ угрозами и карами по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ Плеве еще занятъ выясненіемъ земскихъ настроеній. Земцы безпрерывно вызываются въ Петербургъ, одна комиссія смѣняется другой, и всѣ онѣ сопровождаются бесѣдами земцевъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а кромѣ того и въ гораздо еще большей мѣрѣ—бесѣдами земцевъ между собою. 24—25 апрѣля состоялось настоящее самочинное общее земское совѣщаніе предсѣдателей управъ и нѣсколькихъ независимыхъ земцевъ. Совѣщаніе обсудило положеніе вещей, ту линію, которой слѣдуетъ держаться въ бесѣдахъ съ министромъ и выработало планъ общихъ дѣйствій на ближайшихъ очередныхъ земскихъ собраніяхъ: рѣшено было возбудить на нихъ ходатайства о томъ, чтобы 1) законопроекты, касающіеся мѣстной жизни, предварительно передавались на обсужденіе земскихъ собраній, и чтобы 2) при вызовѣ мѣстныхъ людей въ центральныя учрежденія приглашались представители *всѣхъ* губернскихъ собраній и по выбору послѣднихъ, и чтобы собранія имѣли возможность обсудить предварительно тотъ предметъ, для котораго совѣщаніе созывается [1]). Ходатайства эти были затѣмъ заявлены 24 земскими собраніями [2]).

Какъ ни умѣренны были эти пункты, самый фактъ продолжающагося сплоченія и сговора признавался важнымъ оппозиціоннымъ дѣйствіемъ, а Плеве онъ вызывалъ на новые шаги противъ земства ..

Печать въ это время давили съ особымъ рвеніемъ, пус-

[1]) Объ апрѣльскомъ земскомъ совѣщаніи 1903 года очень обстоятельно разсказано у Бѣлоконскаго, Былое 1907, сентябрь, стр. 232—243. Но значеніе этого совѣщанія, какъ прочной организаціи, преувеличено, точно также, какъ и значеніе ужина 20 апр. для организаціи Союза Освобожденія.

[2]) Перечисленіе ихъ у Бѣлоконскаго, стр. 244.

кая въ ходъ наряду со старыми еще и новые пріемы личнаго воздѣйствія на журналистовъ, напоминающіе николаевскія времена. Однихъ вызываетъ для бесѣдъ самъ министръ, другихъ—директоръ департамента полиціи. Оппозиціонное раздраженіе въ литературныхъ кругахъ все повышается. Правительство не допускало послѣ закрытія Союза писателей открытыхъ организацій литераторовъ, но жизнь создала своеобразныя формы общенія, которыя особенно благопріятствовали возникновенію болѣе конспиративныхъ отношеній и рѣзко оппозиціонныхъ стремленій. Участникъ тогдашкихъ событій разсказываетъ: „Уже съ 1902 года литераторы собирались по нѣсколько разъ въ годъ на совмѣстные ужины. Собранія эти были правильно организованы: для того, чтобы стать ихъ членомъ, необходимо было подвергнуться баллотировкѣ особаго выборнаго комитета, въ шутку называвшагося комитетомъ „Кулинарнымъ“. Иногда эти ужины происходили съ гостями, и тогда число ихъ участниковъ возрастало до 200 и болѣе. На ужинахъ всегда разбирался какой нибудь животрепещущій общественный или политическій вопросъ, по которому и принимались резолюціи, систематически печатавшіяся въ „Освобожденіи“. „Кулинарный комитетъ“, число членовъ котораго достигало до 10, состоялъ почти поголовно изъ освобожденцевъ“ [1]).

Если общія условія подготовляли почву для созданія союза, то съ другой стороны и само „Освобожденіе“ облегчало эту задачу, попадая на мѣста и вызывая тамъ тѣ или другія группировки. Въ напечатанныхъ въ журналѣ письмахъ къ редактору можно хорошо прослѣдить организующее вліяніе журнала. Вотъ напр. что́ мы читаемъ въ № 22 „Освобожденія“. „За девять мѣсяцевъ своего существованія журналъ уже получилъ широкое распространеніе въ Россіи. Его не только читаютъ, вокругъ него организуются, такъ какъ, благодаря условіямъ доставки, каждый экземпляръ обслуживаетъ группу лицъ. Эти естественнымъ путемъ сложившіяся организаціи надо закрѣпить. Нужно, чтобы читатели превратились въ дѣятелей, и объединеніе ихъ дѣятельности должна взять на себя редакція „Освобожденія“. Далѣе говорится и о содержаніи работы группъ и дѣлается совершенно конкретное предложеніе о созданіи центральнаго кружка достаточно вліятельныхъ лицъ, которыя взяли бы на себя инициативу объединенія существующихъ кружковъ и созданія новыхъ. Письмо это вызвало за-

[1]) См. редакціонное примѣчаніе на стр. 36 „Историческаго Сборника“ „Наша Страна“ 1907 года.

тѣмъ сочувственный откликъ въ № 31. Рядомъ съ первымъ помѣщено еще письмо, гдѣ говорится о создавшейся уже въ другомъ городѣ мѣстной организаціи иного рода, предназначенной для сбора средствъ на освободительную борьбу.

Интересно отмѣтить, что и приливъ корреспонденцій съ мѣстъ постепенно все увеличивается и какъ разъ съ этого же № 22 (отъ 8 мая) заводится постоянный отдѣлъ „писемъ изъ провинціи“.

Наряду съ этими зародышами новыхъ организацій конечно укрѣплялись связи существовавшихъ ранѣе неоформленныхъ литературныхъ и общественныхъ центровъ. Кромѣ того нѣкоторую своеобразную роль игралъ основанный въ Москвѣ еще въ 1899 году кружокъ, носившій названіе „Бесѣда“. Основанная шестью земцами (въ томъ числѣ пятью предводителями дворянства) въ цѣляхъ выясненія вопросовъ мѣстной жизни и для содѣйствія единодушнымъ и авторитетнымъ заявленіямъ по назрѣвшимъ вопросамъ со стороны земскихъ и дворянскихъ собраній, „Бесѣда“ постепенно разростается и расширяетъ свою дѣятельность. Число ея членовъ однако никогда не было очень значительнымъ, оно росло очень медленно и дошло человѣкъ до сорока, но въ бесѣдахъ, которыя устраивались раза 2, 3 или 4 въ годъ и длились каждый разъ 2—3 дня, участвовало отъ 10 до 30 человѣкъ. Составъ ея фактически пополнялся исключительно изъ земской или помѣстной среды, но въ этой области „Бесѣда“ старалась захватить въ свои ряды побольше выдающихся и живыхъ людей, какъ то инстинктивно избѣгая впрочемъ слишкомъ ярко окрашенныхъ партійныхъ дѣятелей, которые могли бы стѣснить полную непринужденность обмѣна мнѣній и работу самостоятельной ихъ формировки. Уже съ 1901 года въ число вопросовъ, занимающихъ „Бесѣду“ все опредѣленнѣе вторгается вопросъ политическій, вызывая затѣмъ и прямое столкновеніе мнѣній, конституціоннаго и славянофильскаго. Совершенно откровенно ставя на свое обсужденіе основные политическіе вопросы, „Бесѣда“ однако въ цѣломъ не принимала опредѣленной политической окраски. Она сохранила до конца значительную пестроту состава, насчитывая въ своей средѣ представителей разнообразныхъ направленій и дорожа возможностью всесторонняго освѣщенія при ихъ участіи очередныхъ вопросовъ... Время сказывалось въ томъ, что число убѣжденныхъ и опредѣленныхъ конституціоналистовъ въ „Бесѣдѣ“ растетъ, какъ путемъ прилива новыхъ членовъ, такъ и путемъ естественной эволюціи среди старыхъ. Именно благодаря своему разнородному составу

„Бесѣда“ является важнымъ центромъ информаціи и завязыванія связей. А вмѣстѣ съ тѣмъ, не пытаясь навѣсить конституціонный ярлыкъ на весь кружокъ, въ ея средѣ сплачивается группа полныхъ единомышленниковъ, хорошо узнавшихъ другъ друга и получившихъ возможность при помощи обширныхъ земскихъ связей отлично слѣдить за настроеніями всей земской среды и въ надлежащій моментъ способствовать ея объединенію въ извѣстныхъ общихъ выступленіяхъ. Именно черезъ завязанныя въ „Бесѣдѣ“ связи старый земскій конституціонный кружокъ пополнился наиболѣе цѣнными новыми силами.

„Освобожденіе“ конечно способствовало въ весьма сильной мѣрѣ болѣе откровенной постановкѣ политическаго вопроса въ „Бесѣдѣ“. Безъ вліянія со стороны заграничнаго журнала та эволюція, которую пережила „Бесѣда“, была бы совершенно немыслима. Уже въ маѣ 1902 года, до выхода въ свѣтъ перваго № „Освобожденія“, въ „Бесѣдѣ“ читаются и обсуждаются программныя статьи, которыя должны въ него войти. Тѣ или другіе разговоры о журналѣ повторяются затѣмъ еще не разъ.

Скоро „Бесѣда“ расширяетъ и кругъ тѣхъ средствъ, которыми она стремится воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Не разъ подымается вопросъ объ изданіи своей зарубежной или внутренней газеты, но мысль эта, не соотвѣтствующая составу кружка, недостаточно объединенному опредѣленной идеей, не получаетъ осуществленія, зато прививается и достигаетъ значительныхъ результатовъ изданіе сборниковъ на очередныя политическія темы. Первымъ подобнымъ изданіемъ была книжка о выработанномъ при Боголѣповѣ проектѣ наказа училищнымъ совѣтамъ. Теперь можетъ быть непонятна роль этого перваго изданія „Бесѣды“, а въ свое время оно имѣло несомнѣнное политическое значеніе, объединяя интеллигентскіе, земскіе и даже дворянскіе элементы въ борьбѣ противъ новыхъ захватовъ бюрократіи въ лицѣ министерства Народнаго Просвѣщенія.

Затѣмъ слѣдуетъ изданіе такихъ сборниковъ, какъ „Мелкая земская единица“, „Нужды деревни“, „Крестьянскій строй“, „Аграрный вопросъ“, „Политическій строй“ [1]). Изданіе сборниковъ сближаетъ эту группу на живомъ общемъ дѣлѣ съ представителями интеллигенціи и подготовляетъ почву для общей по-

[1]) Было и одно заграничное изданіе брошюры одного изъ членовъ „Бесѣды“ — А. П. „Самодержавіе, бюрократизмъ и земство“, Берлинъ, 1902. Рецензія этой брошюры въ 74 стр. дана въ № 4 „Освобожденія“.

литической дѣятельности. Связующимъ звеномъ служитъ редакція „Права“, которую еще Плеве не стѣсняясь называлъ „succursale“ „Освобожденія“.

Такимъ образомъ перекидывался мостъ между земскими и литературными кругами.

Конечно, при всѣхъ этихъ условіяхъ приступить къ организаціи сплоченнаго ядра съ опредѣленными функціями не представляло большихъ затрудненій, и можно, пожалуй, удивляться, почему это дѣло такъ долго откладывалось. Приходилось однако думать о томъ, чтобы въ составъ новаго образованія вошли въ возможно значительномъ числѣ болѣе видные общественные и въ частности земскіе элементы, а для достиженія этой цѣли приходилось дѣйствовать неспѣша, необходимо было создать привычку къ совмѣстной дѣятельности, добиться естественнаго сближенія между собой различныхъ элементовъ и подготовить хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ программное соглашеніе, чтобы не расколоться послѣ первыхъ же шаговъ совмѣстной работы.

Поэтому всякое новое предварительное совѣщаніе, совмѣстное обсужденіе будущей программы и цѣлей было въ высшей степени важно для успѣха дѣла.

Самымъ значительныхъ въ рядѣ такихъ совѣщаній былъ конечно заграничный съѣздъ 20—22 іюля ст. стиля 1903 года. В. В. Водовозовъ, который самъ былъ однимъ изъ участниковъ этого съѣзда, считаетъ даже, что на немъ („на съѣздѣ въ Шафгаузенѣ“ или „на берегахъ Констанцкаго озера“) было „положено начало“ Союзу Освобожденія[1]), такое же значеніе придаетъ этому съѣзду и Бѣлоконскій [2]). Въ сущности однако на этомъ съѣздѣ были представлены далеко не всѣ кружки, принимавшіе участіе въ созданіи союза, и никакой рѣшающей силы постановленія съѣзда, въ которомъ было не болѣе 20 участниковъ, не имѣли. Но благодаря составу участниковъ, представлявшихъ различныя направленія въ средѣ „друзей“ „Освобожденія“, а также и самымъ условіямъ засѣданій, на которыхъ удалось обсудить весьма тщательно и неторопясь важнѣйшіе вопросы политической и экономической программы, это совѣщаніе выдвинулось изъ ряда другихъ и получило центральное значеніе. Помимо важ-

---

[1]) Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Спб. Декабрь 1905 г. Вып. I, стр. 6 и энцикл. словарь Брокгауза 3 дополнительный полутомъ, слово: „Освобожденія Союзъ“, стр. 354.

[2]) Былое, 1907 г., сентябрь, стр. 245.

ности принятыхъ рѣшеній, огромнымъ пріобрѣтеніемъ для дѣла была установившаяся связь между съѣхавшимися, изъ которыхъ нѣкоторые вовсе не были ранѣе знакомы другъ съ другомъ, а здѣсь они имѣли возможность близко присмотрѣться другъ къ другу и на собраніяхъ, и внѣ ихъ. Вытекавшая отсюда спаянность имѣла огромное значеніе для дальнѣйшей исторіи Союза. Но и самые матеріальные результаты совѣщанія были весьма цѣнны. Здѣсь впервые редакторъ „Освобожденія“ сошелся со значительной группой своихъ единомышленниковъ для систематической бесѣды. Намѣчены были общія директивы дальнѣйшей дѣятельности, разобраны сильныя и слабыя стороны положенія, между прочимъ разсмотрѣны и вопросы внѣшней политики и вѣроятныя послѣдствія вооруженнаго столкновенія на дальнемъ востокѣ, поставленъ впервые на общее обсужденіе аграрный вопросъ и признано необходимымъ выработать по нему опредѣленный планъ дѣйствій, при чемъ признавалась закономѣрность правительственнаго вмѣшательства въ аграрныя отношенія и выставлялся (хотя въ довольно ограниченныхъ предѣлахъ) принципъ принудительнаго отчужденія [1])... Впервые выставлено и названіе предположеннаго ядра—„Союзъ Освобожденія“, и послѣ продолжительныхъ преній именно форма *союза*, а не *партіи* признана болѣе отвѣчающей условіямъ даннаго момента. Намѣчены были и ближайшіе подготовительные шаги въ Россіи для созданія союза.

Участіе на этомъ съѣздѣ П. Б. Струве, за которымъ слишкомъ легко было установить наблюденіе, заставило придать совѣщаніямъ конспиративный характеръ. Они имѣли видъ туристической прогулки нѣсколькихъ группъ, сходившихся для бесѣдъ за столомъ въ разныхъ пунктахъ веселой мѣстности къ сѣверу отъ Констанцкаго озера. Первое засѣданіе происходило въ гостиницѣ для туристовъ на уединенномъ холмѣ въ Гогентвиллѣ, второе—въ мѣстечкѣ Радольфцеллѣ, третье и послѣднее—въ Констанцѣ. По окончаніи съѣзда продолжалось еще обсужденіе нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ среди небольшой группы лицъ; Струве спѣшилъ на назначенное имъ по другую сторону Констанцкаго озера, въ городкѣ Линдау, свиданіе съ Конст. Матв. Панкѣевымъ. Свиданіе это и состоялось въ присутствіи нѣсколькихъ друзей.

[1]) Послѣдствіемъ преній на этомъ съѣздѣ была помѣщенная затѣмъ въ № 33 „Освобожденія“ статья, подписанная буквой Л. (она принадлежитъ одному изъ участниковъ заграничнаго съѣзда): „Къ аграрному вопросу“. Въ ней находится прототипъ той постановки вопроса, которая развилась затѣмъ въ к.-д. программу.

Хорошо освѣдомленный о положеніи дѣлъ на югѣ новый знакомецъ далъ цѣнныя указанія по многимъ практическимъ вопросамъ, столь важнымъ для возвращавшихся домой участниковъ съѣзда въ виду предстоявшей теперь въ Россіи дѣятельности.

V.

Осенью 1903 года во время областныхъ выставокъ и съѣздовъ въ Ярославлѣ и Харьковѣ продолжались подготовительныя дѣйствія по организаціи мѣстныхъ группъ освобожденцевъ и по устройству съѣзда представителей этихъ группъ... Особенно важнымъ оказался спеціальный съѣздъ освобожденцевъ въ Харьковѣ 15 сентября [1]). Онъ чуть было не кончился проваломъ. Наканунѣ съѣзда арестованъ былъ хозяинъ квартиры, гдѣ съѣздъ долженъ былъ состояться. Наскоро пришлось нанять новую квартиру, обставить ее и предупредить съѣхавшихся. Все обошлось въ полицейскомъ отношеніи благополучно. Помимо общихъ организаціонныхъ дѣлъ по подготовкѣ учредительнаго освобожденческаго съѣзда здѣсь обсуждался вопросъ о привлеченіи къ болѣе активному участію въ движеніи земскихъ силъ. Привлекать ихъ въ ряды политическаго союза и не давать имъ яснаго и опредѣленнаго лозунга въ ихъ земской дѣятельности при настоящемъ грозномъ положеніи дѣлъ представлялось неправильнымъ. Возникъ вопросъ о возбужденіи конституціонныхъ заявленій по возможности во всѣхъ земскихъ собраніяхъ ближайшей сессіи, хотя бы со стороны меньшинства гласныхъ въ собраніи или даже ничтожныхъ по численности группъ. Постановка такой близкой конкретной цѣли вызывала необходимость немедленно напречь всѣ силы для выясненія и для организаціи искренно конституціонныхъ элементовъ въ земствахъ по всей Россіи и этимъ самымъ подвигалась впередъ и вербовка земскихъ силъ въ учреждаемый союзъ. Положеніе дѣлъ въ Россіи и на дальнемъ востокѣ давало въ руки конституціоналистовъ, которые рѣшились бы поднять свой голосъ въ собраніяхъ, сильные аргументы. Рабочія волненія на югѣ и обнаруженное участіе въ ихъ подготовкѣ правительственныхъ агентовъ, подавленіе земской самостоятельности, простое исчисленіе нашихъ расходовъ въ Манчжуріи, которые дости-

[1]) О съѣздѣ этомъ Бѣлоконскій разсказываетъ въ сентябрьской книжкѣ „Былого“ за 1907 г., стр. 257. У него перечислены (безъ указанія фамилій) и участники съѣзда.

гали 100 милліоновъ рублей въ годъ и превосходили общій бюджетъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ 34 губерній Россіи,— все это были факты слишкомъ краснорѣчивые, и сами по себѣ обязывавшіе земства, не откладывая, сдѣлать попытку вмѣшательствомъ своимъ направить пагубную политику правительства на другой путь. При томъ же политическій вопросъ, правда, въ самой урѣзанной формѣ, долженъ былъ выдвинуться въ собраніяхъ въ видѣ двухъ тезисовъ, выработанныхъ апрѣльскимъ совѣщаніемъ предсѣдателей въ Петербургѣ... Казалось необходимымъ наряду съ этой слишкомъ приспособляющейся формулой дать и другой, болѣе прямой и ясный лозунгъ.

Планъ начать кампанію въ этомъ направленіи былъ послѣ большихъ преній принятъ. Онъ давалъ возможность подойти къ земскимъ дѣятелямъ, отъ которыхъ можно было ожидать конституціонныхъ убѣжденій, не съ прямымъ предложеніемъ войти въ конспиративную организацію, гдѣ бы ихъ ожидала встрѣча съ неѣдомыми элементами, а съ приглашеніемъ на съѣздъ земскаго характера, но съ весьма ярко выраженной на немъ политической цѣлью, и путемъ такого съѣзда, помимо его непосредственной цѣли, еще подготовить вступленіе въ союзъ тѣхъ элементовъ, которые окажутся для этого годными и на это готовыми.

Предстояло немедленно начать большую работу по организаціи такого предварительнаго земскаго съѣзда и по приглашенію на него участниковъ изъ возможно большаго числа мѣстъ. Времени на это было менѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ созывать съѣздъ позднѣе 8 ноября, слишкомъ близко къ губернскимъ собраніямъ, не имѣло смысла. Подготовка съѣзда началась тотчасъ же, на довольно значительномъ земскомъ совѣщаніи, которое имѣло мѣсто тутъ же, въ Харьковѣ, въ слѣдующіе дни. Затѣмъ распредѣлены были между разными лицами губерніи, оповѣщены знакомые, завязаны новыя отношенія... И съѣздъ 8 ноября дѣйствительно состоялся въ Москвѣ. На него, помимо земцевъ, приглашены были и нѣкоторые безцензовые освобожденцы—литераторы, адвокаты и профессора. Удалось привлечь на него не менѣе 30 земцевъ и здѣсь положено основаніе организаціи съѣздовъ земской конституціонной группы, вскорѣ получившихъ кличку „*Новосильцовскихъ*“. Первое засѣданіе въ ноябрѣ 1903 года происходило на одной адвокатской квартирѣ. Второе, по приглашенію одного изъ участниковъ съѣзда, Ю. А. Новосильцова, у него, въ хорошо извѣстномъ Москвѣ Щербатовскомъ домѣ, которому суждено было стать затѣмъ мѣ-

стомъ столь многихъ съѣздовъ, собраній, совѣщаній и лекцій... Съѣхавшіеся земцы незначительнымъ большинствомъ голосовъ высказались *за* предъявленіе конституціонныхъ требованій въ ближайшихъ же земскихъ собраніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснена была вся рискованность такого шага, который не можетъ считаться достаточно подготовленнымъ и едва ли произведетъ поэтому надлежащее впечатлѣніе, а между тѣмъ онъ грозитъ устраненіемъ изъ ряда земскихъ собраній наиболѣе передовыхъ элементовъ и тѣмъ самымъ затруднитъ предстоящее дѣло организаціи политическихъ силъ въ странѣ...

Союзъ земцевъ-конституціоналистовъ превратился въ постоянное учрежденіе, поставившее себѣ цѣлью подготовку конституціонныхъ выступленій *черезъ годъ*, отъ внесенія же своихъ предложеній въ ближайшую сессію послѣ выясненія возможныхъ размѣровъ этого движенія въ ближайшемъ будущемъ пришлось отказаться. Во время этого съѣзда окончательно разработана была небольшимъ кружкомъ и организація въ январѣ 1904 года освобожденческаго съѣзда, намѣчены его участники и разобраны подготовительные доклады...

VI.

1904 годъ начался опять двумя большими открытыми съѣздами, на этотъ разъ въ Петербургѣ. Въ университетѣ засѣдалъ съѣздъ по техническому и профессіональному образованію, въ Дворянскомъ собраніи—Пироговскій. Провинціальная интеллигенція стянута была въ столицу въ огромномъ числѣ и снова демонстрировала свое настроеніе. Оба съѣзда кончили свое существованіе при самомъ энергичномъ воздѣйствіи администраціи, но только послѣ того, какъ собравшіеся показали, а главное сознали въ себѣ огромную силу объединеннаго дѣйствія. На частныхъ собраніяхъ повышенное настроеніе и рѣшительное недовольство высказывались еще откровеннѣе и рѣзче... И министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло полную возможность любоваться на плоды своей дѣятельности по революціонизированію страны.

Въ такой обстановкѣ состоялся 3—5 января 1904 года давно подготовлявшійся учредительный съѣздъ. Въ немъ приняли участіе избранные представители столичныхъ и провинціальныхъ освобожденческихъ группъ; лишь нѣсколько провинціаловъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ группы еще не образовались, были пригла-

шены непосредственно устроителями съѣзда. На сколько я могу перечислить по памяти, на съѣздѣ были представлены, кромѣ столицъ, еще слѣдующія мѣстности: Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Юрьевъ, Владиміръ, Вологда, Вятка, Кострома, Курскъ, Нижній, Орелъ, Самара, Саратовъ, Симферополь, Смоленскъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Тула, Черниговъ, Ярославль. Въ числѣ членовъ съѣзда мы снова встрѣчаемъ собесѣдника Струве и его друзей въ Линдау—Панкѣева, который былъ делегатомъ отъ Одесской группы.

Во всѣ образовавшіяся группы былъ предварительно доставленъ проектъ основныхъ положеній союза и перечень вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію. Засѣданія прошли безъ всякихъ инцидентовъ полицейскаго характера. Одинъ изъ членовъ съѣзда былъ арестованъ послѣ перваго засѣданія, но по дѣлу, не имѣющему непосредственной связи со съѣздомъ... Засѣдалъ съѣздъ въ весьма удобныхъ помѣщеніяхъ, всякій разъ мѣнявшихся, въ первый день у одного адвоката, во второй—у профессора и литератора, въ третій—на профессорской казенной квартирѣ въ спеціальномъ учебномъ заведеніи.

Первый споръ возникъ о названіи. Имя „Союзъ Освобожденія“ не сразу получило одобреніе. Сближеніе съ названіемъ журнала, основаннаго, какъ независимый органъ его редактора и по необходимости имѣющаго сохранить такую независимость и впредь, наряду съ выгодами имѣло и значительныя неудобства; указывалось на опасность, что всякій шагъ журнала будетъ ставиться на счетъ союза, вслѣдствіе чего волей-неволей послѣднему придется нести отвѣтственность за дѣйствія, въ которыхъ онъ не является полнымъ хозяиномъ. Другіе находили названіе недостаточно опредѣленнымъ, затемняющимъ сущность стремленій союза; съ этой точки зрѣнія тогда уже выдвигалось названіе „конституціонно-демократическая партія“... Но характеръ союза, а не партіи, по крайней мѣрѣ для того времени, очевидно больше отвѣчалъ неполной еще выясненности положительнаго содержанія программы; нѣкоторая неопредѣленность имени, значеніе котораго однако было особенно понятно и дорого широкой массѣ, имѣло свои преимущества, а указаніе въ имени союза связи съ заграничнымъ органомъ безъ полнаго отожествленія съ нимъ, было въ концѣ концовъ полезно. Наконецъ, выраженіе *Союзъ* находило поддержку и въ тѣхъ, кто особенно цѣнилъ мысль объ автономныхъ правахъ составляющихъ его группъ... Всѣ эти соображенія заставили сойтись на предложенномъ заграницей еще шесть мѣсяцевъ назадъ названіи.

Гораздо существеннѣе были пренія, которыя разгорѣлись вокругъ формулировки основныхъ цѣлей союза. Если по отношенію къ данному моменту огромное большинство признавало, что сейчасъ далѣе созданія союза не слѣдуетъ идти, то на предѣлы дальнѣйшей дѣятельности союза и на его желательное развитіе взгляды значительно расходились. Одни хотѣли все заранѣе предусмотрѣть и впередъ обусловить и задерживали постановленіе объ учрежденіи союза своими придирчивыми вопросами и скептическими замѣчаніями. Отъ зарождающагося политическаго тѣла требовали отвѣтовъ на такіе вопросы, которые онъ могъ разрѣшать только практикой. Даже въ этомъ собраніи изъ 50 человѣкъ, наиболѣе живо ощущавшихъ неотложность перейти къ общему дѣлу, все же принесена была дань нѣкоторому излишнему доктринерству, которое однако было устранено сравнительно легко. Другое теченіе, со стороны народнически настроенныхъ элементовъ, пыталось отчетливо оттѣнить, что союзъ имѣетъ цѣлью агитацію только въ извѣстныхъ болѣе обезпеченныхъ кругахъ и заранѣе ограничиваетъ соотвѣтственно этому свои средства воздѣйствія на общество. Это предложеніе, возобновляясь въ нѣсколькихъ редакціяхъ, было однако также отклонено. Члены съѣзда не могли стать въ положеніе людей, обрекающихъ себя завѣдомо на какую-то половинчатую дѣятельность и однобокую борьбу, и политиковъ, пишущихъ программу не для себя, а для кого-то посторонняго. Значеніе разногласія едва ли, впрочемъ, было въ то время оцѣнено въ полной мѣрѣ: въ сущности здѣсь ставился вопросъ о томъ, быть ли союзу только временнымъ тактическимъ боевымъ соединеніемъ, или же органическимъ началомъ демократической партіи. Съѣздъ своимъ постановленіемъ какъ будто отвергъ всякое ограниченіе и склонился въ пользу послѣдняго рѣшенія; но надо признать, что въ сущности это былъ лишь отрицательный вотумъ: съѣздъ не хотѣлъ ничего предопредѣлять, предоставляя рѣшеніе вопроса о будущей роли союза самой жизни и дальнѣйшему его развитію. Поэтому онъ отклонилъ всѣ предложенія о закрѣпленіи какихъ то стѣснительныхъ рамокъ, но онъ вѣроятно также отвергъ бы и всякое опредѣленное предложеніе противоположнаго характера...

Наконецъ, было еще возраженіе со стороны наиболѣе осторожныхъ земскихъ элементовъ противъ включенія въ изложеніе цѣлей союза въ соціально-экономической области выраженія: „защита интересовъ трудящихся массъ“. Не оспаривая необходимости включить въ формулу и указаніе на соціальныя задачи союза

возражавшіе противъ приведенныхъ словъ опасались, что въ нихъ можно усмотрѣть признаки соціализма; они считали ошибочнымъ затруднять доступъ въ союзъ тѣмъ элементамъ, которые не раздѣляютъ соціалистическихъ идеаловъ. Несмотря на явное недоразумѣніе, споръ разгорѣлся и шелъ довольно остро. Среди лѣвой части съѣзда, вообще склонной смотрѣть на союзъ, какъ на чисто политическое и временное соединеніе, такой излишній пуризмъ и боязнь безобидныхъ выраженій казались идущими ужъ слишкомъ далеко, и слова, о которыхъ одинъ изъ защитниковъ энергично заявилъ, „что въ нихъ соціализмомъ и не пахнетъ“, остались безъ измѣненія.

Довольно много вниманія было посвящено формулировкѣ отношенія къ національному и областному вопросамъ. Здѣсь было затронуто и нѣсколько существенныхъ темъ, а именно объ отношеніи къ Польшѣ, объ отношеніяхъ между національными и областными правами, но обсужденіе вело главнымъ образомъ къ выработкѣ достаточно ясной и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкой формулы: выраженіе—признаніе за народностями «права на самоопредѣленіе» нашли наиболѣе отвѣчающимъ цѣли, и оно съ легкой руки съѣзда вошло затѣмъ въ общій обиходъ, видоизмѣняемое и дополняемое сообразно обстоятельствамъ времени и мѣста. Общая формула признана была покрывающей и вопросъ о Польшѣ, объ историческихъ правахъ которой въ формулѣ не упомянуто ни словомъ.

Затѣмъ опредѣленіе сущности Союза принято въ слѣдующемъ (приблизительно) видѣ:

Союзъ Освобожденія ставитъ своей первой и главной цѣлью—политическое освобожденіе Россіи. Считая политическую свободу даже въ самыхъ минимальныхъ ея предѣлахъ совершенно несовмѣстимой съ абсолютнымъ характеромъ русской монархіи, Союзъ будетъ добиваться, прежде всего, уничтоженія самодержавія и установленія въ Россіи конституціоннаго режима. При опредѣленіи конкретныхъ формъ, въ которыхъ конституціонный режимъ можетъ быть осуществленъ въ Россіи, *Союзъ Освобожденія* употребитъ всѣ усилія, чтобы политическая проблема была рѣшена въ духѣ широкаго демократизма и, прежде всего, признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ.

Ставя на первый планъ требованія политическія, *Союзъ Освобожденія* признаетъ необходимымъ опредѣлить свое принципіальное отношеніе къ соціально-экономическимъ проблемамъ, выдвигаемымъ самой жизнью: въ области соціально-экономической политики Союзъ будетъ руководиться тѣмъ же основнымъ началомъ демократизма, ставя прямой цѣлью своей дѣятельности защиту интересовъ трудящихся массъ.

Съ сферѣ національныхъ вопросовъ Союзъ признаетъ право на самоопредѣленіе за различными народностями, входящими въ составъ Россійскаго государства. По отношенію къ Финляндіи Союзъ присоединяется къ требованію о возстановленіи государственно правового положенія, существовавшаго въ этой странѣ до противозаконныхъ нарушеній этого положенія.

Предложенный проектъ устава союза подвергся также весьма тщательному обсужденію. Онъ былъ принятъ въ концѣ концовъ единодушно, но по внесеніи въ него нѣсколькихъ важныхъ поправокъ. Въ предложенномъ проектѣ предполагалась довольно сложная система управленія, состоящая изъ комитета, совѣта и исполнительнаго бюро. Всѣ эти органы были замѣнены однимъ совѣтомъ, избираемымъ на годъ закрытой баллотировкой, безъ оглашенія именъ избранныхъ. Выдѣленіе всякаго рода исполнительныхъ органовъ предоставлялось затѣмъ всецѣло усмотрѣнію этого единаго дѣйствующаго постоянно съ полномочіемъ отъ съѣзда союзнаго учрежденія. Ему предоставлено неограниченное право кооптація въ свою среду по единогласному постановленію членовъ. Помимо весьма обширной компетенціи по дѣламъ союза ему же предоставлялось право входить отъ имени союза въ соглашеніе съ другими организаціями.

Союзъ представлялся состоящимъ изъ отдѣльныхъ мѣстныхъ и профессіональныхъ группъ, дѣйствующихъ автономно. Права ихъ по отношенію къ совѣту были опредѣлены. Высшій органъ союза, съѣздъ, составлялся изъ представителей группъ и долженъ былъ собираться совѣтомъ не менѣе одного раза въ годъ.

Принятіемъ названія, устава и *credo* союза исчерпались наиболѣе важные дебаты и горячія столкновенія. Да собственно этимъ и была выполнена главная и въ сущности единственная задача съѣзда. Онъ еще занялся, однако, разсмотрѣніемъ ряда представленныхъ докладовъ: объ основаніяхъ желательнаго государственнаго строя, о внѣшней политикѣ и о будущей тактикѣ партіи. Всѣ эти три доклада были привезены на съѣздъ московскими членами, между тѣмъ какъ болѣе практическіе вопросы объ уставѣ и основныхъ цѣляхъ партіи были подготовлены петербуржцами. Первый докладъ—о государственномъ строѣ—разсматривалъ вопросъ въ самой еще общей формѣ. Характерно, что изъ полицейскихъ соображеній, на случай захвата рукописи, докладъ былъ озаглавленъ „Объ австрійской избирательной реформѣ, изъ сочиненія Геллерта“. Для серьезнаго обсужденія даже основныхъ положеній будущей конституціи, за исключеніемъ такихъ кардинальныхъ пунктовъ, какъ общая компетенція представительства и всеобщее избирательное право, повидимому, еще не наступила пора. Однако доложенная записка съ ея курьезнымъ заглавіемъ имѣла извѣстное практическое значеніе: ея положенія послужили основаніемъ дальнѣйшихъ работъ надъ составленіемъ въ Москвѣ полнаго проекта конституціи.

Докладъ по внѣшней политикѣ былъ затѣмъ напечатанъ, къ

сожалѣнію уже послѣ начала войны, въ № 42 „Освобожденія“ подъ заглавіемъ „Либеральная партія и внѣшняя политика Россіи“. Онъ блестяще развиваетъ мысль о связи нашего внѣшняго безсилія и роковыхъ ошибокъ съ коренными грѣхами нашего политическаго строя. „Формирующейся русской либеральной партіи“ вмѣняется въ обязанность уяснить себѣ и формулировать истинныя задачи Россіи во внѣшней политикѣ. По существу вопроса авторъ говоритъ: „Нельзя закрывать глаза на то, что такое крупное дѣло, какъ активная политика на востокѣ съ постоянной перспективой войны съ Японіей и Китаемъ, является тормазомъ ко всѣмъ внутреннимъ реформамъ, которыя являются самой насущной потребностью страны, что такая политика поведетъ къ раззоренію и можетъ кончиться колоссальнымъ крахомъ, такъ какъ въ ней все равно, рано ли или поздно, придется уступить, но уже тогда, когда силы нашего государства будутъ подорваны и высосаны. Точно такъ же, какъ русскіе либералы выставляютъ на своемъ знамени широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія и полную демократизацію внутренней государственной политики, точно также они должны выставить громко, теперь же, отрицаніе политики хищническихъ авантюръ и неуклонную ликвидацію навязаннаго странѣ дара — Кореи съ Манчжуріей и Портъ-Артуромъ“. Интересна для настоящаго момента намѣченная въ концѣ доклада новая мысль: „Измѣненіе унизительнаго поведенія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и выясненіе той постыдной роли, въ какую вовлекло ее тамъ правительство, должно составить дальнѣйшее содержаніе либеральной пропаганды и либеральной программы въ области внѣшней политики“. Докладъ этотъ вызвалъ продолжительное обсужденіе нашего положенія на дальнемъ востокѣ, но разумѣется съѣздъ не могъ принять здѣсь никакихъ практическихъ постановленій, кромѣ, впрочемъ, выраженнаго пожеланія о выясненіи фактической стороны нашей дальневосточной авантюры.

Значительная часть послѣдняго доклада, о тактикѣ партіи, была также напечатана въ „Освобожденіи“, въ № 44. Въ напечатанной части заключается нѣсколько интересныхъ мыслей, выясняющихъ общую точку зрѣнія автора, но общіе выводы не представляли большого интереса послѣ принятія уже основныхъ положеній въ первомъ засѣданіи. Рядъ болѣе частныхъ предположеній, не помѣщенныхъ въ журналѣ, не вызвалъ особенно оживленныхъ преній: силы союза и возможность общихъ выступленій еще не выяснились и преждевременно было рисовать тактическій планъ.

Но если въ то время и особенно въ концѣ засѣданій съѣзда, когда онъ былъ заслушанъ, докладъ не могъ имѣть въ сущности практическаго значенія, за исключеніемъ развѣ только общаго ознакомленія членовъ съ точкой зрѣнія одного изъ теченій союза, то для насъ теперь онъ имѣетъ значеніе документа значительной цѣнности, такъ какъ въ немъ отразились тѣ настроенія, которыя одушевляли нѣкоторыхъ земскихъ идеологовъ движенія и тѣ ихъ запросы, за практическими отвѣтами на которыя они пришли въ Союзъ.

Вотъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ статьи „Освобожденія“ № 44. Она начинается словами: „Наступаетъ время, когда намъ приходится думать уже не объ однихъ общихъ принципахъ нашей программы, но и объ ихъ детальной практической разработкѣ. Событія русской жизни принимаютъ такой быстрый и угрожающій ходъ, что мы можемъ оказаться внезапно передъ перспективой общаго кризиса, когда будетъ поздно обдумывать нашу программу и организовать средства для ея исполненія“. „Теперь или никогда намъ надо приступить къ болѣе обдуманному и планомѣрному участію въ освободительномъ движеніи страны“. Высказавшись за монархическое начало, но отмежевавъ себя отъ славянофильства, авторъ ожидаетъ осуществленія реформы только при содѣйствіи „реальной и принудительной силы организованнаго общественнаго мнѣнія“.

До сихъ поръ все, въ томъ числѣ и упоминаніе о монархизмѣ, притомъ въ весьма осторожной формѣ, вполнѣ совпадаетъ съ общимъ теченіемъ основной идеи, развитіе которой мы прослѣдили въ первыхъ №№ „Освобожденія“. Но вотъ какъ понимаютъ составители *положительную* сторону своихъ исканій: „Опредѣленная съ отрицательной стороны, какъ партія переворота“..., „свое положительное основаніе наша партія находитъ въ утвержденіи свободы, какъ коренного требованія жизни. Въ этомъ началѣ мы видимъ не только разрѣшительное слово для всѣхъ общественныхъ нуждъ, не только самое мудрое практическое средство для современной нашей политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ то основное благо общественной жизни, которое мы цѣнимъ само по себѣ, независимо отъ его практическихъ результатовъ. *Въ свободѣ личности мы признаемъ альфу и омегу нашего политическаго символа вѣры*; въ нашей программѣ это вмѣстѣ и исходное начало, на которомъ все строится, и конечная цѣль, къ которой все направляется“. Не довольствуясь

этими подчеркнутыми нами словами о своей политической философіи, составители переходятъ и въ наступленіе. Далѣе говорится: „Мы считаемъ особенно важнымъ настаивать на этомъ въ русскомъ обществѣ, среди котораго не только реакціонныя, но и прогрессивныя партіи относились съ презрѣніемъ къ этому основному требованію общественности".

Не отрицая необходимости стремиться къ соціальнымъ реформамъ, авторъ и ее обосновываетъ на свободѣ всякой личности: „Аграрная реформа, фабричное и рабочее законодательство, вся совокупность задачъ экономической и соціальной политики должны найти мѣсто въ нашей программѣ, но все это на почвѣ и въ связи съ основнымъ нашимъ началомъ — свободой личности"... „Демократическій принципъ есть логическое и нравственное послѣдствіе либеральной программы, и какъ ни неясны отдаленныя перспективы демократіи, мы должны сказать: мы принимаемъ послѣдствія вмѣстѣ съ основаніемъ". Таково profession de foi этой группы, которая отъ либерализма пришла къ демократіи и смѣло пошла на встрѣчу той группѣ, которая черезъ демократизмъ шла къ либерализму и конституціи. Практически союзъ былъ возможенъ. Это хорошо видно изъ слѣдующаго мѣста статьи: „Въ развитіи русскаго либерализма демократическія тенденціи являются и прочной исторической традиціей, и насущной практической необходимостью. Всякій иной либерализмъ, кромѣ демократическаго, не имѣлъ бы въ русскомъ обществѣ почвы и не нашелъ бы въ немъ отклика. Прогрессивное развитіе русскаго земства давно уже намѣтило въ этомъ отношеніи путь, чуждый классовыхъ ограниченій и предразсудковъ и опредѣляющійся безсословнымъ общественнымъ мнѣніемъ".

Не лишено значенія въ смыслѣ устойчивости соглашенія и такое замѣчаніе въ концѣ статьи: „На терроризмъ сверху можетъ послѣдовать такой страшный отвѣтъ снизу, при которомъ на многіе и многіе годы спутается и смѣшается нормальное теченіе жизни".

Мы долго остановились на этомъ докладѣ и не поскупились на выписки изъ него. Думаемъ, они не лишни для пониманія психологіи той части съѣзда, участіе которой дѣлало его совершенно новымъ явленіемъ русской жизни...

На второй день съѣзда произведены были выборы 10 членовъ совѣта. Какъ указано выше, согласно устава, не только выборы

произведены путемъ подачи закрытыхъ записокъ, но и результатъ подсчета голосовъ не былъ оглашенъ.

Предсѣдатель (во всѣхъ трехъ засѣданіяхъ одно и то же лицо, мастерски справившееся со своей задачей, не смотря на свою принадлежность къ земскому меньшинству въ этомъ собраніи), подсчитавъ записки, поданные во второй день съѣзда, передалъ на другой день каждому изъ девяти избранныхъ и наличныхъ членовъ совѣта приглашеніе на первое его засѣданіе. Десятый членъ, лишенный права въѣзда въ Петербургъ, не присутствовалъ на съѣздѣ и былъ избранъ заочно. Этотъ отсутствовавшій членъ совѣта и былъ выбранъ затѣмъ его предсѣдателемъ.

Десять членовъ совѣта распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: четверо изъ нихъ были петербургскими литераторами, четверо — земцами и считались москвичами, хотя только одинъ жилъ въ Москвѣ, одинъ—кіевскій профессоръ, одинъ—харьковскій земецъ.

Въ засѣданіи совѣта подведены были итоги съѣзда и сдѣлана оцѣнка создавшагося положенія. Впечатлѣнія были безусловно благопріятныя, но различіе точекъ зрѣнія участниковъ, впервые сошедшихся въ рѣшающемъ важные вопросы вполнѣ свободномъ собраніи на положеніи совершенно равноправныхъ товарищей, обнаружилось значительное, и оно произвело сильное впечатлѣніе. Различіе это хорошо поймутъ всякій, сопоставивъ трезвый дѣловой характеръ основныхъ положеній, выработанныхъ въ Петербургѣ и принятыхъ съѣздомъ, съ приведенными выше отрывками изъ докладовъ, привезенныхъ изъ Москвы и полныхъ разсужденіями объ интересахъ государственности и о свободѣ личности. Однако же это самое различіе вызвало готовность работать надъ объединеніемъ въ общемъ дѣлѣ разнообразныхъ элементовъ. Далѣе намѣченъ былъ порядокъ общей работы и распредѣлены между отдѣльными членами важнѣйшія техническія и организаціонныя функціи. Совершенно выдѣлена забота по доставкѣ „Освобожденія“: для этого образована особая „техническая“ комиссія, которой поручено продолжать заведенное уже дѣло. Сношенія съ провинціальными кружками переданы „москвичамъ“, съ порученіемъ имъ образовать для этого соотвѣтственную организацію въ Москвѣ.

VII.

Предполагалось прежде всего направить работу на болѣе прочную организацію союза и его расширеніе. Можно было разсчиты-

вать на значительный ростъ числа членовъ и на образованіе множества новыхъ освобожденческихъ группъ, какъ вдругъ грозная туча, собиравшаяся давно на востокѣ, разразилась войной... И небольшое совѣщаніе, обсудившее въ Москвѣ съ участіемъ одного изъ петербургскихъ членовъ совѣта положеніе дѣлъ, а затѣмъ и совѣтъ Союза въ засѣданіи 19 февраля (въ Петербургѣ) должны были констатировать, что война внесла въ ближайшіе виды Союза и въ средства его воздѣйствія на общественное мнѣніе значительныя измѣненія.

Редактору „Освобожденія“, переживавшему совершавшіяся событія въ Штутгартѣ, показалось возможнымъ немедленно вмѣшаться въ ходъ исторіи и направить патріотическое одушевленіе на освободительную борьбу: 11 февраля онъ выпустилъ первый листокъ, въ которомъ призываетъ студенческую молодежь, принявъ дѣятельное участіе въ народныхъ манифестаціяхъ и не лишая ихъ характера овацій по отношенію къ арміи, какъ представительницѣ націи въ данныхъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ превратить эти манифестаціи въ громкое требованіе свободы для Россіи...

На столбцахъ „Освобожденія“ планъ этотъ немедленно вызвалъ энергичный отпоръ, подписанный опять буквами **сс.**, въ Россіи же такая постановка дѣла вовсе даже и не обсуждалась, такъ ясна была ея практическая несостоятельность. Петербургская группа союза со своей стороны приступила къ изданію спеціальнаго безцензурнаго листка, посвященнаго выясненію смысла переживаемыхъ событій, но начинаніе это не встрѣтило особаго сочувствія, и изданіе вскорѣ прекратилось.

При разнообразіи взглядовъ его членовъ и при сложности положенія молодому союзу трудно было выступать открыто съ оцѣнкой повседневной дѣйствительности, необходимо было пока сосредоточиться на организаціонной работѣ и выждать дальнѣйшихъ событій.

Но очередной организаціонной работѣ союза и былъ нанесенъ войной самый тяжелый ударъ. Политическая обстановка стала гораздо болѣе сложной, ходъ событій, а главное—исходъ ихъ—въ высшей степени неяснымъ и спорнымъ, отношеніе къ происходящему—далеко не одинаковымъ. А тѣ два главные элемента, которые вошли въ союзъ—земскіе дѣятели и представители интеллигенціи—и по своему положенію, и по внутреннему отношенію къ происходящему, оказались стоящими на разныхъ точкахъ. И время, особенно благопріятное пропагандѣ идей союза и широкой

вербовкѣ новыхъ членовъ, прошло черезъ три недѣли послѣ его основанія... Испытаніе было пережито благополучно. Только одинъ членъ совѣта покинулъ его, не выходя, впрочемъ, формально изъ союза. Но развитіе послѣдняго пошло вовсе не такъ, какъ это предполагалось при его основаніи, ростъ его нѣсколько замеръ и когда настало время проявить ему свою силу въ открытыхъ общественныхъ выступленіяхъ, то пришлось построить новые планы примѣнительно къ совершенно новымъ обстоятельствамъ. Таже война, которая въ свое время подрѣзала крылья союзу, придала ему такую силу, достигнуть которой въ началѣ и не мечталось въ столь близкомъ будущемъ...

Но все это пришло позднѣе. А въ февралѣ 1904 года приходилось переживать совсѣмъ другія настроенія. Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ союза земцевъ-конституціоналистовъ.

Назначенный на 23 февраля съѣздъ союза состоялся въ расширенномъ составѣ. Послѣ тщательнаго обсужденія организаціонное его бюро отклонило мысль о формальномъ включеніи земскаго конституціоннаго союза въ Союзъ Освобожденія въ качествѣ особой „профессіональной группы“. Главные мотивы отклоненія были практическаго свойства: при отсутствіи въ земской средѣ конспиративныхъ навыковъ подобное предложеніе въ значительномъ собраніи могло среди многихъ встрѣтить протестъ и съузить рамки земскаго союза, а вмѣстѣ съ тѣмъ могло имѣть плачевные результаты для обоихъ союзовъ въ полицейскомъ отношеніи. Независимо отъ этихъ соображеній и по существу дѣла рѣшеніе слѣдуетъ признать правильнымъ. Включеніе земцевъ въ Союзъ Освобожденія въ качествѣ сплоченной организаціи, которая заняла бы позицію на правомъ его крылѣ, было весьма нежелательно; тѣсное сближеніе между отдѣльными земцами и безцензовыми элементами внутри Союза Освобожденія отъ такого обособленія внутри его земскихъ элементовъ только бы проиграло, а развитіе земскаго союза, какъ составной части конспиративнаго союза, внося и въ него безъ нужды элементъ излишней конспиративности, отъ этого весьма сильно бы пострадало.

При нѣкоторой обособленности земскаго союза, въ этихъ такъ называемыхъ „Новосильцовскихъ“ съѣздахъ могли позднѣе участвовать такіе, напр., земцы, какъ гр. Гейденъ и другіе, а ихъ участіе было чрезвычайно важно для тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ союзъ. Формальная обособленность эта сохранялась до самаго

конца жизни обоихъ союзовъ, хотя въ центрѣ земскаго союза были сплошь освобожденцы, такъ что оба союза дѣйствовали въ близкомъ единеніи и составляли какъ бы двѣ связанныя другъ съ другомъ части одного сложнаго цѣлаго.

Главная цѣль земскаго союза осталась та, во имя которой онъ образовался три мѣсяца тому назадъ: подготовка конституціонныхъ выступленій на земскихъ собраніяхъ. Опредѣлять теперь же, при новыхъ и измѣнчивыхъ обстоятельствахъ, формы будущаго выступленія было трудно—за то съѣздъ конечно не могъ обойти другихъ злободневныхъ вопросовъ, не могъ не коснуться войны. Принято было по поводу ея особое обращеніе, немедленно изданное и получившее широкое распространеніе за подписью „Земская группа конституціоналистовъ". Въ этой лежащей сейчасъ передо мной печатной земской прокламаціи многое любопытно, особенно—ея отношеніе къ войнѣ,—и оппозиціонное, и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразное и глубоко отличное отъ интеллигентскихъ настроеній.

Вотъ ея текстъ:

Къ русскому обществу.

Мы не только переживаемъ серьезную минуту, но каждый изъ насъ сознаетъ, что въ недалекомъ будущемъ можетъ наступить историческій кризисъ для Россіи.

Настрадавшійся отъ пережитыхъ поруганій надъ его свободой дѣйствій, свободой мысли, свободой совѣсти—русскій народъ еще призванъ пережить годину тяжелаго испытанія войны. Благодаря строю нашей государственной жизни, не онъ явился и нынѣ вершителемъ своихъ судебъ: близорукая политика безотвѣтственной власти, помимо воли народа, довела его до кровавой развязки на Дальнемъ Востокѣ;—и теперь поддержаніе чести и славы Россіи—легло на русскій народъ: онъ призванъ проливать свою кровь, онъ призванъ жертвовать своимъ достояніемъ, своими сынами, чтобы отстоять Россію отъ врага.... И дѣлать это, сражаться за Россію, является теперь уже національнымъ дѣломъ. „Мы граждане Россіи"—вотъ лозунгъ времени, вотъ что долженъ подсказывать народный духъ. Но не византійскими адресами, не шовинистскими манифестаціями должны мы выражать настроеніе, а дѣломъ, крѣпостью духа, сознаніемъ важности историческаго мгновенія. Мы надѣемся, что эта година испытаній не пройдетъ даромъ въ развитіи Россіи въ смыслѣ ея внутренняго роста, въ развитіи ея самосознанія; мы надѣемся, что, отстоявъ Россію отъ врага внѣшняго, мы поможемъ отстоять ее и отъ врага внутренняго, отъ того произвола, который посылаетъ однихъ на смерть на поле безъидейной войны, другихъ въ застѣнки и Якутскую область. Безотвѣтственная власть душитъ всякое проявленіе самобытной силы народной въ его жизни, въ его мысли, въ его совѣсти... И въ настоящую минуту тяжелаго испытанія, когда душа народная должна быть высоко и чутко настроена, когда объединеніе во имя высшаго начала подсказывается любовью къ Россіи—и въ эту минуту эта власть остается вѣрной себѣ: облеченная полицейской силой, она производитъ повальные аресты, административныя высылки; она обостряетъ и раздражаетъ общественное мнѣніе;

она сама порождаетъ законный протестъ, который потомъ тщетно усиливается задушить, она грозитъ довести ею же созданную трагедію до кровавой развязки.

Мы надѣемся, что Россія выйдетъ обновленная изъ годины испытанія, она увѣруетъ и заставитъ всѣхъ увѣровать въ свою нравственную народную силу, отвоюетъ себѣ мирнымъ путемъ, напоромъ сильно пробудившагося общественнаго мнѣнія свои человѣческія права. Если въ годину испытанія этотъ русскій народъ способенъ на столь великій подвигъ для поддержанія Россіи въ войнѣ, идея которой является ему чуждой, то тѣмъ паче въ нормальное, мирное время способенъ онъ посвятить свои умственныя, душевныя и матеріальныя силы развитію и защитѣ близкихъ, кровныхъ, насущныхъ своихъ интересовъ. Русскому государю должно сдѣлаться ясно, что не въ чиновническо-бюрократическомъ строѣ сила Россіи, а въ бьющей свѣжимъ ключемъ молодой силѣ самого народа. *Только на почвѣ народнаго представительства* при органическомъ единеніи монарха съ народомъ, Россія почувствуетъ возможность правильнаго примѣненія своей давно просящейся къ жизни силы и вздохнетъ наконецъ полной грудью.

Земская Группа Конституціоналистовъ.

24 февраля 1904 г.

Мы привели цѣликомъ это воззваніе, такъ какъ оно даетъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи либеральныхъ земцевъ вообще и въ частности по отношенію къ войнѣ. Высказанныя по этому послѣднему поводу мысли въ заявленіи, составляли которое между прочимъ и земцы-освобожденцы, едва ли могли встрѣтить сочувствіе среди части ихъ товарищей по союзу... Но и самый фактъ новаго съѣзда въ данный моментъ, и всѣ дѣйствія, включая въ нихъ приведенную прокламацію, приходилось конечно признать шагомъ впередъ въ смыслѣ созданія активной земской конституціонной группы. На съѣздѣ нельзя было обойти только что совершившагося разгрома Тверского земства съ высылкой уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей за предѣлы губерніи, со смѣщеніемъ управъ губернской и уѣздной Новоторжской, замѣненныхъ назначенными лицами, и съ увольненіемъ массы служащихъ. Но дать немедленный отпоръ этому вопіющему акту кромѣ довольно туманнаго намека на него въ своемъ обращеніи земцы не нашли возможнымъ. Созданъ былъ здѣсь лишь отдѣльный союзъ для помощи потерпѣвшимъ отъ политическихъ преслѣдованій правительства выборныхъ и служащихъ по найму земцевъ и положено начало денежному фонду на это дѣло.

При всемъ важномъ значеніи союза земцевъ-конституціоналистовъ, развиваться на его счетъ Союзъ Освобожденія такимъ образомъ не могъ, и организаціонная работа должна была идти своимъ путемъ непосредственной вербовки членовъ. Разногласія въ отношеніяхъ къ войнѣ должны были неминуемо сказаться и здѣсь. Начавшійся помѣщенной въ двухъ нумерахъ полемикой

самого редактора съ —**СС**—, о которой мы сказали выше, обмѣнъ мнѣній объ отношеніи къ войнѣ продолжался въ „Освобожденіи“ (см. №№ 43, 45, 46, 48, 50), нерѣдко переходя въ рѣзкій споръ, и еще *25 іюня* помѣщено XIII по счету письмо этого обмѣна, въ которомъ авторъ, весьма видный членъ одной изъ московскихъ группъ, настаиваетъ на необходимости для партіи принять въ виду войны на ближайшее время пассивное положеніе [1]).

Организаціонная работа при этихъ условіяхъ шла не такъ быстро, какъ бы это было желательно, но все же не остановилась.

Начнемъ съ центральнаго органа союза.

Нѣсколько видныхъ членовъ совѣта были высланы администраціей по дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ союзу, и выкинуты изъ работы. Можетъ быть и 10 избранныхъ лицъ недостаточно полно представляли нѣкоторыя цѣнныя по своей дѣловитости теченія въ союзѣ—мы видѣли, что въ совѣтъ попали почти исключительно литераторы и земцы-цензовики. Убыль членовъ и ихъ малое число совѣтъ отчасти устранилъ кооптаціей нѣсколькихъ новыхъ [2]); онъ дѣйствовалъ безъ перерыва, собираясь приблизительно по разу въ мѣсяцъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ [3]). Въ основу организаціи союза была положена автономность составляющихъ его группъ. По этому на расширеніе состава союза совѣту особенно воздѣйствовать не приходилось. Группы сосѣднихъ губерній входили между собою въ общеніе, образовывались новыя. Особенно сильно развивались московскія группы, такъ что москвичи ожидали, что скоро не хватитъ буквъ для означенія всѣхъ группъ. Но общія неблагопріятныя условія скоро отразились и на ростѣ числа московскихъ группъ. Старѣйшая изъ нихъ, извѣстная группа А, соединяла въ себѣ особенно видныя силы союза, имѣла свой довольно значительный бюджетъ и оплачиваемаго секретаря; состоя главнымъ образомъ изъ земскихъ дѣятелей и имѣя въ своемъ составѣ нѣсколькихъ профессоровъ, группа служила естественной посредницей для сношеній съ широкимъ кругомъ вліятельныхъ лицъ въ Москвѣ и провинціи; однако своимъ вліяніемъ группа, какъ цѣлое, въ организаціонномъ отношеніи почти не пользовалась. Зато обсужденіе въ ней общихъ принципіальныхъ и тактическихъ вопросовъ и

---

[1]) Рѣзкій отвѣтъ на эту статью помѣщенъ въ № 52 „Освобожденія“.

[2]) Всего, если мнѣ не измѣняетъ память, было кооптировано до новыхъ выборовъ 7 лицъ.

[3]) Обстановка засѣданій, впрочемъ уже позднѣйшаго времени, описана отчасти въ ст. кн. Петра Долгорукова „Памяти гр. П. А. Гейдена“ въ Быломъ, 1907, августъ.

разработка разнаго рода проектовъ имѣли огромную цѣнность. Въ этой группѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ и разработка проекта, конституціи или по принятой терминологіи — „основного государственнаго закона Россійской Имперіи“.

Московскія группы объединялись въ одно цѣлое черезъ совѣтъ представителей отъ отдѣльныхъ группъ; совѣтъ этотъ имѣлъ свой уставъ, регулярныя засѣданія и особую кассу. Въ Москвѣ же былъ созданъ и областной центръ, и изрѣдка собирались для совмѣстныхъ совѣщаній представители губернскихъ группъ ближайшихъ городовъ. Объединяющія организаціи эти не успѣли однако особенно широко развиться. При тѣхъ цѣляхъ, которыя себѣ ставилъ союзъ, и въ той стадіи, которую онъ переживалъ, у многихъ его группъ было мало конкретнаго дѣла. Сношенія сводились главнымъ образомъ къ доставкѣ „Освобожденія“. И эта сторона была постепенно доведена до значительнаго совершенства, несмотря на нѣкоторую первобытность пріемовъ передачи и на сравнительную ограниченность тѣхъ силъ, которыя были ею заняты. Эти недостатки искупались самоотверженіемъ и спокойнымъ мужествомъ взявшихъ на себя трудное дѣло, и тѣмъ сочувствіемъ, которое они встрѣчали среди случайныхъ добровольцевъ.

Говоря о сравнительной простотѣ пріемовъ, я имѣю впрочемъ ввиду транспортировку и разсылку „Освобожденія“ по сю сторону рубежа: „водвореніе“ журнала въ Имперію напротивъ производилось довольно сложнымъ путемъ и требовало очень значительныхъ затратъ. Безъ всякихъ затратъ со стороны издателя или союза шло разумѣется снабженіе „Освобожденіемъ“ многочисленныхъ за эти годы русскихъ путешественниковъ. Этимъ естественнымъ и оплачивавшимся самими потребителями путемъ идеи „Освобожденія“ внѣдрялись пожалуй въ наибольшее число головъ и чрезъ посредство этихъ добровольныхъ и незнаемыхъ сотрудниковъ въ большомъ числѣ попадали и въ Россію. Отъ этого способа распространенія своего журналъ имѣлъ значительный доходъ. Другой путь требовалъ напротивъ и большихъ затратъ, и очень значительныхъ хлопотъ—это путь почтовой разсылки въ закрытыхъ конвертахъ, въ прейскурантахъ и т. под. Заграничная экспедиція, занимавшаяся этимъ дѣломъ, примѣняла массу разнообразнѣйшихъ пріемовъ для обхода всѣхъ понятныхъ его трудностей: безконечно видоизмѣняли внѣшній видъ конвертовъ и другихъ почтовыхъ отправленій, разсылку производили изъ разныхъ пунктовъ, подчасъ весьма отдаленныхъ отъ мѣста изготовленія контрабаднаго товара — Штутгарта, а съ октября

1904 года—Парижа; предназначенные для пересылки экземпляры печатались на весьма тонкой бумагѣ, и нумера раздѣлялись на части, чтобы не выдѣляться изъ обычныхъ писемъ по вѣсу пакетовъ, самые адреса, по которымъ посылался журналъ, постоянно смѣнялись... Но несмотря на всѣ эти усилія и очень значительную стоимость почтовой пересылки, только меньшая часть посылаемаго доходила по назначенію. Все же при сколько нибудь толковыхъ указаніяхъ мѣсныхъ группъ на подходящихъ адресатовъ этимъ путемъ немалое число экземпляровъ и притомъ сравнительно быстро попадало въ руки жадныхъ читателей и нерѣдко какъ разъ въ руки такихъ читателей, которые не рѣшались по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока здѣсь не развилась привычка или потребность читать свободное слово, дѣлать самостоятельныя усилія для добыванія нумеровъ другимъ путемъ. Но гораздо большее число экземпляровъ попадало конечно въ руки тѣхъ *щупальщиковъ* на почтѣ, работа которыхъ такъ картинно описана въ вылавливаемомъ ими „Освобожденіи“ (№ 26). Поэтому этимъ путемъ ограничиться не приходилось. Необходимо было перевозить литературу массой черезъ границу и затѣмъ распредѣлять ее уже здѣсь по назначенію. Сначала это дѣлалось при помощи добровольцевъ, часто удачно, иногда и неудачно. О нѣсколькихъ случаяхъ ареста съ литературой на границѣ мы узнаемъ изъ того же „Освобожденія“: уже въ № 10 отъ 12 ноября 1902 года сообщается объ арестѣ г-жи Житковой съ 200 экз. „Освобожденія“, въ № 49 (отъ 2 іюня 1904 г.) сообщается объ арестѣ на границѣ Д. Е. Жуковскаго. Было и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ. Самый громкій, развернувшійся въ грандіозный „первый (и въ сущности единственный) освободженскій процессъ“— это былъ арестъ въ ноябрѣ 1903 года на финляндской границѣ Е. В. Аничкова и А. В. Борманъ (Тырковой) съ значительнымъ транспортомъ „Освобожденія“ и изданныхъ редакціей его брошюръ.

Блестящая защита въ судебной палатѣ и въ сенатѣ М. Л. Мандельштама, доказывавшаго непримѣнимость къ подсудимымъ,—самого факта, конечно, не отрицавшимъ,—инкриминируемаго имъ преступленія [1]) (покушеніе на распространеніе), не убѣдила судей, и оба были приговорены къ лишенію особенныхъ правъ и къ заключенію на $2^1/_2$ года. При Высочайшей конфирмаціи приговоръ былъ смяг-

---

[1]) См. „Освобожденіе“, № 48, стр. 426—431 (подробный отчетъ о засѣданіи суд. палаты, происходившемъ при *„закупоренныхъ“* дверяхъ) и №№ 51—52 (рѣчь Мандельштама въ сенатѣ). О разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ см. также „Право“, 1904, № 27.

ченъ до года крѣпости безъ лишенія правъ. Е. В. Аничковъ отбылъ свое заключеніе, А. В. Борманъ, при содѣйствіи освобожденцевъ, уѣхала за границу, и 27 мая 1904 года въ № 10 листка редакторъ „Освобожденія“ привѣтствовалъ ее словами:

„А. В. Борманъ, осужденная по дѣлу о перевозкѣ „Освобожденія“, бѣжала и благополучно прибыла за границу. Мы крѣпко пожали ей руку“.

Ко времени этого рукопожатія русскіе читатели „Освобожденія“ обезпечены были гораздо болѣе совершенной системой водворенія этого изданія въ Россіи, чѣмъ то, за которое поплатились осужденные. При помощи одного весьма остроумнаго приспособленія журналъ удалось получать въ любомъ количествѣ, и вся задача сводилась къ его дальнѣйшему распредѣленію здѣсь. По нашей русской неряшливости и послѣдняя, самая все же простая часть аппарата, дѣйствовала далеко не безукоризненно. Группы получали часто не то, чего требовали, или гораздо позднѣе, чѣмъ это было бы возможно, образовывались залежи, которыя стѣсняли функціонированіе аппарата и занимали безъ толку драгоцѣнные пункты храненія...

Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, въ общемъ дѣло было поставлено весьма прочно и удовлетворительно. Самый способъ укупорки драгоцѣнной контрабанды былъ такъ остроумно придуманъ, что послѣ тщательнаго обыска, произведеннаго полиціей въ центральномъ складѣ вслѣдствіе одного посторонняго случайнаго обстоятельства, упакованная литература осталась цѣла... Черезъ три-четыре недѣли по выходѣ въ свѣтъ нумера „Освобожденія“ попадали массой въ руки провинціальнаго читателя. Я хорошо помню тотъ священный трепетъ, который ощутилъ одинъ видавшій на своемъ вѣку виды, но привыкшій къ кустарной работѣ въ этой области, литераторъ, попавшій случайно въ помѣщеніе, гдѣ были временно сосредоточены для разборки и распредѣленія нѣсколько большихъ транспортовъ свѣжаго товару...

Конечно, однако, этими экспедиціонными функціями при всей ихъ безспорной важности не могъ все же жить союзъ... А помимо нихъ рядовымъ членамъ принадлежность къ союзу вообще говоря давала мало работы. Пропаганда конституціонныхъ идей въ массахъ населенія всегда ставилась существенной задачей союза, но осуществить въ широкихъ размѣрахъ эту задачу было не такъ-то легко. Во-первыхъ, для этого кадры работниковъ были недостаточны. Во-вторыхъ, не было и подходящей литературы. Планы

подходящихъ статей и брошюръ обсуждались нерѣдко, пріискивались исполнители, но, въ условіяхъ конспиративной дѣятельности и при ограниченномъ кругѣ работниковъ, такіе планы осуществляются не вдругъ. Лѣтомъ 1904 года составлена и распространена въ довольно большомъ количествѣ отлично напечатанная первая чисто-освобожденческая прокламація „Народъ и война“. Текстъ ея, довольно обширный, перепечатанъ въ № 57 „Освобожденія“. Здѣсь, исходя изъ всѣми ощущаемой тяготы военной, авторъ поясняетъ причины войны. Не возбуждая протеста противъ несенія военныхъ тягостей, прокламація указываетъ однако на фактъ вовлеченія насъ въ ненужную войну, на нестроенія наши и на самыя народныя тягости, какъ на основаніе для народа потребовать участія въ управленіи... Изданіе этой прокламаціи или, вѣрнѣе, листка было затѣмъ повторено.

Нѣсколько позднѣе издана была союзомъ за границей и доставлена въ Россію и популярная брошюра „Каковы наши порядки и что нужно для улучшенія народной жизни“, май 1905 года, 48 стр., также весьма удачная. Брошюра эта была послѣ 17 октября переиздана книгоиздательствомъ Ефимова въ Москвѣ.

О нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ попыткахъ издательства мы еще упомянемъ. Нельзя не признать сдѣланнаго сравнительно ничтожнымъ. Правда, и времени на подобную дѣятельность у Союза было немного. Послѣ октября 1904 года всѣ силы Союза кипѣли въ постоянной непосредственной живой работѣ; тутъ было не до пропаганды въ массахъ, приходилось съ трудомъ поспѣвать за насущными задачами дня, но въ эти первые, сравнительно тихіе мѣсяцы жизни Союза слабость его кадровъ несомнѣнно сказалась. Выходъ напрашивался самъ собой. Надо было вербовать новыхъ членовъ, заниматься агитаціей, разъѣздами, пропагандой идей Союза среди интеллигенціи... Въ столицахъ это дѣлалось, хотя и здѣсь далеко не въ должной мѣрѣ, въ провинціи—необходимыя для этого поѣздки были развиты слабо, не было спеціальныхъ агитаторовъ и организаторовъ. Здѣсь болѣе всего и сказывалось вліяніе войны, дѣлавшей защиту первой очередной задачи союза,—вовлеченія въ общую политическую борьбу земскихъ силъ,—въ данный моментъ не изъ легкихъ.

Никакого *немедленнаго* выхода изъ положенія при помощи одной только организаціи общественныхъ силъ не рисовалось. И для общественной работы въ широкихъ кругахъ не было поэтому благопріятной почвы.

Впрочемъ, все здѣсь зависѣло отъ мѣстныхъ условій. И тамъ, гдѣ группа умѣла проявить достаточно иниціативы, особенно если она объединялась вокругъ какого-нибудь конкретнаго дѣла, напр., періодическаго органа печати, она жила интенсивной жизнью.— Нѣкоторыя изъ группъ представляютъ въ этомъ отношеніи блестящіе примѣры.

Во всякомъ случаѣ Союзъ пережилъ это первое столь неблагопріятное для его роста время безъ распаденія, безъ взаимнаго озлобленія и разлада, а также и безъ разгрома извнѣ. И, съ началомъ оживленія общественнаго настроенія, когда послѣ Плеве наступила „эпоха довѣрія", а военные шансы наши стали столь сомнительны, что авторитету правительства былъ нанесенъ тяжкій ударъ, Союзъ явился сразу сильной, готовой къ дѣйствію, крѣпко спаянной, хорошо освѣдомленной и быстро приспособляющейся къ обстоятельствамъ организаціей, которая въ значительной мѣрѣ направила первыя выступленія общественныхъ силъ.

VIII.

Во вторую половину 1904 года обстоятельства въ корнѣ измѣнились. Но въ обществѣ активность нарастала не особенно замѣтно и установить общій планъ дѣйствій было не легко.

Приходилось согласовать maximum требованій и maximum той силы, которая эти требованія предъявитъ. И при томъ не было основаній ждать немедленнаго, осмысленнаго и объединеннаго выступленія со стороны массъ населенія, надо было напречь всѣ усилія на то, чтобы конституціонныя требованія предъявили наиболѣе организованные элементы страны—земства, и чтобы достигнуто было значительное единодушіе, такъ какъ, чѣмъ дружнѣе и рѣшительнѣе выступили бы общественныя организаціи, тѣмъ меньшихъ потрясеній можно было ожидать при переходѣ къ новому строю.

Во всякомъ случаѣ имѣть земскіе элементы за себя было существенно важно. Но нельзя было ставить все движеніе сразу въ исключительную зависимость отъ земскихъ выступленій. Еще до смѣны внѣшней политической обстановки передъ Союзомъ возникаетъ вопросъ о тѣхъ путяхъ, по которымъ можетъ быть направлено настроеніе общества: несмотря на всѣ стѣсненія и на трудность единодушныхъ выступленій въ моментъ внѣшней войны все

яснѣе уже тогда чувствовалась невозможность оставаться безучастнымъ зрителемъ совершающейся драмы...

Въ томъ же № 52 „Освобожденія“, въ которомъ помѣщено извѣстіе о „концѣ ф.-Плеве“, черезъ три дня послѣ событія 15 іюля, имѣется статья Петроградскаго, озаглавленная „Слѣдующій шагъ“, хорошо отражающая предшествующее перелому во внутренней политикѣ исканіе путей. Авторъ скорѣе ставитъ вопросъ, не пора ли этотъ слѣдующій шагъ сдѣлать, не настало ли время воздѣйствовать помимо общественнаго мнѣнія также и на общественную волю, и, въ случаѣ положительнаго отвѣта, спрашиваетъ себя и другихъ, какъ именно къ этому приступить. Вопросъ этотъ совершенно точно отражаетъ то настроеніе, которое переживалъ Союзъ. Чувствуется неотложность *всесторонняго*, *общаго* перелома. И уже 1 августа 1904 года, за 15 дней до назначенія преемника министру внутреннихъ дѣлъ, передовая статья въ „Правѣ“, исходя изъ толковъ о кабинетѣ министровъ, опредѣленно ставитъ вопросъ: частичныя измѣненія невозможны: надо ждать или полной перемѣны курса, или старая система задушитъ всякую попытку маленькихъ улучшеній.

Когда затѣмъ назначенный министромъ кн. Святополкъ-Мирскій, очевидно, колеблется въ выборѣ путей, то же „Право“ выступаетъ съ рядомъ блестящихъ статей, которыя не оставляютъ ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ смыслѣ: единственный выходъ—въ конституціи; именно этотъ вопросъ поставленъ на очередь, и только съ нимъ приходится въ концѣ концовъ считаться министру.

Кампанія открывается 26 сентября знаменитой статьей князя Евгенія Трубецкого „Война и бюрократія“, съ ея приравненіемъ Россіи за время реакціи къ дортуару въ участкѣ и съ заключительными словами: „И престолъ, собравшій вокругъ себя землю, будетъ славенъ, великъ и силенъ“.

Черезъ недѣлю, 3 октября, редакціонная статья въ „Правѣ“ подходитъ къ вопросу не столь картинно, но еще болѣе вразумительно. Слово конституція еще не произнесено на столбцахъ печати. „Все, что угодно, только безъ этого слова“, настоятельно требуютъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Слова этого нѣтъ и въ статьѣ „Права“. Послѣдняя страница статьи носитъ очевидные для всякаго сколько-нибудь опытнаго глаза явственные слѣды борьбы изданія, выходящаго безъ предварительной цензуры, съ этой самой цензурой... Настояніямъ послѣдней, очевидно, при-

шлось уступить, но и безъ названія самая сущность понятна каждому. „Намъ нужны не реформы, а реформа, вотъ то крылатое слово, которое опредѣленно выражаетъ общественное настроеніе переживаемаго нами историческаго момента“, говорится въ статьѣ.

И печать настраивается сообразно этой опредѣленной директивѣ. И вмѣсто слова „конституція“ входитъ въ обиходъ столь же понятное слово „реформа“, въ противоположность „реформамъ“.

Въ кабинетѣ министра раздаются слова болѣе откровенныя, вещи называются тамъ своими именами. Подъ прямымъ воздѣйствіемъ петербургскихъ освобожденцевъ въ разговорахъ со Святополкъ-Мирскимъ отдѣльные земцы заявляютъ открыто: „конституція, вотъ что намъ нужно“; „говоря откровенно, дѣло идетъ о конституціи“...

Петербургскіе освобожденцы такимъ образомъ находятся тѣмъ или другимъ способомъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ правительственными сферами, оказываютъ на нихъ, гдѣ возможно, давленіе, освѣдомлены о господствующемъ настроеніи, а литературными выступленіями даютъ тонъ печати; вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ посредство московскихъ товарищей они могутъ взвѣсить ту силу общественнаго напора, которую слѣдуетъ ввести въ разсчетъ при опредѣленіи ближайшихъ шаговъ.

На долю московскихъ освобожденцевъ выпадаетъ, впрочемъ, не только одна информаціонная роль о настроеніи общественной массы, гораздо ближе къ цѣли ведетъ поставленная на очередь подготовка болѣе почвенныхъ и глубокихъ общественныхъ выступленій.

Еще въ августѣ здѣсь подготовляются два возможныхъ шага: подача конституціоннаго адреса государю и созывъ земскаго съѣзда.

Мысль о предъявленіи государю адреса группой свободныхъ общественныхъ дѣятелей съ откровеннымъ изложеніемъ положенія вещей и указаніемъ на необходимость созыва народныхъ представителей встрѣчала сочувствіе въ различныхъ кругахъ Москвы. При обсужденіи этого плана сходились люди, до сихъ поръ мало знавшіе другъ друга, и откликъ на него наглядно свидѣтельствовалъ о ростѣ общественной активности. Съ другой стороны, еще въ послѣднихъ числахъ августа двое изъ членовъ совѣта Союза Освобожденія, состоящіе вмѣстѣ съ тѣмъ членами организаціоннаго бюро общеземскихъ съѣздовъ, обратились къ Д. Н. Шипову съ пред-

ложеніемъ созвать земскій съѣздъ непремѣнно ранѣе губернскихъ земскихъ собраній, а для обсужденія этого вопроса настаивали на необходимости собрать тотчасъ бюро земскихъ съѣздовъ. Бюро это, со времени своего образованія въ маѣ 1902 года, когда на первомъ съѣздѣ въ него было избрано 12 членовъ и вся московская губ. зем. управа, ни разу не собиралось; вопросы, касающіеся земской организаціи, рѣшались путемъ частныхъ переговоровъ и болѣе случайныхъ совѣщаній, постановленія приводились въ исполненіе самимъ Дмитріемъ Николаевичемъ Шиповымъ съ добровольными помощниками. Большой надежды на успѣхъ предложенія о съѣздѣ у освобожденцевъ не было. Но сверхъ ожиданія мысль эта встрѣтила полное сочувствіе, и 8 сентября состоялось уже первое засѣданіе бюро и сдѣлано постановленіе созвать съѣздъ. Повидимому, возможность выхода общественнаго настроенія путемъ подачи адреса подкрѣпляла рѣшимость болѣе осторожныхъ элементовъ всецѣло примкнуть къ мысли о съѣздѣ, который давалъ имъ большую вѣроятность вліять на направленіе и исходъ движенія.

Совѣту Союза Освобожденія приходилось быстро приспособлять свою тактику къ новымъ условіямъ политической обстановки. Ясна была необходимость созвать немедленно новый съѣздъ Союза Освобожденія: надо было получить одобреніе предпринятыхъ шаговъ и развить далѣе дѣятельность въ томъ же направленіи, заручившись содѣйствіемъ Союза на мѣстахъ, или же рѣзко повернуть тактику въ какую-либо другую сторону. Уже 20 сентября назначенъ былъ день съѣзда Союза Освобожденія (20 октября) и распредѣлена вся подготовительная къ нему работа.

Въ томъ же засѣданіи совѣта въ Петербургѣ 20 сентября разсматривались оба предположенія москвичей—объ адресѣ и о земскомъ съѣздѣ—и послѣ долгихъ колебаній дано разрѣшеніе московскимъ товарищамъ свободно выбрать любое изъ этихъ средствъ или пустить ихъ въ дѣло одновременно.

Петербуржцы предпочитали, чтобы инициатива подачи адреса послѣдовала отъ какой-либо другой группы, внѣ союза (для такой воображаемой группы даже создался особый терминъ: *„нотабли“*), а чтобы болѣе лѣвые элементы сосредоточились на агитаціи о съѣздѣ. Однако, совмѣстная работа настолько укрѣпила взаимное довѣріе, что и на участіе въ агитаціи по подачѣ адреса московскимъ освобожденцамъ дано было разрѣшеніе, несмотря на ту плохую славу, которую создало такъ называемой „литера-

турѣ всеподданнѣйшихъ увѣщаній“ „Освобожденіе“. 22 сентября въ присутствіи одного изъ петербургскихъ членовъ совѣта въ московской освобожденческой группѣ *А* были оглашены и одобрены въ качествѣ пробныхъ опытовъ, подлежащихъ сообщенію лишь весьма ограниченному кругу лицъ, три наброска адреса... Переговоры на этой почвѣ продолжались. Но дѣла по созыву земскаго съѣзда скоро приняли такой оборотъ, что всякія концентраціи помимо этой, обѣщавшей быть и достаточно сильной, и достаточно рѣшительно настроенной въ пользу конституціи, оказывались излишними и сами собой отпали.

8 октября въ новомъ засѣданіи совѣта, опять въ Петербургѣ, обсуждался уже готовый тактическій докладъ, причемъ первый пунктъ его—предполагаемое выступленіе „нотаблей“ съ адресомъ—пришлось откинуть. Вопросъ о земскомъ съѣздѣ сдѣлалъ въ эти три недѣли такіе успѣхи, что дробить силы не было никакой надобности, и имѣть этотъ запасный ходъ представлялось излишнимъ.

Интересно было бы воспроизвести весь тогдашній тактическій докладъ освобожденческому съѣзду. Онъ былъ пѣликомъ написанъ и, надо надѣяться, гдѣ-либо сохранился и когда нибудь увидитъ свѣтъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками его текста, и приходится излагать его по редакціонному примѣчанію къ статьѣ Бѣлоконскаго „Къ исторіи земскаго движенія въ Россіи“ [1]). Рядъ предложеній совѣта второму съѣзду Союза Освобожденія приводится тамъ слѣдующій:

1) „Принять самое дѣятельное участіе въ предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и употребить всѣ силы, чтобы направить его на путь открытаго заявленія конституціонныхъ требованій;

2) имѣя въ виду, что 20 ноября исполняется сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ, организовать въ этотъ день черезъ своихъ членовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и возможно большемъ количествѣ другихъ городовъ *банкеты*, на которыхъ должны быть приняты конституціонныя и демократическія резолюціи, составленныя въ го-

---

[1]) Историческій Сборникъ, 1907 г., стр. 29. Обращаемъ вниманіе пользующихся статьей Бѣлоконскаго на рядъ существенныхъ неточностей на стр. 28, совершенно запутывающихъ весь ходъ событій. Въ началѣ страницы подъ видомъ совѣщанія у Новосильцова соединены два первые съѣзда земцевъ-конституціоналистовъ въ ноябрѣ 1903 и февралѣ 1904 г.; іюльскія же и сентябрьскія земскія совѣщанія, о которыхъ говорится далѣе, относятся къ 1905, а не къ 1904 году.

раздо болѣе рѣшительномъ тонѣ, нежели тѣ, которыя можно ожидать отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей;

3) поднять черезъ своихъ-членовъ земцевъ на предстоящихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ въ возможно большемъ числѣ ихъ вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и необходимости созыва для этой цѣли народнаго представительства на широко-демократической основѣ;

4) начать агитацію за образованіе союзовъ адвокатовъ, инженеровъ, профессоровъ, писателей и другихъ лицъ либеральныхъ профессій, организацію ихъ съѣздовъ, выборъ ими постоянныхъ бюро и объединеніе этихъ бюро какъ между собою, такъ и съ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей въ единый *Союзъ Союзовъ*".

Въ общемъ чрезвычайно точная формулировка тактическаго плана совѣта нуждается только въ одной поправкѣ или, вѣрнѣе, въ одной оговоркѣ: послѣдній, приведенный здѣсь, пунктъ, объ образованіи союзовъ и ихъ связующаго звена, въ тактическій докладъ *тогда* не былъ включенъ. Самая мысль о подобной самочинной организаціи и дальнѣйшемъ объединеніи общественныхъ элементовъ дѣйствительно все время имѣлась въ виду освобожденцами и какъ нельзя лучше отвѣчала общей ихъ линіи поведенія, да она являлась только дальнѣйшимъ развитіемъ того плана, который въ одной спеціальной области—земской—при дѣятельномъ участіи освобожденцевъ получалъ осуществленіе; правильно указываетъ редакторъ и на то, что „ставшее вскорѣ весьма громкимъ названіе „Союзъ союзовъ" было предложено въ совѣтѣ Союза Освобожденія"; точно также и мысль о томъ, что Союзу союзовъ (съ включеніемъ въ него и земскихъ силъ) придется, можетъ быть, въ свое время выработать общую платформу и явиться въ нѣкоторомъ родѣ Vorparlament'омъ, дѣйствительно высказывалась. Но, какъ опредѣленное практическое предложеніе, въ этотъ именно моментъ союзное движеніе еще не выставлялось, а выдвинуто было въ тактикѣ Союза позднѣе. Содержаніе тактическаго доклада ко II съѣзду Союза составили три первые пункта изъ перечисленныхъ выше.

Большія сомнѣнія возбуждалъ вопросъ о томъ, насколько цѣлесообразно сдѣлать земскій съѣздъ не только исходнымъ пунктомъ движенія, а и его главнымъ центромъ на дальнѣйшее время. У совѣта имѣлось практическое предложеніе со стороны засѣдавшей въ то время въ Москвѣ адвокатской группы пріурочить къ земскому съѣзду такія выступленія, которыя сразу сдѣлали бы его

центромъ гораздо болѣе широкаго общественнаго движенія и придали бы его требованіямъ особенный вѣсъ и силу. Въ засѣданіи совѣта при обсужденіи этого вопроса присутствовалъ нарочно прибывшій въ Петербургъ одинъ изъ извѣстныхъ московскихъ адвокатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ видныхъ московскихъ освобожденцевъ.

Несмотря на всю соблазнительность усилить такимъ образомъ эффектъ перваго выступленія, совѣтъ рѣшилъ отклонить предложеніе, пріурочивъ общественныя выступленія къ другой датѣ и не слишкомъ тѣсно связывая ихъ съ земскимъ съѣздомъ, результаты котораго предопредѣлить съ увѣренностью было трудно.

Помимо возможнаго поворота земскаго съѣзда правѣй высказывавшихся надеждъ, совѣтъ, отклоняя предложеніе, руководился еще двумя соображеніями: во-первыхъ, существующимъ недовѣріемъ общественныхъ круговъ къ земскимъ элементамъ, вслѣдствіе чего на практикѣ призывъ къ объединенію вокругъ съѣзда могъ вызвать, если не прямой отпоръ, то большія тренія и повести къ разъединенію общественныхъ силъ, и, во-вторыхъ, опасеніемъ, какъ бы подчеркиваніе такого *центральнаго* общеполитическаго значенія земскаго съѣзда не испугало его болѣе умѣренные элементы и не вызвало бы съ ихъ стороны сугубую осторожность и сдержанность.

IX.

Второй съѣздъ Союза Освобожденія собранъ былъ опять въ Петербургѣ, какъ и было назначено, 20 октября 1904 года. Политическая обстановка послѣ перваго учредительнаго съѣзда въ январѣ совершенно измѣнилась. Вмѣсто пропаганды конституціонныхъ идей и медленной организаціонной работы въ странѣ, предъ Союзомъ возникъ вопросъ объ организаціи такихъ дѣйствій, которыя бы вели къ немедленному осуществленію одной изъ основныхъ цѣлей Союза.

По внѣшности съѣздъ мало измѣнилъ свою физіономію противъ стараго: то же почти число съѣхавшихся—около 50, и приблизительно изъ такого же числа пунктовъ; новинкой явился только представитель *парижской* освобожденческой группы, да другой видный освобожденецъ, пріѣхавшій изъ Парижа безъ полномочій и приглашенный на съѣздъ совѣтомъ. Внѣшняя обстановка соб-

раній также напоминала первый съѣздъ. Первый день собрались у педагога и вмѣстѣ земца, во второй—въ большомъ кабинетѣ ученаго писателя, только третье засѣданіе носило нѣсколько необычный характеръ. Оно происходило въ квартирѣ съ аристократической обстановкой, хозяевъ которой не только не было на-лицо, но о нихъ и не полагалось ни знать, ни спрашивать. Членамъ съѣзда былъ извѣстенъ № дома и этажъ, куда имъ слѣдовало попасть, а вдадѣлецъ квартиры оставался неизвѣстнымъ. Но если число членовъ съѣзда и распредѣленіе по мѣстностямъ осталось прежнее, то въ ихъ отношеніи къ союзу и его задачамъ произошли значительныя измѣненія. Возникли различныя теченія, и все отношеніе къ очереднымъ вопросамъ опредѣлялось уже не общими представленіями о возможностяхъ, а опредѣленными взглядами, основанными на пережитомъ опытѣ.

Тактическій докладъ совѣта не встрѣтилъ существенныхъ возраженій: выступленіе земскаго съѣзда можно было считать обезпеченнымъ, необходимо было одновременно и въ связи съ нимъ организовать и выступленіе болѣе широкихъ общественныхъ круговъ съ соотвѣтственными заявленіями. Споръ о томъ, пріурочить ли эти заявленія къ съѣзду, придавъ имъ характеръ привѣтствій и полномочій послѣднему, или же не связывать движеніе съ этимъ актомъ, а перенести его къ такой датѣ, когда будущее земское выступленіе станетъ уже фактомъ, дойдетъ до провинціи и подвергнется оцѣнкѣ,—возникъ и на съѣздѣ. Послѣ выясненія фактическаго положенія дѣла и реальныхъ возможностей или, правильнѣе, фактической невозможности что либо широкое организовать въ столь короткій срокъ, рѣшеніе, согласное съ предложеніемъ совѣта, объ отнесеніи конституціонныхъ резолюцій къ болѣе поздней банкетной кампаніи, пріурочивъ ее къ 20 ноября, дню сорокалѣтія судебныхъ уставовъ, было принято весьма единодушно.

Напротивъ, значительныя разногласія, до конца не устраненныя, обнаружились во взглядахъ на ближайшее будущее самого Союза и его собственную тактику, какъ самостоятельнаго цѣлаго. Формально споръ шелъ о томъ, слѣдуетъ ли Союзу открыто заявить о своемъ существованіи и такой болѣе открытой дѣятельностью привлекать въ свои ряды новыхъ членовъ въ большемъ числѣ, или же продолжать прежній образъ дѣйствій, избѣгая громкихъ заявленій отъ имени Союза, а стараясь достигать поставленныхъ цѣлей на дѣлѣ, черезъ посредство обычныхъ пріемовъ общественнаго воздѣйствія: печати, органовъ самоуправленія, открытыхъ

съѣздовъ и обществъ... Здѣсь ставился вопросъ о томъ, считать ли одной изъ важнѣйшихъ задачъ Союза созданіе открытой широкой партіи, или же стараться использовать Союзъ самъ по себѣ, усиливъ его привлеченіемъ массы новыхъ членовъ и организовавъ спеціальныя яркія выступленія самого Союза, какъ такового. Странымъ образомъ многіе сторонники развертыванія Союза въ большую политическую партію должны были высказываться за сравнительно скромную его роль, чисто конспиративную, въ ближайшее время пока онъ носитъ характеръ Союза, и наоборотъ... За объявленіе во всеобщее свѣдѣніе о существованіи Союза, однако безъ превращенія въ „партію", высказалось большинство. Впрочемъ время и форма извѣщенія были предоставлены усмотрѣнію совѣта.

Наряду съ этимъ рѣшеніемъ принято было и другое, въ высшей степени важное: о постановкѣ на очередь разработки настоящей программы Союза взамѣнъ того краткаго изложенія его цѣлей, которое было выработано первымъ съѣздомъ.

Одно случайное обстоятельство помѣшало съѣзду подойти къ вопросу о программѣ вплотную. Въ основу обсужденія предполагалось положить проектъ, выработанный въ Парижѣ кружкомъ постоянныхъ работниковъ „Освобожденія", начиная съ его редактора, и нѣсколькими пріѣзжими освобожденцами. Присланная рукопись была доставлена съ большимъ запозданіемъ и могла быть доложена съѣзду только въ концѣ его занятій. Конечно, о какихъ либо рѣшеніяхъ при этомъ не могло быть и рѣчи. Да и по существу вопроса постановленіе съѣзда, разъ онъ признавалъ выработку программы своевременной, могло быть только одно: разослать проектъ по группамъ и обсужденіе программы сдѣлать затѣмъ предметомъ занятій слѣдующаго съѣзда. Такъ и было рѣшено.

Не былъ подвергнутъ обсужденію съѣзда и проектъ конституціи и избирательнаго закона, хотя текстъ обоихъ проектовъ былъ въ началѣ октября, послѣ многократнаго обсужденія въ частныхъ совѣщаніяхъ освобожденцевъ, въ Москвѣ и Петербургѣ при постоянномъ дѣятельномъ участіи особенно потрудившагося надъ составленіемъ текста избирательнаго закона Вас. Вас. Водовозова, окончательно установленъ и готовился въ это время уже къ печати. Проектъ этотъ, въ началѣ 1905 года выпущенный отдѣльной книжкой редакціей „Осво- божденія", такъ и не былъ никогда принятъ какимъ-нибудь отвѣтственнымъ органомъ Союза, но получилъ широкое распространеніе (между прочимъ, на земскихъ

съѣздахъ 1905 года) и несомнѣнно оказалъ вліяніе на дальнѣйшія работы по выработкѣ текста соотвѣтствующихъ проектовъ и даже вошедшихъ у насъ въ силу законовъ [1]). Кромѣ указанныхъ выше предметовъ, съѣздъ удѣлилъ еще не мало вниманія организаціи и финансамъ Союза и обсудилъ рядъ желательныхъ улучшеній заграничнаго журнала и способовъ болѣе живой и постоянной съ нимъ связи.

Произведены были и новые выборы Совѣта: изъ прежнихъ десяти непосредственно съѣздомъ избранныхъ членовъ переизбраны снова семеро, а трое, по разнымъ причинамъ отошедшіе отъ активной дѣятельности въ Совѣтѣ, замѣнены новыми: однимъ Петербуржцемъ, однимъ кореннымъ москвичемъ и однимъ земцемъ-провинціаломъ. Такимъ образомъ составъ совѣта почти не измѣнился, но введеніе двухъ новыхъ столичныхъ членовъ оказалось чрезвычайно важнымъ для работоспособности совѣта; въ обоихъ новыхъ товарищахъ совѣтъ пріобрѣлъ въ высшей степени цѣнныхъ работниковъ, которые въ послѣдующей исторіи Союза оказали ему неисчислимыя услуги. Какъ первый составъ совѣта, такъ и этотъ воспользовался затѣмъ правомъ кооптаціи: нѣсколько лицъ были кооптированы немедленно, затѣмъ случаи кооптаціи продолжались, и всего до августа 1905 года вошло въ совѣтъ 12 новыхъ лицъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ съѣзда совѣтъ выполнилъ данное ему порученіе огласить фактъ образованія Союза Освобожденія. Сдѣлано это было по поводу состоявшейся въ Парижѣ еще въ сентябрѣ конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій „Россійскаго Государства“ для обсужденія способовъ возможнаго согласованія ихъ дѣйствій. Въ конференціи приняли участіе и представители совѣта Союза Освобожденія. Всѣ почти соціалъ-демократическія организаціи (въ т. числѣ и „Бундъ“) устранились отъ участія въ конференціи, однако и принявшія въ ней участіе партіи согласовать свои столь разнородные между собой способы дѣйствія въ сущности не имѣли возможности. Признавалось однако далеко не лишнимъ сообща обсудить вопросъ о тѣхъ ближайшихъ

---

[1]) Полное изданіе съ предисловіемъ П. Б-ча Струве, введеніемъ, примѣчаніями къ отдѣльнымъ статьямъ (статей этихъ 80 въ основномъ законѣ и 45 въ избирательномъ законѣ) и объяснительной запиской только и имѣется это одно, заграничное. Одинъ текстъ проекта закона перепечатывался неоднократно и въ Россіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія и библіографію см. въ написанной В. В. Водовозовымъ статьѣ о Союзѣ Освобожденія въ энцикл. слов. Брокгауза, 3 дополнительный полутомъ, стр. 354.

цѣляхъ, которыя слѣдуетъ себѣ поставить съ точки зрѣнія практической политики, и по возможности смягчить взаимное недовѣріе и непониманіе.

Согласно уговора, тѣ организаціи, которыя признаютъ постановленія конференціи по отношеніи къ себѣ самимъ сохраняющими силу, должны были помѣстить въ своихъ органахъ протоколъ и декларацію конференціи къ 1 декабря новаго стиля 1904 года. Это и было выполнено въ „Освобожденіи“, при чемъ рядомъ съ этими двумя документами (протоколъ и декларація конференціи) опубликовано было и заявленіе Союза объ его существованіи и цѣляхъ. При такой обстановкѣ названіе Союза и исходящій отъ него съ явнымъ указаніемъ на это происхожденіе документъ въ первый разъ появляется въ печати.

Несмотря на то значеніе, которое придали этому соглашенію органы передовой печати въ Европѣ (Жоресъ въ „Humanité“, см. „Освобожденіе“ ,№ 61 и „Vorwärts“, „Осв.“ № 62), единственный практическій результатъ его и заключался въ самомъ фактѣ опубликованія трехъ указанныхъ документовъ. Практическая же дѣятельность Союза пошла согласно директивамъ съѣзда по другому пути.

Совсѣмъ независимо отъ какихъ-либо постановленій съѣзда и внѣ всякаго воздѣйствія совѣта, очень скоро послѣ второго съѣзда Союзъ получилъ одно изъ самыхъ могучихъ орудій воздѣйствія на общество, живую и вліятельную легальную газету, руководимую освобожденцами; за первой вскорѣ послѣдовала и вторая. Въ высшей степени сложный вопросъ объ отношеніяхъ между проводящимъ идеи партіи и руководимымъ ея членами печатнымъ органомъ и между установленными учрежденіями этой партіи, послѣ нѣкоторыхъ очень непродолжительныхъ колебаній, разрѣшился въ смыслѣ полнѣйшей формальной независимости газетъ отъ учрежденій. Независимости гораздо еще большей, чѣмъ независимость редактора заграничнаго изданія, который все же долженъ былъ постоянно сообразоваться съ жизнью Союза, несмотря на совершенно правильное заявленіе, сдѣланное имъ одновременно съ опубликованіемъ декларации въ ноябрѣ 1904 года; онъ тогда же заявилъ въ „Освобожденіи“: „мы считаемъ нужнымъ сейчасъ же подчеркнуть, что „Освобожденіе“ не есть вовсе органъ, уполномоченный говорить отъ имени „Союза Освобожденія“—по общему желанію нашихъ друзей и нашему, „Освобожденіе“ сохраняетъ свою полную независимость“.

Матеріальная и нравственная независимость новыхъ, въ сущности совершенно освобожденскихъ, петербугскихъ газетъ того времени была еще гораздо полнѣе. Объ обстоятельствахъ возникновенія первой изъ нихъ, „Нашей Жизни“, хорошо освѣдомленный авторъ примѣчаній къ статьѣ Бѣлоконскаго въ „Историческомъ Сборникѣ“ 1907 г. говоритъ: „При энергичномъ участіи членовъ „Союза“ 1 ноября 1904 года стала выходить первая „лѣвая“ газета „Наша Жизнь“. Выходъ въ свѣтъ этой газеты предположенъ былъ ея издателемъ значительно позже, но „освобожденцы“ рѣшили, во что бы то ни стало, приспособить ея появленіе ко времени земскаго съѣзда 6—9 ноября и даже на нѣсколько дней раньше его. Такъ какъ издатель на это не соглашался, то одинъ изъ членовъ совѣта „Союза Освобожденія“ гарантировалъ издателю уплату убытковъ, если газета будетъ въ это время закрыта, или если окажется въ теченіе ноября дефицитъ. Съ этой цѣлью былъ сдѣланъ этимъ членомъ совѣта на свое имя крупный денежный заемъ (быстро погашенный) у извѣстнаго Саввы Морозова. На эти деньги и начала издаваться „Наша Жизнь“ съ ноября 1904 года“ [1]).

Проповѣдью правового строя и необходимости представительства проникнутъ былъ каждый нумеръ газеты и, веденная талантливо и съ одушевленіемъ, она сразу получила огромное распространеніе и стала оказывать сильнѣйшее вліяніе на общественное мнѣніе, всюду будя его и осмысливая неясное броженіе... Черезъ нѣсколько недѣль (17 ноября) къ первой газетѣ присоединилась другая—„Сынъ Отечества“, издаваемая Юрицынымъ и опять-таки находившаяся въ освобожденческихъ рукахъ. Съ 10 ноября, на другой день по окончанія земскаго съѣзда, уже начались репрессіи противъ новыхъ газетъ: воспрещена розничная продажа „Нашей Жизни“; 29-го—получилъ третье предостереженіе и пріостановленъ на три мѣсяца „Сынъ Отечества“. Но газеты продолжаютъ свое дѣло, замѣняясь новыми, до начала февраля, когда онѣ были закрыты, но къ тому времени движеніе стало всеобщимъ и безъ ихъ содѣйствія.

Какъ мы видѣли, первымъ пунктомъ тактическаго доклада, утвержденнаго II съѣздомъ Союза Освобожденія, было постановлено—способствовать принятію конституціонныхъ резолюцій на земскомъ съѣздѣ...

Здѣсь не мѣсто подробно излагать исторію двухмѣсячныхъ подготовительныхъ дѣйствій по организаціи этого ноябрьскаго съѣзда.

---

[1]) Истор. Сборникъ „Наша Страна“, 1907 г., стр. 30.

У нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этой изумительной эпопеи, конечно, имѣются записи многихъ обстоятельствъ того времени, безъ использованія которыхъ не хочется возстановлять подробностей, полагаясь только на свою память. А въ общихъ чертахъ ходъ дѣла и такъ хорошо извѣстенъ (хотя бы по статьѣ Бѣлоконскаго): правительство своими противорѣчивыми мѣрами, то запрещая, то разрѣшая съѣздъ, постоянно ставя новыя условія, требуя измѣненія его мѣста и времени, сдѣлало все, что отъ него зависѣло, чтобы въ составъ съѣзда вошли и достаточно авторитетные даже въ іерархическомъ отношеніи (т. е. всѣ предсѣдатели группъ), и достаточно независимые и оппозиціонные элементы, и чтобы придать всему съѣзду легкій оттѣнокъ раздраженія, а его постановленіямъ—извѣстную рѣшительность. Однако же основное настроеніе земцевъ и само-по-себѣ благопріятствовало опредѣленно конституціонной линіи поведенія. Почва оказывалась слишкомъ благодарной, и на нее надо было немедленно перенести всѣ усилія. Работа все же предстояла немалая. Нелегко давалось съ одной стороны сохраненіе общеземскаго единства, а съ другой—приданіе ему опредѣленной конституціонной окраски. Черезъ два дня по окончаніи освобожденческаго съѣзда, 24 октября, начались въ Петербургѣ подготовленныя ранѣе частныя совѣщанія группы земскихъ и городскихъ дѣятелей, для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые должны быть поставлены на близкомъ общеземскомъ съѣздѣ. Организація этихъ совѣщаній принадлежитъ нѣсколькимъ членамъ московской „Бесѣды“, вступившимъ въ соглашеніе съ нѣсколькими изъ общественныхъ дѣятелей, живущихъ постоянно въ Петербургѣ. Первое изъ совѣщаній происходило на квартирѣ новгородскаго земскаго гласнаго И. А. Корсакова, дальнѣйшія—въ залѣ гимназіи Тенишева. Здѣсь была опредѣленно выдвинута земцами-освобожденцами необходимость откровенно указать на съѣздѣ единственный выходъ изъ настоящаго положенія—введеніе конституціоннаго строя; раздались возраженія, высказывались сомнѣнія: говорилось, что подымать этотъ вопросъ преждевременно и опасно, что мы еще неподготовлены къ представительству, что еще совершенно неясны тѣ формы, въ которыхъ оно могло бы быть осуществлено, но тезисъ о конституціи все же былъ принятъ послѣ того, какъ каждый изъ аргументовъ его противниковъ былъ разобранъ и разбитъ. Была формулирована и самая сущность предполагаемаго измѣненія государственнаго строя. Формула, принятая совѣщаніемъ, была затѣмъ переслана въ московское офиціальное бюро и потомъ на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ вне-

сена Н. А. Карышевымъ. На петербургскомъ совѣщаніи принялъ участіе въ бесѣдѣ и П. Н. Милюковъ, попавшій въ Петербургъ всего только на нѣсколько дней по дорогѣ изъ Парижа въ Америку. Его аргументы въ пользу возможности у насъ осуществить представительство оказали сильное вліяніе на участниковъ. Особенно подѣйствовали приведенные имъ факты изъ близко ему знакомой болгарской дѣйствительности; отставать отъ Болгаріи русскіе земцы не хотѣли, какъ и въ прежнія времена конца семидесятыхъ годовъ, въ дни дарованія конституціи со всеобщимъ избирательнымъ правомъ только-что освобожденной отъ политическаго ига, совершенно еще непросвѣщенной странѣ. Повидимому, факты изъ болгарской практики окончательно склонили къ постановкѣ конституціоннаго вопроса во всемъ его объемѣ долго колебавшагося гр. Гейдена, принимавшаго въ совѣщаніи весьма дѣятельное участіе.

Третій и послѣдній день занятій подготовительнаго совѣщанія совпалъ съ очереднымъ собраніемъ петербургскихъ литераторовъ: оба собранія соединились затѣмъ въ общей бесѣдѣ: прочитанная резолюція земцевъ о необходимости измѣнить форму государственнаго строя произвела сильное впечатлѣніе.

Въ Москвѣ предварительное обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ подняться на съѣздѣ, было пріурочено къ созванному на 2 ноября третьему съѣзду земскаго конституціоннаго союза (Новосильцовская группа). Здѣсь весь вопросъ подвергся опять всестороннему и весьма тщательному обсужденію, въ результатѣ котораго была выработана формула, близкая къ петербургской. На засѣданіяхъ этого съѣзда (въ квартирахъ Новосильцова и Саввы Морозова) присутствовалъ впервые, впрочемъ не столько въ качествѣ участника, сколько въ качествѣ внимательнаго наблюдателя,—кн. С. Н. Трубецкой.

Петербургскія и Московскія совѣщанія поколебали скептицизмъ конституціоналистовъ въ душѣ, но склонныхъ къ осторожной политикѣ земцевъ, и сплотили лѣвый флангъ съѣзда вокругъ тщательно выработанныхъ и сознательно воспринятыхъ формулъ... Этимъ до нѣкоторой степени обезпечивалась вторая задача, созданіе на съѣздѣ конституціоннаго большинства. Первая задача—сохраненіе единства земскихъ силъ на съѣздѣ—требовала болѣе тонкихъ пріемовъ убѣжденія, довольно тягостныхъ дипломатическихъ переговоровъ и уступокъ... Работа производилась въ бюро съѣздовъ подъ предсѣдательствомъ Ѳ. А. Головина. Нерѣдко

казалось, что вся возводимая постройка рухнетъ. Но время слишкомъ громко требовало сплоченности, и съѣздъ 6—9 ноября 1904 года въ Петербургѣ явилъ собою поразительный примѣръ подчиненія субъективныхъ настроеній и индивидуальныхъ убѣжденій интересамъ общаго.

Задача была исполнена: съѣздъ сохранилъ единство, далъ огромное большинство въ пользу опредѣленно конституціонныхъ постановленій и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательнымъ отношеніемъ къ мнѣнію меньшинства не толкнулъ его въ объятія правительства. Помимо основныхъ хорошо извѣстныхъ 11 знаменитыхъ пунктовъ, съѣздъ принялъ еще резолюціи о необходимости отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и о желательности амнистіи... [1]). „Иниціаторомъ этого предложенія былъ членъ Союза Освобожденія покойный проф. Н. А. Карышевъ, горячо поддержанный кн. Петромъ Дм. Долгоруковымъ, который, когда рѣчь зашла о томъ, кого амнистировать, сказалъ: „Мы здѣсь, господа, только еще храбрились, а они уже фактически проявили храбрость. О чемъ же тутъ разговаривать? Слѣдуетъ прямо высказаться за полное возстановленіе въ правахъ всѣхъ, безъ исключенія, пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія“ [2]).

Большое собраніе литераторовъ подъ предсѣдательствомъ В. Г. Короленко чествовало членовъ земскаго съѣзда на другой день послѣ подписанія ими ихъ конституціоннаго заявленія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Уже на съѣздъ поступило множество адресовъ, заявленій, привѣтствій и телеграммъ отъ разнаго рода группъ и учрежденій. Однако, второе выступленіе болѣе широкихъ круговъ общества согласно второго пункта принятаго съѣздомъ Союза Освобожденія доклада было пріурочено къ банкетамъ, состоящимся по всей Россіи 20 ноября или около этого числа. Такъ называемая банкетная кампанія прошла съ большимъ одушевленіемъ и полнымъ успѣхомъ. Въ легальную печать вслѣдствіе цензурныхъ мѣръ [3]) проникли только немногія изъ резолюцій,

---

[1]) Свѣдѣнія о земскомъ съѣздѣ 6—9 ноября помѣщены въ „Быломъ“ 1907 г. мартъ (ст. Бар. Будберга, здѣсь напечатаны и 11 пунктовъ) и въ „Историческомъ Сборникѣ“ 1907 г. (ст. Бѣлокопскаго „Къ исторіи земскаго движенія въ Россіи“, стр. 29—35. Здѣсь напечатаны остальные тезисы, принятые съѣздомъ). Журналы съѣзда напечатаны полностью въ Москвѣ въ 1905 году.

[2]) Бѣлокопскій, тамъ же, стр. 35.

[3]) Уже 2 декабря 1904 года былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ: „по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 уст. о цензурѣ и печати, Главноуправляющій по дѣламъ печати пред-

принятыхъ на банкетахъ, но все же эти немногія постановленія были напечатаны и произвели свое дѣйствіе а кромѣ того, повторяясь почти во всѣхъ сколько нибудь крупныхъ центрахъ, банкеты эти и безъ содѣйствія печати объединили вокругъ конституціоннаго лозунга массу интеллигенціи въ странѣ. „Право“ подвело общіе „итоги юбилея“ въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, за что и получило второе предостереженіе.

Третье требованіе тактическаго доклада на съѣздѣ Союза Освобожденія состояло въ предъявленіи опредѣленныхъ конституціонныхъ заявленій на земскихъ собраніяхъ. Здѣсь Союзу было всего труднѣе воздѣйствовать: имѣя своихъ членовъ въ большинствѣ губернскихъ земскихъ собраній, онъ однако нигдѣ не располагалъ большинствомъ... Почти всѣ губернскія собранія въ той или другой формѣ отозвались на событія, по большей части въ видѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, и въ большинствѣ ихъ мысль о представительствѣ была выражена. Но только два собранія—Саратовское и Тверское—раскрыли въ своихъ постановленіяхъ всю формулу всеобщаго избирательнаго права, другія собранія ограничились гораздо болѣе общими выраженіями. Тѣмъ не менѣе подача земскихъ адресовъ производило также сильное впечатлѣніе. Тексты размножались, передавались изъ рукъ въ руки, недостаточно откровенный и рѣшительный языкъ заявленій объясняли всегдашней осторожностью земцевъ; во всякомъ случаѣ повсемѣстное обсужденіе политическихъ вопросовъ во время земскихъ собраній, хотя нерѣдко и въ частныхъ закрытыхъ совѣщаніяхъ, служило краснорѣчивымъ признакомъ новыхъ завоеваній политической мысли.

Въ высшей степени важнымъ было присоединеніе къ земскимъ заявленіямъ и московской городской думы, сдѣлавшей опредѣленное конституціонное постановленіе 30 ноября. Удѣльный вѣсъ этого факта хорошо поняла даже заграничная печать. Вотъ что писалъ такой органъ, какъ „Neue Freie Presse“: „Матушка Москва присоединила свой голосъ къ мощному всероссійскому хору, который поетъ отходную старой Россіи. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что упорная историческая эволюція, начавшаяся полвѣка тому назадъ, неудержимо стремится къ своей цѣли“ [1]).

лагаетъ редакторамъ періодическихъ изданій не печатать отчетовъ, сообщеній и статей о какихъ либо касающихся измѣненія нашего строя,—адресахъ, постановленіяхъ, заявленіяхъ и рѣчахъ, имѣвшихъ мѣсто въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ, а равно въ собраніяхъ ученыхъ и другихъ обществъ и частныхъ лицъ (такъ называемыхъ „*банкетахъ*“).

[1]) Цитировано по „Освобожденію“, № 63, стр. 229.

Съѣздъ Союза не предусмотрѣлъ этого выступленія. Тѣмъ менѣе могъ онъ ожидать, что *кое въ чемъ* онъ будетъ поддержанъ и представителями дворянства. А между тѣмъ въ это время даже и они поняли необычайность момента и не сочли возможнымъ молчать или поощрять сохраненіе существующаго порядка во что бы то ни стало.

Поданная въ декабрѣ министру внутреннихъ дѣлъ записка 23 предводителей подвергаетъ рѣзкой критикѣ всю нашу административную систему, въ столкновеніи администраціи съ обществомъ всецѣло винитъ первую и находитъ необходимымъ „измѣнить условія дѣятельности административныхъ органовъ такимъ образомъ, что тѣмъ или инымъ путемъ, но будетъ дѣйствительно достигнута законность дѣйствій администраціи, будутъ сдерживаемы всякія попытки ея самовластія и рядомъ съ этимъ будетъ измѣненъ существующій нынѣ исключительно бюрократическій порядокъ составленія новыхъ законопроектовъ“. Правда, предводители находили, что цѣль ихъ можетъ быть легко достигнута „при полномъ сохраненіи вѣковыхъ принциповъ нашего государственнаго самодержавія“. Но все же они считаютъ необходимымъ „привлечь выборныхъ представителей сословныхъ, земскихъ и городскихъ обществъ къ правильно организованному участію въ разработкѣ и составленіи новыхъ законопроектовъ и правительственныхъ мѣропріятій“... и „установить дѣйствительный контроль надъ законностью дѣйствій администраціи“.

Московскій губернскій предводитель дворянства кн. П. Н. Трубецкой, объясняя министру внутреннихъ дѣлъ мотивы, заставившіе его допустить губернское собраніе подать конституціонный адресъ, въ получившемъ широкое распространеніе письмѣ своемъ отъ 15 декабря рисуетъ опасное положеніе, которое переживаетъ страна, и говоритъ между прочимъ:

„На-дняхъ я имѣлъ счастіе представляться Государю и докладывалъ Ему искренно и правдиво, какъ могъ и умѣлъ, о состояніи, въ которомъ находится общество.

Я старался объяснить Ему, что то, что нынѣ происходитъ, n'est pas une emeute, mais une révolution; что вмѣстѣ съ тѣмъ русскій народъ толкаютъ въ революцію, которой онъ не хочетъ и которую Государь можетъ предотвратить.

Но путь для этого одинъ, единственно одинъ. Это путь царскаго довѣрія къ общественнымъ и сословнымъ силамъ.

Я горячо убѣжденъ всѣми силами своей души, что, пожелай

Государь довѣрчиво сплотить эти силы вокругъ себя,—Россія избавится отъ всѣхъ ужасовъ нависшей надъ ней кровавой смуты, поддержитъ своего Царя и Его самодержавную власть и волю"...

Конечно, дойдя до дворянскихъ верховъ, конституціонный лозунгъ прозвучалъ причудливо и очень далеко отъ первыхъ призывовъ. Но мысль о неизбѣжности существеннаго поворота и о необходимости представительства охватила всю страну и увлекла за собой всѣхъ.

Насколько въ планы Союза входило способствовать опредѣленному заявленію русскаго общественнаго мнѣнія въ пользу конституціи и насколько задача эта могла получить осуществленіе, она была исполнена блестяще. Въ этомъ отношеніи дѣло Союза можно было считать исчерпаннымъ.

XI

Голосъ страны прозвучалъ достаточно громко. Въ указаніи на необходимость представительства онъ былъ совершенно единодушенъ. Но одно это единодушіе не могло поколебать стѣнъ старой крѣпости. Начался новый актъ исторической драмы: дѣятельная борьба силъ, къ которой въ свою очередь долженъ былъ приспособляться Союзъ.

Въ „Освобожденіи" уже въ послѣднемъ ноябрьскомъ нумерѣ 1904 года въ двухъ статьяхъ указываются пути дальнѣйшаго самочиннаго выступленія разныхъ организованныхъ и имѣющихъ организоваться общественныхъ силъ; кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ № 61 является слѣдующее предложеніе: „Должна быть начата всероссійская агитація въ пользу созыва земскаго собора помимо и даже противъ воли правительства. Въ заранѣе назначенный день, напримѣръ, на какихъ-нибудь праздникахъ, въ столицу должны съѣхаться съ разныхъ мѣстъ русской земли представители населенія, они должны устроить всероссійскій съѣздъ и разрѣшить вопросы: о прекращеніи войны и объ измѣненіи государственнаго строя".

7 января 1905 г. въ № 63 печатается навѣянное указанными выше статьями письмо, озаглавленное „Къ вопросу о практическихъ пріемахъ". Здѣсь планъ о самочинномъ всероссійскомъ собраніи разрабатывается во всѣхъ подробностяхъ съ распредѣленіемъ ролей между земствами, печатью, городскими думами, корпораціями

юристовъ, профессоровъ, инженеровъ, докторовъ, различными обществами и учащейся молодежью, а также и соціалистическими комитетами, которые должны поддерживать общее движеніе.

При нѣсколько странной схематичности плана и еще болѣе странномъ пріемѣ впередъ его широко разгласить во всеобщее свѣдѣніе, въ немъ на-лицо многіе изъ элементовъ, которые и приведены были затѣмъ въ движеніе, но указаны еще далеко не всѣ элементы, и даже можетъ быть не главные. Движеніе мыслится какъ дѣйственное, но все же слишкомъ еще организованное и надуманное. Черезъ два дня послѣ выхода нумера „Освобожденія“ съ этой статьей, 9 января, разразилось движеніе стихійное, и оно, а еще болѣе способы его подавленія сильнѣе всякой статьи или надуманнаго плана привели въ движеніе тѣ самыя общественныя силы, на которыя указывалось въ статьѣ и о которыхъ уже говорилось въ совѣта „Союза Освобожденія“ передъ съѣздомъ 20 октября.

Какъ извѣстно, Гапонъ до своего выступленія въ первыхъ числахъ января имѣлъ непосредственныя сношенія съ нѣкоторыми освобожденцами. Трудно учесть то вліяніе, которое оказали на него и на рабочую массу Петербурга въ этотъ періодъ тѣ или другія встрѣчи, разговоры и статьи... Во всякомъ случаѣ никакого соглашенія или соучастья въ его планѣ со стороны Союза не было. Какъ организація, Союзъ не выступалъ опредѣленно въ Петербургѣ и въ дни, слѣдовавшіе за 9 января. Конечно, многочисленные петербургскіе освобожденцы переживали наряду съ другими элементами столицы потрясающія впечатлѣнія этихъ дней и такъ или иначе на нихъ реагировали. Дѣятельное участіе приняли они и въ сборѣ пожертвованій на пострадавшихъ. Помимо этого нѣкоторые члены совѣта, бывшіе въ то время въ Петербургѣ, попали наканунѣ 9 января въ депутацію, тщетно пытавшуюся путемъ бесѣдъ съ предсѣдателемъ комитета министровъ (Витте) и съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшимъ полиціей (Рыдзевскимъ) предотвратить кровопролитіе, а черезъ нѣсколько дней всѣ поголовно члены совѣта въ Петербургѣ, за исключеніемъ одного, были арестованы, одни—вмѣстѣ съ другими депутатами, какъ члены предполагаемаго временнаго правительства, другіе—независимо отъ нихъ. Въ критическій моментъ, когда никто не зналъ, что несетъ за собой завтрашній день, Петербургъ остался безъ организованнаго центра Союза. Московскіе члены въ то же время устроили рядъ засѣданій совѣта Союза и собранія представителей московскихъ группъ и приняли мѣры, какія были имъ доступны въ тяжелые дни. Считая необ-

ходимымъ возстановить союзный центръ въ Петербургѣ, совѣтъ кооптировалъ въ члены двухъ петербургскихъ освобожденцевъ и послалъ въ Петербургъ одного изъ своихъ товарищей москвичей для передачи кооптированнымъ извѣщенія и порученій совѣта и для выясненія положенія дѣла. Помимо дѣятельнаго участія въ сборѣ пожертвованій на пострадавшихъ, совѣтъ въ это время организовалъ еще при помощи нѣсколькихъ добровольцевъ выпускъ въ Москвѣ ежедневныхъ бюллетеней о положеніи дѣлъ съ приведеніемъ важнѣйшихъ документовъ и описаніемъ событій въ Петербургѣ [1]).

Надо перечитать три ближайшіе нумера „Освобожденія“ и издававшагося при немъ листка, чтобы возстановить въ памяти то ошеломляющее впечатлѣніе, которое 9 января и его ближайшія послѣдствія произвели на русское общество... Только въ нѣкоторыхъ словахъ № 66, вышедшаго уже слишкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ ужаснаго дня, 12 февраля, начинаютъ звучать среди прежнихъ несдержанныхъ и болѣе спокойныя ноты... Но въ Россіи передъ освобожденцами еще гораздо ранѣе возникли выдвигнутыя жизнью новыя практическія задачи. Правда, далеко не всѣ назрѣвавшіе вопросы могли подвергаться въ этотъ періодъ регулярному обсужденію совѣта: такихъ плановъ на кампанію *цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ* (!), какимъ былъ принятый на второмъ съѣздѣ, не приходилось уже болѣе составлять. Приходилось реагировать на событія дня по своему усмотрѣнію, на основаніи общей директивы, выражавшейся не столько въ опредѣленно формулированныхъ положеніяхъ, сколько въ общемъ настроеніи, которое обнаруживалось при обмѣнѣ мнѣніями въ засѣданіяхъ совѣта и въ отдѣльныхъ бесѣдахъ между его членами, изъ которыхъ нѣкоторые постоянно переѣзжали изъ Петербурга въ Москву и обратно и поддерживали единство дѣйствій Союза.

Общество было приведено въ столь сильное движеніе, о которомъ ранѣе нельзя было и помышлять. Надо было не возбуждать, а упорядочивать движеніе, внося въ него большую планомѣрность и организованность и объединяя общественныя силы вокругъ реальной политической программы.

Обѣ эти задачи были уже значительно подготовлены предшествующей дѣятельностью Союза Освобожденія. Теперь на нихъ и сосредоточилась его энергія.

[1]) На № 3 этого листка московской группы „Союза Освобожденія“ имѣется ссылка въ № 65 „Освобожденія“, стр. 254.

Мы видѣли, что объ организаціи общественныхъ силъ въ видѣ связанныхъ между собой союзовъ, объединенныхъ, каждый въ отдѣльности, единствомъ профессіи или другихъ интересовъ его членовъ, подымалась рѣчь еще въ октябрѣ въ совѣтѣ Союза, въ декабрѣ—въ „Освобожденіи“. Но кромѣ того и банкетное движеніе, побуждая интеллигенцію группироваться и сходиться вмѣстѣ на политическихъ заявленіяхъ, несомнѣнно дало толчекъ подобному объединенію. Въ первой половинѣ января одинъ кіевлянинъ-освобожденецъ пріѣзжалъ нарочно въ Москву и Петербургъ, чтобы переговорить о практическомъ осуществленіи этой мысли и бесѣдовалъ о ней со всѣми дѣятелями Союза, которыхъ ему удалось повидать.

Отграничить точно сдѣланное Союзомъ Освобожденія въ дѣлѣ формированія союзовъ и ихъ объединенія пока еще едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ для этого приходилось бы писать полную исторію союзнаго движенія, а сдѣлать это не входитъ въ планъ настоящей статьи. Можно однако считать безспорнымъ, что освобожденцамъ принадлежитъ въ этомъ движеніи весьма значительная роль, и нѣкоторые союзы обязаны своимъ возникновеніемъ нарочитымъ усиліямъ органовъ Союза. Таковы союзъ городскихъ дѣятелей, журналистовъ, а отчасти и академическій. Весьма видную роль играли освобожденцы и въ образованіи союзовъ инженеровъ и врачей.

Окончательное образованіе большинства союзовъ относится къ концу марта и къ первой половинѣ апрѣля 1905 года, а первый организованный съѣздъ представителей различныхъ союзовъ, на которомъ и произошло конституированіе „союза союзовъ“, имѣло мѣсто въ Москвѣ 9—10 мая.

Еще ранѣе состоялся III съѣздъ Союза Освобожденія.

Вопросъ о разработкѣ полной политической программы этого Союза былъ, какъ мы видѣли, поставленъ на очередь въ октябрѣ 1904 года въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ, нежели организація союзовъ. Въ октябрѣ же, за нѣсколько времени до съѣзда, напечатана въ „Освобожденіи“ статья подъ заглавіемъ „Организація и платформа демократической партіи“ (въ № 58 отъ 14 окт. 1904 г.). Статья эта служитъ отвѣтомъ на призывъ какого-то г. Nemo, настаивавшаго на неотложности того, что какъ разъ и было въ то время предметомъ заботъ Союза, и жаловавшагося, что эта работа надъ программой и организаціей кадровъ запущена. Редакторъ замѣчаетъ своему корреспонденту, что онъ ломится въ

открытую дверь, но подчеркиваетъ необходимость внести въ работу больше гласности и свѣта. Статью свою редакторъ кончаетъ словами: „Молчать въ настоящее время значитъ терять въ силѣ. Наша сила дѣйствительно увеличится во много разъ, когда движеніе открыто и передъ друзьями, и передъ недругами предстанетъ, какъ организованное дѣйствованіе, одухотворенное ясной программой. Необходимо, пользуясь удивительно благопріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ моментомъ, энергично *собирать умы вокругъ широкой* демократической программы и въ повышенной общественной температурѣ *ковать крѣпкую организацію*“ (стр. 130). Мы видѣли, что еще въ двадцатыхъ числахъ октября съѣздъ имѣлъ въ рукахъ присланный изъ Парижа проектъ программы, и поставилъ на очередь обсужденіе ея въ союзѣ. Событія на нѣкоторое время сняли эту работу и изъ числа очередныхъ дѣлъ Союза, и со страницъ „Освобожденія“. Впрочемъ одна часть работы—составленіе проекта конституціи—дѣятельно подвигалась впередъ. Къ готовому уже въ октябрѣ тексту были написаны объяснительныя записки и комментарій и вся работа отвезена однимъ изъ московскихъ освобожденцевъ [1]) въ Парижъ для печатанія: 12 февраля въ „Освобожденіи“ появляется объявленіе о томъ, что проектъ конституціи печатается, а 2 апрѣля (въ № 68)—что изданіе вышло въ свѣтъ. Возобновленіе же статей въ „Освобожденіи“ о разработкѣ программы мы находимъ въ № 67 отъ 5 марта. Не знаемъ, повліялъ ли на довольно рѣзкое измѣненіе позиціи редактора заграничнаго журнала, до этого времени полнаго еще всецѣло переживаніемъ событій 9 января, изданный 18 февраля рескриптъ министру внутр. дѣлъ Булыгину о рѣшеніи „совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія предначертаній, ко благу народа направленныхъ“, для чего признано нынѣ нужнымъ „съ Божіею помощью, *привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній*“, а для осуществленія сей воли—учредить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствованіемъ Булыгина. Въ Россіи этотъ рескриптъ поставилъ передъ освобо-

---

[1]) Недавно скончавшимся постояннымъ сотрудникомъ „Русскихъ Вѣдомостей“, оказавшимъ Союзу значительныя услуги, И. А. Петровскимъ.

жденцами новую задачу: всѣми силами постараться повліять на возможно широкую постановку и благопріятный исходъ намѣченной работы. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ опубликованія рескрипта, 24 февраля, IV съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ на квартирѣ Ю. А. Новосильцова въ Москвѣ обратился,—основываясь на изданномъ того же 18 февраля указѣ сенату, допускавшемъ подачу на высочайшее имя отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія,—съ заявленіемъ на высочайшее имя за подписью присутствующихъ (за исключеніемъ лишь немногихъ уклонившихся) о томъ, чтобы къ участію въ Булыгинской комиссіи были привлечены выборные представители земствъ, значительныхъ городовъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Этимъ былъ данъ примѣръ множеству учрежденій и собраній частныхъ лицъ; обсужденіе политическихъ вопросовъ въ импровизированныхъ и признанныхъ закономъ собраніяхъ, вызывавшееся пробужденіемъ въ обществѣ активной мысли, мало склонной считаться съ полицейскими запретами, получило и нѣкоторую легальную санкцію.

Февральскій съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ помимо этого своего акта сдѣлалъ еще два другихъ постановленія чрезвычайной важности. Огромное большинство его высказалось за всеобщее избирательное право съ прямыми выборами и за государственное вмѣшательство въ область аграрныхъ отношеній между прочимъ и „путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій“ и „путемъ упорядоченія условій аренды“.

Первое постановленіе конечно не было особенно важно само по себѣ: оно давно стало основнымъ требованіемъ Союза Освобожденія и лежало въ основѣ совсѣмъ уже готовой работы, проекта конституціи, составленной далеко не крайними лѣвыми элементами Союза; но принятіе этого положенія, послѣ его тщательнаго обсужденія, съѣздомъ земцевъ, давало твердую точку опоры въ агитаціи въ пользу того же принципа въ земской средѣ вообще, а это имѣло конечно большое тактическое значеніе. Аграрное постановленіе имѣло важное значеніе и для всего Союза Освобожденія: до тѣхъ поръ въ Союзѣ, какъ цѣломъ, этотъ вопросъ не обсуждался и вообще не ставился послѣ заграничнаго съѣзда въ іюнѣ 1903 года и статьи Л. въ № 33 „Освобожденія“. Не было

этого пункта и въ парижскомъ проектѣ программы, присланномъ на съѣздъ въ октябрѣ 1904 года [1]).

Но этотъ пунктъ уже имѣется въ томъ 67 № „Освобожденія“ отъ 5 марта, въ которомъ, какъ мы видѣли, возобновляется въ журналѣ работа по программѣ. Въ томъ же № подъ заглавіемъ „Вопросы тактики“ начинается рядъ статей редактора, спокойно выясняющихъ положеніе дѣлъ и прекрасно характеризующихъ для насъ тогдашнее настроеніе освободженческихъ круговъ. Трудно сказать, были ли уже извѣстны редактору въ это время постановленія съѣзда земцевъ-конституціоналистовъ отъ 24 февраля: онъ приводитъ это постановленіе лишь въ слѣдующемъ 68 № въ окончаніи той же статьи. Во всякомъ случаѣ онъ или примыкаетъ къ ихъ тактикѣ или самостоятельно пришелъ къ тому же выводу. А именно, говоря о необходимости открытой конституціонно-демократической пропаганды среди крестьянства и рабочаго класса, Струве совѣтуетъ теперь же приступить къ фактическому осуществленію права собраній въ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ, воспользовавшись для этого, какъ легальнымъ основаніемъ, указомъ и рескриптомъ 18 февраля, выдержки изъ которыхъ мы выше привели. Далѣе при образованіи союзовъ не разъ была пущена въ ходъ именно эта тактика. Въ своихъ статьяхъ о тактикѣ Струве, рѣшительно настаивая на пропагандѣ идей партіи среди массъ населенія и офицерства, вопросъ о вооруженномъ возстаніи рѣшаетъ отрицательно (стр. 295.)

Но на-ряду съ этой пропагандой естественно выдвигается необходимость окончательно объединиться на программѣ: „Въ настоящее время (демократическая партія должна, наконецъ, образоваться; въ противномъ случаѣ элементы, составляющіе ея естественные и необходимые кадры, будутъ оттѣснены на задній планъ и политическія судьбы Россіи будутъ рѣшены состязаніемъ реакціонныхъ и крайнихъ партій“. „Вотъ почему „Союзъ Освобожденія“ долженъ поставить своей первѣйшей задачей образованіе демократической партіи, программа которой, думается намъ, въ основныхъ и рѣшающихъ чертахъ уже обозначилась вполнѣ ясно“. (№ 67 отъ 5 марта, вступленіе къ проекту программы).

Именно надъ задачей выработки политической программы и

---

[1]) О занятіяхъ IV съѣзда земцевъ-конституціоналистовъ имѣются свѣдѣнія: въ Русскихъ Вѣдомостахъ, № 58 отъ 2 марта, „Освобожденіе“ № 68 (отъ 2 апр.) стр. 294 (это заимствованіе изъ Русск. Вѣд.) и № 69—70 (отъ 7 мая) стр. 308 (Спеціальная корреспонденція).

работалъ усиленно Союзъ, готовясь къ своему третьему съѣзду, назначенному въ Москвѣ 25 марта. Заслушанный еще на II съѣздѣ проектъ программы былъ затѣмъ переданъ въ мѣстныя группы и подвергался тамъ тщательному обсужденію. Заключенія группъ были доставлены въ Москву, сведены воедино и разсмотрѣны особой комиссіей. Эти предварительныя работы на мѣстахъ имѣли огромное значеніе для дальнѣйшаго развитія союза. Необходимость войти въ обсужденіе программы подготовила возможность образованія партіи и весьма быстро устранила довольно распространенную и, какъ мы видѣли, нашедшую себѣ выраженіе еще въ заявленіи конституціоналистовъ въ № 1 „Освобожденія“ мысль о постановкѣ однихъ только *политическихъ* требованій безъ остальныхъ частей программы. Союзъ нерѣдко мыслился, какъ временное соединеніе разнородныхъ элементовъ съ единственной цѣлью добиться конституціи, и полная партійная программа не вязалась съ представленіемъ многихъ членовъ союза объ его истинной сущности. На дѣлѣ однако такое отдѣленіе политической и соціальной частей программы было невозможно и, приступивъ къ работѣ, защитники одной только первой части не могли удержаться на свой точкѣ зрѣнія. И на III съѣздѣ принципіальныхъ споровъ о возможности такого узкаго толкованія, помнится, вовсе уже не возникало. Конечно, тутъ значительное вліяніе оказала и оффиціальная постановка на очередь вопроса о представительствѣ. Близость возможной работы въ представительныхъ учрежденіяхъ рисовалась въ болѣе реальныхъ чертахъ, а вѣроятность выборовъ сама собой предполагала наличность партій съ программой реформъ, которыя охватывали бы собой по возможности всѣ стороны государственной жизни.

Третій съѣздъ Союза Освобожденія въ Москвѣ (25—28 марта 1905г.) въ полицейскомъ отношеніи прошелъ такъ же спокойно, какъ и два первыхъ. Помѣщенія для засѣданій съѣзда доставила весьма сильная адвокатская группа, предоставивъ ему квартиры своихъ коллегъ. Засѣданія комиссій происходили на квартирахъ различныхъ московскихъ домовладѣльцевъ. Составъ членовъ мало чѣмъ отличался отъ обычнаго: союзъ сдѣлалъ однако къ этому времени новыя завоеванія. На съѣздѣ представлена была весьма сильная ростовская (на Дону) группа и „Вятскій демократическій союзъ“, также вошедшій въ составъ Союза Освобожденія. Къ самому началу занятій съѣзда пріѣхалъ въ Москву изъ Америки, отложивъ чтеніе второй части своего курса, П. Н. Милюковъ. Но если составъ съѣзда въ общемъ соотвѣтствовалъ предыдущему, то

въ настроеніи его членовъ уже обнаружилось значительное различіе, объясняемое тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Нелегко было мирить спокойную подготовительную работу, необходимую для того, чтобы страна вступила достаточно зрѣлой въ предстоящую конституціонную жизнь, и бурный напоръ на правительство съ цѣлью ускорить это вступленіе, напоръ, поддерживаемый еще чувствомъ неостывающаго возмущенія наиболѣе впечатлительныхъ элементовъ противъ совершившагося за послѣднее время.

На обсужденіи программы эта двойственность настроенія впрочемъ замѣтно не отразилась. Программа была принята, послѣ весьма тщательнаго разсмотрѣнія, довольно единодушно. Только по вопросу объ избирательныхъ правахъ женщинъ соглашеніе не могло быть достигнуто, и меньшинство, считавшее по тактическимъ соображеніямъ постановку этого вопроса преждевременной, осталось при особомъ мнѣніи и сохранило за собой право его защищать и впредь. Вопросъ объ однопалатной или двухпалатной системѣ представительства, который также раздѣлялъ участниковъ съѣзда, былъ совершенно обойденъ молчаніемъ. Вообще программа не считалась чѣмъ либо законченнымъ и неподвижнымъ. Въ концѣ ея находится весьма важное замѣчаніе, которое подчеркиваетъ особый характеръ акта и указываетъ на то, какъ еще далеко было Союзу до настоящей партіи. Вотъ это заключеніе программы:

Настоящая программа, представляя собою то общее, на чемъ объединились всѣ группы Союза Освобожденія, конечно не могла охватить всѣхъ частныхъ взглядовъ и мнѣній, которые высказывались при ея выработкѣ. Съ другой стороны, такъ какъ принятыя Союзомъ рѣшенія диктовались условіями того политическаго момента, въ который происходило ея обсужденіе, то рѣшенія эти и могутъ считаться обязательными лишь постольку, поскольку политическія условія останутся неизмѣнными. Допущеніе такого временнаго и условнаго элемента въ свои программныя рѣшенія Союзъ Освобожденія считаетъ неизбѣжнымъ и необходимымъ условіемъ для всякой политической программы, преслѣдующей цѣли реальной политики. Только дальнѣйшій ходъ политической жизни можетъ показать, какія измѣненія и дополненія въ принятой программѣ окажутся нужными и самая необходимость оставить нѣкоторые вопросы временно открытыми показываетъ, что *въ этихъ случаяхъ* (курсивъ нашъ. Д. Ш.) за отдѣльными членами и группами Союза остается свобода выбора тѣхъ дѣйствій и рѣшеній, которыя диктуетъ имъ ихъ совѣсть и ихъ общественное убѣжденіе.

Программа начинается вступленіемъ, въ которомъ составители исходятъ изъ предположенія о созывѣ учредительнаго собранія и вѣроятную близость его приводятъ, какъ доводъ въ пользу необходимости составить подобнаго рода документъ, причемъ общей и непосредственной цѣлью Союза признается „коренное преобразо-

ваніе государственнаго строя Россіи на началахъ политической свободы и демократизма".

Затѣмъ слѣдуетъ самая программа, которую можно разбить на девять отдѣловъ; въ текстѣ они не раздѣлены между собой и вообще вся программа вовсе еще не носитъ обычнаго для такихъ произведеній характера, а въ главной своей части излагаетъ извѣстныя мысли и положенія въ формѣ обычной литературной статьи, установливая связь между отдѣльными частями переходными фразами, отчасти замѣняющими заголовки. Только послѣдніе отдѣлы программы, какъ разъ тѣ, въ которыхъ она носитъ наиболѣе оригинальный отпечатокъ, выливаются уже въ форму занумерованныхъ пунктовъ.

Программа на половину составляетъ буквальное повтореніе полученнаго въ октябрѣ 1904 г. изъ Парижа проекта. По наслѣдству оттуда получилъ этотъ главный документъ Союза Освобожденія и свою форму. Но вездѣ видны слѣды тщательнаго и продуманнаго пересмотра первоначальнаго текста: кое-что изъ него выпущено, кое-что вставлено вновь, а та часть, которая касается аграрнаго и рабочаго вопроса, т. е. тѣ отдѣлы, которые выдвинуты были въ жизни Союза за послѣдній періодъ, составлены совершенно самостоятельно и подвинули эти вопросы неизмѣримо далѣе не только октябрьскаго проекта (который мы далѣе будемъ означать подъ даннымъ имъ тогда заглавіемъ *Платформа* конституціонно-демократической партіи), но и проекта программы, напечатаннаго Струве, какъ мы видѣли, въ № 67 „Освобожденія". Въ этомъ послѣднемъ, вышедшемъ за двадцать дней до съѣзда, 5 марта, есть отступленія отъ платформы въ томъ же направленіи, что и въ принятой позднѣе программѣ [1]), другія — въ противоположную сторону [2]); но никакого вліянія № 67 на работы съѣзда не видно. Да это и не удивительно. Предшествовавшая съѣзду большая коллективная работа въ группахъ Союза и въ центральномъ органѣ всецѣло производилась, исходя изъ Платформы.

Рамки статьи не позволяютъ подробно разобрать программу по существу и въ ея отношеніяхъ къ болѣе раннимъ работамъ. Приходится ограничиться болѣе общими указаніями.

[1]) Выкинутъ пунктъ о двухпалатной системѣ представительства, развита аграрная программа.

[2]) По отношенію къ Польшѣ, права которой въ № 67 весьма значительно расширены противъ Платформы, въ принятой же программѣ они еще болѣе затушеваны.

Какъ это вошло въ традиціи освобожденцевъ еще съ напечатаннаго въ № 1 „Освобожденія“ заявленія „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“, *первый отдѣлъ* программы посвященъ весьма подробному выясненію основныхъ началъ равенства и гражданской свободы; въ послѣдней программѣ, отчасти по примѣру октябрьской Платформы 1904 года, начала эти объединяются общимъ наименованіемъ: „Права человѣка и гражданина“.

Во *второмъ отдѣлѣ*—о государственномъ строѣ, какъ уже указано, отсутствуетъ упоминаніе *о земской палатѣ*, подробно описанной въ Платформѣ. Особенно подчеркиваются бюджетныя права „народнаго собранія“ и право законодательной инициативы народныхъ представителей. Говорится объ отвѣтственности министровъ передъ народнымъ собраніемъ. Избирательное право опредѣляется по обычной четырехчленной формулѣ съ прибавленіемъ лишь словъ: „*безъ различія пола*“. Законодательныя права представительства опредѣляются согласно Платформы, но съ измѣненіемъ послѣднихъ словъ: „Силу закона въ преобразованной Россіи могутъ имѣть только постановленія народнаго собранія, опубликованныя за подписью главы государства“.

Третій отдѣлъ посвященъ областному вопросу и правамъ національностей. Вопросъ о Финляндіи трактуется тожественно съ Платформой: за Финляндіей признаются всѣ ея прежнія права, и истолкованы они весьма широко.

Польшѣ, напротивъ, вовсе не отведено самостоятельнаго мѣста, объемъ ея правъ и обособленности не предрѣшается, а она поставлена только во главѣ „областей Имперіи“ (подлинное выраженіе), которымъ должно быть предоставлено „самое широкое областное самоуправленіе“. Въ видѣ примѣра здѣсь перечисляются: „Польша, Литва, Малороссія, Закавказье“.

По отношенію къ правамъ національностей нѣсколько далѣе развита традиціонная формула Союза: „Въ отношеніи народностей, входящихъ въ составъ Россіи, мы безусловно признаемъ ихъ право на культурное самоопредѣленіе“. Кромѣ того, оговорено *принципіальное* право употребленія народныхъ языковъ въ *начальныхъ* школахъ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Постановка всѣхъ этихъ вопросовъ отлична отъ Платформы. Пункты о мѣстномъ самоуправленіи заключаютъ въ себѣ обычныя требованія всеобщаго избирательнаго права, независимости, расширенія компетенціи (включая и полицію) и учрежденія болѣе мелкихъ органовъ (самоуправленіе „сельское и участковое“).

Четвертый отдѣлъ развиваетъ довольно полную программу школьной реформы, *пятый*—судебныхъ преобразованій. Въ числѣ послѣднихъ къ требованіямъ Платформы прибавлена отмѣна смертной казни, а выкинутъ—принципъ избираемости мировыхъ судей.

Шестой отдѣлъ—объ общихъ преобразованіяхъ хозяйственной жизни Россіи—требуетъ прежде всего разрыва съ системой внѣшнихъ захватовъ (это новое противъ Платформы) и съ финансовой экономической политикой, разорительной для страны. „Контроль народныхъ представителей прекратитъ практиковавшееся до сихъ поръ расточеніе народнаго достоянія“. Признается необходимымъ „отказъ отъ покровительства отдѣльнымъ предпріятіямъ и предпринимателямъ и усиленное покровительство развитію производительныхъ силъ народа“. (Это также новые пункты). Предполагается постепенное пониженіе таможенныхъ пошлинъ, причемъ отъ такого пониженія, буквально сходясь съ Платформой, программа ожидаетъ не только пользы для сельскаго хозяйства, но и расцвѣта самой промышленности.

Въ *седьмомъ отдѣлѣ* (въ текстѣ перемежающемся съ положеніями шестого) выставлены три пункта подъ нумерами о реформѣ обложенія: 1) отмѣна выкупныхъ платежей, 2) „развитіе прямого обложенія за счетъ косвеннаго и постепенное пониженіе и уничтоженіе косвенныхъ налоговъ“ 3) „реформа прямого обложенія на основѣ прогрессивной пропорціональности налоговъ доходамъ облагаемыхъ лицъ“. Здѣсь новшествомъ противъ Платформы оказалась вставка во 2 пунктѣ немаловажнаго слова „уничтоженіе“, которое, однако, вовсе не должно было обозначать полнаго упраздненія всего косвеннаго обложенія, а лишь нѣкоторыхъ изъ отдѣльныхъ налоговъ этой категоріи.

Восьмой отдѣлъ—аграрная реформа—изложенъ въ четырехъ законченныхъ пунктахъ, не связанныхъ ни съ Платформой, ни съ постановленіемъ февральскаго съѣзда земцевъ-конституціоналистовъ. Въ первой въ октябрѣ 1904 года говорилось только въ довольно общихъ выраженіяхъ—о „цѣлой системѣ мѣръ“, о „довершеніи дѣла освобожденія крестьянъ на началѣ обезпеченія трудящимся массамъ возможности веденія самостоятельнаго хозяйства“, о „содѣйствіи перехода земель въ руки крестьянъ“, объ „общей реформѣ крестьянскаго земельнаго права“. Только требованія „созданія демократическаго аренднаго права“ и „охрана земледѣльческихъ рабочихъ“, съ предоставленіемъ имъ свободы стачекъ и союзовъ, звучатъ болѣе опредѣленно. Земская февраль-

ская программа по существу близка къ освобожденческой мартовской, но формулирована совершенно иначе.

Основной, первый пунктъ послѣдней гласитъ: „1. Новое надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а гдѣ ихъ нѣтъ,— частновладѣльческими, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ этихъ земель". Дальнѣйшіе пункты говорятъ о „государственномъ земельномъ фондѣ", понимаемомъ весьма узко, о созданіи аренднаго права и о защитѣ земледѣльческихъ рабочихъ [1]).

Девятый отдѣлъ программы—по рабочему вопросу—составляетъ также совершенно новую и самостоятельную работу, вылившуюся въ законченную форму 9 пунктовъ. Помимо обычныхъ требованій охраны труда, созданія условій для развитія коллективной самодѣятельности и обезпеченія старыхъ и утратившихъ здоровье и трудоспособность, здѣсь мы находимъ отдѣльный пунктъ, трактующій вопросъ о нормировкѣ продолжительности рабочаго времени слѣдующимъ образомъ: „2. Законодательное регулированіе продолжительности рабочаго времени путемъ введенія 8-ми часового рабочаго дня въ тѣхъ производствахъ, гдѣ это возможно немедленно, и приближенія къ нему въ остальныхъ производствахъ" [2]).

Какъ мы видѣли, наиболѣе щекотливые пункты, которые могли бы вызвать коренныя разногласія, обойдены были молчаніемъ, но получившаяся затѣмъ программа достаточно полно выражала общее мнѣніе союза, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала въ практическомъ отношеніи достаточные отвѣты на главные изъ очередныхъ вопросовъ.

Помирить разногласіе въ тактической области на съѣздѣ было труднѣе. Часть его членовъ во что бы то ни стало требовала болѣе активныхъ выступленій со стороны Союза въ тогдашній критическій періодъ, не довольствуясь пропагандой конституціон-

---

[1]) Всю аграрную программу союза, а также и февральскаго съѣзда земцевъ-конституціоналистовъ и дальнѣйшее ихъ развитіе можно найти въ брошюрѣ Н. И. Черненкова: „Аграрная программа партіи Народной Свободы и ея послѣдующая разработка". Спб. 1907 г. (Безпл. прибавленіе къ Вѣстнику Нар. Свобод." за 1907 годъ).

[2]) Программа Союза Освобожденія напечатана полностью во второмъ выпускѣ извѣстнаго „Сборника программъ политическихъ партій въ Россіи" подъ редакціей В. В. Водовозова. Изд. книжнаго магазина „Наша Жизнь", Спб. 1906, февраль. Въ „Освобожденіи" она помѣщена въ № 69—70 но не совсѣмъ точному списку. Въ той же редакціи программа напечатана и въ „Новостяхъ" 5 апр. 1905 г. и у Бѣлоконскаго—Ист. Сб. 1907, стр. 120.

ныхъ идей въ обществѣ и массахъ и той организаціонной ролью, которая выпадала на долю Союза. Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ 9 января слышались призывы къ открытой и рѣшительной борьбѣ. Большинство однако не усматривало такихъ средствъ, которыя были бы въ распоряженіи союза для немедленныхъ выступленій, да и защитники затруднялись формулировать эти средства вполнѣ конкретно. Въ воздухѣ уже носились такіе лозунги, какъ бойкотъ думы, самочинные выборы, вооруженныя выступленія и политическая забастовка, но конкретизировать ихъ и вынести какія либо опредѣленныя рѣшенія, составить законченный планъ было трудно, и пришлось довольствоваться рекомендаціей дальнѣйшихъ организаціонныхъ шаговъ въ союзахъ, съѣздахъ и на всяческой пропагандѣ идей въ періодической печати, въ листкахъ, въ брошюрахъ, на разнаго рода публичныхъ и спеціальныхъ политическихъ лекціяхъ. На съѣздѣ этомъ положено начало издательскому дѣлу, которое затѣмъ значительно разрослось. Послѣ него же устроена была въ Петербургѣ Союзомъ конспиративная типографія, дѣйствовавшая безпрепятственно до самаго конца жизни Союза. Первымъ ея изданіемъ была „Программа Союза Освобожденія“. Затѣмъ съ 15 мая началъ выходить „Листокъ Союза Освобожденія“, въ качествѣ офиціальнаго органа Союза. Всего вышло 6 листковъ, изъ нихъ послѣдній—5 сентября 1905 года. Изъ помѣщенныхъ въ листкахъ свѣдѣній мы узнаемъ и объ издательской дѣятельности мѣстныхъ группъ Союза: Самарская группа издала брошюру подъ заглавіемъ „Великая перемѣна“, Воронежская—листокъ „Какъ правительство помогаетъ дворянамъ“, Новгородская—выпустила четыре „Письма къ крестьянамъ“.

Какъ и въ предшествующей жизни Союза, работа отдѣльныхъ его членовъ и организацій выливалась въ весьма разнообразную форму. Устраивались лекціонныя поѣздки по Россіи, имѣвшія огромный успѣхъ, въ Москвѣ систематически устраивались, не испрашивая на это разрѣшенія, въ частныхъ домахъ лекціи на современныя политическія темы [1]), были попытки своеобразной организаціи въ рабочей средѣ Петербурга. Памятникомъ послѣдней остается напечатанный въ освобожденческой типографіи лѣтомъ 1905 года въ Петербургѣ „Уставъ союза рабочихъ“.

Кромѣ этихъ начинаній слѣдуетъ отмѣтить здѣсь еще одно

[1]) Въ числѣ лекторовъ можемъ назвать: Милюкова, Якушкина, Кизеветтера, Сѣрошевскаго, Герценштейна, Новгородцева, Богословскаго, Мануйлова.

предпріятіе, иниціаторами котораго были также члены Союза: это изданіе въ Москвѣ, подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкаго, еженедѣльнаго журнала „Московская Недѣля“. Разрѣшеніе на изданіе, послѣ трудно объяснимыхъ задержекъ, было получено, и два нумера, 12 и 24 мая вышли изъ типографіи, однакоже только для того, чтобы немедленно попасть въ руки наложившей на нихъ арестъ цензуры.

Обстоятельства, при которыхъ совершились эти аресты, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что продолжать дѣло не удастся, и его пришлось бросить въ самомъ началѣ [1]).

Вскорѣ послѣ третьяго съѣзда происходили въ Москвѣ по иниціативѣ освобожденцевъ еще два совѣщанія, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ. 9 апрѣля состоялся съѣздъ съ поляками, представителями партій народной демократіи и прогрессивной демократій. Совѣщаніе это значительно продвинуло впередъ вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ и указало на конкретныя основы возможнаго соглашенія. 29—30 апрѣля происходило аграрное совѣщаніе, на которомъ при содѣйствіи спеціалистовъ разработаны были основанія аграрной программы [2]).

XI.

Конечно, гораздо важнѣе всѣхъ перечисленныхъ выше отдѣльныхъ начинаній было то широко общественное движеніе, въ которомъ приходилось принимать дѣятельное участіе освобожденцамъ, по временамъ даже какъ бы утрачивая свою полную союзную связность. Всеобщность движенія, его широкій размахъ и поразительное разнообразіе входящихъ въ него элементовъ—все это было условія, необходимыя для успѣха, и Союзъ Освобожденія самъ не мало способствовалъ ихъ возникновенію. Но съ другой стороны это самое разнообразіе дѣлало особенно трудной ту задачу концентраціи силъ, которая съ самаго начала составляла спеціальную миссію Союза. Участіе однихъ элементовъ Союза въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ и въ такомъ умѣренномъ союзѣ, какъ академическій, а другихъ—въ союзахъ адвокатовъ, инженеровъ, врачей, учителей, женскаго и еврейскаго равноправія, тѣсно соприкасающихся съ союзами, еще гораздо болѣе радикально на-

---

[1]) „Московская Недѣля“ увидѣла затѣмъ свѣтъ только послѣ смерти С. Н., въ 1906 году, когда она была переиздана кн. Евгеніемъ Николаевичемъ Трубецкимъ, съ посвященіемъ памяти покойнаго редактора.

[2]) Протоколы этого совѣщанія и читанные на немъ доклады помѣщены въ сборникѣ „Аграрный вопросъ“. М. 1905 г.

строенными, какъ напр. желѣзнодорожный и крестьянскій, создавало въ Союзѣ Освобожденія нѣкоторую двойственность настроеній, которую не всегда легко было преодолѣвать. Постепенно создаются два центра движенія: союзъ земскихъ и городскихъ гласныхъ и союзъ союзовъ, и въ постановленіяхъ ихъ, какъ и во всемъ направленіи того и другого, не могутъ не сказываться значительныя разногласія. Въ центрѣ обѣихъ организацій находятся видные освобожденцы, имъ въ значительной мѣрѣ принадлежитъ направляющая роль и насколько они это въ силахъ сдѣлать, они не даютъ движенію разлетѣться слишкомъ далеко въ разныя стороны. Но сохранять единство возможно въ центрѣ, а на периферіяхъ, чѣмъ движеніе болѣе разростается, тѣмъ дальше отстоятъ другъ отъ друга отдѣльные составляющіе его элементы.

Въ союзномъ движеніи создавались элементы внушительнаго, единодушнаго и повсемѣстнаго выступленія очень широкихъ круговъ населенія. И работа освобожденцевъ вносила сюда значительную долю политической сознательности и бо́льшаго политическаго разсчета.

Земскіе съѣзды вносили въ широкіе земскіе круги признаніе необходимости демократическихъ формъ государственнаго представительства, заставляли земскія и даже дворянскія собранія торопить правительство съ проведеніемъ политической реформы и лишали реакціонные элементы на верху всякой опоры въ помѣстныхъ силахъ. Въ концѣ апрѣля общеземскій съѣздъ огромнымъ большинствомъ голосовъ высказался за всеобщее избирательное право и даже съ прямымъ голосованіемъ. Городской съѣздъ въ іюнѣ примкнулъ къ земскому.

Въ сущности для непосредственной цѣли, которая стояла передъ Союзомъ и передъ всѣмъ русскимъ обществомъ это разнообразіе пріемовъ борьбы и настроеній было полезно. Но для такой существенной задачи, какъ сплоченіе достаточно могущественнаго блока, который могъ бы овладѣть положеніемъ на другой день послѣ побѣды, тогдашнее раздробленіе силъ наносило огромный, пожалуй непоправимый ущербъ.

Передъ октябрьскими днями 1906 года оба движенія достигли апогея въ концѣ мая, когда послѣ Дусимы въ Москвѣ одновременно собрались, отдѣльно другъ отъ друга, два съѣзда: союза союзовъ и коалиціонный земскій, съ участіемъ въ послѣднемъ не только представителей городовъ, но и членовъ особой, завѣдомо болѣе правой земской организаціи, которую пытался сгруппировать вокругъ

своей программы Д. Н. Шиповъ, ограничившійся впрочемъ однимъ только этимъ опытомъ перваго и послѣдняго съѣзда 22 мая. Резолюціи обоихъ съѣздовъ извѣстны: непримиримая резолюція союза союзовъ не могла въ тотъ моментъ опереться ни на какую силу; коалиціонный земскій съѣздъ, помимо своей очень также сильной по словамъ, но безсильной на дѣлѣ резолюціи, и извѣстнаго составленнаго кн. Трубецкимъ адреса, далъ выходъ своему чувству въ посылкѣ депутаціи къ Государю. Большинство членовъ депутаціи этой, принятой Государемъ 6 іюня, входило въ составъ Союза Освобожденія, и ихъ дѣйствія, за исключеніемъ можетъ быть мелочныхъ промаховъ, не вызывали нареканій среди Совѣта Союза, да и очень многихъ членовъ его. Но мнѣнія по этому вопросу далеко не были однаковы. И на слѣдующемъ съѣздѣ земцевъ конституціоналистовъ (9 іюля), и на страницахъ „Освобожденія“ раздались, на ряду въ одобрительными отзывами, и противоположные имъ. Какъ въ самомъ началѣ жизни Союза въ отношеніяхъ къ войнѣ, такъ и до конца его жизни по отношенію къ нѣкоторымъ тактическимъ шагамъ въ моменты наиболѣе напряженной жизни государства сказывалось совсѣмъ разное отношеніе, отголосокъ глубокихъ переживаній различныхъ слоевъ русскаго образованнаго общества.

Необходимость болѣе близкаго единенія чувствовалась съ разныхъ сторонъ. Среди земскихъ съѣздовъ это стремленіе выйти изъ рамокъ узкихъ земскихъ интересовъ въ болѣе широкій кругъ общенародной жизни вылилось не только въ эволюціи программныхъ требованій, получившихъ и въ политической, и въ экономической своихъ частяхъ достаточно демократическій характеръ, но и въ обращеніяхъ къ народу, принятыхъ на V и VI общеземскихъ съѣздахъ 6 іюля и 12 сентября [1]).

Однако обращенія эти не подхватывались обществомъ и не создавали изъ земскаго съѣзда общенаціональнаго центра, что нерѣдко вызывало даже нападки на съѣздъ со стороны такихъ элементовъ, которые сами ни за что не согласились бы признать его за такой центръ. Попытка внѣшняго объединенія имѣла мѣсто послѣ іюльскаго съѣзда въ Москвѣ, когда былъ устроенъ въ од-

[1]) Свѣдѣнія о съѣздахъ, ихъ постановленія и тексты обращеній см. у Бѣлоконскаго, „Историческій Сборникъ“, 1907 г., стр. 78—90 и 108—120. На стр. 120 и 125 совершенно невѣрно указаніе о назначеніи слѣдующаго съѣзда на 12 октября: никакой формальной связи между общеземскимъ съѣздомъ и учредительнымъ съѣздомъ конст. демокр. партіи 12 окт. не было и не могло быть.

номъ изъ клубовъ большой банкетъ съ участіемъ земцевъ—членовъ только-что окончившагося съѣзда, многихъ дѣйствующихъ работниковъ „союза союзовъ“ и представителей разныхъ круговъ Московскаго общества. Нѣкоторое значеніе это собраніе, на которомъ выступили ораторами земцы и представители интеллигенціи, конечно имѣло. Но надо было поискать другихъ путей для болѣе глубокихъ, прочныхъ и сознательныхъ связей, и конечно такія связи только и могли быть даны созданіемъ открытой демократической партіи съ достаточно широкимъ кругомъ входящихъ въ нее элементовъ.

Въ № 74 „Освобожденія“ отъ 13 іюля, Струве, въ нѣсколько возбужденной статьѣ, написанной подъ вліяніемъ подробныхъ телеграфныхъ извѣстій иностранныхъ газетъ о московскомъ земскомъ съѣздѣ 6—8 іюля, хорошо передаетъ современное пониманіе событій и предстоящей задачи.

Вотъ вся эта небольшая статья.

Раждается нація.

Москва собираетъ свободную Россію. Иностранныя ежедневныя газеты приносятъ цѣлый рядъ важныхъ телеграфическихъ извѣстій о происходящемъ въ Москвѣ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Съѣздъ этотъ представляетъ дальнѣйшій крупный шагъ впередъ въ русскомъ освободительномъ движеніи. Земцы рѣшили со своей демократической программой обратиться къ народу и начать освободительную пропаганду и агитацію во всѣхъ слояхъ населенія.

Эти заявленія и акты многознаменательны. Ими возвѣщается: *раждается нація*. Нація не въ смыслѣ народности, племени, крови, а въ смыслѣ правовомъ или государственномъ, народа, сознавшаго себя источникомъ права и на этомъ основаніи утверждающаго новое политическое бытіе страны. Народъ, сознающій свои державныя права,—только такой народъ и можетъ притязать на имя націи.

Раждается державный народъ, или нація. Но для того, чтобы ускорить или облегчить эти великіе роды, необходимы согласныя усилія всѣхъ тѣхъ, для кого рожденіе націи дороже и выше всѣхъ классовыхъ интересовъ, существеннѣе всѣхъ соціальныхъ и иныхъ дѣленій. Необходима организованная политическая партія, которая въ этомъ будетъ видѣть въ настоящее время весь смыслъ своего существованія и все содержаніе своей работы. Такая партія можетъ быть только

конституціонной, ибо конституція есть лишь закрѣпленіе державныхъ правъ націи. Такая партія можетъ быть только *демократической*, ибо націей въ наше время можетъ быть только весь народъ.

Россіи нужна *конституціонно-демократическая* партія, нужна какъ орудіе созданія державнаго народа, какъ акушеръ націи.

23—10 іюля 1905 г. П. С.

Въ тотъ самый день, когда писалась статья, V Новосильцовскій съѣздъ [1]) земцевъ-конституціоналистовъ обсуждалъ этотъ самый вопросъ и единогласно принялъ рядъ рѣшеній, которымъ образованіе партіи окончательно предопредѣлялось. Для подготовки программы партіи и соглашенія съ другими „близкими по направленію группами“ (здѣсь подразумѣвался прежде всего конечно Союзъ Освобожденія) избрано 20 лицъ, въ числѣ которыхъ 15 оказались членами Союза Освобожденія. Къ работѣ было приступлено немедленно. Въ нихъ принялъ участіе и Совѣтъ Союза, назначившій на 23 августа общій съѣздъ Союза для постановки на немъ вопроса объ образованіи партіи.

Назрѣвалъ еще и другой важный политическій вопросъ, который безусловно требовалъ союзнаго рѣшенія: вопросъ объ участіи въ выборахъ въ Государственную Думу. Созданіе партіи тѣсно связывалось съ выборной кампаніей и дѣятельностью въ Думѣ. Совѣтъ признавалъ необходимымъ на оба вопроса (о созданіи партіи и объ участіи въ выборахъ) отвѣчать утвердительно. Какъ разъ 5 августа, наканунѣ изданія манифеста о Государственной Думѣ, совѣтъ обсудилъ въ Петербургѣ относящіеся къ съѣзду вопросы и выслушалъ написанный П. Н. Милюковымъ проектъ предисловія къ партійной программѣ. На слѣдующій день, въ самый день изданія Манифеста, какъ извѣстно, Милюковъ былъ арестованъ, впрочемъ по дѣлу, не имѣющему никакого отношенія къ Союзу Освобожденія, и выпущенъ гораздо позже окончанія съѣзда.

Вопросъ о созданіи партіи становился въ дѣятельности Союза однимъ изъ самыхъ важныхъ. Редакторъ „Освобожденія“, тотчасъ послѣ ознакомленія съ принятой на мартовскомъ съѣздѣ программой, высказываетъ весьма радужныя надежды на возможность

[1]) Подробный журналъ его занятій напечатанъ въ видѣ приложенія къ послѣднему № 78—79 „Освобожденія“ отъ 5 окт. 1905 года.

созданія партіи и на ея роль среди другихъ лѣвыхъ элементовъ. Онъ находитъ выработанную программу совершенно достаточной „для партіи, задающейся цѣлями реальной политики“. Онъ борется противъ раздробленія вслѣдствіе разногласій по второстепеннымъ пунктамъ, когда въ основахъ соглашеніе достигнуто. Онъ и перечисляетъ „незыблемыя программныя основы русской демократической партіи“. Онъ ихъ формулируетъ такъ: „1) незыблемое утвержденіе правъ человѣка и гражданина, 2) организація народнаго представительства на основѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, 3) разрѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ прирѣзки земли крестьянамъ и урегулированія аренднаго права въ интересахъ земледѣльцевъ, 4) широкое развитіе законодательной охраны рабочихъ и государственнаго страхованія ихъ“. Программу эту прежде всего необходимо сдѣлать *народной*. При этомъ Струве надѣется на возможность общей работы со стоящими лѣвѣе партіями. Онъ разсуждаетъ такъ: „Что бы ни говорили представители стоящихъ налѣво отъ демократіи партій, и они въ дѣйствительной жизни не могутъ на каждомъ шагу не признавать, что демократическая программа, обрисованная нами выше, есть, поскольку они стоятъ на почвѣ реальной политики, въ то же время ихъ собственная программа-минимумъ. А потому, если представители крайнихъ партій реальные политическіе результаты цѣнятъ дороже теоретическаго самоуслажденія, они должны стремиться къ практическому соглашенію и сотрудничеству съ демократической партіей на основѣ ея программы“. („Освобожденіе“, № 69—70, стр. 307—308).

Постоянно проводимая П. Б. Струве мысль о полномъ слія-ніи земскихъ общественныхъ элементовъ съ элементами демократическими кажется ему близкой къ осуществленію. Въ томъ же № онъ, основываясь на рѣшеніяхъ апрѣльскаго земскаго съѣзда, высказываетъ свою увѣренность въ благопріятномъ рѣшеніи вопроса. „Только въ единеніи земской оппозиціи и демократической интеллигенціи русская демократія обрѣтетъ необходимую ей революціонную силу“.

„Задача—къ двойственному союзу земской оппозиціи и демократической интеллигенціи привлечь третью, рѣшающую силу—народъ,—осуществима только при полномъ единеніи первыхъ двухъ силъ“. Всю силу убѣжденія Струве направляетъ на одну изъ нихъ—земскую оппозицію. Въ готовности второй идти на единеніе онъ какъ будто не сомнѣвается.

Иначе оцѣниваютъ положеніе работающіе въ Россіи друзья Петра Бернардовича. Опять все въ томъ же №, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Какъ не потерять себя?“ У—въ ставитъ вопросъ о реальныхъ силахъ, на которыя удастся опереться въ борьбѣ, безъ большой или даже безъ всякой надежды на успѣхъ въ близкомъ будущемъ. У крестьянъ и рабочихъ массъ успѣхъ будетъ имѣть тотъ, кто имъ больше обѣщаетъ. А наши лѣвые элементы слишкомъ лишены чувства политической реальности и оторваны отъ жизни. Даже и освобожденческія группы, по наблюденіямъ автора, передвигаются влѣво и перестаютъ быть самими собой. Наши принципы восторжествуютъ послѣ завтра: „но какъ дожить до этого послѣзавтрашняго дня, не потерявъ себя?“

Въ длинной статьѣ, названной „Какъ найти себя?“, подробно отвѣчаетъ своему сотруднику - скептику редакторъ въ № 71, подробно обосновывая свои оптимистическія предвидѣнія. Но и другой сотрудникъ въ рядѣ статей рисуетъ картины, далеко не особенно благопріятныя для сплоченія демократическихъ элементовъ. Въ двухъ статьяхъ, подписанныхъ буквами —СС—, въ №№ 74 и 75 (13 іюля и 6 августа) очень замѣтно сознаніе опасности отъ слишкомъ лѣваго настроенія интеллигенціи, которое опять разобщитъ конституціонные и демократическіе элементы и можетъ дать побѣду общему врагу.

Въ первой изъ этихъ статей—„Союзъ Освобожденія и другія политическія партіи“—приходится даже доказывать, что Союзъ все-таки нуженъ и долженъ быть сохраненъ несмотря на то, что его члены разсѣялись по всему широкому фронту, какимъ развернулось русское оппозиціонное движеніе.

IV съѣздъ Союза Освобожденія, который состоялся въ Москвѣ 23 августа, какъ будто не оправдалъ этихъ опасеній. Условія, при которыхъ съѣздъ собирался, были нѣсколько исключительными. Правительство послѣ изданія положенія о выборахъ 6 августа, которымъ отмѣнялся указъ 18 февраля о допущеніи обращеній на Высочайшее имя, прилагало всѣ усилія, чтобы пресѣчь укоренившійся за послѣдніе мѣсяцы непорядокъ, согласно которому русскіе граждане вздумали собираться и толковать объ общественныхъ дѣлахъ, никого не спрашиваясь. Извѣстный приставъ Носковъ особенно усердствовалъ: 19 августа онъ помѣшалъ въ частной квартирѣ Ю. А. Новосильцова побесѣдовать между собой 10—11 почтеннымъ земцамъ, 20—явился на квартиру доктора Н. Н. Баженова въ засѣданіе бюро земскихъ съѣздовъ и послѣ

настойчиваго протеста собранія, съ которымъ онъ уже неоднократно ранѣе имѣлъ дѣло безъ особеннаго успѣха, согласился не принимать насильственныхъ мѣръ съ телефоннаго разрѣшенія генералъ-губернатора лишь подъ условіемъ своего присутствія на собраніи до самаго конца... А черезъ 72 часа начинается въ той же Москвѣ конспиративный съѣздъ тайнаго общества, въ которомъ участвуетъ около 50 лицъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи съ полномочіями отъ группъ и засѣдаетъ совершенно безпрепятственно три дня. Помѣщенія для съѣзда были опять предоставлены адвокатами, кромѣ одного собранія, которое устроено у московскаго литератора.

Съѣздъ этотъ единственный, о которомъ помѣщены были прямыя свѣдѣнія въ „Освобожденіи“. Подробное его описаніе напечатано въ самомъ послѣднемъ выпускѣ этого журнала (№ 78—79), вышедшемъ 5 октября 1905 года, въ статьѣ за подписью „Секретарь съѣзда“. Желая по возможности отрѣшиться отъ точки зрѣнія настоящаго момента, отстоящаго уже на порядочномъ разстояніи отъ самаго описываемаго событія, мы въ послѣдующемъ изложеніи поведемъ разсказъ подлинными словами современника-очевидца, тогда же имъ и записанными.

„На съѣздѣ представлены были группы обѣихъ столицъ, 4 провинціальныхъ университетскихъ городовъ и 17 губерскихъ [1]), кромѣ того прислали своихъ представителей нѣкоторыя уѣздныя группы, а также отдѣльно группа такъ называемыхъ демократовъ и группа еврейскаго союза. Впервые на этотъ разъ участвовали на съѣздѣ представители двухъ отдаленныхъ сибирскихъ губерній. Около трети съѣзда состояло изъ земскихъ и городскихъ гласныхъ, затѣмъ были профессора, литераторы, юристы, врачи, инженеры, статистики и т. д.“ Проектъ образованія конституціонно-демократической партіи заключающій въ себѣ собственно два вопроса: вопросъ о переходѣ отъ тактики тайнаго общества, какимъ volens nolens былъ до настоящаго времени Союзъ Освобожденія, къ тактикѣ открытой политической партіи въ европейскомъ смыслѣ слова, и вопросъ о соединеніи съ параллельными группами, не вызвалъ ни въ томъ, ни въ другомъ пунктѣ большихъ возраженій со стороны участниковъ съѣзда.

[1]) Въ „Листкѣ Союза Освобожденія“ перечислены тѣ группы, которыя были представлены на IV съѣздѣ: Петербургъ, Новгородъ, Москва, Тверь, Кострома, Владиміръ, Смоленскъ, Могилевъ, Вологда, Вятка, Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Тамбовъ, Курскъ, Харьковъ, Сумы, Екатеринославъ, Новозыбковъ (Черниг. губ.), Кіевъ, Одесса, Симферополь, Красноярскъ, Иркутскъ.

Высказанная немногими мысль, что Союзъ Освобожденія, какъ союзъ, представляется формой, способной объединить больше силъ, нежели партія съ болѣе опредѣленной программой, не была поддержана съѣздомъ, признавшимъ на основаніи опыта, что конспиративный характеръ союза создаетъ извѣстный предѣлъ его расширенію"... Кромѣ того опредѣленность предполагаемой программы партіи, по мнѣнію автора статьи, не должна исключать извѣстной широты рамокъ, которая позволяла бы идти рука объ руку людямъ, солидарнымъ по основнымъ ея вопросамъ, но не одинаково относящимся къ вопросамъ" болѣе второстепеннымъ... Не нужно только, чтобы программа относительно этихъ спорныхъ пунктовъ отдѣлывалась умолчаніями или неясными выраженіями, надо прямо и открыто оговорить въ ней, по какимъ пунктамъ допускается фракціонное разномысліе. Примѣры запада говорятъ за возможность дѣленія на фракціи единой партіи и у насъ.

Для выработки программы будущей партіи съѣздъ избралъ 40 лицъ, наиболѣе по его мнѣнію компетентныхъ, знакомыхъ съ настроеніемъ общества и народныхъ массъ, какъ по областямъ, такъ и по профессіональнымъ группамъ, для участія въ смѣшанной комиссіи смѣстѣ съ лицами, уполномоченными отъ земцевъ-конституціоналистовъ, а если понадобится, то и отъ другихъ организацій. „Подготовленный комиссіей проектъ программы долженъ быть затѣмъ окончательно разсмотрѣнъ и санкціонированъ общимъ учредительнымъ съѣздомъ, который объявитъ открытіе дѣйствій будущей партіи". Въ качествѣ исходной точки для подготовительныхъ работъ членамъ отъ Союза Освобожденія указана программа послѣдняго, принятая третьимъ съѣздомъ.

„Поднимался на съѣздѣ вопросъ о самомъ названіи партіи: предполагаемое названіе (конституціонно-демократическая партія), заключаетъ въ себѣ два иностранныхъ слова, совершенно вошедшія въ языкъ русской интеллигенціи, но еще чуждыя и даже не легко произносимыя для простолюдина; къ сожалѣнію, однако, приходится примириться съ этимъ терминомъ, такъ какъ русская жизнь, — увы!—не располагала до сихъ поръ къ созданію собственной оригинальной терминологіи въ этой области"... Съ образованіемъ партіи признано необходимымъ спѣшить въ виду предстоящихъ выборовъ въ государственную думу.

„Излишне говорить, что среди освобожденцевъ не нашлось ни одной души, сколько-нибудь удовлетворенной положеніемъ 6 августа. Вопросъ сводился лишь къ тому, принимать ли актив-

ное и пассивное участіе въ выборахъ и если принять, то какими мандатами снабдить своихъ возможныхъ депутатовъ. Съѣздъ отнесся чрезвычайно внимательно къ мысли о бойкотѣ выборовъ: каждый членъ долженъ былъ ознакомить собравшихся съ тѣмъ, что думаютъ о возможности и продуктивности бойкота на мѣстахъ и что думаетъ онъ самъ. Защитниковъ идеи бойкота среди присутствовавшихъ нашлось только двое, но и тѣ не пожелали остаться при особомъ мнѣніи и подчинились рѣшенію большинства"...

Не было на съѣздѣ разногласій и о желательной тактикѣ въ Думѣ тѣхъ депутатовъ, которые раздѣляютъ программу партіи. „Единодушно сходясь на томъ, что проникнуть въ Думу надо не для текущей, такъ называемой органической работы, а ради завоеванія новой позиціи въ борьбѣ за коренныя государственныя реформы, члены съѣзда въ вопросѣ о проведеніи этой тактики обнаружили только нѣсколько различный политическій темпераментъ: однимъ, болѣе нетерпѣливымъ, эта тактика представлялась въ такомъ видѣ, что депутаты въ первомъ же собраніи должны или добиться всего, или выйти изъ Думы, другіе допускали возможность не только тактики приступа, но и тактики правильной осады пресловутыхъ нынѣ іерихонскихъ стѣнъ, не сбиваясь однако на путь мелочной текущей работы и не разбредаясь по лѣстницѣ компромиссовъ"... Однако опредѣлять заранѣе въ конкретныхъ формахъ будущую тактику, особенно когда неизвѣстно число сторонниковъ партіи въ будущей думѣ, признано было невозможнымъ и выработка ея отложена до спеціальнаго партійнаго съѣзда.

Помимо этихъ двухъ основныхъ вопросовъ съѣзда на немъ выслушанъ былъ подробный докладъ о дѣятельности и первомъ съѣздѣ крестьянскаго союза и обсуждены обычные организаціонные вопросы....

Постановленія съѣзда были формулированы слѣдующимъ образомъ:

Постановленія 4-го съѣзда Союза Освобожденія.

1) Признано необходимымъ приступить безотлагательно къ организаціи открытой конституціонно-демократической партіи. Съ этой цѣлью избрана особая комиссія изъ 40 лицъ, которой поручено войти по данному вопросу въ сношеніе съ другими общественными группами и принимать всѣ нужныя подготовительныя мѣры; въ качествѣ исходной точки для такихъ подготовительныхъ работъ комиссіи была указана программа Союза Освобожденія, принятая на третьемъ съѣздѣ Союза.

2) По вопросу объ участіи членовъ Союза въ выборахъ въ государственную думу съѣздомъ приняты слѣдующія резолюціи:

а) Признавая, что вновь учрежденная [1]) государственная дума совершенно не соотвѣтствуетъ опредѣленно выраженнымъ требованіямъ страны и ни въ коемъ случаѣ не можетъ замѣнить истиннаго народнаго представительства, основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ и пользующагося рѣшающимъ голосомъ въ законодательствѣ, Союзъ тѣмъ не менѣе находитъ, что воздержаніе отъ участія въ выборахъ не можетъ быть проведено въ широкихъ размѣрахъ и потому не дастъ практическихъ результатовъ, участіе же въ избирательной борьбѣ, наоборотъ, дастъ возможность воспользоваться новыми путями въ дѣлѣ пробужденія и формированія дѣйственной политической мысли. Въ виду этого Союзъ не находитъ возможнымъ рекомендовать своимъ членамъ устраненіе отъ участія въ выборахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что члены Союза могутъ вступать въ государственную думу не ради участія въ текущихъ повседневныхъ законодательныхъ работахъ, а исключительно съ цѣлью борьбы за введеніе въ Россіи дѣйствительныхъ конституціонныхъ свободъ и учрежденій на демократическихъ основахъ, не стѣсняясь при этомъ перспективой возможности открытаго разрыва съ существующимъ правительствомъ.

б) Желательно, чтобы волостными сходами при выборѣ выборщиковъ были формулируемы основныя нужды мѣстныхъ крестьянъ, какъ политическія, такъ и экономическія.

3) Разсмотрѣвъ заключеніе Совѣта объ отношеніяхъ Союза Освобожденія къ центральной организаціи Крестьянскаго Союза, съѣздъ постановилъ воздержаться пока отъ ассигнованія пособія Крестьянскому Союзу изъ общихъ средствъ Союза Освобожденія и поручилъ Совѣту войти въ постоянное общеніе съ органами Союза, предоставивъ самому Совѣту опредѣлить лучшія формы такого общенія. По отношенію же къ крестьянскимъ союзамъ на мѣстахъ принята слѣдующая резолюція: Мѣстныя группы Союза Освобожденіе должны всѣми мѣрами содѣйствовать учрежденію мѣстныхъ крестьянскихъ союзовъ на почвѣ платформы, соотвѣтствующей основнымъ положеніямъ Союза Освобожденія, и посылкѣ этими союзами делегатовъ на всероссійскій съѣздъ крестьянскихъ союзовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ путей для достиженія этой задачи должны быть земскіе экономическіе и др. совѣты, гдѣ къ нимъ привлекаются крестьянскіе представители, мелкія сельскохозяйственныя общества, потребительныя общества, кредитныя товарищества и т. п.

4) Продолженіе журнала „Освобожденіе“ до 1 января 1906 года признано единогласно необходимымъ, вопросъ же объ изданіи „Освобожденія“ въ 1906 году оставленъ открытымъ до рѣшенія его слѣдующимъ съѣздомъ [2]).

5) Признано весьма желательнымъ развитіе лекціонной дѣятельности членовъ Союза въ столицахъ и провинціи, съ тѣмъ, чтобы такія лекціи, помимо своей ближайшей и непосредственной цѣли подъема политическаго сознанія населенія, служили бы также и источникомъ для усиленія денежныхъ средствъ Союза.

---

[1]) Напоминаемъ, что дѣло идетъ о думѣ 6 августа 1905 года. Д. Ш.

[2]) Значеніе „Освобожденія“ при быстрой смѣнѣ событій, дѣлавшихъ самыя блестящія статьи заграничнаго органа часто запоздалыми, и при, сравнительно съ прежнимъ болѣе свободной прессѣ сильно упало за это время. Самъ редакторъ неоднократно подымалъ вопросъ о прекращеніи изданія. Было не мало сторонниковъ этого и среди освобожденцевъ въ Россіи. Лѣтомъ 1905 года происходило въ Петербургѣ спеціальное совѣщаніе по этому вопросу: въ результатѣ его и дальнѣйшихъ переговоровъ признано было невозможнымъ допускать прекращеніе заграничнаго журнала въ моментъ, когда ничего существеннаго еще не получено. На совѣщаніи въ Петербургѣ присутствовала прибывшая спеціально изъ Парижа для выясненія этого вопроса выдающаяся работница по транспорту „Освобожденія“, не пользовавшаяся безопасностью въ Россіи и явившаяся сюда подъ чужимъ именемъ. Въ ея лицѣ союзъ познакомился съ единственной, повидимому, „нелегальной освобожденкой“. Поѣздка ея прошла безъ всякихъ осложненій.

6) Постановлено напомнить мѣстнымъ группамъ о принятыхъ ими на себя денежныхъ обязательствахъ по отношенію къ центральной кассѣ Союза.

Четвертымъ съѣздомъ фактически закончилась дѣятельность Союза. Работы избранной имъ комиссіи и самое образованіе конституціонно-демократической партіи относятся уже къ исторіи послѣдней и описаны довольно подробно въ отчетѣ партіи за два первые года ея существованія [1]). Послѣ партійнаго учредительнаго съѣзда, который начался 12 октября и привелъ 14 октября къ формальному провозглашенію партіи образовавшеюся и не закончилъ еще своихъ занятій въ моментъ полученія извѣстія о конституціонномъ манифестѣ 17 октября, предполагался еще V съѣздъ, который и долженъ былъ опредѣлить окончательную судьбу союза послѣ образованія партіи. Но съѣздъ этотъ не могъ собраться къ назначенному сроку изъ-за желѣзнодорожной забастовки; по свидѣтельству В. В. Водовозова [2]) вопросъ о сохраненіи обособленной организаціи союза въ концѣ октября, уже послѣ образованія партіи, подымался въ петербургской группѣ, но состоявшееся положительное его разрѣшеніе не привело къ практическимъ результатамъ. Такимъ образомъ Союзъ пересталъ дѣйствовать, хотя никогда не былъ закрытъ формальнымъ постановленіемъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ участіи освобожденцевъ въ октябрьской политической забастовкѣ. Союзъ переживалъ въ этотъ моментъ переходный періодъ и, какъ цѣлое, не могъ на нее опредѣленно реагировать. На неожиданно разросшееся могучее стихійное движеніе откликнулась первымъ своимъ постановленіемъ только что образовавшаяся конституціонно-демократическая партія. Но, каждый за себя и на своемъ мѣстѣ, освобожденцы въ этомъ общемъ порывѣ сыграли, конечно, весьма значительную роль. Не остались ему чуждыми и отдѣльныя группы союза въ цѣломъ. Движеніе это навѣрное дождется спеціальнаго изслѣдованія: только такое изслѣдованіе сможетъ оцѣнить ту роль, которая выпала въ немъ на долю освобожденцевъ.

Съ изданіемъ манифеста 17 октября конечно утратило смыслъ изданіе „Освобожденія“. Послѣдній двойной № журнала, по счету

---

[1]) Отчетъ Центральнаго Комитета Конституціонно-Демократической партіи (партіи Народной Свободы) за два года съ 18 окт. 1905 г. по октябрь 1907 г. СПБ., 1907 г.

[2]) См. Энциклопедическій словарь Брокгауза, 3 дополнительный полутомъ, стр. 354.

78—79, вышедшій 5 октября 1905 года, ничѣмъ, еще не выдаетъ рѣшенія редактора прекратить свое дѣло, но 25 октября Струве уже былъ въ Петербургѣ.

XII.

Изложивъ въ своихъ запискахъ первые шаги, которые привели затѣмъ къ созданію Союза Благоденствія, декабристъ Якушкинъ прибавляетъ скромныя и вмѣстѣ съ тѣмъ гордыя слова: „Такимъ образомъ положено начало тайному обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безполезно для Россіи". Первый русскій политическій союзъ XIX вѣка не имѣлъ внѣшняго успѣха. Въ свое время, даже въ моменты его усиленной дѣятельности, Якушкинъ нерѣдко относился съ суровой критикой къ его дѣйствіямъ и находилъ нужнымъ протестовать противъ нихъ. Но пережитый когда-то порывъ къ дѣятельному служенію свободѣ и родному народу покрылъ собой всѣ неудачи, раздоры и крушеніе личной судьбы и оставилъ въ сердцѣ ссыльнаго старика одно только благодарное чувство сознанія исполненнаго жизненнаго долга.

Пусть судятъ другіе, имѣютъ ли право повторить слова Якушкина о принесенной „Союзомъ Освобожденія". пользѣ члены послѣдняго.

Во всякомъ случаѣ то или другое значеніе Союза за непродолжительное время его существованія было огромно. Онъ не оказалъ какого либо рѣшающаго вліянія на событія непосредственнымъ своимъ выступленіемъ въ качествѣ матеріальной силы. Но какъ направляющій общественное движеніе центръ, дававшій возможность взаимной провѣрки, служившій мѣстомъ согласованія разнородныхъ силъ и тѣмъ самымъ способствовавшій ихъ наиболѣе сильному и объединенному проявленію — онъ былъ незамѣнимымъ орудіемъ, безъ котораго немыслима была бы та увѣренность и рѣшительность, съ какой удалось воздѣйствовать и на общественное мнѣніе, и на общественныя выступленія.

Какъ *объединяющая* и *организующая общественную борьбу* сила, Союзъ со своей миссіей справился. Но когда достигнута была главная цѣль его усилій и передъ нимъ встала совершенно естественно вытекавшая изъ хода его развитія задача—созданіе достаточно сильной открытой демократической партіи,—Союзъ не перелилъ въ нее всего того запаса разнообразныхъ силъ, которыя онъ въ себѣ съумѣлъ

сосредоточить. Большая составная часть союза, придававшая ему особенную активность и именно создавшая изъ него, благодаря своему умѣлому сотрудничеству съ менѣе подвижными, но все же безусловно цѣнными земскими элементами, явленіе, ранѣе не виданное въ русской жизни, не переступила вмѣстѣ со вчерашними товарищами черезъ порогъ открытой партіи. Не переступила, несмотря на то, что трудно было бы отрицать вполнѣ демократическій характеръ программы этой партіи.

Доискиваться причинъ этого мы здѣсь не будемъ; внимательный читатель нѣкоторыя изъ нихъ можетъ быть усмотрѣлъ изъ предыдущаго изложенія, другія объясняются исключительными условіями момента, въ который происходило образованіе партіи; не хочу я здѣсь давать и оцѣнки создавшагося положенія. Несомнѣнно одно: третья задача союза—объединеніе широкихъ демократическихъ круговъ въ достаточно сильную для матеріальнаго успѣха партію съ осуществимыми на дѣлѣ цѣлями — выполнена была только на половину... Кто скажетъ, когда и какъ жизнь довершитъ это недодѣланное дѣло?

Кн. Дм. Шаховской.

Первый женскій съѣздъ.

I.

Для русскаго общественнаго сознанія женскій вопросъ и женское движеніе является новымъ пришельцемъ въ ряду другихъ насущныхъ и все еще неразрѣшенныхъ вопросовъ. Женскій съѣздъ въ декабрѣ 1908 года впервые собралъ воедино, громогласно и настойчиво подчеркнулъ разрозненныя требованія и стремленія, до сихъ поръ не находившія у насъ цѣльнаго и послѣдовательнаго выраженія.

Какъ толчокъ, какъ психологическая встряска, съѣздъ сыгралъ очень крупную роль въ молодой исторіи нашего женскаго движенія. Онъ заставилъ и мужчинъ, и женщинъ глубже всмотрѣться въ сущность выдвинутыхъ на немъ вопросовъ, заставилъ и тѣхъ, и другихъ понять, что это не случайное явленіе, а давно назрѣвавшая потребность, ищущая себѣ удовлетворенія.

Русское общество, въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, и опередило Западъ, и отстало отъ него. Нашъ гражданскій кодексъ ставитъ женщину въ лучшія условія, чѣмъ латинское или даже германское законодательство. Ея имущественная самостоятельность до извѣстной степени признана закономъ. Русская литература даетъ рядъ высокихъ въ своей человѣчности женскихъ типовъ. Вслѣдъ за ней и общественное мнѣніе, повидимому, признаетъ равноцѣнность женщины.

Еще въ 1882 г. Кавелинъ писалъ Д. Милютину: „Женская молодежь у насъ восхитительна: на ней отдыхаетъ и умъ, и сердце. Даже заклятые враги женскаго вопроса мало-по-малу переходятъ въ его друзей. Этотъ вопросъ выигранъ, и выигранъ блистательно“. Къ сожалѣнію, это оказалось слишкомъ идеалистической оцѣнкой положенія.

Затянувшаяся борьба за свободу, при полномъ политическомъ

безправіи обоихъ половъ, сдѣлала женщину товарищемъ мужчины въ трудныхъ, а подчасъ и героическихъ этапахъ этой борьбы, она, казалось, пріучала общество къ мысли о равенствѣ обѣихъ половинъ человѣческаго рода. По своему образованію, по обилію и многосторонности политическихъ и идейныхъ интересовъ, русская интеллигентная женщина оказалась гораздо богаче средней западной буржуазки. Но, захваченная общей работой, она не успѣвала, да, повидимому, и не хотѣла думать о себѣ, выдѣлять изъ общихъ лозунговъ свои женскія требованія.

Намѣченныя русской интеллигенціей задачи были такъ широки, такъ пропитаны гуманностью, полнымъ признаніемъ правъ человѣка и гражданина, что казалось ненужной придирчивостью настаивать на отдѣльныхъ подробностяхъ, доказывать, что эта формула вмѣщаетъ не только гражданъ, но и гражданокъ.

Женщины забыли о себѣ и, можетъ быть, хорошо поступили. Надо было пройти общій стажъ, надо было на общей работѣ развить и выявить общественные инстинкты и навыки, такъ долго остававшіеся безъ примѣненія. Въ интересахъ самого дѣла было выгоднѣе не осложнять и безъ того сложныхъ политическихъ задачъ. Но сознательное и полусознательное замалчиваніе своихъ женскихъ правъ несло въ себѣ и вредное начало. Не только мужчины, но и женщины начинали привыкать къ такой постановкѣ вопроса, принимали ее, какъ нѣчто нормальное и длительное. Политическія права женщинъ отходили куда-то въ даль, къ блаженнымъ временамъ послѣднихъ достиженій. Практическій, насущный, сегодняшній ихъ смыслъ все больше и больше расплывался. А тутъ еще съ запада грозилъ призракъ феминизма, съ его пристрастной и узкой враждебностью къ мужчинамъ, съ его комическими чертами, какъ всегда, усиленными несправедливой легендой.

Многихъ женщинъ страхъ феминизма отпугиваетъ отъ болѣе глубокаго, болѣе дѣятельнаго отношенія къ собственнымъ насущнымъ интересамъ. Тутъ сказывается и вполнѣ законное нежеланіе отрываться отъ общаго и уходить въ тѣсную скорлупу отдѣльнаго, и несравненно менѣе законный страхъ передъ мужскимъ мнѣніемъ. До сихъ поръ главнымъ творцомъ культурныхъ и идейныхъ цѣнностей былъ мужчина, его взгляды опредѣляли и направляли то или иное идейное теченіе, и немалаго труда стоило женщинамъ XIX вѣка преодолѣть этотъ пріоритетъ, хотя бы въ томъ, что непосредственно затрагиваетъ ихъ интересы, ихъ женскость.

Когда, рядомъ съ правами человѣка и гражданина, французскія передовыя женщины, опиравшіяся на авторитетъ Сіэса и Кондорсэ, попробовали провозгласить декларацію правъ женщины и гражданки, ихъ встрѣтили недоумѣніемъ и насмѣшками, а въ 1793 г. конвентъ, особымъ декретомъ, запретилъ женщинамъ появляться въ политическихъ собраніяхъ, причемъ одинъ изъ членовъ конвента презрительно объявилъ, что Жанны Д'Аркъ больше не нужны Франціи.

Но выводить женщинъ на гильотину никто не запретилъ, и много женскихъ головъ легло тогда на плаху.

Болѣе чѣмъ полвѣка спустя, въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка, одинъ изъ самыхъ страстныхъ и смѣлыхъ проповѣдниковъ свободы, неукротимый разрушитель существующаго общественнаго строя, во имя иного—просторнаго и свѣтлаго, Прудонъ, написалъ свою полемическую книгу „Порнократія или женщины современности". Книга осталась недописанной, но и того, что появилось въ печати, достаточно, чтобы показать, съ какимъ трудомъ пробивались сквозь толщу предразсудковъ даже теперешнія, еще далеко не свободныя понятія о женщинѣ.

„Мужчинѣ подобаетъ сила, женщинѣ—красота", говоритъ Прудонъ. Соотвѣтственно съ этимъ опредѣляется и ихъ роль въ обществѣ, гдѣ красота неизбѣжно подчинена силѣ, „уничтожьте эту преданность красоты силѣ и вы вернетесь къ конкубинату, разрушите бракъ". По мнѣнію родоначальника анархизма, семья, необходимая основная ячейка общественности, можетъ держаться только абсолютизмомъ мужа, правда, просвѣщеннымъ, но все-таки абсолютизмомъ.

„Болѣе сильному—дѣйствіе, борьба, движеніе, той, которая блистаетъ и любитъ, но которая должна блистать только для своего супруга, любить только его — домашнія заботы, миръ и чистота очага. Оба отвѣтственны и оба свободны въ своихъ обязанностяхъ, но мужъ все-таки имѣетъ право контроля надъ женой, тогда какъ жена должна только помогать, совѣтовать, сообщать все мужу". „Сердце мужчины должно наслаждаться своей властью въ домѣ (plein de la volupté de commander chez lui) такъ какъ иначе мужчины больше нѣтъ".

Если женщина имѣетъ дерзость бунтовать противъ этой власти, мужъ обязанъ сломить сопротивленіе, хотя бы силой. Отсюда понятный переходъ къ жестокой расправѣ въ случаѣ невѣрности. „Супругъ имѣетъ право судить свою жену, жена не имѣетъ

права судить мужа". Прудонъ всецѣло одобряетъ унаслѣдованный у римлянъ законъ о правѣ мужа убить невѣрную жену. „Жена должна гордиться, если вернетъ къ себѣ невѣрнаго мужа. Мужъ унизитъ себя, если вернется къ невѣрной женѣ".

Самая возможность не только политической, но даже экономической независимости женщины приводила въ ярость этого защитника свободы. „Нельзя жениться на артисткѣ, потому что она принадлежитъ публикѣ, будетъ носиться съ своимъ превосходствомъ и *зарабатывая деньги, ничѣмъ не будетъ обязана мужу*". „Мужчина производитъ философскія и экономическія цѣнности, женщина только ими пользуется".

То-есть пользоваться философскими завоеваніями мужчины ей нѣтъ никакой нужды, потому что „женщина достаточно знаетъ, если она умѣетъ чинить наши рубашки и жарить бифштексъ. Будьте хорошими хозяйками, этимъ все сказано".

Такъ рѣшалъ женскій вопросъ писатель, вся жизнь котораго была отдана выработкѣ и проповѣди новыхъ соціальныхъ отношеній. Въ этомъ вопросѣ даже его пытливая мысль оказалась всецѣло подъ властью старыхъ предубѣжденій, традицій и обычаевъ. Этотъ мыслитель и политикъ былъ такъ крѣпко преданъ старому преклоненію передъ женщиной-хозяйкой, что просмотрѣлъ измѣненіе въ экономическихъ условіяхъ, выбросившихъ женщину, какъ производительницу цѣнностей, на общій трудовой рынокъ, гдѣ никто не считается съ ея физіологическими особенностями. Онъ просмотрѣлъ и тѣ психологическія измѣненія современнаго человѣка, которыя все настойчивѣе требуютъ отъ семьи прежде всего содруженства двухъ разныхъ, но равныхъ человѣческихъ личностей и все безпощаднѣе мстятъ за нарушеніе этого равенства. Отрицатель собственности и государства не могъ и не хотѣлъ вырвать изъ самаго себя мужское чувство собственности къ женщинѣ. Мудрено-ли, что въ сознаніе толпы эта новая мысль о женскомъ равенствѣ проникала съ еще большимъ трудомъ. Вѣдь здѣсь разумъ, мысль, логика боролись съ самымъ опаснымъ врагомъ, съ застарѣлымъ инстинктомъ побѣдителя, создавшаго цивилизацію, гдѣ женщинѣ отведено подчиненное мѣсто, гдѣ эта подчиненность служила источникомъ не только удобства, но и наслажденія. Такъ легко возвести привычное и пріятное на степень нерушимаго догмата, или еще болѣе нерушимаго закона природы.

Поддаваясь мужскому мышленію, женщины долго и сами вѣрили въ этотъ догматъ, и только XIX вѣкъ окончательно про-

билъ брешь, совершилъ идейный сдвигъ въ сторону равноправія женщины, до сихъ поръ вызывающаго столько насмѣшекъ, раздраженія и противодѣйствія. Историкъ эпохи возрожденія, Бурхардъ, писалъ, что время ренессанса открыло человѣка. Можно, перефразируя его, сказать, что наше время вынуждено открывать женщину. Это дѣлается совмѣстными усиліями и мужчинъ, и женщинъ. Цѣлый рядъ ученыхъ, политиковъ, соціологовъ, общественныхъ дѣятелей отстаивали и развивали необходимость женской эмансипаціи, но на-ряду съ этимъ растетъ и крѣпнетъ самодѣятельность самихъ женщинъ, все громче и громче требующихъ всей полноты человѣческихъ правъ и обязанностей.

На Западѣ, гдѣ формы общежитія, также какъ понятія и мысли, приняли болѣе законченный, менѣе подвижный характеръ, положеніе женщинъ было труднѣе, имъ дольше пришлось дѣйствовать въ узкой средѣ чисто-женскихъ организацій, т. к. на общую работу женщинъ пускали очень неохотно, да и сами онѣ плохо приспособлялись къ ней. Только недавно нѣмецкая радикальная партія нашла возможнымъ допустить женщинъ въ свои комитеты. Въ рядахъ соціалъ-демократовъ мы видимъ активныхъ женщинъ, но ихъ, въ сравненіи съ мужчинами, ничтожное количество, а на массу женщинъ, на развитіе ихъ самодѣятельности и эта партія долго не обращала вниманія. Эта отброшенность, при общей интенсивной политической жизни, дѣлала женщинъ неприспособленными, неловкими, безпомощными, накладывала на ихъ первые шаги отпечатокъ неуравновѣшенности и неувѣренности, мелочности, а порой и комизма, что легко давало пищу насмѣшкѣ и недоброжелательству. Теперь западная женщина вышла уже изъ этого періода и все больше и больше заставляетъ считаться съ собой. Англійскія сюффражетки, поднявшія знамя безкровнаго, но бурнаго мятежа за право, являются послѣдними и самыми яркими выразительницами того, какой острой и настоятельной стала для женщинъ потребность выйти на широкую политическую дорогу.

II.

Русскія женщины пока оставались въ сторонѣ отъ этого движенія. Послѣ декабристокъ, явившихъ примѣръ еще пассивнаго, но уже сознательнаго героизма, слѣдующимъ замѣтнымъ

шагомъ въ жизни нашихъ женщинъ слѣдуетъ считать долгую борьбу за право на знаніе. Еще въ самомъ началѣ севастопольской войны Пироговъ вмѣстѣ съ великой княгиней Еленой Павловной, этой тонкой, умной женщиной, горячо преданной не только литературѣ, но и общественности, что она доказала своимъ отношеніемъ къ освобожденію крестьянъ, основалъ Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, первую въ Европѣ. Мысль допустить женщинъ на театръ войны показалась сначала нелѣпой и неприличной. Нужно было все вліяніе великой княгини, чтобы добиться разрѣшенія. Зато эти нѣсколько десятковъ піонерокъ положили начало позднѣйшей уже медицинской дѣятельности женщинъ и показали, какъ женщины могутъ работать. Пироговъ такъ и говорилъ: „До крымской войны мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ“. Теперь онъ убѣдился, что „если женщина получитъ надлежащее образованіе, то она можетъ такъ же хорошо устроить свою научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина“. Два года спустя Пироговъ напечаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ свою знаменитую статью „Вопросы жизни“. Въ ней этотъ педагогъ и врачъ требуетъ, чтобы женщина пріобщилась къ общечеловѣческому знанію, т. к. въ этомъ залогъ не только ея личнаго совершенствованія, но и совершенствованія всего человѣчества.

Въ томъ же 56 году по настоянію Александра II министръ Норовъ составилъ записку о женскихъ школахъ, а въ 57 году открыта въ Костромѣ на средства золотопромышленника Григорова первая женская гимназія. Общество встрѣтило эти новшества съ недовѣріемъ, но уже черезъ нѣсколько лѣтъ необходимость женскаго образованія стала ясна для всѣхъ. И прежде всего для самихъ женщинъ. Это было время первыхъ попытокъ дѣлать культурную работу, нести народу свои знанія. Но женщины, пытавшіяся работать въ воскресныхъ школахъ, скоро убѣдились, что имъ надо не учить, а учиться. Мелькнула надежда на университетъ. Въ 59 году, сначала въ петербургскомъ, а потомъ и въ провинціальныхъ университетахъ, появились первыя студентки. А въ 61 вспыхнули студенческія волненія, и передъ женщинами опять закрылись двери высшей школы, какъ будто десятокъ женщинъ, брошенныхъ въ густую толпу мужской учащейся молодежи, долженъ былъ нести особую отвѣтственность за событія. Вырабатывался новый университетскій уставъ. Всѣ университетскіе совѣты высказались за допущеніе женщинъ въ число студентовъ. Только

Дерптскій и Московскій совѣты были противъ. Въ Москвѣ большинствомъ 23-хъ голосовъ противъ 2-хъ постановили:—„ни подъ какимъ предлогомъ не допускать женщинъ, потому что это можетъ имѣть вредное вліяніе“. Такъ и было сдѣлано. И до сихъ поръ этотъ призракъ вредности не разсѣянъ. Но стремленіе къ высшему образованію уже проснулось и остановить его было трудно, тѣмъ болѣе, что новыя экономическія условія, создавшіяся послѣ уничтоженія крѣпостного труда, принудили многихъ женщинъ искать самостоятельнаго заработка. Жизнь требовала знаній, ремесла, неприспособленность давала себя чувствовать на каждомъ шагу, а учиться было негдѣ.

Въ началѣ января 1868 года Е. И. Конради подала на первый съѣздъ естествоиспытателей записку. Въ ней говорилось, что русскіе ученые не могутъ остаться равнодушны къ просвѣтительнымъ запросамъ русской женщины, которая, благодаря плохой подготовкѣ, не можетъ должнымъ образомъ выполнять обязанность матери и воспитательницы. Поэтому авторъ записки обращался къ съѣзду съ просьбой ходатайствовать передъ правительствомъ о „проведеніи въ жизнь той или иной мѣры, которую онъ сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей“. Предсѣдатель выразилъ полное сочувствіе, но заявилъ, что вопросъ о женскомъ образованіи не подлежитъ компетенціи съѣзда.

Записка сдѣлала свое дѣло. Она привлекла вниманіе общественнаго мнѣнія и въ средѣ интеллигентныхъ женщинъ началось движеніе, образовались кружки самообразованія, читались лекціи въ частныхъ домахъ. Это движеніе замѣчалось и раньше, но теперь оно приняло болѣе сгущенный характеръ. Еще раньше нѣсколько энергичныхъ, просвѣщенныхъ женщинъ, М. Трубникова, Н. Стасова, Е. Лихачева, О. Тарновская, А. Философова и другія искали возможныхъ путей для созданія въ Россіи высшихъ женскихъ школъ. Онѣ привлекли въ свой кружокъ профессоровъ, создали организаціонной комитетъ, собрали деньги и въ ноябрѣ 1868 г. отправили къ министру народнаго просвѣщенія, гр. Д. Толстому, депутацію, куда вошли профессоръ Бекетовъ, Н. Стасова, Е. Воронина, А. П. Философова. Министръ отнесся къ просьбѣ разрѣшить женскіе курсы очень скептически. Къ чему это? Все равно выйдутъ замужъ, все забудутъ. Ему показали длинный списокъ уже впередъ записавшихся на курсы.

— Да это все бараны! Вы запѣвалы, а имъ все равно, на что и куда итди—мода, вотъ и все.

Гр. Д. Толстой рѣшительно заявилъ, что государь не дастъ согласія на женскій университетъ. Самое большое, чего можно добиться, это устройство смѣшанныхъ публичныхъ лекцій.

Для организаторовъ такая постановка была крайне нежелательна. Имъ хотѣлось сразу создать прочное учрежденіе, гдѣ читались-бы систематическіе курсы, а не отдѣльныя, болѣе или менѣе отрывочныя лекціи. Идея высшей женской школы уже получила широкое распространеніе въ Россіи. Въ Петербургѣ и Москвѣ открылись своего рода подготовительные курсы, Аларчинскіе и Лубянскіе. Вѣсти о русскомъ движеніи залетѣли и за границу. Одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ и дѣятельныхъ сторонниковъ женскаго равноправія, Стюартъ Милль, прислалъ учредительницамъ привѣтственное письмо, гдѣ между прочимъ писалъ:

„Я глубоко убѣжденъ, что нравственное и умственное развитіе мужскаго пола легко можетъ остановиться или пойти назадъ, если развитіе женщинъ будетъ сильно отставать, и не потому только, что никто не можетъ замѣнить мать въ воспитаніи дѣтей, но и потому, что вліяніе на мужчину характера и идей подруги его жизни не можетъ считаться незначительнымъ: женщина или побуждаетъ мужчину къ поступательному движенію, или тянетъ его назадъ“.

Подобное же привѣтствіе было прислано изъ Америки отъ общества содѣйствія женскому образованію.

Русская печать тоже сочувственно относилась и къ этому начинанію, и вообще къ женскому вопросу. Въ одномъ изъ самыхъ вліятельныхъ журналовъ того времени, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, былъ даже открытъ отдѣлъ подъ заглавіемъ „Новости по женскому дѣлу“.

Годъ спустя послѣ подачи прошенія, въ декабрѣ 1869 г. министръ далъ разрѣшеніе на открытіе публичныхъ лекцій, для мужчинъ и женщинъ. Учредительницы сначала колебались, стоитъ-ли ихъ открывать. Ихъ планъ былъ составленъ для настоящей высшей школы, а не для популярныхъ курсовъ. Но пришлось брать, что даютъ. Гр. Д. Толстой, чтобы показать свое сочувствіе новому просвѣтительному начинанію, предложилъ воспользоваться его казенной квартирой, такъ какъ трудно было найти соотвѣтствующее помѣщеніе. 20 января 1870 г. курсы и были открыты

въ министерской квартирѣ. Изъ 900 записавшихся 767 было женщинъ.

Такіе же курсы были учреждены въ Кіевѣ, а въ 72 г. профессоръ Герье открылъ въ Москвѣ уже высшіе курсы исключительно для женщинъ. И въ томъ же году, тоже послѣ долгихъ мытарствъ, открываются въ Петербургѣ при медицинской академіи на частныя средства медицинскіе курсы, которые сначала назывались „особымъ женскимъ курсомъ для образованія акушерокъ“.

Все это было еще очень далеко отъ спокойнаго права на научное образованіе и далеко не удовлетворяло ни устроительницъ, ни учащихся. Наиболѣе предпріимчивыя уѣзжали за границу, чаще всего въ Швейцарію, гдѣ пріемъ былъ легче, а научная программа несравненно серьезнѣе. Это было время перваго и бурнаго увлеченія революціоннымъ народничествомъ. И эмигранты, и писатели, и просто революціонная молодежь собирались въ Цюрихѣ, который сталъ центромъ политическаго движенія, разносившагося оттуда во всѣ углы Россіи.

Правительство встревожилось. Для обсужденія вопроса, почему все растетъ число русскихъ женщинъ, уѣзжающихъ за границу, была назначена въ 1873 г. особая комиссія, куда вошли министръ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Они пришли къ заключенію, что въ этомъ виновата постановка у насъ женскаго образованія и что *„чрезвычайно важно и существенно необходимо учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній“*. Комиссіи было поручено составить соотвѣтствующій планъ, о чемъ и было оповѣщено въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ въ довольно оригинальной формѣ.

Офиціальное сообщеніе въ очень густыхъ краскахъ рисовало революціонныя настроенія цюрихской русской колоніи, которая занимается не наукой, а „безплодной политической агитаціей“ и проводитъ дни въ русской читальнѣ, гдѣ читаются лекціи о „Пугачевскомъ бунтѣ“ и о французской революціи 1870 г. „Студентки увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви“, чѣмъ вызываютъ къ себѣ „презрѣніе честныхъ людей“.

„Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи“. Оно сознаетъ свою непремѣнную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

„Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ".

Дальше перечислялись уже разрѣшенные и также предполагаемые курсы, упоминалось о работѣ комиссіи, а въ заключеніе предлагалось всѣмъ цюрихскимъ студенткамъ вернуться на родину не позже извѣстнаго срока, т. к. иначе „по возвращеніи въ Россію онѣ не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе".

Оффиціальное сообщеніе мало кого изъ студентокъ заставило вернуться, но оно имѣло показательное значеніе, какъ поворотъ въ отношеніи правительства къ высшему женскому образованію. Такимъ образомъ, когда пребываніе русскихъ женщинъ за границей показалось неудобнымъ и опаснымъ, явилась готовность дать большую возможность учиться на родинѣ.

Въ 1876 г. министру народнаго просвѣщенія было предоставлено право открывать высшіе женскіе курсы въ университетскихъ городахъ.

Тотъ же женскій кружокъ, который создалъ и руководилъ Владимірскими курсами (такъ стали называться публичныя лекціи, переведенныя въ зданіе Владимірскаго училища), немедленно подалъ прошеніе о правѣ открыть высшіе курсы въ Петербургѣ. На этотъ разъ процедура разрѣшенія длилась еще дольше. Оно пришло только черезъ два года. 20 сентября 1878 г. были наконецъ открыты высшіе женскіе курсы, тогда же получившіе названіе бестужевскихъ.

Незадолго передъ этимъ профессорамъ медицинской академіи удалось добиться врачебныхъ правъ для женщинъ, оканчившихъ медицинскіе курсы. Когда была объявлена война съ Турціей, многія изъ выпускныхъ слушательницъ отправились въ отрядахъ Краснаго Креста на театръ военныхъ дѣйствій. Это боевое крещеніе, суровый экзаменъ, на которомъ женщины имѣли возможность проявить и знанія, и выдержку, далъ имъ возможность добиться признанія своихъ правъ.

Въ 1878 г. состоялось постановленіе главнаго медицинскаго совѣта, по которому женщины, сдавшія соотвѣтственный экзаменъ, допускались къ врачебной практикѣ.

Это было, конечно, большой экономической и моральной побѣдой,

положившей хорошій фундаментъ для дальнѣйшей работы. Еще не мало испытаній, колебаній, запретовъ, закрытій пережили потомъ и высшіе, и медицинскіе курсы, но живое дѣло въ концѣ концовъ побѣдило, и высшія женскія школы уже стали органической частью сложнаго аппарата русскаго просвѣщенія.

Но далеко не вся проснувшаяся женская энергія ушла на эту борьбу за знаніе. Рядомъ съ просвѣтительнымъ движеніемъ шло другое, общественное, вѣрнѣе, политическое. Страстное желаніе заплатить долги, накопленные безпечными и жадными предками, охватило тонкій, но чуткій слой тогдашней интеллигенціи. И здѣсь женщины сразу заняли равное съ мужчинами мѣсто. Онѣ также шли въ народъ, на фабрики и въ глухія деревни, порывали съ семьей, съ традиціями, съ привычками, не боялись ни матеріальныхъ трудностей, ни полицейскихъ гоненій, ни сложности новыхъ и въ сущности туманныхъ задачъ. Длинной вереницей проходятъ передъ нами эти молоденькія, но уже стойкія дѣвушки, полныя твердой лучезарной вѣры въ свое дѣло. Въ 1877 году процессъ 50-ти привелъ на скамью подсудимыхъ 16 женщинъ, изъ которыхъ самой старшей было 25 лѣтъ, а самой младшей 18. Ихъ обвиняли въ составленіи противозаконнаго сообщества и въ распространеніи преступныхъ сочиненій, среди которыхъ значилась между прочимъ „Исторія французскаго крестьянина“ Эркмана-Шатріана. Приговоръ былъ вынесенъ очень суровый, начиная отъ 10 лѣтъ каторги и кончая тюрьмой. Особое присутствіе правительствующаго сената не сдѣлало исключеній для женщинъ и сохранило за ними право на равную съ мужчинами отвѣтственность. Этотъ процессъ, поведеніе молодыхъ дѣвушекъ на судѣ, ихъ рѣчи и въ особенности рѣчь Софьи Бардиной—все это глубоко поразило общественное мнѣніе. На порогѣ тяжкой кары двадцатидвухлѣтняя пропагандистка произнесла свое послѣднее слово съ спокойной гордостью человѣка, исполняющаго свой долгъ передъ родиной, съ ясной убѣжденностью гражданки, страдающей за всѣ язвы, разъѣдающія жизнь народа. Она не признала себя виновной въ слѣпомъ стремленіи къ разрушенію всѣхъ основъ. По ея мнѣнію, современный строй, опирающійся на насиліе и произволъ, самъ является главнымъ разрушителемъ и собственности, и семьи, и государства.

„Я принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣй-

шаго общественнаго строя или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно". Также энергично отклоняетъ она обвиненіе въ разрушеніи семьи. „Я не знаю, подрываетъ ли семью тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращается и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, или подрываемъ семью мы, которыя стремимся искоренить эту нищету, служащую главной причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи"? Бардина закончила свою рѣчь словами:

„За нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи,—увы, на штыки не улавливаются".

III.

Здѣсь не мѣсто писать исторію русскихъ женщинъ, причастныхъ къ мирному, а позже и къ боевому революціонному движенію. Ссылка, эмиграція, тюрьма, каторга и наконецъ висѣлица равно выпадали на долю и женщины, и мужчины. Испытанія, лишенія, преслѣдованія были тернистой школой, гдѣ ковалась психологія русскихъ гражданъ и гражданокъ, пока, наконецъ не настали 1904 и 1905 годы, принесшіе съ собою бурный подъемъ политическаго самосознанія. Всѣ раздробленныя раньше силы, все что было живого и дѣятельнаго въ странѣ, стянулись къ одной захватившей всѣхъ идеѣ—къ политической свободѣ. Минута осуществленія давнишнихъ идеаловъ казалась близкой. Но именно въ эту полосу подъема, вѣры, радужныхъ программъ и утопическихъ плановъ, русскія женщины впервые почувствовали, что даже широкій размахъ не обезпечиваетъ быстраго и полнаго признанія женскихъ правъ. Женскихъ организацій еще не было, женщины, работавшія въ демократическихъ партіяхъ, гдѣ всеобщее избирательное право входило въ программу, не выдвигали впередъ своихъ требованій. И когда пришлось впервые заговорить о томъ, что понятіе „всеобщее избирательное право" заключаетъ въ себѣ и женщинъ, оказалось, что эту простую мысль надо не только отстоять, но еще и доказывать. Въ соціалистическихъ партіяхъ дѣло обстояло

довольно просто. Онѣ выставляли настолько коренныя соціальныя измѣненія, что женское равноправіе становилось только одной изъ не особенно рѣзкихъ подробностей. Но очень характерно, что въ нелегальной соціалистической печати, такъ же какъ и въ легальной русссой прессѣ, совсѣмъ не появлялось статей, посвященныхъ политическому и гражданскому положенію женщинъ.

Земскіе съѣзды, эта подготовительная лабораторія, гдѣ въ общихъ очертаніяхъ вырабатывался планъ приближавшагося конституціоннаго строя, довольно сочувственно отнеслись къ женскимъ заявленіямъ о ненормальности правового положенія женщины, но опредѣленнаго постановленія въ этомъ смыслѣ не вынесли.

То недоумѣніе, тотъ отпоръ или же холодная сдержанность, на которую женщины сразу наткнулись, заставили призадуматься. Онѣ поняли, что самая мысль о необходимости пріобщенія къ новой политической работѣ всего населенія, какъ мужского, такъ и женскаго, еще не вошла цѣликомъ въ сознаніе даже этихъ передовыхъ либеральныхъ дѣятелей. Онѣ поняли, что политическія права разрозненнаго и несорганизованнаго женскаго населенія страны для политиковъ, мечтающихъ о близкой парламентской работѣ, отступаютъ на второй планъ.

Открытіе было не изъ пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что то же явленіе происходило и внутри, „Союза Освобожденія“, этой наиболѣе близкой земцамъ политической организаціи.

Дѣятельная участница Союза, Л. Я. Гуревичъ, такъ описываетъ свое первое серьезное столкновеніе на освобожденческомъ съѣздѣ въ мартѣ 1905 г., когда вырабатывалась платформа освобожденцевъ:

— Ну, какъ вы насчетъ женскаго избирательнаго права? За что будете голосовать? — спрашивали ее товарищи.

— То есть какъ? Вы допускаете, что я буду противъ? Да вѣдь это было бы низко.

— Ну полноте. Неужели вы серьезно?—и опять смѣются.

„Въ первый разъ въ жизни въ душѣ вспыхиваетъ ощущеніе специфическаго безправія и человѣческое негодованіе на этотъ, тоже специфическій, нехорошій смѣшокъ по поводу серьезнаго правового вопроса“. Въ концѣ концовъ женское равноправіе вызвало на съѣздѣ цѣлую бурю, и прошло большинствомъ одного голоса.

Та же исторія повторяется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на съѣздѣ писателей, гдѣ составъ былъ лѣвѣе, ближе къ соціалистическимъ партіямъ. Но и „представители лѣвыхъ, расписываясь въ своемъ

сочувствіи правовымъ стремленіямъ женщинъ, дѣлаютъ робкую оговорку—включать въ платформу было бы преждевременно, еще не назрѣло". И опять только послѣ страстныхъ преній права женщинъ вносятся въ платформу союза.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя эта сцена повторяется въ Москвѣ, на учредительномъ собраніи партіи к.-д. 57 ораторовъ записываются по этому вопросу. „Большинство, разсказываетъ Л. Я. Гуревичъ,—волнуется и хочетъ доказать то, что труднѣе всего доказать: идейную аксіому, которая не проникла въ души и нервы. Женщины ведутъ лихорадочную агитацію и убѣждаются, что она дѣйствительно нужна и не напрасна. Право, мы до сихъ поръ объ этомъ не думали, откровенно говорятъ нѣкоторые изъ колеблющихся".

Въ результатѣ избирательное право женщины признается съ оговоркой, какъ необязательная часть программы. И только на II съѣздѣ, въ январѣ 1906 г., опять таки послѣ жаркаго боя, въ которомъ принимаетъ дѣятельное участіе Л. І. Петражицкій, удается окончательно ввести „безъ различія пола" въ программу партіи народной свободы. Только 14 участниковъ многолюднаго засѣданія съѣзда подали тогда голосъ противъ.

Такъ на каждомъ шагу натыкались женщины на неожиданное отстраненіе себя отъ возможной, близкой, открытой политической работы. Точно уже намѣчалась новая связанная съ парламентомъ грань неравенства, которая должна была вычеркнуть женщинъ изъ общаго дѣла. Это ощущеніе „специфическаго женскаго безправія", пробудило и обострило стремленіе женщинъ сплотиться.

Еще въ 1904 году „Русское Женское Взаимно-благотворительное Общество", въ теченіи десяти лѣтъ занимавшее среднее мѣсто между дамскимъ клубомъ и филантропическимъ учрежденіемъ, выдвинуло, наконецъ, правовые и политическіе вопросы. Оно дѣйствовало главнымъ образомъ путемъ опросовъ, ходатайствъ, петицій, и первыя заявленія касались освобожденія женщины отъ паспортнаго ига и ея участія въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи. Общество разсылало во всѣ губернскія и уѣздныя управы, а также и городскимъ головамъ сначала запросы, а потомъ и ходатайства, чтобы эти учрежденія поддержали право женщинъ участвовать въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи.

Въ маѣ 1905 года предсѣдательница общества, энергичная сторонница женскаго полноправія, А. Н. Шабанова, внесла въ общее собраніе „Женскаго общества" предложеніе „ходатайствовать

о привлеченіи женщинъ къ участію въ предстоящемъ собраніи уполномоченныхъ по рескрипту 18 февраля, гдѣ возвѣщается о привлеченіи достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей". Это—одно изъ первыхъ, если не первое громкое требованіе и для женщинъ равныхъ съ мужчинами политическихъ правъ. Послѣ 17 октября совѣтъ опять обращался къ правительству съ просьбой разъяснить, не подразумѣваются ли и женщины въ словахъ манифеста: „тѣ классы населенія, которые доселѣ совсѣмъ были лишены избирательнаго права".

Графъ С. Ю. Витте, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтилъ, что при составленіи манифеста 17 октября вопросъ о женскихъ правахъ вовсе не обсуждался.

Слѣдующую петицію „Женское общество" уже подаетъ въ Государственную Думу. Отдѣлъ избирательныхъ правъ, образованный при обществѣ, выработалъ текстъ петиціи, который начинался словами: „Въ великій день открытія Государственной Думы, день. котораго вся Россія ожидала съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, когда собрались первые избранники русскаго народа, среди нихъ нѣтъ ни одной женщины и ни одного представителя, избраннаго непосредственно женщинами". Подъ петиціей было собрано около 12.000 подписей и она была передана депутатамъ Е. И. Кедрину и Л. І. Петражицкому. Послѣдній и ссылался на нее въ своей извѣстной думской рѣчи, посвященной женскому праву. Во вторую Думу „Женское общество" опять внесло сходную петицію.

Спокойная и умѣренная организація не могла привлечь къ себѣ болѣе дѣятельные и живые, охваченные общей политической горячкой, женскіе элементы. А потребность сорганизоваться, дѣйствовать сообща сказывалась все сильнѣе. И вотъ, въ началѣ 1905 года, учреждается „Союзъ равноправія". По словамъ печатнаго отчета союза, мысль о томъ, чтобы сплотиться и выступить на борьбу за политическое равноправіе возникла одновременно въ цѣломъ рядѣ городовъ, но первый небольшой кружокъ былъ основанъ въ Москвѣ. Уже въ маѣ 1905 г. учредительницы союза собрали первый делегатскій съѣздъ, на которомъ присутствовало 70 человѣкъ, изъ 19 городовъ, а въ октябрѣ, какъ разъ въ разгаръ забастовки, собрался опять въ Москвѣ второй съѣздъ, гдѣ уже были делегатки отъ 42 отдѣленій. Остальныя 19 отдѣленій не могли, по разнымъ причинамъ, прислать своихъ представительницъ.

За эти нѣсколько мѣсяцевъ своего существованія союзъ устраи-

валъ лекціи и собранія, издавалъ брошюры, велъ пропаганду въ другихъ союзахъ, словомъ, всѣми способами распространялъ идеи женскаго равноправія. Въ этомъ отношеніи союзъ, несомнѣнно, принесъ большую пользу: распространилъ непривычныя для большинства идеи, придалъ имъ широкую огласку, разбудилъ провинцію, но, охваченные общей лихорадочной приподнятостью, члены союза не могли и не хотѣли оторваться отъ широкаго политическаго движенія, всколыхнувшаго Россію до самаго дна. Союзъ женщинъ повторилъ общія увлеченья, безъ которыхъ не можетъ пройти ни одна революціонная эпоха. Его тактика, его лозунги были повтореніями того, что дѣлалось и во всѣхъ остальныхъ союзахъ. Да и могло ли быть иначе, когда наиболѣе дѣятельныя равноправки были въ то же время столь же дѣятельными членами демократическихъ и соціалистическихъ партій, гдѣ вырабатывалась эта тактика, откуда выносились эти лозунги?

Въ протоколахъ „Союза равноправія“ мы найдемъ не только общую и весьма смѣлую политическую платформу, но и бойкотъ Думы, бойкотъ правительства, требованіе учредительнаго собранія, словомъ, все, чѣмъ кипѣли остальные союзы. Только на III и послѣднемъ съѣздѣ, въ маѣ 1906 года, когда многое уже было пережито и разбито, раздаются болѣе трезвые, болѣе спокойные голоса.

Чрезмѣрная быстрота роста „Союза равноправія“ смѣшанный составъ, отсутствіе сплоченной руководящей группы, съ ясно намѣченнымъ планомъ, а главное—внѣшнія условія жизни,—все это скоро подкосило его существованіе. Послѣднимъ его цѣннымъ проявленіемъ было образованіе юридической комиссіи, которая составила полный законопроектъ о женскомъ равноправіи, сдѣлавъ сводку всѣхъ законовъ, затрагивающихъ права женщины [1]). Это была своего рода подсобная работа для комиссіи о гражданскомъ равенствѣ, внесшей въ первую Думу извѣстный законопроектъ, при обсужденіи котораго впервые русскіе народные представители высказали свой взглядъ на женское равноправіе.

Большинство, конечно, оказалось на сторонѣ эмансипаціи. Ея сторонники нашлись на всѣхъ думскихъ скамьяхъ. Трудовики Аникинъ и Аладьинъ, кадеты Кокошкинъ и Петражицкій, каждый по-

---

[1]) Эта работа, изданная О. Н. Клериковой отдѣльной брошюркой, подъ названіемъ: „Законопроектъ о равноправіи женщинъ“, къ сожалѣнію, очень мало извѣстна даже женщинамъ, хотя собранныя въ ней сухія статьи закона даютъ яркую картину правового положенія женщины.

своему, мотивировали это отношеніе. Особенно цѣнной, въ своей логической стройности, явилась рѣчь убѣжденнаго и послѣдовательнаго сторонника женской эмансипаціи, Л. І. Петражицкаго.

„Мы должны двинуть впередъ культуру путемъ общественнаго воспитанія, воспитанія въ духѣ общественности". „Предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ и возложеніе на нихъ политическихъ обязанностей и отвѣтственности—это могучее средство насажденія общественности въ высокомъ смыслѣ слова, насажденія высшей психики и культуры, это—средство заставить людей оставить эгоистическую узость интересовъ и поднять ихъ на болѣе высокую ступень общественной точки зрѣнія,—радѣнія объ общемъ благѣ". „Интересы общаго блага и культуры требуютъ отъ насъ, чтобы мы предоставили женщинамъ политическія, т. е. общественныя права и обязанности".

Но были и возраженія. Гр. Гейденъ, признавая „величіе замысла", считалъ вопросъ недостаточно разработаннымъ. М. М. Ковалевскій указывалъ на „невыгодныя послѣдствія признанія принципа, что мужчины и женщины въ правахъ равны". Главнымъ препятствіемъ профессоръ считалъ неотбываніе женщинами воинской повинности. „Парламентъ все можетъ сдѣлать, но онъ не можетъ обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину". Точно повинность рожденія, уносящая ежегодно десятки тысячъ молодыхъ женскихъ жизней, не стоитъ несравненно выше солдатской повинности. Точно женщина, какъ она есть, плательщица налоговъ и воспитательница дѣтей, должна подвергнуться волшебному измѣненію, чтобы имѣть право занять мѣсто на парламентскихъ скамьяхъ.

Гораздо проще и откровеннѣе высказалъ ту же мысль воронежскій депутатъ, крестьянинъ Кругликовъ. „Если и бабамъ равныя права дать, что же тогда выйдетъ?" „Крестьяне говорятъ, что Господь сотворилъ Адама, а Еву ему помощницей, но не на равныхъ правахъ". „Крестьяне совсѣмъ не согласны женскому полу права давать, а совсѣмъ согласны, чтобы мужчина былъ старшій, но не женщина".

Это было уже его вторичное выступленіе по женскому вопросу. Въ первый разъ, по поводу преній о формулѣ избирательнаго права въ отвѣтномъ адресѣ, Кругликовъ сказалъ: „Женщинамъ у насъ не до избирательнаго права, женщины у насъ для того, чтобы смотрѣть за хозяйствомъ, чтобы смотрѣть за дѣтьми и за печкой".

Въ отвѣтъ на это пятьдесятъ пять воронежскихъ крестьянокъ прислали въ Думу письмо, вѣрнѣе, протестъ на слова своего депутата:

„Въ Думѣ нѣтъ выборной женщины, которая могла бы отвѣчать за всѣхъ бабъ, а почемъ онъ знаетъ? Онъ неправильно говоритъ, что крестьянка не желаетъ правъ, спрашивался онъ у насъ? Мы, бабы изъ Воронежской губерніи, Воронежскаго уѣзда, понимаемъ хорошо, что права и земля намъ нужны такъ же, какъ и мужикамъ, и что права и земля не помѣшаютъ намъ работать въ семьѣ, а если на женскую душу будетъ дана земля, то сколько убавится бабьихъ слезъ и попрековъ бабѣ?

Не будетъ баба въ тягость семьѣ; хворая да старая, не будетъ лишнимъ ртомъ. Мы понимаемъ, что вдовѣ съ дѣтьми легче прокормить семью, коли на каждаго будетъ земля, чѣмъ идти побираться или раздать дѣтей по чужимъ дворамъ, а самой идти на фабрику или въ люди. Мы желаемъ себѣ права не только для себя: съ правами мы можемъ тогда заступиться за своихъ мужей и дѣтей. Мы знаемъ, что мы темныя, а кто заботится научить насъ? Матери наши были сами неграмотныя, мы были съ малыхъ лѣтъ только няньками и пряхами. Намъ не хватало мѣста въ школѣ—тамъ сидѣли наши братья. Теперь школъ стало больше, нашлось мѣсто и дѣвочкамъ, а отъ нихъ и мы стали понимать и во все вникать; много бабъ не знаютъ ни о Думѣ, ни о какихъ правахъ, ни о томъ, что съ правами лучше будетъ бабья доля, какъ не знали и мы. Надо, чтобы всѣмъ бабамъ разсказывали про права; мы тужимъ, что въ Думѣ нѣтъ выборныхъ женщинъ; спасибо тѣмъ выборнымъ, какіе вспомнили о бабѣ и хлопочутъ за наши права. Насъ немного, бабъ, собралось написать это письмо, но мы уповаемъ, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“.

Это письмо было не единичнымъ; среди наказовъ, писемъ, заявленій, требованій, сыпавшихся на первую Думу со всѣхъ концовъ Россіи, раздавались иногда и голоса крестьянокъ. Часто въ нихъ слышится привычная интеллигентская подсказка: „ярмо деспотизма“, „борьба за право“, „интересы народа“. Хотя эта готовность крестьянки откликнуться на призывъ образованныхъ женщинъ, примкнуть къ ихъ требованіямъ является уже непривычнымъ штрихомъ въ вѣковомъ прозябаніи деревенской бабы, но попадаются и письма, написанныя безсыкусственнымъ языкомъ, съ полной непосредственностью, безъ видимаго слѣда чужой направляющей руки. Особенно интересно письмо тверскихъ женщинъ.

„Мы, крестьянки Тверской губерніи, пишемъ въ Государственную Думу господамъ членамъ, которыхъ выбрали отъ нашей губерніи. Мы своимъ положеніемъ недовольны. Мужья наши и парни гулять съ нами рады, а что касается разговоровъ, какіе ведутся про землю и про новые законы, то говорить о дѣльномъ съ нами не хотятъ. Допрежь сего такъ было, что хотя и побьютъ иной разъ, но о дѣлахъ нашихъ вмѣстѣ рѣшали. Теперь же они говорятъ: „Вы намъ не товарищи. Мы пойдемъ въ Государственную Думу и будемъ государствомъ управлять или хотя не сами, а будемъ членовъ выбирать. Намъ надо промежь себя сговориться. Кабы законъ насъ съ вами равнялъ, тогда бы мы васъ спрашивали“. И выходитъ теперь, что бабы и дѣвки какъ обойденныя стоятъ въ сторонѣ и въ жизни своей рѣшать ничего не смѣютъ. Господа члены отъ Тверской губерніи! Законъ этотъ—неправильный, и отъ него идетъ рознь между бабами и мужиками и даже вражда. И намъ, бабамъ, то горько — вмѣстѣ мы горе мыкали, а какъ дошло до того, чтобы всѣмъ по закону жить, тогда мы не нужны. А они нашихъ бабьихъ нуждъ не понимаютъ. А мы все обсудимъ не хуже мужиковъ. Дѣла наши общія, пускай и насъ, бабъ, спросятъ, какъ ихъ рѣшать. Мужики, небось, не однимъ своимъ умомъ живутъ, а и бабьимъ. Господа члены Государственной Думы отъ Тверской губерніи! Явите божескую милость: обсудите наше положеніе Намъ сказали, что вы можете измѣнять законъ, потому мы спрашивали, къ кому обратиться. Заявите Думѣ, что надо всѣ дѣла рѣшать по-божески, и всѣхъ равно допускать въ Государственную Думу: и богатыхъ и бѣдныхъ, и мужчинъ и женщинъ, а то не будетъ правды на землѣ и въ семьѣ не будетъ ладу. Было у насъ одно начальство съ мужьями, а теперь мужья намъ будутъ законы писать. Мы люди темные, что не такъ написали, въ томъ прощенія просимъ. А названія деревень и фамиліи свои не пишемъ: какъ бы намъ за то худа не было, и отъ мужей, и начальства. Письмо писала малолѣтка за всѣхъ насъ бабъ, съ трехъ деревень; есть и старухи и дѣвки“.

Само собой разумѣется, что всѣ эти грамотныя и неграмотныя женскія петиціи ни къ какимъ реальнымъ правовымъ результатамъ привести не могли. Онѣ только отмѣтили новый переломъ въ сознаніи русской женщины, новую потребность все настоятельнѣе добиваться своихъ правъ, сказавшуюся, конечно, сильнѣе всего въ интеллигентскихъ слояхъ. Избирательныя кампаніи, гдѣ женщины такъ охотно, съ такимъ увлеченіемъ работали вмѣстѣ съ мужчинами, не

могли не обострить въ нихъ сознанія непричастности или, вѣрнѣе, слишкомъ косвенной причастности къ отвѣтственной политикѣ. Тѣ преобразованія и реформы, которыя рано или поздно придется вырабатывать нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ, будутъ идти безъ участія женщинъ, онѣ будутъ лишены возможности высказываться, формулировать и отстаивать свои нужды и желанія. Законы, которымъ должны повиноваться и гражданки, наравнѣ съ гражданами, будутъ писаться безъ участія выборныхъ отъ женщинъ. Налоги, которые женщина платитъ наравнѣ съ мужчиной, будутъ опредѣляться и распредѣляться помимо нея. И если русскія женщины останутся разрозненными, распыленными, какъ это было до сихъ поръ, трудно ждать, чтобы раздался достаточно властный голосъ общественнаго мнѣнія, отстаивающій права и запросы безмолвной женской половины. Единеніе выясняетъ общность стремленій и даетъ силу для ихъ осуществленія. До сихъ поръ оно не приняло конкретныхъ формъ, отчасти благодаря общей усталости и реакціи, отчасти, просто изъ-за недостатка силъ. Съѣздъ явился одной изъ попытокъ сорганизоваться.

IV.

Главнымъ иниціаторомъ перваго женскаго съѣзда является „Женское общество“, во главѣ съ А. Н. Шабановой и А. П. Философовой.

Еще въ 1902 г. было получено отъ Плеве разрѣшеніе на созывъ съѣзда, но только для обсужденія просвѣтительныхъ и благотворительныхъ задачъ. Это казалось не особенно заманчивымъ, и съѣздъ былъ отложенъ. Въ 1906 г. уже Треповымъ было дано второе разрѣшеніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ доклады были предварительно представлены ему на просмотръ. „Если въ засѣданіяхъ съѣзда будутъ допущены какіе-либо доклады или постановленія, дискредитирующіе правительственныя мѣропріятія, то отвѣтственными являются организаторы съѣзда“. Это было равносильно запрещенію.

Наконецъ, уже при министерствѣ П. А. Столыпина, „Женское общество“ добивается настоящаго разрѣшенія съ очень полной программой, охватывающей самыя разнообразныя отрасли женской жизни,—образованіе, благотворительность, мораль, эстетику, литературу, положеніе семьи, гражданскія и политическія права, эко-

номическія условія труда и заработка. Только вопросъ объ учрежденіи Всероссійскаго Женскаго Совѣта, по образцу уже существующихъ не только во всѣхъ странахъ Европы и Америки, но даже въ Японіи и Китаѣ, почему-то пробудилъ подозрительность администраціи. Главной проповѣдницѣ идеи Совѣта, А. П. Философовой, стоило большого труда добиться разрѣшенія, хотя бы, обсудить его проектъ на съѣздѣ.

Разнообразіе и широта программы открывала передъ съѣздомъ всѣ возможности. Организаціонная комиссія, главное ядро которой составлялъ совѣтъ „Женскаго общества“, привлекла къ себѣ не только редакцію „Союза женщинъ“, этого добросовѣстнаго и серьезнаго феминистическаго органа, возникшаго отчасти на развалинахъ „Союза равноправія“, но и просто отдѣльныхъ дѣятельницъ, чѣмъ-нибудь успѣвшихъ проявить свое сознательное и дѣятельное отношеніе къ женскому вопросу. Надо сказать, что желающихъ работать оказалось не очень много, и вся черная, неблагодарная работа легла на плечи немногихъ, всецѣло преданныхъ дѣлу лицъ: А. П. Философовой, А. Н. Шабановой, О. А. Шапиръ, Е. В. Авиловой, Е. Н. Щепкиной, Л. Н. ф.-Рутценъ и нѣсколькихъ другихъ ревностныхъ поборницъ женскаго равноправія.

Онѣ старались не предрѣшать внутренняго содержанія съѣзда, хотѣли создать только форму, русло для требованій и запросовъ, которые принесетъ съ собой женская волна. Но уже самый девизъ, избранный ими—равныя обязанности, равныя права,—показывалъ, что съѣздъ пойдетъ подъ знаменемъ политическаго равноправія.

Въ обращеніи, розданномъ наканунѣ открытія, говорилось: „Только свободная мать-гражданка можетъ воспитать свободныхъ гражданъ“. И первыя же рѣчи, раздавшіяся въ нарядной, переполненной посѣтителями, а главное посѣтительницами, залѣ петербургской городской думы, еще рѣзче и опредѣленнѣе подчеркнули именно эту сторону женскаго вопроса въ Россіи.

Всѣ привѣтствія, всѣ рѣчи, всѣ телеграммы сводились къ равноправію. Даже городской голова, отъ имени петербургской далеко не либеральной думы привѣтствовавшій съѣздъ, высказалъ увѣренность, что русскія женщины не только достойны политическаго и гражданскаго равноправія, но и близки къ его осуществленію.

Рѣчь предсѣдательницы съѣзда, А. Н. Шабановой, показала, что умная и энергичная организаторша конгресса видѣла въ немъ не случайное явленіе, не отдѣльную вспышку, а первую ступень, первый шагъ на трудномъ и долгомъ пути.

„Единственное средство, чтобы женщина сдѣлалась реальной силой въ обществѣ,—сказала она,—организованное женское движеніе. Это—путь, на который вступали женщины во всѣхъ культурныхъ странахъ. Необходима повсемѣстная организація женскихъ обществъ, клубовъ, союзовъ и т. п. учрежденій, имѣющихъ между собою сношенія. Связывать ихъ работу будутъ женскіе съѣзды".

Предсѣдательница старалась предостеречь съѣздъ отъ опасныхъ партійныхъ разногласій. Съѣздъ показалъ, какой характеръ эти разногласія могутъ принять у насъ, но въ этотъ первый праздничный вечеръ, когда на лицахъ женщинъ, собравшихся для товарищеской работы, свѣтилось радостное сознаніе, что наконецъ и для нихъ насталъ свой день, когда можно и должно говорить о себѣ,—въ этой приподнятой, непривычной атмосферѣ легче воспринималось еще то, что соединяетъ, а не то, что разъединяетъ.

Такимъ живымъ символомъ связи перваго женскаго съѣзда съ тѣмъ, что пережито, сработано и сдвинуто силами русскихъ интеллигентныхъ женщинъ въ теченіе полувѣка, явилась А. П. Философова, одна изъ первыхъ, одна изъ самыхъ неутомимыхъ дѣятельницъ женскаго образованія и женской эмансипаціи. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ мы видимъ, какъ она, тогда молодая, свѣтская красавица, присоединяется къ кружку передовыхъ женщинъ и вмѣстѣ съ ними самоотверженно расчищаетъ путь, по которому пойдутъ къ знанію слѣдующія женскія поколѣнія. Немудрено, что ея появленіе на трибунѣ вызвало долгія и дружныя рукоплесканія, въ которыхъ на мигъ слились группы и партіи, дробившія съѣздъ на отдѣльныя теченія.

„Для меня, дожившей до восьмого десятка, день открытія съѣзда является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней моей жизни. Щедрая ко мнѣ судьба послала мнѣ въ мои юные годы радость быть свидѣтельницей освобожденія рабовъ, а въ данное время, на склонѣ лѣтъ, я являюсь свидѣтельницей освобожденія женщинъ. И кто знаетъ, быть можетъ, недалеко то время, когда мы войдемъ равноправными членами не только въ эту думу, но и въ думу государственную, гдѣ займемъ мѣста рядомъ съ товарищами-депутатами. Конечно, я не доживу до этой новой зари, но близость ея я чувствую"

Подкупающій энтузіазмъ, которымъ свѣтится вся жизнь А. П. Философовой, легко нашелъ откликъ на съѣздѣ. Съ самыхъ первыхъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ, эти, еще вчера незнавшія другъ

друга, женщины, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ громадной Россіи, принадлежавшія не только къ самымъ разнообразнымъ классамъ и профессіямъ, но и къ различнымъ политическимъ міровоззрѣніямъ, испытали общее, связывавшееся ихъ непривычной связанностью, ощущеніе приподнятости и удовлетворенности самымъ фактомъ общенія.

Женская толпа вообще отзывчивѣе, впечатлительнѣе, подвижнѣе мужской, у нея, какъ и у отдѣльной женщины, есть свои коллективныя особенности пола. При отсутствіи тренировки, дисциплины, общественныхъ навыковъ—казалось, что эта впечатлительность могла придать засѣданіямъ съѣзда безпорядочный, невыдержанный характеръ, и многихъ изъ насъ эта возможность пугала. Страхъ оказался напраснымъ. Одна изъ выдающихся участницъ съѣзда, относившаяся къ нему въ періодъ подготовительной работы съ большой осторожностью, въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ „Нашей Газетѣ“ и подписанныхъ буквами Е. К., даетъ картину проявленной женщинами на съѣздѣ способности устранять острые моменты и улаживать личныя столкновенія. Она прибавляетъ: „Если мы вспомнимъ жаркія баталіи, которыя устраиваетъ „привилегированный“ мужской полъ въ Государственной Думѣ, то мы смѣло можемъ сказать, что среди „женскаго сословія“, къ счастію, не было ни одной г-жи Пуришкевичъ или г-жи Крупенской, и что общественная воспитанность женщины поднята у насъ, въ Россіи, уже на достаточную высоту“.

Уваженіе къ чужому мнѣнію, длительное вниманіе къ обсуждаемымъ вопросамъ, умѣніе кратко и сжато высказываться, искреннее желаніе найти общую идейную почву,—все это придавало съѣзду жизненность и толковость. Съѣздъ былъ разбитъ на четыре секціи. Первая охватывала дѣятельность женщинъ на различныхъ поприщахъ, иначе говоря, все, что не вмѣщалось въ остальныя. Вторая—экономическое положеніе женщинъ, семью, бракъ, этику. Третья—гражданскія и политическія права. Четвертая—вопросы образованія. Три раза состоялось соединенное засѣданіе, куда внесли доклады, имѣющіе болѣе общій характеръ. Всего было прочитано болѣе 150 докладовъ, среди которыхъ были, конечно, болѣе и менѣе удачные.

Интересъ самъ собой очень быстро сосредоточился на второй и третьей секціи. Условія женскаго труда, заработка и правовое положеніе, вотъ что выпуклѣе всего обрисовалось на съѣздѣ.

На съѣздъ записалось около 900 человѣкъ. Въ его составъ

вошли не только представительницы организацій, но и частныя лица. Были пожилыя спокойныя матери семействъ и молоденькія фабричныя работницы, были докторши, писательницы, акушерки, учительницы, общественныя дѣятельницы и женщины, отдавшіяся цѣликомъ заботамъ о домѣ, о семьѣ, о дѣтяхъ, были провинціалки, пріѣхавшія изъ глухихъ угловъ, гдѣ самое понятіе эмансипаціи звучитъ насмѣшкой, и женщины, принимающія дѣятельное участіе въ общей широкой работѣ, были наконецъ октябристки, и соціалъ-демократки, и кадетки, и женщины, далекія отъ всякихъ партій. Не было только ни одной крестьянки.

Въ этой пестротѣ, въ этомъ разнообразіи съ тѣмъ большей яркостью вилась нить общеженскихъ интересовъ. Самое сочетаніе въ одной секціи экономики, гдѣ женщины разныхъ классовъ являются какъ бы двумя враждующими сторонами, а на ряду съ экономкой и запутанныхъ вопросовъ брака, семьи, проституціи, гдѣ женскость сытой барыни и голодной работницы такъ часто подвергается если не равнымъ, то весьма сходнымъ переживаніямъ и искушеніямъ, какъ нельзя лучше напоминала конгрессисткамъ о надклассовой связанности женщинъ.

Да и правовые вопросы, развѣ они не равняли въ безправіи ученую женщину и безграмотную крестьянку, развѣ ту и другую мужъ не можетъ при помощи полиціи и паспорта прикрѣпить къ себѣ, какъ вещь? И даже въ отношеніи паспорта крестьянка поставлена въ лучшія условія, чѣмъ буржуазка. Одно изъ соединенныхъ засѣданій, посвященное правовому положенію женщины, особенно полно сгруппировало нашу отброшенкость изъ законодательной и политической самозащиты. І. В. Гессенъ, въ очень яркомъ докладѣ, обрисовалъ „Вліяніе законодательства на положеніе женщинъ“ [1]). Онъ перечислилъ всѣ главныя несправедливости по отношенію къ женщинамъ нашихъ законовъ и указалъ, что само толкованіе законовъ, которое всегда направлено противъ женщинъ, усиливаетъ эти несправедливости.

„По простотѣ и несложности проникающей его тенденціи, съ этимъ законодательствомъ могутъ конкурировать только наши же законы объ инородцахъ. Ограничить, воспретить, не допустить,— такова основная мысль всего законодательства, она настолько всеобъемлюща, что когда возникаетъ какое-нибудь сомнѣніе, то оно всегда разрѣшается въ томъ смыслѣ, что если нѣтъ спеціальной

[1]) Напечатанъ въ «Правѣ», № 51 1908 г.

оговорки, разрѣшающей женщинамъ то или иное дѣйствіе, то оно должно считаться для нихъ запрещеннымъ".

Когда устроительницы съѣзда обратились къ депутатамъ В. А. Караулову, В. А. Степанову и А. И. Шингареву съ просьбой доложить съѣзду, какъ отражается текущее законодательство на правовомъ положеніи русской женщины, эта просьба прежде всего вызвала недоумѣніе. До сихъ поръ въ думской работѣ самостоятельные интересы женскаго населенія игнорировались. Женщинъ нѣтъ въ Думѣ, пригласить ихъ въ комиссіи, въ качествѣ свѣдущихъ людей, даже въ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ положеніемъ семьи, ребенка, матери, или съ охраной женскаго труда, никому не придетъ въ голову. А внѣ Думы нѣтъ ни одной женской организаціи, которая взяла бы на себя трудъ слѣдить за законодательной машиной, выдѣлять и отмѣчать промахи и несправедливости, касающіяся женщинъ, привлекать къ нимъ вниманіе общественнаго мнѣнія, словомъ дѣлать то, что дѣлаютъ другія группы населенія, хотя бы рабочій классъ и національныя группы.

Доклады всѣхъ трехъ депутатовъ свелись къ окончательному вскрытію этой законодательной забывчивости. Особенно ярко это сказалось въ рѣчи Шингарева. Земельный законъ 9 ноября, этотъ революціонный актъ, который хочетъ перевернуть всѣ существующія въ деревнѣ земельныя отношенія, просто молчитъ о женщинѣ, какъ будто онъ касается только 60 милліоновъ мужиковъ, а не врывается также и въ жизнь 60 милліоновъ бабъ. Только въ сенатскихъ разъясненіяхъ въ примѣчаніи указано, что переходъ крестьянъ на личную собственность ставитъ женщинъ по отношенію къ пользованію землей въ общія имущественныя отношенія, опредѣленныя въ X т. свода законовъ. Именно теперь, когда, съ уничтоженіемъ общины, ломается семейное право и домохозяинъ можетъ единолично распоряжаться доставшимся ему клочкомъ земли, безправіе жены, матери и дочери, которыя не имѣютъ возможности помѣшать расточенію семейнаго достоянія, должно было бы привлечь къ себѣ вниманіе законодателя. Но объ этомъ никто не подумалъ, и законъ проходитъ въ Думѣ безъ всякаго упоминанія о женскомъ правѣ на землю.

То же самое и въ проектахъ реформы мѣстнаго самоуправленія. Правительственный проектъ о поселковомъ управленіи молчитъ о женщинахъ. Октябристы, во время выборовъ выпускавшіе льстивыя воззванія къ „московскимъ гражданкамъ", не пожелали оградить въ своемъ проектѣ интересы этихъ гражданокъ. Правда, они вво-

дятъ активное избирательное право, т. е. хотятъ усилить свои цензовые голоса голосами женщинъ, которыя могутъ выбирать, но не могутъ быть выбраны. Даже несовершеннолѣтнія получатъ возможность передать свой голосъ по довѣренности, т. ч. ни одинъ крупный цензъ не пропадетъ. Но ни одна женщина не сможетъ сама явиться на земское собраніе, чтобы защищать свои интересы и участвовать въ распредѣленіи тѣхъ налоговъ, которые земство съ нея будетъ исправно взыскивать.

То же мы замѣчаемъ и въ другихъ областяхъ. На казенную службу, куда до сихъ поръ уходило и уходитъ болѣе половины нашихъ интеллигентныхъ силъ, женщинъ, въ силу 156 ст. устава о гражданской службѣ не принимаютъ [1]). Это вынуждаетъ женщинъ наводнять канцеляріи частныхъ учрежденій, продавать свой трудъ по низкой оцѣнкѣ, не имѣя впереди даже пенсіоннаго обезпеченія, связаннаго съ государственной службой. Е. В. Авилова, заканчивая свой докладъ по этому вопросу, указала, что съѣздъ обязанъ настаивать на отмѣнѣ этой коренной несправедливости.

V.

Недопущеніе женщинъ въ университеты, закрытіе имъ доступа въ адвокатскую профессію, не равныя съ мужчинами служебныя права женщинъ-врачей,—все это дало темы для отдѣльныхъ докладовъ, вскрывавшихъ передъ слушательницами длинную цѣпь политическаго и гражданскаго неравенства. Только почему-то забыли освѣтить наслѣдственное неравенство, которое сейчасъ, благодаря закону 9 ноября, почувствуютъ не только женщины имущихъ классовъ, но также и крестьянки и фабричныя работницы, въ большинствѣ случаевъ не утратившія связь съ деревней. Сюда

---

[1]) Этой статьей мы въ значительной степени обязаны тому шефу жандармовъ, который въ 1870 г. внесъ въ совѣтъ министровъ записку по поводу заявленій женщинъ о дозволеніи поступать на государственную службу. Шефъ жандармовъ нашелъ, что это оторветъ женщинъ отъ естественныхъ семейныхъ обязанностей. „Разрѣшеніе женщинамъ занимать мѣста, предоставленныя исключительно мужчинамъ, непремѣнно должно отозваться вредными и губительными послѣдствіями какъ на самихъ женщинахъ, такъ и въ особенности на ихъ семействахъ, а потому предложенію этому можно смѣло произнести приговоръ отрицательный“. Этотъ отрицательный приговоръ и былъ закрѣпленъ въ 1873 г. совѣтомъ министровъ подъ видомъ 156 ст.

же острымъ клиномъ врѣзалось положеніе женщины въ семьѣ, ея зависимость отъ мужа, тяжесть паспортной системы, и, наконецъ, безправіе внѣбрачныхъ дѣтей, число которыхъ все растетъ.

Къ этимъ вопросамъ вплотную подходятъ интересы труда, заработка, вообще экономическое положеніе женщины. Если она обезпечена, если она зарабатываетъ много, тогда материнство, даже не признанное закономъ, не ложится такимъ бременемъ ни на нее, ни на дѣтей. Если же соціальныя условія держатъ ее и семью впроголодь, тогда никакой законный бракъ не спасетъ ни мать, ни ребенка отъ страданій.

Новыя экономическія условія, создавшіяся въ XIX вѣкѣ, вытолкнули женщинъ изъ узкаго семейнаго круга, заставили ихъ принять участіе въ общей борьбѣ за существованіе, но и здѣсь имъ отвели второе мѣсто. Въ экономической секціи былъ сдѣланъ рядъ докладовъ, рисующихъ положеніе женщинъ работницъ. Такъ называемая рабочая группа, состоящая изъ пролетарокъ и интеллигентокъ марксисткаго толка, заранѣе подготовилась къ съѣзду и выступила не только съ очень дѣльными рефератами, но и съ впередъ обдуманой оцѣнкой тактики женскаго движенія.

Всѣ докладчицы указывали на низкую расцѣнку женскаго труда, который въ среднемъ оплачивается на 15%—20%, а иногда на 60% меньше, чѣмъ мужской. Въ то же время фабрика, высасывая изъ работницы всѣ соки, не считается съ той „святой“ женской функціей материнства, на которую такъ охотно указываютъ противники женскаго равноправія. До сихъ поръ государство, отстранивъ женщинъ отъ участія въ законодательствѣ, ничѣмъ не оградило интересовъ трудящейся матери. Законъ о торгово-промышленныхъ служащихъ, изданный 15 ноября 1906 г., ни словомъ не обмолвился о женщинахъ. Г-жа Агисъ въ обстоятельномъ докладѣ показала, что внесенный въ Думу правительственный законопроектъ о страхованіи рабочихъ очень несовершенно и однобоко отнесся къ страхованію беременныхъ женщинъ и матерей, не говоря уже о томъ, что онъ оставляетъ внѣ своей охраны ремесленницъ, приказчицъ, домашнюю прислугу, сельскихъ работницъ.

По словамъ одной изъ докладчицъ, во всей Россіи есть только двѣ фабрики,—С. Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ, и Бр. Леонтьевыхъ въ Петербургѣ,—гдѣ работницъ отпускаютъ во время родовъ съ сохраненіемъ содержанія.

Одна за другой вырисовывались передъ слушательницами тяжкія, подчасъ невыносимыя условія, въ которыхъ женщина пролетарка должна осуществлять свое право на материнство, свою обязанность поставлять гражданъ странѣ. Фабричный трудъ калѣчитъ женскій организмъ, въ особенности тогда, когда женщина находится въ процессѣ материнства. Длинный рабочій день, ночная смѣна, короткій перерывъ на обѣдъ, не даетъ ей возможности правильно кормить грудного ребенка. Яслей нѣтъ. Нѣтъ женской инспекціи, которой женскій интересъ ближе и понятнѣе. Дѣти мрутъ какъ мухи, а матери въ конецъ подрываютъ свое здоровье, сгибаются подъ непосильной двойной ношей материнства и заработка. Между тѣмъ условія труда таковы, что большинство семей не можетъ кормить женщину, которая не вноситъ свою долю денежной добычи. Очень интересную анкету произвела г-жа Фросина, сдѣлавшая докладъ о „Бюджетѣ работницы". Она опросила 39 семей рабочихъ текстильнаго производства. Оказалось, что только въ 12 изъ нихъ жены занимаются исключительно домашнимъ хозяйствомъ, въ семи они живутъ въ деревнѣ, а двадцать, т. е. половина, работаетъ на фабрикѣ. Заработокъ мужа колеблется отъ 264—540 р. въ годъ, заработокъ жены отъ 174—416 р., составляя 76% мужской получки. Но г-жа Фросина совершенно справедливо не признаетъ этой разницы показателемъ ихъ экономическаго неравенства. Путемъ очень остроумныхъ выкладокъ, она переводитъ женскую домашнюю работу на деньги, и доказываетъ, что въ рабочей средѣ мужъ и жена въ хозяйственномъ отношеніи равноцѣнны. Отсюда она дѣлаетъ второй выводъ, съ которымъ едва ли можно согласиться: „Различное положеніе въ хозяйствѣ семьи, вотъ что основнымъ образомъ различаетъ буржуазку отъ пролетарки. Первыя хозяйственно неравноправны. Отсюда у первой борьба за равноправіе противъ мужчинъ, у второй борьба рука объ руку съ мужчиной за полноправіе".

Это идиллическое представленіе о товариществѣ пролетарки и пролетарія разбивается, конечно, о первое соприкосновеніе съ жизнью. Достаточно вспомнить крестьянскую женщину, съ ея несомнѣннымъ хозяйственнымъ равенствомъ и столь же несомнѣннымъ человѣческимъ неравенствомъ, чтобы понять, что не количество женской работы опредѣляетъ отношеніе къ женщинѣ. Она можетъ работать, какъ волъ, вносить въ семью равную съ мужемъ хозяйственную долю и все-таки оставаться въ этой семьѣ паріемъ. Тутъ нуженъ сдвигъ правовой, бытовой и моральный, и его при-

дется продѣлать на всѣхъ ступеняхъ общества, и въ трудящихся массахъ, и въ обезпеченныхъ верхахъ.

Отношенія между пролетаркой и пролетаріемъ отчасти обрисованы въ докладѣ Дмитріевой „Женщины-типографы“. Въ типографіяхъ работаетъ сравнительно мало женщинъ, и это понятно, если вспомнить, какой у насъ громадный процентъ неграмотныхъ женщинъ. (По переписи 1897 г. грамотныхъ мужчинъ было 29,33%, а грамотныхъ женщинъ 13,06%, т. е. всего только 7.715.562 на всю Россію!). По словамъ докладчицы, положеніе этихъ труженицъ не легкое, благодаря „цинично грубому обращенію администраціи и далеко не всегда товарищескому отношенію со стороны рабочихъ-мужчинъ“. Согласно московской анкетѣ, женщины въ типографіяхъ получаютъ на 60% меньше, чѣмъ мужчины. Это пониженіе платы наталкиваетъ рабочихъ на ложный путь бойкотированія женскаго труда и женщинъ работницъ. Когда, въ дни свободы, родился союзъ печатниковъ, онъ распахнулъ двери и передъ женщинами, исходя изъ принципа—равная плата за равный трудъ. Но реакція принесла съ собой безработицу, а вмѣстѣ съ ней пришло и недружелюбное отношеніе къ женщинамъ. Г-жа Дмитріева оговорилась, что это сказывалось главнымъ образомъ у несознательныхъ рабочихъ. Но много-ли другихъ? И если даже у печатниковъ, гдѣ уровень интеллигентности гораздо выше, чѣмъ въ остальныхъ профессіяхъ, сказалась вражда работника къ своей конкуренткѣ работницѣ, то что же говорить о другихъ отрасляхъ труда?

Характерно, что въ данномъ случаѣ полиція является на помощь мужской борьбѣ противъ женскаго труда. Хотя законъ 4 марта не исключаетъ женщинъ изъ союзовъ, но администрація толкуетъ его иначе. Достаточно женщинѣ выступить на собраніи союза типографовъ, чтобы полиція закрыла это собраніе. Такимъ образомъ женщины отбрасываются изъ союзовъ, изъ этой единственной возможности открыто сорганизовываться для защиты своихъ экономическихъ интересовъ.

Докладъ Дмитріевой даетъ лишній матеріалъ для возраженій противъ того классового отношенія къ женскому вопросу, которое такъ упорно выдвигали представительницы рабочей группы. Это все тотъ же споръ, который и на западѣ дѣлитъ женское движеніе на два враждебныхъ крыла, на пролетарокъ и буржуазокъ. Впрочемъ въ Англіи, гдѣ за послѣдніе четыре года женское движеніе приняло такую бурную и дѣятельную форму, „Женская

Лига", или по просту говоря сюфражетки, одинаково привлекаютъ въ свои ряды и работницъ, и буржуазокъ. И тѣ, и другія не хотятъ дожидаться всеобщаго избирательнаго права, а хотятъ, чтобы женщины пока получили то избирательное право, которое имѣютъ уже мужчины. Онѣ считаютъ, что всякая политическая побѣда женщинъ является выигрышемъ для всѣхъ женщинъ, т. к. существуютъ надклассовые и надпартійные женскіе интересы, которые женщины, попавшія въ парламентъ, и будутъ защищать.

Въ этомъ центръ тактическихъ разногласій, вызвавшихъ столько споровъ и на первомъ русскомъ женскомъ съѣздѣ. Еще нѣтъ у насъ никакихъ организацій, ни буржуазныхъ, ни пролетарскихъ, еще никакой „измѣной" рабочему классу не успѣли опозориться русскія равноправки, а уже изъ лагеря соціалъ-демократовъ несется предостерегающій окрикъ:

— Пусть не зовутъ въ свои ряды буржуазныя равноправки женщинъ рабочаго класса, пусть не разсчитываютъ ихъ руками завоевать себѣ соціальныя блага...

Одна изъ самыхъ прямолинейныхъ и узкихъ проповѣдницъ этой непримиримости пролетарокъ съ буржуазками г-жа Коллонтай, въ своемъ докладѣ „Женщина работница въ современномъ обществѣ", такъ и говорила:

„Тотъ же классовой антагонизмъ, который дѣлитъ мужчинъ на разные общественные классы съ рѣзко противоположными экономическими и политическими интересами, раздѣляетъ женщинъ на враждебные другъ другу соціальные слои".

„Постепенное освобожденіе женщины, какъ такого особо обдѣленнаго соціальнаго элемента, начинаетъ получать свое практическое осуществленіе съ того момента, какъ она наравнѣ съ мужчиной становится производителемъ цѣнностей, поступающихъ на міровой рынокъ, и наравнѣ съ нимъ продастъ свою рабочую силу капиталу, подвергаясь еще болѣе, чѣмъ мужчины, эксплоатаціи и гнету капиталистической системы производства".

Къ тому же свелся и докладъ Кувшинской „Женщина и политика". Въ немъ тѣ же предостереженія пролетаркѣ, которая не должна идти рука объ руку съ буржуазками, не должна участвовать въ общеженскихъ организаціяхъ, дабы не затемнить чистоту своего классоваго самосознанія. Этотъ докладъ вызвалъ оживленныя и очень плодотворныя пренія. Г-жи Кускова, Коллонтай, Сабинина и нѣкоторыя другія представительницы рабочей группы очень страстно доказывали пагубность широкой женской солидарности.

У работницъ и буржуазокъ различны и интересы, и цѣли, и средства. Въ преніяхъ еще выпуклѣе обрисовалась мысль, что буржуазки и пролетарки не могутъ быть союзницами, т. к. ихъ классовая сущность осуждаетъ ихъ на враждебность. И не изъ феминистическихъ организацій должны женщины ждать освобожденія, а отъ побѣды пролетаріата.

Много масла въ огонь подлила г-жа Мировичъ, указавшая на то, что женскій вопросъ одинаково въ загонѣ во всѣхъ партіяхъ. Цитатами изъ „Вѣстника женскаго международнаго союза“ она напомнила непріятныя пренія на штутгартскомъ конгрессѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи, гдѣ резолюція о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ заставила часть конгрессистовъ покинуть въ видѣ протеста залъ.

Эти слова вызвали цѣлую бурю, но фактически опровергнуть ихъ было трудно, какъ нельзя отрицать, напримѣръ, того, что во время кампаніи за всеобщее избирательное право въ Австріи с.-д. вычеркнули женщинъ изъ своей формулы. Можно найти этому политическое объясненіе, но фактъ приходится признать, и женщины, входящія въ составъ с.-д. партіи, должны когда-нибудь найти въ себѣ мужество признать, что и для ихъ товарищей политическія стремленія женщинъ останутся вещью второстепенной, пока на ихъ защиту не выступятъ съ достаточной силой сами женщины.

А. С. Милюкова, возражавшая рабочей группѣ, отнюдь не отрицала наличности въ женской средѣ классовыхъ интересовъ и классоваго антагонизма. Она такъ формулировала свой взглядъ, оказавшійся и взглядомъ большинства съѣзда:

„Мы не откалываемъ женщинъ-пролетарокъ отъ необходимой для нихъ профессіональной борьбы на-ряду съ ихъ товарищами-мужчинами. Но необходимо помнить, что кромѣ узко-профессіональныхъ интересовъ у женщинъ-работницъ есть еще обще-женскія задачи. Либеральный принципъ уравненія въ правахъ женщинъ, стремящійся лишь къ раскрѣпощенію отъ узъ и запретовъ, является только минимумомъ справедливости, но есть еще требованія высшей справедливости, и на эту ступень долженъ подняться законъ. Женщина по природѣ своей слабѣе мужчины и менѣе вооружена въ житейской борьбѣ. Задача законодателя придти ей на помощь. Необходимо огражденіе правъ женщины, какъ матери и воспитательницы, и въ этомъ огражденіи одинаково нуждаются женщины всѣхъ классовъ“.

Это указаніе на материнство, дающее женщинамъ надклассо-

вую связь, поставило вопросъ на совершенно правильную почву. Всѣ переживанья, всѣ трудности, горе и радость, связанныя съ этой функціей, заполняютъ цѣлую область женской жизни. И въ этой области безграмотная, голодная крестьянка и утонченная интелигентка могутъ сближаться и понять другъ друга несравненно проще и глубже, чѣмъ хотя бы та же интеллигентка, когда она несетъ въ крестьянскую толщу научный запасъ высокихъ соціалистическихъ идей.

Рядомъ съ материнствомъ неправедность человѣческой цивилизаціи породила другое уродливое и зловѣщее проявленіе половой жизни—проституцію. Передъ лицомъ этого длящагося и все усиливающагося женскаго рабства, грознымъ призракомъ нависшаго надъ каждымъ молодымъ женскимъ существованіемъ, невольно затихаетъ даже острая партійность сторонницъ классовой борьбы.

„По вопросу о проституціи“,—пишетъ А. М. Коллонтай въ своей только что вышедшей, исключительно направленной противъ возможности сближенія буржуазокъ и пролетарокъ, книгѣ „Соціальныя основы женскаго вопроса“—„и связанныхъ съ нею оскорбительныхъ для женщины формальностяхъ, интересы женщинъ всѣхъ классовъ населенія до извѣстной степени соприкасаются между собой; это не подлежитъ сомнѣнію. Пропасть, отдѣляющая интеллигентную труженицу отъ пролетарки, стирается предъ возможностью очутиться въ рядахъ паріевъ женскаго населенія“.

Съѣздъ, можетъ быть, недостаточно вниманія удѣлилъ вопросу о проституціи. Впрочемъ, на первомъ съѣздѣ нельзя было съ одинаковой полнотой освѣтить всѣ, даже и важнѣйшія, стороны дѣла. Проституція это послѣднее и самое страшное звено въ женскомъ безправіи. Это фокусъ, въ которомъ преломляются всѣ самые темные лучи женской доли. Плохое образованіе, общее и профессіональное, низкая оплата труда, какъ интеллигентнаго, такъ и физическаго, тягость семейнаго рабства, опирающагося на полицейскія условія, полное политическое безправіе, лишающее женщину возможности искать законодательной опоры, наконецъ беззащитность материнства, въ особенности внѣбрачнаго, все это находитъ послѣднее воплощеніе и послѣдній исходъ въ торговлѣ женскимъ тѣломъ. Каждый шагъ, каждое правовое, культурное, экономическое улучшеніе въ положеніи женщины должно отражаться и на ростѣ проституціи. .

Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы не должны ее изучать, какъ особое соціальное явленіе. Напротивъ, надо какъ

можно глубже всматриваться въ это бѣлое рабство, чтобы яснѣе понять положеніе женщины въ современномъ культурномъ обществѣ. Надо искать способовъ бороться съ проституціей, даже и при теперешнемъ строѣ, не дожидаясь того послѣдняго катаклизма, который долженъ сдѣлать всѣхъ людей свободными и равными, если не счастливыми. Ближайшимъ шагомъ должна быть отмѣна регламентаціи, придающей домамъ терпимости и всей торговлѣ женщинами оффиціальный, законный характеръ. Это и было высказано въ особой резолюціи, принятой съѣздомъ.

Резолюцій было много, быть можетъ, даже слишкомъ много. Въ одной четвертой секціи ихъ чуть не два десятка.

Собственно говоря, несмотря на горячія рѣчи, доказывающія невозможность единаго женскаго движенія, на этотъ разъ, по отношенію къ резолюціямъ, обнаружилось удивительное единодушіе. Рабочая группа, или, какъ ее называютъ, меньшинство (ихъ было около 40 человѣкъ) имѣла своихъ представительницъ на послѣднемъ засѣданіи редакціоннаго бюро, гдѣ окончательно принимались резолюціи, которыя должны были быть вынесены на соединенное засѣданіе секцій. Все, что касалось положенія работницы, охраны материнства и дѣтства, борьбы съ проституціей и алкоголизмомъ, правового и гражданскаго положенія женщины, ея образовательныхъ потребностей,—все это было редактировано общими усиліями представительницъ большинства и меньшинства и весьма единодушно принято ими. При этомъ почти всѣ резолюціи второй, экономической, секціи были предложены докладчицами изъ рабочей группы.

Только одна, такъ называемая, общеполитическая резолюція вызвала бурю и расколъ, но по существу своему соотвѣтствовала мыслямъ и желаніямъ представительницъ обоихъ теченій, и даже писалась ими сообща.

„Работа перваго русскаго женскаго съѣзда,—говорится въ этой резолюціи,—посильно освѣтившая, какъ политическіе и гражданскіе запросы, такъ и экономическія нужды современной русской женщины, привела съѣздъ къ глубокому убѣжденію, что удовлетвореніе этихъ запросовъ возможно лишь при равноправномъ съ остальными гражданами участіи женщины не только въ культурной работѣ, но и въ политическомъ строительствѣ страны, доступъ къ которому окончательно откроется для женщины лишь при водвореніи демократическаго строя на основѣ всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Съѣздъ ставитъ женщинамъ великою цѣлью добыва-

ніе этихъ правъ, какъ главнаго орудія для полнаго раскрѣпощенія и освобожденія женской личности".

„Для практическаго осуществленія поставленныхъ передъ нею задачъ, женщина должна отдавать свою энергію какъ существующимъ уже общимъ организаціямъ, такъ и созиданію отдѣльныхъ женскихъ союзовъ, которые объединятъ и вовлекутъ широкіе круги женщинъ въ сознательную политику и общественную жизнь".

Въ такомъ видѣ она была принята съѣздомъ. Но первоначально, послѣ слова „всеобщее", стояло еще „равное и прямое". Однако, устроительницы съѣзда сочли это полицейски-опаснымъ. Трудно судить, насколько онѣ были правы; съѣздъ лежалъ на ихъ отвѣтственности, и безотвѣтственнымъ участницамъ съѣзда приходилось или отказаться отъ резолюціи, или отказаться отъ этихъ двухъ словъ, съ которыми всѣ члены редакціоннаго бюро принципіально были совершенно согласны. Представительницы рабочей группы считали невозможнымъ присоединиться къ резолюціи, гдѣ избирательная формула не вскрыта до конца. Онѣ считали, что или выносить ее полностью, или совсѣмъ остаться безъ общей резолюціи. Остальные члены бюро находили, что необходимо завершить съѣздъ указаніемъ на главную политическую потребность женщины.

Разногласіе привело къ уходу рабочей группы съ послѣдняго засѣданія, но врядъ ли можно придавать особенно глубокое значеніе этому расколу...

VI.

Во всякомъ, случаѣ, какъ участницамъ съѣзда, такъ и множеству женщинъ внѣ его, съѣздъ далъ могучій толчокъ. Онъ пробудилъ и обострилъ сознательное отношеніе къ своимъ потребностямъ и возможностямъ. И не только въ самихъ женщинахъ, но и въ общественномъ мнѣніи. Серьезность и вниманіе, съ которыми пресса и общество отнеслись къ первой попыткѣ русскихъ женщинъ на самоопредѣленіе, придаютъ силы для дальнѣйшей борьбы. Всѣ органы печати, не исключая „Новаго Времени", сочувственно слѣдили за работой съѣзда и привѣтствовали его участницъ.

Теперь многое, конечно, зависитъ отъ самихъ женщинъ, отъ ихъ энергіи, отъ ихъ пониманія и упорства. На съѣздѣ не разъ раздавались справедливыя слова укоризны противъ инертности жен-

щинъ. Если эта пассивность, это равнодушіе къ себѣ создалось вѣковыми историческими условіями, то вѣдь нельзя же безъ конца ссылаться на нихъ. Цѣпкость старыхъ традицій и предразсудковъ, создающихъ мужское противодѣйствіе женской эмансипаціи, находятъ себѣ крѣпкій оплотъ въ противодѣйствіи женщинъ, которыя слишкомъ смутно понимаютъ связь между личнымъ и общимъ, между трудностями и препятствіями, омрачающими частную жизнь, и тѣмъ, какъ слагается жизнь всего общества. Тѣ самые интересы семьи, которые такъ властно и такъ законно приковываютъ къ себѣ большинство женщинъ, требуютъ теперь отъ жены, и въ особенности отъ матери, широкой сознательности, активности, а часто и умѣнья зарабатывать деньги.

Въ Австріи уже 47% всѣхъ женщинъ живетъ своимъ трудомъ. Въ остальныхъ странахъ этотъ процентъ колеблется отъ 25 до 27. Въ Россіи женщинъ, живущихъ своимъ трудомъ, считается всего 10%. Но этотъ разсчетъ очевидно игнорируетъ женщинъ, трудящихся въ крестьянскихъ семьяхъ, во главѣ которыхъ стоитъ мужчина, а между тѣмъ въ земледѣльческомъ населеніи, составляющемъ у насъ большинство, крестьянка является равной съ крестьяниномъ производительницей цѣнностей. Въ русскихъ городахъ количество самостоятельно зарабатывающихъ женщинъ быстро растетъ. Въ Петербургѣ въ 1881 г. на 100 мужчинъ, жившихъ своимъ трудомъ, было 27 женщинъ, а въ 1906 г. ихъ уже было 40.

Экономическія условія выбрасываютъ женщинъ на рынокъ труда, но плохая организація жизни создаетъ для нихъ самыя жалкія, самыя невыгодныя условія труда. Желѣзнодорожный сторожъ, наблюдающій за исправностью пути, получаетъ 177 р. въ годъ. Сторожиха, исполняющая ту же отвѣтственную обязанность, получаетъ 41р. То же самое наблюдается и въ интеллигентныхъ профессіяхъ, гдѣ работодатели понижаютъ оплату за трудъ, если онъ исполняется женщиной и не потому, чтобы она являлась худшей исполнительницей, а просто потому, что рыночная стоимость женщинъ ниже.

Поднять эту стоимость можно только путемъ организованной борьбы, борьбы, которая сразу должна идти на два фронта, добиваясь непосредственнаго участія въ законодательствѣ, которое, въ свою очередь, возьметъ подъ свою защиту охрану женскаго труда, такъ тѣсно связаннаго съ интересами матери и ребенка, до сихъ поръ вызывающими такъ мало вниманія со стороны государства.

Здѣсь мы приходимъ къ одному изъ самыхъ трудно разрѣшимыхъ противорѣчій въ жизни современной женщины. Необходимость примирить материнство и профессію нависла и надъ фабричной работницей, и надъ интеллигенткой. Прежній семейный очагъ, ограждавшій и поглощавшій женщину, потухъ. Условія производства все уменьшаютъ кругъ домашнихъ работъ, фабрика дешевле и лучше хозяйки исполняетъ рядъ хозяйственныхъ дѣлъ, когда-то требовавшихъ всей ея энергіи. Воспитаніе дѣтей тоже въ значительной степени отнято отъ нея школой. Жизнь становится все сложнѣе и все свободнѣе, она манитъ и настойчиво зоветъ женщину къ себѣ, открывая передъ ней не только новыя удовольствія, но и новыя обязанности. Все интенсивнѣе кипитъ работа идей, увлекая въ свой водоворотъ и пробудившееся женское сознаніе. Пробивается здоровое общественное теченіе, стремящееся прекратить политическую атрофію половины населенія. Вѣдь политика не только цѣль, но и средство воспитанія.

Экономическая борьба за существованіе, большая тѣснота жизни гонитъ женщинъ на заработокъ. И незамужнія женщины, и матери семействъ, какъ въ рабочей средѣ, такъ и въ буржуазной, и въ интеллигентныхъ профессіяхъ вынуждены продавать свой трудъ внѣ дома, т. к. иначе не свести концовъ съ концами. Можно спорить о томъ, хорошо это или худо, выгодно или не выгодно для культуры, но это фактъ, съ которымъ надо считаться, надо знать, что современное общество должно въ интересахъ всего человѣческаго рода найти способъ примирить материнскіе и профессіональные интересы женщины.

Здѣсь особенно настойчиво долженъ раздаться голосъ самихъ женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже видятъ исходъ въ самомъ широкомъ примѣненіи общественнаго воспитанія, но тутъ же раздаются протестующіе голоса женщинъ, для которыхъ материнство не только обязанность, не только повинность, но и право, право на близость, на радость длящейся и цѣльной близости съ своимъ ребенкомъ. Изъ тяжкихъ условій, въ которыхъ фабричная работница или мелкая интеллигентная труженица отправляетъ функціи материнства, быть можетъ, общественное воспитаніе и дастъ пока нѣкоторый исходъ. Но развѣ это значитъ, что въ немъ можно и слѣдуетъ видѣть конечное и чуть ли не идеальное разрѣшеніе народившагося противорѣчія между женщиной-матерью и женщиной-человѣкомъ?

Здѣсь все такъ индивидуально, такъ сложно и тонко. Новыя

формы жизни и новая психологія, которыя постепенно вырабатываются человѣчествомъ, должны и въ этой важной области наложить свою печать. Вѣдь женскій вопросъ нельзя разсматривать. внѣ времени и пространства. Онъ цѣликомъ вростаетъ въ общія культурныя, политическія и соціальныя условія жизни, ухудшается съ ихъ ухудшеніемъ, улучшается съ ихъ улучшеніемъ. Русскія женщины, участвующія въ общей политической, культурной и общественной работѣ, двигаютъ впередъ и женскій вопросъ. Оторваться изъ всего этого и уйти съ головой исключительно въ женскую агитацію было бы для нихъ не только невозможно, но и не нужно. Это сузило бы нашъ горизонтъ, оторвало бы насъ отъ общаго дѣла, отъ тѣхъ волненій, переживаній и этаповъ, гдѣ мы до сихъ поръ шли рука объ руку съ мужчинами. Но все яснѣе и яснѣе становится, что одной общностью мы не разрѣшимъ задачу женскаго безправія, не сдѣлаемъ идею равноправія привычной и насущной. Первый женскій съѣздъ показалъ, что даже предварительная работа, выясняющая положеніе русской женщины, еще не сдѣлана, что мы еще только на порогѣ настоящаго женскаго движенія.

Сами женщины еще очень несознательно относятся къ своему мѣсту въ государствѣ и жизни, и для широкихъ круговъ женскаго населенія отдѣльныя женскія организаціи явятся будильникомъ, школой общественнаго воспитанія. А въ дѣлѣ достиженія гражданскаго и политическаго равноправія, эти организаціи должны стать орудіемъ дальнѣйшей борьбы.

При всемъ сочувствіи, которое окружало съѣздъ, его участницы не могли не видѣть, какъ еще слабо проникли идеи равноправія въ сознаніе. Никакія партійныя программы, директивы, приказы, резолюціи не могутъ переломить силу привычки и внутренняго предубѣжденія. Люди интеллигентные, а тѣмъ болѣе прогрессивные, не охотно обнаруживаютъ свое истинное отношеніе къ женскому вопросу. Съ тѣмъ большимъ недоумѣніемъ многіе изъ нихъ прислушивались къ тому, что дѣлалось на съѣздѣ, тѣмъ чаще приходилось видѣть на лицахъ то же выраженіе, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ передовые общественные дѣятели спрашивали женщинъ, требовавшихъ включенія и женскихъ правъ въ партійныя программы и декларацiи:

— Да неужели все это серьезно?

Не безъ горечи приходится убѣдиться, что недостаточно участія женщинъ въ общей работѣ, чтобы пріучить мужчинъ къ мысли, что женщина „серьезно“ считаетъ себя равноцѣнной имъ. Общая работа

какъ будто не засчитывается, не является доказательствомъ ея годности къ политической дѣятельности.

Одинъ изъ видныхъ демократическихъ общественниковъ, привѣтствуя съѣздъ, съ рѣдкимъ для него простодушіемъ прямо высказалъ, что онъ надѣется, что женщины наконецъ съорганизуются и докажутъ свою пригодность къ общественной работѣ.

Какъ практическій политикъ, онъ былъ правъ. Считаться будутъ только съ организованной силой. Вѣдь никогда и никому права не подносились на серебрянномъ подносѣ. Ихъ надо добиваться, ихъ надо брать. А для этого надо сплотиться, надо найти форму для новаго масонства, для женскаго масонства, открытаго, не мистическаго, и въ извѣстной степени издавна существующаго.

Во всякомъ случаѣ, первый шагъ сдѣланъ, женское движеніе у насъ народилось и зная, сколько трудностей уже преодолѣла русская женщина въ своей борьбѣ за право, за свободу, за всю полноту человѣческой личности, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что разъ начатое дѣло уже не можетъ ни остановиться, ни заглохнуть.

А. Тыркова.

Россія и міровая политика

(1878—1908).

I.

При оцѣнкѣ международнаго положенія Россіи, прежде всего приходится остановиться на несомнѣнномъ фактѣ общаго у насъ признанія необходимости мира и невозможности его нарушенія безъ серьезнаго ущерба для жизненныхъ интересовъ страны. Съ перваго же взгляда ясно, особенно въ послѣднее время, что своей волей ни на что, серьезно грозящее нарушенію мира, не пойдутъ ни правящіе круги, ни общество, ни народъ, чѣмъ бы каждый изъ этихъ слоевъ націи въ отдѣльности ни руководился.

Однако же передъ нами стоитъ очень серьезный, чтобы не сказать роковой вопросъ: достаточно ли рѣшительнаго и послѣдовательнаго желанія сохранить внѣшній миръ, чтобы избѣгнуть войны? Весь трагизмъ положенія заключается въ томъ, что на этотъ вопросъ возможенъ только отрицательный отвѣтъ.

При современномъ строѣ культурнаго человѣчества ни сознаніе необходимости мира, ни даже безусловная очевидность крайней опасности его нарушенія не могутъ считаться прочной его гарантіей. Можно быть слишкомъ слабымъ или слишкомъ затрудненнымъ въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, чтобы добровольно рѣшиться на войну; но, къ несчастью, слабость или опасеніе внутреннихъ раздоровъ никогда еще никого не спасали отъ войны, но именно усиливали ся возможность. Только внутренняя сила государства даетъ мѣру его внѣшней безопасности. Это можно подтвердить десятками историческихъ примѣровъ, если такая старая истина еще нуждается въ доказательствахъ. Приведемъ одинъ, вполнѣ убѣдительный: въ 1866 году Австрія, только недавно разбитая въ Италіи и потерявшая Ломбардію, терзаемая внутренними раздорами, безусловно

не хотѣла войны; правительство и правящіе круги общества во что бы то ни стало желали ея избѣгнуть. Однако, война нужна была Пруссіи, и она началась. Вмѣстѣ съ войной пришло и то, чего Францъ-Іосифъ и его правительство не могли не предвидѣть: пораженіе и народныя волненія въ Венгріи и въ Венеціанской области со всѣми неизбѣжными послѣдствіями того и другого. Пока милитаризмъ тяготѣетъ на государствахъ Европы, миръ для каждаго изъ нихъ только тогда можетъ считаться обезпеченнымъ, когда война ему менѣе или не болѣе страшна, чѣмъ возможному противнику.

Все это старые и давно извѣстные выводы историческаго опыта. Но въ такое время, какое переживаемъ мы, и при такомъ настроеніи, какое господствуетъ теперь у насъ, ихъ необходимо повторять такъ же часто, какъ Катонъ твердилъ свое „ceterum censeo Carthaginem esse delendam“. Въ общественной психикѣ нежеланіе войны слишкомъ легко переходитъ въ увѣренность, будто она невозможна; у насъ же, вслѣдствіе общаго хода вещей,—въ равнодушіе ко всему, что выходитъ изъ круга чисто внутреннихъ вопросовъ. Между тѣмъ общество, сосредоточивая свое вниманіе на внутренней жизни страны, должно доводить логическіе выводы изъ своихъ наблюденій до конца. Въ области міровой политики давленіе уменьшается пропорціонально усиленію сопротивленія и увеличивается пропорціонально его ослабленію. Взаимодѣйствіе того, что дѣлается у насъ, и того, что происходитъ вокругъ насъ, должно быть нами постоянно сознаваемо. Пусть это ведетъ къ тревогѣ, пусть это лишитъ насъ спокойствія: если для тревоги есть основаніе, если спокойствіе зиждится только на незнаніи, мы должны предпочесть спокойствію тревогу. Въ этомъ спокойствіи дожила наша родина до Севастополя и до Мукдена. Пора перестать креститься только послѣ того, какъ уже грянулъ громъ.

Отъ внѣшней политики не уйдешь, отъ нея не отгородишься китайской стѣной, не отговоришься хорошими словами. Внѣшняя политика не роскошь. Она такой же вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, какъ и любой внутренній вопросъ. Миръ не можетъ и не долженъ быть самодовлѣющей цѣлью. Не можетъ, ибо однимъ дѣйствіемъ своей односторонней воли его нельзя обезпечить, не согласуя и внутреннюю политику съ реальными условіями международнаго положенія государства. Не долженъ, ибо миръ въ настоящее время есть прежде всего показатель удовлетворительнаго разрѣшенія національныхъ задачъ государства.

Такимъ образомъ, проблема международнаго положенія даннаго

государства въ данное время сводится къ опредѣленію соотношенія между его наличными силами, слѣдовательно, существующей степенью разрѣшимости его національныхъ задачъ,—и силами и стремленіями другихъ державъ, такъ или иначе соприкасающихся съ нимъ въ международной политической жизни.

Наиболѣе извѣстная часть задачи—это наши наличныя силы. Съ принятой нами точки зрѣнія, оцѣнка нашихъ силъ имѣетъ значеніе именно въ качествѣ элемента сравненія. Важна не абсолютная, а относительная ихъ величина, и важнѣе всего—относительная скорость ихъ прогресса. Поэтому тутъ не можетъ быть споровъ, и наша аргументація не потеряетъ ничего, если мы станемъ въ этомъ вопросѣ даже на самую оптимистическую точку зрѣнія. Допустимъ, что мы, дѣйствительно, при текущемъ положеніи вещей прогрессируемъ. Но достаточно ли быстро? Не отстаемъ ли мы? Не обгоняетъ-ли насъ ростъ возможныхъ противниковъ и даже ростъ друзей, всегда вліяющій при перевѣсѣ на самостоятельность государства?

Великіе грѣшники, когда-то ходившіе на Западѣ каяться въ Римъ, шли такъ: три шага впередъ, два назадъ. Все-таки они шли въ Римъ. Это вѣрно. Но вѣрно и другое: не всѣмъ имъ удавалось донести свое покаяніе до града апостола Петра. Не всѣ успѣли. Болѣзни, опасности и смерть не всегда отступаютъ на два шага на каждомъ третьемъ шагу.

Такъ въ лучшемъ случаѣ идемъ и мы. И только сравнивъ эту извѣстную величину съ менѣе извѣстными, съ тѣмъ, что дѣлается вокругъ насъ, мы получимъ дѣйствительное понятіе о нашемъ международномъ положеніи. Только тогда мы оцѣнимъ ближайшія возможности и поймемъ, насколько прочно или шатко наше положеніе, насколько оно соотвѣтствуетъ нашимъ національнымъ задачамъ. Поймемъ, что тутъ мы не имѣемъ права быть ни холодными, ни теплыми. Поймемъ, что въ переживаемое нами время всѣ силы, всѣ средства, всѣ возможности, которыми мы располагаемъ, должны быть приготовлены къ крайнему напряженію. Поймемъ, что иногда спокойствіе—чѣмъ бы оно ни объяснялось, поглощеніемъ иными вопросами, незнаніемъ или равнодушіемъ—преступно.

Указываютъ на безсиліе общественнаго мнѣнія, какъ на основаніе для равнодушія къ внѣшней политикѣ. Но это жалкія слова. Или самооправданіе, или самообвиненіе. Общество должно высказаться тамъ, гдѣ дѣло идетъ о важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго существованія. Кто скажетъ, что *тутъ* общественное мнѣніе мо-

жетъ быть не услышано? Во всякомъ случаѣ высказаться оно должно и свою долю вліянія оно окажетъ. Въ этомъ убѣжденіи мы и попытаемся возможно объективно разобраться въ томъ, что дѣлается вокругъ насъ въ Европѣ и Азіи, на рубежѣ которыхъ поставила насъ исторія.

II.

Русско-японской войной завершился тотъ періодъ европейской исторіи, который существенно окрашивался англо-русскимъ соперничествомъ и съ полнотою опредѣлился въ главныхъ своихъ, по крайней мѣрѣ, линіяхъ послѣ берлинскаго конгресса. Къ этому времени, совпавшему съ расцвѣтомъ капитализма, повидимому, завершился для великихъ державъ періодъ политики расширенія собственно въ Европѣ. Вѣкъ капитализма, XIX вѣкъ былъ и вѣкомъ національностей. Съ объединеніемъ Германіи и Италіи нація какъ конкретное понятіе и какъ идея, для большинства европейскихъ державъ отождествилась съ государствомъ. При такихъ условіяхъ экстенсивная политика въ предѣлахъ Европы оказалась рѣзко ограниченной невозможностью или крайней опасностью расширенія за счетъ сосѣдей. Въ то же время промышленный прогрессъ толкалъ внѣшнюю политику западно-европейскихъ державъ на поиски рынковъ, на экономическія завоеванія. Совокупность этихъ условій создала новую оріентировку европейской политики. Элементы будущаго такъ опредѣленно выявились на берлинскомъ конгрессѣ, что его надо считать исторической гранью, за которой, по выраженію Ганото, „началась новая эпоха, эпоха міровой политики“.

Острота поднятыхъ въ 1878 г. вопросовъ и причина дипломатическаго пораженія Россіи объясняются тѣмъ, что дѣло шло именно объ области наименьшаго въ Европѣ экономическаго сопротивленія, объ единственной возможной въ Европѣ сферѣ экономическаго, если не политическаго захвата и расширенія. Ближній Востокъ, и ранѣе бывшій неоднократно пробнымъ камнемъ устойчивости европейскихъ комбинацій, сыгралъ и на этотъ разъ эту роль, и въ тѣмъ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ значительнѣе измѣнились предпосылки политики европейскихъ державъ. Результатами берлинскаго конгресса были крушеніе идеи союза трехъ императоровъ, тройственный и двойственный союзы, оріентировка Австріи къ Салоникамъ, Россіи къ Тихому океану, Франціи и Италіи къ африкан-

скому побережью. Англія захватила второй ключъ Средиземнаго моря, Кипръ, и торжествовала побѣду надъ Россіей.

Но львиную часть добычи получила Германія, и истиннымъ побѣдителемъ въ русско-турецкой войнѣ оказался Бисмаркъ. Онъ одинъ ясно понималъ значеніе совершившагося и его послѣдствія, не только ближайшія. Той же желѣзной рукой, которой онъ привелъ Германію къ объединенію, онъ повелъ ее къ міровому владычеству. Отдыхая послѣ конгресса въ Киссингенѣ, онъ, какъ мы теперь знаемъ [1]), съ чувствомъ удовлетворенія разрабатывалъ новыя перспективы, открывшіяся для Германіи.

Еще задолго до конгресса предрѣшилъ онъ выборъ между Россіей и Австріей. Если бы Пруссія оставалась только Пруссіей, то, вѣроятно, Бисмаркъ не измѣнилъ бы традиціонной близости съ Россіей, зиждившейся на такихъ прочныхъ основаніяхъ, какъ одинаковая роль въ польскомъ вопросѣ и вѣковая династическая дружба. Но канцлеръ новой имперіи смотрѣлъ дальше и учитывалъ иныя возможности. Вопреки довольно распространенному мнѣнію, Бисмаркъ значительно раньше конгресса разобрался въ положеніи вещей. Уже въ 1875 году во время извѣстнаго франко-германскаго инцидента онъ „пощупалъ пульсъ у Европы“ и выяснилъ многія тайныя намѣренія и вожделѣнія [2]); симпатіи и антипатіи, взаимность интересовъ и соперничество ихъ дали яркую окраску позиціи, принятой державами: на сторонѣ Франціи оказались Россія и Англія. Въ 1876 г. для него выяснилось еще многое: Россія и Австро-Венгрія, подписавъ Рейхштадтскій договоръ, выказали этимъ намѣреніе урегулировать свои отношенія на Ближнемъ Востокѣ помимо Германіи. Канцлеръ съ рѣдкой проницательностью связалъ этотъ фактъ съ позиціей, принятой Россіей въ 1875 году, и съ еще болѣе раннимъ эпизодомъ 1870 г., когда въ теченіе затянувшейся осады Парижа, Россія подняла Восточный вопросъ и заставила Бисмарка одно время бояться европейскаго конгресса. Всѣ эти данныя были использованы великимъ политикомъ. Онѣ только подтвердили давно уже намѣченныя имъ основы будущаго тройственнаго союза; этимъ опредѣлилась его позиція между Россіей и Англіей, дѣйствительными тяжущимися на конгрессѣ. Дѣйствуя такъ, онъ сознавалъ вѣроятность возникновенія двойственнаго союза, но, съ его точки зрѣнія, было необходимо предотвратить другую, бо́льшую опасность: союза побѣжденныхъ подъ Садовой съ побѣ-

[1]) Gedanken und Erinnerungen; II, гл. XXVIII, XXIX, XXX.
[2]) G. Hanotaux. Histoire de la France contemporaine, III.

жденными подъ Седаномъ. Это онъ съ своей обычной прямолинейностью высказалъ уже въ знаменитой рѣчи въ рейхстагѣ 19 февраля 1878 года.

III.

Будущее значеніе тройственнаго союза вскрылось уже въ то время. Германія обезпечивала имъ положеніе, созданное Франкфуртскимъ договоромъ 1871 года, Австро-Венгрія—плоды Рейхштадтскаго договора, сорванные съ дерева и данные ей въ руки Бисмаркомъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Во время предварительныхъ переговоровъ Андраши ни за что не хотѣлъ согласиться на требованіе Бисмарка, чтобы Австрія обязалась взяться за оружіе въ случаѣ нападенія Франціи на Германію [1]). Австро-Венгрія хотѣла имѣть въ союзѣ исключительно гарантію противъ своего недавняго Рейхштадтскаго друга—Россіи. Бисмаркъ обошелъ и это затрудненіе, умѣло использовавъ ошибки Наполеона III, создавшія недовѣріе итальянцевъ къ Франціи, и включивъ въ союзъ благодаря этому Италію. Задача была рѣшена, и вмѣстѣ съ тѣмъ двойственный союзъ сталъ логически неизбѣженъ.

Но одновременно Германія и сама проникла на ту почву, на которой создалось использованное ею англо-русское соперничество. Давая Австро-Венгріи на Ближнемъ Востокѣ компенсацію, въ видѣ окупаціи Босніи и Герцеговины, какъ бы выкупъ за императорскую корону генцоллерновъ, Германія черезъ нее и сама оріентировала свой молодой имперіализмъ по этому стародавнему пути европейскихъ вожделѣній. Чтобы понять сущность союза обѣихъ имперій съ этой точки зрѣнія, не только сохранившей значеніе до сего дня, но ставшей теперь даже рѣшающей, необходимо остановиться на вопросѣ о германизмѣ и пангерманизмѣ.

Германизмъ и пангерманизмъ, какъ понятія и программы, не совпадаютъ. Германизмъ—программа имперіализма и міровой политики, программа политическаго и экономическаго расширенія и гегемоніи, программа величія Германіи. Пангерманизмъ—программа національнизма по существу, программа объединенія всѣхъ германскихъ элементовъ въ германскомъ отечествѣ, программа Великой Германіи [2]). Только ясное различеніе между этими двумя во мно-

[1]) Gedanken und Erinnerungen. II. 281.

[2]) Выпуклую формулу пангерманизма даетъ извѣстное стихотвореніе Арндта:

гомъ противорѣчивыми программами даетъ возможность понять взаимоотношенія Германіи и Австро-Венгріи.

Исторически германизмъ явился программою по преимуществу сѣверныхъ германцевъ. Протестантскій сѣверъ, носитель по существу германской культуры, никогда не былъ и не можетъ быть вполнѣ солидарнымъ съ Австріей, исторической представительницей католицизма. Побѣда сѣвера, объединившаго Германію подъ своимъ главенствомъ, создала такія условія, при которыхъ пангерманизмъ является идеей противо-имперской. Это звучитъ парадоксально, однако это такъ и предвидѣлось еще давно, именно въ 48 году, когда германская идея въ обѣихъ ея формахъ мощно проявилась въ жизни. Дѣйствительно, осуществленіе идей пангерманизма рѣшительно измѣнило бы соотношеніе силъ въ современной Германіи: въ настоящее время численность протестантскаго населенія составляетъ $^2/_3$ всего народонаселенія имперіи, въ случаѣ же присоединенія австрійскихъ „нѣмецкихъ“ земель противъ 36 милліоновъ протестантовъ оказалось бы 37 милліоновъ католиковъ [1]). Снова явилось бы два центра притяженія: Вѣна и

. . . . . .

Was ist das deutsche Vaterland?
So nenne endlich mir das Land!
So weit die deutsche Zunge klingt
Und Gott im Himmel Lieder singt:
Das soll es sein! Das soll es sein!
Das, wack'rer Deutscher, nenne dein!

Т. е.: нѣмецкимъ отечествомъ должна быть всякая страна, въ которой раздается и славитъ Бога нѣмецкая рѣчь; и всѣ эти страны долженъ ты, мужественный нѣмецъ, признавать своими!

[1]) Подъ терминомъ „пангерманизма“ часто понимаютъ двѣ различныхъ программы, двѣ не совпадающихъ теоріи. Пангерманизмомъ обычно называютъ программу объединенія всѣхъ германскихъ элементовъ въ германскомъ отечествѣ, т. е. соединенія Цислейтаніи (безъ Галиціи, Буковины и Далмаціи), нашего Прибалтійскаго края и Нидерландовъ съ Германской имперіей. Это—программа Великой Германіи. Болѣе узкая—программа des Grösseren Deutschlandes, Бо́льшей Германіи—мечтаетъ о соединеніи съ „нѣмецкимъ отечествомъ“ австрійскихъ земель.

Перепись 1900 г. опредѣлила численность народонаселенія Германской имперіи въ 56.146,000 человѣкъ. По вѣроисповѣдному признаку въ составъ населенія входило 35.230,000 протестантовъ—62,5%, 20.328,000 католиковъ—36,1% и 587,000 евреевъ—1,04%. Такъ какъ насъ интересуетъ соотношеніе между числомъ протестантовъ и католиковъ въ чисто-нѣмецкомъ населеніи, то мы и внесемъ въ эти цифры соотвѣтствующую поправку. Чисто-нѣмецкое населеніе имперіи составляютъ 51.213,000 человѣкъ, т. е. 90,06%. Протестантовъ изъ нихъ 67,77%—34.701.000 чел., католиковъ 32,23%—16.512,000 чел. Другія національныя группы: 3.500,000 славянъ—6,48% всего населенія (изъ нихъ поляковъ 3.300,000, чеховъ—107,000 и вендовъ-лужичанъ—93,000); 587,000 евреевъ—1,04 и, наконецъ, разныя мелкія группы—1,42% всего населенія. Весь центръ и сѣверъ имперіи (за исключеніемъ Познани) населенъ почти сплошь (свыше 32 милліоновъ) протестантскимъ населеніемъ, въ которомъ разсѣяно около 6 милліоновъ католиковъ. На

Берлинъ. Поэтому для прусской Германіи существованіе имперіи Габсбурговъ является одной изъ основъ ея собственнаго единства. Германія озабочена только эволюціей своей союзницы и въ эту сторону направлена ея политика, политика германизма.

Формула германизма, какъ мы сказали, была дана еще въ 1848 г. Наиболѣе полно ее выразилъ тогда Генрихъ фонъ Гагернъ, вождь партіи объединенія на франкфуртскомъ конгрессѣ и министръ въ декабрѣ 48 г. Онъ заявлялъ: „*Миссія Австріи—цивилизація Востока.* Для этого ей необходимо сохранить полную свободу дѣйствій и сосредоточить свои силы, но изъ этого она не должна выводить права противодѣйствовать внутреннимъ реформамъ, которыхъ желаетъ Германія, и навязывать ей устройство по своему плану. *Австрія должна быть соединенной съ Германіей, но отличной отъ нея.* Австрія вскорѣ признаетъ, что существованіе

югѣ, въ Баваріи, Баденѣ, Гессенѣ и Вюртембергѣ, католиковъ среди двѣнадцатимилліоннаго населенія свыше 10 милліоновъ. Они и сейчасъ, какъ извѣстно, представляютъ, благодаря сплоченности, извѣстную силу, легко, однако, подавляемую протестантскимъ большинствомъ. Съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить, что южное католическое меньшинство и протестантское большинство представляютъ противоположныя тенденціи: югъ склоненъ отстаивать права союзныхъ правительствъ, сѣверъ,—носитель имперскаго централизма. Напомнимъ еще, что во времена kulturkampf'а, борьбы противъ католиковъ, которой Бисмаркъ скрѣплялъ зданіе новой имперіи и укоренялъ прусскую гегемонію, связь между католическимъ нѣмецкимъ югомъ и католической польской Познанью не прерывалась.

Посмотримъ теперь, какія перемѣны въ соотношеніе силъ внесло бы осуществленіе мечты пангерманистовъ. Какъ извѣстно, пангерманисты типа Шёнерера и Вольфа мечтаютъ о возсоединеніи съ „нѣмецкимъ отечествомъ“ всей Цислейтаніи, за исключеніемъ Далмаціи, Галиціи и Буковины, гдѣ нѣмецкое населеніе тонетъ среди громаднаго славянскаго большинства. Въ такъ называемыхъ ими „нѣмецкихъ земляхъ“, т. е. Нижней и Верхней Австріи, Штиріи, Каринтіи, Карніолѣ, Тріестѣ съ областью, Истріи, Горицѣ и Градишкѣ, Тиролѣ, Форарльбергѣ, Чехіи, Моравіи и Силезіи, переписъ 1901 года исчислила количество народонаселенія въ 17.510,000 чел., изъ нихъ 16.700,000 католиковъ, 480,000 протестантовъ и 320,000 евреевъ. По національности—8.850,000 нѣмцевъ, 7.615,000 славянъ, 725,000 итальянцевъ и 320,000 евреевъ.

Если предположить эти земли „возсоединенными“ съ Германіей, то въ „Бо́льшей Германіи“ оказалось бы, базируясь на тѣхъ-же данныхъ, изъ 73.650,000 чел. населенія 37.028,000 католиковъ и 35.711,000 протестантовъ, т. е. 50,3% католиковъ противъ 48,52% протестантовъ. Это соотношеніе принимаетъ нѣсколько иной видъ, если взять въ разсчетъ только нѣмецкое населеніе предполагаемой имперіи. Изъ 60.063.000 нѣмцевъ было-бы 35.181.000 протестантовъ и 24.882,000 католиковъ, т. е. 58,34% протестантовъ и 41, 66% католиковъ. Но для того, чтобы понять истинное значеніе перемѣны, надо, во-первыхъ, принять во вниманіе усиленіе не-нѣмецкихъ элементовъ, и, во-вторыхъ, географическое распредѣленіе вѣроисповѣдныхъ и національныхъ группъ. Прежде всего численность чисто-нѣмецкаго населенія по отношенію къ другимъ элементамъ понижается съ 90,06% до 81,62%. За счетъ нѣмецкаго преобладанія выростаетъ славянская группа: съ 3.500,000 до 10.185,000 чел., съ 6,48% до 13,74%; очаги „славянской

рядомъ съ ней могучей Германіи ей болѣе полезно, чѣмъ то вліяніе, которое она могла раньше оказывать на отдѣльныя германскія государства—вліяніе, котораго она и не сможетъ возстановить". Исходя изъ этихъ соображеній, Гагернъ просилъ у парламента полномочій для переговоровъ съ вѣнскимъ правительствомъ по вопросу международныхъ отношеніяхъ между Германіей и Австріей [1]). Насколько на сѣверѣ Германіи въ этотъ рѣшающій періодъ идея германизма отождествлялась съ прусской идей въ противоположность пангерманизму—идеѣ юга, Австріи, идеѣ Шварценберга и Бейста [2]), —видно изъ ноты Фридриха-Вильгельма IV (23 января 1849 г.). Нерѣшительный прусскій король колебался еще передъ нарушеніемъ „историческихъ правъ". Онъ не считалъ необходимымъ формальное исключеніе Австріи изъ Германскаго союза; онъ считалъ даже возможнымъ оставить за ней номинальное первенство. Но что касается существа отношеній, то мы вновь встрѣчаемся съ той же формулой: *„дѣйствительная роль Австріи должна была бы состоять въ томъ, чтобы представлять и проводить германское вліяніе во-внѣ, подчинить ему славянскія земли, Италію, особенно же Востокъ; а собственно Германія должна по добровольному соглашенію своихъ монарховъ*

опасности" удваиваются: наряду съ доставляющей столько безрезультатныхъ хлопотъ Познанью появляется еще болѣе энергичная, организованная и многочисленная (до шести милліоновъ по офиц. австр. даннымъ) чешская народность. Является новый элементъ—итальянскій—съ опредѣленными антиимперскими тенденціями. Къ Эльзасу-Лотарингіи на западѣ, Познани на сѣверо-востокѣ, Шлезвигу на сѣверѣ присоединились бы Чехія въ южной части имперіи и Тріестъ съ Истріей на юго-западѣ въ качествѣ центровъ національной оппозиціи. Но это второстепенныя перспективы сравнительно съ образованіемъ громаднаго католическаго нѣмецкаго ядра на югѣ. Четыре южныхъ государства съ новыми землями представили бы область съ почти двадцатимилліоннымъ нѣмецкимъ католическимъ населеніемъ, съ естественнымъ центромъ—Вѣной, про которую въ этомъ смыслѣ еще Бисмаркъ говорилъ, что „она не позволитъ собой управлять Берлину", съ естественнымъ выходомъ къ морю—Тріестомъ, съ естественнымъ тяготѣніемъ къ дунайской равнинѣ. Ясно противопоставленіе Вѣны—Берлину, Тріеста—Гамбургу, Дуная—Рейну: слѣдовательно, сѣвера—югу. Изъ сравненія численности протестантовъ и католиковъ въ „нѣмецкихъ" земляхъ Австріи ясно, что, въ случаѣ присоединенія теперешней протестантской Германіи съ преобладаніемъ въ ней Пруссіи былъ бы нанесенъ жестокій ударъ и конечный исходъ дальнѣйшей эволюціи такого цѣлаго никто не рѣшится предсказать.

Всѣ цифры почерпнуты нами изъ оффиціальныхъ данныхъ, приводимыхъ въ статистическомъ обзорѣ извѣстнаго „Perthes Taschen Atlas". 44-ое изд. 1907 года.

[1]) René Henri. Questions d' Autriche-Hongrie et question d' Orient, стр. 91.

[2]) См. интересныя выдержки изъ мемуаровъ послѣдняго въ цитированной книгѣ René Henri, стр. 126.

сгруппироваться вокругъ Пруссіи, признать ея главенство, образовать съ нею родъ политическаго и военнаго Zollverein'a“ [1]).

Что это? Пророчество? Нѣтъ—программа. Яснѣе и послѣдовательнѣе всѣхъ понималъ ее тотъ, кто ее осуществилъ. Въ 1866 году послѣ Садовой Бисмаркъ отчаянно противился планамъ Вильгельма и его штаба отнять у Австріи нѣмецкія области Моравіи; онъ умолялъ короля „не создавать между собой и Австріей ничего непоправимаго“. Въ 1871 г. онъ представилъ Вильгельму—уже императору—замѣчательный докладъ, сущность котораго выражается въ слѣдующемъ: Германіи болѣе выгодно распространить свое вліяніе на славянъ Ближняго Востока чрезъ посредство Австріи, чѣмъ присоединить къ себѣ нѣмецкую часть имперіи Габсбурговъ. Въ заключеніе Бисмаркъ даетъ формулу германской политики по отношенію къ Австріи: политическая организація австрійской имперіи, служащая орудіемъ *не австрійскимъ* цѣлямъ.

Такимъ образомъ, въ основаніи союза Германіи и Австріи лежитъ *германизмъ*. Съ этой точки зрѣнія и нужно его оцѣнивать въ его наступательной политикѣ. Объ особенностяхъ его строенія съ оборонительной стороны мы уже говорили.

Послѣ присоединенія къ нему Италіи въ 1882 году долгое время его, дѣйствительно, можно было опредѣлять извѣстной тирадой Дешанеля: „тройственный союзъ—это возстановленіе древней германской имперіи на новыхъ условіяхъ, примѣненныхъ къ потребностямъ нашего времени,—съ тремя династіями, съ тремя монархами, съ тремя столицами, но съ единымъ военнымъ и политическимъ управленіемъ“.

Теперь—по отношенію къ Италіи—это измѣнилось. Но по отношенію къ Германіи и Австріи остается въ силѣ. Дальнѣйшая эволюція взаимоотношеній такъ прочно связанныхъ въ этой исторической схемѣ имперій Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ силъ, антагонистичныхъ германизму, отъ славянства.

IV.

Завершивъ такимъ образомъ свое вооруженіе, молодая имперія немедленно приступила ко второй части программы германизма, къ

---

[1]) M. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe, II, 31. Цит. по R. Henri.

„цивилизаціи Востока“. Матеріальная необходимость этой политической работы была уже создана громаднымъ промышленнымъ подъемомъ, особенно рѣзко выражавшимся въ эту эпоху грюндерства, когда французскіе милліарды влили столько золота въ денежное обращеніе страны.

Для внимательнаго наблюдателя скоро опредѣлилось то новое, что внесла пробивавшаяся струя германскаго вліянія въ дѣло „цивилизаціи Востока“.

Первыми должны были это почувствовать Россія и Англія. Для Россіи Турція всегда являлась, вопервыхъ, угнетательницей славянъ, во-вторыхъ, препятствіемъ на пути къ открытому Эгейскому морю. Для Англіи, наоборотъ, Турція имѣла значеніе именно въ качествѣ огражденія морского пути въ Индію отъ русской опасности. Отсюда и различіе во взглядахъ на вопросъ объ Европейской Турціи. Поскольку Россія стремилась къ вытѣсненію турокъ въ Азію, рвалась къ Константинополю, къ проливамъ, постольку Англія охраняла цѣлость или, по меньшей мѣрѣ, существованіе имперіи султана въ Европѣ, съ Константинополемъ на Босфорѣ, съ Салониками на Эгейскомъ морѣ. И для Россіи, и для Англіи до Берлинскаго конгресса и послѣ него вплоть до послѣднихъ событій не самое существованіе Турціи или распадъ ея былъ вопросомъ рѣшающей важности, а связанныя съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса перспективы.

Съ выступленіемъ германизма въ видѣ комбинированнаго дѣйствія Германіи и Австро-Венгріи въ Восточномъ вопросѣ настала новая эра, рѣзко измѣнившая соотношеніе силъ и интересовъ. Австрійская политика, постоянно колебавшаяся до того между Россіей и Англіей, пріобрѣла опредѣленность, устойчивость, большую напряженность и послѣдовательность въ своемъ стремленіи къ Востоку. *Турція для германизма оказалась самодовлѣющей цѣлью.* Громадные и мало использованные рынки Ближняго и Средняго Востока представляли обширную область экономическаго расширенія для растущей промышленности имперіи. Въ эту сторону и направились ея усилія.

Постепенно германское вліяніе закрѣпило за собой позиціи, принадлежавшія до 1878 г. Англіи. Къ ней перешла роль покровительницы „больного человѣка“. Drang nach Osten перебросился черезъ Балканы въ Малую Азію и протянулъ свои щупальцы къ Персидскому заливу.

Иначе и не могло быть. Къ тому времени, когда объедине-

ніе Германіи создало политическую организацію, необходимую для осуществленія Weltpolitik, а съ другой стороны промышленный прогрессъ достигъ той высоты, когда имперіализмъ становится политикой необходимости—міръ былъ уже раздѣленъ. Германія обратила свои усилія на наиболѣе въ то время для нея доступную область расширенія. Въ дальнѣйшемъ, она нашла и другія сферы вліянія, но Ближній Востокъ остался главнымъ полемъ ея работы. Вильгельмъ II явился тутъ только продолжателемъ Бисмарка. Проникновеніе въ Малую Азію, Багдадская ж. д., даже историческій отнынѣ „жестъ" защитника суверенитета султана, сдѣланный императоромъ Германіи во время армянской рѣзни, явились методическимъ выполненіемъ всесторонне обдуманнаго плана. Это было побѣднымъ шествіемъ германизма, быстро измѣнившимъ картину европейской политики и въ общемъ, и въ частности, въ тѣхъ условіяхъ, вслѣдствіе которыхъ Англія, борясь съ русскимъ вліяніемъ, пропустила въ 1879 году на Ближній Востокъ новаго конкурента. Ей-же первой и пришлось почувствовать, что tertius gaudens въ ея схваткѣ съ Россіей оказалась Германія.

Опредѣлившись прежде всего на Ближнемъ Востокѣ, очертанія англо-германскаго антагонизма выяснялись, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче и непримиримѣе, такъ какъ въ немъ выражалось уже экономическое соперничество.

Сравнивая промышленный прогрессъ обоихъ государствъ за время отъ объединенія имперіи до 1905 года, понимаешь, почему пресловутая марка „made in Germany" стала въ концѣ XIX в. настоящимъ кошмаромъ для британскихъ промышленниковъ.

Отъ 1870 до 1890 г. торговые обороты Великобританіи возрасли на 30%, съ 1890 по 1905 г. на 42%. Въ тѣ же сроки аналогичныя цифры для Германіи—49% и 72%. За 35 лѣтъ—увеличеніе на 121%! Въ 1870 г. англійскій экспортъ превышалъ германскій на 1265 милліоновъ рублей, теперь превышеніе это понизилось до 675 мил. р. Въ то же время германскій торговый флотъ выросъ до громадныхъ размѣровъ. Насколько этотъ фактъ важенъ съ англійской точки зрѣнія, видно хотя бы изъ того, что германскія пароходныя общества, поддерживающія сообщенія съ Америкой, уже побѣждаютъ въ конкурренціи съ Англіей: Hamburg-America Line и Norddeutscher Lloyd превысили тоннажемъ своихъ судовъ флотъ крупнѣйшаго англійскаго общества Cunard Line *втрое*.

Борьба за экономическое преобладаніе идетъ по всей линіи.

Торговые дома Лондона всюду встрѣчаютъ ожесточенную конкурренцію берлинскихъ фирмъ; текстильная промышленность Манчестера переживаетъ кризисъ за кризисомъ, тѣснимая Дюссельдорфомъ, Эльберфельдомъ и Крефельдомъ; стальныя издѣлія Шеффильда, когда-то монополизировавшія міровой рынокъ, теперь всюду встрѣчаются съ маркой „Solingen“; Бирмингамъ борется съ Лейпцигомъ, Ливерпуль съ Гамбургомъ.

Почувствовавъ свою текстильную и металлургическую промышленность въ опасности, Великобританія вздрогнула, и въ Европѣ явилась новая угроза миру, пугающая самые хладнокровные умы громадностью своихъ возможныхъ послѣдствій.

Эта угроза тѣмъ серьезнѣе, что въ основаніи ея лежитъ суровая логика капитализма. Вопросы престижа легко улаживаются мирнымъ путемъ; въ вопросахъ экономическаго соперничества гораздо больше элементовъ непримиримости. Въ наше время коммивояжеръ предшествуетъ дипломату, и биржа держитъ въ своихъ рукахъ вопросы войны и мира крѣпче, чѣмъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Чемберленъ, творецъ новѣйшаго британскаго имперіализма, формулировалъ это въ краткой, но выразительной фразѣ: „имперія—это торговля“!

Въ равной мѣрѣ извѣстный боевой девизъ императора Вильгельма II „unsere Zukunft liegt auf dem Wasser“ является такимъ же логическимъ выводомъ изъ германской торговой политики. Его морская программа есть не болѣе и не менѣе, какъ приспособленіе военнаго могущества государства къ потребностямъ его торговли. Объэктомъ промышленнаго соперничества является Англія, она же—объэктъ и вооруженія. Мы въ правѣ видѣть въ ихъ характерѣ и размѣрѣ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ симптомовъ крайней остроты положенія [1]).

Германія направляетъ всѣ свои силы, проявляетъ колоссальную энергію, и съ каждымъ годомъ флотъ ея становится все болѣе и болѣе грозной величиной.

---

[1]) Ростъ ассигнованныхъ рейхстагомъ кредитовъ на флотъ выразился съ 1898 по 1908 г. въ слѣдующихъ круглыхъ цифрахъ (въ рубляхъ):

1898	55 мил.	1903	95 мил.
1899	61 „	1904	99 „
1900	70 „	1905	107 „
1901	90 „	1906	115 „
1902	94 „	1907	128 „

Въ 1908 г. было ассигновано 158 мил. р. Скачокъ сравнительно съ 1907 г. знаменателенъ. Кредитъ, судя по опубликованнымъ даннымъ, еще превышенъ на нѣсколько милліоновъ.

Англичанамъ параллельно съ увеличеніемъ германскихъ морскихъ силъ становится все труднѣе и труднѣе поддерживать основной принципъ своей военной организаціи, традиціонный two powers standart [1]). Въ прошломъ году новая германская программа поставила и для Англіи на очередь жгучій вопросъ о колоссальномъ увеличеніи флота, что̀ являлось, прежде всего, препятствіемъ для осуществленія ряда соціальныхъ реформъ. Въ послѣднихъ дняхъ января текущаго года вновь обсуждался вопросъ о постройкѣ шести броненосцевъ типа Dreadnought. Вызвано это спускомъ на воду германскими верфями четырехъ броненосцевъ этого типа: Nassau, Westfalen, Baden, Würtemberg.

Въ связи съ такъ рѣзко намѣчавшимся антагонизмомъ англійская политика по отношенію къ Германіи должна была, казалось бы, эволюціонировать быстро и уже давно. Дѣйствительная же ея двойственность и нерѣшительность вплоть до исхода русско-японской войны объясняется весьма вѣскими причинами, не позволявшими ей до 1905 года порвать съ традиціями splendid isolation. Причины эти лежали въ отношеніяхъ Англіи къ державамъ двойственнаго союза, къ характеристикѣ значенія котораго въ европейской системѣ мы и перейдемъ.

V.

5 ноября 1881 г. одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей третьей республики, Жюль Ферри заявлялъ въ палатѣ: „тунисскій вопросъ такъ же старъ, какъ алжирскій. Они возникли одновременно. Хорошій французъ не можетъ примириться съ мыслью, чтобы обладаніе территоріей, являющейся въ полномъ смыслѣ слова ключемъ къ нашему дому, было въ чьихъ-либо иныхъ рукахъ, кромѣ слабаго, дружественнаго или подчиненнаго правительства“.

Въ этомъ заявленіи, безупречномъ по своей логичности, не договорено только одно: такая постановка тунисскаго вопроса стала возможной только послѣ Берлинскаго конгресса, „куда“—по выраженію Ваддингтона [2]) „Франція явилась свободной отъ обязательствъ, от-

---

[1]) Военно-морская организація Англіи основана на принципѣ поддержанія флота на такой высотѣ, чтобы онъ былъ сильнѣе соединенныхъ флотовъ двухъ сильнѣйшихъ морскихъ державъ.

[2]) Изъ его рѣчи въ сенатѣ во время обсужденія бюджета на 1879 годъ.

куда она вернулась свободной отъ обязательствъ и послѣ котораго осталась свободной отъ обязательствъ".

Роль Франціи на Берлинскомъ конгрессѣ, недавно съ такой полнотой и проницательностью освѣщенная блестящей статьей Ганото [1]), представляетъ одну изъ самыхъ знаменательныхъ страницъ новѣйшей исторіи. Еще не оправившись отъ страшнаго разгрома, ведя напряженную внутреннюю борьбу за упроченіе республиканскаго строя, Франція явилась на конгрессъ въ скромной роли незаинтересованнаго свидѣтеля. Она ставила себѣ задачу выдѣлить свою политику изъ намѣчавшагося столкновенія двухъ соперничавшихъ силъ—Россіи и Англіи. Франція усиленно старалась, чтобы предметы занятій конгресса не касались такихъ вопросовъ, которые бы заставили ее выйти изъ этой пассивной роли; такъ, по ея настоянію, было выключено обсужденіе положенія Египта. Эта позиція имѣла громадное вліяніе на будущее. Прежде всего, она отразилась на положеніи Италіи на конгрессѣ и à contre coup довершила изоляцію Россіи.

Италія, опасаясь увеличенія австрійскаго вліянія на Адріатическомъ побережьѣ выказала было на конгрессѣ склонность стать на сторону Россіи. Это ей было немедленно зачтено. „Незаинтересованный" Бисмаркъ до того рѣзко игнорировалъ присутствіе итальянскихъ представителей, что князь Корти, главный уполномоченный, жаловался даже на обманъ со стороны канцлера. Это было первой наглядной демонстраціей будущему сочлену тройственнаго союза выгодъ германскаго покровительства.

Если бы Франція вышла изъ своего намѣреннаго безучастія и пошла навстрѣчу неудовольствію итальянцевъ, между двумя соперничающими теченіями стало бы третье, представляющее интересы державъ Средиземнаго моря. Франція и Италія явились бы необходимымъ элементомъ равновѣсія интересовъ, и Россія получила бы свободу дѣйствій.

Возможное въ этомъ направленіи вліяніе Франціи на исходъ конгресса было очень серьезно оцѣнено и Бисмаркомъ, и представителями Англіи, Биконсфильдомъ и Солсбэри. Бисмаркъ осыпалъ недавнихъ враговъ любезностями, чаровалъ предупредительностью и вниманіемъ къ высказываемымъ ими взглядамъ. Онъ подготовлялъ почву для весьма сложнаго и рискованнаго дипломатическаго хода,

---

[1]) Revue de deux mondes. 1908. 15. IX и 1. X.

который въ будущемъ долженъ былъ отвлечь Францію къ африканской политикѣ и усугубить разногласія между нею и Италіей. Шагъ этотъ должны были сдѣлать англичане.

Въ дополненіе къ образованію Восточной Румеліи, которая уничтожала опасное съ англійской точки зрѣнія возникновеніе Великой Болгаріи съ выходомъ къ морю, Англія своевременно успѣла заключить съ Турціей сепаратную конвенцію, предоставлявшую ей важнѣйшую морскую позицію, остр. Кипръ. Сдѣлано это было съ вѣдома и съ благословенія Бисмарка. Моральный ударъ, направленный противъ Россіи, въ то же время чувствительно задѣвалъ интересы Франціи и Италіи.

За пять дней до окончанія конгресса, 7 іюля, лордъ Солсбэри сообщилъ Ваддингтону англо-турецкую конвенцію относительно Кипра. Ваддингтонъ былъ ошеломленъ и заявилъ о выходѣ Франціи изъ конгресса. Но Солсбэри не далъ ему прекратить на этомъ разговоръ: онъ сумѣлъ навести его на особенно интересные для французскаго дипломата вопросы, отъ обсужденія которыхъ Франція формально уклонилась еще до конгресса. Былъ поднятъ египетскій вопросъ, были открыто признаны права Франціи на протекторатъ католиковъ въ Турціи, а главное—вдругъ рѣзко поставленъ вопросъ о Тунисѣ. Открылъ его Солсбэри, заявивъ Ваддингтону, ни словомъ не коснувшемуся его, „что Франція не можетъ оставить Кароагенъ въ рукахъ варваровъ“. „Дѣлайте тамъ, что хотите,—добавилъ онъ: это насъ не касается“.

Говоря прямо, это было предложеніемъ получить свою долю пирога, компенсацію, о которой Франція не думала, идя на конгрессъ, и принятіе которой существенно измѣняло занятую ею позицію. Предложеніе возобновилъ Бисмаркъ, подчеркнувъ, что и Германія ничего не имѣетъ противъ предоставленія Франціи свободы дѣйствій въ Тунисѣ.

Этотъ шагъ, необходимый, чтобы обезпечить активное присоединеніе Франціи къ большинству конгресса, несмотря на передачу Англіи Кипра, былъ, какъ теперь извѣстно, всесторонне обдуманъ въ Англіи съ дѣятельнымъ сотрудничествомъ „честнаго маклера“.

Неопредѣленныя и не такъ-то легко достижимыя выгоды въ Тунисѣ были недорогой цѣной за присоединеніе Франціи къ рѣшеніямъ конгресса, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что онѣ создавали антагонизмъ между нею и ея средиземной сосѣдкой, съ другой—несомнѣнно отдаляли ясную для Бисмарка возможность возникновенія двойственнаго союза и, наконецъ, вводили во фран-

цузскую политику новые элементы, которые неизбѣжно должны были отвлечь ея вниманіе отъ восточной границы.

Франція рѣшилась не сразу. При обсужденіи англійскаго предложенія въ совѣтѣ маршалъ Макъ-Магонъ въ рѣзкой формѣ обнаружилъ его опасность: „Теперь они хотятъ стравить насъ съ Италіей,—воскликнулъ онъ,—я на это не соглашусь; я не хочу, чтобы насъ бросили въ новыя осложненія; я не хочу, слышите ли, не хочу“! Это темпераментное проявленіе древняго „timeo Danaos et dona ferentes“, однако, только отсрочило принятіе Франціей англо-германскаго дара.

Конгрессъ закончился такъ, какъ хотѣли Бисмаркъ и Биконсфильдъ, при чемъ Франція еще не сказала своего послѣдняго слова. Но она не замедлила его произнести. 13 іюля закрылся конгрессъ, а 21-го Ваддингтонъ уже вошелъ въ переговоры съ лордомъ Солсбэри по поводу берлинскихъ обѣщаній. 7 августа послѣдовалъ отвѣтъ, и Франція вступила въ ту полосу своей политики, которую Гамбетта резюмировалъ тогда интервьюру Times'а въ слѣдующихъ словахъ: „Берлинскій конгрессъ положилъ конецъ разъединенію европейскихъ державъ; онъ разрушилъ тройственный союзъ 1873 г. (союзъ трехъ императоровъ) и сблизилъ Францію съ Англіей: франко-русскій союзъ теперь невозможенъ... Франція не имѣетъ никакихъ видовъ, которые бы могли создать необходимость или желательность такого союза“.

Однако, Гамбетта не выказалъ въ этомъ случаѣ дальновидности. Скоро Франція узнала истинную цѣну дара данайцевъ. Причины, создававшія и ранѣе англо-французское соперничество въ Африкѣ, получили благодаря новой оріентировкѣ политики Франціи только большую силу. Начиная съ 1880 г., когда энергичная инициатива Жюля Ферри придала небывалую активность колоніальной политикѣ Франціи, съ каждымъ годомъ интересы ея все чаще и все сильнѣе сталкивались съ интересами Англіи. Въ Тунисѣ французскій протекторатъ былъ ограниченъ безсрочнымъ торговымъ договоромъ, заключеннымъ имъ съ Англіей, и различными концессіями, данными имъ другимъ державамъ; Англія рѣшительно противилась уничтоженію этихъ договоровъ, опираясь при этомъ на Италію, африканская политика которой вплоть до пораженія подъ Адуей являлась серьезнымъ препятствіемъ для осуществленія идеи „Новой Франціи“. На западномъ побережьѣ—затяжныя конфликты въ Гамбіи, въ Сіерра-Леоне, въ Либеріи и т. д., и т. д. Въ центрѣ чернаго материка соперничество въ бассейнѣ Конго и области верх

няго Убанги. На югѣ постоянныя недоразумѣнія на Мадагаскарѣ гдѣ Англія, несмотря на признаніе французскаго протектората (1890 г.), ставила всевозможныя препятствія его осуществленію. И надъ всѣмъ этимъ неразрѣшимый, больной египетскій вопросъ.

На пути къ сближенію Франціи съ Англіей, которое такъ преждевременно констатировалъ Гамбетта, стояла французская колоніальная программа, которую именно онъ опредѣлилъ своей исторической фразой: „будущее Франціи на Средиземномъ морѣ". Великобританія, владычица морей, всегда ревниво наблюдала за державой, имѣющей естественную возможность развитія въ сторону Атлантическаго океана и Средиземнаго моря. Теперь же французская программа прямо сталкивалась съ англійскимъ планомъ „Черной Индіи". „Рельсовый путь отъ Капштадта до Каира" сталъ грандіозной мечтой новаго имперіализма. На пути къ осуществленію этой мечты Англія намѣтила три этапа: захватъ португальскихъ владѣній, уничтоженіе независимости южно-африканскихъ колоній и, какъ завершеніе, — окончательное укрѣпленіе на берегахъ и на устьѣ Нила и на Суэцкомъ каналѣ.

Методически осуществляя этотъ планъ, Великобританія тѣснила и ограничивала французское вліяніе.

Итакъ, тѣ „виды", объ отсутствіи которыхъ въ качествѣ стимула къ франко-русскому союзу говорилъ Гамбетта, у Франціи оказались налицо. Они значительно способствовали тому, чтобы Франція, изолированная на западѣ Европы, протянула, наконецъ, руку Россіи, союзъ съ которой является естественной гарантіей противъ центрально-европейскаго союза, создавая для Германіи опасность войны на два фронта. Мы уже видѣли, что̀ пріостановило въ 1878 г. Францію на пути къ такому разрѣшенію вопроса. Но какъ только выяснилось, что Англія не съ Франціей, что въ зависимости отъ отношеній Англіи съ Германіей стоятъ самые жизненные для Франціи вопросы,—колебанія постепенно исчезаютъ, и франко-русскій союзъ, пройдя черезъ этапы Кронштадта, Тулона и т. д., становится фактомъ.

„Тройственный союзъ рано или поздно долженъ былъ получить противовѣсъ въ видѣ франко-русскаго контръ-союза, заключеннаго не въ цѣляхъ войны, а именно въ цѣляхъ мира...", писалъ въ 1897 г. Анат. Леруа-Больё [1]). Это, конечно, такъ. Но нельзя признать случайнымъ совпаденіемъ и тотъ фактъ, что франко-русскій

[1]) Anatole Leroy-Beaulieu. Etudes russes et européennes. Préface.

союзъ былъ официально сообщенъ державамъ въ 1895 г., а этотъ годъ былъ для Франціи „годомъ Фашоды“, когда изъ-за общеизвѣстной экспедиціи Маршана въ центральную Африку обостреніе отношеній съ Англіей чуть было не дошло до войны и вызвало временное сближеніе Англіи съ Германіей; мало того, этотъ годъ былъ годомъ занятія Тананаривы, когда передъ Франціей сталъ вопросъ объ аннексіи Мадагаскара. Такія совпаденія не бываютъ никогда случайными. Съ французской точки зрѣнія двойственный союзъ имѣлъ остріе и противъ Англіи.

Мы увидимъ, что до извѣстной степени также опредѣлялось значеніе союза и для Россіи.

VI.

Россія вышла изъ Берлинскаго конгресса побѣжденной побѣдительницей. Рѣшаясь въ 1877 году на войну съ Турціей, наше правительство задавалось очень опредѣленными цѣлями. Слишкомъ извѣстно, что далеко не одно желаніе освободить славянъ изъ-подъ турецкаго ига руководило нашей политикой. Циркуляръ Горчакова (7—9 апрѣля 1877 г.) говоритъ объ „*интересахъ Россіи*, мирное осуществленіе которыхъ затруднено постоянными осложненіями на Ближнемъ Востокѣ“. Тѣ интересы Россіи, о которыхъ говорилъ канцлеръ, всегда сталкивались съ интересами Англіи, столкнулись и на этотъ разъ. „Честный маклеръ“ блестяще формулировалъ это соперничество въ не теряющей для насъ до сихъ поръ значенія главѣ своихъ „Мыслей и воспоминаній“ о „будущей политикѣ Россіи“ [1]). Со временъ Петра Великаго мы пробиваемся къ открытому морю. Свобода „проливовъ“ была до 1878 г. цѣлью нашей политики. Берлинскій конгрессъ далъ побѣду Англіи, видѣвшей въ созданіи Великой Болгаріи, предположенномъ Санъ-Стефанскими прелиминаріями, появленіе Россіи на Эгейскомъ морѣ.

Съ этого времени мы постепенно начали эвакуировать наши позиціи на Ближнемъ Востокѣ. Событія показали, что здѣсь было больше раздраженія, чѣмъ дѣйствительнаго политическаго прозрѣнія. Намъ пришлось много пережить, пока мы убѣдились, что интересы наши на Ближнемъ Востокѣ не могутъ нами быть безнаказанно пренебрежены.

---

[1]) Во II томѣ Gedanken und Erinnerungen.

Въ 1885 году, когда, вопреки волѣ Александра III и съ согласія Англіи, произошелъ переворотъ въ Восточной Румеліи, приблизившій, однако, осуществленіе предположеній Санъ-Стефанскаго договора, наше правительство рѣзко дало почувствовать Болгаріи свое неудовольствіе, а затѣмъ въ 1887 году, когда подъ нашимъ давленіемъ Александръ Баттенбергскій отрекся отъ болгарскаго престола, а вмѣсто него Собраніе подъ австро-германскимъ вліяніемъ выбрало нѣмецкаго принца и австрійскаго офицера, Фердинанда Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, мы разорвали дипломатическія отношенія съ Болгаріей и заключились въ презрительное равнодушіе. Сербія, которой русское правительство не особенно благопріятствовало и до войны, и послѣ нея (Рейхштадтскій договоръ относительно Босніи и Герцеговины и Санъ-Стефанскіе прелиминаріи, обдѣлившіе Сербію въ пользу Болгаріи), съ 1878 г. оказалась волей-неволей въ сферѣ австро-германскаго вліянія. Съ 1887 года мы открыли этому же вліянію дверь и въ Болгарію. Единственное наше пріобрѣтеніе въ 1878 г.—вынужденный обмѣнъ Румыніей части Бессарабіи на Добруджу—создалъ намъ врага въ этомъ королевствѣ, гдѣ и такъ былъ открытъ естественный путь для германскаго вліянія черезъ главу его.

Раздраженная, разочарованная политика наша уже оріентировалась въ другомъ направленіи. Двери на Ближнемъ Востокѣ передъ нами закрылись—Россія двинулась къ Персидскому заливу и къ Тихому океану. Закаспійская ж. д. и великій Сибирскій путь оживили всѣ британскія опасенія и побудили Англію къ новой борьбѣ съ Россіей, неутомимой и глухой, которая значительно способствовала столкновенію нашему съ Японіей.

Новая политика Россіи, прежде всего, требовала денегъ. Германія не имѣетъ большихъ сбереженій—она не могла представить для русскихъ займовъ основного рынка. Англійскій рынокъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ былъ для Россіи закрытъ. Франція, страна крупнѣйшихъ въ Европѣ сбереженій, великій экспортеръ капиталовъ, представляла и единственно доступный и наиболѣе серьезный рынокъ для нашихъ бумагъ.

И Франція, и Россія шли, такимъ образомъ, другъ другу на встрѣчу, нуждаясь во взаимной поддержкѣ, какъ по отношенію къ тройственному союзу, такъ и по отношенію къ Англіи. Qui se cherche, se trouve: союзъ былъ заключенъ.

Непосредственными результатами его для Россіи было быстрое развитіе дальневосточной политики, для Франціи—болѣе устойчи-

вое положеніе въ Европѣ, а потому и большая увѣренность въ осуществленіи колоніальныхъ задачъ.

VII.

Колебанія политики Англіи по отношенію къ растущей угрозѣ ея благополучію со стороны Германіи становятся, такимъ образомъ, понятными. Splendid isolation перестаетъ быть намѣреннымъ и все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ вынужденнаго.

Пока столкновеніе англійскихъ интересовъ съ интересами Россіи и Франціи кажется неустранимымъ и почвы для соглашенія не находится,—Англія чувствуетъ себя одинокой сравнительно съ своей величайшей соперницей, Германіей. Въ реальной политикѣ положенія такого рода всегда вызываютъ стремленіе къ соглашенію съ наиболѣе опаснымъ противникомъ. И, дѣйствительно, послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка и начало XX до русско-японской войны было ознаменовано цѣлымъ рядомъ англійскихъ попытокъ войти въ соглашеніе съ Германіей. Дѣло доходило, какъ недавно стало извѣстно, до прямого предложенія союза. Однако, дипломатія безсильна устранить поводы антагонизма, разъ они лежатъ въ области торговаго соперничества. И императоръ Вильгельмъ II былъ правъ, по крайней мѣрѣ, относительно своего народа, когда заявилъ, что онъ единственный въ Германіи другъ Англіи. Да и относительно его самого это не болѣе, какъ одна изъ граней его многосторонняго политическаго облика. Другія грани не дружественны Соединенному королевству.

Въ то же время между Англіей и Германіей завязывается новое соперничество по отношенію къ Соедин. Штатамъ.

Громадность промышленнаго прогресса заатлантической республики все болѣе и болѣе склоняетъ ее къ перемѣнѣ ея традиціонной обособленной политики. Въ лицѣ Соединеныхъ Штатовъ, ясной исторической миссіей которыхъ является объединеніе американскаго материка, растетъ, благодаря ихъ доминирующему значенію на міровомъ рынкѣ, и опредѣляющая общее международное положеніе величина. Въ концѣ XIX вѣка только и говорятъ что объ „американизаціи“ міра. Германія и Англія съ растущей тревогой отмѣчаютъ, что на русскомъ, наприм., рынкѣ Соединенные Штаты продали въ 1900 году машинъ на 3 милл. дол. противъ 950 тыс. въ 1895 г. и 150 тыс. въ 1890 г. И

Англія и Германія спѣшатъ заручиться поддержкой новаго врага. То дѣло идетъ о союзѣ англо-саксонской расы: Англія и Америка, въ союзѣ, явились бы, дѣйствительно, носителями міровой гегемоніи; то Вильгельмъ II протягиваетъ за океанъ руку великому американскому народу, среди котораго „такъ много нѣмцевъ, что онъ также молъ близокъ Германіи, какъ и Англіи“. Наконецъ, Англія и Германія, не успѣвъ въ отдѣльности, снова обращаются другъ къ другу и вмѣстѣ мечтаютъ объ англо-германо-американскомъ союзѣ.

Но Бисмаркъ, Бисмаркъ все еще владѣетъ судьбами Германіи. Мертвый не менѣе, чѣмъ живой. „Ни англофильства, ни англофобіи“ — таковъ его завѣтъ, такова въ первой, по крайней мѣрѣ, части политика Германіи. Во время трансваальской войны произошелъ весьма характерный для взаимныхъ отношеній правительствъ и народовъ эпизодъ. Въ концѣ января 1901 г. Вильгельмъ ѣдетъ въ Лондонъ. У гроба королевы Викторіи происходитъ нѣчто въ родѣ формальнаго соглашенія между нимъ и королемъ Эдуардомъ. Англійское общественное мнѣніе относится къ этому факту съ нескрываемой радостью. Но въ серединѣ февраля Эдуардъ, выѣхавшій въ Кронбергъ, къ своей умирающей сестрѣ, встрѣчаетъ въ Германіи недвусмысленныя выраженія враждебности со стороны населенія. 20 февраля ст. стиля Бюловъ заявляетъ въ парламентѣ, что „путешествіе императора ничего не перемѣнило въ англо-германскихъ отношеніяхъ, что интересы мира не требуютъ союза между обоими государствами и что *отношенія Берлина съ Петербургомъ не оставляютъ желать ничего лучшаго*“.

Послѣдняя фраза, какъ молнія, ярко освѣщаетъ суть международнаго положенія въ этотъ первый годъ XX вѣка. Дѣло тутъ столько же въ Петербургѣ, сколько въ Парижѣ. Къ этому времени Франція стала выдѣляться въ особое положеніе, которое дѣлаетъ ее въ настоящее время краеугольнымъ камнемъ мира въ Европѣ. Уже въ концѣ второй половины XIX вѣка роль Франціи, какъ крупнѣйшей капиталиста и всемірнаго заимодавца, опредѣлилась. Нѣтъ государства, въ дѣлахъ котораго Франція не была бы заинтересована именно такъ, какъ кредиторъ заинтересованъ въ дѣлахъ должника. Съ этой рѣшающей точки зрѣнія Франція всегда заинтересована въ томъ, чтобы не допускать должника до несостоятельности: конкурсъ-война всегда противорѣчитъ ея интересамъ; кто бы ни былъ разоренъ въ большей степени,—побѣдитель или по-

бѣжденный,—это одинаково затрагиваетъ карманъ французскихъ капиталистовъ. Если въ силу современныхъ условій международной жизни, болѣе всего поддерживаемыхъ Германіей, милитаризмъ заставляетъ большинство державъ злоупотреблять своимъ кредитомъ, то проценты съ этого недуга ихъ народнаго хозяйства собираетъ Франція. Поэтому, питая съ этой стороны милитаримъ, она сама легче выноситъ его тяготу и пріобрѣтаетъ въ вопросахъ мира и войны особое значеніе, какъ міровой кредиторъ, какъ предсѣдатель этого своеобразнаго, характеризующаго нашу эпоху биржевого комитета, который въ конечномъ счетѣ стремится избѣгать войны и устанавливать полюбовное соглашеніе должниковъ между собою во имя интересовъ кредиторовъ и затѣмъ, конечно, и ихъ собственныхъ; впрочемъ, послѣднее не такъ обязательно

Съ начала новаго столѣтія на Францію начинаютъ умильно посматривать недавно (въ 1900 г.) сошедшіяся въ Китаѣ противъ Россіи и снова теперь косящіяся другъ на друга Англія и Германія.

Послѣ общеевропейскихъ наскоковъ на Китай, Германія, получивъ свою долю добычи въ Шантунгѣ, возобновляетъ съ новой энергіей Drang nach Osten. Въ началѣ 1901 г. Вильгельмъ утверждаетъ докладъ комиссіи, изслѣдовавшей области между Коніей и Персидскимъ заливомъ. На очереди становится „die Deutsche Bagdadbau“. Англія не можетъ потерпѣть германскаго движенія къ Персидскому заливу. Это одно изъ тѣхъ болѣзненныхъ мѣстъ, прикосновеніе къ которымъ всегда вызывало грозный окрикъ Джона Булля: noli me tangere!

Англія ясно выражаетъ свое крайнее неудовольствіе, когда Германія и Франція пріобрѣтаютъ угольныя станціи на дорогѣ къ заливу, Франція въ Москатѣ, Германія въ Форзанъ-эль-Кебирѣ, на Красномъ морѣ. Поэтому съ Багдадскимъ проэктомъ въ рукахъ Вильгельмъ II обращается къ французскимъ финансистамъ и русскимъ дипломатамъ. Расхожденіе Англіи и Германіи опредѣляется сразу. 15 марта 1901 г. Бюловъ говоритъ въ рейхстагѣ, что „однѣ державы имѣютъ въ Китаѣ исключительно экономическіе интересы, другія, (читай Россія) скорѣе политическіе. Германія принадлежитъ къ первой категоріи“. Выводъ: англо-германское соглашеніе (окт. 1900 г.) не касается Манчжуріи. „Мы не имѣемъ никакихъ серьезныхъ національныхъ интересовъ въ Манчжуріи“. Ландсдоунъ протестуетъ противъ такого толкованія соглашенія. Несомнѣнно, германское его толкованіе имѣетъ въ виду дать Россіи компенсан-

цію на Дальнемъ Востокѣ. Для Франціи, за оффиціальными любезностями, Германія сулитъ Марокко.

Во Франціи германскій проектъ былъ принятъ сочувственно Въ Россіи онъ встрѣтилъ оппозицію только со стороны Витте. Какъ бы ни относиться къ его политическому облику, въ данномъ случаѣ онъ выказалъ большую прозорливость. Съ его точки зрѣнія Багдадская ж. д. была такъ же нежелательна для Россіи, какъ и для Англіи. Онъ противопоставлялъ германскому проекту проектъ Оренбургъ—Бомбейской линіи.

Во время рѣшенія вопроса о Багдадской дорогѣ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ появилась статья объ отношеніи къ ней русскаго правительства, въ которой между прочимъ сказано:

„Говорятъ, что путь этотъ (Оренбургъ—Индія) поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ Англіей, а черезъ то грозитъ большими бѣдами и осложненіями. Но возраженіе это болѣе старо, чѣмъ справедливо, основано скорѣе на традиціонномъ взаимномъ нашемъ съ Англіей недовѣріи, чѣмъ на трезвой дѣйствительности. На міровомъ рынкѣ мы съ Англіей пока что не конкурренты, и въ сущности нигдѣ почти у насъ съ ней нѣтъ интересовъ, не поддающихся разграниченію. Въ области всемірно-торгово-промышленной конкурренціи Англія скорѣе страшна Германіи. Мы же съ ней опасны другъ другу болѣе издали при маломъ взаимномъ знакомствѣ. На близкомъ разстояніи, когда границы наши соединятся прорѣзавшей Герать желѣзнодорожной линіею и когда по этой линіи возстановятся пограничныя сношенія, на почвѣ ихъ создадутся взаимные экономическіе интересы,— тогда туманъ былыхъ недоразумѣній и опасеній быстро прояснится и давно завязанный и лежащій теперь на Памирѣ гордіевъ узелъ взаимнаго недовѣрія будетъ разрубленъ“ [1]).

Въ 1901 г. не вняли мнѣнію Витте. Возобладала другая точка зрѣнія. Со времени японско-китайской войны (1895 г.), когда присоединеніе Германіи къ политикѣ франко-русскаго союза на Дальнемъ Востокѣ облегчило Россіи возможность утвердиться на Печилійскомъ заливѣ, до 1901 года все способствовало обостренію отношеній съ Англіей, а не наоборотъ. Въ 1900 и 1901 гг. манчжурскіе планы Россіи встрѣтились сначала съ англо-германскимъ соглашеніемъ, подкрѣпленнымъ своего рода анти-русской коалиціей заин-

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“, 1901 годъ, № 51, (отъ 23 декабря). Статья безъ подписи, имѣющая всѣ признаки неоффиціальнаго сообщенія министра финансовъ. Мѣсто это цитировалъ въ засѣданіи французской палаты 11 марта 1903 г. Делонкль. Съ тѣхъ поръ имъ пользуются многіе изслѣдователи, какъ мнѣніемъ Витте.

тересованныхъ въ Манчжуріи Японіи и Соединенныхъ Штатовъ. Германское предложеніе облегчало Россіи ея движеніе на Дальній Востокъ, но, ясно, за счетъ англійскихъ симпатій.

Крайняя активность азіатской политики Россіи въ это время не допускала сближенія съ Англіей: стоитъ напомнить секретныя статьи русско-китайской конвенціи 1901 года, гарантировавшія манчжурской династіи поддержку Россіи и буддистскаго духовенства, вступившаго въ это время въ тѣсныя отношенія съ Петербургомъ благодаря энергичнымъ хлопотамъ Авгана Доржіева; предложенія и угрозы нашего правительства новому афганскому эмиру; установленіе русской финансовой опеки въ Персіи, плаваніе „Адмирала Корнилова“ въ Персидскій заливъ и т. д. и т. д. Занятіе русскими желѣзнодорожной линіи Пекинъ—Шанхайгуанъ, устанавливающей сообщеніе центра Китая съ Манчжуріей, было, въ связи съ окончаніемъ Великаго Сибирскаго пути, недвусмысленнымъ симптомомъ. Позиція, занятая Россіей, оказалась рѣшающей и для Франціи, которая, не выказывая равнодушія къ германскому дружественному тону, обмѣнивалась, однако, не словесными только услугами съ Англіей [1]), также давшей къ тому времени ясныя фактическія указанія на желаніе вступить съ Франціей въ возможно болѣе тѣсныя отношенія.

Франція съ этого момента начала постепенно работать надъ осуществленіемъ той роли посредницы, которая дала такіе благіе результаты послѣ русско-японской войны. Сближеніе съ Италіей,— склонившейся, послѣ пораженія подъ Адуей, къ политикѣ умиротворенія на Средиземномъ морѣ,—дало Франціи въ руки нить европейской политики, связывавшую одновременно и Лондонъ, и Берлинъ. Работая на два фронта, Франція одновременно приступила къ ликвидаціи своихъ африканскихъ счетовъ съ Англіей и къ поддержкѣ багдадскаго проекта Германіи. Ей тогда не удалось примирить всѣ противорѣчія и создать ту систему соглашеній, которую осуществилъ послѣ пораженія Россіи Эдуардъ. Что касается отношеній Россіи и Англіи, это понятно. Но почему другое разрѣшеніе вопроса — континентальная система — не вошло въ жизнь, это еще долго, можетъ быть, будетъ загадкой для историка. Мы можемъ только констатировать фактъ: отвергнувъ соглашеніе съ Англіей въ мартѣ 1901 г., князь Бюловъ лѣтомъ отклонилъ

[1]) Соглашенія по африканскимъ вопросамъ.

возможность тройственнаго союза съ двойственнымъ, которое намѣчалось Франціей и Италіей. Почему онъ заставилъ группу Средиземнаго моря оріентировать свою политику въ сторону Англіи, мы сказать не можемъ. Учитывала ли Германія возможное столкновеніе Россіи съ Японіей? Не хотѣла ли она отклонить отъ себя обязанность помѣшать ему? Не видѣла ли она съ другой стороны возможность расхожденія интересовъ Россіи и Франціи, одной, соперничающей съ Англіей, другой, сближающейся съ ней? Все это пока неразрѣшимые вопросы. Можетъ быть, и тутъ Бюловъ остался тѣмъ аграрнымъ канцлеромъ, который только что провелъ невыгодный для Россіи торговый договоръ... Какъ бы то ни было, прологъ къ великой русской трагедіи заканчивался въ туманѣ противорѣчивыхъ плановъ и намѣреній, среди которыхъ зоркіе глаза, какъ мы уже указали, видѣли, однако, тѣ элементы, которые опредѣлили ходъ европейской исторіи послѣ того, какъ въ Портсмутѣ кончился послѣдній актъ.

Мы быстро приближались къ развязкѣ. Франція, не разочарованная неудачей, продолжала свое дѣло.

Въ декабрѣ 1901 г.—попытка использовать германскій отказъ: проектъ англо-русскаго соглашенія, который „освободилъ бы Россію и Англію отъ посредничества Берлина“, какъ писалъ „National Review“. „Шансы войти въ двойственный союзъ—отвѣчало „Новое Время“—гораздо значительнѣе для Англіи, чѣмъ для Германіи; во всякомъ случаѣ, соглашеніе съ Лондономъ намъ кажется гораздо болѣе осуществимымъ, въ виду отсутствія тѣхъ затрудненій, которыя отдѣляютъ насъ отъ Берлина“ (намекъ на новый таможенный тарифъ). Статья „Новаго Времени“ вполнѣ выражала взгляды Витте.

Нашъ министръ финансовъ былъ крайне озабоченъ въ это время поисками новаго рынка для русскихъ бумагъ.

Французскій рынокъ отсрочивалъ новые займы на неопредѣленное время, отчасти потому, что былъ значительно насыщенъ русскими бумагами, отчасти выжидая прояснения политическаго горизонта.

Германскій рынокъ только-что (май 1901 г.) былъ использованъ, давъ 425 милл. франковъ изъ 4%; въ виду промышленнаго кризиса въ Германіи, пока больше на него нельзя было разсчитывать. Тарифныя недоразумѣнія съ Соединенными Штатами грозили обостриться въ таможенную войну. Все это заставляло Витте особенно горячо поддерживать англійскую комбинацію.

Но тутъ на сцену явилась Японія. Ей въ Кореѣ деньги были такъ же нужны, какъ Россіи въ Манчжуріи.

Въ ноябрѣ 1901 г. маркизъ Ито обращался въ Парижъ и въ Петербургъ. Онъ просилъ всего 100 милл. франковъ. Парижъ согласился, мы торговались: предлагали пятьдесятъ, семьдесятъ пять...

Въ самомъ концѣ 1901 г. Ито прибылъ въ Лондонъ. Тамъ ему достаточно было показаться: англійскій рынокъ далъ Японіи 5 милл. фунт. стерл. (125 милл. фр.). 15 января 1902 года Англія и Японія заявили въ Пекинѣ протестъ противъ манчжурской конвенціи, 30 января баронъ Гайяши подписалъ оборонительный и наступательный англо-японскій союзъ.

Періодъ splendid isolation фактически закончился; пессимисты говорили, что его смѣняетъ „splendid complication“. „Эта политика не оставляетъ Россіи иного выхода, кромѣ союза съ Германіей, отъ котораго ее до сихъ поръ удерживали и инстинктъ и интересы“—писалъ тогда „Fortnightly Review“.

Въ дѣйствительности, для насъ оставался еще другой выходъ: обратиться прямо или черезъ посредство Франціи въ Лондонъ, чтобы установить соглашеніе съ Англіей и Японіей. Имъ мы не воспользовались. Первый выходъ—возобновленіе противъ Японіи русско-франко-германской коалиціи 1895 г.—не былъ использованъ вслѣдствіе противодѣйствія Франціи. Бюловъ прямо предложилъ Россіи содѣйствіе Германіи. Франція, уже эволюціонировавшая въ сторону Англіи, уже работавшая надъ новымъ направленіемъ двойственнаго союза, сдѣлала имѣвшій громадныя послѣдствія шагъ; ея инициативѣ обязана Россія и отклоненіемъ германскаго предложенія и франко-русскимъ отвѣтомъ (20 марта 1902 г.) на англо-японскую ноту, отвѣтомъ, который къ великому несчастью далъ русскимъ сторонникамъ войны возможность разсчитывать на активное нарушеніе Франціей своего нейтралитета.

Этимъ актомъ прологъ былъ законченъ. Ничто уже не останавливало Россію на пути къ Мукдену и Цусимѣ, подготовленнымъ несоотвѣтствіемъ ея регрессивной внутренней политики имперіалистической постановкѣ внѣшней.

VIII.

Русско-японская война представляется невнимательному къ теченію международной жизни наблюдателю чѣмъ-то вродѣ ката-

строфы на Мартиникѣ, до которой, съ его точки зрѣнія, „все было тихо“, а потомъ пошли трусы и потопы. Для большинства русско-японская война, это—какая-то черта, послѣ которой „вдругъ“ событія головокружительно быстрымъ потокомъ устремились къ невѣдомому будущему.

Историческое сознаніе обывательскаго большинства не знаетъ прошлаго, хотя бы недавняго. Оно представляется ему въ видѣ разрозненныхъ *впечатлѣній*.

Мало видимъ мы въ нашей интеллигентной массѣ того *знанія*, которое дѣлаетъ для нѣмца или француза мароккскій, напримѣръ, вопросъ не fait-divers газетной хроники, а глубоко интересующимъ его дѣломъ. Неудивительно поэтому, что утомленное внѣшней путаницей событій сознаніе быстро утомляется и, не видя изъ-за деревьевъ лѣса, закрываетъ глаза.

Мы попытались выяснить тѣ элементы, изъ которыхъ слагалось международное положеніе до войны и, если намъ удалось исполнить нашу задачу, читатель убѣдится, что, допуская относительное значеніе русско-японской войны въ качествѣ черты, отдѣляющей прошлое отъ настоящаго, мы не найдемъ, однако, въ настоящемъ, какъ и въ самой войнѣ ничего неожиданнаго.

Всѣ факторы, которые двигаютъ событіями, опредѣлились уже до войны, и то, что мы наблюдаемъ, представляетъ рѣшеніе составленныхъ уже уравненій послѣ того, какъ искомая величина, иксъ международнаго положенія,—дѣйствительная сила Россіи—былъ также опредѣленъ.

Мы уже видѣли, какъ англо-германское соперничество и политика двойственнаго союза, взаимно вліяя другъ на друга, опредѣляли крайнюю неустойчивость политическаго равновѣсія въ Европѣ. Мы уже видѣли, какъ сближеніе Франціи съ Италіей поставило вопросъ объ иномъ основаніи этого равновѣсія. Мы отмѣтили, какъ Германія сама создала тяготѣніе группы Средиземнаго моря къ Англіи, какъ это немедленно и неизбѣжно стало вліять на взаимоотношенія Франціи и Россіи, такъ какъ Россія, всецѣло занятая своей дальневосточной политикой, не могла до войны слѣдовать по этому пути за Франціей.

Этому неопредѣленному положенію война и дала исходъ. Налаженныя уже пружины были приведены въ движеніе, и быстрый ходъ событій въ Европѣ явился, какъ мы видимъ, учетомъ ослабленія Россіи на основаніи уже готовыхъ данныхъ.

Съ внѣшней стороны послѣдовавшія послѣ войны событія еще свѣжи въ памяти общества.

Мы не считаемъ поэтому нужнымъ детально напоминать ихъ, какъ мы дѣлали это по отношенію къ предыдущему періоду. Мы постараемся только уяснить связность, послѣдовательность ихъ и сдѣлать необходимые для пониманія ежедневно воспринимаемыхъ нами извѣстій выводы.

За три съ половиной года, протекшихъ послѣ Портсмутскаго мира мы видѣли два параллельныхъ ряда событій. Одинъ—во внутренней жизни государствъ, но имѣющій непосредственное международное значеніе, другой—въ области собственно международной политики. Къ первому ряду относятся: русская революція, персидская революція, турецкая революція и сильное конституціонное движеніе въ Китаѣ, въ Индіи и въ Египтѣ.

Ко второму—рядъ соглашеній: франко-японское, русско-японское, англо-испанское, англо-итальянское, англо-французское, англо-франко-итальянское, два англо-русскихъ (одно по азіатскимъ дѣламъ, другое—по дѣламъ Ближняго Востока), англо-франко-русское, соглашеніе о сѣверныхъ моряхъ, наконецъ, франко-германское и, особнякомъ, американо-японское; рядомъ съ этимъ обостреніе десятковъ вопросовъ: восточнаго (провозглашеніе независимости Болгаріи и аннексія Босніи и Герцеговины), персидскаго, марокканскаго, египетскаго и такъ далѣе.

Начнемъ съ событій международнаго характера. Съ перваго-же взгляда видно наступленіе той splendid complication, о которой до войны говорила часть англійской прессы. Дѣйствительно, пораженіе Россіи освободило Англію отъ тѣхъ осложненій, которыя соперничество съ нашимъ имперіализмомъ вносило въ ея политику по отношенію къ Германіи. Прежде всего, зависимость французской политики отъ того-же факта исчезла; наша союзница уже не должна была считаться съ необходимостью ради сохраненія союзныхъ отношеній въ Европѣ поддерживать насъ въ Азіи деньгами и вліяніемъ, необходимостью, которая, въ свою очередь, не позволяла и ей давать ходъ своему тяготѣнію къ британской комбинаціи. Наше пораженіе, съ другой стороны, заставило насъ перемѣстить нашу политику съ Дальняго Востока на Ближній, а въ Азіи перейти отъ наступленія къ охранѣ status quo. И въ томъ и въ другомъ направленіи мы входили въ орбиту англійской политики.

Усиленіе Японіи создало совпаденіе англійскаго взгляда на

дѣла Дальняго Востока съ нашимъ. Ориентировка на Ближній Востокъ столкнула насъ съ Drang'омъ и создала возможность согласованія нашихъ интересовъ съ англійскими для совмѣстнаго дѣйствія. Это было быстро использовано Англіей.

И Россіи, и Франціи она рядомъ дипломатическихъ шаговъ облегчаетъ ихъ иностранную политику тамъ именно, гдѣ интересы ихъ сталкиваются съ германскими. Уяснивъ значеніе нашего пораженія въ смыслѣ перемѣны ориентировки нашей политики, Англія дѣятельно освобождаетъ насъ отъ непосредственныхъ опасеній на Дальнемъ Востокѣ. Франко-японское соглашеніе, дополнившее англо-японскій союзъ, явилось своего рода мостомъ между Россіей и Японіей, этапомъ къ русско-японскому соглашенію 1906 г., послѣ котораго освобожденное вниманіе наше сразу переносится на Балканы и въ Персію. Параллельно съ этимъ Англія поддерживаетъ политику Франціи въ Марокко, обостряя, такимъ образомъ, франко-германское соперничество. Договоромъ 8 апрѣля 1904 г. Англія, бывшая 20 лѣтъ соперницей Франціи въ этомъ пунктѣ африканскаго побережья, признаетъ исключительныя права Франціи въ Марокко, какъ въ пограничномъ съ Алжиромъ государствѣ. Въ дополненіе къ этому и къ болѣе раннему франко-итальянскому соглашенію, Англія способствуетъ улаженію отношеній Франціи съ Испаніей, сильно заинтересованной въ султанатѣ (сентябрь 1905 г.). Англо-испанское соглашеніе скоро вообще вводитъ Испанію въ сферу англо-французской entente cordiale. Результаты быстро сказались. Германія обезпокоена. Она все рѣшительнѣе противодѣйствуетъ французскому вліянію въ Марокко.

Наконецъ, по ея настоянію созывается Алжезирасская конференція (январь—апрѣль 1906 г.): и на ней, при могущественной поддержкѣ Англіи, при *реальномъ содѣйствіи Италіи*, Германія терпитъ крупнѣйшее дипломатическое пораженіе. Франція и Испанія получаютъ международную санкцію ихъ положенія въ Марокко въ такой формѣ, въ какой ихъ опредѣлило франко-испанское соглашеніе. Группировка уже ясна. Латинская группа организована въ противовѣсъ тевтонской. Англо-франко-итальянское соглашеніе относительно Абиссиніи (1905 г.) и послѣдовавшія за нимъ дружелюбныя соглашенія по другимъ, болѣе мелкимъ колоніальнымъ вопросамъ, стираютъ былыя разногласія и развиваютъ начавшееся съ 1901 г. сближеніе съ Франціей, такъ что итальянская политика обращается въ элементъ, скорѣе разлагающій тройственный союзъ и умаляющій, во всякомъ случаѣ, его устойчивость.

Остается привлечь къ соглашенію Россію. Почва подготовлена. Общественное мнѣніе въ Россіи громко высказывается за сближеніе съ Англіей. Франція напрягаетъ свое вліяніе. Лѣтомъ 1906 года даже вырабатываются возможныя условія соглашенія.

Два года, однако, длятся колебанія Россіи. Анти-германскій смыслъ политики „мира“ —всѣ политики всѣхъ правительствъ носятъ это имя—для правящихъ сферъ слишкомъ ясенъ. Идетъ борьба между германо-фильскимъ и англо-фильскимъ теченіями. Для однихъ Германія прежде всего—оплотъ консерватизма въ Европѣ, и они готовы возобновить эру тройственнаго союза 1873 г., послѣдняго отголоска Священнаго Союза. Для другихъ, Германія прежде всего—милитаризмъ, Drang nach Osten и т. д. Сверхъ того при рѣшительной оріентировкѣ Франціи къ англійской комбинаціи, союзъ съ Германіей ведетъ къ ослабленію внутренней связи въ двойственномъ союзѣ. А Франція, и только Франція—деньги.

Неизвѣстно, какъ долго длились бы колебанія, если бы не выступленіе барона Эренталя съ проэктомъ Митровицкой ж. д. Со дня этого выступленія учетъ нашего ослабленія со стороны германизма сталъ настолько несомнѣннымъ, что сторонники непосредственныхъ соглашеній съ Вѣной и Берлиномъ должны были стушеваться.

За-то небывалую до тѣхъ поръ вѣскость пріобрѣли голоса тѣхъ, кто съ самаго заключенія мира указывалъ на выгоду для Россіи послѣдовать совѣтамъ и примѣру Франціи, давъ ходъ программѣ, намѣченной въ 1901 г. у насъ Витте, а во Франціи Делькассе. Вмѣсто отдѣльныхъ и непослѣдовательныхъ шаговъ, какимъ была, напримѣръ, наша поддержка Англіи во время ея конфликта съ Турціей въ маѣ 1906 г., мы, наконецъ, опредѣленно сблизились съ Англіей.

Англія рѣшительно поддержала нашъ желѣзнодорожный контръ-проэктъ и взяла на себя иниціативу въ македонскомъ вопросѣ, имѣя въ виду крушеніе австро-русскаго соглашенія 1897 г. и дополнившей его такъ называемой мюрцштегской программы, имѣвшихъ въ основѣ наше желаніе отдѣлаться отъ заботъ на Ближнемъ Востокѣ во имя нашихъ манчжурскихъ плановъ. Эта иниціатива была блестящимъ дипломатическимъ ходомъ: вскорѣ Россія предложила свою менѣе радикальную программу, Англія немедленно къ ней присоединилась давъ, намъ, такимъ образомъ, и первое мѣсто, и опору.

Обрисовалась ясно и недвумысленно новая группировка въ

ближневосточныхъ дѣлахъ: на одной сторонѣ—непосредственно заинтересованная Россія, съ нею Франція, Англія, а отчасти и Италія; съ другой стороны: изолированный Drang. Кольцо вокругъ него сомкнулось.

Вильгельмъ II парировалъ этотъ ловко нанесенный ударъ не менѣе искуснымъ ходомъ. Германія сама присоединилась къ соглашенію, которое, видимо, было направлено противъ нея, и съ намѣренной шумихой въ печати начала поддерживать въ Константинополѣ русскую программу. Бюловъ полетѣлъ въ Вѣну и въ Римъ. Онъ бесѣдуетъ съ Эренталемъ, съ Титтони. Баронъ Маршалль дѣлаетъ чудеса въ Константинополѣ: султанъ уже готовъ согласиться на русское предложеніе, поддерживаемое теперь *всѣми* великими державами, не исключая *Австро-Венгріи*. Вильгельмъ II—онъ на островѣ Корфу въ своемъ Ахиллейонѣ—руководитъ всей этой сложной игрой...

Но вдругъ все мѣняется. Англія разстраиваетъ всю тонко налаженную игру. Становится извѣстнымъ, что Эдуардъ VII увидится съ нашимъ Государемъ. Это даетъ Берлину доказательство того, что Россія окончательно входитъ въ англійскую комбинацію: англо-франко-русская entente cordiale—фактъ. Убѣдившись въ этомъ, Германія рѣзко мѣняетъ фронтъ: любезности смѣняются угрозами и воинственными рѣчами.

22 мая новаго стиля—coup de théâtre: оглашается султанское ираде, дающее финансовую гарантію новому участку Багдадской ж. д.—deutche Bagdadbahn—главному и самому дорогому участку ея, длиной въ 840 километровъ, который пересѣчетъ туннелемъ Тавръ и достигнетъ до Эвфрата. Германская дипломатія одновременно даетъ понять, что она дастъ свою поддержку только такимъ проэктамъ реформъ въ Македоніи, которые „не наносятъ ущерба верховнымъ правамъ султана и не умаляютъ его престижа въ глазахъ мусульманскаго міра“.

Послѣ Ревельскаго свиданія оффиціозная Süddeutsche Correspondenz заявляетъ: „мы не вѣримъ, чтобы въ Ревелѣ было рѣшено допустить дальнѣйшее развитіе французскаго вліянія въ Марокко въ ущербъ Германіи, парализовать нашу коммерческую и цивилизаторскую дѣятельность на Востокѣ (читай: противопоставить Багдадской ж. д. парализующій ее ж.-д. путь), рѣшить въ будущемъ македонскій вопросъ, не основываясь на соглашеніи великихъ державъ“.

Въ такихъ случахъ оффиціозное „не вѣримъ“ всегда зна-

читъ: „знаемъ и будемъ бороться“ или „вотъ чего мы не допустимъ, и salut à l'entendeur“. Положеніе окончательно выяснилось. Выразившись въ двухъ актахъ—въ соглашеніи по азіатскимъ вопросамъ и въ соглашеніи по дѣламъ Ближняго Востока—англо-русское сближеніе изъ подготовительнаго періода перешло въ дѣйственный. Всѣ дальнѣйшія событія, которыя держатъ вотъ полгода въ такомъ напряженіи всю Европу, въ значительной степени уже опредѣляются этимъ фактомъ.

Громадное по своимъ послѣдствіямъ событіе турецкой революціи, послѣдовавшія за нею провозглашеніе независимости Болгаріи и аннексія Босніи и Герцеговины послужили пробнымъ камнемъ устойчивости и цѣлесообразности нашей новой политики. Нѣтъ никакой нужды останавливаться здѣсь на этихъ злобахъ политическаго дня. Во всякомъ случаѣ тяжелыя пережитыя испытанія только подтверждаютъ естественное совпаденіе общей политики Россіи и Англіи.

Какъ только взаимное недовѣріе, о которомъ, какъ о туманѣ недоразумѣній и старыхъ счетовъ говорилось еще въ 1901 г., разсѣялось, тотчасъ же выяснилось, что интересы Россіи и Англіи могутъ быть согласованы. Выросшее могущество Германіи сдѣлало Drang опасностью и для Англіи.

Наша традиціонная славянская политика можетъ быть всецѣло принята Англіей, разъ мы снимемъ съ нея тотъ налетъ „мѣрки на свой аршинъ“, который давало ей старое славянофильство.

Задача нашей славянской политики—политическое и культурное самоопредѣленіе славянскихъ народностей, ростъ ихъ взаимнаго единенія. Только самодѣятельность славянства можетъ остановить шествіе германизма.

Отношеніе наше къ славянскимъ государствамъ, къ Турціи, къ Австро-Венгріи ясно вытекаютъ отсюда. Лучшимъ средствомъ для осуществленія нашихъ цѣлей является созданіе балканской федераціи. Предпосылкой ея является разрѣшеніе національнаго вопроса въ Турціи путемъ автономнаго устройства народностей. Этимъ предуказывается необходимость поддержки конституціоннаго режима въ имперіи султана. Той же политики въ тѣхъ же цѣляхъ должны мы придерживаться по отношенію къ Австро-Венгріи. Тріализмъ въ имперіи Габсбурговъ—лучшая гарантія осуществленія нашихъ задачъ.

Ясно, что интересы Англіи совпадаютъ съ такой программой русской политики. Новая Турція гарантируетъ возможность реаги-

ровать на Drang *національизаціей* Багдадской ж. д. Балканская федерація отодвигаетъ германизмъ отъ Салоникъ. Тріализація государственнаго строя габсбургской монархіи создастъ внутреннее равновѣсіе нѣмецкихъ, славянскихъ и венгерскихъ интересовъ, и Австрія перестанетъ быть „политической организаціей, преслѣдующей не-австрійскія цѣли".

Въ частности для насъ эти задачи предуказываютъ дома развитіе тѣхъ основъ, на которыхъ должна зиждиться наша европейская политика; неоднократно было указано, что развитіе конституціоннаго строя и разрѣшеніе польскаго вопроса въ либеральномъ духѣ является предпосылкой нашей славянской политики. При бурномъ теченіи международной политической жизни это не академическій вопросъ.

Каждый завтрашній день можетъ потребовать насъ къ отвѣту. И все, что не сдѣлано, все, что недодѣлано, умалитъ нашу силу и отягчитъ наше положеніе. Съ того дня, когда мы съ Дальняго Востока вернулись на Ближній, не замолкая звучитъ и укоръ, и предостереженіе: врачу, исцѣлися самъ! Исцѣлися, пока есть время. Оно не терпитъ.

Отъ нашего внутренняго прогресса зависитъ и успѣшность нашей внѣшней политики, наша роль въ этой международной охранѣ мира, внутренній смыслъ которой—возможность войны. Чѣмъ значительнѣе эта роль, тѣмъ больше получаемыя выгоды. Это ясно, какъ день, и тѣмъ внушительнѣе должно звучать для насъ, что интересы Россіи по существу интересы мира. Неустранимыхъ причинъ соперничества, какъ существующія между Англіей и Германіей, у насъ нѣтъ ни съ кѣмъ.

Эпоха міровой промышленной политики для насъ еще не пришла: это поле для нашей работы еще слишкомъ обширно дома. Именно въ этомъ направленіи соглашеніе съ Англіей даетъ намъ широкое поле дѣйствія. Ибо что сулитъ намъ пораженіе Германіи или пораженіе Англіи? Въ одномъ случаѣ, новый Карѳагенъ, неудержимое при наличномъ состояніи Европы завладѣніе Англіи экономической жизнью европейскихъ народовъ; въ другомъ—новый Римъ, небывалый еще гнетъ германскаго милитаризма. Колоссальность этой опасности для насъ неоспорима.

Стоитъ вспомнить, что послѣ русско-японской войны только выросшее за тридцать лѣтъ англо-германское соперничество перевѣсило англо-русское, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ случаѣ пораженія Германіи мы очутимся въ status quo ante. Въ случаѣ-же по-

раженія Англіи, Drang nach Osten скоро дойдетъ до нашихъ дверей. Все наше вліяніе поэтому должно быть обращено на поддержку Франціи въ ея роли „краеугольнаго камня мира въ Европѣ". Великая всемірная заимодавица, какъ мы уже указывали, болѣе всѣхъ заинтересована въ сохраненіи мира и, можетъ быть, обладаетъ большими, чѣмъ кто-либо средствами реально охранять его. Недавно она стянула къ себѣ колоссальный золотой запасъ, передъ которымъ пресловутый военный фондъ въ Шпандау—ничто, такъ-же, какъ золотые запасы неизмѣримо болѣе Германіи богатой сбереженіями Англіи. Отъ Франціи зависитъ дать золото европейскому обращенію или создать колоссальный отливъ его. Здѣсь, въ этихъ возможностяхъ,— ключи мира и войны. Между тѣмъ, пораженія Англіи или Германіи не менѣе опасны для Франціи, чѣмъ для насъ. Ни новый Карѳагенъ, ни новый Римъ не сулятъ ей ничего хорошаго.

Мы можемъ предполагать, что ей принадлежитъ руководящая въ реальномъ смыслѣ слова роль въ недавнемъ ослабленіи угрозъ миру. И мзда ея уже велика: франко-германское соглашеніе, признавшее за Франціей *политическія* права въ Марокко, а за Германіей лишь экономическія, является оцѣнкой ея значенія въ Европѣ.

Цѣли наши сходятся съ цѣлями нашей союзницы: поэтому двойственный союзъ въ его настоящей оріентировкѣ долженъ опредѣлять нашу политику. Въ англо-франко-русскомъ соглашеніи мы должны видѣть гарантію мира.

IX.

Переходя къ Азіи, мы, прежде всего, останавливаемся передъ громаднымъ явленіемъ: пробужденіемъ всѣхъ ея народовъ къ культурной жизни, къ національному и политическому самоопредѣленію на европейскихъ началахъ. Тамъ начинается тотъ-же процессъ, который вызвала въ Европѣ великая французская революція. До сихъ поръ въ Азіи мы имѣли дѣло только съ догматически неподвижными феодальными аристократіями, теократіями и бюрократіями; теперь на сцену исторіи выходятъ народы. Побѣда европейски культурной, конституціонной Японіи пробудила китайцевъ, индусовъ, персовъ. Великое движеніе великихъ, многими столѣтіями накопленныхъ силъ идетъ на всемъ азіатскомъ материкѣ, одною изъ составныхъ частей котораго является бо́льшая половина Россіи.

Оно тревожитъ смутнымъ безпокойствомъ, похожимъ на предчувствіе, многіе умы въ Европѣ. Мы уже видѣли, что Англія русско-японскимъ, франко-японскимъ и англо-русскимъ соглашеніями стремится создать и единство европейскихъ вліяній, и устранить треніе ихъ съ японскимъ. Мы знаемъ, что въ борьбѣ за Тихій океанъ японско-американское соглашеніе положило начало разграниченію интересовъ. Мы знаемъ, что Англія готовится дать самоуправленіе Индіи.

Азіатскіе народы начинаютъ *значить* въ разсчетахъ международной политики.

Въ этихъ громадныхъ сдвигахъ попытаемся же найти русскій путь.

Попытаемся разобраться въ матеріалѣ, который даютъ намъ персидская революція, китайское, индійское движеніе, отчасти турецкая революція, отчасти движеніе въ Египтѣ. Взглянемъ въ лицо панисламистской и желтой опасностямъ. Но взглянемъ съ сознаніемъ, что и насъ всегда считали русской опасностью, германизмъ—опасностью германской, что два раза въ XIX вѣкѣ Европа кричала о французской опасности, и что англійская опасность не менѣе тревожила умы колоніальныхъ державъ. Не будемъ, наоборотъ, смотрѣть на азіатовъ, какъ на безформенную массу гунновъ, способныхъ оцѣнить только матеріальную силу. И что-же мы увидимъ? Что такое наше знаніе Востока? Скопленіе сказокъ и легендъ. Въ Персіи мы видимъ точное повтореніе знакомаго намъ разложенія феодальнаго строя. Въ Китаѣ мы видимъ національное (анти-манчжурское) возрожденіе даровитой, способной къ высшей культурѣ расы. Китайскій реформаторъ Кангъ-ю-вей пишетъ книгу о „Всемірныхъ Соединенныхъ Штатахъ“! Въ Индіи громадный *арійскій* народъ создалъ уже европейски-культурную интеллигенцію. И, съ другой стороны, мы не видимъ безформеннаго, дикаго движенія несознательныхъ массъ, влекомыхъ одной завоевательной идеей, какъ былыя нашествія на Европу. Мы не видимъ однородной варварской Азіи, движущейся согласнымъ потокомъ на Европу, на „бѣлую“ культуру. Въ персѣ, въ индусѣ мы имѣемъ братьевъ по расѣ. Въ японцѣ и китайцѣ мы должны видѣть братьевъ по человѣчеству. Христіанская формула: всѣ люди—братья—имѣетъ и величайшій историческій смыслъ, и заключаетъ въ себѣ политическую мудрость, болѣе проницательную и болѣе, можетъ быть, реальную, чѣмъ многія аксіомы человѣко-ненавистничества.

И мы полагаемъ, что тѣ ростки ненависти къ европейцамъ, сѣмя которыхъ заронили въ душу азіатскихъ народовъ западные культуртрегеры и наши гг. ташкентцы и манчжурцы, должны быть и могутъ быть вырваны. Въ началѣ XX вѣка мы принуждены были вглядѣться въ этотъ таинственный пробуждающій міръ народовъ и узнали въ немъ знакомыя черты *человѣка*. Отъ такого пониманія, отъ послѣдовательнаго примѣненія его во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ съ азіатскими народами зависитъ судьба Россіи и Европы. Мы должны признать, что проблема единства культуры есть одновременно и проблема нашей политики въ Азіи.

Не хищничество, не насиліе, не попираніе справедливости, не демонстрація права сильнаго, не соблазнъ европейскихъ вожделѣній и раздора должны мы нести въ Азію.

Мы должны идти на Востокъ съ тѣми принципами культуры, которая и сейчасъ уже изъ лучшихъ людей Японіи, Индіи, Персіи и Турціи дѣлаетъ одновременно и націоналистовъ, и людей европейскаго просвѣщенія.

Не гг. ташкентцы и гг. манчжурцы должны представлять насъ въ Азіи. Россія должна вести активную азіатскую политику, но не мечъ, а миръ, не право сильнаго, а право всѣхъ на существованіе, на независимость, на культурныя блага должны быть ultima ratio ея политики. Надо перестать смотрѣть на Азію только какъ на область территоріальнаго расширенія, на Азію только какъ на рынокъ, на Азію только какъ на золотое дно, какъ на мѣсто, гдѣ все „плохо лежитъ“, гдѣ капралъ тотъ, кто первый взялъ палку. И легче всего усвоить себѣ этотъ взглядъ и эту политику намъ.

Нуждаемся-ли мы въ территоріальномъ расширеніи? Ради чего? Или у насъ такой избытокъ населенія, что намъ тѣсно на нашихъ земляхъ, производительности которыхъ культура не можетъ поднять на одинъ уровень съ приростомъ? Нуждаемся-ли мы въ азіатскихъ рынкахъ для сбыта нашихъ товаровъ, производство которыхъ переросло maximum внутренняго потребленія? Ни то, ни другое. Наше дѣло пока еще дома. Это развязываетъ намъ руки на Востокѣ. Мы можемъ быть тамъ безкорыстными. И, если есть своя миссія у народовъ, то намъ она не только ставитъ громадныя задачи, но даетъ при извѣстныхъ условіяхъ внутренняго развитія и возможность осуществлять ихъ безъ ущерба для себя. Ведя въ Азіи культурную политику, мы не жертвуемъ ничѣмъ, а выигрываемъ все. Форпостъ Европы въ Азіи, мы только тогда почувствуемъ

величіе Россіи, когда въ Европѣ мы-же будемъ форпостомъ Азіи, Азіи культурной, европейски, гуманно культурной.

XIX вѣкъ былъ вѣкомъ національностей въ Европѣ, XX— будетъ вѣкомъ національностей въ Азіи. Мы должны идти впереди этого движенія.

И снова: врачу, исцѣлися самъ!... Все—благо народа, миръ, самое существованіе государства зависитъ отъ этого. Но мы еще не стоимъ на этомъ пути. Мы все сбиваемся на старыя, исхоженныя дороги. Во время-ли мы станемъ на настоящій путь? Успѣемъ-ли мы? Ибо время идетъ, все кипитъ въ Азіи, все стремится, бѣжитъ, мчится къ прогрессу, развертывая вѣками накопившіяся силы, неудержимо, бурно, какъ весенній потокъ.

Всякій любящій Россію человѣкъ долженъ помнить, что для Востока русско-японская война оказалась первой весенней грозой, знаменующей пробужденіе творческихъ силъ. Ею-же должна она быть и для насъ.

Такимъ образомъ, интересы культуры, интересы мира всюду, и въ Азіи и въ Европѣ, совпадаютъ съ интересами Россіи. Но и въ Европѣ и въ Азіи интересы эти — осуществленіе нашихъ національныхъ задачъ—неразрывно связаны съ ходомъ нашего внутренняго прогресса. Его остановка, его замедленіе грозятъ намъ всѣмъ, что можетъ быть роковымъ для отсталыхъ народовъ. Безъ прогресса ни ключи мира, ни ключи войны—не въ нашихъ рукахъ. Безъ прогресса національныя задачи наши—болѣзненная, неосуществимая мечта.

Въ этомъ альфа и омега нашего современнаго положенія.

Безъ страха и сомнѣнія можно идти только впередъ.

Л. Гальберштадтъ.

5 марта 1909 года.

Новое славянское движеніе.

1.

Всѣ великія политическія движенія сопровождаются чрезвычайнымъ оживленіемъ національнаго сознанія у народовъ, прямо или косвенно участвующихъ въ этихъ движеніяхъ, заинтересованныхъ въ нихъ.

Эмпирически такое взаимодѣйствіе моментовъ политическаго и національнаго наблюдалось издавна, со времени писанной исторіи человѣчества, но съ особой точностью констатируется оно во всѣхъ европейскихъ политическихъ движеніяхъ, начиная съ великой французской революціи и кончая послѣдней по времени революціей турецкой. Психологически это взаимодѣйствіе должно объяснить тѣмъ, что въ составѣ элементовъ, образующихъ національное сознаніе, элементъ политическій является самымъ недавнимъ, самымъ неустойчивымъ, наиболѣе подверженнымъ измѣненію и притомъ измѣненію въ порядкѣ катаклизма. Всѣ прочіе элементы національнаго сознанія, какъ территорія, происхожденіе, языкъ и его производныя, религія, и т. д.,—конечно, также подвергаются глубокимъ измѣненіямъ и безпрерывной трансформаціи, но всѣ они измѣняются преимущественно въ порядкѣ эволюціи, почему и вліяніе этихъ измѣненій нечувствительно для каждаго даннаго момента, сказываясь въ значительной мѣрѣ лишь на протяженіи долгихъ лѣтъ, иногда поколѣній.

Движеніе человѣческаго совершенствованія безъ сомнѣнія идетъ въ томъ направленіи, чтобы подчинить законамъ эволюціи и элементъ политическій, но къ этому моменту прогресса въ области политики подошли лишь наиболѣе передовыя счастливыя страны; въ родѣ Англіи и нѣкоторыхъ мелкихъ европейскихъ государствъ;

во всѣхъ прочихъ державахъ Европы и другихъ материковъ политическія смѣны обычно производятся въ порядкѣ революціи. И если взять меридіанъ Гринвича за пунктъ отправленія, то окажется, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ яснѣе сказывается дѣйствіе этого наблюденія и останавливается это дѣйствіе, быть можетъ, только у береговъ Сѣверной Америки.

Оживленіе національнаго сознанія, вызванное крушеніемъ стараго и возсозданіемъ новаго политическаго элемента его, сопровождается обычно повышенной дѣятельностью народнаго, общественнаго и индивидуальнаго творчества, что создаетъ соціально-интеллектуальную атмосферу, въ которой легко зарождаются и крѣпнутъ національно-политическія идеи, способныя стать руководящими на долгіе годы государственной и національной жизни.

Примѣры для иллюстраціи указаннаго положенія полными горстями можно черпать изъ исторіи европейскихъ народовъ за истекшее столѣтіе. Великая французская революція повлекла за собою утвержденіе національнаго единства французовъ, разбудила дремавшее національное сознаніе всѣхъ народовъ Европы, отразившись въ далекой Россіи движеніемъ декабристовъ, которое, послѣ того, что мы о немъ теперь знаемъ, было движеніемъ не только политическимъ, но и національнымъ и притомъ въ великорусскомъ значеніи этого слова; длящаяся революція въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ привела къ національному единству итальянцевъ; сорокъ восьмой годъ положилъ начало образованію національной нѣмецкой имперіи, сталъ исходнымъ пунктомъ національнаго возрожденія западнаго славянства.

Наконецъ, событія послѣднихъ лѣтъ положили начало чрезвычайному оживленію національнаго сознанія всѣхъ народностей Россіи, а общая политическая конъюнктура на востокѣ Европы, совершенно исключительная по своей структурѣ, осложненная двумя грозными революціями—русской и турецкой, повлекла за собою появленіе на свѣтъ политическаго сознанія текущаго дня не только ощущеніе своей національности, что возникаетъ сравнительно легко при соотвѣтствующихъ импульсахъ извнѣ, но и то, что обычно лежитъ далеко за предѣлами ощутимаго и сознаваемаго,—а именно чувство племеннаго единства, въ данномъ случаѣ—славянскаго.

Для тѣхъ круговъ и лицъ, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ славянскихъ народовъ, имѣютъ силу, волю и власть воздѣйствовать на это мнѣніе, формировать его, придавать ему тѣ или иныя очертанія, сближать его съ тѣми или иными общечеловѣ-

ческими движеніями, — наступилъ въ наши дни моментъ важности исключительной, отвѣтственности если не за всю исторію народа, даже племени, то во всякомъ случаѣ за періодъ ея, опредѣляемый не однимъ поколѣніемъ. Народныя рѣшенія такого момента, когда въ полнотѣ національнаго сознанія прихотливо и грандіозно переплелись и тѣ элементы, которые обычно живутъ въ полѣ сознанія, и тѣ которые, при нормальныхъ условіяхъ, нечувствительно живутъ и развиваются подъ порогомъ сознанія, и, наконецъ, тѣ изъ нихъ, которые, какъ чувство племени, покоятся на самомъ днѣ народной психологіи, въ глубинѣ, близкой къ инстинкту,—народныя рѣшенія, принятыя въ такой моментъ, какой наступилъ нынѣ для славянскихъ народовъ, обязываютъ къ чрезвычайной внимательности, къ вдохновенному прозрѣнію и холодному разсчету тѣхъ, кто такъ или иначе прикосновененъ къ нимъ, такъ или иначе способенъ къ воздѣйствію на нихъ. Ибо свѣтъ и тѣни этихъ рѣшеній будутъ восприняты не только верхними слоями національнаго сознанія, дѣйствующими явственно и психологически-видимо, а потому сравнительно легко доступными для очищенія, измѣненія и переработки, но и бьющимися подъ порогомъ сознанія темными ирраціональными движеніями народнаго интеллекта и тѣми, которые лежатъ на самомъ днѣ народной души, составляютъ ея психологическую подпочву, и которые поэтому почти недоступны оздоровленію въ обычное спокойное время. Народныя рѣшенія, принятыя въ такой моментъ, становятся достояніемъ народной памяти и способны стать предпосылками стихійныхъ движеній. И горе тому, кто насытитъ эту стихію отравою зла, ненависти и раздора, и горе тому народу, который воспримѣтъ злыя сѣмена въ глубину души своей.

2.

Движеніе къ объединенію, ощущеніе своей общности — явленіе органическое въ семьѣ славянскихъ народовъ. Традиція славянской взаимости зарождается въ глубинѣ исторіи и, получивъ первое крещеніе свое въ благой дѣятельности Кирилла и Мефодія, черезъ чешскихъ гуманистовъ, Юрія Крыжанича, польскихъ хронистовъ и русскихъ лѣтописцевъ пускаетъ корни во всѣхъ славянскихъ странахъ. Исторія каждаго славянскаго народа хранитъ

слѣды этой традиціи, и въ ея созданіи и укрѣпленіи участвуютъ лучшіе люди каждой страны.

Со времени Юрія Крыжанича традиція славянской взаимности пріобрѣтаетъ политическія черты, которыя потомъ на протяженіи двухъ слишкомъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ знаменитаго хорватскаго аббата, то стираются и тускнѣютъ въ моменты національнаго угнетенія, то обрисовываются отчетливо и ярко въ періоды національнаго возрожденія. Политическая исторія славянства, въ грубыхъ чертахъ, складывается съ того времени по такой схемѣ.

Во времена Крыжанича славянскія племена входили въ составъ двухъ славянскихъ государствъ: Польши и Московскаго Царства, и двухъ не славянскихъ: Австріи и Турціи. Славянскія государства боролись между собою изъ-за господства въ восточной Европѣ, причемъ вѣсы этой борьбы, послѣ великой революціи Богдана Хмельницкаго, явно склонились въ пользу Москвы. Австрія и Турція соперничали въ то же время изъ-за обладанія придунайскими славянскими землями, и можно было предвидѣть уже тогда, несмотря на послѣдовавшую вскорѣ знаменитую осаду Вѣны, а можетъ быть именно благодаря ей, превосходство Австріи надъ Турціей. Къ этому времени должно отнести и зарожденіе въ средѣ балканскихъ славянъ того, что можно назвать русской легендой.

Балканскіе славяне, служившіе предметомъ борьбы двухъ чуждыхъ имъ по государственно-правовому, культурному и религіозному укладу государствъ, ощутили естественное тяготѣніе къ мало извѣстному имъ, но близкому по племени и языку, родному по религіи русскому государству, побѣдоносно развивавшему свои силы на востокѣ Европы. Мечты о сѣверномъ славянскомъ братѣ, который не оставитъ въ бѣдѣ, спасетъ отъ турецкой и швабской неволи, стали народнымъ вѣрованіемъ балканскаго славянства, и значеніе этого вѣрованія сказывалось не только въ плоскости мечтаній и смутныхъ идеологическихъ построеній народныхъ, но и въ живомъ, дѣйственномъ вліяніи русской легенды, какъ фактора чисто политическаго, способнаго воздѣйствовать непосредственно на поведеніе балканскихъ народныхъ массъ. Исторія всѣхъ народныхъ возстаній и русско-турецкихъ войнъ на Балканахъ можетъ служить наилучшимъ тому доказательствомъ.

Русская легенда, родившаяся на Балканахъ, перебросилась и въ чисто австрійскія славянскія земли; слѣды ея можно наблю-

дать и въ отношеніяхъ чеховъ къ русскимъ войскамъ во время Наполеоновскихъ войнъ, и еще позднѣе—въ 1849 году, въ средѣ венгерскихъ славянъ во время подавленія венгерской революціи русскими войсками. Отголоски этой легенды слышатся еще и нынѣ, не только въ сужденіяхъ народныхъ массъ, но и нѣкоторой части интеллигенціи. Извѣстенъ афоризмъ австрійскихъ славянъ: Россія полезна намъ уже тѣмъ, что она существуетъ.

Къ XIX вѣку на востокѣ Европы, какъ извѣстно, закончилась борьба двухъ славянскихъ государствъ и установилось единое господство, стоящее и нынѣ, господство Россійской имперіи. На Дунаѣ и Балканахъ процессъ борьбы между Турціей и Австріей продолжался и въ XIX вѣкѣ, но, будучи осложненнымъ вмѣшательствомъ третьей стороны—Россіи, освободившейся къ тому времени отъ польскаго соперничества и покончившей съ внутреннимъ государственнымъ дуализмомъ (Малороссія),—закончился не во всемъ въ пользу Австріи. Австрія значительно продвинулась на югъ, за Дунай, но рядомъ съ нею на балканской территоріи образовалось два новыхъ независимыхъ славянскихъ государства: Сербія и Болгарія, не считая игрушечной Черногоріи,—становящихъ преграду къ нераздѣльному господству Австріи надъ славянствомъ Балканскаго полуострова. Въ наше время разыгривается одинъ изъ послѣднихъ фазисовъ поступательнаго движенія Австріи на югъ: аннексія Босніи и Герцоговины служитъ прелюдіей къ новой, не во всемъ еще опредѣлившейся австрійской игрѣ, въ которой ставкой, правдоподобно, является Сербія, а можетъ быть и Болгарія, т. е. полнота австрійскаго государственнаго господства надъ южными славянами подобно тому, какъ Россія господствуетъ на славянскомъ востокѣ.

Въ XIX вѣкѣ постепенно обрисовывается значеніе Россіи и Австріи, соперничающихъ въ роли собирательницъ славянскихъ земель. Годомъ перелома и всяческихъ показаній, неутратившихъ значеніе и понынѣ, является знаменательный и для всей Европы 1848 годъ. До этого времени Россія, какъ государство, славянскаго значенія котораго не могла ослабить даже вѣковая антинаціональная политика русскаго правительства, имѣла всѣ преимущества передъ Австріей, государственные корни которой родились въ нѣмецкой почвѣ, чуждой и во многомъ прямо враждебной славянству. Австрійскій абсолютизмъ былъ, правда, ничѣмъ не хуже современнаго ему абсолютизма русскаго, но въ глазахъ славянскихъ массъ онъ былъ хуже хотя бы уже тѣмъ, что онъ былъ

нѣмецкимъ. Со стороны славянскаго государства, какой была Россія, казалось невозможной по крайней мѣрѣ одна сторона государственно-правовой жизни, непереносимая въ условіяхъ австрійскаго господства въ славянскихъ земляхъ,—денаціонализація Такой взглядъ на внутреннія славянскія отношенія въ Россіи, далеко не во всемъ оправдываемый фактическимъ положеніемъ вещей тогдашняго времени, тѣмъ не менѣе имѣлъ мѣсто въ сужденіяхъ внѣ-русскаго славянства, и это создавало въ его средѣ благопріятное для Россіи настроеніе и укрѣпляло русскую легенду. Весна народовъ, пронесшаяся грозою надъ континентальной Европой, согрѣвшая тепломъ и оросившая благодатнымъ ливнемъ частично и славянскія страны, чувствительно поколебала устойчивое до того благопріятное положеніе Россіи въ славянствѣ. Австрійская революція открыла передъ славянскими народами чудесную перспективу возможности свободнаго національнаго развитія въ условіяхъ конституціонализма и политическаго демократизма. Въ яркомъ блескѣ этой перспективы поблекъ и затуманился славянскій ореолъ абсолютистской Россіи, русской легендѣ былъ нанесенъ первый, непоправимый ударъ, расшатавшій ее въ подлинной основѣ ея.

31 мая 1848 года въ авангардѣ западнаго славянства въ золотой Прагѣ былъ созванъ памятный въ исторіи славянской взаимности славянскій съѣздъ, явившійся противовѣсомъ франкфуртскому національному парламенту Германскаго Союза. Инціатива этого съѣзда, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ участниковъ его, [1]) принадлежала познанскимъ полякамъ, а осуществленіе— чешскимъ политическимъ дѣятелямъ, но такова была вѣра въ русскую легенду, что современная печать, особенно нѣмецкая, считала этотъ съѣздъ дѣломъ русской политики. Русской тогдашней политикѣ приписывали безсознательно именно то, что она должна была бы сдѣлать, если бы была славянской, но это какъ разъ и невозможно было для тогдашняго русскаго правительства, чувствовавшаго свою солидарность не съ славянами, съѣхавшимися въ Прагѣ, а съ кн. Виндишгрецомъ, бомбардировавшимъ этотъ городъ и разогнавшимъ засѣдавшій въ немъ славянскій съѣздъ. Эта солидарность живо чувствовалась участниками съѣзда, что и проявилось въ инцидентѣ съ сербами, представлявшими въ средѣ австрійскихъ славянъ православную часть славянства. Тогдашняя славянская печать среди прочихъ злобъ дня оживленно дебати-

[1]) Moraczewski. „Opis pierwszego zjazdu słowiańskiego w Pradzie".

ровала вопросъ: на чьей сторонѣ окажутся сербы? На сторонѣ ли „народовъ Европы“, несущихъ знамя политической свободы, или на сторонѣ Россіи, съ которой ихъ сближаетъ историческая традиція и торжество религіознаго начала? Отвѣтъ, который былъ данъ на этотъ вопросъ, звучитъ внушительно и въ наше время. Сербы не могутъ быть на сторонѣ Россіи, ибо симпатіи Россіи направлены на возстановленіе стараго порядка въ Австріи и во всемъ Германскомъ союзѣ; но несомнѣнно: если въ Россіи когда либо будетъ ниспровергнутъ существующій нынѣ (1848 годъ) государственный строй, они объединятся съ русскимъ народомъ въ чувствѣ самой горячей симпатіи [1]). Этого ниспроверженія славянству пришлось ждать почти шестьдесятъ лѣтъ.

3.

Манифестомъ 17 октября 1905 года произведено то ниспроверженіе государственнаго строя, котораго въ 1848 году ждали сербы и на которое не надѣялись тогдашніе австрійскіе славяне. Видѣніе обновляющейся Россіи появилось передъ изумленными глазами славянскихъ народовъ, и это появленіе сильнѣйшимъ образомъ способствовало оживленію чувства славянской взаимности, что и выразилось во всѣхъ извѣстныхъ фактахъ, въ томъ числѣ и въ движеніи такъ называемаго неославизма. Но за это время много утекло въ море воды изъ славянскихъ рѣкъ. Измѣнилась вся политическая конъюнктура на востокѣ Европы и во всемъ мірѣ, измѣнилась внутренняя структура каждаго изъ славянскихъ народовъ, измѣнилось самое содержаніе идеи славянской взаимности.

Прежде всего къ настоящему времени должно констатировать полную обветшалость мощной и сильной въ былое время русской легенды и русскаго престижа въ славянскомъ мірѣ. Два ряда фактовъ способствовали паденію русской легенды и русскаго престижа въ славянскомъ мірѣ. Первымъ и самымъ главнымъ изъ нихъ явился процессъ возрожденія славянскихъ народностей и незыблемаго утвержденія каждой изъ нихъ своего культурно-національнаго „я“. Процессъ этотъ, несмотря на всѣ побѣды реакціонныхъ элементовъ, на всѣ колебанія, отступленія и прямыя аттаки вѣнскаго централизма, оказался возможнымъ, жиз-

[1]) Цитир. по „Slow'y“, 1908 г. № 178.

ненным и приводящимъ къ цѣли въ условіяхъ австрійской государственности для всѣхъ славянскихъ народностей Австріи. Процессъ этотъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ для чеховъ и поляковъ, закончился почти въ совершенномъ видѣ, ибо они сумѣли національзировать всю общественную, соціальную, политическую, частично даже и экономическую жизнь на пространствѣ ихъ этнографическихъ территорій; другіе славянскіе народы Австріи, какъ сербо-хорваты, словенцы, украинцы, переживаютъ различныя стадіи указаннаго процесса, но во всякомъ случаѣ у нихъ нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить въ свое будущее и въ достиженіе своихъ цѣлей, аналогичныхъ достигнутымъ чехами и поляками.

Былая нѣмецкая Австрія къ настоящему времени разнѣмечена во всѣхъ ея ненѣмецкихъ „королевствахъ и земляхъ“, изъ которыхъ каждая живетъ своими національными интересами, своею національною жизнью. О денаціонализаціи ненѣмецкихъ гражданъ Австріи въ быломъ смыслѣ этого слова теперь не можетъ быть и рѣчи. Болѣе того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, сравнительно рѣдкихъ, является возможность говорить о явленіяхъ, прямо противоположнаго порядка. На стражѣ каждой національности въ Австріи стоятъ вооруженные закономъ и конституціонной практикой жизни на мѣстахъ — національный учитель всѣхъ типовъ школъ отъ низшей до высшей, національный чиновникъ всѣхъ ступеней бюрократической лѣстницы, національное городское, земское и общественное самоуправленіе; въ вѣнскомъ парламентѣ — національные народные представители. Самое имя Австріи, какъ символизирующее былой абсолютистскій централизмъ, исчезло изъ австрійскаго офиціальнаго обихода, и офиціально Австрія носитъ характерное, длинное, многоговорящее названіе: „Die vertretenen im Reichsrathe Königreiche und Länder“,—т. е. представленныя въ рейхсратѣ королевства и земли“.

Одновременно съ возрожденіемъ славянскихъ народностей въ Австріи неуклонно шелъ процессъ демократизаціи австрійской государственности, приведшій въ наше время къ палладіуму политическаго демократизма и національнаго равноправія—къ всеобщему избирательному праву. Это послѣднее завоеваніе показало всю силу славянскаго элемента въ Австріи: въ первомъ же вѣнскомъ парламентѣ, избранномъ на основѣ всеобщаго права, несмотря на всю замысловатую и хитросплетенную избирательную географію и арифметику закона объ этомъ правѣ,—оказалось большинство славян-

скихъ депутатовъ (изъ 516 — 259). И въ настоящее время если можно говорить о преобладаніи нѣмцевъ въ Австріи, то рѣчь должна идти о преобладаніи не національномъ, а вопервыхъ, экономическомъ, въ области капитала, производства и рынка, что является частью слѣдствіемъ высшей культуры нѣмецкихъ областей, частью результатомъ былой, по инерціи не закончившейся и нынѣ имперской политики, направляемой въ пользу нѣмецкихъ областей государства; вовторыхъ — о господствѣ въ области внѣшней политики, которая въ Австріи и въ настоящее время ведется нѣмецкими или онѣмеченными государственными людьми, въ нѣмецкихъ цѣляхъ и въ нѣмецкихъ интересахъ. Эти двѣ важнѣйшія въ государственномъ оборотѣ области нѣмецкаго господства къ нашему времени привлекли жгучее вниманіе австрійскихъ славянъ.

Славянскіе успѣхи въ области экономики и внѣшней политики поставили бы крестъ надъ могилою исторической нѣмецкой Австріи и обозначили бы выступленіе новой Австріи—славянской; но на дорогѣ къ этимъ успѣхамъ лежатъ препятствія, трудно устранимыя въ настоящее время. Нѣмецкое господство, особенно въ области внѣшней политики, питается единствомъ интересовъ нѣмецкихъ элементовъ Австріи и единствомъ нѣмецкаго австрійскаго мнѣнія, во-первыхъ; могущественной поддержкой извнѣ, въ видѣ Германіи, вовторыхъ. Между тѣмъ единства славянскаго мнѣнія и единства славянскихъ интересовъ въ Австріи въ настоящее время не существуетъ, и возникновенію ихъ мѣшаетъ національное соперничество, вражда и распри въ семьѣ австрійскихъ славянскихъ народовъ, вражда и распри, тѣмъ большія, чѣмъ ближе эти народы другъ къ другу (поляки и украинцы, сербы и хорваты и др.). Съ другой стороны о поддержкѣ австрійскихъ славянъ извнѣ, отъ того единственнаго государства, которое могло бы и должно было бы быть заинтересованнымъ въ славянизаціи Австріи, —отъ Россіи—до настоящаго времени не могло быть и рѣчи. Къ созданію этихъ двухъ факторовъ, необходимыхъ для славянскихъ успѣховъ въ Австріи: къ организаціи единаго славянскаго мнѣнія и единства славянскихъ интересовъ, къ организаціи русскаго вліянія въ противовѣсъ вліянію Германіи,—и направлены усилія славянскихъ политиковъ Австріи, и стремленіе къ достиженію этихъ цѣлей является тѣмъ реальнымъ содержаніемъ идеи славянской взаимности, которое одушевляетъ нынѣ славянскіе народы не одной только Австріи.

Аналогическій процессъ, хотя и при совершенно иныхъ условіяхъ, пережитъ къ настоящему времени и славянскими народами

на Балканахъ. Освободившіеся при посредствѣ собственныхъ напряженныхъ усилій и помощи извнѣ, главнымъ образомъ со стороны Россіи, сербы и болгары Балканъ безпрепятственно прошли всѣ этапы національнаго возрожденія и утвержденія своего національнаго „я“, причемъ процессъ этого возрожденія происходилъ въ условіяхъ широкаго конституціоннаго демократизма и при наличности рѣдкаго въ славянствѣ, цѣннѣйшаго политическаго блага — государственной независимости. Оборотъ политической конъюнктуры въ наши дни содержитъ въ себѣ зловѣщую угрозу этому послѣднему благу, въ результатѣ чего въ средѣ сербовъ и частью болгаръ,—различіе между ними диктуется степенью угрозы, по адресу тѣхъ и другихъ,—возникло теченіе, параллельное движенію славянской взаимности въ средѣ австрійскихъ славянъ.

Но движеніе національнаго возрожденія не вездѣ шло такъ благопріятно, какъ у австрійскихъ и независимыхъ балканскихъ славянскихъ народовъ. Судьба поляковъ въ Пруссіи, словаковъ, украинцевъ, сербовъ и хорватовъ въ Венгріи, болгаръ и сербовъ въ Македоніи требуютъ живого участія и напряженія славянскихъ силъ, направленныхъ на поддержку указанныхъ вѣтвей славянства. Того же участія и того же напряженія требуетъ и судьба крупнѣйшихъ славянскихъ племенъ въ Россіи, и въ этомъ послѣднемъ требованіи заключается второй рядъ фактовъ, способствовавшихъ крушенію русской легенды и русскаго престижа въ славянскомъ мірѣ.

4.

Русская легенда постепенно дряхлѣла и отмирала въ средѣ западнаго и южнаго славянства вмѣстѣ съ ростомъ ихъ культурнаго уровня, политическаго сознанія и національнаго утвержденія, и къ нашему времени неясные отголоски былой мощи этой легенды слышатся еще развѣ только въ глухихъ, подавляемыхъ, нетронутыхъ европейской культурой славянскихъ мѣстностяхъ, въ родѣ сѣверо-восточныхъ комитетовъ Венгріи, свѣже-аннектированныхъ провинцій Австріи, округовъ Македоніи.

Но увяданію русскаго престижа, паденію русской легенды въ славянствѣ въ значительной, мѣрѣ способствовала и русская національная внѣшняя и внутренняя политика, острые углы которой весьма часто обращались прежде всего противъ славян-

скихъ народовъ. Внутри имперіи содержаніе этой легенды раскрывалось въ видѣ самаго примитивнаго централизма и столь же примитивной денаціонализаціи, жертвами которой въ первую очередь являлись родственные славянскіе народы, вошедшіе въ составъ Россійскаго государства; во-внѣ—русская легенда обращалась либо съ поэтической формулой славянскихъ ручьевъ и русскаго моря, либо съ практическимъ вожделѣніемъ созданія Софійской, Бѣлградской, Львовской, Краковской, Пражской, Люблинской и иныхъ губерній. И въ то время, какъвъ западномъ и южномъ славянствѣ идея славянской взаимности была достояніемъ живыхъ общественныхъ силъ и потому мужала и крѣпла вмѣстѣ съ ростомъ національнаго возрожденія и демократизаціи общественнаго и государственнаго уклада; въ то время, какъ тамъ радостно привѣтствовали появленіе изъ мрака денаціонализаціи каждаго новаго члена славянской семьи, ибо каждое такое появленіе усиливало разнообразіе славянскихъ красокъ, оживляло и укрѣпляло весь славянскій организмъ,—въ Россіи движеніе идеи славянской взаимности шло въ противоположномъ направленіи.

Живые ростки этой идеи, давшіе такой чудесный цвѣтокъ, какимъ было политически—конституціонное и демократическое, государственно—федеративное „Украйнословенское общество св. Кирилла и Меѳодія“, были растоптаны и смяты правительствомъ Николая I еще до перваго славянскаго съѣзда въ Прагѣ; элементы великорусскаго славянофильства, враждебные политическимъ тенденціямъ украинцевъ и по существу своему близкіе и родные былой самодержавной государственности, но исходившіе не отъ правительства, а отъ общества, были тѣмъ не менѣе тогда же и тѣми же лицами объявлены неблагонамѣренными и антигосударственными. Разославъ украинскихъ славянофиловъ по тюрьмамъ и ссылкамъ и подчинивъ великорусскихъ славянофиловъ контролю шефа жандармовъ, который долженъ былъ „отстранять всѣ мечты и идеи словенофиловъ“, правительство, однако, чувствовало нѣкую живую силу въ идеѣ славянской взаимности и тогда же сдѣлало попытку использовать ее въ своихъ цѣляхъ. Министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ изданъ циркуляръ, разосланный всѣмъ университетамъ и излагавшій „значеніе народнаго начала въ видахъ правительства, для конфиденціальнаго сообщенія преподавателямъ, цензорамъ и нѣкоторымъ изъ членовъ ученыхъ обществъ“. Циркуляръ раздѣлялъ „въ вопросѣ о словенствѣ въ отношеніи къ намъ (къ тогдашней Россіи) двѣ стороны“; одну, „которую злонамѣрен-

ные могутъ употреблять на возбужденіе умовъ, и распространеніе опасной пропаганды, преступной и возмутительной; и другую, которая „содержитъ святыню нашихъ вѣрованій, нашей самобытности, нашего народнаго духа, въ предѣлахъ законнаго развитія имѣющую неоспоримое право на попеченіе правительства“ *). Циркуляромъ этимъ, изданнымъ не только для свѣдѣнія, но ставшимъ прямой инструкціей, исполнявшейся точно и неукоснительно, была начертана судьба движенія идеи славянской взаимности въ Россіи.

Судьба эта разрѣшилась въ двухъ направленіяхъ, соотвѣтственно „двумъ сторонамъ“ славянофильства, установленнымъ въ циркулярѣ. Одно изъ этихъ направленій—украинское, родившееся вмѣстѣ съ національнымъ возрожденіемъ украинской народности, несмотря на всѣ послѣдствующія правительственныя „отстраненія“, среди которыхъ былъ и неслыханный по жестокости законъ 1876 года объ употребленіи въ литературѣ украинскаго языка, тѣмъ не менѣе черезъ Шевченка, Кулиша, Костомарова, впослѣдствіи—Драгоманова, вошло въ живой оборотъ украинскаго національнаго сознанія, стало составною частью сложной идеологіи современнаго украинскаго движенія. Другое направленіе, великорусское, родившееся также въ моментъ подъема національнаго великорусскаго чувства въ началѣ XIX вѣка, весьма скоро смѣшало грани славянскихъ ручьевъ и (велико)русскаго моря, отождествило начало славянское съ началомъ великорусскимъ, и пройдя недолгій и необременительный стажъ „неблагонамѣренности“ и „отстраненія“, получило „право на попеченіе правительства“. Путь къ этому попеченію отыскался въ очень скоромъ времени. 1848 годъ и движеніе въ средѣ славянскихъ народностей Австріи взволновали тогдашнихъ славянофиловъ, числившихся еще въ разрядѣ неблагонамѣренныхъ. Хомяковъ набросалъ проектъ посланія къ сербамъ, которымъ онъ давалъ совѣтъ не увлекаться „опьяненіемъ свободы“; Тютчевъ составилъ для государя мемуаръ, въ которомъ говорилось о походѣ противъ венгровъ въ защиту австрійскихъ славянъ. „Могутъ ли словенскія племена быть покинуты единственной властью, которую они призываютъ въ своихъ молитвахъ“,—взывалъ онъ къ Николаю I. Какъ отвѣтили сербы на недошедшее до нихъ посланіе Хомякова, указано выше; извѣстно также всѣмъ, какъ отвѣтилъ на моленія Тютчева Николай I. Сближеніе великорусскихъ славянофиловъ съ правительствомъ, намѣтившееся такимъ обра-

*) См.: П. Н. Милюковъ. „Славянофильство“. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 59 стр. 310—311.

зомъ съ достаточной ясностью, состоялось значительно позже, оказавшись гибельнымъ для живыхъ ростковъ славянской взаимности, зародыши которыхъ носила въ себѣ начальная стадія великорусскаго славянофильства. Поставивъ во главу угла своей идеологіи „превосходство великорусскаго начала“ передъ иными славянскими началами, усиливъ затѣмъ значеніе этого превосходства „нѣкоторой подозрительностью“ къ инымъ началамъ, особенно къ „хохлацкому“ и „ляхитскому“, великорусское славянофильство отъ Хомякова и Аксакова, черезъ Григорьева, Данилевскаго и Леонтьева, подошло вплотную къ Побѣдоносцеву и слилось съ нимъ въ единствѣ политическаго и національнаго мнѣнія и дѣйствія. Афоризмы Леонтьева: „Пора учиться дѣлать реакцію. Безъ насилія нельзя. Надо подморозить Россію, чтобы она не жила“,—реализованные съ такой силой въ русской политической и національной жизни вліяніемъ Побѣдоносцева, явились заключительными аккордами идеологіи великорусскаго славянофильства. Афоризмы эти были эхомъ свершившагося окончательнаго разрыва стараго великорусскаго славянофильства съ живою общественной мыслью, съ народомъ.

Но въ великорусскомъ обществѣ и въ самомъ народѣ окончательно никогда не изсякало живое чувство славянской взаимности, изсякшее у лицъ и круговъ, присвоившихъ себѣ монополію его выраженія. Чувство это пробивалось наружу иногда въ бурной и страстной формѣ, всякій разъ, когда даны были соотвѣтствующіе импульсы извнѣ. Съ неизмѣнной симпатіей и живымъ сочувствіемъ слѣдило всегда это общество за фазами національной борьбы балканскихъ славянъ, что особенно сказалось во время босно-герцоговинскаго возстанія въ 1876 г. и послѣдовавшей затѣмъ войны сербской и русской. Живой потокъ славянскаго чувства, поднявшійся съ самыхъ низовъ народной жизни, свѣжъ еще въ памяти тѣхъ современниковъ, которые слѣдили за нимъ, будучи взрослыми людьми, ярко сохранился въ памяти и тѣхъ, кто наблюдалъ этотъ потокъ дѣтскими глазами. Слѣдить съ той же симпатіей и съ съ тѣмъ же сочувствіемъ за возрожденіемъ западнаго славянства, широкимъ кругамъ помѣшало, быть можетъ, только полное незнакомство съ съ этимъ возрожденіемъ, каковое незнакомство явилось результатомъ сложнаго, по планомѣрнаго комплекса школьныхъ и литературный воздѣйствій имперскаго правительства, имѣющихъ прототипомъ указанный выше циркуляръ. Не смотря на это, однако, въ великорусскомъ обществѣ, кромѣ вспыхивающаго по временамъ непосредственнаго славянскаго чувства, сохранились и умственные очаги,

въ которыхъ бережно хранился огонь идеи славянской взаимности мудро сочетавшійся съ благороднымъ великорусскимъ національнымъ чувствомъ и національнымъ патріотизмомъ. Но очаги эти (Пыпинъ, Вл. Соловьевъ и др.) теплились и рождали свѣтъ, главобразомъ благодаря непрекращающейся въ Россіи никогда тягѣ съ запада. Значеніе этихъ очаговъ съ особою силою сказалось въ дни недавняго новаго подъема славянскаго чувства.

Такова была судьба великорусскаго славянства и связанной съ нимъ идеи славянской взаимности. Къ моменту перелома государственно-правового уклада Россійской имперіи идея эта была изъята изъ живого, творческаго оборота общественной, политической и національной жизни. Ставъ достояніемъ и монополіей реакціонныхъ правительственныхъ круговъ и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые впослѣдствіи получили названіе черной сотни, идея эта оказалась загнанной въ тиски оффиціальной регламентаціи, и движеніе ея ограничено тремя знаменитыми координатами, состоявшими изъ оффиціальной религіи—православія, изъ оффиціальнаго государственно-правового уклада—былого самодержавія и оффиціальной, единственно признававшейся въ Россіи, великорусской народности. Вмѣсто того, чтобы, какъ на западѣ и югѣ славянства, нести съ собою жизнь, развитіе и возрожденіе, идея славянской взаимности въ Россіи вступила въ кругъ насилія, репрессій и денаціонализаціи. Понятая на западѣ, какъ разнообразіе и свободно-согласованное дѣйствіе, идея эта была понята въ Россіи, какъ механическое единство и механическое повиновеніе. Отсюда два плода, родившіяся на деревѣ славянской взаимности: федеративный австрославизмъ и централистическій великоруссо-славизмъ; первый совпадаетъ съ моментомъ борьбы противъ нѣмецкаго централизма Австріи, второй—съ руководящимъ принципомъ былой имперской національной политики Россіи.

Полярность цѣлей этихъ двухъ теченій въ славянствѣ была отмѣчена, какъ указано выше, еще на первомъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, но съ особой яркостью она была подчеркнута почти двадцать лѣтъ спустя на второмъ славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, созванномъ на этотъ разъ представителями русскаго оффиціальнаго славянофильства. Съѣздъ этотъ былъ использованъ ими для торжественныхъ похоронъ одного изъ крупнѣйшихъ славянскихъ вопросовъ—польскаго. Западные славяне, присутствовавшіе на съѣздѣ, во главѣ съ Палацкимъ, и Ригеромъ, не оставили безъ протеста возможность такихъ похоронъ, но впечатлѣніе

отъ нихъ было таково, что представители западнаго пониманія идеи славянской взаимности рискнули заговорить снова въ Россіи объ этой идеѣ лишь въ наши дни, когда передъ страною стоитъ неотвратимая перспектива возможнаго конституціоннаго, а слѣдовательно, и національнаго, развитія всѣхъ ея славянскихъ и неславянскихъ народовъ.

5.

Новое славянское движеніе, генетически связанное съ реализаціей всеобщаго избирательнаго права въ Австріи и съ появленіемъ въ русской политической жизни гос. думы, получило свое начало въ общественныхъ кругахъ Чехіи, этой современной лабораторіи славянской взаимности и славянскаго чувства. Три года назадъ одинъ изъ чешскихъ журналовъ устроилъ анкету на тему: „Возможна ли объединенная славянская акція въ Австріи?“ Благопріятные результаты этой анкеты побудили ея иниціаторовъ къ дальнѣйшимъ шагамъ. Въ 1907 г. они предложили Чешскому Національному Совѣту, состоявшему изъ представителей всѣхъ чешскихъ національныхъ партій, учредить особую комиссію, въ задачу которой входили бы заботы объ устройствѣ славянскаго съѣзда. Комиссія была учреждена, и первымъ ея шагомъ явилось обращеніе ко всѣмъ славянскимъ народамъ Австріи и Венгріи съ тою же анкетой, которая до того ограничивалась предѣлами Чехіи. Результатомъ этой болѣе обширной анкеты было рѣшеніе славянскаго парламентскаго клуба въ Вѣнѣ снарядить делегацію въ Петербургъ и Варшаву для выясненія вопроса уже не о съѣздѣ австро-венгерскихъ славянъ, а о съѣздѣ всеславянскомъ съ участіемъ представителей всѣхъ славянскихъ народовъ.

Годъ тому назадъ делегація эта съ Крамаржемъ во главѣ появилась въ Петербургѣ съ лозунгомъ неославизма. Формула новаго славянскаго движенія была коротка, но выразительна. Австрійскіе славяне пріѣхали предложить русскимъ славянамъ взаимное единеніе на основѣ братства, равенства и свободы всѣхъ славянскихъ народовъ. Развитіе этой формулы должно было идти въ трехъ направленіяхъ: культурномъ, экономическомъ и политическомъ,—сообразно тому новому содержанію идеи славянской взаимности, которое выросло и окрѣпло у славянскихъ народовъ Австріи за послѣднее полустолѣтіе. Культурнымъ выраженіемъ формулы неославизма

должно было явиться взаимное единеніе и взаимная поддержка славянскихъ — науки, литературы, искусства и просвѣтительной дѣятельности; экономическимъ—освобожденіе славянскихъ капитала и труда отъ внѣшней зависимости, объединеніе и противоставленіе ихъ таковымъ нѣмецкимъ, для которыхъ славянскія территоріи являются нынѣ Hinterland'омъ; наконецъ, политическимъ выраженіемъ неославизма должно было явиться превращеніе Россіи и Австріи въ славянскія государства, объединенная внѣшняя и внутренняя политика которыхъ должна быть направленной на поддержку, развитіе и ростъ славянскихъ народовъ. Достиженіе поставленныхъ цѣлей предполагалось не путемъ вражды и насильственныхъ переворотовъ, а при помощи исключительно культурныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи всѣхъ гражданъ конституціонныхъ и цивилизованныхъ государствъ, а именно: поднятіемъ культурнаго и экономическаго уровня всѣхъ славянскихъ народовъ, оживленіемъ и оздоровленіемъ ихъ національнаго сознанія, образованіемъ на всемъ пространствѣ славянской территоріи мощной сѣти культурныхъ и экономическихъ учрежденій и союзовъ, крѣпкихъ единствомъ организаціи, средствъ, цѣлей и интересовъ. Не забыты были и не-славяне, вкрапленные въ современное этнографическое тѣло славянства: въ соотвѣтствіи съ господствующими нынѣ въ современномъ славянствѣ принципами политическаго демократизма, имъ обезпечивались—равенство и свобода безъ какихъ бы то ни было оговорокъ національнаго характера.

Съ своею формулой славянскіе делегаты Австріи обратились не къ лицамъ, стоящимъ у кормила имперской власти, а непосредственно къ обществу, исходя изъ справедливой мысли, что роль правительствъ въ подобномъ дѣлѣ можетъ быть лишь посредствующей, что дѣйственной, созидающей силой въ такого рода начинаніяхъ обладаютъ лишь общества и народы. Но формула эта, выработанная въ современной Австріи, гдѣ признаніе національнаго равноправія каждой отдѣльной народности,—каковы бы ни были въ ней фактическія междунаціональныя отношенія,—является основнымъ и неоспариваемымъ фактомъ государственно-правового уклада, при раскрытіи ея въ Россіи натолкнулась на преграды, которыя дѣлали невозможнымъ самое начало движенія идей новаго славизма. Преградами этими были факты не только политическаго, но и національнаго угнетенія славянскимъ правительствомъ славянскихъ же народностей не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ. Устраненіе явленій этого порядка встало передъ иниціаторами новаго славянскаго дви-

женія, какъ conditio sine qua non, какъ неотложная задача времени. И для того, чтобы устранить наиболѣе острую, наиболѣе видимую и очевидную для всѣхъ, хотя далеко не единственную несомнѣнную преграду, идеологи неославизма обратились къ русскому и польскому обществу съ призывомъ мира, сближенія и объединенія. Призывъ этотъ упалъ на подготовленную почву и повлекъ за собою рядъ общественныхъ манифестацій въ пользу русско-польскаго единенія какъ со стороны русскихъ, такъ и поляковъ. Призывъ этотъ затушевалъ на время необходимость другихъ аналогичныхъ воззваній и далъ новому славянскому движенію сразу же густые ряды сторонниковъ у поляковъ изъ представителей всѣхъ общественныхъ и политическихъ группъ, кромѣ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, у русскихъ—изъ партій: народной свободы, мирнаго обновленія, 17 октября, и частью, умѣренно-правыхъ.

Дальнѣйшее движеніе неославизма шло широкой экстенсивной волной, подъемъ которой закончился на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ іюнѣ прошлаго года. Съѣздъ этотъ былъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ, ибо онъ обнаружилъ и многое изъ того, что есть положительнаго въ междуславянскихъ отношеніяхъ, и почти все отрицательное въ нихъ. Status quo славянства сказался на немъ прежде всего въ представительствѣ. Самое крупное представительство въ немъ дали чехи, поляки и русскіе (великороссы).

Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что первое мѣсто на съѣздѣ принадлежало чехамъ. Чешская жизнь вообще вся, сверху до низу, пронизана національной и славянской идеей. Идея эта вошла въ плоть и кровь чешскаго народа, всю свою исторію подвергавшагося самымъ жестокимъ ударамъ со стороны своихъ сосѣдей-нѣмцевъ, и потому всѣ стороны чешскаго возрожденія—культурная, политическая, даже экономическая связаны органически съ идеей національной. Славянская мысль хранится у чеховъ въ особой чистотѣ еще и потому, что у чеховъ, если не считать извѣстныхъ лингвистическихъ пререканій со словаками и мелкихъ національныхъ счетовъ съ поляками въ игрушечномъ герцогствѣ Тѣшинскомъ, нѣтъ національныхъ споровъ и распрей съ славянами. Какъ народъ, чехи не знаютъ ни въ прошломъ ни въ настоящемъ вражды ни къ одному изъ славянскихъ народовъ; съ другой стороны, своимъ національнымъ возрожденіемъ они не обязаны ничьей помощи, въ томъ числѣ и славянской. Это обстоятельство ставитъ чеховъ въ особое положеніе въ славянствѣ: они—вѣрные рыцари идеи славянской взаимности и въ то же время вѣрные слуги ея; имъ, главнымъ обра-

зомъ, эта идея обязана тѣмъ, что ея пониманіе къ нашему времени украшено безупречными цвѣтами политическаго демократизма и драгоцѣнными навыками національнаго федерализма. У чеховъ взлелѣяна мысль о славянскомъ съѣздѣ, и чехи явились его вдохновителями.

На призывъ неославизма въ Чехіи откликнулся въ буквальномъ смыслѣ слова весь народъ. Даже чешская рабочая соціалъ-демократическая партія не осталась въ сторонѣ отъ движенія неославизма; не принявъ активнаго участія въ самомъ съѣздѣ, лидеры чешской соціалъ-демократіи отъ имени партіи печатно заявили о своей симпатіи къ съѣзду и къ его цѣлямъ. Чехамъ съѣздъ обязанъ не только всей своей идейной постановкой, которая дана была уже чехами же на первомъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 году, но и тѣмъ рѣшительнымъ новшествомъ, которое нынѣшній съѣздъ внесъ въ технику славянской взаимности. Новшествомъ этимъ являются разнообразныя дѣловыя постановленія съѣзда, начиная отъ вопроса о славянскомъ банкѣ, телеграфномъ бюро, періодическомъ изданіи, выставкѣ и др. и кончая взаимной посылкой крестьянъ въ славянскія страны для практическаго ознакомленія съ жизнью и съ различными методами обработки земли. Посылки эти, кстати сказать, практикуются уже въ средѣ австрійскихъ славянъ, причемъ посылаютъ, главнымъ образомъ, въ Чехію. Въ новшествѣ этомъ сказалось мастерская рука чеховъ, этихъ прилежныхъ и даровитыхъ въ славянствѣ учениковъ европеизма, не даромъ прошедшихъ суровую нѣмецкую школу. На полувѣковомъ блестящемъ опытѣ своего національнаго возрожденія они убѣдились въ томъ, что, съ одной стороны, нѣтъ и не можетъ быть никакого широкаго общественнаго движенія, если оно не опирается на прочную базу общечеловѣческихъ принциповъ и идей; и что, съ другой стороны, всѣ идеальные моменты обладаютъ способностью хирѣть, блекнуть и расплываться, если они не находятъ себѣ поддержки въ практическихъ начинаніяхъ. Опытъ всѣхъ европейскихъ національныхъ, культурныхъ и политическихъ движеній говоритъ о томъ, что нѣжную душу—идею необходимо облечь суровымъ тѣломъ — практическимъ начинаніемъ, — и чехи сдѣлали все возможное для того, чтобы влить этотъ опытъ въ технику славянской взаимности.

Иное положеніе занимали въ славянствѣ поляки. Для польскаго общества славянская тяга не новое явленіе; въ исторіи польскаго развитія она наблюдалась неизмѣнно, но ея направленіе также неизмѣнно опредѣлялось славянскимъ западомъ. На славянскомъ

востокѣ поляки вели историческую тяжбу, не во всемъ закончившуюся еще и къ нашему времени, но приведшую ихъ къ положенію проигравшей стороны. Отсюда особыя черты въ исторіи польскаго славянофильства, склонявшія его къ славянской взаимности—безъ великороссовъ, подобно тому какъ старое великорусское славянофильство склонно было къ исключенію поляковъ изъ семьи славянскихъ народовъ. Для поляковъ присоединеніе къ движенію неославизма было не столько вопросомъ славянскаго чувства, которое у нихъ не угасало никогда, сколько вопросомъ политики и политической тактики. Для этого присоединенія съ польской стороны необходимъ былъ прежде всего отказъ, отказъ не только за страхъ, но и за совѣсть, отъ историческихъ традицій, склонявшихъ неизмѣнно польское политическое движеніе въ сторону государственной самобытности, на дорогѣ къ которому несокрушимымъ препятствіемъ стояло славянское государство. Отказъ этотъ въ польскомъ обществѣ подготовлялся давно и къ нашему времени явился для поляковъ историческою необходимостью, продиктованной всей совокупностью условій, при наличности которой протекаетъ жизнь польскаго народа; нужны были лишь реактивы для проявленія его, нужны были понудительныя причины извнѣ, чтобы фиксировать его, и такой причиной явились излишества прусской національной политики въ Познани, такимъ реактивомъ сталъ лозунгъ неославизма, дававшій полякамъ увѣренность въ отсутствіи посягательствъ на ихъ національное дѣло въ Россіи.

Вслѣдъ за этимъ отказомъ долженъ былъ послѣдовать и другой тактическій отказъ—отъ непримиримости и изолированности. Понятно поэтому то впечатлѣніе, которое вызвано было заявленіемъ вождя крупнѣйшей въ Царствѣ Польскомъ національно-демократической партіи, въ которомъ онъ „безъ оговорокъ“ присоединился къ неославизму. Это присоединеніе вызвало вздохъ облегченія въ славянствѣ, въ польскомъ же обществѣ родило жуткую надежду, вылившуюся въ извѣстномъ афоризмѣ: „Либо Варшава поставитъ Дмовскому памятникъ, либо его карьера закончилась“. Впечатлѣніе, вызванное присоединеніемъ поляковъ къ неославизму въ естественномъ своемъ результатѣ дало то, что вопросъ о польско-русскомъ сближеніи легъ въ основу всѣхъ принципіальныхъ рѣшеній съѣзда. Съѣздовая польская делегація состояла изъ представителей всѣхъ польскихъ партій, кромѣ слѣва — части радикаловъ и соціалистовъ, оставшихся въ сторонѣ отъ движенія, и справа—незначительныхъ группъ непримиримыхъ, органомъ которыхъ явилось „Votum Se-

paratum". Чешскій публицистъ Adolf Cerny не безъ остроумія замѣтилъ по этому поводу, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не непримиримые, а присоединившіеся должны были бы остаться при „Votum Separatum" (особое мнѣніе).

Русскіе на пражскомъ съѣздѣ были представлены великороссами; другія русскія племена не были представлены на немъ: бѣлоруссы не были на съѣздѣ, потому что, къ стыду съѣзда, о нихъ, по-просту говоря, забыли; украинцы по причинамъ, о которыхъ ниже. Составъ русской делегаціи разочаровалъ западное славянство. Ожидали, что она будетъ представлена болѣе полно, говоря политически, и болѣе прогрессивно, говоря о партійной принадлежности ея членовъ. Это разочарованіе имѣло фактическія основанія. На совѣщаніяхъ въ Петербургѣ предполагалось, что въ составъ делегаціи войдутъ: значительное лѣвое крыло изъ видныхъ членовъ партіи народной свободы и примыкающихъ къ ней, центральное ядро изъ октябристовъ и небольшое правое крыло изъ умѣренно-правыхъ. На дѣлѣ, въ делегаціи оказалось сильное правое крыло, а изъ лѣваго крыла не поѣхали на съѣздъ также политическіе дѣятели, извѣстные не только въ славянствѣ, но и въ Европѣ, какъ М. М. Ковалевскій, П. Н. Милюковъ, Ф. И. Родичевъ и др., имена которыхъ придали бы русской делегаціи не только блескъ, но и способствовали бы утвержденію ея общественнаго авторитета. Не выслало также своего представителя на съѣздъ прогрессивное Московское общество славянской культуры, что и было отмѣчено въ славянской печати. Но разочарованіе это не подошло, однако, къ гранямъ пессимизма, что явилось заслугою самой делегаціи, поведеніе которой,—говоримъ о публичныхъ ея выступленіяхъ, – было соотвѣтственнымъ и мѣсту и моменту. Центръ и правое крыло делегаціи, нитями генезиса и сегодняшнихъ симпатій связанные со старымъ славянофильствомъ, имѣли мужество на съѣздѣ признать свои традиціи устарѣвшими, отодвинуться вглубь съѣздовой сцены, выдвинувъ впередъ „представителей обновленной Россіи", которые, во главѣ съ Н. Н. Львовымъ, В. А. Маклаковымъ и А. А. Стаховичемъ, съ честью выполнили на съѣздѣ это представительство. Фактомъ этого устраненія тѣхъ, которые сами себя назвали „людьми изжитыхъ традицій" было положено начало тому, что потомъ рѣзко подчеркивалось всѣми ораторами съѣзда: торжественнымъ похоронамъ стараго славянофильства и стараго панславизма. Эти похороны были кардинальнымъ моментомъ всѣхъ идейныхъ выступленій, и будь что

будь, навсегда останутся заслугой съѣзда наравнѣ съ утвержденіемъ вопроса о польско-русскомъ сближеніи.

Значительнымъ моментомъ отмѣчено на съѣздѣ выступленіе юго-славянскаго представительства. У южныхъ славянъ: сербохорватовъ, словенцевъ, болгаръ,—съѣздъ не вызвалъ ни той бури сужденій и сталкивающихся мнѣній, какъ у поляковъ, ни широкаго сочувствія, какъ у чеховъ; на съѣздѣ они были представлены не многочисленно и не полно, но впервые на этомъ съѣздѣ эти народы объединились въ одну делегацію, манифестируя этимъ общность интересовъ южнаго славянства. Такое единеніе юго-славянъ было, правда, подготовлено рядомъ предшествующихъ политическихъ и культурныхъ фактовъ, явилось результатомъ ряда движеній въ южномъ славянствѣ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, но то, что для этой манифестаціи единенія избранъ былъ именно съѣздъ, придало этому единенію особый блескъ и особую цѣнность.

Интересно отмѣтить также и тѣхъ славянъ, которые на съѣздѣ отсутствовали. Какъ указано выше, на съѣздѣ вовсе отсутствовали представители двухъ русскихъ племенъ: украинцы и бѣлоруссы. Не представлены были также и словаки, которые не явились на съѣздъ, опасаясь могущихъ послѣдовать репрессій со стороны венгерскихъ властей; этимъ же объясняется вообще полное отсутствіе на съѣздѣ представительства отъ всѣхъ славянскихъ отрѣзковъ, живущихъ въ предѣлахъ собственной Венгріи. По аналогичнымъ причинамъ не явились на съѣздѣ и поляки изъ польскихъ областей Пруссіи. Всѣ другіе славянскіе народы были представлены на съѣздѣ, но политическая полнота ихъ представительства была несовершенна, причемъ, какъ общее правило, не исключая и Чехіи, наиболѣе слабо были представлены болѣе лѣвыя крылья политическихъ теченій въ славянствѣ, и чѣмъ лѣвѣе были эти крылья, тѣмъ слабѣе было ихъ представительство, вплоть до полнаго отсутствія на съѣздъ соціалъ-демократіи славянскихъ народовъ. Этотъ составъ представительства придалъ всему съѣзду излишне однородный характеръ и лишилъ его живой игры политическихъ оттѣнковъ, придавъ нѣкоторую напряженную неподвижность его идейнымъ деклараціямъ.

Было бы неправильнымъ, однако, исходя изъ этого обстоятельства, прійти къ выводу, что оживленіе славянскаго чувства наблюдалось лишь въ области срединныхъ и консервативныхъ политическихъ теченій въ славянствѣ. Оживленіе это коснулось широ-

кихъ массъ и отразилось въ широкихъ демократическихъ кругахъ, и особенно цѣннымъ при этомъ является то, что этимъ оживленіемъ были охвачены круги славянской молодежи. Описанному выше съѣзду предшествовалъ импровизированный съѣздъ славянскаго прогрессивнаго студенчества, созванный въ той же Прагѣ, на которомъ царило самое непринужденное славянское одушевленіе и такое же одушевленіе демократическое. На этомъ съѣздѣ всѣ „проклятые вопросы“ славянства были поставлены открыто, безъ оговорокъ и безъ той разсчитанности и осторожности, которая наблюдалось на съѣздѣ неославистовъ, и рѣшены они были такъ же открыто и ясно, какъ и были поставлены. Равенство, братство и свобода легли въ основу этихъ рѣшеній, и славянская молодежь явила славянскому міру чистый образецъ вдохновенія идеей славянской взаимности, сочетавшеюся свѣтло и неразрывно съ вдохновенными общечеловѣческими принципами. Подобнымъ же воодушевленіемъ проникнуты были и послѣдующіе съѣзды славянскихъ журналистовъ и славянскихъ учителей,—дѣятелей, въ рукахъ которыхъ находится и славянское воспитаніе и славянское общественное мнѣніе, т. е. все духовное настоящее и будущее славянскихъ народовъ.

Съѣздами этими отмѣчена кульминаціонная высота славянской волны, послѣ чего начинается ея паденіе, продолжающееся и нынѣ. Начало этого паденія обозначилось съ точностью уже на самомъ пражскомъ съѣздѣ. Первыми in corpore отпали отъ новаго славизма украинцы, какъ австрійскіе такъ и русскіе, и сдѣлали это не потому, что не сочувствовали новому пониманію идеи славянской взаимности. Современное украинство живо чувствуетъ свою связь съ славянскимъ міромъ, чтитъ и помнитъ своихъ борцовъ за идею славянской взаимности, которые, первые въ славянствѣ, утвердили эту идею на общечеловѣческомъ фундаментѣ равенства, братства и свободы; и отъ участія въ славянскомъ съѣздѣ украинцы отказались именно потому, что имъ должно было охранять эту свою славянскую традицію, завѣщанную имъ дѣятелями приснопамятнаго „Украйнословенскаго“ общества св. Кирилла и Меѳодія. Случилось это потому, что въ составѣ руководителей съѣзда находились люди, которые, вопреки основному принципу неославизма, не признавали за украинцами права на національное самоопредѣленіе. Это обстоятельство, созданное еще въ Петербургѣ дѣйствіями части русскаго представительства на съѣздѣ и не вызвавшее отчетливаго протеста другой его части и всего съѣзда, сразу же поколебало все зданіе неославизма,

вырывая изъ трехъ основаній его формулы одно изъ самыхъ главныхъ—равенство. Испытанные въ буряхъ тактики чехи умѣлыми дѣйствіями отвели этотъ ударъ отъ съѣзда, но впечатлѣніе отъ заявленія украинцевъ, аргументировавшихъ формально свой отказъ, оказалось столь сильнымъ, что дальнѣйшее движеніе неославизма было поставлено въ неразрывную связь не только съ разрѣшеніемъ польско-русскихъ отношеній, но и съ разрѣшеніемъ украинскаго вопроса въ его постановкѣ въ Австріи и въ Россіи.

Вторыми стали отпадать отъ неославизма поляки Царства Польскаго, на живомъ національномъ тѣлѣ которыхъ славянскій ген.-губернаторъ къ моменту подъема славянскаго чувства особенно тщательно иллюстрировалъ отсутствіе въ Россіи сразу всѣхъ трехъ основаній неославистской формулы: свободы, равенства и братства. Тому же способствовала и вся политическая конъюнктура въ Россіи вообще, въ частности въ гос. думѣ, которая принесла полякамъ, двинувшимся въ направленіи сближенія съ русской государственностью, лишь горькіе плоды разочарованій и тяжелое чувство національныхъ обидъ.

И наконецъ, послѣднимъ ударомъ, подкосившимъ неославизмъ и остановившимъ, повидимому, надолго, поступательное его движеніе, была аннексія Босніи и Герцеговины и послѣдовавшія вслѣдъ за нею событія на Балканахъ. Событія эти въ живой и наглядной формѣ проявили неизжитое соперничество Австріи и Россіи за гегемонію въ славянскомъ мірѣ—соперничество, въ которомъ, какъ оказалось, дѣятельно участвуютъ не только правительства этихъ двухъ государствъ, пока еще одинаково мало славянскихъ въ реальной политикѣ своей, но и народы этихъ государствъ, въ томъ числѣ и славянскіе.

Прекрасныя надежды, рѣявшія надъ движеніемъ неославизма и, казалось, готовыя облечься въ плоть и кровь, суровой и грубой рукою текущей дѣйствительности отброшены въ туманную перспективу отдаленнаго будущаго; кладка фундамента реальнаго зданія славянской взаимности пріостановилась, движеніе замерло и распылилось, но оживленіе славянскаго чувства, испытанное всѣми народами славянскаго міра, отъ Петербурга до Софіи и отъ Кіева до Праги, не прошло безрезультатно для славянства. Движеніе концентраціи въ средѣ австрійскихъ славянъ, совпавшее съ этимъ оживленіемъ, продолжается и нынѣ съ прежней силой, получивъ свѣжій стимулъ въ блеснувшей перспективѣ, вызванной творческимъ раскрытіемъ принциповъ новаго славизма. Событія

на Балканахъ въ связи съ новой идеей славянской взаимности вызвали у сербовъ и болгаръ потребность къ пересмотру своихъ междуславянскихъ отношеній и необходимость новой оріентировки между двумя государствами, соперничающими въ славянствѣ, поставивъ на очередь вопросъ о балканской федераціи и о томъ, чьими руками она будетъ создана: австрійскими, русскими или славянскими. Передъ Россіей новое славянское движеніе поставило рядъ очередныхъ проблемъ внутренней и внѣшней имперской политики, связанныхъ между собою органическимъ единствомъ заданія, требующихъ отъ народовъ Россіи высокаго напряженія доброй воли, высокихъ жертвъ и высокаго политическаго творчества. Это должны помнить всѣ, кому дорого не только настоящее нашей родины, но и ея будущее.

6.

Какъ мы уже видѣли, нѣмецкая печать 1848 года считала первый славянскій съѣздъ въ Прагѣ дѣломъ русской политики; то же повторилось и въ 1908 году: второй пражскій съѣздъ нѣмцы объявили дѣломъ русскаго правительства. Извѣстный германскій политическій дѣятель проф. Шиманъ въ „Neue Freie Presse“, а за нимъ и почти вся нѣмецкая печать, въ подъемѣ идеи славянской взаимности усматривалъ не проявленіе народныхъ славянскихъ чувствъ, не результатъ общественнаго пониманія славянской идеи, а одинъ изъ моментовъ широкаго плана внѣшней политики Россіи, обновляющейся послѣ японской войны, какъ обновлялась въ свое время Пруссія послѣ Іены. Движеніе славянской взаимности проф. Шиманъ ставилъ въ связь съ ревельскимъ свиданіемъ и послѣдовавшимъ за нимъ англо-русскимъ entente cordiale, съ одной стороны, и франко-русскимъ союзомъ, съ другой. Цѣлью этого плана по мнѣнію германскаго политика, было изолировать Германію и окружить ее стальнымъ кольцомъ союзныхъ народовъ: съ сѣвера—англійскій флотъ, съ запада и востока—французская и русская сухопутныя арміи, съ юга—славянская Австрія, вышедшая изъ состава тройственнаго союза.

Событія, послѣдовавшія за пражскимъ съѣздомъ, и дальнѣйшее поведеніе русскаго правительства разсѣяли германскую подозрительность относительно широкихъ плановъ Россіи: у правительственной Россіи, какъ мы знаемъ, этихъ плановъ не было. Второй

разъ въ исторіи славянства нѣмецкая подозрительность указывала настоящіе пути русской внѣшней политики, и оба раза русское правительство оказалось въ сторонѣ отъ этихъ путей. Нельзя, однако, сказать того же о тѣхъ общественныхъ и политическихъ кругахъ, которые были одушевлены движеніемъ неославизма: чуткая подозрительность враждебнаго славянскому возрожденію германскаго имперіалиста дала ему подлинную политическую прозорливость. Не имѣя подъ руками ни одного политическаго факта, путемъ чистаго умозаключенія нѣмецкій профессоръ точно и ясно намѣтилъ ту линію поведенія обновляющейся Россіи во внѣшней политикѣ въ связи съ ея возможною и должною позиціей въ славянскомъ вопросѣ, которую упорно, но, повидимому, тщетно въ продолженіе всего истекшаго года русскіе общественные круги пытались указать русскому правительству. Движеніе неославизма, перебросившись въ область внѣшней политики, дѣйствительно, способно остановить побѣдоносное экономическое и политическое шествіе германскаго имперіализма на славянскомъ востокѣ и югѣ, и первымъ прочнымъ загражденіемъ, препятствующимъ этому шествію, должно было бы быть осуществленіе того широкаго плана, о которомъ говорилъ проф. Шиманъ. Значеніе этого плана, какъ кажется, въ послѣднее время сознается даже и правительственной Россіей, по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая касается отношеній франко-русскихъ и русско-англійскихъ; но славянская сторона его еще ждетъ своего признанія.

Несомнѣнно, однако, что будущее всецѣло на сторонѣ указанныхъ славянскихъ перспективъ внѣшней политики Россіи, ибо эти перспективы диктуются всѣмъ содержаніемъ политическихъ интересовъ Европы, являются прямымъ велѣніемъ времени. Все историческое прошлое Россіи, ея территоріальное распредѣленіе, ея экономическія, политическія и культурныя выгоды, наконецъ, самый составъ ея населенія,—диктуютъ ей ту политику, которая уже получила названіе славянской. Славянамъ, въ томъ числѣ и былымъ врагамъ Россіи—полякамъ, нужна Россія—великодержавная, сильная, способная тяжело положить свою мощь на міровые вѣсы внѣшней политики. Россіи нужны политически, культурно и экономически сильные славяне, совмѣстно съ которыми она могла бы образовать въ Европѣ, а потому и во всемъ мірѣ, нѣчто единое, согласованное, одушевленное одной общей идеей мирнаго развитія и движенія по пути общечеловѣческаго прогресса. Для достиженія этого единства славянъ нѣтъ нужды ни воскрешать ста-

рые фантомы одряхлѣвшаго панславизма, ни мечтать о сдвиженіи государственныхъ границъ, о перекроенной картѣ восточной и южной Европы. Объединеніе славянскихъ народовъ въ одномъ государствѣ—мечта неподвижныхъ, архаическихъ умовъ, неспособныхъ ни оцѣнить современныхъ политическихъ теченій въ славянствѣ, ни войти въ сужденія о цѣнности творческой силы живого, свободнаго разнообразія въ жизни народовъ вообще. Достиженіе славянскаго единенія, даже политическаго, возможно путемъ мирнымъ, безъ нарушенія государственныхъ границъ, безъ грозы и ужасовъ военныхъ столкновеній, безъ шовинизма и ненавистничества по чьему бы то ни было адресу, ибо реализація идеи славянской взаимности въ ея новомъ пониманіи не заключаетъ въ себѣ угрозъ по адресу другихъ народовъ, а обозначаетъ лишь утвержденіе славянскихъ народовъ въ семьѣ другихъ народовъ на равныхъ съ ними экономическихъ, культурныхъ и политическихъ правахъ. Въ этомъ только смыслѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности и можно говорить о наступившей чредѣ выступленія славянскихъ народовъ на арену міровой исторіи. Черезъ національное къ общечеловѣческому—таковъ старый, испытанный лозунгъ, поднятый нынѣ всѣми славянскими народами.

Но на пути къ достиженію славянскаго единенія прежде всего стоятъ недостигнутыя еще частныя цѣли сближенія и концентраціи во всѣхъ трехъ главнѣйшихъ скопленіяхъ славянства. Движеніе концентраціи австрійскихъ славянъ не вышло еще изъ предѣловъ учета интересовъ и возникающихъ отсюда треній на торную дорогу консолидированныхъ дѣйствій, хотя очертанія этой дороги уже виднѣются въ настоящее время. У балканскихъ славянъ, какъ сказано было выше, движеніе концентраціи находится еще въ первоначальной стадіи оріентировки.

Въ совершенно особомъ положеніи находится вопросъ о концентраціи славянъ, объединенныхъ государственностью Россійской имперіи. Въ то время, какъ движеніе сллвянской концентраціи въ Австріи характеризуется моментомъ борьбы съ нѣмецкимъ меньшинствомъ изъ-за остатковъ былого нѣмецкаго централизма,—въ Россіи движеніе славянской концентраціи своимъ отправнымъ пунктомъ должно имѣть борьбу за примитивы національныхъ правъ, въ которыхъ отказано всѣмъ славянскимъ и неславянскихъ народамъ практикой ея имперской національной политики. Возможное движеніе концентраціи славянскихъ народовъ Россіи, такимъ образомъ, не только не дошло еще до первоначальной

стадіи своей, но не вышло еще даже изъ момента естественной подготовки, характеризующейся необходимостью утвержденія самой идеи ея на широкомъ фундаментѣ демократическихъ принциповъ, общихъ нынѣ всему цивилизованному человѣчеству. Отсюда кругъ національныхъ задачъ, примыкающихъ къ примитивамъ государственнаго строительства, давно пройденнымъ всѣми западными европейскими народами, въ томъ числѣ и славянскими.

И первой такой задачей имперскаго строительства является незыблемое утвержденіе политическаго и всякаго иного равноправія всѣхъ населяющихъ Россію многочисленныхъ національностей, безъ какого бы то ни было изъятія хотя бы одной изъ нихъ. Значеніе національной проблемы далеко не ясно для широкихъ политическихъ круговъ современной Россіи, точнѣе, для круговъ главенствующей въ ней славянской народности—великорусской, и неясность эта распространяется отнюдь не исключительно на правыя крылья этихъ круговъ. Сплошь и рядомъ въ прогрессивныхъ кругахъ приходится слышать мнѣніе,—а для нѣкоторыхъ партійныхъ отвѣтвленій это является и принципіальнымъ тактическимъ соображеніемъ,—что вопросы національнаго равноправія стоятъ во второй очереди, что на первомъ планѣ должны стоять общіе вопросы политической свободы. Такая постановка вопроса является несомнѣннымъ признакомъ неотчетливой теоретической политической мысли и отсутствіемъ практической политической мудрости. Въ понятіе политической свободы національное равноправіе входитъ составною частью, и уже потому та часть этой свободы, которая имѣется на лицо въ данной странѣ, въ данной государственности, должна быть единая и равная для всѣхъ народовъ этой страны, иначе самый вопросъ о политической свободѣ перестаетъ быть общимъ. Лишь равное пользованіе благами государственности даетъ жизненную общность и органическое единство разноплеменнымъ государствамъ. Разграниченіе же гражданъ государства по степенямъ, соотвѣтственно національнымъ и инымъ признакамъ, ведетъ къ отмиранію чувства государственной общности и государственнаго единства, способствуя тѣмъ самымъ возникновенію и развитію политическаго сепаратизма; въ области моральной такое разграниченіе ведетъ къ нравственному разложенію, къ пониженію чувства человѣческаго достоинства прежде всего и больше всего у подавляющихъ. Намъ, пережившимъ событія послѣднихъ лѣтъ въ Россіи, незачѣмъ за доказательствами въ пользу этихъ положеній углубляться во мглу вѣковъ или приводить ихъ изъ исторіи чужихъ

странъ и народовъ: вспомнимъ моральную физіономію союза русскаго народа и близкихъ ему организацій, вспомнимъ также и то, что до революціи въ программахъ почти всѣхъ національныхъ организацій недержавныхъ народностей Россіи неизмѣннымъ являлся пунктъ ея о политической независимости, и что блеснувшая перспектива національнаго равноправія однимъ своимъ появленіемъ вычеркнула, какъ излишній, этотъ зловѣщій для имперскаго единства пунктъ изъ всѣхъ безъ исключенія національныхъ программъ.

Національное равноправіе всѣхъ безъ исключенія народностей имперіи—это тотъ базисъ, безъ утвержденія котораго немыслимо никакое движеніе идеи славянской взаимности на русской почвѣ, ибо иначе эта идея обречена на органическое недоброжелательство всѣхъ неславянскихъ и не-русскихъ народностей имперіи и на такое же недоброжелательство широкихъ демократическихъ круговъ русской интеллигенціи, воспитанной въ чистыхъ завѣтахъ человѣческаго равенства, братства и свободы. Къ такому пониманію условій развитія славянской взаимности въ наше время, правда, колеблющимся и невѣрнымъ шагомъ, подходятъ уже даже нѣкоторые изъ правыхъ политическихъ дѣятелей, примкнувшихъ къ неославизму и познакомившихся нѣсколько съ практикой славянской взаимности на славянскомъ западѣ. Намеки на это слышались, напр., въ извѣстной думской рѣчи гр. Бобринскаго, въ которой этотъ правый депутатъ металъ громы и молніи противъ „мадъярской“ политики русскаго правительства въ національныхъ вопросахъ. Можно съ отчетливостью прослѣдить генезисъ этихъ громовъ: въ нихъ сказалось первое воспитательное значеніе лозунга неославизма, говорящаго о равенствѣ, братствѣ и свободѣ, который въ существѣ своемъ обязываетъ провозглашающихъ его.

Второй очередной задачей, вступающей уже въ кругъ славянскихъ задачъ, является въ въ Россіи урегулированіе взаимныхъ отношеній трехъ русскихъ племенъ: великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго. Правильное разрѣшеніе этого чисто русскаго вопроса дастъ такую органическую устойчивость единству имперіи и ея великодержавному значенію, передъ которымъ безсильны будутъ самыя тяжкія внѣшнія и внутреннія потрясенія; неправильное — способно въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ доставить самыя горькія испытанія. Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса въ настоящее время существуютъ самыя благопріятныя показанія. Три русскихъ племени, живущихъ почти всею своею массою въ Россіи

(исключеніе составляютъ лишь галицкіе, буковинскіе и венгерскіе украинцы, въ общей массѣ всего четыре слишкомъ милліона), представляютъ изъ себя, при общности происхожденія, три своеобразныхъ національныхъ индивидуальности, не склонныхъ къ ассимиляціи и смѣшенію. Одному изъ нихъ—великорусскому племени—исторія поручила роль собирателя русскихъ земель въ одно государственное цѣлое, два другія вошли въ составъ имперіи, созданной его національными усиліями, воспринявъ государственное начало, въ генезисѣ своемъ и процессѣ созданія—великорусское. Такимъ образомъ, къ общности происхожденія въ національномъ сознаніи присоединилась еще общность государственнаго момента, крѣпко спаявшая всѣ три русскихъ племени въ единое имперское цѣлое. Но будучи единымъ цѣлымъ въ государственномъ смыслѣ этого слова, русскія племена въ культурно-національномъ отношеніи были и остались отдѣльными другъ отъ друга разными народностями, ярко выраженными народными индивидуальностями. Имперская національная практика, смѣшавъ и подмѣнивъ единство государственное единствомъ національнымъ, замѣнила реальное понятіе о трехъ русскихъ народностяхъ фактическимъ понятіемъ единаго русскаго народа, вложивъ въ понятіе — русскій—значеніе—великорусскій *).

Въ результатѣ аппаратъ репрессій и государственныхъ воздѣйствій, направленныхъ къ денаціонализаціи двухъ русскихъ народностей: украинской и бѣлорусской, къ обрусѣнію ихъ. Аппаратъ репрессій оказалъ свое дѣйствіе: украинская народность за послѣдніе сто лѣтъ лишилась всѣхъ своихъ высшихъ классовъ и городского населенія, денаціонализировавшихся частью безъ остатка, частью пополнившихъ собою значительные въ Россіи ряды людей съ двойнымъ національнымъ сознаніемъ; бѣлорусская народность, слабая культурными классами, принизилась и національно обѣднѣла. Но значительныя народныя массы денаціонализировать безъ остатка оказалось невозможнымъ. Старая національная культура украинскаго племени, сохранившаяся главнымъ образомъ въ крестьянскихъ низахъ, съ честью выдержала вѣковое испытаніе; въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній они выдвигала одного за другимъ борцовъ за національное дѣло, создала значительную національную литературу, выдвинула новые кадры интеллигенціи, родила обществен-

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ: „Имперское единство и національный вопросъ“ въ сборникѣ „Зарницы“, № I.

ные, политическіе и національные лозунги. Возрожденіе украинства къ настоящему времени является совершившимся фактомъ, съ которымъ должно считаться всѣмъ, кто имѣетъ политическія уши, чтобы слышать, политическія очи, чтобы видѣть. Въ иной стадіи находится бѣлорусское возрожденіе, но и тамъ къ нашему времени имѣются налицо начатки литературнаго и національнаго движенія, заслушить которое въ распоряженіи современнаго государства нѣтъ никакихъ средствъ. Такимъ образомъ, ключъ къ правильному рѣшенію русскаго вопроса лежитъ въ той же плоскости, въ какой находится и ключъ къ разрѣшенію національныхъ вопросовъ вообще: въ признаніи права каждой народности на ея національное самоопредѣленіе. Политическая мудрость не знаетъ иныхъ рѣшеній, иныхъ выходовъ изъ тягостныхъ національныхъ конфликтовъ. Примѣненіе же этого рѣшенія къ русскому вопросу явило бы міру чудесный образецъ трехъ родственныхъ племенъ, единыхъ и вмѣстѣ отдѣльныхъ, спаянныхъ общностью государственно-правового уклада и вмѣстѣ съ тѣмъ украшенныхъ всѣми цвѣтами національнаго разнообразія. Къ сожалѣнію, сознаніе великорусскихъ общественныхъ круговъ, а тѣмъ болѣе правительственныхъ, далеко отъ такого пониманія русскаго вопроса.

Третьей задачей, безъ рѣшенія которой Россія не можетъ вступить въ кругъ славянской взаимности, является польско-русская распря. Содержаніе этой распри, явившейся результатомъ былого соперничества Москвы и Варшавы на славянскомъ востокѣ, безспорно уже изжито къ нашему времени безъ остатка. Выше было указано, что польское общество въ массѣ своей отказалось отъ этой распри и двинулось по пути сближенія, указанному новымъ славянскимъ движеніемъ. Великорусское общество давно уже знакомо съ этимъ путемъ, съ которымъ его ознакомили лучшіе его представители, начиная съ Герцена и ранѣе. Памятный всѣми московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей точно очертилъ вѣхи этого пути, обозначивъ его популярными въ польскомъ народѣ автономными знаками. Но современное польское общество склонно, правдоподобно, пойти и другимъ, болѣе узкимъ путемъ, удовольствовавшись лишь уравненіемъ своихъ правъ съ правами всѣхъ полноправныхъ гражданъ Россійской имперіи. Ясное пониманіе необходимости разрѣшить польскій вопросъ въ указанномъ смыслѣ на нашихъ глазахъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе широкія завоеванія, распространяя свое благотворное дѣйствіе и въ кругахъ весьма умѣренныхъ въ политическомъ

отношеніи, каковыми являются представители партіи 17 октября и примыкающіе къ нимъ представители различныхъ политическихъ организацій. О представителяхъ болѣе лѣвыхъ политическихъ теченій говорить не приходится: для пониманія польскаго вопроса имъ не нужно было даже оживленія славянскаго чувства, оказавшаго свое воспитательное воздѣйствіе на ихъ правыхъ сосѣдей по политической работѣ. Препятствіемъ къ рѣшенію польскаго вопроса служитъ главнымъ образомъ враждебное къ полякамъ отношеніе лишь правительственныхъ круговъ, но такое отношеніе, въ условіяхъ россійской дѣйствительности, будучи весьма чреватымъ по своимъ послѣдствіямъ, тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ явленіямъ преходящаго характера.

Рѣшеніе круга указанныхъ задачъ является тѣмъ предварительнымъ условіемъ, безъ котораго немыслимо вступленіе Россіи, какъ государства, ни на путь славянской взаимности, ни на дорогу государственнаго и великодержавнаго совершенствованія. Излишне добавлять, что и культурное и экономическое совершенствованіе требуетъ исполненія указаннаго предварительнаго условія. Анализъ новаго содержанія идеи славянской взаимности еще разъ подтверждаетъ старую истину, что „нѣтъ двухъ путей добра и зла“, что движеніе совершенствованія національнаго, государственнаго и всякаго иного опредѣляется тѣми тремя координатами, которыя выработаны на зарѣ европейскаго возрожденія и поступательнаго движенія демократическихъ идей, и которыя обозначаются въ словахъ: равенство, братство, свобода. Новое славянское движеніе сдѣлало эти слова своимъ лозунгомъ и тѣмъ самымъ пріобщилось къ движенію всего человѣчества. Въ этомъ заключается залогъ его успѣха въ грядущемъ, какія бы испытанія ни выпали ему въ настоящемъ.

* * *

Статья эта была уже закончена, когда въ русской повременной печати начались дебаты по вопросу, который не обсуждался сколько-нибудь всесторонне уже много лѣтъ, кажется, со времени покойнаго Владиміра Соловьева. Русская печать заговорила о великорусскомъ національнизмѣ, о возрожденіи великорусской народности, и первыми сказали свое слово органы прогрессивно-демократическаго направленія. Дебаты эти не вошли еще въ стадію окончательныхъ формулировокъ, но генезисъ и направленіе ихъ уже и теперь можно намѣтить довольно отчетливо.

Постановку этого вопроса на очередь дня давно уже можно было предвидѣть. Великорусской народности, какъ таковой, уже въ силу ея державнаго значенія въ государствѣ, не грозитъ ниоткуда никакая опасность, и это одно опредѣляетъ невозможность для прогрессивныхъ и демократическихъ круговъ этой народности проникнуться національнымъ одушевленіемъ, направленнымъ на охраненіе особенностей культуры, быта, цѣнностей литературнаго и художественнаго порядка. Этимъ цѣнностямъ и особенностямъ ничто не угрожаетъ извнѣ, охранять ихъ не отъ кого, и такая охрана свелась бы къ консервированію, что, конечно, органически не можетъ стать задачей прогрессивныхъ и демократическихъ общественныхъ элементовъ. Свое національное одушевленіе круги эти естественно направили въ ту сторону, гдѣ требуется творчество и движеніе,—въ сторону государственнаго возрожденія и государственнаго строительства, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и положенію въ имперіи великорусской національности, какъ народности державной.

Цѣлый рядъ всѣмъ извѣстныхъ причинъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, способствовалъ оживленію національнаго сознанія прогрессивно-демократическихъ круговъ великорусскаго общества и направленія его въ указанную выше сторону. Это были, съ одной стороны, внѣшнія государственныя униженія, начиная съ японской войны и кончая аннексіей Босніи и Герцоговины; съ другой—непрекращающаяся внутренняя національная обида, вызываемая мрачнымъ торжествомъ антинаціональныхъ реакціонныхъ элементовъ, въ лицѣ разнаго сорта черносотенныхъ организацій, губящихъ дѣло національнаго и государственнаго возрожденія, опозорившихъ, по горькому выраженію В. С. Голубева, самое имя—русскій (истинно-русскіе). Появилось ощущеніе оскорбленнаго національнаго чувства, появилось требованіе отвязать національную и государственную идею отъ позорной колесницы союза русскаго народа, покрыть ея убогую и жестокую нищету достойнымъ одѣяніемъ изъ современныхъ принциповъ; встала необходимость приняться за работу по очисткѣ національнаго сознанія и государственнаго дѣла отъ тѣхъ грубыхъ наростовъ и уродствъ, которыми они обросли въ исторіи. И чуткіе представители прогрессивно-демократическихъ группъ великорусскаго общества кликнули громкій кличъ съ призывомъ на защиту этого дѣла, съ призывомъ къ работѣ по оздоровленію запущеннаго содержанія національнаго сознанія и къ творческому сознанію новыхъ формъ государственности.

Въ исторіи великорусскаго общества оживленіе его національнаго сознанія обычно совпадало съ подъемомъ чувства славянской взаимности. И на этотъ разъ можно было бы шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ наростало это оживленіе парллельно съ ростомъ новаго славянскаго движенія и послѣдовавшими затѣмъ событіями на славянскомъ югѣ. Признаніе Россіей аннексіи Босніи и Герцеговины и зловѣщій поворотъ конъюнктуры по адресу Сербіи дали послѣдній формирующій толчокъ оживленному національному сознанію великорусскаго общества. Здѣсь невольно простится на бумагу показательная историческая параллель.—22 іюня 1878 года, когда стало выясняться антинаціональное поведеніе русской дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ, повлекшее за собою на долгіе годы паденіе престижа Россіи въ славянствѣ, И. С. Аксаковъ въ московскомъ „Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ“ произнесъ „Надгробное слово“, какъ онъ назвалъ свою рѣчь, въ которой были слѣдующія слова:

„Ужели хоть долю правды должны мы признать во всѣхъ этихъ корреспонденціяхъ и телеграммахъ, которыя ежедневно, ежечасно, на всѣхъ мѣстахъ, во всѣ концы свѣта разносятъ теперь изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ и, передаваясь въ вѣдѣніе всего народа, ни разу не опровергнутыя русскою властью, то жгутъ его стыдомъ и жалятъ совѣсть, то давятъ недоумѣніемъ“? *)

Правительство отвѣтило на рѣчь И. С. Аксакова закрытіемъ общества и высылкой оратора въ деревню. Голосъ благороднаго отпрыска стараго славянофильства замеръ безъ отвѣта въ пустынѣ тогдашней общественности и не былъ подхваченъ широкими кругами населенія. Нынѣ подобное настроеніе входитъ въ жизнь иными, не старо-славянофильскими, а прогрессивно-демократическими дверьми. Чѣмъ отвѣтитъ на него новая жизнь?

Спб. 15 марта 1909 г.

М. Славинскій.

*) *А. А. Корниловъ.* **Общественное движеніе при Александрѣ II. Москва** 1909 г. стр. 240.

ОГЛАВЛЕНІЕ СБОРНИКА № 2.

I.

	стр.
„Памяти К. М. Панкѣева“. О. Пергамента	I
„К. М. Панкѣевъ“. Біографическій очеркъ. В. Личкова.	IX
„Жены“. Пьеса. Четыре дѣйствія. Д. Айзмана	1
„Пламенный кругъ“. А. Горнфельда	53
„Клавдія Гюнихъ“. Разсказъ В. Тана	89
„Въ плѣну у буржуазіи“. (Изъ литературныхъ раскопокъ). Вл. Кранихфельда	114
„Леонтій“. В. Муйжеля	145
„Замѣтки о творчествѣ Леонида Андреева“. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго	197
„Въ Крыму“ (Меджидъ). Отрывокъ А. Куприна	215
Стихотворенія: К. Диксона, А. Колтоновскаго, М. Морозова, А. Рославлева и Д. Цензора	225

II.

„Общество, реакція и народъ“. Н. Гредескула	1
„Тяжкій законъ“. А. Шингарева	36
„Запросы жизни и отвѣты права“. О. Пергамента . . .	68
„Союзъ Освобожденія“. Кн. Дм. Шаховского	81
„Первый женскій съѣздъ“. А. Тырковой	172
„Россія и міровая политика“. (1878—1908). Л. Гальберштадта	210
„Новое славянское движеніе“. М. Славинскаго	248

ЗАРНИЦЫ.

Сборникъ № 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

Свадьба. Разсказъ А. Куприна.
Весною, изъ тюремныхъ преданій. А. Яблоновскаго.
Тетя Ларя. Разсказъ В. Башкина.
Амнистія. Разсказъ В. Тана.
Стихотворенія Н. Морозова.
„ И. Бунина.
„ А. Рославлева.
„ Д. Цензора.
Горизонты будущаго и грани прошлаго. Д. Овсянико-Куликовскаго.
Замѣтки о современной литературѣ. А. Горнфельда.
Въ ожиданіи церковнаго собора. А. Карташева.
Третья дума. И. Петрункевича.
Дни испытаній. Ф. Кокошкина.
Мѣстное самоуправленіе. Н. Щепкина.
Нужды деревни и государственная дума. Кн. Д. Шаховского.
Еврейскій вопросъ и обновленіе Россіи. О. Пергамента.
Имперское единство и національный вопросъ. М. Славинскаго.
Не на своей точкѣ. А. Петрищева.

Цѣна **1** р. **50** к.

Складъ изданія Т-во „Міръ". Невскій, 104.

НОВАЯ КНИГА

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЙ И ФИЛОСОФСКІЙ СБОРНИКЪ

НА РУБЕЖѢ.

Цѣна **1** р. **50** к.

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. Мартовъ—Религія и марксизмъ. **А. Деборинъ**—Діалектическій матеріализмъ. **Ф. Данъ**—Герои ликвидаціи. **П. Масловъ**—Эволюція народнической мысли. **Кольцовъ**—Неославянство въ Россіи. **Мартыновъ**—Л. Толстой и его творчество. **В. Львовъ**—М. Горькій. **М. Невѣдомскій**—Пѣсни безвременья („Мои записки", „Дни нашей жизни" и „Черныя маски" Л. Андреева). **Л. Ортодоксъ**—Два теченія. **А. Потресовъ**—Лейтмотивы современнаго хаоса.

При выпискѣ **непосредственно** изъ склада **С.-Петербургъ, Невскій пр., 104, Т-во „Міръ"** пересылка **безплатно.**